

АНДРЕЙ НОРКИН

ОТ НТВ

ДО НТВ

18+

МОЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА
ТАЙНЫЕ СМЫСЛЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Тайные смыслы телевидения

Андрей Норкин

**От НТВ до НТВ. Тайные
смыслы телевидения. Моя
информационная война**

«ЭКСМО»

2016

УДК 070
ББК 76.032

Норкин А. В.

От НТВ до НТВ. Тайные смыслы телевидения. Моя информационная война / А. В. Норкин — «Эксмо», 2016 — (Тайные смыслы телевидения)

ISBN 978-5-699-90791-5

Новая книга журналиста Андрея Норкина – хроника драматического информационного противостояния, развернувшегося на телевизионных экранах, газетных страницах, в радиоэфире и интернет-пространстве нашей страны. Что стояло за громкими лозунгами о борьбе за свободу слова в начале двухтысячных? Какими принципами руководствовались владельцы и руководители либеральных СМИ? Почему прежние властители дум потеряли уважение собственной аудитории? И могут ли журналисты претендовать на право представлять истину в последней инстанции? Все события, описанные в книге, реальны. Раскол коллектива НТВ, создание телекомпании RTVi, скандал вокруг телеканала «Дождь» и небывалый подъем патриотизма в стране – это лишь малая часть тем, которые описывает автор, сообщая подробности, неизвестные массовому читателю. Нет ни одного вымышленного персонажа и среди действующих лиц. Это Борис Березовский и Алексей Венедиктов, Владимир Гусинский и Олег Добродеев, Евгений Киселев и Альфред Кох, Михаил Лесин и Игорь Малашенко, Борис Немцов, Леонид Парфенов, Светлана Сорокина, Виктор Шендерович и многие другие российские журналисты, политики и чиновники, ставшие участниками непридуманной истории информационной войны, свидетелем которой довелось стать автору книги.

УДК 070
ББК 76.032

ISBN 978-5-699-90791-5

© Норкин А. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	8
Часть 1. Президент работает с документами	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Лирическое отступление: Виктор Анатольевич Шендерович	26
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	39
Часть 2. Взлет и падение Уникального журналистского коллектива	44
Глава 7	44
Глава 8	49
Лирическое отступление: «Герой дня»	58
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	78
Глава 12	84
Глава 13	91
Глава 14	99
Глава 15	107
Лирическое отступление: Открытые письма	114
Глава 16	122
Часть 3. Незванный гость хуже татарина	126
Глава 17	126
Глава 18	132
Лирическое отступление: Евгений Алексеевич Киселев	139
Глава 19	145
Глава 20	151
Глава 21	160
Часть 4. Неудачное время для знакомства с Израилем	166
Глава 22	166
Лирическое отступление: Храмовая гора	172
Глава 23	176
Глава 24	182
Лирическое отступление: Алексей Алексеевич Венедиктов	187
Глава 25	193
Глава 26	199
Лирическое отступление: Конкурсанты	205
Глава 27	209
Часть 5. Мы строим «конголезское телевидение»	215
Глава 28	215
Лирическое отступление: Борис Абрамович Березовский	221
Глава 29	227
Глава 30	233
Лирическое отступление: Матвей Юрьевич Ганапольский	237
Глава 31	240

Глава 32	245
Лирическое отступление: Эпоха великих географических открытий	252
Глава 33	260
Лирическое отступление: Владимир Александрович Гусинский	266
Часть 6. «Какая свобода слова? Бабло!»	273
Глава 34	273
Глава 35	280
Лирическое отступление: Борис Ефимович Немцов	287
Глава 36	291
Глава 37	300
Лирическое отступление: Игорь Евгеньевич Малашенко	309
Глава 38	313
Часть 7. Автономное плавание	318
Глава 39	318
Глава 40	323
Глава 41	329
Юлия Норкина. «Цхинвальские заметки»	335
Глава 42	346
Часть 8. Глобальная информационная война начинается...	351
Глава 43	351
Андрей Норкин о скандале вокруг телеканала «Дождь» (эфир радиостанции «Коммерсантъ FM», 31 января 2014 года)	356
Глава 44	361

Андрей Норкин

От НТВ до НТВ. Тайные смыслы телевидения. Моя информационная война

© Норкин А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все́му свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Екклесиаст, глава 3

Предисловие

Вопреки расхожему мнению, прямой эфир – не наркотик. Это просто форма организации телевизионного и радиовещательного процесса. Более удобная, более динамичная и, чего греха таить, более дешевая. Точно таким же заблуждением является и представление о журналистике как о профессии творческой. Журналистика – это не творчество, а ремесло, хотя порой и очень увлекательное.

Обе эти мысли я стараюсь привить моим студентам в Институте телевидения и радиовещания и слушателям в Высшей школе телевидения «Останкино». Причем это не просто мысли, а мои убеждения, основанные на многолетней практике. Повезло ли мне? Вся моя журналистская деятельность проходила и проходит в прямом эфире. А увлекательности в ней столько, что хватило как минимум на целую книгу. И осталось еще...

Получается, что мне действительно повезло. Причем это произошло без каких-то особых усилий с моей стороны. Судьба распорядилась так, что я оказался не просто очевидцем, а непосредственным участником множества событий, радикально менявших жизнь нашей страны в течение двадцати лет. Конечно, так бывает только в условиях исторического слома, перемен, жить во время которых китайцы, например, никому не желают. И если для меня все эти политические передрыги обернулись удачей, то для многих российских граждан везением здесь и не пахло. Тогда – давайте договоримся, что эта книга будет своеобразной попыткой восстановления справедливости.

Я не кокетничаю. Все, о чем вы прочитаете, происходило на самом деле. В книге нет ни одной придуманной фамилии, ни одного вымышленного факта. Она рассказывает о моем личном участии в информационной войне.

Сейчас, после событий на Украине и в Сирии, этот термин – информационная война – знаком всем и каждому. Но я трактую его шире. Информационные войны друг с другом вели не только государства, но и отдельно взятые политики и чиновники, бизнесмены и журналисты. Зритель и слушатель наблюдал за происходящим со стороны, безразлично или с интересом, но я видел все изнутри. И не просто видел, но – воевал! Одни становились для меня предателями, а другие воспринимали в этом качестве уже меня самого. Я делал удивительные открытия, разочаровывался в идеалах, опять бросался куда-то сломя голову и снова выныривал на поверхность. И лишь набив огромное количество шишек, но успокоившись, я действительно понял: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом...»

Часть 1. Президент работает с документами

Глава 1

Мою личную информационную войну я встретил, можно сказать, находясь в глубоком тылу. Летом 1996 года я работал ведущим музыкальных программ «Радио России – Nostalgie», в которых никакой политики не могло быть по определению. Однако это не означало, что политики не было в моей жизни. Политика оставалась главной темой для всей страны уже лет десять: «гласность-перестройка-ускорение», ГКЧП, расстрел Белого дома, война в Чечне... Наконец, кампания «Голосуй или проиграешь!», едва не захлебнувшаяся в промежутке между двумя турами президентских выборов из-за скандальной истории с «коробкой из-под ксеракса».

Когда в ночь на 20 июня 1996 года в эфир НТВ ворвался растрепанный от переизбытка чувств Евгений Киселев, анонсировавший скорый специальный выпуск программы «Итоги» в связи с экстраординарными политическими событиями, я и представить себе не мог, что совсем скоро буду работать в одной компании с Евгением Алексеевичем. И уж совсем абсурдным тогда могло показаться предположение, что через несколько лет уже я сам буду принимать Евгения Киселева на работу. А по прошествии еще некоторого времени господин Киселев публично обвинит меня в убийстве!

Возможно, моя жизнь и профессиональная карьера сложились бы совершенно иначе, если бы тогда я знал то, что знаю сейчас. Но в июне 1996-го я еще не слышал ночных разговоров по телефону, которые из легендарного Дома приемов «ЛогоВАЗа» вели некоторые мои будущие знакомые. Борис Березовский сообщал Татьяне Дьяченко, что «уже подтягиваются камеры НТВ», но «никаких опрометчивых действий не будет»; Владимир Гусинский трога-

тельно просил дочь президента не волноваться; Игорь Малашенко инструктировал Евгения Киселева относительно готовности выйти в эфир к часу ночи, потому что сейчас «Березовский, Гусинский, Чубайс и еще несколько достойных людей поднимают шухер по полной отвязке»; а сам Анатолий Чубайс ставил в известность Александра Лебеда, в каких именно кабинетах Белого дома допрашивают Лисовского, Евстафьева и Лаврова¹.

Вы скажете, что все упомянутые мною люди пытались сорвать государственный переворот, а я всего лишь цитирую незаконную телефонную прослушку. Именно так. Поэтому я и говорю об информационной войне, в которой, как и в войне обычной, все средства хороши. Ибо любая война это, в конечном итоге, схватка за власть. А вот умение наблюдать, размышлять, делать выводы – не всегда приходит к человеку вовремя. В моем случае так и было.

Поэтому совсем неудивительно, что я с большим энтузиазмом встретил новость о последовавшей вскоре отставке «Коржакова, Барсукова и их духовного отца, господина Сосковца». При этом не могу сказать, что безоговорочно симпатизировал президенту Ельцину. Мне гораздо больше нравился его двойник из программы «Куклы». А настоящий Ельцин чаще вызывал, скажем так, недоумение. Приведу один пример.

В 1991 году, после краха ГКЧП, на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина был организован грандиозный праздник, в программу которого входил концерт эстрадных звезд и матч между сборными мэрии Москвы и правительства России. Я тогда работал в Лужниках диктором, но на этом мероприятии список моих обязанностей заметно расширился: я был и ведущим концерта, и комментатором футбольного поединка. Атмосфера на празднике царила довольно своеобразная, если не сказать – диковатая. Так, я весьма торжественно представил публике «американского бизнесмена, галериста, мецената и большого друга молодой России – Эдуарда Нахамкина». О том, что господин Нахамкин был еще и владельцем ресторана «Счастливый пирожок», расположенного в нью-йоркском районе Квинс, я, разумеется, не упомянул. Это не соответствовало пафосу события. Меценат господин Нахамкин делал следующее: в перерыве он раздавал сто долларовые купюры участникам матча, которым присуждались разные почетные звания. Известный телеведущий, фамилию которого я, пожалуй, не буду сейчас называть, чтобы не ставить человека в неловкое положение, будучи замененным в первом тайме, бегом возвратился к кромке поля, чтобы не упустить момент вручения призов. Я тогда объявил, что «журналист N. не только вовремя покидает поле, чтобы уступить место коллеге, но и вовремя возвращается!». А вообще, на мой взгляд, лучшими в составах команд были управляющий делами мэрии, а в будущем один из фигурантов «дела ЮКОСа» Василий Шахновский и министр обороны страны Павел Грачев.

«Тренерами» команд значились Гавриил Попов и Борис Ельцин. По сценарию я должен был попросить их выступить с небольшим комментарием. Когда «Москва» забила мяч в ворота «России», я, естественно, подошел с микрофоном к Гавриилу Харитоновичу. Тот с большим энтузиазмом отнесся к моей просьбе и объяснил зрителям, за счет чего его команда добилась успеха. А вот с «наставником» сборной правительства России разговора не получилось. Борис Николаевич, не глядя в мою сторону, бросил: «Не мешайте! Я должен руководить игрой!» – после чего охрана выпихнула меня с территории «тренерского штаба». Увы, зрители не узнали, как их народный президент думает перестраивать игру правительственных футболистов... Пустяковый эпизод, конечно, но впоследствии я его часто вспоминал, наблюдая за особенностями руководящего стиля Ельцина.

Так или иначе, Борис Ельцин был объявлен победителем второго тура президентских выборов 1996 года, чему я был рад. «Призрак коммунизма» развеяли усилиями, которые до сих пор не получили точной оценки. События октября 1993 года, связанные с расстрелом Белого дома, сегодня все чаще называют первым реальным нарушением демократических норм, допу-

¹ Речь идет об участниках истории с «коробкой из-под ксеркса». – *Здесь и далее прим. автора.*

ценным самой «демократической» властью, однако президентская кампания 1996-го и роль в ней СМИ (телевидения в первую очередь) по-прежнему остаются в зоне молчания. Это очень интересный момент, наглядно иллюстрирующий хронику боевых информационных действий.

При этом нельзя сказать, что тему совсем обходят стороной. И речь сейчас не только о коммунистах, всегда утверждавших, что победу у Зюганова украли. В феврале 2012 года Сергей Бабурин, выступая в эфире радиостанции «Финам FM», рассказал о подробностях встречи президента Дмитрия Медведева с представителями политической оппозиции. По словам господина Бабурина, вспоминая те события, Дмитрий Анатольевич сказал буквально следующее: «Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 1996 года. Это не был Борис Николаевич Ельцин». Впрочем, официального подтверждения рассказ Бабурина не получил...

23 октября 1998 года в «Независимой газете» была опубликована беседа журналистов Татьяны Кошкаревой и Рустама Нарзикулова с директором службы социологического анализа телекомпании НТВ Всеволодом Вильчеком. Вот фрагмент, непосредственно касающийся темы.

«Т. Кошкарева, Р. Нарзикулов: *Если известно, что держит аудиторию, известны ее предпочтения, то зрителем наверняка можно манипулировать. Можно заставить их смотреть то, чего они и не хотели бы видеть и слышать.*

В. Вильчек: *Я вас понял и даже расширю эту тему – телевидение и манипулирование сознанием. Во время второго тура голосования 1996 года все избирательные комиссии были в шоке – до 11–12 часов дня никто не шел на избирательные участки. Шли депеши в Центр о том, что явка ниже, значительно ниже, чем во время первого тура. А объяснялось это очень просто. На телевидении знали, что первыми на избирательные участки обычно идут пенсионеры. Именно в утренние часы на избирательных участках создается однородная пенсионерская микросреда, и все они голосуют одинаково. Например, за Зюганова. Едва появляется интеллигенция, молодежь и вообще более продвинутая публика, которая встает позже и не так спешит на избирательные участки, как обстановка разряжается. Мы специально пронаблюдали и выяснили, что даже самые принципиальные ветераны в такой обстановке начинали сомневаться в том, что необходимо голосовать именно за Зюганова. Нельзя было создавать такую однородную среду представителей старшего поколения. Какое решение можно было принять в такой ситуации? В сетку были поставлены три серии «Секрет тропиканки» подряд. При этом было анонсировано, что это последние, заключительные серии. В итоге, во-первых, очень многие не поехали на дачи, а это было очень важно, поскольку практически все знали, что чем больше народа придет на избирательные участки, тем больше шансов у Ельцина. Во-вторых, была размыта однородность массы пенсионеров. Они пришли позже, вместе с другими группами населения, и соответственно многие из них проголосовали не так, как намеревались раньше. Вот вам пример манипулирования всего лишь соответствующим программированием передач. Разумеется, с помощью показа определенных фильмов можно было создать в обществе атмосферу тревоги: например, показывая «Холодное лето 53-го», «Защитник Седов» и убрав из эфира оптимистические ленты. В период выборов как раз на телевидении и близко не было ностальгического отечественного кино. То есть атмосфера вся создавалась за счет эфира. Можно ли между фильмами подвесить какую-то программу, чтобы ее смотрели? Здесь, разумеется, все относительно. Потому что, если программа вообще людям не нравится, с нее уйдут и только. Но если есть какая-то альтернатива, то удержать публику все-таки можно. В этом смысле очень грамотно работает Евгений Киселев. Он сам формирует контекст, эфир вокруг «Итогов». Затем он знает, что эмоции часто жестких «Итогов» нужно как-то канализировать. Киселев создает атмосферу, ауру вечера. Он думает не только о том, чтобы удержать в эфире зрителей своей передачей.*

Он создает сначала благорасположение к своей программе, а затем думает уже об общем эффекте вечера, потому что грамотные люди работают не только в своей программе».

Несмотря на то что Всеволод Михайлович был сотрудником телекомпании НТВ, его слова на самом НТВ остались незамеченными. Возможно, потому что были опубликованы в «вражеской» «Независьке», издании, принадлежащем Березовскому. Но, скорее всего, потому, что сказанному просто не хотелось верить. Лично для меня так и было: телекомпания НТВ, подобно жене Цезаря, оставалась «вне подозрений».

В НТВ невозможно было не влюбиться. Это стало происходить со зрителями сразу после начала вещания телекомпании, еще в 1993 году. Ведущие и корреспонденты, их поведение в эфире, манера держаться, подача информации, прямые включения, революционный кинопоказ, тематические программы, сериалы... Все это было чем-то невиданным, оглушающим и завораживающим. Вполне логично, что, оказавшись в этом сказочном месте, я был целиком и полностью поглощен нереальностью происходящего.

Телевидение вообще представляется людям какой-то волшебной страной, живущей в другом измерении. Однажды продавщица в продовольственном магазине спросила меня, как же все телевидение умещается в одной Останкинской телебашне? Несмотря на то что я сам работал в телекомпании НТВ, она оставалась для меня все той же удивительной Terra Incognita. Бригады утреннего эфира даже сидели отдельно от всей редакции. На восьмом этаже АСК-1, в этой святой святых НТВ, для нас просто не хватало места – ведь, получив в свое полное распоряжение «Четвертый канал» (его еще называли «учебным»), НТВ в дикой спешке бросилось расширять штат. Я оказался в прямом эфире через два дня после первой пробы, или «тракта», как принято выражаться на профессиональном жаргоне. Говорят, что это абсолютный рекорд в истории отечественного телевидения. Впрочем, не уверен...

Благословенные времена! Все мы работали не только потому, что это было безумно интересно. На НТВ еще и очень хорошо платили. Я, став ведущим утреннего блока новостей, получал сумасшедшие по тем временам деньги – две тысячи долларов! В рублях, конечно. Руководство телекомпании и наш главный акционер – Владимир Гусинский – считали, что сотрудники НТВ должны полностью концентрироваться на работе, не отвлекаясь на бытовые проблемы. Нейтрализация таковых достигалась за счет высокой заработной платы. Впоследствии это «аукнулось» всему телевизионному сообществу. Началась финансовая война между каналами, оклады вознеслись до заоблачных высот, а потом все рухнуло в полном соответствии с законами рыночной экономики. Но это было потом.

А пока я, под руководством шеф-редактора моей бригады Алексея Кузьмина, приходил на работу, как на праздник. Вернее, меня привозили в Останкино глубокой ночью. Кузьмин расцветчивал процесс подготовки новостей бесконечными афоризмами, которые мы записывали. У меня до сих пор хранится небольшая коллекция его изречений, связанных с подбором новостей и редактурой текстов. «Ох, Айрат! Не волнуй ты меня, ради бога, этим Йеменом!», «Очень хорошее ружье!.. Вернее, букет!», «Я, кажется, Душанбе...» и «Это как-то куце... Талантливо, но куце!» Проведя ночь в столь приподнятом настроении, мы покидали Останкино после выпуска программы «Сегодня» в 10 часов утра – то есть тогда, когда наши старшие товарищи только начинали подтягиваться к месту работы. Мы почти не видели ни Добродеева, ни Киселева, а редкие визиты Малашенко можно было сравнить разве что с «явлением Христа народу».

Тем временем где-то там, на сияющей вершине Олимпа, уже получившего к тому моменту название «Медиа-Мост», крепло ощущение, что наступает пора получать положенное. НТВ казалось наиболее подходящим инструментом, использование которого ускоряло достижение цели. Механизм информационной войны заработал, и личный состав, в том числе и я, начал подтягиваться к линии фронта. Виктор Шендерович в своей книге «Здесь было НТВ», ТВ-6, ТВС и другие истории» описывая драматические события весны 2001 года, деликатно отмечал, что *«единственным шансом НТВ на победу была бы абсолютная моральная правота, но именно она была замызгана всевозможными «охотами на Чубайса» времен «Связинвеста». Журналистский коллектив стал заложником тех давних финансовых игр»*.

Глава 2

Несоответствие телекомпании НТВ ею же заявленным высоким моральным принципам – существенная, но не единственная причина дальнейших драматических событий. Причем как с точки зрения Виктора Анатольевича, так и моей. (Кстати, интересный момент. «Здесь было НТВ», ТВ-6, ТВС и другие истории» – пожалуй, единственный опубликованный подробный рассказ о том, что происходило в Останкинском телецентре на рубеже веков. Была серия заметок Евгения Киселева в печатной «Газете», были упоминания истории НТВ в книгах о «Байках кремлевского диггера» Елены Трегубовой, но книга Шендеровича остается наиболее полной. Хотя она была написана более 10 лет назад и многое все равно осталось нерассказанным, да и изменилось с тех пор тоже многое.)

Отношения Гусинского и Березовского всегда были весьма бурными. Синусоида жизни бросала их в объятия друг друга и тут же разводила в разные углы ринга. Кровавые противоборства сменялись периодами трогательной влюбленности. В кабинете Гусинского в его тельавивской квартире в момент моей последней встречи с ним все еще стоял деревянный корабль, выполненный в форме утки, с надписью на борту – что-то вроде: «Неоднозначному Гусю!» Это был подарок Березовского, который он прислал Гусинскому на пятидесятилетие. В 1997 году они выступали единым фронтом, будучи участниками неформального объединения влиятельных бизнесменов, получившего название «семибанкирщины». В канонический состав этой «могучей кучки», помимо Гусинского и Березовского, входили также Михаил Ходорковский, Михаил Фридман и Петр Авен, Владимир Потанин, Александр Смоленский и сейчас уже подзабытые широкой публикой Владимир Виноградов из «Инкомбанка» и Виталий Малкин из банка «Российский кредит». Справедливости ради стоит отметить, что в этом списке – не семь, а девять фамилий, но это не единственный случай избирательного применения математических правил. Чуть раньше, весной 1996 года, большая часть списка «семибанкирщины» засветилась в «Письме тринадцати», которое призывало оказать Борису Ельцину поддержку на предстоящих выборах. А после того как необходимый результат был достигнут – не без активной помощи вышеназванных бизнесменов, – вполне логичным с их стороны стало выглядеть предположение, что Кремль обязан как-то отблагодарить своих спасителей. Таким образом, «список тринадцати», формально, но публично поддержавший президента, сократившись, превратился в закрытый клуб, на сей раз фактически выступивший против него.

Эту версию раньше других, в 1998 году, сформулировал Александр Солженицын, только что отказавшийся от ордена Святого Андрея Первозванного. *«От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу»,* – заявил Солженицын, развив мысль в эссе «Россия в обвале», в котором раздал всем сестрам по серьгам. *«Всему тому поучительный пример явила знаменательная президентская избирательная кампания 1996 года. В ней грозно (ошибочно) замаячила опасность, что коммунисты вернутся в России ко власти. Кампания развернулась с марта – и уже в апреле публично явлена была нам трусливая выступка Тринадцати банкиров. Нескрываемый страх за нажитое богатство родил у них блистательную идею: демократия – это очень хорошо, но – не надо всеобщих выборов! Пусть демократы и коммунисты примирятся на каком-нибудь компромиссе, а иначе мы применим свои рычаги, мы и прессу повернем, как нам надо. Чуть позже проступила Семибанкирщина, напрямую сговорившаяся контролировать высшую власть над Россией».*

Косвенным подтверждением того, что «семибанкирщина» всерьез рассчитывала руководить всеми государственными процессами, может служить отказ Игоря Малашенко от должности главы администрации президента России. Зачем подчиняться тому, кем ты сам собираешься управлять? Впрочем, есть и другая, очень красивая версия, которую изложила дочь президента Ельцина Татьяна Дьяченко (на момент публикации – уже Татьяна Юмашева).

«Сразу после победы на выборах в июле 1996 года папа предложил Игорю Малашенко стать главой его администрации. Настолько он его ценил. Честно говоря, у папы не было сомнения, что Игорь согласится, тем более что работа была понятная и ясная для Малашенко. И в первую очередь перед ним возникала огромная возможность с этой огромной по политическим возможностям позиции помогать президенту строить нормальное, честное, открытое, демократическое государство, то государство, о котором НТВ постоянно говорило и к которому постоянно президента призывало. Игорь, твердо и не раздумывая, отказался. Сразу же. Папа уговаривать его не стал. Но расстроился. Он отказов не любил. Гусинский, который был собственником НТВ и, естественно, мечтал, чтобы Игорь пошел в Кремль, и Березовский, который тоже ценил Игоря за ум и твердость, и ему эта идея тоже чрезвычайно нравилась, по возвращении Игоря с переговоров с президентом стали уговаривать его все-таки подумать и согласиться. Но Малашенко, устало выслушав их, он тоже переживал после этого разговора с президентом, не выдержал и вдруг как рявкнет на них двоих: «Да что вы меня уговариваете, вы что, не понимаете, если я приду в Кремль, я первое что сделаю, вышвырну вас отовсюду, и вашей ноги не будет ни в Кремле, ни в Белом доме!»... Два его товарища были в полном шоке и потеряли дар речи, впрочем, и я тоже была поражена, как и с какой интонацией это все Игорь сказал. Борис Абрамович, придя в себя, на это ответил: «Игорь, а почему, если ты глава администрации, то мы тебе не нужны и должны пойти куда-то подальше, а если нет – то все нормально, мы вместе делаем одно общее полезное дело? Что за двойная мораль?»... После этого он перестал уговаривать Игоря, впрочем, как и Гусинский».

Так или иначе, что бы ни говорило НТВ, к чему бы ни призывало президента, факт остается фактом – в 1997 году телекомпания впервые была в полном объеме использована как ресурс для достижения конкретной экономической цели. Владимир Гусинский всерьез рассчитывал получить в собственность телекоммуникационную компанию «Связьинвест», которую, спустя два года после ее создания, решено было приватизировать. Борис Березовский поддерживал коллегу, но это вовсе не означало, что и остальные члены элитного клуба «семибанкирщины» придерживаются консенсуса. Владимир Потанин неожиданно воспротивился кулуарным договоренностям, которые Гусинский заключил с Кремлем, и тоже заявил о своих притязаниях на «Связьинвест».

С этого момента в эфире новостных программ НТВ стали появляться сюжеты, рассказывающие о не слишком приглядных делах и делишках компаний группы ОНЭКСИМ, принадлежавшей Потанину. Неокрепшие умы и нетренированные руки утренних информационных бригад к этому важному процессу не привлекали, но в дневных новостях тема раскрывалась уже более подробно, чтобы обрести законченную форму в воскресном выпуске главной передачи канала – «Итогах» Евгения Киселева. Непрерывность и необходимая тональность в подаче нужной информации достигалась, помимо прочего, за счет того, что ведущим и руководителем дневной информационной бригады НТВ был Григорий Кричевский, также работавший и в «Итогах».

Не чуждый оригинальности и в жизни, и в профессиональной деятельности, Кричевский всегда произносил название компании Потанина с ударением на букву «И» – ОНЭКС ИМ, хотя все остальные журналисты говорили: ОНЭКСИМ. Специально ли Гриша так делал, я не знаю, но это привлекало дополнительное внимание. Конечно, повышенный интерес к персоне Владимира Потанина не являлся личной инициативой Кричевского. Это была редакционная политика, определяемая главным акционером. Таким образом, «абсолютная моральная правота НТВ» оказалась «замызгана» – о чем и писал позднее Виктор Шендерович.

Журналист Сергей Доренко впоследствии утверждал, что «разруливанием» конфликта занимался Березовский, на личном самолете возивший Гусинского и Потанина к Чубайсу, на тот момент – первому заместителю председателя правительства и министру финансов.

Якобы на этой встрече была достигнута договоренность о том, что покупателем «Связьинвеста» будет Гусинский, причем была согласована и сумма, которую он должен предложить на аукционе. Проведением аукциона занимался еще один зампред правительства (их в то время было много!), глава Госкомимущества России Альфред Кох, человек, имя которого хорошо знакомо всем без исключения сотрудникам холдинга «Медиа-Мост» и телекомпании НТВ того времени.

По словам Коха, Гусинский открыто угрожал ему тюрьмой, если «Связьинвест» уйдет не в те руки. *«Я, прекрасно понимая, что эти ребята² могут организовать любую кампанию травли вокруг меня и моих товарищей, поначалу пытался отшучиваться. Они давали понять, что так дело не оставят, – рассказывал Кох ресурсу Slon.ru. – Но «Связьинвест» мы провели на удивление прозрачно, несмотря на давление. Победил тот, кто предложил больше денег».* И этим «предложившим больше денег» все-таки оказался Владимир Потанин!

Информационная война развернулась с новой силой. Теперь мишенями уже был не только и не столько Потанин и его предприятия. К ответу должны были быть призваны и другие «виновники», в первую очередь Кох и Чубайс. Так телекомпания НТВ выпустила на информационные просторы монстра под названием «Дело писателей».

К «расследованиям «Итогов» подключились печатные издания, например «Новая газета», опубликовавшая 4 августа 1997 года статью Александра Минкина «Я люблю, когда тарелки очень большие». Собственно, это была расшифровка телефонного разговора первого вице-премьера правительства России Бориса Немцова с предпринимателем Сергеем Лисовским. Беседа касалась неких коллизий, связанных с книгой Бориса Ефимовича под названием «Провинциал». Но самое главное содержалось в конце, в постскриптуме. Вот он: *«Еще один вице-премьер России – Альфред Кох (глава Госкомимущества) – написал книгу «Приватизация в России: экономика и политика». Не знаем, какова она в толщину, но швейцарская фирма Servina Trading S.A. заплатила Коху авансом 100 тысяч долларов. Понятно, эта книга никому не нужна. Тем, у кого есть деньги на приватизацию в России, проще купить Коха, чем его книгу».*

Нужно ли говорить, что публикация в «Новой газете» не осталась незамеченной информационными программами НТВ? Выяснилось, что помимо Альфреда Коха соавторами книги о приватизации являлись Анатолий Чубайс и еще несколько видных реформаторов, входивших в состав правительства и администрации президента. Впрочем, они шли, так сказать, «в нагрузку», а основными фигурантами «Дела писателей» НТВ представляло Чубайса и Коха. Впрочем, не только НТВ, но и ОРТ, как назывался тогда нынешний «Первый канал», главным акционером которого являлся Борис Березовский.

Слово – Сергею Доренко, ведущему аналитической программы «Время». Вот фрагмент его интервью журналу «Коммерсантъ-Власть»: *«Мне позвонил Березовский и спросил, собираюсь ли я об этом что-то говорить. (...) Я сказал, что газеты пересказывают в программах типа «Обзор прессы». Поскольку у меня не такая программа, то мне нужно что-то показывать. Новое к тому же, чего не было у Минкина. На том и порешили. И началось волшебство в своем роде. Ожили старые источники в прокуратуре, пообещали дать посмотреть материалы на Чубайса. Сейчас, по прошествии лет, я думаю, что, конечно, Гусинский заводил прокурорских. Мы стали торговаться: нам нужны оригиналы договоров всех «писателей» и оригиналы банковских платежек. С подписями и печатями. (...) И вот перед моими операторами правоохранители выложили оригиналы документов – нарядненькие, живые и шуришущие. Ну, против такой роскоши я устоять не смог. И пошла вторая информационная война. Первая – это когда мы выдали репортаж о беззакониях при приватизации «Череповецкого азота» группой Потанина. А эта уже вторая – с рейдами, с отлавливанием Коха в лифтах и т. д.».*

² Гусинский и Березовский.

Устоять под ударами, которые наносили по «писателям» сразу два из трех крупнейших телеканалов страны, было практически невозможно. Уже 13 августа в отставку ушел Кох. В первой половине ноября – все остальные фигуранты дела, кроме Анатолия Чубайса, который подал Ельцину прошение об отставке 15 ноября 1997 года. Ельцин отставку не принял. И тогда Доренко «добил» Чубайса, показав в эфире своей программы копии платежных документов о переводе гонораров всем авторам книги о приватизации. 20 ноября Анатолия Чубайса отстранили от должности министра финансов, а в марте 1998-го – и от обязанностей первого вице-премьера правительства.

Напрашивается вопрос: почему решающие удары по, казалось бы, личным врагам Гусинского нанесло именно ОРТ, а не НТВ? Ответ очень простой, хотя я получил его спустя несколько лет после описываемых событий. Одним из принципов, которых придерживался в своей деятельности Владимир Александрович Гусинский, был следующий: «Никогда нельзя ввязываться в драку, не подчистив собственную задницу!» Правда, сказано это было совсем по другому поводу – по поводу ошибок, допущенных, по мнению Гусинского, акционерами компании ЮКОС. Мы еще подойдем к этой теме, а пока вернемся к «Делу писателей».

Формально НТВ оставалось в стороне. Программы «Сегодня» и «Итоги» как бы шли на шаг позади, не иницируя собственных громких расследований. Что-то написали газеты – НТВ проанализировало в дневных новостях, Доренко выбросил некую сенсацию – НТВ обсудило это в беседе с экспертом «Итогов». Тем более что и сами ведущие двух главных информационных программ – Сергей Доренко и Евгений Киселев – были совершенными антиподами в смысле темперамента. Это, кстати, сыграло против НТВ, когда бывшие союзники стали политическими противниками. Но это произойдет лишь в 1999-м.

Итак, в информационных войнах периода «Связьинвест – Дело писателей» НТВ Гусинского оставалось сторонним наблюдателем. Активными действиями занимались другие подразделения – например, знаменитая служба безопасности холдинга. Еще одна цитата из Доренко: *«Все это было не спонтанным, а очень запланированным, как мне кажется. Как я теперь думаю, бумаги на Чубайса с соавторами собирала служба безопасности группы «Мост», самая совершенная служба безопасности в Москве в то время».*

Служба безопасности группы «Мост», а позднее – холдинга «Медиа-Мост», действительно являлась объектом нескрываемой гордости Гусинского. Как мне кажется сейчас, у Владимира Александровича были (и, возможно, остаются до сих пор) многочисленные комплексы, связанные с его стремительным восхождением к вершинам власти. Именно поэтому его самого так поражало, что аналитическим управлением холдинга руководил легендарный генерал Филипп Бобков, пятнадцать лет возглавлявший знаменитое Пятое (диссидентское) управление КГБ СССР, а потом еще восемь лет работавший заместителем и первым заместителем председателя Комитета госбезопасности. Чему же тут удивляться, что служба безопасности «Моста» на самом деле была «самой совершенной в то время?» И вот тут я бы сказал Владимиру Гусинскому спасибо, поскольку он, сам того не ведая, сохранил остатки главной спецслужбы страны, которую чуть было не угробили в «демократическом угаре» 1990-х. Я говорю как о спецслужбе, так и о стране.

Кстати, я и сам сталкивался с сотрудниками нашей службы безопасности. Это было в 2000-м, когда Гусинский уже бежал из страны. Моего сына, учащегося средней общеобразовательной школы в одном из подмосковных городков, несколько «обалдуев» из старших классов решили, как принято говорить, «поставить на деньги». «Папаша у тебя в телевизоре работает, значит, бабки есть. Неси! Или убьем родителей!» Поскольку в то время обращаться за помощью в милицию было делом «дохлым», я рассказал о своих проблемах Киселеву, и тот прислал ко мне двух замечательных мужиков. Они сначала познакомились с завучем школы, а потом и с теми самыми «обалдуями». Разъяснительная беседа оказалась краткой, но содержательной, больше к сыну никто не приставал!

Однако вернемся к истории с «Делом писателей»... Рассказывая сейчас о тех событиях своим студентам, я не говорю, что это было хорошо или правильно. Но! Действия владельцев телекомпании НТВ в тот момент были вполне естественными. Если для Бориса Березовского его средства массовой информации всегда были инструментом политической борьбы, то для Владимира Гусинского – борьбы экономической. Березовский всегда желал власти, а Гусинский – денег. Хотя иногда власть и деньги невозможно отделить друг от друга. Все без исключения участники этой первой информационной войны, за которой я наблюдал с самого близкого расстояния, тогда уцелели. И юридические лица, и физические. Всем им предстояли новые схватки, в самых разных конфигурациях и по самым разным поводам. Первый опыт оказался настолько успешным, что остановиться было уже невозможно – наступал 1998 год. Год, когда сбылось «пророчество Чубайса» и НТВ начало войну с «Семьей»...

Глава 3

В этот период механизмы, отработанные в эфире на «Деле писателей», переключились на другой коррупционный скандал, вошедший в историю как «Дело Mabetex». Очень коротко напомним его суть. Швейцарскую строительную компанию Mabetex Engineering и ее дочку под названием Mercata Trading заподозрили в выплате так называемых «откатов» целому ряду высокопоставленных российских чиновников. В свою очередь, эти чиновники помогли швейцарцам получить в России выгодные строительные контракты. Речь шла о реставрации нескольких объектов на территории Кремля, а также о зданиях Белого дома, Государственной Думы и Совета Федерации.

Собственно, история с самими контрактами была давняя, документы с Mabetex были подписаны еще в 1996 году, но несколько лет почему-то не привлекали внимания моих коллег. Первая активная фаза началась весной 1998-го, после того как некий господин Филипп Турвер, советник одного из банков Швейцарии, вдруг выступил с заявлением, что в управлении делами президента России имели место финансовые злоупотребления. И допущены они были именно при подписании контрактов с Mabetex.

Отличие этого скандала от «Дела писателей» заключалось в существенно более длинном и качественном списке действующих лиц. Если в 1997 году НТВ и его на тот момент союзники вскрывали злоупотребления двоих первых заместителей главы правительства (максимум), то год спустя цепочка тянулась от управляющего делами президента Павла Бородина до, страшно сказать, членов семьи самого президента России.

«Дело Mabetex» оказалось очень удобным долгоиграющим проектом. Даже в самые последние свои дни «гусинское» НТВ пыталось нападать, предъявляя аргументы, основанные на этой истории: квартира прокурора Устинова и т. п. Но в этот раз прием не сработал и удача отвернулась от владельца и руководителей телекомпании. Во многом это объяснялось еще и тем, что бывший союзник Гусинского – Березовский – превратился в яростного противника. Пока Владимир Александрович строил далекоидущие планы по расширению своей бизнес-империи, Борис Абрамович активно занялся политикой и в конце концов практически стал олицетворением всей российской власти, пробравшись в ближний круг президента Ельцина. В ту самую «Семью».

Следует признать, что большую часть 1998-го информационная война НТВ с «Семьей», основанная на фактуре «Дела Mabetex», шла весьма вяло, развернувшись в полную силу немного позже. В 1998 году хватало и других информационных поводов. То есть какие-то критические выпады в сторону властей существовали, но в основном телекомпания занималась иными темами.

Мое личное ежеутреннее присутствие в эфире НТВ тогда проходило под лозунгом «Президент работает с документами». Борис Николаевич Ельцин стремительно уходил в пике, и придуманная пресс-секретарем главы государства Сергеем Ястржембским формулировка, так же как и определение «рукопожатие крепкое!», оказалась просто спасением для журналистов. Много лет спустя, беседуя с Сергеем Владимировичем, я спросил его: как появилась фраза «президент работает с документами»?

«Это очевидно, – ответил Ястржембский. – Мне нужно было добиться, чтобы абсолютным приоритетом было создание представления о том, что, несмотря на различные болезни и различные периоды как бы «выпадания» из активного государственного графика, власть продолжает функционировать. Поскольку я не только был пресс-секретарем, но потом еще и замглавы администрации, и часто работал с президентом, в том числе во время его отпуска, готовил ему бумаги на доклад и т. д... Огромное количество документов, которые приходят ежедневно на стол президента! Но это знал я, а не граждане моей страны, что, даже будучи

нездоровым в какой-то момент, президент должен в этот день подписать десяток-два документов. Поэтому я очень часто эту фразу использовал».

Соответственно, использовали эту фразу и СМИ. Но – ничто не вечно под луной. Спокойствие и физическое ощущение стабильности – президент работает с документами, все в порядке – уже весной 1998-го сменилось чувством тревоги. Вместо умиротворяющей формулировки Ястржембского информационные агентства выбрасывали на ленты «молнии» с текстом «ПРЕЗИДЕНТ ПРИБЫЛ В КРЕМЛЬ». А это могло означать только одно: что-то будет...

Первое такое «что-то будет», за которым последовала бесконечная череда информационных и, естественно, политических потрясений, произошло 23 марта, когда в отставку был отправлен председатель правительства России Виктор Черномырдин. Считается, что в Кремле было принято решение отказаться от ставки на «политических тяжеловесов» и дать возможность сказать свое слово молодым и дерзким «технократам». Но реальность, как это часто бывает, разрушила все тщательно выстроенные планы. Кстати, в полном соответствии с главным черномырдинским афоризмом: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». На пост премьера был предложен Сергей Кириенко, министр топлива и энергетики и один из самых известных в стране «младореформаторов». Кириенко в тот момент было всего 35 лет, и он стал самым молодым в истории страны главой кабинета министров. Практически сразу же пресса окрестила нового премьера «киндер-сюрпризом», причем ожидания «сюрприза» не оказались долгими.

Государственная Дума, в которой тогда весьма сильны были позиции фракции КПРФ, видимо, что-то подозревала, потому что утверждение Сергея Кириенко в новой должности произошло только с третьего раза. Нас же это обязывало начинать каждое утро с прямого включения парламентских корреспондентов НТВ. Учитывая, что погодные условия в Москве в марте-апреле не самые комфортные, несколько минут прямого эфира программы «Сегодня утром» превращались в тяжелое испытание. Причем не только для коллег, но и для самих депутатов, которым приходилось выходить на улицу, чтобы дать небольшое интервью. Иногда это приводило к трогательным проявлениям своеобразного «братания»: однажды депутат Николай Харитонов пытался в прямом эфире поправить Эрнесту Мацквявичюсу «ухо» – маленький динамик, который обеспечивает корреспонденту связь с телестудией.

Не успели мы рассказать о том, как Сергея Кириенко утвердили в должности, как пришла пора рассказывать о его увольнении. Новое «технократическое» правительство должно было провести глобальную налоговую реформу, но уже в середине лета его внимание оказалось полностью поглощено борьбой с надвигающейся финансовой катастрофой. Зародившийся в Юго-Восточной Азии еще в 1997 году фондовый кризис накрыл Россию подобно лавине. Вместо налоговой реформы Кириенко пришлось прилагать все силы для стабилизации экономики, причем Дума, которая, как я уже говорил, «видимо, что-то подозревала», со своей стороны также прилагала все свои силы для того, чтобы помешать правительству, и не принимала необходимых законодательных решений. В результате всех этих потрясений в лексикон граждан России вошло слово «дефолт».

Честно говоря, его последствия лично на мне сказались не сильно. «Мост-банк», в котором сотрудники НТВ получали зарплату, в общем-то устоял. В коридорах телекомпании более подкованные в финансовых вопросах коллеги объясняли менее подкованным, что проблемы банковской системы вызваны чрезмерным увлечением игрой в ГКО, чего «Мост-банк» якобы не делал. Кстати, этот механизм, по сути ничем не отличавшийся от других «финансовых пирамид», в результате дефолта был свернут. Но рядовых граждан эти тонкости не волновали, потому что главным событием августа 1998 года стало обрушение курса рубля и стремительное снижение доходов населения.

Теперь наша работа выглядела следующим образом. Собравшись в ночном телецентре, эфирная бригада выделяла пару сотрудников, которые собирали банковские карточки всех

присутствовавших, садились в редакционную машину и отправлялись в путешествие по столичным банкоматам в поисках денег. Соответственно, служебные обязанности этих сотрудников брали на себя их коллеги. Деньги в банкоматах «Мост-банка» были, но не во всех и не всегда, так что обналичивание зарплаты требовало настойчивости и терпения: сначала нужно было найти работающий банкомат, а потом отстоять очередь к нему.

Мы с женой и детьми не слишком страдали от снижения покупательной способности, потому что никаких глобальных покупок осуществлять и не собирались. Более того, как у людей, переживших фактический крах экономики страны в конце 1980-х – начале 1990-х, у нас уже существовал определенный иммунитет. Например, майонез для нашего свадебного стола (дело было в январе 1993 года) мне удалось купить за день до назначенной даты. Просто я вышел из метро и наткнулся на грузчика с тележкой, заставленной коробочками с майонезом. Так мы решили проблему салата. Что касается мяса, которого в магазинах тогда физически не было, то Юлькины тетя и бабушка через каких-то знакомых нашли служебный собачий питомник, закупили там килограммов тридцать костей, которыми кормили собак, и потом целую ночь скоблили эти кости, чтобы набрать необходимое количество мяса для приготовления горячего. Спрашивается, могли ли нас после всего этого напугать очереди к банкомату? Нет, конечно.

Зато работа в прямом эфире становилась все интереснее. В конце августа Ельцин предложил вернуть Черномырдина в кресло премьера. Дума, почувствовав себя оскорбленной, встала на дыбы. Каждый день мы сообщали о новых кандидатах, потом опровергали эти сообщения, а следом – уже сами опровержения. В прямом эфире новостей это смотрелось прекрасно! Но в других программах ситуация складывалась иначе. Телевизионная аналитика всячески противилась такому стремительному изменению событий. Тщательно извлеченный вывод вдруг оказывался совершенно абсурдным, потому что из Кремля приходили новости, радикально менявшие всю информационную картину. Виктор Шендерович так описывал работу над сценарием программы «Куклы» в те дни: *«Окровавленные куски текста летели из-под моих рук. Время от времени в операционную звонил Добродеев с прямым репортажем о ситуации в Поднебесной. «Лужков, – говорил он. – Лужков, точно. Или Маслюков. В крайнем случае, Черномырдин». К вечеру среды были написаны все три варианта. В четверг утром Ельцин выдвинул Примакова».*

Дважды Ельцин предлагал кандидатуру Черномырдина. Дважды Дума отказывалась ее поддерживать. У Кремля оставалось всего два варианта: срочно находить компромиссную фигуру или разгонять парламент и назначать новые выборы. Прибавьте к этому еще и усилившиеся с каждым днем слухи о возможной отставке самого президента, и вы поймете, что, хотя бы на некоторое время, интересы информационных войн ушли на второй план. Но они не исчезли, не растворились в плотном потоке новостей. Они, эти интересы, просто ждали своего часа. И он настал.

С назначением председателем правительства Евгения Максимовича Примакова кремлевская концепция снова изменилась. Теперь в кабинете министров работали не «молодые технократы», а вполне опытные «коммунисты и аграрии». Такова была партийная принадлежность многих новых министров. Худо-бедно ситуация стала постепенно меняться к лучшему. Первый шок прошел, заработали столь популярные в наши дни технологии импортозамещения, и российские СМИ, ведомые непримиримыми акционерами, вернулись к своему любимому занятию – информационной войне.

На этот раз поводом для активизации послужили решения Генеральной прокуратуры. Глава ведомства Юрий Скуратов объявил о начале расследования деятельности без малого восьмисот высокопоставленных чиновников, которых заподозрили в извлечении незаконной финансовой прибыли с использованием служебного положения. Логика была простой. Если рынок государственных краткосрочных облигаций оказался на самом деле финансовой пира-

мидой и в конце концов привел к дефолту, то есть к отказу государства от выплат по собственным финансовым обязательствам, следовательно, есть какие-то высокопоставленные лица, которые на рынке ГКО хорошо заработали. В числе подозреваемых оказались и бывший первый замминистра финансов Андрей Вавилов, и бывший министр иностранных дел Андрей Козырев, но главное – под подозрение попали Анатолий Чубайс и даже дочери президента Ельцина – Елена Окулова и Татьяна Дьяченко! И уже в октябре 1998 года Генпрокуратура возбудила уголовное дело – опля! – по подозрению в злоупотреблениях при заключении контрактов на реконструкцию Кремля! То есть – по «Делу Mabetex»! Удивительным представляется следующий факт. Генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте сообщила все подробности своему российскому коллеге Юрию Скуратову практически сразу же после давших старт скандалу заявлений Филиппа Туровера, однако Генпрокуратура России почему-то ждала больше полугода, прежде чем отреагировать...

И вот теперь нам необходимо вспомнить уже упоминавшееся, но пока еще не озвученное «пророчество Чубайса». Если верить Татьяне Юмашевой, когда в 1996 году Ельцин рассматривал вопрос о выделении НТВ «Четвертого канала», Чубайс выступил категорически против. Поскольку сам президент России идею поддерживал, коллективными усилиями Татьяны Дьяченко и Валентина Юмашева (тогда – советника Ельцина по вопросам взаимодействия со СМИ, а позднее – мужа его дочери) Чубайса удалось уговорить. Однако после подписания необходимых бумаг он предупредил будущую семейную чету: «Ребята, вы не представляете, как президент еще настрадается от НТВ. Не представляете, как они будут шантажировать его, дезинформировать своих телезрителей. Потому что будут выборы, и они будут поддерживать своего кандидата. А президент своего. И ради победы они будут готовы на все».

«Мудрый Чубайс оказался прав, – вспоминала Татьяна Юмашева. – Не пройдет и трех лет, как вся медиаимперия Гусинского во главе с НТВ обрушится на папу. Гусинский решил поддержать на парламентских и президентских выборах Примакова – Лужкова, и чтобы дискредитировать президента, каждый день на телезрителей выливались истории про ненастоящую семью, которая управляет мало соображающим президентом и подписывает у него указы в целях дальнейшего обогащения. Истории про мои счета, замки, лондонские поместья и так далее не сходили с экрана НТВ. В «Куклах» появилась противная тетка, на мой взгляд, мало похожая на меня, и строила козни у своего папы-президента за спиной. Наверное, молодые журналисты, которые готовили эти программы, могли верить в то, о чем рассказывали: «Ну, мог же у нее быть замок в красивом немецком городке Гармиш-Партенкирхене, или почему бы не украсть что-то из денег Международного валютного фонда, раз она на президента влияет, ну и вообще, раз там оказалась, дура, если не воспользовалась?» Но Игорь-то Малашенко знал все прекрасно, знал, что это наглая ложь. Это было такое сильное человеческое потрясение для меня, эдакая прививка от наивности на всю жизнь».

Пару слов по поводу «прививки от наивности». На мой взгляд, пророчество Чубайса сбылось не через три года, а через два. Не в момент начала избирательной кампании 1999 года, а в конце 1998-го, когда дочери президента Ельцина оказались замешаны в коррупционный скандал с «Делом Mabetex». И «истории про счета, замки и поместья» стали появляться тоже в это время. Напомню, одной из глав «Дела Mabetex» было предположение, что компания еще в 1993 году открыла на имена Елены Окуловой и Татьяны Дьяченко кредитные карты, которые оплачивал лично глава Mabetex Беджет Пакколи. После чего (или в результате чего) и получил столь интересовавший его «кремлевский контракт». Возможно, Татьяна Борисовна инстинктивно не хотела связывать начало крупномасштабной войны НТВ против «Семьи» с неприятной историей этих кредитных карт.

В ходе расследования скандала появилась информация, что кредитки дочерей президента якобы были открыты без их ведома, хотя они ими все-таки пользовались. Так или иначе, в конце 2000 года Окулову и Дьяченко даже вызывали на допрос в качестве свидетелей. Но

само дело было закрыто. Правда, как говорится, «осадок остался». В том числе в силу следующих обстоятельств.

НТВ активно приветствовало действия Генпрокуратуры по «Делу Mabetex». (К возможным объяснениям этой заинтересованности мы обратимся совсем скоро, сейчас – факты.) Но если Скуратова поддерживал Гусинский, то Березовский с генпрокурором конфликтовал. Напомню, Борис Абрамович к тому времени уже перепрыгнул из кабинета заместителя секретаря Совета Безопасности России в кабинет исполнительного секретаря СНГ, но главное – он был полноценным «членом Семьи».

У Скуратова внезапно начались проблемы, апофеозом которых стало возбуждение уголовного дела уже в отношении него самого. Окончательно забыть «Дело Mabetex» генпрокурору пришлось в марте 1999 года, после демонстрации в эфире телеканала «Россия» (который, будучи целиком государственным, не принадлежал Березовскому, но находился так или иначе в зоне его досягаемости) небольшого документального фильма. Материал показали после выпуска программы «Вести» уже поздно ночью. Это была видеозапись встречи «человека, похожего на генерального прокурора», с двумя проститутками. Сам Скуратов всегда утверждал, что пленка была поддельной. Качество записи действительно оставляло желать лучшего, если эта фраза уместна в данном случае. Но «человек, похожий на прокурора», еще и имел небольшие проблемы с дикцией, очень похожие на манеру разговора реального Юрия Скуратова, да и девушки называли своего партнера Юрой...

Конечно, произошел скандал. Но пока все обсуждали этическую сторону вопроса, наступило 2 апреля, и Ельцин отстранил генерального прокурора от должности с формулировкой «на период расследования возбужденного в отношении него уголовного дела». Собственно, на этом история громкого коррупционного скандала под названием «Дело Mabetex» в России и закончилась. Она, правда, не зачахла совсем, потому что все-таки была международной, и постепенно переродилась в «Дело Бородина», которого угораздило даже посидеть в иностранных тюрьмах. В следующие два года НТВ будет много и яростно об этом говорить.

Так в чем же причина такого параноидального внимания телекомпании ко всем этим событиям? Изначальная причина? Или причины? Они просты – это все те же «понятия», по которым строился и развивался российский бизнес на протяжении всех 1990-х годов. Настанет время, и Владимир Гусинский скажет мне: «Я никогда не вел и не буду вести переговоры с человеком, которого могу просто послать на х...!» Абсолютная убежденность в том, что демонстрация силы, «качание рогами» – единственно возможный способ решения любых вопросов, и привела в итоге к многочисленным проблемам главного акционера НТВ и других олигархов, не сумевших перестроиться. Не сумевших из эпохи Ельцина войти в эпоху Путина.

Поэтому причина все та же – деньги. Стремление их заполучить и раздражение от того, что этому кто-то мешает. В тот период НТВ оказался единственным из всех федеральных телеканалов, который не получил государственного стабилизационного кредита. Основания в отказе были очевидными – в стране дефолт, финансовый кризис. Но, к сожалению, главные лица НТВ жили по принципу «Государство – это я!». Кредит пришлось брать у «Газпрома».

Конечно, сторона Гусинского выступала с контраргументами. Однако парадокс в том, что из всей «большой четверки» – Гусинский, Малашенко, Добродеев, Киселев – большая часть разъяснений исходила от одного человека, Евгения Киселева. Гусинский крайне редко давал интервью, стараясь говорить исключительно о бизнес-перспективах; Малашенко если и выступал, то делал это крайне неохотно, как бы намекая, что сама тема разговора слишком мелкая; а Добродеев, кажется, вообще никогда ничего публично не говорил, потому что занимался работой. «Новости – наша профессия!» Это был и лозунг телекомпании, и ее основной вид деятельности, которым Олег Борисович был занят с утра до вечера. Оставался Евгений Алексеевич, ведущий главной аналитической программы. Таким образом, выбор главного спи-

кера казался совершенно логичным, но беда заключалась в том, что Киселев-ведущий и Киселев-оратор – это были, как говорится, «две большие разницы».

Тем не менее для полноты информационной картины необходимо познакомиться и с его точкой зрения. Воспоминания Татьяны Юмашевой, на которые я ссылался, Евгений Киселев чуть позже назвал «классикой вранья» и «жалким лепетом оправдания». Никакого Лужкова – Примакова НТВ не поддерживало; Чубайс против предоставления лицензии на круглосуточное вещание не выступал; разговор Малашенко с Гусинским и Березовским по поводу должности главы администрации президента полностью вымышленный; и на Березовского Малашенко «рвякал» гораздо позже, когда возникла идея поставить его на место Черномырдина, и т. д. А по поводу программ НТВ, посвященных борьбе с «Семьей», в интервью ресурсу GZT.RU Евгений Киселев пояснил, что о доме Татьяны Юмашевой в Гармиш-Партенкирхене ничего однозначно не утверждалось, лишь проверялись слухи по этому поводу. И вообще, Татьяна Борисовна могла бы при желании сама положить конец всем кривотолкам. *«Ведь множество людей прекрасно знают, как она жила все эти годы, где ее можно было встретить, какой образ жизни она вела. Понятно, что покойный Борис Николаевич никогда стяжателем не был и миллионы ей не оставил. Значит, деньги, на которые она безбедно жила, например, в Англии, имеют какое-то другое происхождение. Возможно, она сочтет необходимым наконец рассказать, какое. А если нет, то Бог ей судья!»*

А вот короткое объяснение Евгения Киселева по кредиту, который, как считает Татьяна Юмашева, «НТВ и добил». Кредит брало не НТВ, а «Медиа-Мост»; это был не один кредит в 650 миллионов долларов, а два, в 262 миллиона и в 212 миллионов долларов; и брали кредиты не у «Газпрома», а у Credit Suisse First Boston под газпромовские гарантии, но Черномырдин тут совсем ни при чем... Как видим, это классический пример подмены тезиса, одного из наиболее часто используемых приемов информационных войн. Через некоторое количество глав мы доберемся до исторической встречи журналистов НТВ с Владимиром Путиным, которую пока описал только Виктор Шендерович. Описал с присущим ему блестящим сарказмом. Сравните небольшой фрагмент с только что приведенными разъяснениями Евгения Киселева по кредиту.

«Этот фокус (подмену сути дела его формальной стороной) президент за время беседы успел показать нам еще несколько раз. Особенно хорош был диалог насчет знаменитой прокурорской квартиры стоимостью почти полмиллиона долларов, квартиры, по прихоти судьбы доставшейся 2-ну Устинову совершенно бесплатно.

– Разве имеет право прокурор получать подарки от подследственного? – задал я, надо признать, вполне риторический вопрос.

– Вы имеете в виду Бородину? – уточнил Путин. Я подтвердил его догадку.

– Ну что вы, – успокоил меня президент России. – Устинов не получал квартиру от Бородина! (...) Он получил квартиру от Управления делами президента!»

Я лично не присутствовал на этой встрече. Я вел тогда вечерний выпуск новостей, подменяя Татьяну Миткову, но о подготовке похода в Кремль осведомлен хорошо и обязательно поделюсь подробностями. Пока же я вынужден «задать, надо признать, вполне риторический вопрос». Неужели в словах Владимира Путина есть фокус, а в словах Евгения Киселева – нет?

Да есть, конечно, пусть это и не понравится нашим современным либералам из числа журналистов и представителей несистемной оппозиции! Как была «сплошной подменой сути» вся кампания в защиту НТВ, проведенная нашим начальством в 2000–2001 годах – организованная и осуществленная в первую очередь за счет молодых журналистов, искренне переживавших за свою работу и готовых драться за своих старших коллег и руководителей. Как стала «сплошной подменой сути» и кампания в защиту телеканала «Дождь», предпринятая его владельцами совсем недавно, уже в 2014 году! И мне искренне жаль, что ни Евгений Киселев, ни Виктор Шендерович, ни другие их единомышленники (назовем их так) не видят, не хотят при-

знавать ущербности собственной позиции. Позиции сегодняшней, что особенно важно. Узурпация права на истину в последней инстанции – вот что тогда произошло! И с этим «завоеванием» некоторые никак не хотят расстаться... А тот кредит «Газпрома», как ни крути, действительно стал для «гусинского» НТВ не прорывом к единоличному лидерству на отечественном медийном рынке, а смертным приговором.

Лирическое отступление: Виктор Анатольевич Шендерович

Здесь я хотел бы ненадолго прервать мое повествование, выстроенное в относительно хронологическом порядке, чтобы сказать несколько слов о Викторе Шендеровиче. Это необходимо, во-первых, потому, что я уже несколько раз ссылался на его книгу «Здесь было НТВ», ТВ-6, ТВС и другие истории» как на единственный подробный из опубликованных рассказов о событиях тех лет. Во-вторых, набросав небольшой портрет человека, мне проще объяснить пассаж об ущербности его позиции и нежелании это признавать. И в-третьих, в непридуманной истории моей информационной войны есть несколько персонажей, игравших чуть более важные роли, чем другие. Виктор Шендерович – безусловно, один из них.

Если помните, в «Покровских воротах» Аркадий Варламович Велюров в одном из эпизодов декламировал: «Все это юмор, так сказать. Эстрадник должен быть задирой. Но я подумал, как связать куплеты эти мне с сатирой?» Хотя Виктор Шендерович некоторое время тоже «служил Мосэстраде», его главной сценической площадкой стало телевидение. Думаю, никто не будет с этим спорить. Можно спросить сколь угодно много человек, что они знают «из Шендеровича», – и я уверен, подавляющее большинство назовут «Куклы», «Итого» и, возможно, «Бесплатный сыр». Но никак не «Два ангела, четыре человека» или какую-нибудь другую его пьесу.

Телевидение – штука опасная. В том смысле, что оно может в один миг сделать человека звездой. Но нужно помнить – телевизионные звезды сильно отличаются от звезд небесных. Свет погасшей звезды будет идти к нашей планете несколько десятилетий, а блеск звезды телевизионной может потускнеть за несколько месяцев. Для многих это оказывается тяжелым потрясением. Страх потерять «звездность» объясняется не только врожденным или приобретенным нарциссизмом. Это страх потерять востребованность, успех, деньги, в конце концов. То есть привычный жизненный уклад. Мне кажется, что Виктор Анатольевич не вполне спра-

вился с серией ударов, каждый из которых отбрасывал его все дальше и дальше от дверей теле-студий. А если это происходит с человеком, которому, скажем так, не чужды высокомерие и несколько завышенная самооценка, процесс становится особенно болезненным.

Вспомним смешные шутки про счастливую девушку, которой в один день удалось взять автограф не только у Шендеровича, но и у Укупника; про то, что совесть России – это не только Виктор Анатольевич, но еще, оказывается, и Хинштейн; про то, что «уйти с телевидения стоило хотя бы ради того, чтобы тебя перестали путать с Михаилом Леонтьевым»... Мне кажется, в них слышна как минимум обида.

Или неоднократные отсылки к футболу: *«Если «Уралану», по случаю разгона «Реала» и обморока остальных европейских команд, вдруг достанется Рональдо, он, конечно, выживет там кого-нибудь из основного состава – причем к радости болельщиков»*. Если кто не понял: «Уралан» – это ТВ-6, «Реал» – НТВ, а Рональдо – это наш профессиональный коллектив. *«Осокин, «выживающий» из новостной студии Пономарева... – к чему такие ужастики на сон грядущий? Не легче ли признать, что эти два Михаила – специалисты различной квалификации?»* Возможно, это действительно профессионалы разного уровня. Но мне кажется, не наше дело было тогда проводить подобные сравнения. И конечно, стоило хотя бы попытаться поставить себя на место тех коллег, кого мы «к радости болельщиков» вытаскивали из основного состава ТВ-6. В то время я об этом не задумывался. Сегодня, когда я знаю все перипетии той телевизионной «рокировочки», мне стыдно.

Стыдно не за то, что я говорил, не за то, как защищал Гусинского и НТВ, нападая с обвинениями на наших оппонентов. Но стыдно за то, что в революционном порыве я не думал о цене, которую платят совершенно незнакомые мне люди. Платят за мое жизненное благополучие. Что считает по этому поводу Виктор Шендерович сейчас, я не знаю. Мы много лет не общаемся. Хотя мой экземпляр «Здесь было НТВ...» подписан автором: «Андрею и Юле – персонажу и человеку – с давней дружбой».

Как персонаж я несколько раз появляюсь на страницах его книги. В первый раз так. *«На глазах вырос в серьезного журналиста Андрей Норкин – вдумчивый, органичный и совестливый»*. В последний раз так: *«Принципиальность – штука редкая в отечественной журналистике и тем более ценная. Норкин – один из совсем немногих, кто поставил достоинство впереди популярности»*. Между этими фразами – два года и другие слова Виктора Анатольевича: о том, что, соглашаясь работать с Гусинским на RTVi, я «совершаю творческое самоубийство».

Когда в израильской прессе появилось интервью Гусинского, в котором он признал, что Путину есть за что на него обижаться и что сам Гусинский хотел бы вернуться в Россию, если представится такая возможность, реакция Виктора Шендеровича была, как всегда, остроумной: *«До чего же евреи довели Гусинского, что он полюбил Путина!»* В интервью радиостанции «Эхо Москвы» Шендерович шутил: *«Мир полон чудес! Магомет за одну ночь овладел грамотой, как вы знаете, Христос ходил по воде аки посуху. Гусинский обнаружил в Путине порядочность. Вообще, Ближний Восток – такое место, где случаются чудеса»*. По-моему, мы по-разному трактуем понятие принципиальности...

Однако – все это юмор. Если хотите, личностная сторона создаваемого портрета. Что же касается сатиры, стороны публичной, то необходимость постоянного оппонирования власти, постоянного поиска поводов для критики, на мой взгляд, увели Виктора Анатольевича далеко от реальности. Полнейшее нежелание коллег признавать то хорошее, что происходит в России, стало одной из главных причин, по которым я в конце 2007 года прекратил сотрудничество и с RTVi, и с либералами от политики и журналистики вообще. Пару лет назад мне на глаза попала очередная шутка от Шендеровича, который прилетел в декабрьскую Москву из Израиля. Цитирую не дословно, но по смыслу: *«Командир экипажа сообщает: «В Домодедово погода хорошая, минус восемь градусов. Вот такие тут представления о хорошем!»* Но позвольте! Для декабря минус восемь в Москве – на самом деле хорошая погода! В чем тут-то вина Кремля?

Это тоже Путин так устроил, что в зимние месяцы в нашей стране температура опускается ниже нуля?

К сожалению, в какой-то момент Виктор Шендерович попал в замкнутый круг. Он маргинализировался, перестал развиваться творчески. Это серьезная проблема, с которой столкнулись многие медийные персонажи. Сегодняшнее «Эхо Москвы» дает интервью телеканалу «Дождь», анализирующему события в блогах ресурса Snob.ru, на которые ссылается в своей публикации «Новая газета», чтобы дать возможность журналу The New Times предоставить свой комментарий на эту тему... радиостанции «Эхо Москвы». И везде одно и то же: «кровавый режим», «мы здесь власть», «Путин – уходи». И над всем витает сияющий лик предводителя сил добра и света Алексея Навального... В этом либеральном круговороте информации оказался не только Виктор Шендерович. Но он, повторю, имеет для моего рассказа гораздо большее значение, чем другие. Просто в силу своего таланта – увы, разменянного сегодня на политическую конъюнктуру.

А эта политическая конъюнктура – необходимость отрицания самого факта существования нашей страны как самодостаточного государства с собственными моральными принципами, с правом на развитие по сценариям, отличающимся от тех, что считаются единственно верными на Западе, – неизбежно привела к отторжению публикой Виктора Шендеровича (не столько как писателя и драматурга, сколько как публициста и общественного деятеля). Остался только один путь – путь политика, так называемая несистемная оппозиция. Совершенно уродливое, беспринципное, да, откровенно говоря, русофобское образование, построенное на непрерывных нападках и оскорблениях всех этих «ватников», «колорадов» и, в версии уже самого Шендеровича, «биомассы и быдла». «А судьи кто?» – вынужден спросить я.

Когда произошла «матрасная история», я понял для себя следующее. Я не имею права выносить какие-либо оценки случившемуся с моральной стороны. Но со стороны политической... Как можно выступать с пламенными речами в защиту многострадальной российской демократии, проводя досуг в одной компании с Лимоновым – популистом от большевизма – и Поткиным – лидером националистической организации? И после этого не сгореть со стыда, а продолжать поучать всех и каждого? Это, конечно, была катастрофа. Катастрофа, после которой уже не вызвали удивления ни заявления про Олимпиаду в Сочи, ни комментарии по Крыму, ни объяснения по поводу денег Фонда Макартуров, ни истерики из-за поведения помощницы главреда «Эха Москвы» Леси Рябцевой.

Виктор Шендерович застрял в деревне Гадюкино. И когда ее, в полном соответствии с его прогнозом, «смыло», то же самое произошло и с самим Виктором Анатольевичем. Жаль...

Глава 4

В 1999-м я начал стремительно двигаться в противоположных направлениях. Я опускался вниз по эфирной сетке, одновременно поднимаясь по карьерной лестнице. Почему-то работа в утреннем информационном блоке считается на телевидении наименее престижной. Хотя она гораздо тяжелее просто физически, а по количеству зрителей утренний прайм-тайм ничем не уступает вечернему.

Григория Кричевского все чаще и все больше загружали работой в «Итогах», он даже подменял Евгения Киселева в качестве ведущего. Соответственно, кому-то нужно было заменять самого Кричевского во время его эфирной недели. Этим кем-то периодически оказывался я, совмещая, таким образом, работу в двух бригадах – собственной утренней и дневной бригаде Кричевского.

Недостатка в важных событиях в первой половине 1999-го не было. Война на Балканах, горячая стадия которой на тот момент продолжалась уже восемь лет, достигла кульминации на Косовском фронте. 24 марта НАТО приступило к бомбардировкам Союзной Республики Югославия. Председатель правительства России Евгений Примаков, направлявшийся с визитом в США, узнав о начале военной операции Альянса, совершил легендарный «разворот над Атлантикой». Сам Евгений Максимович вспоминал об этом эпизоде так:

«Когда до посадки на военном аэродроме вблизи Вашингтона оставалось всего три часа, Гор³ подтвердил по телефону факт принятия решения о бомбардировках Югославии. Со мной летели в самолете несколько губернаторов, членов правительства. Я собрал всех и объявил о своем решении развернуть самолет. Вызвал командира корабля и спросил его, можем ли долететь прямо до Москвы. Он ответил, что не можем, и предложил два варианта: либо посадку на территории США, либо промежуточную посадку в Шенноне. Была дана команда лететь в Шеннон. После этого я позвонил президенту Ельцину и сказал, что лечу обратно. Самолет уже развернулся над Атлантикой. Ельцин мое решение одобрил».

Было бы странно предполагать намеренное искажение фактов со стороны Евгения Примакова. Но фраза «Ельцин мое решение одобрил» вызывает некоторые вопросы. Именно из-за последовавших за «разворотом» событий. Возможно (и даже скорее всего!), в телефонном разговоре президент действительно поддержал премьера. Но вот окружение президента – вряд ли. Газета «Коммерсантъ» вышла с совершенно убийственной заметкой Владислава Бородулина, размещенной на первой полосе:

«15 миллиардов долларов потеряла Россия благодаря Примакову. Евгений Примаков уже в самолете, летящем в Вашингтон, отменил свой визит в США. Тем самым премьер-министр России сделал свой выбор – выбор (...) большевика, готового полностью пренебречь интересами своей Родины и народа в угоду интернационализму, понятному только ему и бывшим членам КПСС. Евгений Примаков в Америке должен был договориться о выделении России кредита МВФ почти в \$5 млрд. Он должен был добиться от США согласия на реструктуризацию долгов, которые наделали коммунистические правительства СССР. Он должен был подписать с США договоры, принципиально важные для национальной экономики. (...) Поддержка близкого Примакову по духу режима Милошевича оказалась для него нужнее и понятнее, чем нужды собственной страны. (...) Вернувшись в Москву, премьер-министр потеряет всякое право смотреть в глаза тем старикам, которым он еще осенью обещал полностью выплатить пенсии. Их деньги он отдал сербским полицейским и албанским сепаратистам-террористам, воюющим друг с другом. (...) Те деньги, которые российский бизнес мог заработать сам (а не получить с печатного станка правительства и ЦБ), Примаков отдал Милошевичу.»

³ Альберт Гор, вице-президент США.

Зато получил огромный политический авторитет – среди пары сотен депутатов-коммунистов. (...) Для полноты картины Евгению Примакову нужно было не отменять визит в воздухе между Шенноном и Вашингтоном. Ему нужно было завернуть на Кубу и встретиться, к примеру, с Фиделем Кастро. Другим всегда найдется, о чем поговорить. Другой вопрос, что Примаков больше не может называть себя премьер-министром России, страны, интересы которой он продал».

«Коммерсантъ» последовательно критиковал кабинет Примакова за недостаточно решительное проведение реформ, но подобного тона до сих пор никогда себе не позволял. Все объяснялось просто. Весной 1999 года некий иранский бизнесмен Киа Джурабчиан объявил о том, что купил газету «Коммерсантъ». Фигура этого господина оказалась настолько откровенно опереточной, что практически сразу появились предположения о том, что Джурабчиан – подставное лицо. Его имя снова попало в поле зрения СМИ только в 2006 году, когда прокуратура Бразилии начала расследование уголовного дела об отмывании денег через кассу футбольного клуба «Коринтианс». Главным фигурантом этого дела был... Борис Березовский. И он же оказался настоящим покупателем «Коммерсанта». Во времена премьерства Примакова в отношении Березовского были возбуждены несколько уголовных дел, поэтому Борис Абрамович попытался сместить главу правительства, пролоббировав появление в «Коммерсанте» скандальной статьи. И хотя официально Березовский признал факт покупки издательского дома только 9 августа, Евгений Примаков был отправлен в отставку уже 12 мая, с формулировкой «в связи с замедлением реформ и необходимостью придать им новый импульс».

Березовскому удалось сформировать у Ельцина мнение, что Примаков недостаточно лоялен президенту. Что именно Примаков стоит за попытками вынесения импичмента Ельцину – и, что самое страшное, опираясь на своих левоцентристских и коммунистических сторонников, сам планирует занять пост президента в 2000 году.

Сейчас можно лишь гадать, какой стала бы наша страна при Примакове-президенте. Многие специалисты называют его «разворот над Атлантикой» первой реальной демонстрацией Россией своего намерения вырваться из однополярной системы миропорядка. Первым проявлением новой, самостоятельной внешней политики, сформулированной позднее Владимиром Путиным и в его знаменитой «Мюнхенской речи» 2007 года, и в совсем уж недавнем выступлении на юбилейной Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 года. Но тогда, в 1999 году, об этом даже мечтать не приходилось. После развала СССР наша страна несколько лет находилась в совершенно недвусмысленном положении. Положении вассала.

Широко известен факт разговора бывшего президента США Ричарда Никсона с министром иностранных дел России Андреем Козыревым об интересах новой России. *«Одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах, и теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен»,* – сказал глава российского МИДа.

Когда именно Примаков сменил Козырева в кабинете на Смоленской площади, в Вашингтоне не скрывали раздражения. Заместитель госсекретаря США Струоб Тэлботт считал, что Примаков «всегда был больше проблемой, чем ее разрешением». Это объяснялось тем, что Евгений Максимович не позволял относиться к себе (и к своей стране) так, как его предшественник. Приведу небольшой пример того, как в 1990-х строились взаимоотношения России и США. Для этого я хотел бы привлечь внимание к книге все того же Струоба Тэлботта «Билл и Борис: Записки о президентской дипломатии».

Это весьма откровенные политические мемуары, в которых подробно описываются не только ночные приключения Бориса Ельцина в американском Белом доме, но и такой процесс, как «кормление шпинатом». Тэлботт отсылает читателя к мультипликационному персонажу по имени Морячок Попай. Попай – нечто вроде современного супергероя. Он получал

удивительные сверхвозможности и дополнительные силы после того, как съедл баночку консервированного шпината. Так вот, работа с ельцинской Россией в администрации Клинтона строилась по такому же принципу. Как пишет Тэлботт, Ельцина необходимо было периодически «кормить шпинатом»: давать какие-то уверения, делать некоторые поблажки и не забывать пугать коммунистическими кознями. «Поев шпината», российский президент становился более активным, более стоворчивым и принимал необходимые американцам законодательные решения. В том числе, кстати, и кадровые. С приходом Примакова в МИД «шпинатная диета» прекратилась. А с началом работы Примакова во главе правительства могли прекратиться и многие другие «проекты». Но, к сожалению, была остановлена работа самого Евгения Максимовича. «Общечеловеческие ценности» на некоторое время снова вышли на авансцену российской политики, а должность председателя правительства России занял Сергей Степашин.

При этом я вовсе не хочу сказать, что Степашин виновен в каком-то откате страны назад. Отнюдь нет. Сергей Вадимович по-человечески мне всегда был симпатичен, и в дальнейшем, во время нескольких интервью, которые я брал у него для программы «Герой дня», это впечатление только окрепло. Вообще, к моменту назначения Степашина я уже настолько «набил руку» на новостях о кадровых перестановках в правительстве, что ухитрился впервые привлечь к себе личное внимание Владимира Гусинского. Если верить главному редактору «Эха Москвы» Алексею Венедиктову, это произошло при довольно-таки анекдотических обстоятельствах.

Гусинский и Венедиктов вместе смотрели программу «Сегодня днем», в которой рассказывалось о назначении Степашина. Вел выпуск я. Спустя какое-то время Гусинский, обращаясь к Венедиктову, неожиданно произнес: «Какой хороший парень! Отлично работает. Надо его к нам, на НТВ, переманить». На что пораженный Венедиктов ответил: «Володь, ты что, с ума сошел? Это же твой канал!» (Прямо как Пятачок: «Пух, это ведь твой дом!») Своей особенной заслугой в том выпуске я не вижу. Фактура сама по себе была настолько яркой и выигрышной, что провести подобную программу плохо было просто невозможно. Вспомните, как все эти события развивались. Взять хотя бы эпизод, случившийся за две недели до отставки Примакова. Эти ельцинские фразы-глыбы: «Не так сели... Степашин – первый зам!.. Сергей Вадимыч, пересядьте!» – сопровождавшиеся воистину «мхатовскими» паузами.

По большому счету, новое правительство так и не успело ничем себя зарекомендовать, поскольку Степашин продержался на посту премьера меньше трех месяцев. Его карьера оказалась даже более скоротечной, чем у Кириенко. Почему его отправили в отставку – коротко объяснить невозможно. Внешне казалось, что Степашин искренне пытается добросовестно руководить кабинетом министров, но дальше многочисленных заявлений дело так и не пошло. По одной из версий, Степашин вызвал недовольство «Семьи», и в первую очередь Березовского, не слишком успешными действиями по усмирению развившего излишнюю активность избирательного блока «Отечество – Вся Россия», во главе которого стояли региональные политические тяжеловесы Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов, Руслан Аушев и примкнувший к ним Владимир Яковлев. Сам Березовский в то время целиком и полностью занимался подготовкой к выборам другого объединения – «Медведя» (Межрегиональное движение «Единство»). Очевидно, что никакого «единства» у политической верхушки страны не было, но утверждение, что именно конкурентная борьба «Медведя» с блоком ОВР и стала причиной очередной замены премьер-министра, мне кажется излишне смелым. И уж тем более некорректно говорить о том, что Степашина сняли за отсутствие твердой позиции в конфликте между администрацией президента (читай, «Семьей») и телекомпанией НТВ, чьи симпатии были, очевидно, на стороне «Отечества – Всей России», что бы ни говорил по этому поводу Евгений Киселев.

Как бы то ни было, началу полномасштабной информационной войны из-за выборов в Государственную Думу предшествовали драматические и трагические события самой насто-

ящей войны. 7 августа произошло вторжение чеченских боевиков на территорию Дагестана, давшее начало так называемой Второй чеченской кампании, а в промежутке с 4 по 16 сентября четыре террористических акта – взрывы домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске – унесли более трехсот жизней. Задача справиться с этим «гордиевым узлом» новых проблем была возложена уже на совершенно другого человека.

Глава 5

«Во время их последней беседы в Кремле Путин повернулся и задержал свой холодный взгляд на Березовском, невысоком, гиперактивном человеке, говорящем негромкой скороговоркой и готовом часами ждать у вашего порога. Путин смотрел на «торговца влиянием», который собственными руками, благодаря своему неукротимому честолюбию и мечтам об огромном богатстве, сделал больше, чем кто-либо другой, для наступления эры олигархов. Теперь дни их славы остались позади. На смену им приходили новые игроки, сколачивались новые состояния. И в Кремле был новый российский лидер. «Ты, – сказал Путин, – ты был одним из тех, кто просил меня стать президентом. На что же ты жалуешься?» Березовский не смог ответить».

Этими словами заканчивается книга американского журналиста Дэвида Хоффмана «Олигархи: богатство и власть в новой России», которую я настоятельно рекомендую к прочтению. С 1995 по 2001 год Хоффман возглавлял московское бюро влиятельной американской газеты The Washington Post и за это время неоднократно встречался с политиками, чиновниками, бизнесменами и журналистами, что позволило ему создать красочную и подробную историю становления и краха российской олигархической системы. Но если Березовский в 2001 году не смог ответить Путину, потому что не понимал, что же произошло – почему человек, на которого были сделаны столь высокие ставки, вдруг предпочел работать самостоятельно, а не по указке, – то в августе 1999-го о самом Владимире Путине мало кто мог сказать что-либо внятное.

Да, к моменту назначения и. о. премьер-министра Путин чуть больше года руководил ФСБ и несколько месяцев работал на посту секретаря Совета Безопасности России. Но для широкой публики это были просто строчки официальной хроники, не более того. Причем как в России, так и вне ее. Квинтэссенция западного представления о Путине, на мой взгляд, – это публикация некой организации под названием «Международный комитет Четвертого интернационала» на ее ресурсе World Socialist Web Site: *«Новый премьер-министр является таким же бесцветным и серым политиком, как и его предшественник. Ни одна из проблем, с которыми сталкивается господствующий в России режим, не сможет быть решена путем назначения Владимира Путина новым премьер-министром. Этим путем только заново перемишаны карты, в то время как само разрешение проблем отложено на неопределенное время, после чего они вновь вырвутся на поверхность с еще большей остротой».* Практически приговор! И вынесенный не без оснований, поскольку соответствующее впечатление формировалось в течение нескольких предыдущих лет. А особенно активно – предыдущих месяцев.

Вспомните хотя бы диалог, состоявшийся в Государственной Думе между официальным представителем президента Александром Котенковым и председателем нижней палаты парламента Геннадием Селезневым в мае 1999 года, когда обсуждалась кандидатура Степашина. *«Геннадий Николаевич, я прошу прощения, что не стал перебивать раньше, действительно, я не знаю, что за ошибка произошла, но с самого начала я получил известие о том, что вносится кандидатура Степашина. – Александр Алексеевич, я сегодня с чистыми ушами, трубка работает совершенно точно и четко. Президентом была названа кандидатура Аксененко, о чем я вам и сказал. Значит, будет два премьера!»* Согласитесь, подобное обсуждение важнейшего государственного процесса – смены главы правительства – и впрямь выглядит довольно жалко.

В январе 2000 года на Международном экономическом форуме в Давосе корреспондент американского издания Philadelphia Inquirer Труди Рубин задала вопрос, вошедший в историю: «Who is Mr. Putin?» «Кто он, господин Путин?» – спросила Рубин членов российской делегации Сергея Кириенко, Анатолия Чубайса, Михаила Касьянова и Константина Титова.

Никто из них не смог ответить, что очень позабавило давосскую публику. Спустя почти год, в программе «Намедни», подводившей итоги 2000-го, Леонид Парфенов, всегда придававший форме подачи информации чуть больше значения, чем ее сути, описывая нового российского президента, использовал весьма яркую и запоминающуюся фразу: *«Тип белесой северной внешности, который в народе называют «чухонь белобрысая»...*

Безусловно, были и другие характеристики, не менее неожиданные. Среди таковых следует выделить мнение Бориса Немцова, высказанное им в конце ноября 1999-го в эфире радиостанции «Эхо Москвы»: *«Конечно, Россия должна избрать нового президента. Этот президент должен быть и честным, и физически крепким, и мужественным, и ответственным. Я убежден, что следующим президентом должен быть Владимир Владимирович Путин. Если сейчас ему не скрутят руки-ноги известные люди, то, я убежден, у него есть все шансы, чтобы за него проголосовали. По крайней мере, я его буду всячески поддерживать. Во-первых, Путин – человек ответственный. Во-вторых, он не боится принимать сложные для себя решения, потому что решения по поводу единства России, наведения порядка на Кавказе, по борьбе с терроризмом – это ответственные решения. За них придется отвечать, если, не дай Бог, чего случится. А случиться может, вы знаете, какие бомбежки сейчас идут. Но он этого не боится. Третье: он – молодой человек, ему 47 лет. Он здоровый. Четвертое: по-моему, он – честный человек, а нам нужен честный человек президентом. Потому я и поддерживаю Путина».*

«Скрутить руки-ноги» Путину не удалось, и сейчас хорошо понятно, что осознание этой «невозможности скручивания» должно было прийти к «известным людям» практически сразу же после поездки Путина на воюющий Северный Кавказ. Я имею в виду общение исполняющего обязанности председателя правительства, к тому моменту уже взявшего на себя руководство контртеррористической операцией на Кавказе, с региональными чиновниками и армейскими командирами. В штабной палатке был накрыт стол. Причем стояли на нем не только закуски, но и алкогольные напитки. Путин с рюмкой водки в руках сказал буквально следующее: *«Очень хочется по русской традиции и по традиции священной земли Дагестана, где мы с вами сегодня находимся, поднять этот бокал и выпить за память тех, кто погиб... Секундочку, секундочку, секундочку... Очень хочется выпить за здоровье раненых и пожелать счастья всем, кто здесь находится. Но у нас с вами впереди много проблем и большие задачи. Вы это прекрасно знаете. Вы знаете, что планирует противник. И мы это с вами тоже знаем. Какие провокации ожидаются в ближайшее время, в каких районах и так далее. Мы с вами не имеем права позволить ни секунды слабости себе! Ни секунды... Потому что если мы это сделаем, то тогда те, кто погиб, тогда получается, что они погибли напрасно. Поэтому я предлагаю сегодня эту рюмку поставить. Мы обязательно выпьем за них, обязательно! Но пить будем потом... Потом, тогда, когда эти задачи принципиального характера, вы о них все знаете, будут решены. Поэтому я предлагаю сейчас по-походному перекусить... и за работу».*

Эта документальная съемка вошла в фильм журналиста Владимира Соловьева «Президент», который был посвящен пятнадцатилетию работы Владимира Путина на высших государственных должностях. На записи прекрасно видно, что после слов Путина о памяти погибших собравшиеся за столом дружно встают, чтобы помянуть ушедших. Этим и вызвано троекратно повторенное замечание «секундочку»... Почему этот эпизод – на самом деле дающий исчерпывающую характеристику Владимиру Путину – добрался до экрана только в 2015 году, а не сразу после того, как все это было записано телекамерами? Точного ответа я не знаю. Могу лишь предположить, что событию либо не придали значения, либо оно шло вразрез с трактовкой ситуации на Северном Кавказе. В первом случае я говорю об ОРТ, контролируемом Березовским, абсолютно уверенным, что новый премьер будет послушным и управляемым. А во втором – об НТВ, имевшем собственные традиции в освещении региональных конфликтов.

Если выделять главные претензии к деятельности телекомпании НТВ как со стороны власти, так и со стороны зрителей, то это, конечно, позиция телекомпании относительно чеченских войн. Но Первая и Вторая кавказские кампании никак не могут считаться идентичными. Были разные причины, преследовались разные цели, радикально отличались действия силовых структур. Работа НТВ на Первой чеченской войне шла по западным стандартам: поиск эксклюзивной информации, прямые включения с передовой, резкая критика бездеятельности властей и плотное общение с так называемыми полевыми командирами. У многих зрителей новостных программ НТВ тогда возник вопрос: почему люди, воюющие против нашей страны, предстают в эфире некими повстанцами, борцами за правое дело? И ответ на этот вопрос так и не был получен. Повторю: на мой взгляд, объяснение заключается в стандартизации процесса сбора и выдачи информации в эфир. НТВ позиционировало себя как прорывная телекомпания, работающая по западным, в первую очередь американским лекалам. А для американского телевидения любой региональный конфликт становился хроникой борьбы за демократию и национальную свободу – поскольку все эти конфликты происходили далеко за пределами территории США и движение «Талибан»⁴, «Аль-Каида»⁵ и даже ИГИЛ⁶ до поры до времени ходили в союзниках Соединенных Штатов в борьбе с Советским Союзом, Саддамом Хусейном или Башаром Асадом. Тем более что все эти повстанческие движения щедро финансировались, а в некоторых случаях и создавались самими США.

Поэтому неудивительно, что НТВ, возможно неосознанно, освещало военные действия на Северном Кавказе с аналогичных позиций: мощный недемократический государственный аппарат, погрязший в коррупции и пытающийся навязать всем и каждому свои правила, – с одной стороны; и маленький, но гордый народ, сражающийся за право самоопределения, – с другой. Вторая чеченская кампания изначально противоречила подобной трактовке. Вторжение Басаева и Хаттаба в Дагестан при всем желании нельзя было считать священной борьбой за свободу. К сожалению, многие мои коллеги этого не прочувствовали и по инерции пытались работать в эфире так же, как и в 1994–1996 годах. Этот внутренний оценочный конфликт назревал и в конце концов привел к расколу творческого коллектива НТВ.

К тому же следует учитывать, что до 1999 года крупных терактов с большим количеством жертв в европейской части территории России не было. Зоной активности террористов в основном оставался Северный Кавказ. Но сентябрьская серия взрывов жилых домов вывела войну с террористами на новый уровень. Ощущение опасности стало реальным для всех, в том числе для москвичей. И точно так же на новый уровень вышла и работа СМИ по освещению подобных трагических событий.

13 сентября 1999 года мы уже были практически готовы к работе, когда в начале шестого утра на ленты информационных агентств поступило сообщение о втором взрыве жилого дома в Москве. Первый – на улице Гурьянова, 19, произошел пятью днями раньше, около полуночи. В этот раз целью террористов стало жилое здание по адресу Каширское шоссе, дом 6, корпус 3. Я позвонил Добродееву. «Олег Борисович, они взорвали второй дом!» – этими словами я выдернул еще спавшего генерального директора телекомпании в ужасающую своими событиями реальность. Работа утренних информационных бригад НТВ напрямую курировалась не Добродеевым, а Кулистиковым, который тогда занимал должность главного редактора службы информации. Однако событие подобного масштаба требовало незамедлительной и объемной

⁴ Решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. №ГКПИ 03–116 организация «Талибан» («Движение Талибан») признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

⁵ Решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. №ГКПИ 03–116 организация «Аль-Каида» («База») признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

⁶ Решением ВС РФ от 29 декабря 2014. №АКПИ 14–1424С организация «Исламское государство» («Исламское Государство Ирака и Леванта», ИГИЛ) признана экстремистской и ее деятельность запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

перекройки всей эфирной сетки канала, и такие распоряжения мог отдавать только генеральный директор.

Сообщив Добродееву немногочисленные известные мне подробности и получив от него указания технологического характера, я на несколько часов засел в студии программы «Сегодня утром». Отличительной особенностью НТВ тех лет была удивительная мобильность в редакционной политике. Собственно, сама редакционная политика строилась на полном и непрерываемом превосходстве новостей над всем остальным контентом. Если это было необходимо – с эфира снимались все программы, стоявшие в сетке. Экстренный прямой эфир мог продолжаться сколь угодно долго. Впоследствии это правило стали использовать и другие телекомпании. Так, мой личный рекорд – семь часов непрерывного прямого эфира 11 сентября 2001 года – относился уже к телекомпании ТВ-6.

По пустым дорогам утренней Москвы наша «тарелка» прибыла к месту трагедии очень быстро, и мы практически сразу смогли выдавать картинку в прямой эфир. Эта оперативность тоже была предметом гордости службы информации НТВ. Конечно, количество машин в Москве в шесть утра тогда, в 1999-м, и сейчас, более полутора десятилетий спустя, просто невозможно сравнивать. Но в любом случае выигрыш в скорости подготовки материала получала телекомпания, лучше оснащенная технически. А НТВ, как я уже говорил, в первые годы своего существования на технике не экономило и в числе первых стало использовать в новостях прямые включения с помощью спутниковых тарелок, установленных на автомобилях. Когда в ночь на 3 июля 1998 года на своей подмосковной даче был убит бывший председатель думского Комитета по обороне генерал Лев Рохлин, съемочная группа НТВ прибыла к месту преступления вместе с коллегами с других каналов. Но подъехать к даче Рохлиных оказалось невозможно, милиция блокировала дорогу. Тогда оборудованный «тарелкой» огромный Chevrolet Suburban, принадлежащий НТВ, просто съехал с дороги и, минуя милицейские кордоны, прямо через поле пробрался непосредственно к месту событий.

Без ложной скромности могу сказать, что работа службы информации НТВ в те дни была очень качественной. По тем фрагментам выпусков новостей, которые сейчас можно отыскать в Интернете, легко подсчитать, что прямое включение нашего корреспондента Александра Хабарова, например, продолжалось минут пятнадцать, не меньше. Мы старались создать у зрителя впечатление собственного присутствия на месте событий. Ведущий и корреспондент, то есть я и Саша, разговаривали друг с другом, обсуждая происходящее на наших глазах, комментируя его. Так, периодически к Саше подходили самые разные гости, эфирные спикеры, сообщавшие дополнительные подробности. Это могли быть как официальные лица, представлявшие милицию, ФСБ или пожарных, так и местные жители, ставшие свидетелями трагедии. Я мог в прямом эфире попросить корреспондента показать нам более крупно, что происходит на месте разбора завалов. И Александр Хабаров, стоявший в тот момент в нескольких десятках метров от развалин, у здания школы, в котором размещали пострадавших, тоже в прямом эфире озвучивал мою просьбу оператору: «Можете развернуть немного камеру?» Далее следовал «наезд», картинка становилась более крупной, и зритель, сидящий у себя дома у экрана телевизора, видел все подробности.

Еще одной значимой особенностью работы в таких условиях было отсутствие суфлера. Телесуфлер, помогающий ведущему телепрограммы читать текст без пауз и ошибок, требует определенной подготовки. Готовый текст ведущего получает редактор суфлера, который в процессе выхода программы в прямом эфире или же при ее записи следит за тем, чтобы бегущие по экрану строки совпадали с темпом чтения ведущего. Но в экстренных выпусках суфлер становился бесполезным, потому что физически невозможно было быстро написать текст, отредактировать его, сохранить и выдать на монитор. Поэтому приходилось или читать с листа, или говорить от себя.

Я любил и люблю работать без суфлера. Это требует дополнительной концентрации, но в то же время, как ни парадоксально, придает работе ведущего некоторую раскованность. Главное в такой ситуации – найти необходимый баланс. Не передавить с эмоциями, не допускать провисаний темпа и, конечно, не ошибаться. Сейчас, пересматривая те кадры, я сразу же замечаю проскочившие неточности. Например, «детскую» ошибку в связке «имеет значение» – «играет роль». Это весьма распространенный огрех, очень часто объясняющийся волнением ведущего. Но в моей работе 13 сентября 1999 года волнение не слишком заметно – значит, в этот конкретный момент я думал уже о том, что должен сказать через несколько секунд. Кстати, в этом же выпуске хорошо видно, как кто-то приносит мне сообщение, распечатанное на бумаге: я отвожу взгляд от телекамеры, поднимаю руку и явно что-то беру у человека, который в кадре не появляется. С точки зрения обычных эфирных условий – это, конечно, недопустимый брак. Но при таком «форс-мажоре» описываемое отступление от правил не только не испортило впечатление, но и, напротив, производило на зрителя дополнительный эмоциональный эффект.

Отмечу еще один момент, раз уж мы заговорили о работе телеведущего. На разбираемых мною сейчас кадрах периодически можно заметить, как я, обращаясь к зрителям в момент так называемой «подводки», то есть текста, предваряющего репортаж, чью-то прямую речь или демонстрацию видеокладов в режиме «без комментариев», в самом конце фразы начинаю смотреть куда-то в сторону и вниз. Это я переключал свое внимание на просмотрный монитор, стоявший справа от меня и показывавший ту же самую картинку. Еще одна ошибка! Мое глубокое убеждение состоит в том, что ведущий программы новостей – в каком-то смысле гость каждого из телезрителей, которые его слушают. И уводить глаза от объектива телекамеры в такой ситуации означает проявлять неуважение к своему зрителю. Это приблизительно то же самое, как разговаривать с человеком один на один и вдруг отвести глаза и продолжать говорить, глядя куда-то вбок. Возможно, это была мелкая ошибка и я придираюсь сам к себе. Но после двадцати лет работы на телевидении я уже имею на это право. Главное для «телеведущего-новостника» – это доверие зрителя. А оно достигается только за счет досконального знания темы, умения быстро ориентироваться в потоке информации и уважительного отношения к аудитории. Если ведущий не знает или не понимает, что и о чем он говорит, если он относится к своим зрителям как к серой массе, потребителям, стоящим гораздо ниже на социальной лестнице, люди очень быстро это почувствуют. И тогда о доверии можно и не мечтать. Если же телеведущему не верят, то, скорее всего, его профессиональная карьера не будет слишком продолжительной.

Но вернемся к политической ситуации осени 1999 года. Война на юге России; кровавые террористические акты, регулярно происходящие в самых разных регионах; начало предвыборной кампании. Причем НТВ, как я уже говорил, «по традиции» обращало на чеченскую войну больше внимания, чем конкуренты с ОРТ. Главный акционер «Первого канала» Борис Березовский был с головой поглощен борьбой за формирование новой Государственной Думы и поиском преемника для президента Ельцина. Отношения Березовского с Гусинским разладились совершенно. НТВ, из-за своего стремительно ухудшавшегося финансового положения, все активнее «наезжало» на «Семью», поддерживая Примакова и Лужкова как возможных будущих руководителей страны. ОРТ, в свою очередь, сконцентрировалось на критических атаках в отношении этих политических тяжеловесов. Таким образом, осень и начало зимы 1999-го ознаменовались информационной войной двух телеканалов, двух телепрограмм и двух телеведущих. И пока Евгений Киселев в заставке «Итогов» рассеяно теребил правый ус, задумчиво взъерошивал волосы и что-то элегантно помечал в блокноте изысканной перьевой ручкой, Сергей Доренко, оставаясь за кадром, под зубодробительный скрежет каких-то шестеренок, с места в карьер огорошивал зрителя фразами типа: «Отечество минус Вся Россия» сливается с коммунистами! Примаков торгует членами! Лужков не отвергает обвинения в убийстве, но

надеется спастись от наказания путем прихода к власти!» Нужно ли спрашивать, кто из них сумел выиграть эту схватку за рейтинг?..

Глава 6

При всей «прогусинскости», «прокиселевскости» моей позиции в то время даже мне было очевидно: НТВ проигрывало. «Итоги» пытались выглядеть интеллигентной и умной программой, предлагающей зрителю серьезный и неспешный анализ происходивших событий. «Авторская программа Сергея Доренко» ничего не пыталась. Она была абсолютно, неприкрыто, подчеркнута хамской, безапелляционной и стремительной. Киселев расшаркивался, подготавливал аудиторию, делал намеки... Доренко сразу лупил в челюсть и тут же добивал ошеломленного зрителя ногами!

В программах НТВ становилось все больше критики окружения президента. Все чаще стал появляться в кадре «незаслуженно обиженный» бывший генпрокурор Скуратов со своими подробностями о «Деле Mabetex» и о том, кто из членов «Семьи» в нем замешан. Фигура главы администрации президента Александра Волошина, занявшего эту должность лишь в марте 1999-го, прочно поселилась в программе «Куклы», причем периодически Волошин превращался в Ленина, видимо, для усиления пугающего эффекта. «Итоги» же приступили к вскрытию подробностей давнего и довольно мутного сотрудничества Волошина с Березовским. Речь шла и о проекте AVVA, и о «Чара-банке», и о других не менее скандальных историях.

Поскольку сейчас эти подробности уже подзабыты, коротко напомним, что Березовский во второй половине 1990-х возглавлял «Автомобильный Всероссийский Альянс», общество, призванное собирать средства для строительства завода по выпуску «народных автомобилей». Под словом «народный» подразумевалось – «дешевый». AVVA выпустила акции, получила пару десятков миллионов долларов, но потом все как-то скисло. Так вот, акции AVVA, в частности, покупал «Чара-банк», а посредником при осуществлении сделки выступала компания «ЭСТА Корп.», президентом которой был Александр Стальевич Волошин. Ну, а банк «Чара» оказался на поверку обычной «финансовой пирамидой» и лопнул с дыркой в бюджете в 131 миллиард рублей, оставив без денег десятки тысяч вкладчиков, которых тут же стали называть «чарамыжниками».

Но, еще раз повторю, все это происходило в 1994–1996 годах, то есть НТВ для своих разоблачений выбрало «осетрину» явно не первой свежести. ОРТ же, напротив, буквально «резало по живому». Одним из самых грандиозных примеров эфирной вивисекции, проводившейся «Авторской программой Сергея Доренко», был рассказ о тазобедренном суставе Примакова, вышедший в эфир 24 октября 1999 года, в котором речь шла не столько о финансово-этической стороне вопроса, сколько о неприкрытой физиологии:

«Мы решили чуть подробнее остановиться собственно на медицинской стороне вопроса, потому что операцию сделали самому, пожалуй, известному на сегодня политику страны – Примакову. Во-первых, только узнав подробно о проблемах с этими суставами, вы сможете реально оценить силу воли Примакова. Человека, который научился, хоть и ненадолго появляясь на публике, преодолевать постоянную чудовищную боль. Во-вторых, президент Ельцин приучил нас к открытости. Его операция на сердце освещалась самым тщательным образом. Потому что мы не можем не знать о здоровье человека, который нами руководит. А Евгений Максимович намерен нами руководить, и полнейшая аналогия с Борисом Николаевичем вполне уместна. В-третьих, президент Ельцин приучил нас к недовольству тем, что наш президент то болеет, то работает над документами с крепким рукопожатием. И в-четвертых, вероятность второй операции для Примакова настолько велика, что, согласитесь, мы не можем не обратить на это внимание, тем более что речь идет о человеке, который решил стать президентом России».

Евгений Примаков смотрел передачу Доренко. Это стало понятно, потому что он тут же позвонил в эфир НТВ Евгению Киселеву, который, как обычно перебрал все мыслимые огра-

ничения хронометража программы «Итоги», в этот момент только собирался сказать зрителям «до свидания». Далее состоялся следующий разговор:

«Е. Киселев: *Евгений Максимович, вы слышите меня?*

Е. Примаков: *Я вас хорошо слышу. И очень удовлетворен тем, Евгений Алексеевич, что вы еще в эфире. Поэтому я имею возможность как-то отреагировать на программу, которую только что смотрел.*

Е. Киселев: *Вы имеете в виду нашу программу?*

Е. Примаков: *Я имею в виду программу широко известного своей «правдивостью, доброжелательностью и бескорыстием» Доренко.*

Е. Киселев: *Угу...*

Е. Примаков: *Он сказал, что я тяжело болен и мне предстоит серьезная операция. Должен успокоить всех своих многочисленных друзей: это абсолютно не соответствует действительности! Одновременно всех своих недругов хочу – ну, извините – разочаровать. Чувствую себя превосходно! Предлагаю Доренко проплыть со мной любую удобную ему дистанцию. Вообще, теперь я так уверен в его медицинских познаниях, что готов пригласить к себе медицинским консультантом. (...) И еще эпизод с Шеварднадзе... Вы не смотрели?*

Е. Киселев: *Нет, я, к сожалению, не могу комментировать, поскольку был в эфире и не видел программу...*

Е. Примаков: *И не надо. Не хочу вас ни с кем сталкивать лбами...»*

Дело в том, что в той же программе, только чуть раньше репортажа о стоимости якобы проведенной Примакову операции, Сергей Доренко привел свидетельства осведомленного источника из США о причастности российского политика к подготовке покушения на президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Почему вместе с цитатой из программы Доренко я привел и фрагмент «Итогов»? Потому что НТВ, безусловно, в той истории поддерживало тандем Примакова – Лужкова, хотя Евгений Киселев это опровергает. Все сотрудники службы информации НТВ четко знали, кто из кандидатов в депутаты Думы «наш», а кто – кандидат от Березовского. Ровно то же самое относилось и к политическим партиям, участвующим в выборах. НТВ вело информационную поддержку блока «Отечество – Вся Россия», сформированного под думские выборы из лужковского «Отечества» и «Всей России» крупных региональных лидеров. Примаков вместе с Лужковым был избран председателем избирательного блока. И все было хорошо. ОВР считали фаворитом думской кампании. Дело дошло до того, что в коридорах НТВ сотрудники обсуждали кадровый состав нового правительства! Приведу фрагмент уже упоминавшегося интервью Сергея Ястржембского, которое он дал мне в эфире радиостанции «Коммерсантъ FM» в июне 2014 года:

«А. Норкин: *Многие называли вас будущим министром иностранных дел при Лужкове-президенте. Были такие планы?*

С. Ястржембский: *Ну, были такие разговоры, да... В том числе и в окружении Юрия Михайловича, да...*

А. Норкин: *Вы всерьез относились к таким разговорам?*

С. Ястржембский: *Ну, я относился... Как можно относиться всерьез, когда шкура медведя... Медведь гуляет, делят его шкуру! Сначала надо было выиграть, потом уже об этом говорить...»*

Выиграть блоку ОВР не удалось именно что из-за «Медведя», Межрегионального движения «Единство», созданного Березовским, и более эффективной и эффективной поддержки его деятельности, за которую отвечала программа Доренко. Принцип этой поддержки был прост: о «Единстве» сообщалось только хорошее и положительное, а об ОВР – только отрицательное и негативное. Причем основной удар всегда направлялся на лидеров блока. Мэру Москвы от Сергея Доренко доставалось не меньше. Фраза: «Казалось бы, при чем здесь Лужков?» – до сих пор остается в числе самых популярных крылатых выражений.

Нападать на Лужкова было даже проще, потому что годы его хозяйственной деятельности на посту столичного градоначальника предоставляли широкое поле для поиска компромата. Но обвинениями Лужкова в финансовых махинациях (типа истории с выводом денег через Bank of New York) наши конкуренты не ограничивались. Отдельным направлением в борьбе с ним были подробности так называемого «Дела Тейтума», американского предпринимателя, расстрелянного 3 ноября 1996 года в подземном переходе у Киевского вокзала. Тейтум был одним из совладельцев гостиницы «Рэдиссон-Славянская», и обстоятельства его гибели так и остались невыясненными. «Авторская программа Сергея Доренко» вдохнула новую жизнь в эту старую историю.

Дэвид Хоффман в своей книге «Олигархи» высказывал мнение, что эта передача окончательно доконала Лужкова, и так не слишком успешно справлявшегося с многочисленными нападками ОРТ:

«Доренко сказал мне, что «Дело Тейтума» подвернулось ему случайно. (...) «Один парень пришел ко мне и сказал: «Два месяца назад я был во Флориде и записал на пленку разговор с одним сумасшедшим американцем». (...) Сумасшедший американец утверждал, что в убийстве Тейтума виновен Лужков. (...) Доренко переговорил с Березовским о том, как эффективнее использовать сюжет о Тейтуме для дискредитации Лужкова. Березовский предложил замысловатый сюжет, (...) Доренко вышел в эфир и в начале программы сказал, что «в убийстве Тейтума виновен Лужков, как перед смертью сказал сам Тейтум. Об этом свидетельствует Джек Олсон, друг покойного». Олсон и был тем самым «сумасшедшим американцем». (...) «Пол, после того как в него выстрелили, жил еще несколько минут. Он говорил с телохранителями, телохранители связались с офисом, из офиса позвонили мне. Последнее, что он сказал сотрудникам офиса и мне, было: «Ответственность несет Лужков. Это его рук дело».

В конце программы Лужкова, видимо, в качестве «контрольного выстрела», обличили еще и в контактах с Секо Асахарой, лидером японской тоталитарной секты «Аум синрикё», ответственной за газовую атаку в токийском метро в марте 1995 года, когда погибли более десяти человек. Но – «против лома нет приема». Лужков, пользуясь своими давними деловыми связями с Гусинским, так же как и Примаков, пытался защищаться с помощью НТВ, но его попытки оказались столь же неудачными. Телекомпания Гусинского в той ситуации явно была слабым союзником.

И Березовский это прекрасно понимал. В эфире «Авторской программы» Доренко, точно так же, как во времена «Дела писателей» в программе «Время», стали появляться копии банковских документов. Только теперь они касались неустойчивого, да что там, угрожающего положения «Мост-банка» – основы нашего финансового благополучия! По воскресеньям в помещениях редакции и у себя в квартирах сотрудники НТВ смотрели не родного Евгения Алексеевича, а ужасного Сергея Леонидовича, чтобы утром в понедельник обсудить увиденное и попытаться понять – означает ли все это, что у нас скоро начнутся проблемы с выплатой зарплаты?

Но зарплату нам продолжали выплачивать вовремя. Поэтому у части творческого коллектива НТВ, например, у меня, росло и крепло чувство «классовой ненависти» к коллегам, работавшим на той же улице Академика Королева. Я отдавал должное их напору, но не мог согласиться с методами работы. Снова процитирую Хоффмана: *«В то время я спросил Березовского, что он думает о шоу Доренко, и он ответил: «Избиратели смотрят его с удовольствием. И ответ на вопрос, хорошее оно или плохое, может быть дан только в духе демократии: если оно вам не нравится, выключите телевизор. Если нравится, смотрите дальше. Я считаю, что это – замечательное шоу».* Удивительно, но несколько лет спустя на этот «дух демократии» станет постоянно ссылаться главный редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов. И хотя никто не будет возражать против демократических норм, почетный титул «телекиллера» приклеился только к Сергею Доренко.

Несмотря на то, что внешне НТВ держало удар лучше, чем Лужков и Примаков, на которых Гусинский сделал ставку, он не мог не понимать, что внутреннее напряжение в компании растет. В декабре 1999-го владелец «Медиа-Моста» совершил совершенно нехарактерный для него поступок. Владимир Александрович лично приехал в «Останкино», где сначала провел короткую встречу с редакцией в комнате на восьмом этаже, в которой работали корреспонденты, а затем собрал в кабинете Олега Добродеева несколько специально приглашенных сотрудников. В их числе оказался и я, впервые увидевший Гусинского в реальной жизни.

Пафос его выступления был бравадно-успокоительным. «Акционер», как принято было за глаза называть Гусинского в телекомпании, весьма лестно отозвался о нашей работе, попутно сообщив, что каждому из присутствующих журналистов полагается премия за достигнутые успехи. Что же касается общей ситуации вокруг «Медиа-Моста» и НТВ, то, говорил он, все происки наших врагов обречены на неудачу, финансовое положение компании совершенно безоблачно (премия это подтверждает!), а с политической точки зрения сделать с НТВ ничего невозможно. «Разве что прийти с автоматами!» – заявил Гусинский, не подозревая, видимо, что обладает удивительным пророческим даром, ибо люди с автоматами пришли уже через пять месяцев.

Олег Добродеев, сидевший справа от Гусинского, на протяжении всей этой встречи сохранял на лице выражение, которое характеризуют словами «чернее тучи». Как я понимаю, вопрос об уходе Олега Борисовича с НТВ тогда был уже практически решен. Не исключаю, что об этом знал не только Гусинский, но и кто-то еще из находившихся в кабинете генерального директора. Я же никакого подвоха не почувствовал и радостно принес домой конверт с суммой, эквивалентной зарплате за пару месяцев.

И действительно, выборы в Думу прошли. Расклад сил в парламенте не так чтоб уж очень сильно изменился. Победили коммунисты, с минимальным отставанием от них финишировало «Единство», затем – «наши друзья» из ОВР. Позади, уже с большим отрывом, расположились «Союз правых сил», ЛДПР и «Яблоко». На южном фронте ситуация складывалась гораздо успешнее, чем во время Первой чеченской войны, то есть беспокоиться было не о чем. Даже несмотря на то, что в полдень 31 декабря с экранов всех телевизоров страны прозвучали слова: «Я устал... Я ухожу...»

«Консервы» на Ельцина были приготовлены заранее. Это ни для кого не было секретом. Но предполагалось, что материал может пригодиться в случае скоропостижной смерти президента. Тем более что всего год назад, в ноябре 1998-го, НТВ выпустило в цикле «Новейшая история» документальный фильм Светланы Сорокиной «Сердце Ельцина», который стал для нее дебютом в этой серии. Однако подробный рассказ об операции, которую глава государства перенес во время крайне тяжелого для него поствыборного периода, это не совсем то, что требуется для срочного некролога. Так что отставку Ельцина ни фильмом Сорокиной, ни специальными заготовками иллюстрировать было нельзя.

Таким образом, переход в новый, 2000 год для множества сотрудников информационных программ российских телекомпаний оказался скомканным. Им пришлось мчаться на работу, чтобы успеть к вечеру подготовить и выдать в эфир «кондиционный» материал. С другой стороны, некоторые не занятые в информационных программах коллеги узнавали об отставке Ельцина чуть ли не перед боем курантов, потому что прыгали вокруг праздничного стола и не следили за новостями.

Так или иначе, ощущения безвластия в стране у меня не возникло. Путин, прочно освоившийся в кресле премьер-министра и к тому времени уже объявленный преемником Ельцина, получив новую должность исполняющего обязанности президента, спокойно и обстоятельно обратился к гражданам России в новогоднем выступлении. На этом фоне видимые подтверждения проблем, существовавших у НТВ, несколько потускнели, и после новогодних каникул мы с женой на недавно приобретенном собственном (!) автомобиле «Ока» отправились отды-

хоть в один из подмосковных пансионатов. Там меня и застала новость, которую можно было бы назвать «Я ухожу-2».

Решение Олега Добродеева уйти с НТВ, очевидно, не было спонтанным. Просто потому, что подобные поступки требуют длительного осмысления. Но сам этот процесс оставался недо-ступным для меня и большинства моих коллег по телекомпании. Разве что за исключением самых высокопоставленных. Так что, по сравнению с сообщением об отставке Бориса Николаевича, новость об отставке Олега Борисовича стала гораздо большей сенсацией. Я набрал его номер, дозвонившись с первого раза. Практически не дав мне задать вопрос, который вертелся на языке, но так и не был сформулирован, Добродеев, не вдаваясь в подробности, успокоил меня, сказав, что волноваться мне не нужно, у меня есть все необходимое для продолжения успешной профессиональной деятельности. Мы поблагодарили друг друга, пожелали удачи и расстались.

Если бы тогда, в январе 2000 года, Олег Добродеев располагал временем и желанием поговорить со мной более подробно, возможно, моя дальнейшая работа на телевидении пошла бы по совершенно иному пути. Лишь через несколько лет я узнал, что отношения внутри энтэ-вэшной «большой четверки» стали портиться еще с весны, со споров о тональности освещения натовских бомбардировок Белграда. Что эти противоречия обострились после начала контр-террористической операции на Северном Кавказе. Что к концу 1999 года все выплеснулось уже в переход на личности. Но, собственно, почему Олег Борисович должен был тогда гово-рять со мной столь подробно? Я не входил в число ведущих сотрудников НТВ, не знал его много лет, в отличие, например, от Евгения Ревенко, Елены Масюк или Аркадия Мамонтова, которые ушли вслед за Добродеевым спустя считанные дни. Его позиция, его резоны тогда мне были неизвестны. А в 2000-м мне и самому стало не до аналитики. Я оказался на переднем крае обороны НТВ от «кровавого режима»! Меня вдруг стал узнавать Киселев! Гусинский позвонил мне, чтобы поздравить с днем рождения! Шендерович следил за процессом моего «вырастания в серьезного журналиста – вдумчивого, органичного и совестливого»...

Возможно, тогда я действительно был органичен. Потому что искренне верил в то, что говорил и что делал. Безусловно, я был совестлив. Потому что не представлял, как могу сомне-ваться в честности моих начальников, как могу не подать им руку помощи в ситуации, когда у них отнимают дело всей их жизни. И потом, почему *у них*? *У меня* отнимают! *Меня* лишают работы моей мечты! В общем, органичности и совестливости было хоть отбавляй, а вот с вдум-чивостью Виктор Анатольевич мне явно польстил. В течение двух следующих лет я действо-вал как настоящий Наполеон: ввязывался в бой, а потом смотрел, что из этого получалось. Это были свержнасыщенные два года... Время взлета и падения Уникального журналистского коллектива...

Часть 2. Взлет и падение Уникального журналистского коллектива

Глава 7

Авторство термина УЖК – «Уникальный журналистский коллектив» – приписывается Леониду Парфенову, человеку, обладающему удивительным даром владения словом. Да, я помню, что описал его как журналиста, «всегда придававшего форме подачи информации чуть больше значения, чем ее сути». Тут нет противоречия. Не было бы столь очевидного увлечения Леонида Геннадьевича визуальной стороной телевидения (что, в общем-то, правильно, ТВ – это движущееся изображение) – не было бы программы «Намедни» и мы не познакомились бы с инфотейнментом в его российской версии.

Вместе с тем Парфенов, возможно, сам к тому и не стремившийся, – пожалуй, единственный из современных отечественных журналистов, кто создал собственную школу. Не в том смысле, что он усаживал молодых корреспондентов за парты, – конечно, нет. Они сами устраивались перед экранами, впитывали увиденное, а главное, услышанное, и начинали копировать его манеру. Как правило, получалось не очень хорошо. Что объяснимо – копия всегда хуже оригинала! (Те, кому парфеновская подача не нравилась, процесс появления его многочисленных клонов так и называли – «парфеновщина».)

А дело было в том, что Леонид Парфенов мог придать слову не только абсолютно неожиданное звучание, но даже изменить его коннотацию. Это достигалось за счет мимики, какого-то движения в кадре, но главное – за счет интонации. Начиная с 2000 года я совершенно серьезно считал себя частью самого высокопрофессионального, самого талантливого, самого лучшего журналистского коллектива страны. Некоторые мои коллеги, по-моему, до сих пор себя так позиционируют. Сам Леонид Геннадьевич до поры до времени тоже входил в состав этого творческого союза, именовавшегося НТВ. Когда «команда Евгения Киселева» отправилась в свои блуждания по различным телеканалам, сопровождавшиеся громкими скандалами разногласия Парфенова с Киселевым уже давным-давно прошли точку невозврата. И в какой-то момент Парфенов сократил наш титул «Уникальный журналистский коллектив», который мы гордо носили перед собой подобно Знамени Победы, превратив его в уничижительное «УЖК», к нам и приклеившееся. Благородное звание обернулось прозвищем, причем довольно обидным.

С другой стороны, 2000 год без всяких сомнений можно считать лучшим годом в истории «гусинского НТВ». Кадровый состав телекомпании просто блистал звездными фамилиями, а эфирная сетка – популярными программами. Если в 1999 году НТВ получила четыре премии ТЭФИ, то в 2000-м – восемь! В 2001-м, кстати, всего две... Постоянное адреналиновое существование вне эфира, видимо, как-то всех нас подталкивало к новым свершениям. Но ошибки, ранее допущенные нашими руководителями, оказались непосильным грузом.

Мне кажется, сейчас самое время подробнее рассказать о том, что же произошло в отношениях НТВ и Кремля, почему эти отношения совсем расклеились? Первое, что нужно понимать, – конфликт был сложносочиненным. И во многом был вызван безграничной фантазией Гусинского. Владимир Александрович – человек яркий, творческий, креативный, но безумно увлекающийся. Это неумение остановиться у последней черты подводило его не только в бизнесе, но и в политике, что, впрочем, для России того времени было почти одним и тем же.

Судите сами. Появление в отечественном телевизионном эфире телекомпании НТВ произошло на октябрь 1993 года. 22 ноября 1998 года – всего через пять (!) лет – «Медиа-Мост» запустил в космос собственный спутник! Это свидетельствует о том, какими грандиозными

темпами развивался медиабизнес Гусинского. Спутник «Бонум-1» был построен в США. На орбиту его отправила американская ракета с американского же космодрома. Гусинский лично находился тогда на мысе Канаверал, наблюдая за запуском. Начало работы спутника должно было ознаменовать финальную стадию грандиозного проекта телевизионного завоевания России. «Бонум-1» предназначен был для обслуживания системы спутникового телевидения НТВ+, которую Гусинский видел завершающим этапом своей экспансии. Цифровое НТВ+ присоединялось к «обычному» НТВ, вещавшему в аналоговом режиме с помощью передатчиков и ретрансляторов на телебашнях, и к только что появившейся сети кабельного телевидения ТНТ, уже внедрившейся в регионы. Таким образом телекомпании «Медиа-Моста» должны были получить доступ ко всей территории страны и намеревались предложить потребителю самое насыщенное телеменю из всех на тот момент существовавших.

Таков был план, реализация которого стоила Гусинскому крови и нервов еще на стадии обсуждения. Малашенко выступал категорически против идеи развертывания системы НТВ+ и всей этой «космической одиссеи». Но Гусинский его не услышал. С выслушиванием чужого мнения у Владимира Александровича были настолько серьезные проблемы, что ко времени моего с ним близкого знакомства он ударился уже в другую крайность: стал прислушиваться ко всем и к каждому, в результате чего добиться от него согласия на что-либо можно было, лишь действуя по принципу «кто раньше встал, того и тапки». Время подтвердило правоту Малашенко: авантюра со спутниковым телевидением оказалась «Медиа-Мосту» не по зубам. Обслуживание самого спутника и выплаты по кредиту, полученному в Америке на его покупку; строительство собственного телегородка НТВ в Сколково; массовая продажа зеленых спутниковых тарелок НТВ+ – все это прекрасно выглядело на бумаге, на стадии разработки. Но дефолт 1998 года в первую очередь изменил бюджетные планы населения. Платить почти по триста долларов за комплект спутникового телевидения оказалось по силам далеко не всем. Предполагалось, что за год количество подписчиков НТВ+ перевалит за цифру в полмиллиона человек. Но в реальности процесс пошел в обратном направлении. К концу 1999-го численность обладателей зеленых тарелок сократилась с пиковых ста восьмидесяти до ста девяти тысяч человек. Содержать систему за счет денег подписчиков было невозможно, проект, едва родившись, стал убыточным.

Другой серьезнейшей проблемой стал крах рекламного рынка. Телевизионная реклама – главный финансовый источник – если не исчезла совсем, то сильно потеряла в качестве. Одно дело, когда вы рекламируете товары премиального сегмента, и совсем другое, когда вы вынуждены предлагать зрителю что-то типа «супершвабры» в программе «Магазин на диване». Стратегическую программу развития «Медиа-Моста» пришлось резать по живому. Было законсервировано строительство новых телестудий; заморожен проект создания собственной сети кинотеатров, флагманом которой должен был стать столичный кинотеатр «Октябрь» с революционной технологией показа кинофильмов с помощью тех же спутников; пришлось отказаться от выхода на биржу. Однако все эти меры оказывали незначительное влияние на финансовое положение «Моста». А вот уже полученные кредиты нужно было обслуживать, но денег на это не было. Сам Гусинский тогда сетовал на отсутствие стабильности в обществе, как экономической, так и политической. *«Ошибка заключалась в том, что мы считали Россию достаточно стабильной, чтобы вкладывать капитал в бизнес и развитие»,* – говорил он Дэвиду Хоффману. Интересно, что сам Хоффман видел причины трудностей главного акционера «Медиа-Моста» в другом. По его мнению, Гусинский просто не мог оставаться в стороне и строить бизнес посредством исключительно деловых инструментов. *«Он был олигархом, а олигархи делали крупные ставки. Они управляли страной».*

Из многочисленных разговоров с Владимиром Александровичем в течение нескольких последующих лет я сделал вывод, что он понял, когда совершил роковую ошибку. Конечно, кредитная история сковывала его по рукам и ногам. Но до поры до времени это не мешало

деятельности НТВ. Когда Гусинскому нужны были деньги – он находил их, не особенно задумываясь, как будет возвращать долги. У меня сложилось впечатление, что во второй половине 1990-х он вообще не думал о том, что государственные средства необходимо вернуть. Проще было получить новую ссуду, за счет которой гасился предыдущий кредит, например американский, за спутник «Бонум». Отдавать деньги кредиторам из США – обязанность, бизнес есть бизнес. Возвращать деньги кредиторам из России – смешное предположение: ведь власть сама обязана НТВ за помощь на президентских выборах 1996 года! Беда заключалась в том, что на дворе был уже не 1996-й, в Кремле находился не Ельцин, олигархи уже не управляли страной. Просто они этого пока не чувствовали.

«Понятийная» схема ведения бизнеса в России все еще прочно сидела в головах наших ведущих предпринимателей. Некоторые из них считали ее игрой в одни ворота. Владимир Путин наглядно продемонстрировал, что это не так. Позднее, уже весной 2000 года, за несколько дней до президентских выборов, в интервью радиостанции «Маяк» Путин скажет о будущем олигархов следующее: *«Люди, объединяющие или способствующие объединению власти и капитала... Таких олигархов не будет как класса»*. Гусинский все еще думал, что это – слова! Он по-прежнему считал себя сильнее президента...

До появления Владимира Путина в главном кабинете Кремля Владимир Гусинский поддерживал с ним нейтральные, если не сказать теплые отношения. Возможно, он не видел в Путине интересного бизнес-партнера. Возможно, ему льстило, что в холдинге «Медиа-Мост» работают многие сотрудники КГБ, в прошлом имевшие звания и должности, как минимум соизмеримые с регалиями самого Путина. Наши общие с Гусинским израильские знакомые рассказывали мне, что, когда знаменитый советский диссидент Натан Щаранский отмечал очередной день рождения (к этому моменту Щаранский уже не просто освоился в Израиле – он уже был и депутатом кнессета, и работал в правительстве), Гусинский попросил Путина помочь в поиске подарка для «новорожденного». Владимир Владимирович в то время уже занимал пост председателя Федеральной службы безопасности. Так вот, Гусинский спросил Путина, нет ли возможности подарить Щаранскому досье, которое КГБ вел на него в течение многих лет? И Путин нашел такую возможность, еще и попросив Гусинского передать виновнику торжества привет от своего имени. Факт такого подарка сам Щаранский подтверждал в эфире все того же НТВ.

Но с началом Второй чеченской кампании ситуация изменилась. У Путина были свои представления о сути этих событий, о том, что они означают для целостности страны, и о том, как их должны освещать СМИ. Позволить продолжать ту «понизовую вольницу», которая царил в эфире НТВ времен Первой чеченской войны, Путин, конечно, не мог. О чем и попросил Гусинского. Но получил отказ. Причем отказ, сделанный в довольно грубой форме. Как я понял со слов самого Гусинского, он дал понять президенту, что не считает его серьезным политиком и не собирается выслушивать от него какие-либо советы относительно деятельности принадлежащих Гусинскому СМИ. Эти самые слова Гусинский много лет спустя представит той причиной, по которой «Путину было за что на меня обижаться».

Тем не менее у Владимира Александровича было время подумать. Недавно от одного из коллег я услышал интересную характеристику: «Путин – *легитимист*». Это – абсолютная правда. Владимир Путин всегда действует в полном соответствии с буквой закона. Подтверждением тому может служить и его возвращение в кресло президента страны в 2012 году, и начало операции ВКС РФ на территории Сирии. То же самое относится и к «Делу ЮКОСа», и к другим громким «олигархическим скандалам» начала 2000-х. Власть выстраивала свою борьбу с олигархами, используя действующее законодательство и в то же время давая возможность противоборствующей стороне, образно говоря, «заключить сделку со следствием». Это, кстати, вполне юридический термин. В конфликте с «Медиа-Мостом» эта технология была впервые применена в полном объеме.

Государственная компания «Газпром» стала акционером «Моста» еще в 1996 году. Но при Ельцине никто в Кремле не обращал внимания на то, куда и как газовая монополия травила свои деньги. Путин потребовал положить этому конец. «Медиа-Мост» поставили перед фактом: кредиты «Газпрома» – это государственные деньги, деньги бюджета страны. И частная компания предпринимателя Гусинского обязана вернуть эти деньги. Вернуть, потому что до сих пор их не возвращала, лишь увеличивая долг и закрывая с помощью «Газпрома» дырки в собственном бюджете.

Я помню, что в рядах защитников НТВ, в которые я встал весной 2000 года, история с кредитами «Газпрома» интерпретировалась как попытка осуществления государственного давления на независимое СМИ, вмешательство в нашу свободную деятельность. Мол, существовали предложения по реструктуризации задолженности, выплате долга по частям и т. д., но Кремль специально блокировал все эти предложения, требуя незамедлительного и полного расчета по кредитам «Газпрома». А денег, повторю, на это у нас не было.

Как не было и реального представления о «свободе слова». Вернее, о специфике этого понятия. Мне не казалось странным, что в наших программах мы не говорили ничего негативного в отношении наших же акционеров. Ну согласитесь, если бы в программе «Итоги» Евгений Киселев вдруг поднял вопрос, по какому праву руководство телекомпании НТВ (или холдинга «Медиа-Мост», не важно) предоставило сотруднику телекомпании НТВ Андрею Норкину беспроцентный кредит на приобретение квартиры, это воспринималось бы полным абсурдом. Бред полный... Хотя с точки зрения государственной компании «Газпром» такой вопрос, напротив, имел право на существование. НТВ получило кредит на некие «необходимые производственные нужды» – но является ли таковым решение жилищного вопроса журналиста Норкина?

Хуже всего было то, что в своей «борьбе за свободу слова» мы-то как раз и оперировали подобными примерами. Квартира прокурора Устинова, полученная им от Управделами президента РФ, была во всех подробностях знакома каждому зрителю НТВ, так часто она фигурировала в наших передачах конца 1999 – начала 2000-го. То есть получалось, что генпрокурору нельзя, он коррупционер, а нам можно, потому что мы – представители Уникального журналистского коллектива!

Недаром говорят, что большое видится на расстоянии. НТВ времен Владимира Гусинского сначала было бизнес-активом, затем превратилось в орудие политической информационной войны и наконец деградировало в механизм шантажа, который работал на редакционном «пушечном мясе». Сегодня я могу привести множество примеров обязательной корреляции редакционной политики СМИ с позицией его владельца. Поэтому все наши лозунги того времени: о свободе слова, о высоких моральных принципах журналистской работы, о необходимости борьбы с диктатом тоталитарного государства, – объясняются как минимум отсутствием жизненного опыта, а то и умышленной подтасовкой фактов.

Вспомните грандиозный скандал, разразившийся на страницах либеральных российских СМИ после выступления замминистра связи и массовых коммуникаций Алексея Волина в МГУ. Это было относительно недавно, в феврале 2013 года. *«Нам четко надо учить студентов тому, что они пойдут работать на дядю, и дядя будет говорить им, что писать, что не писать и как писать о тех или иных вещах, и дядя имеет на это право, потому что он им платит»*, – сказал тогда Алексей Волин. Мне кажется, это очень точная формулировка. Хотя, конечно, разбивающая в прах чьи-то идеалистические представления о журналистской работе. Я в каком-то интервью назвал эти слова Волина «прививкой». Мне такую прививку в свое время никто не сделал. Поэтому я как должное принимал «от дяди» свою зарплату, которая, кстати, росла тем быстрее, чем громче и активнее я «дядю» защищал. И при этом даже не задумывался: а что, если «дядя» не во всем прав? А что, если я не свободный творец, художник от журналистики, а всего лишь ремесленник, пусть и профессиональный? Так что

мое прозрение наступало долго и мучительно, окончательно сформировавшись годы спустя, когда я изнутри увидел все подробности функционирования механизма, «защищающего свободу слова»! Этот механизм действительно защищал, но совсем не свободу слова!

Пересматривать хронику событий, разворачивавшихся тогда вокруг НТВ, тяжело. Не только потому, что я вижу себя и многих своих коллег совсем молодыми. Не только потому, что я знаю, чем все это закончилось. А потому что сейчас я понимаю: многие участники той драмы или недоговаривают существенную часть правды, или осознанно лгут. Я никого не собираюсь осуждать – наверное, тогда поступать иначе мы просто не могли. Большинство из нас...

Существует история о том, что в последние дни перед началом активной фазы конфликта вокруг телекомпании четыре главных редактора четырех главных СМИ «Медиа-Моста» пришли к Гусинскому. Это были Евгений Киселев, Алексей Венедиктов, Сергей Пархоменко и Михаил Бергер. Соответственно, от НТВ, радиостанции «Эхо Москвы», журнала «Итоги» и газеты «Сегодня». Гусинский предложил им рассмотреть вариант заключения неких договоренностей с властями. Четыре главреда подумали и написали четыре заявления об уходе. Их коллективный ответ означал, что они намерены отстаивать свою точку зрения и дальше. Если верить этому рассказу, Гусинский, прочитав заявления, порвал их со словами: «Сволочи, такой бизнес губите!» Возможно, это легенда. Я слышал ее от разных людей, в различных версиях, но смысл оставался неизменным. «Последнее китайское предупреждение» было проигнорировано, последний шанс решить конфликт каким-то подобием мирных переговоров был упущен. Сейчас Владимир Гусинский живет по нескольким заграничным адресам; Евгений Киселев ведет ток-шоу на украинском телевидении; Сергей Пархоменко – активный участник российской несистемной оппозиции; Михаил Бергер – практически выпавший из публичной плоскости генеральный директор холдинга «Объединенные медиа»; Алексей Венедиктов – бессменный руководитель радиостанции «Эхо Москвы», ухитряющийся в одно и то же время быть и олицетворением независимой журналистики, и символом самого откровенного коллаборационизма.

Что касается меня, то 11 мая 2000 года я готовился к очередному выпуску программы «Сегодня днем», когда шеф-редактор нашей бригады Наталья Курган тихим шепотом сообщила мне, что в офисе «Медиа-Моста» в Большом Палашевском переулке начался обыск, который проводят вооруженные люди в масках. Я, конечно, сразу вспомнил слова Гусинского, произнесенные им на этом же восьмом этаже Останкинского телецентра полгода назад. Но не могу сказать, что сразу осознал серьезность полученной новости. Было какое-то чувство нереальности происходящего, как будто это не имело ко мне, к моей работе, к моему будущему никакого отношения. Но вышло ровно наоборот, особенно в том, что касалось работы. Потому что начиная с этого дня моя журналистская деятельность приобрела крайне узкую направленность. «И вечный бой, покой нам только снится», – как писал Блок. Олег Добродеев позже назовет это состояние «синдромом осажденной крепости».

Глава 8

Естественно, события у офиса «Медиа-Моста» мы представили в эфире очень подробно. И не только мы, конечно. ОРТ также не оставило инцидент без внимания. Но если в версии НТВ был замечен явный перекося в сторону «протестной активности», то у коллег с «Первого» в репортаже присутствовала «тревожная конкретика». Мы говорили о нарушениях законодательства, в том числе о несоблюдении «Закона о СМИ», они приводили версию правоохранительных органов, касающуюся расследования деятельности службы безопасности «Моста», например сбора информации о самих журналистах НТВ. Впрочем, было и общее – никто из представителей прессы не мог попасть внутрь «мостовского» офиса, этой осажденной крепости.

У входа в здание стояли несколько человек в масках, которые тогда еще почти никто не называл «балаклавами». «Маски» никого не пропускали и не выпускали из здания. Исключение делалось только для адвокатов и высокопоставленных руководителей группы «Медиа-Мост». Так, срочно приехавшего Гусинского, конечно, пропустили. Это произошло уже ближе к вечеру, потому что начало обысков застало нашего главного акционера за границей. Встречавшим его в аэропорту журналистам он заявил, что его компания столкнулась с «демонстрацией силы» со стороны государства, что Кремль осуществляет «политическое давление» на средства массовой информации «Моста» и что все это уже происходило в прошлом. «История повторяется. Если вы помните 1994 год, все это уже было».

В этой реплике Владимира Гусинского звучала надежда на то, что и в 2000 году его бизнес-империя сможет выжить в экстремальных условиях противостояния с властью. В 1994 году, о котором говорил Гусинский, имела место знаменитая операция «Мордой в снег», когда по распоряжению всемогущего в то время начальника ельцинской охраны Александра Коржакова за «Мост» попытались взяться всерьез. Сам Гусинский тогда был вынужден бежать из страны, но очень скоро вернулся. Ситуация изменилась и его ресурсы снова потребовались Кремлю.

Теперь все складывалось по-другому. «Маски-шоу в Большом Палашевском переулке», а именно так эти события называли сотрудники НТВ, началось рано утром. Обыск стартовал в девять. Игорь Малашенко приехал часам к двум, коротко сообщив журналистам, что не представляет сути претензий, но как только он войдет в здание, то, скорее всего, из него долго не выйдет, так что потеряет возможность общения с прессой. Гусинский, как я уже говорил, появился гораздо позже. Таким образом, главным спикером во всей этой истории оказался Юрий Мартышин, следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России, в изложении которого интерес правоохранительных органов объяснялся исключительно деятельностью службы безопасности «Моста». *«Люди из службы безопасности «Медиа-Моста» вооружены не игрушками, а вещами, которые стреляют и убивают... СМИ нас не интересуют. Надо будет – три дня будем работать, а может, и за час управимся...»* – говорил он в эфире «Первого канала». Следователи не справились ни за час, ни за три дня, и обыски в центральном офисе, а также в помещениях «мостовских дочек» – «НТВ-Интернет» и «Мемонет» в Переяславском переулке, – продолжались затем в течение нескольких недель.

Вечером 11 мая Малашенко на специально созванной пресс-конференции озвучил нашу версию событий. *«Реальная причина происходящего хорошо известна. На протяжении длительного времени средства массовой информации «Медиа-Моста» вызывали неудовольствие властей своими публикациями, своим освещением, прежде всего, Второй чеченской войны, а также материалами журналистских расследований о коррупции в высших эшелонах власти, в том числе в силовых ведомствах».* Таким образом, признание существования конфликта из-за отношения НТВ к событиям на Северном Кавказе было официально озвучено. Пассаж про

коррупцию был скорее дежурной фразой, как и обвинения в адрес властей в попрании свободы слова. НТВ использовало эти темы как главный инструмент защиты, потому что после ухода Добродеева среди руководителей телекомпании не осталось никаких фрондерствующих элементов и позиция была полностью согласованной.

Если использовать язык шахмат, то весной 2000 года НТВ сконцентрировалось на сицилианской защите – попросту говоря, на защите нападением. Возможно, наши руководители не были сильными шахматистами. Сицилианская защита, один из самых популярных сценариев начала шахматной партии, в теории давала гроссмейстеру, играющему черными фигурами, богатые возможности для контрудара. Но отнюдь не гарантию победы – все-таки по статистике шахмат чаще «белые начинают и выигрывают». Дело службы безопасности оказалось не единственным, и практически сразу же адвокатам «Моста» пришлось сконцентрироваться на персональной защите самого Гусинского, внезапно оказавшегося фигурантом уже собственного уголовного дела. Наступление на «Мост», который отказался от всех просьб пойти навстречу политической необходимости и изменить тональность своего освещения событий в Дагестане и Чечне, развернулось по нескольким направлениям и лишило всех наших высокопоставленных шахматистов даже гипотетических шансов на успех.

За некоторое время до этих событий «Мост» и «Газпром» оговаривали возможность увеличения доли газовой монополии в медийном бизнесе Гусинского. Предполагалось, что «Газпром» получит двадцать пять процентов плюс одну акцию «Моста», но эта сделка еще не была заключена. К тому же она должна была получить одобрение Кремля, что теперь оказалось совершенно невозможным. Гусинский начал переговоры о продаже компании. Посредником выступал Центробанк, который в то время возглавлял Виктор Геращенко, человек, хорошо известный тем, что всегда и во всем в первую очередь ориентировался на собственную позицию. Однако не сработала и эта схема.

Гусинский, поставленный перед необходимостью вернуть государству живые деньги, взятые когда-то у «Газпрома», попытался перекредитоваться на Западе, но все эти «маски-шоу» и их активное освещение в российской прессе отгоняли зарубежных инвесторов от бизнеса лучше любого пугала. И Владимир Александрович пошел вразнос. Хотя, узнав его лучше в последующие годы, я склонен считать более вероятным предположение об обострении реакции не у самого Гусинского, а у его коллег. Но так или иначе, «Остапа несло». В прессе стали появляться интервью Гусинского – крайне необычная вещь! – в которых он обвинял во всех своих бедах лично президента Путина, «проявившего свое истинное лицо», и т. д. «Финал-апофеоз» всего этого подготовительного периода пришелся на 13 июня, когда Владимира Гусинского вызвали в Генпрокуратуру.

Поводом стали последствия обысков в офисе «Медиа-Моста». А конкретно – несколько пистолетных патронов, обнаруженных в одном из кабинетов в ящике письменного стола. В «Мосте» сразу же заявили, что все необходимые доказательства, подтверждающие невиновность главы холдинга, имеются и будут незамедлительно предъявлены следователям. Сам Владимир Александрович повышенного беспокойства не проявлял, хотя и радости от вызова в Генпрокуратуру, естественно, не испытывал. Но действовал он, как всегда, демонстративно. Во-первых, опоздал на «беседу» на несколько часов, во-вторых, пришел туда без адвоката. Спустя семьдесят пять минут с того момента, как за Гусинским закрылись двери здания на Большой Дмитровке, многочисленный адвокатский корпус «Моста» оказался шокирован сообщением о том, что шеф арестован.

Гусинскому было предъявлено обвинение по статье «Хищение чужого имущества в крупном размере группой лиц путем обмана и злоупотребления доверием, с использованием служебного положения». Понятно, что патроны тут были совсем ни при чем. Выяснилось, что сработала мина замедленного действия под названием «Дело «Русского видео»». Эта история тянулась уже пару лет и заключалась в претензиях, адресованных главе компании «Русское

видео» Дмитрию Рождественскому. По данным следствия, в 1997–1998 годах Рождественский присвоил несколько тысяч долларов, которые его фирма получила от финского рекламодателя «11-го телеканала» Петербурга. Вместо размещения рекламы Рождественский на эти деньги то ли построил новую, то ли отремонтировал старую баню на своем дачном участке. Впоследствии обвинения разрослись, и в зону внимания следователей попал Владимир Гусинский, которому Рождественский якобы продал имущество все того же «11-го телеканала» на сумму уже в десять миллионов долларов. Так из «Дела «Русского видео»» родилось «Дело Гусинского». Оно оказалось довольно скоротечным и уже в конце июля обвинения с главы «Медиа-Моста» были сняты за отсутствием состава преступления. Но за эти полтора месяца произошло слишком много событий, оставшихся «за кадром».

В кадре же царила настоящая паника. Мое настроение в те дни можно было описать чувствами персонажей «Бриллиантовой руки»: «Шеф, все пропало!» С той лишь разницей, что доступа к самому «шефу» у меня еще не было. Гусинский оказался в Бутырской тюрьме, и мы жили слухами один другого страшнее: камера с уголовниками, до утра не доживет и т. п. Снизить эмоциональный накал удалось начальнику Центра общественных связей Главного управления исполнения наказаний Геннадию Лисенкову, который в интервью НТВ произнес удивительные слова: *«Господин Гусинский сидит в трехместной камере с интеллигентными людьми – фальшивомонетчиком и мошенником»*. Смысл этой фразы заключался в том, что жизни Гусинского ничто не угрожает – он оказался вместе со своими, можно сказать, коллегами. *«Владимир Гусинский поздоровался с сокамерниками и рассказал немного о себе. Те встретили его хорошо»*, – заключил спикер ГУИНа.

Сам Владимир Александрович не любил вспоминать свои три дня в Бутырке. И потому, что вряд ли найдется человек, испытывающий ностальгию по подобному поведению. И потому, что именно в те дни Гусинский понял, что его переиграли и нужно менять тактику. Кстати, после своего не менее стремительного, чем арест, освобождения Гусинский прислал в Бутырскую тюрьму подарки: бытовую технику, в том числе холодильники и телевизоры. Публично он говорил, что отношение к нему в СИЗО было «великолепное», так что речь шла о жесте доброй воли. Но на самом деле, думаю, он был глубоко шокирован случившимся, поскольку не мог даже представить, что его линия поведения встретит такую ответную реакцию.

Шокирован был не только Гусинский. В тот же вечер, когда стало известно о его аресте, в студии программы НТВ «Глас народа» собралась весьма представительная компания. Планирование эфирной сетки уже давно превратилось для Программной дирекции НТВ в сплошную головную боль. Экстренные и специальные выпуски новостей и «Итогов» возникали в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время. А поскольку в таких случаях хронометраж этих программ никто не ограничивал, все остальные передачи шли в эфир по остаточному принципу. «Глас народа» был одним из главных козырей НТВ. В студии под руководством Евгения Киселева разворачивались дискуссии, посвященные самым злободневным событиям. Арест руководителя холдинга «Медиа-Мост», естественно, требовал подробного обсуждения.

Участие в нем приняли в основном сочувствующие нам лица, хотя среди присутствующих были и люди, приложившие в каком-то смысле усилия для создания конфликта властей с НТВ. Я имею в виду в первую очередь Березовского. *«Любой человек, который последние 10 лет занимался бизнесом в России, прямо или косвенно нарушал российские законы»*, – заявил он, объясняя свое мнение о недопустимости ареста Гусинского. Анатолий Чубайс, также принимавший участие в программе, выражался более осторожно – мол, у него были непростые взаимоотношения с Гусинским, однако обоснованность его задержания вызывает большие сомнения.

На какое-то время непримиримые в недавнем прошлом соперники снова объединились перед лицом общей угрозы. Арест Гусинского выполнил свою главную задачу. Олигархи осознали, что их время уходит, если не ушло окончательно. Березовский, относительно недавно

сумевший «поставить на место» неугодного ему премьер-министра Примакова, решил, что сможет повернуть тот же фокус и с Путиным. Принадлежавшая Березовскому «Независимая газета» писала об этом так: *«Подобное единение бизнес-элит наблюдалось, пожалуй, лишь однажды, когда олигархи на президентских выборах 1996 года сделали ставку на Бориса Ельцина. Из чистого прагматизма они поддержали единого кандидата. Решение об этом принималось в швейцарском Давосе. Вчера случился своего рода «второй Давос», но с обратным знаком. Уцелевшие после кризиса 1998 года олигархи выступили консолидированно, но выступили **против** действующих властей. Задержание Гусинского, хотели того в Кремле или нет, олигархи, судя по их реакции, восприняли как угрозу собственному бизнесу, а может, и безопасности. И «сословные» интересы в данной ситуации, как логично и было предположить, оказались гораздо сильнее взаимных обид. (...) Собственно, некое подобие происходящим сейчас событиям уже имело место в период премьерствования Евгения Примакова. Он, так же как и нынешние власти, решил помериться силами с одним конкретно взятым олигархом – Борисом Березовским. Чем это закончилось для Примакова, хорошо известно. Представители почти всех крупных бизнес-групп приложили руку к его отставке. Впрочем, это отнюдь не является доказательством того, что борьба с олигархами обречена на провал. (...) И в Кремле не могут не отдавать себе в этом отчет. Пространные заявления президента Путина о букве закона и талантах руководителя «Медиа-Моста», правда, не без намека на их криминальный оттенок, впрочем, не дают представления о дальнейших планах Кремля в отношении представителей крупного бизнеса. Тем не менее с задержанием Гусинского война олигархам фактически объявлена».*

Эта статья появилась в газете 15 июня, когда Гусинский все еще пребывал под арестом. А пассаж про «пространные заявления президента Путина» относился к эпизоду, произошедшему накануне. Глава государства находился с рабочим визитом в Испании, где его и застала сенсационная новость. На пресс-конференции, посвященной, естественно, совершенно другим темам, Путин был вынужден отвечать на вопросы журналистов о Гусинском. Назвав сам факт задержания олигарха «сомнительным подарком», Владимир Путин обозначил свою недостаточную информированность заявлением, что он пока «не смог дозвониться до Генерального прокурора». Впоследствии представители политической оппозиции вообще, а члены Уникального журналистского коллектива в частности, постоянно пытались использовать эти слова в качестве иллюстрации порочности механизма государственной власти в России. На самом деле это было демонстрацией полного доверия главы государства правоохранительным органам и подчеркиванием того, что конкретные подробности ареста президенту неизвестны. А все остальное Путин знал очень хорошо и в деталях описал суть претензий к господину Гусинскому. *«Гусинский – человек очень талантливый. Он привлек в свой бизнес один миллиард триста миллионов долларов и почти ничего не вернул»,* – констатировал Путин, в очередной раз напомнивший, что большая часть кредитов «Медиа-Моста» были выданы холдингу российским государством.

В одно время с президентом свои пресс-конференции проводил за границей и Игорь Малашенко. Цель их была очевидна: разбудить и возбудить общественное мнение Запада, добившись таким образом внешнего политического давления на Кремль. Забегая вперед, скажу, что решения этой задачи добиться не удалось, но активное апеллирование функционеров «Моста» к мировому сообществу принесло другие плоды. Этот неожиданный урожай собрали, каждый в свое время, Борис Березовский и Леонид Невзлин. Березовский получил статус политического беженца в Великобритании, а Невзлин обзавелся паспортом гражданина Государства Израиль, хотя и спровоцировал этим грандиозный скандал, разбираться в котором пришлось и кнессету, и руководству израильского МВД. Но после Березовского и Невзлина любой российский гражданин, сталкивавшийся на Родине с уголовным преследованием или лишь с возможностью такового, тут же начинал кричать о политических преследованиях, гро-

зил Гаагой и Страсбургом – в общем, начинал воплощать в жизнь лозунги товарища Бендера «Запад с нами!» и «Заграница нам поможет!».

Ни Гусинский, ни Малашенко, кстати, никогда так и не стали «политическими беженцами» – в отличие от многочисленных «жертв путинского режима», от разной степени высокопоставленности функционеров ЮКОСа до какого-нибудь, прости, Господи, Евгения Чичваркина. Существует занятная версия о том, что вообще-то арест Гусинского был провокацией, направленной против... президента России! На мой взгляд, это предположение слишком похоже на какую-то конспирологическую теорию, но факт остается фактом, такая версия была. Например, историк Рой Медведев в своей биографии Владимира Путина буквально в соседних абзацах пишет следующее: *«Главной целью была (...) попытка скомпрометировать нового российского лидера. Пропагандистская атака на Владимира Путина велась крайне активно и на всех направлениях. Его обвиняли во всех грехах и в первую очередь в стремлении ограничить в России свободу слова и все другие демократические права и свободы. Заодно Кремль обвинили в развязывании антисемитской кампании, в попытке установления личной диктатуры и тому подобном. (...) Трудности возникли не только у Владимира Гусинского. Осложнилось и положение Бориса Березовского. Из Швейцарии в Москву были доставлены полторы тонны документов о сомнительных финансовых операциях зарубежных филиалов «Аэрофлота», к которым, по мнению швейцарской и российской прокуратур, имел отношение Борис Березовский. (...) Серьезные поводы для беспокойства возникли и у Владимира Потанина, так как прокуратура Москвы заявила о начале расследования некоторых сомнительных обстоятельств залоговых аукционов 1997 года, в результате которых громадная промышленная корпорация «Норильский никель» перешла под контроль возглавляемой Потаниным промышленно-финансовой группы «Интеррос». (...) Прошли обыски и были изъяты документы дочерних предприятий «Тюменской нефтяной компании», контроль над которой находился в руках банковской группы «Альфа», возглавляемой Михаилом Фридманом. По требованию Генеральной прокуратуры были проведены проверки и изъятия документов в таких крупнейших корпорациях, как «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «АвтоВАЗ». Некоторые газеты писали о новой политике Кремля в отношении крупного бизнеса, даже о наступлении властей на «деловую элиту страны»...*

Как мы знаем, большая часть «деловой элиты страны» вскоре отбросила все попытки командовать новым президентом и согласилась выполнять заключенные с властями договоренности. Исключения оказались единичными. Но защитная тактика во всех этих случаях оставалась одинаковой: жаловаться «городу и миру», объясняя, что суть претензий российской власти находится не в экономической, а в политической плоскости. В истории с НТВ эта схема работала еще очень долго, даже после того как у телекомпании сменился собственник. Так что все нынешние «политические беженцы» из России должны быть благодарны руководителям «Моста» за их подвижнический труд.

И это действительно был большой труд. Выездные пресс-конференции главредов НТВ, «Эха», «Итогов» и «Сегодня», возглавляемые Игорем Малашенко, были поставлены на поток. В какой-то момент они даже получили название «Летающий цирк главных редакторов» – видимо, по аналогии с «Летающим цирком Монти Пайтона». Периодически организаторы этих разъяснительных мероприятий сталкивались с неожиданными трудностями. Широкую огласку получил инцидент 28 июня, когда пограничники попытались не выпустить Малашенко за границу.

Небольшая делегация «мостовских» СМИ, в состав которой помимо Игоря Евгеньевича входили еще Алексей Венедиктов и Михаил Бергер, намеревалась вылететь в Австрию, на экономический форум в Зальцбурге. Когда реактивный самолет «Гольфстрим» уже был почти готов к вылету из Внукова, на его борт поднялась другая небольшая делегация, состоявшая из работников пограничной службы аэропорта. Майор Михаил Бочаров попросил Игоря Малашенко покинуть борт. Остальные члены делегации отказались лететь в Австрию без своего

коллеги и также вышли из самолета. Естественно, разразился скандал. НТВ организовало прямое включение, Малашенко выступил на импровизированной пресс-конференции и высказал все, что он думал по этому поводу. Самое странное, что менее чем через час ему разрешили вылет и инцидент оказался исчерпанным. Пограничники сослались на некие «неточности в документах». Совершенно очевидно, что эпизод во Внукове объяснялся чьим-то излишним служебным рвением. Чьим? Это уже отдельный вопрос. Но негативные репутационные последствия для властей были налицо.

Впрочем, свои ошибки в этой кампании совершал и «Мост». Особенно ярко это проявилось спустя несколько дней после выхода Гусинского из Бутырской тюрьмы. Если его арест больше походил на драму, то освобождение оказалось уже каким-то водевилем. На исходе 16 июня 2000 года Гусинский, только что подписавший подписку о невыезде, оказался на улице в абсолютном одиночестве. На часах было без двадцати десять вечера. Гусинский позвонил Малашенко, задав вопрос: «А где все?» Потому что он один, как дурак, стоит у дверей тюрьмы и чего-то ждет. Коллеги Владимира Александровича, кто в чем, попрыгали в автомобили и рванули спасать своего шефа. Ибо, как признавались позднее участники этой вечерней гонки, у всех у них, независимо друг от друга, родились одинаковые мысли, что Гусинского сейчас убьют! К счастью, они оказались лишь плодом нервного переутомления.

Владимир Гусинский в студии программы «Глас народа»

Через несколько дней, 20 июня, Владимир Гусинский выступил в роли главного гостя программы «Глас народа», которую вел Евгений Киселев. Шоу задумывалось как «наш ответ Чемберлену» – с демонстрацией всесторонней поддержки создателю и владельцу крупнейшего независимого СМИ страны и яркими доказательствами нарушения действующего законодательства со стороны властей. Но идея обернулась конфузом. Во-первых, как я уже говорил, Евгений Киселев всегда был не слишком сильным оратором и без заранее подготовленного текста начинал «плыть», теряя темп и убедительность. А во-вторых, Гусинский на фоне Евгения Алексеевича выглядел еще более жалко. Владимир Александрович был уставшим, растерянным, если не сказать напуганным, отвечал на вопросы без огонька, а иногда и невпопад.

Естественно, он оживлялся, когда Киселев просил его сказать что-то про Путина лично. Тогда он говорил, что президент знал все о его аресте, потому что сам принимал это решение. Говорил, что Путин поделил бизнесменов на друзей и врагов, естественно, определив Гусинского во второй раздел. Говорил и о полученных уроках: *«В 1996 году мы породили маленького монстра... Сегодня власти используют те инструменты, которые мы предоставили им в 1996 году»*.

Однако речи Гусинского не вызвали должного отклика у аудитории. И это была третья неудача, заложенная в сценарий программы. Конечно, съемочный павильон, заполненный журналистами и другими сочувствовавшими Гусинскому гостями, его поддерживал. Но телезрители неожиданно продемонстрировали, что их отношение к медиаолигарху весьма далеко от представления, сложившегося в сознании сотрудников телекомпании НТВ. В довершение всех этих сценарных ошибок произошла ужасная техническая накладка. Прямой эфир программы шел не только на НТВ, но и на «Эхе Москвы». В студии радиостанции находился Сергей Бунтман, в задачу которого входил процесс отбора и зачитывания вопросов от радиослушателей. В какой-то момент и в телеэфире НТВ, и в радиоэфире «Эха» раздался голос: «Алло, Сергей? Это Игорь Малашенко. Фильтруйте, пожалуйста, дебилские вопросы!»

По оценке Алексея Венедиктова, «это был самый захватывающий момент передачи». 24 июня эховскую программу «Без посредников» Венедиктов и Бунтман едва ли не целиком посвятили разбору этого эпизода. Понятно, что фраза Малашенко относилась к по-настоящему дурацким вопросам, сыпавшимся на пейджер радиостанции и в сеть, – типа, почему программа «Глас народа» НТВ идет на русском языке, а не на иврите? Но тем не менее общее ощущение беспомощности и гостя, и создателей передачи после этого технического сбоя и последовавших затем многословных и путаных объяснений только усилилось. И еще больше его усугубило другое сомнительное решение – «Летающий цирк главных редакторов» обратился с просьбой о встрече к бывшему президенту России Борису Ельцину. Чтобы – что?.. Разумеется, Ельцин отказал в этой широко разрекламированной инициативе...

Ну а исторический «Глас народа» с Владимиром Гусинским в качестве главного гостя стал одним из последних выпусков для Евгения Киселева в роли ведущего. Не знаю, объяснялось ли это удручающим впечатлением от состоявшейся дискуссии или чем-то еще, но Евгений Алексеевич с июля 2000-го сосредотачивался на «Итогах» и общем руководстве телекомпанией, поскольку на Малашенко целиком и полностью ложилась международная кампания по защите Гусинского и НТВ. Вместо Киселева вести «Глас народа» было поручено Светлане Сорокиной. И вот это решение однозначно можно считать правильным.

«Глас народа». Сорокина – ведущая, Киселев – гость

Сорокина смогла полностью изменить программу «Глас народа», причем исключительно за счет личных качеств, совершенно ничего не меняя в технологии передачи. Образно говоря, Киселев в этом шоу был монументальным памятником, а Сорокина – человеком, который живо интересуется произведением искусства. Это вполне логично, если вспомнить, что до своего прихода на телевидение Сорокина работала экскурсоводом, пусть и не на постоянной основе. Она оживила выхолощенное и помпезное шоу Киселева, превратив его в увлекательное психологическое исследование. Если сейчас спросить зрителей того, «старого НТВ», с какими программами у них ассоциируются ведущие Сорокина и Киселев, однозначный ответ будет таким: в первом случае – «Глас народа», а во втором – «Итоги».

Интересно, что Малашенко в свое время выступал против приглашения Сорокиной на работу. Она появилась на НТВ в ноябре 1997 года, через год после меня. Но я, как и остальные «ранние пташки» утреннего эфира, проходил отбор на нижних этажах энтэвэшной иерархии, а фигура масштаба Сорокиной согласовывалась на самом высоком уровне. Возражения Малашенко против Сорокиной объяснялись его сомнениями в том, что органика ведущей программы «Вести» будет соответствовать канонам работы телекомпании НТВ. Это был серьезный аргумент. Конечно, ни Татьяна Миткова, ни Михаил Осокин, ни сам Евгений Киселев не были «эфирными роботами». Но по сравнению с ведущими НТВ Сорокина производила впечатление более живого человека. Недаром за ней сразу закрепилось прозвище «Мать-родинка», чему во многом способствовали ее знаменитые «прощалки» – то есть некий авторский текст, не имевший прямого отношения к информационной картине дня, которым она завершала свои выпуски «Вестей». Для НТВ такое поведение в кадре действительно могло показаться неприемлемым.

Но Малашенко уступил доводам коллег, согласившись работать с Сорокиной, раз это было необходимо с производственной точки зрения. Как он позже говорил мне, его личное отношение к кому бы то ни было не имеет значения, если компания реально нуждается в услугах этого человека. В случае со Светланой Сорокиной ее необходимость НТВ стала очевидной для всех после того, как она перебралась в студию «Гласа народа» из программы «Герой дня».

Задачу же интервьюировать гостей вместо Сорокиной руководство НТВ возложило сразу на двух человек – Марианну Максимовскую и меня.

Лирическое отступление: «Герой дня»

Работа в «Герое дня» оказалась для меня не слишком продолжительной, но, как принято говорить, этапной, поэтому я хочу остановиться на данной теме чуть подробнее. Эта небольшая пятнадцатиминутная передача, выходявшая по будням в 19:40, сразу после «Сегодня вечером», быстро стала одной из визитных карточек НТВ. Собственно, их было всего четыре – «Сегодня», «Итоги», «Глас народа» и «Герой дня». Не указываю в этом списке «Намедни», потому что, на мой взгляд, свой культовый статус программа Леонида Парфенова обрела позже, уже во времена «Йордановского», а не «гусинского» НТВ.

Как ни странно, первые пару лет, с 1995 по 1997 год, «Герой дня» никак не мог получить своего постоянного ведущего. Самый первый выпуск провел Парфенов. Кроме него в желтых декорациях «Героя» побывали Владимир Кулистиков и Павел Лобков, Александр Шашков и Александр Герасимов. Сиживал в «песочнице» и Евгений Киселев. Тем не менее эта чехарда продолжалась довольно долго, что, естественно, сказывалось на программе отрицательно. Только с переходом на НТВ Сорокиной кадровый вопрос был решен и «Герой дня» стал стремительно набирать популярность.

Нехватки «героев дня» «Герой дня» не испытывал. Появиться в его эфире считалось настоящим престижным, и проходные персоны почти не попадали в кадр. Получался своеобразный симбиоз: гости были заинтересованы в том, чтобы их приглашали, а программа получала в качестве гостей только топовых ньюсмейкеров. Конечно же, это правило распространялось не только на политиков и чиновников, но и на звезд спорта и шоу-бизнеса. Причем не только российских.

Работать с иностранцами, конечно, было технически сложнее, поскольку для программы, выходявшей в прямом эфире, требовался синхронный перевод. Прекрасный случай произошел во время подготовки выпуска, в котором «Героем дня» у Павла Лобкова выступал президент Литвы Валдас Адамкус. Сам уважаемый гость физически в Москве отсутствовал, поэтому был организован телемост с Вильнюсом. Но, как сейчас говорят, «что-то пошло не так». Москва видела и слышала Вильнюс, а вот Вильнюс Москву – только слышал. Лобков, который всегда быстро, легко и красочно выходил из себя, обрушился с критикой на технических работников, поскольку считал их виновными в затягивании подготовки программы. В конце концов, перейдя к угрозам уволить нерадивых сотрудников, Лобков, уже сидевший в студии, громко и гневно закричал: «Как ваша фамилия?» На что тут же получил ответ на английском: «My name is Valdas Adamkus!» Президент Литвы решил, что вопрос относился к нему. Хорошо, что он то ли не расслышал, то ли не понял другие, более ранние реплики ведущего, звучавшие на далеко не литературном русском!

В наследство от Светланы Сорокиной мне и Максимовской досталась небольшая эфирная бригада «Героя дня», сократившаяся до трех человек. Это был исключительно дружный мужской коллектив, состоявший из мудрых Мурата и Юры, отвечавших за редакторскую работу, и незаменимого во всех остальных смыслах молодого, энергичного и неунывающего Димы, которого, впрочем, все называли только «Спилбергом». Теперь первую неделю я вел новости, вторую – интервью.

Почему я называю работу в «Герое дня» этапной? Прежде всего, конечно, из-за своих коллег. Мурат Куриев и Юрий Генис были гораздо опытнее меня и в профессиональном, и в жизненном смысле. Хотя никакого менторства в их поведении не было. Напротив, я очень быстро почувствовал себя комфортно, потому что, во-первых, мог многому у них научиться, а во-вторых, всегда получал необходимую помощь. Ну и немаловажным фактором являлась атмосфера. Несмотря на свои седины, лысины и бороды, мои новые коллеги никогда не отказывались от очень верного в тот момент отношения к складывающейся ситуации. Это отноше-

ние было не слишком серьезным! Нет, конечно, наших гостей мы выбирали крайне тщательно и так же скрупулезно готовили вопросы к ним. Но все, что оставалось за рамками эфира, приобретало оттенок легкого сумасшествия, что способствовало разрядке напряжения. Так, вместе с Муратом Магомедовичем мы развлекались, сочиняя, честно говоря, довольно пакостные стишки про различных российских политиков и чиновников того времени. Цитирование их совершенно исключено по причинам ужасающего по своей похабности содержания. Хотя, надо признать, некоторые наши произведения не были лишены определенного изящества: «Юрий Генис был страшным романтиком, пенис свой он завязывал бантиком». Это мы пробовали свои поэтические силы на собственном товарище. У меня дома до сих пор хранится «Баллада о храбром Синяке», которую Мурат Куриев написал в связи с моим первым авиAPERелетом, о котором я расскажу чуть позже.

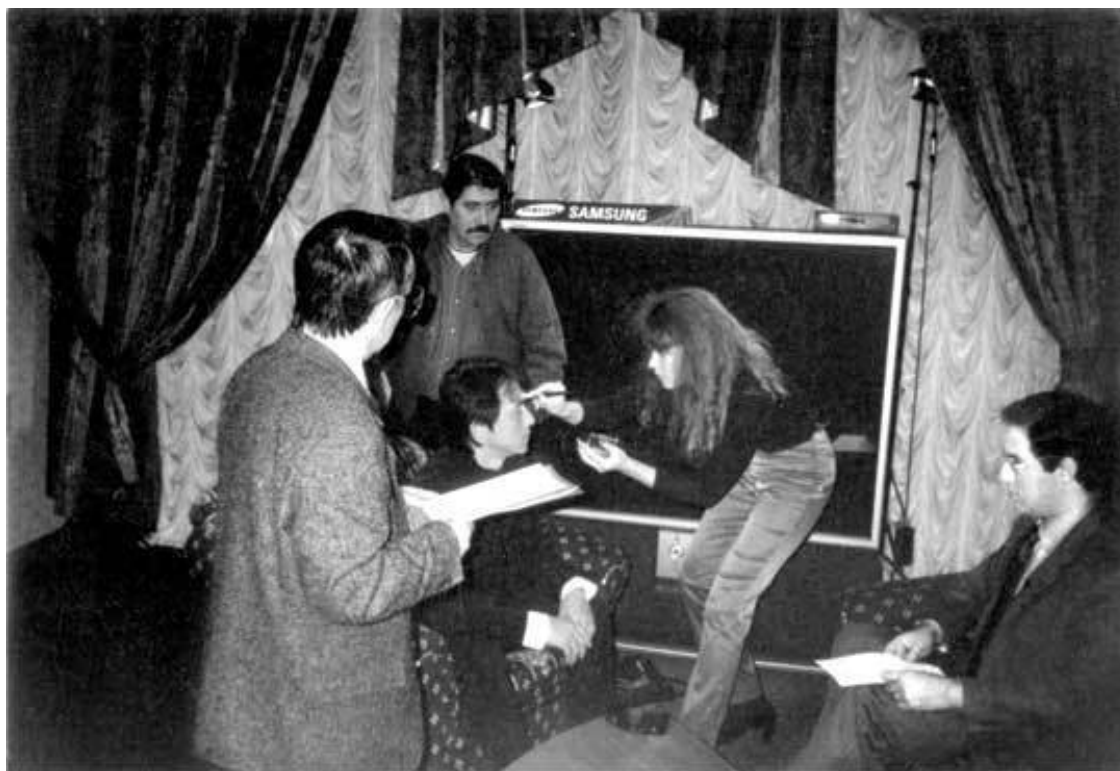
За время работы в этой программе я провел несколько десятков интервью. Некоторые из них получались лучше, некоторые – хуже, хотя, конечно, сейчас я вижу, что большинство этих бесед выглядело сыровато. Мне сегодняшнему не хватает собственной реакции на ответы собеседников. Беседы как таковой не получалось, все сводилось к чередованию: «вопрос – ответ», «вопрос – ответ». Тем не менее настоящая катастрофа произошла лишь однажды, когда нашим «героем дня» был Анатолий Чубайс, возглавлявший РАО «ЕЭС России».

Эта программа была выездной, мы снимали ее в студии НТВ в гостинице «Россия», которая обычно использовалась для небольших интервью ньюсмейкеров, не успевающих добраться из центра Москвы до Останкино. Анатолий Борисович долго не давал согласия на разговор, ссылаясь на занятость, но, когда наконец-то все сложности утряслись, выяснилось, что настроение беседовать у Чубайса отсутствовало напрочь. Он был очевидно недоволен тем, что его отрывают от дел ради пятнадцатиминутной программы, поэтому отвечал на все мои вопросы односложно – «да», «нет», – никак не развивал собственные мысли и явно торопился закончить все побыстрее. И ему это удалось! Я «поплыл», запаниковал, потому что понял, что отвечать на уточняющие вопросы Чубайс не хочет, а вопросы конкретные закончились уже к середине эфира. И мне действительно пришлось уйти существенно раньше запланированного времени. Насколько я помню, «уложились» мы минут в девять! И это при хронометраже в пятнадцать минут! Конечно, я подставил этим нашу Программную дирекцию, которая уже давно отвыкла от ситуаций, когда что-то в эфире вдруг заканчивается раньше, чем нужно. Обычно все выходило наоборот, и для подобных случаев существовали проработанные сценарии. Так что «Герой дня» с Анатолием Чубайсом мне запомнился надолго, и сейчас, разбирая с моими студентами тему подготовки интервью, я всегда рассказываю им о своем эфирном позоре.

Иногда неожиданные трудности в прямом эфире возникали уже по вине нашего руководства. В одном из выпусков программы моим собеседником был Альфред Кох, уже назначенный генеральным директором холдинга «Газпром-Медиа». Это происходило в самый разгар нашей «оборонительной кампании», поэтому к встрече с «главным душителем» НТВ я, естественно, готовился как к смертельной схватке. Где-то в середине разговора я с тихим ужасом услышал в своем наушнике знакомое покашливание, за которым последовало: «Э-э-э... Андрюша? Это – Женя... М-м-м... Э-э-э... Ты меня слышишь?» Генеральный директор НТВ Евгений Киселев пришел в аппаратную «Героя дня», чтобы дать мне какие-то необходимые указания. Проблема заключалась в том, что я не мог в прямом эфире ответить ему: «Да, Евгений Алексеевич, я вас слышу!» А он продолжал настаивать... Я попытался объясниться с помощью знаков, осторожно кивая, но так, чтобы Кох вдруг не подумал, будто я одобряю его точку зрения. Видимо, у меня это получилось не лучшим образом, потому что Кох явно догадался, что мне кто-то что-то подсказывает, о чем он тут же с убийственной иронией и заявил. К счастью, сразу после этого Евгению Алексеевичу дали понять, чтобы он не пытался дальше выстраивать диалог со мной, а просто озвучил свою просьбу.

Однажды на прямой эфир едва не опоздал Каха Бендукидзе. Как известно, генеральный директор холдинга «Объединенные машиностроительные заводы» всегда был человеком, мягко говоря, крупным. Но – ответственным! Он заранее предупредил о своем возможном опоздании и, постоянно созваниваясь с редакцией, сообщал о подробностях своего продвижения к телецентру. Мы решили рискнуть и выйти в назначенное время. После окончания новостей в эфир пошел расширенный рекламный блок, в течение которого к прибытию нашего гостя был подготовлен лифт, отключен турникет охраны на восьмом этаже и распахнуты все двери. Бендукидзе ворвался в студию за несколько секунд до начала программы, и эфир был спасен... После того как наш гость покинул Останкино, в редакционной комнатке «Спилберг» вынес свой приговор: «Что я могу сказать по сути сегодняшней программы? Хреново Каха Автандилович бегаёт...»

Вот из таких, казалось бы, незначительных и несерьезных эпизодов моей карьеры интервьюера на НТВ складывалась очень яркая и запоминающаяся мозаика. Наши гости были абсолютно разными людьми, со своими особенностями в поведении, в манере общения, в степени откровенности. Когда зимой 2000 года жители Приморья в очередной раз начали замерзать (при тогдашнем губернаторе Евгении Наздратенко это было их традиционным занятием), «Герой дня» приехал в Министерство по чрезвычайным ситуациям. В разговоре со мной глава ведомства Сергей Шойгу, комментируя сложившуюся на Дальнем Востоке ситуацию, очень тщательно подбирал слова. Казалось, он боялся не совладать с эмоциями. Когда мы сделали небольшую паузу, Сергей Кужугетович вдруг сказал: «Была бы моя воля, я бы всех этих...» И дальше он крайне доходчиво объяснил мне, кого именно из приморских чиновников имеет в виду и что бы он с ними сделал. Думаю, к последовавшей через пару недель отставке губернатор Приморья должен был отнестись как к спасению собственной жизни... Этот эмоциональный выпад Шойгу запомнился мне, потому что мой собеседник предстал обычным человеком, не чиновником, обремененным жесткими правилами поведения, а гражданином, близко к сердцу принимающим чужие проблемы.

«Герои дня». Последние приготовления перед интервью Джеки Чана

Конечно, совершенно очаровал меня Джеки Чан! Его появление в программе было заслугой Ирины Муромцевой, присоединившейся к нашей команде в качестве продюсера. Насколько я помню, это было первое интервью Джеки Чана российскому СМИ на территории России. Он прилетел в Москву всего на одни сутки, на презентацию своего нового фильма «Великолепный». Разговаривали мы в ужасном помещении, именовавшемся ВИП-зоной аэропорта Шереметьево. Сейчас даже трудно представить, насколько кошмарно выглядели интерьеры главной воздушной гавани страны всего несколько лет назад! Пыльные, расшитые какими-то золотыми позументами диваны и кресла, тяжеленные портьеры... Актер выглядел очень уставшим после многочасового перелета, никакой возможности передохнуть у него не было, но в кадре, по-моему, это совершенно незаметно! Из разговора с Джеки Чаном я вынес для себя своеобразный урок – или даже правило, которого стараюсь придерживаться. Я очень редко отказываю в просьбе об интервью. Потому что отвечать на вопросы журналистов – такая же работа, как и задавать эти вопросы. Относиться к чужой работе с уважением меня приучили еще мои родители. Ну а Джеки Чан внес необходимую ясность в формулу «Интервью – непростая работа».

На самом деле интервью – сложнейшее направление в журналистике. При всей кажущейся легкости – сели и поболтали – качественное интервью требует огромного подготовительного процесса, тщательно проработанного сценария и профессионального умения вести прямой эфир. Ведь в задачу интервьюера входит не только создание доверительной атмосферы, позволяющей его собеседнику расслабиться, говорить откровенно и искренне. Интервью – это не интимная беседа тет-а-тет, это разговор, за которым следят миллионы телезрителей. Следовательно, нельзя забывать и о них, об их интересе к вашему гостю, к тому, что и как он говорит. Драматургия имеет огромное значение, особенно если мы говорим о прямом эфире, когда внести какие-то правки просто невозможно.

К сожалению, сейчас формат интервью на российском телевидении переживает не лучшие времена. Программы, которые выходят в эфир на постоянной основе, можно пересчитать по пальцам одной руки. Причем, что интересно, большинство из них – это программы «Первого канала». «Познер», «На ночь глядя» Бориса Бермана и Ильдара Жандарева и «Наедине со всеми» Юлии Миньшовой... Вот, пожалуй, и все. Да, эти передачи относятся к совершенно разным направлениям, к разным жанрам, но по своему профессиональному уровню они намного опережают все остальные. Собственно, «остальные» интервью в теле- и радиоэфирах сводятся к двум вариантам: тусовочно-молодежному перебрасыванию словами в незамысловатой, я бы даже сказал, панибратской манере и нарочитому, на грани столкновения, оппонированию собеседнику, столь любимому, например, радиостанцией «Эхо Москвы».

Я никогда не соглашался с Алексеем Венедиктовым, утверждавшим, что журналист всегда должен быть оппонентом для своего гостя. Кстати, сам Венедиктов в интервью, которые он проводит, далеко не всегда предстает непримиримым противником гостей, а вот другие журналисты «Эха» особенно не стесняются. Мне кажется ложной установка «раздавить» своего визави, загнать его в угол, вести разговор с одной-единственной целью – поймать человека на каком-то несоответствии, неточности. Я понимаю задачу интервьюера по-другому: разговаривать собеседника, задать ему все необходимые вопросы, в том числе и неприятные, но сделать это честно, не пряча фигу в кармане, без провокации. Зритель и слушатель в таком случае сам сделает выводы и о персоне гостя, и о его убеждениях, и о его поступках.

Когда в эфир радиостанции «Коммерсантъ FM» пришел детский омбудсмен Павел Астахов, мой соведущий Константин Эггерт остался очень недоволен состоявшимся разговором. «Не добавили», – такова была его оценка. Я искренне не понимаю, что это значит. Неужели следовало ожидать, что после разговора с журналистами Павел Астахов (или кто-либо другой) зальется горючими слезами, порвет на себе рубаху и уйдет в монастырь? По-моему, это

какая-то глупость. Перед тем эфиром я предупредил Павла Алексеевича, что среди вопросов, которые мы хотим ему задать, есть несколько личных, весьма неприятных для него тем. Астахов, прекрасно понимающий эфирные правила, поблагодарил меня и подтвердил, что готов отвечать на любые вопросы. И мы их задали. И повторили, и переформулировали, если ответ казался недостаточно полным... Вот в чем состоит задача интервьюера – придумать и задать такие вопросы, которые бы наиболее ярко раскрывали личность собеседника.

Владимир Познер, несомненно, наиболее сильный интервьюер современной русской журналистики, часто критически отзывается о Ларри Кинге. По его словам, слабость Кинга как интервьюера заключается в осознанном отказе от острых вопросов. С этим можно поспорить, тем более что и сам Владимир Владимирович в своей программе предпочитает давать прижатым к стенке гостям возможность перевести дух. Острый вопрос – не самоцель. Кинг, как мне кажется, просто не гонится за сиюминутным успехом, предпочитая «играть вдолгую». Хрестоматийный пример – его беседа с Владимиром Путиным после гибели подводной лодки «Курск». Российский президент допустил тогда, возможно, самую серьезную публичную дискуссионную ошибку. Его ответ, конечно, был крайне неудачным. Но Кинг не стал делать на этом эпизоде акцент, перейдя к следующей теме. Почему? Потому что он понимал, что в будущем у него возникнет необходимость снова пригласить своего сегодняшнего гостя в эфир. И он оказался прав.

Когда я рассказываю обо всем этом студентам Института телевидения и радиовещания и слушателям Высшей школы телевидения «Останкино», я пытаюсь показать им ту тонкую грань, которая отделяет успех журналиста-интервьюера от его ошибки. Вы можете «погнаться за журавлем», захотеть, образно говоря, уничтожить своего гостя, показать все его недостатки и... проиграть! Потому что с таким журналистом не только этот гость, но и все другие просто не захотят разговаривать. Потому что вы должны проявлять уважение к собеседнику, невзирая на политические, идеологические или какие-либо другие разногласия. И это не имеет никакого отношения к цензуре или ограничению свободы слова. Это называется профессионализмом, умением быть ярким и острым, но без хамства и без заискивания!

Надеюсь, теперь становится понятно, почему я столь трепетно отношусь к своей работе в программе «Герой дня» в 2000–2001 годах. Этот период моей карьеры на НТВ оказался очень важным для всей последующей журналистской деятельности. Фактически он послужил началом моего профессионального становления, и конечно, я очень благодарен судьбе за ту возможность, которая мне выпала...

Глава 9

- «– Откуда у вас эта версия, если вы там не были?
– Мне рассказывали.
– А! А я там был. Кому из нас веры больше?
– Мне.
– Почему?
– У вас репутация плохая.
– А у вас, думаете, хорошая?»*

Это не фрагмент ссоры двух пенсионеров на бульварной скамейке. Это – эпизод программы «Глас народа», вышедшей в эфир НТВ 22 сентября 2000 года. Главными ее героями были Альфред Кох и Евгений Киселев. А главной темой – внезапно ставший достоянием гласности «Протокол № 6», венчавший соглашение о продаже Владимиром Гусинским своего бизнеса холдингу «Газпром-Медиа». Как нетрудно понять из вышеприведенного диалога, мы не вынесли никаких уроков из крайне неудачного выпуска «Гласа», в котором о наших проблемах говорил Гусинский. Все, что касалось подробностей информационной войны НТВ с Кремлем, немедленно вываливалось в эфир, полностью вытесняя из наших новостных программ остальные темы.

Кстати, на это обращали внимание некоторые участники упомянутой передачи, но их робкие критические замечания Евгений Киселев парировал заявлением, что атака государства на независимое СМИ и есть главная новость, главное политическое событие. Хотя этот календарный отрезок – с июля по октябрь 2000 года – был омрачен и гибелью подлодки «Курск», и серьезнейшим пожаром на Останкинской телебашне. Удивительно, но в это же время НТВ запустило и новую развлекательную программу, которой суждено было навсегда остаться в истории российского телевидения.

Кулуарные переговоры Гусинского с властями после его освобождения из тюрьмы под подписку о невыезде продолжались около месяца. Насколько нервным и тяжелым был этот процесс, можно понять уже по одной фамилии главного переговорщика от «Газпрома» – Альфред Кох. Альфреда Рейнгольдовича назначили генеральным директором холдинга «Газпром-Медиа» 10 июня, за три дня до ареста Гусинского. Можно только представить себе их первую встречу! У одного все еще болела спина после тюремной койки, а у другого продолжали пылать уши после скандала из-за «Дела писателей», обернувшегося для него потерей государственной должности. Впрочем, позиции Коха, если оценивать их с точки зрения буквы закона, были гораздо прочнее. Долг «Медиа-Моста» перед «Газпромом» существовал. Это была ясная и понятная история, не сравнимая ни с патронами от пистолета, ни с деньгами «Русского видео». И не имевшая никакого отношения к «свободе слова»!

График на середину июня 2000 года выглядел для нас удручающим: выплата двухсот одиннадцати миллионов долларов уже безнадежно просрочена, а в конце июля нужно вернуть еще двести шестьдесят два миллиона! Это давало Коху полное право заявлять Сорокиной в эфире ее программы, что финансовые дела НТВ не просто плохи, а очень плохи! Кох, как официальный представитель кредитора, преследовал простую цель – вернуть деньги. Хотя утверждать, что делал он это без какого бы то ни было личного отношения, конечно, наивно. Гусинский, в свою очередь, понимал, что если он и сможет сейчас продать кому-нибудь свой бизнес, то только «Газпром-Медиа».

Контролировать процесс этого закулисного торга выпало Михаилу Лесину, еще одному, по более позднему выражению Светланы Сорокиной, «заклятому другу» Гусинского. К лету 2000-го Лесин уже около года занимал пост министра печати, поэтому формально его участие в

разрешении самого громкого медийного конфликта в стране было вполне оправданным. Некогда Лесина и Гусинского связывали вполне прочные деловые отношения, основанные на взаимовыгодном существовании рекламного и телевизионного бизнеса. Потом их интересы разошлись, компания «Видео Интернешнл» прекратила продавать рекламу на НТВ, а позже, как водится, вслед за разрывом деловых связей прекратилось и то, что какое-то время казалось дружбой.

Я встречался с Михаилом Лесиным лишь однажды, во время заседания конкурсной комиссии по частотам в начале 2002 года. Хотя несколько раз общался с ним в эфире, в том числе в программах Сорокиной. Но Гусинский иногда о нем говорил. И у меня сложилось впечатление, что, считая Лесина одним из виновников обрушившихся на него неприятностей, сам Владимир Александрович все же относился к Михаилу Юрьевичу с изрядной долей уважения. Это не было своеобразным проявлением «стокгольмского синдрома», как можно подумать. Скорее, Гусинский не мог не признавать за Лесиным права быть столь же наглым, напористым и безапелляционным бизнесменом, каким был и сам Гусинский. «Пацан сказал – пацан сделал». Оба они относились крайне серьезно к этому «понятийному» принципу, хотя на словах всегда ратовали за верховенство закона.

Вообще, у Гусинского существовала (не знаю, существует ли сейчас) своеобразная иерархическая классификация окружающих. Не окружающих людей вообще, а только тех, кто имеет отношение к делу. Такая «Табель о рангах». Эта очень лаконичная шкала насчитывала всего четыре позиции. На самой нижней ступени располагались «людишки», по-другому не скажешь, которые именовались «сам никто и звать никак». То есть абсолютный мусор, болтающийся где-то под ногами, на который ни при каких обстоятельствах не стоило обращать внимания. Вторую ступень занимали «полицаи» – те, с кем уже приходилось иметь дело лично, хотя никакого интереса это не вызывало и никакой радости не приносило. К «полицаям» могли относиться как персоны сторонние, так и вовлеченные непосредственно в бизнес-проекты Гусинского, просто доверие к ним с его стороны не всегда было всеобъемлющим. Самой многочисленной группой в этой системе ценностей были (*je vous demande pardon!*) «п...дарасы». Практически все подчиненные высокого уровня, бизнес-партнеры, конкуренты, чиновники и политики числились именно по этому разряду. Когда я стал руководителем российского отделения RTVi, я автоматически влился в ряды «п...дарасов», причем перескочив через позицию «полицай». И, наконец, на самом вершине пирамиды размещались великие и ужасные «кровавые п...дарасы» – люди, равные Владимиру Александровичу. Этих людей было крайне мало, что объяснялось весьма высокой самооценкой Гусинского. Не потому что он – мизантроп, совсем нет. Просто, насколько я смог понять своего многолетнего работодателя, для него значимость человека сводилась лишь к его умению решать деловые вопросы. Если этот противник в чем-то переигрывал Гусинского, то становился тем самым «кровавым п...дарасом» – вроде бы гад, конечно, но... Так вот, Лесин всегда оставался для Гусинского таким персонажем – враждебным, но заслуживающим уважения. Иначе говоря, он занимал высшую строчку по шкале Гусинского, а вот Кох, разумеется, нет.

Надо сказать, что скоропостижная и во многом загадочная смерть Михаила Лесина в ноябре 2015 года, спустя неполных пару месяцев с момента рождения его младшей дочери, стала шоком для всех, хотя очень многие знали о проблемах со здоровьем, преследовавших Лесина после тяжелой травмы позвоночника. Он перенес несколько сложных операций. Но укоренившийся в общем сознании образ набычившегося «Боцмана», «Бульдозера» (именно так называли Лесина в медийной среде), не замечающего никаких преград на своем пути, как-то не способствовал осознанию того факта, что этот некогда очень влиятельный человек ушел в возрасте 57 лет. И, на мой взгляд, реакция на его смерть у людей, вовлеченных во все те драматические события, о которых я рассказываю, во многом соответствовала сложным и запутанным отношениям, сложившимся между Лесиным и Гусинским.

Я приведу с небольшими сокращениями фрагмент монолога главного редактора «Эха Москвы» Алексея Венедиктова из программы «Персонально ваш», которая вышла в эфир радиостанции 8 ноября 2015 года: *«В разные этапы моей жизни Михаил Лесин был для меня разным человеком и играл разную роль в истории моей профессиональной жизни. Какое-то короткое время мы были с ним достаточно дружны, (...) а потом мы с ним где-то в 1990-е годы разошлись очень активно, он ушел на государственную службу. И мы с ним первый раз, помнится, сцепились, когда он стал начальником Управления информации президента Ельцина в 1997 году. (...) И это был другой Лесин, который очень грубо разговаривал со мной после этого как государственный чиновник. Ну, я как бы отвечал с присущей мне любезностью. (...) Потом, (...) когда господин Лесин и господин Кох разносили по поручению Путина НТВ, захватывали его, (...) наши отношения не улучшились. (...) Ну а затем все было на ваших глазах, когда он в 2013 году пришел на пост главы «Газпром-Медиа». Мы продолжали с ним воевать вплоть до его отставки, вплоть до последнего дня. Делали это публично. Поэтому Михаил Лесин был очень противоречивой фигурой. (...) Непростой, очень сложный человек. Может быть, об этом будет когда-нибудь написано. Я писать об этом не буду, потому что мои последние впечатления от него тяжелые. Я совсем не узнавал того Лесина, которого я знал в начале 1990-х. Просто совсем не тот человек, с которым... к которому я ходил на день рождения и который ко мне ходил на день рождения».*

Несколько раз в этой передаче Венедиктов повторил, что он – «подбирает слова». А хорошо зная Алексея Алексеевича как человека, который за словом в карман не лез никогда, я должен подтвердить, что Венедиктов, говоря о Лесине, был очень осторожным в формулировках. И не из-за страха перед представителем власти, пусть и бывшим. И не из-за боязни обидеть память только что ушедшего из жизни человека. В словах Венедиктова я услышал растерянность, непонимание охвативших его чувств! Потому что ему приходилось говорить о человеке, сделавшем для него лично много плохого, но не заслуживающем однозначно негативной оценки! Простите за, возможно, некорректное сравнение, но мне оно кажется очень подходящим. Помните, когда господин Оливандер говорил Гарри Поттеру об удивительном родстве его волшебной палочки с палочкой Волан-де-Морта, он дал Темному Лорду следующую характеристику: «Тот, Чье Имя Нельзя Называть, совершил много великих дел – да, ужасных, но все же великих»...

Но вернемся к предложению, которое в конце концов принялись обсуждать друг с другом представители «Газпром-Медиа» и «Медиа-Моста». Оно выглядело так: триста миллионов долларов наличными и полное списание долгов. В верхушке «Моста» произошел раскол. Часть топ-менеджеров, в том числе некоторые члены «Летающего цирка главных редакторов», склонялась к тому, чтобы взять деньги и жить долго и счастливо. Часть – требовала отказаться. Причем по этой позиции существовало два объяснения. Первое – отказаться, потому что это было наглое вмешательство государства в деятельность средств массовой информации, а второе – отказаться, потому что мало предложили... Что, кстати, во многом являлось правдой – некоторое время назад активы «Медиа-Моста» стоили гораздо больше, одно только НТВ некоторые эксперты оценивали в миллиард долларов. Но... это время было упущено.

В результате многодневных мозговых штурмов наши начальники нашли, казалось бы, «соломоново решение». 18 июля Гусинский, в присутствии двух адвокатов, написал заявление, суть которого сводилась к тому, что его силой заставляют продать принадлежащие ему компании по заниженной цене, взамен обещая прекратить уголовное преследование и разрешить выезд за границу. Также в этом заявлении указывалось, что министр печати России Михаил Лесин является тем человеком, который непосредственно принуждает Гусинского заключить эту кабальную сделку. Естественно, заявление было совершенно секретным.

Через два дня, 20 июля 2000 года, также в обстановке строжайшей секретности, между компаниями «Медиа-Мост» и «Газпром-Медиа» было заключено соглашение о переуступке

бизнеса. Никто из наших руководителей – ни Киселев, ни Венедиктов, ни Малашенко, ни тем более Гусинский – и не думал ставить журналистов в известность о случившемся. Нам была уготована другая роль – через пару месяцев скандал должен был выйти на новый уровень и нам, журналистам НТВ, следовало снова выделять эфирное время и тратить силы на защиту самого святого, что у нас было... Вы понимаете, конечно, что речь опять шла о «свободе слова».

Пока же, 27 июля (через два дня после моего тридцатидвухлетия!), мы получили грандиозный подарок. Генеральная прокуратура отменила в отношении Владимира Гусинского меру пресечения в виде подписки о невыезде в связи со снятием с него всех обвинений! Гусинский тут же сел в свой самолет и улетел в Испанию, в дом, расположенный в «Сотограндовке». Курортный район Сотогранде в испанской Марбелье был уже несколько лет как оккупирован различными представителями российской бизнес-элиты, отчего и получил свое «русифицированное» название. Считается, что с тех пор Владимир Гусинский никогда не бывал в России. Осмелюсь предположить, что один, возможно, два раза он все-таки прилетал. На мой прямой вопрос, заданный в октябре 2013 года (я тогда встретился с Гусинским в Израиле, где мы с женой были в отпуске), Владимир Александрович, кокетливо улыбаясь и пряча глаза, ответил: «Ну... какая разница, был – не был... Отстаньте от несчастного Дедушки Черепахи!» Дедушкой Черепахой Гусинский изредка именовал себя, когда бывал в особенно хорошем расположении духа...

После отъезда Гусинского мы, конечно, воодушевились! Начальник на свободе, «вновь продолжается бой» и все такое. 31 июля в эфир НТВ даже вышло новое шоу – информационно-успокоительная программа «Тушите свет!». Внешне она выглядела как пародия на «Спокойной ночи, малыши!»: живой ведущий и два кукольных персонажа, поросенок и заяц. Только в «Тушите свет!» вместо кукол действовали компьютерные модели, да и по остальным характеристикам Хрюн Моржов и Степан Капуста очень сильно отличались от своих прототипов – Хрюши и Степашки. В качестве постоянного ведущего программы был заявлен Лев Юрьевич Новоженов. Не «дядя Лева», как это могло бы звучать в «Спокойной ночи, малыши!», а – «Юрьич» (для Хрюна Моржова) или «Левушка» (для Степана Капусты).

«Тушите свет!» задумывалась как острая сатирическая программа, в качестве тем которой выбирались политические новости. Особенно заметно это стало после событий апреля 2001 года, когда Хрюн и Степан в числе многих других сотрудников НТВ покинули телекомпанию в знак протеста. Производством шоу занималась компания Александра Татарского «Пилот ТВ», а с нашей стороны проект курировал продюсер Александр Левин. Зрители встретили новое шоу в штыки – такого шквала обвинений в пошлости, дурновкусии, потакании низменным инстинктам публики и т. д. не выпадало на долю ни одной другой программы. По крайней мере я ничего подобного не припомню. Вот, например, что писала газета «Труд» 17 августа 2000 года в статье под заголовком «Хрюшу произвели в Хряки, или Тушите свет!»: *«Трудно сказать, чего больше в ее аллегорических кивках: изысканного юмора Шендеровича, инвектив Киселева или убийственной иронии «Кукол». Пожалуй, ничего подобного в ней уловить вообще невозможно, кроме прямолинейной злорадности, неприличной даже в воспитательных целях. Трогательные зверушки из «Спокойной ночи, малыши!», выродившиеся в невыносимых демагогов, способны вызвать оторопь и все то же чувство неловкости, которое обычно появляется в тех случаях, когда сталкиваешься на экране с чем-то неорганичным и вымученным. Чувство меры тут явно изменило энтэвэшникам, которые, похуже, призывая тушить свет, сами погружаются во тьму. А наспех придуманные нескладные частушки, которыми навязчиво завершается каждый выпуск передачи, воспринимаются и того хуже – как грубое, злое, скверное шутовство. Вряд ли эта программа может прибавить поклонников каналу НТВ. Есть все основания предположить обратное».*

К счастью, коллеги из «Труда» поспешили с прогнозами. За пару месяцев «Тушите свет!» превратилась в телевизионный блокбастер, а выражения Хрюна «Мощно задвинул!» и «Вну-

шаить!» стали популярными афоризмами. После перехода на ТВ-6 вместо Льва Новоженова в роли соведущих программы стали выступать как журналисты самого канала, так и приглашенные звезды. Пару раз заходил в гости к Хрюну и Степану сам Владимир Познер, бывали на их кухне Марк Захаров, Михаил Швыдкой, Александр Ширвиндт и даже депутат Николай Харитонов. Мне посчастливилось несколько раз принимать участие в этой программе. Причем последний эфир относился уже к тому времени, когда я покинул Уникальный журналистский коллектив и работал на RTVi. В том выпуске Хрюн сказал, что я «променял их на длинный шекель»! Я, возвышаясь на почетном месте ведущего на фоне хромакея, мог только вяло возражать сценаристам передачи Владимиру Неклюдову и Ростиславу Кривицкому, которые, сидя на полу, изображали, соответственно, Степана и Хрюна, озвучивая их реплики.

С течением времени аллюзии на «Спокойной ночи» стали менее заметны, потому что «Тушите свет!» все больше стала напоминать информационную программу «Сегодня». Этому способствовало и усиление образа корреспондента Шарика, появлявшегося в прямых включениях, и, главное, ротация специально приглашенных гостей передачи. Все они представляли в образе кота, который каждый раз выступал в новом качестве, в новой должности и под новым именем. Например, это мог быть «Главный имиджмейкер Глеб Трепловский», «Министр денег Алексей Запудрин» или «Директор «Газпром-радио» Альфредди Крюгер» – то есть, соответственно, политолог Глеб Павловский, тогда воспринимавшийся нашей стороной как враг, обслуживающий интересы «кровавого режима», министр финансов России Алексей Кудрин и глава «Газпром-Медиа» Альфред Кох. Иногда виртуальному коту подкрашивали губы, надевали на него женское платье, и он превращался в Валерию Невтудверскую, то бишь – в Новодворскую.

«Тушите свет!», к сожалению, повторила путь всего Уникального журналистского коллектива. Постоянно прыгая с канала на канал (но собирая при этом премии ТЭФИ!), программа в конце концов прекратила свое существование, хотя Хрюн и Степан еще появлялись в гораздо менее удачных проектах, таких как «Красная стрела» или «Персональный счет». К последнему из них я имел косвенное отношение, поскольку программу показывали не только региональные партнеры компании «Интерньюс» Мананы Асламазян, но и RTVi, а я какое-то время был координатором всей этой истории.

Тем не менее даже появление в нашем эфире новой развлекательной программы не означало, что мы веселились с утра до ночи. 12 августа 2000 года в Баренцевом море произошла катастрофа подводной лодки «Курск», трагедия, унесшая жизни ста восемнадцати человек. Мне не хочется сейчас ничего писать об этих августовских днях, когда вся наша страна ждала новостей о членах экипажа «Курска». Я не хочу обвинять никого из моих коллег, но сегодня для меня очевидно, что те события в Баренцевом море руководство телекомпании в очередной раз превратило в инструмент политической борьбы. Точно так, как это делалось на протяжении нескольких месяцев с жизнями журналистов телекомпании, поступили тогда и со смертью ста восемнадцати моряков. Слабым утешением является то, что гибель «Курска» как повод для атаки на государство использовали не только мы, но и ОРТ – Березовский к этому времени снова стал союзником Гусинского, понимая, что, возможно, станет следующим «кандидатом на выход». Единственным исключением в этой чернушной кампании я бы назвал фильм Григория Кричевского «Женщина русского лейтенанта», посвященный вдове командира турбинной группы дивизиона движения «Курска», капитан-лейтенанта ВМФ Дмитрия Колесникова – Ольге. Но этот фильм вышел только через год, который мы (я-то уж точно!) целиком посвятили борьбе за финансовое благополучие нашего телевизионного руководства.

В конце августа (напомню, мы все еще ничего не знали о том, что сделка по продаже НТВ идет полным ходом) произошел пожар на Останкинской телебашне, в результате которого погибли три человека, а вещание большинства отечественных телеканалов было прервано. Внешне пожар на телебашне не выглядел особенно эффектным зрелищем, москвичи в основ-

ном видели только клубы дыма. Но на самом деле случившееся в Останкино являлось крупнейшей техногенной катастрофой, и ее последствия некоторое время оставались абсолютно непредсказуемыми. Никто не верил в то, что башня упадет, но, как выяснилось позднее, не произошло этого просто чудом.

Причиной пожара называли самовозгорание из-за перегрева аппаратуры. Чуть позднее виновником ЧП «назначили» систему фидеров, пронизывавших башню по всей ее высоте. Фидер, применительно к телевидению, – это передающая линия, доставляющая потребителю электромагнитные волны от их источника. То есть это не просто кабель, а целая сеть, включающая и кабели, и передатчики либо антенны. Вот в одном из этих фидеров и произошло короткое замыкание. Корреспондент НТВ Елизавета Листова, всегда выделявшаяся среди коллег мастерским умением мыслить и говорить афористично, заклеила подлое устройство, спровоцировавшее пожар, термином «фидер гнойный», которое ввиду своей очаровательной двусмысленности тут же было подхвачено коллективом.

НТВ, кстати, пострадало от пожара на башне меньше других телекомпаний, потому что имело на орбите свой собственный спутник. Пожалуй, это стало единственным эпизодом, когда «Бонум-1» – как выражаются биржевики, «в моменте» – принес НТВ пользу, а не финансовые проблемы. Двое суток улица Академика Королева и примыкающие окрестности находились в милицейском оцеплении. Движение транспорта было ограничено, а за цепочку милиционеров пропускали только местных жителей и сотрудников телецентра. В какой-то момент в коридорах Останкино стало заметным реальное беспокойство. Знатоки утверждали, что башня не может, скажем так, «упасть на бок»: она должна сложиться внутрь, подобно телескопической трубе. Тем не менее многие сотрудники телецентра уже прикидывали на глаз, достанет ли башня здания АСК-1, если рухнет наискосок через улицу Королева.

Единственным человеком, сохранявшим в эти дни олимпийское спокойствие, был Владимир Кулистиков. Правда, следует признать, что заместитель генерального директора НТВ и глава нашей службы информации в тот момент пребывал в заграничном отпуске. Ответственный секретарь редакции Татьяна Голова кричала по телефону: «Володя, ужас! Кошмар! Башня горит!» «Танюююша, – тянул в ответ Кулистиков в свойственной только ему расслабленно-вальяжной манере. – Ну горит башня, и что? Ведь я же не пожааарный! Ну приеду я, что-то изменится?» Голова молча повесила трубку...

К концу вторых суток пожар удалось ликвидировать, хотя ремонтные работы на башне растянулись на несколько лет. Тем не менее вещание телеканалов было восстановлено в первую очередь, и таким образом зрители НТВ оказались полностью готовы к наблюдению за очередным публичным разбирательством конфликта нашей телекомпании с властями. Я говорю о той самой передаче «Глас народа» от 22 сентября, с упоминания которой началась текущая глава этой книги...

Глава 10

17 сентября в британской газете The Financial Times, а 18 сентября – на лентах российских информационных агентств появилось сообщение о срыве сделки между «Медиа-Мостом» и «Газпром-Медиа». За этой краткой новостью последовало заявление концерна «Газпром», в котором говорилось, что (цитирую по публикации в газете «Известия» от 19 сентября 2000 года) *«холдинг «Медиа-Мост», фактически принадлежащий Владимиру Гусинскому, в одностороннем порядке отказался от условий сделки, заключенной еще 20 июля. В связи с этим «Газпром» планирует обратиться в Генпрокуратуру РФ с просьбой проверить факты выведения активов компаний, входящих в ЗАО «Медиа-Мост», и целевого использования заемных средств».*

Еще раз повторю, сотрудники телекомпании о сделке от 20 июля ничего не знали. Все бросились выяснять, что же это была за сделка такая? Тут-то на поверхность и всплыл «Протокол № 6». Снова обратимся к весьма информативному тексту «Известий»: *«Соглашение состояло из семи документов: само Соглашение о переуступке и покупке акций и шесть приложений к нему, включающих перечень организаций и дочерних компаний, подлежащих продаже, сведения о задолженности предприятий В. А. Гусинского различным кредиторам и, что самое интересное, два секретных приложения (№ 6 и № 7). (...) Приложение № 6, как сообщил в интервью «Известиям» один из руководителей холдинга Игорь Малашенко, было завизировано министром печати и информации РФ Михаилом Лесиным в его рабочем кабинете поздно вечером 20 июля. (...)*

Стороны понимают, что успешная реализация Соглашения возможна, лишь когда граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе без принуждения со стороны кого-либо к совершению каких-либо действий, что требует в настоящее время выполнения определенных взаимосвязанных условий, а именно:

- прекращения уголовного преследования гр. Гусинского (...) перевода его в статус свидетеля... отмены избранной меры пресечения в виде подписки о невыезде;*
- предоставления гр. Гусинскому (...) и руководителям организаций гарантий безопасности, защиты прав и свобод, включая право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать из Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться;*
- отказа от любых действий, включая публичные выступления со стороны организаций, их акционеров и руководителей (...) влекущих за собой ущерб основам конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства (...) ведущих к дискредитации институтов государственной власти РФ».*

Далее газета поясняла: в приложении № 7 оговаривалось, что «Газпром-Медиа» соглашается с тем, что сотрудникам «Медиа-Моста» будет разрешен вынос личных вещей из офиса при передаче его покупателю. (Кстати, тут я должен напомнить, что офис «Моста» ни к какому «Газпром-Медиа» не перешел. Я в нем работал еще несколько лет, поскольку редакция и студия RTVi находились именно в доме 5/1 в Большом Палашевском переулке. Позднее это здание получила компания ЮКОС в счет уплаты долга, который Гусинский имел перед Ходорковским.)

Руководство объяснило нам эту «картину маслом» следующим образом: Лесин и Кох по приказу Путина выкрутили Гусинскому руки, заставив подписать соглашение о передаче бизнеса в обмен на свободу. Но наш хитроумный Одиссей еще за два дня до этого прискорбного момента подписал другую бумагу, которая делала указанное соглашение с «Газпром-Медиа» юридически ничтожным! Кроме того, были организованы и подготовлены многочисленные

разъяснительные статьи и программы, в которых Лесина, Коха, «Газпром» и Кремль обвиняли не только в беспрецедентном давлении на независимую телекомпанию НТВ и другие СМИ «Моста», но и в разглашении информации о самом существовании «шестого протокола»!

«В пылу скандала, разразившегося на прошлой неделе, зрителям и читателям государственных медиа могло показаться, что договор от 20 июля и составлявшее неотъемлемую его часть «Приложение № 6» предал огласке «Медиа-Мост», стремясь тем самым сорвать переговоры с кредитором, – писал возглавляемый Сергеем Пархоменко журнал «Итоги». – Однако истина в том, что обнародовали договор как раз оппоненты медиахолдинга!» Через абзац уже был назван и «стрелочник», осуществивший утечку: *«Фонд эффективной политики», руководитель которого Глеб Павловский по-прежнему является одним из политических консультантов Кремля!»* Это сейчас Глеб Олегович Павловский является желанным гостем «Эха Москвы», «Дождя» и журнала The New Times, а в 2000 году его на порог этих СМИ не пускали. Малашенко настолько сильно ненавидел Павловского, что при одном только упоминании его фамилии начинал бледнеть. Как я понимаю, Игорь Евгеньевич не мог простить Глебу Олеговичу, что избирательная кампания 1999–2000 годов, во время которой уважаемые политтехнологи боролись друг против друга, закончилась именно так, как она закончилась, а не иначе.

«Газпром», естественно, отрицал все обвинения в том, что разглашение факта существования «шестого протокола» произошло по его инициативе. Одновременно со спорами на тему «кто сказал «мяу»?» начался спор, зачем вообще появилось это секретное приложение и почему оно было секретным. Тем более что информация о самой сделке тоже была закрытой. Стороны снова обвиняли друг друга. Сейчас, при трезвом и хладнокровном взгляде на события, становится очевидно, что наша сторона, конечно, пыталась устроить провокацию. Иначе невозможно понять, зачем до подписания сделки с прилагавшимся к ней пресловутым протоколом нужно было сочинять и визировать у адвокатов заявление о принуждении силой? Это можно объяснить лишь одним – Гусинский заранее знал, что откажется выполнять условия сделки по продаже своего бизнеса. Более того, подпись Михаила Лесина под «шестым протоколом», которую сам Лесин и «Газпром-Медиа» воспринимали как жест доброй воли, проявляемой к Гусинскому по его же просьбе, в случае предания этих сведений гласности превращалась в мощнейшее оружие и против Лесина, и против «Газпрома».

Непонятным оставалось лишь одно: почему о «шестом протоколе» наша сторона молчала целых два месяца? Ведь работы по закрытию сделки все это время продолжались. Шли переговоры, открывался банковский счет, куда должны были поступить деньги на имя Гусинского, и т. д. Сам Лесин в интервью журналу «Огонек» на вопрос, почему Гусинский обнародовал эти протоколы лишь спустя два месяца, хотя мог бы добиться куда большего эффекта, сделав это раньше, ответил буквально следующее: *«Пьянящий воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку!»*

Это интервью Михаила Лесина «Огоньку», напечатанное 22 октября 2000 года, уже после того как в отношении Гусинского было возбуждено новое дело, заслуживает чуть более подробного описания. Во-первых, оно интересно фигурой интервьюера. С министром печати беседовал Дмитрий Быков, в то время никоим образом не замеченный в симпатиях к Уникальному журналистскому коллективу. *«Я вообще ужасно люблю людей, по которым выстреливают столько СМИ сразу, – писал Быков. – Это вбито в меня с детства. И тогда же, в детстве, я научился не очень любить людей, которые свято уверены в своей нравственной безупречности. Так называемая российская либеральная оппозиция в этом смысле очень мало отличается от оппозиции красно-коричневой. В ситуации с пресловутой подписью под роковым шестым приложением к мостовско-газпромскому договору Лесин явно подставился. Как говорят в боксе, раскрылся. На этом он, конечно, сильно проиграл в общественном мнении, и моя внезапно проснувшаяся симпатия вряд ли послужит ему компенсацией»*.

Забавно, правда? Я имею в виду то, какие удивительные маршруты пролагает наша жизнь! Ведь пройдет несколько лет, и я, идеологически двигаясь навстречу Дмитрию Львовичу Быкову, пересекусь с ним на какое-то время в эфире радиостанции «Коммерсантъ FM», чтобы потом разойтись в противоположных направлениях...

Но сейчас вернемся к разговору Быкова с Лесиным. Вторая причина, по которой я обращаю на него внимание, – объяснения министра печати по сути предъявленных ему обвинений. Ведь Лесина обвинили не только энтэвэшники, но и само правительство! Глава кабинета Михаил Касьянов вызвал министра печати на ковер, чтобы узнать, каким образом подпись руководителя федерального ведомства появилась под сомнительным документом? Вот что рассказывал Лесин:

«Почему я все-таки завизировал этот документ? Потому что я как отраслевой министр заинтересован прежде всего в том, чтобы моя отрасль была стабильной. И документ доказывает, что проблемы, в ней возникающие, могут быть решены мирным путем. Я знаю медийный рынок, знаю людей, которые там работают. И должен прилагать максимум усилий к тому, чтобы все развивалось спокойно. К сожалению, я как чиновник не понял, что моя подпись может быть использована против меня. Но я хотел помочь – и помогал Гусинскому не как чиновник, а как человек, давно его знающий.

И конечно, если бы я мог тогда предполагать, что впоследствии скажут, будто я требовал какие-то комиссионные, что приставлял к Гусинскому пистолет... Нет, мои представления об этом человеке не шли так далеко. Мне представлялось, что эти люди, даже загнанные собственной политикой в финансовый тупик, все-таки мыслят со мной одними категориями, все-таки думают о каком-то общем нашем будущем. Я сожалею, что эмоции и желание любым способом добиться выгодного финансового результата затмило у этих людей представление о порядочности.

Д. Быков: *И все-таки, если Гусинский будет арестован опять, от чего, боже упаси, вы будете его защищать?*

М. Лесин: *Я буду повторять только одно: содержание под стражей, в моем понимании, – крайняя мера. Если Гусинский не будет бегать по улице с топором, от чего действительно боже упаси, я не буду считать, что он социально опасен. Хотя по строгому счету он создал в русском бизнесе чрезвычайно заразный и опасный прецедент. Нельзя быть таким невротиком и трусом. И мне бы не хотелось, чтобы российский бизнес оценивался по действиям господина Гусинского.*

Д. Быков: *Вы допускаете, что новое уголовное дело против Гусинского связано с обнародованием «шестого протокола»?*

М. Лесин: *Уголовное дело против Гусинского связано с тем, что не надо активы выводить, особенно обремененные долгами. Долги надо отдавать. Но это уже, как говорится, пусть следствие разбирается. Вообще Гусинский любит повторять: «За слова надо платить». Я, со своей стороны, ничего против такого ответственного подхода не имею.*

Д. Быков: *Вы не хотели в конце сентября подать в отставку? Потому что очень уж дружеский залп.*

М. Лесин: *В какой-то момент я не то чтобы пожалел себя, а расслабился. Мне хотелось спросить: ну за что, если честно-то? Ведь я пока, слава богу, не сделал ничего, что подтверждало бы усердно создаваемую мне репутацию душителя. «Не кричи, я еще ничего не делаю». Были конфликты, да. Были спорные ситуации. Все они улаживались мирным путем, без запретов и окриков. И в ситуации с Гусинским я по его личной просьбе расписался только в том, что я в курсе условий, на которых он договорился с «Газпромом», – вот и все, за что ж такая любовь-то? В конце концов, весь этот год я работал не для себя. Большинство СМИ находятся в зоне риска. Я всячески стараюсь их из этой зоны риска вывести. Уход был бы признанием вины. Признанием, что у меня не получилось. Что все эти люди, которые рабо-*

тали со мной на ВГТРК и здесь, доверяли мне напрасно. Поэтому я быстро взял себя в руки и сказал: «Сигизмунд, что ты делаешь?!»

По оценке Лесина, «шестой протокол» нужен был Гусинскому, чтобы укрепить собственные позиции. Смысл документа заключался в том, чтобы регламентировать действия «Газпрома», поскольку договор о продаже медийного бизнеса Гусинского вступал в силу только при условии пребывания самого Гусинского на свободе. *«Согласитесь, смешно взыскивать долги с человека, который сидит в тюрьме. (...) Никто ни у кого ничего не отбирает. Напротив, гарантируют, что и не будут отбирать, если человек попадет под арест»,* – заверял глава Минпечати журнал «Огонек». Конечно, руководство НТВ все эти объяснения считало фарсом, хотя правильнее было бы называть так наши собственные действия, приобретающие с каждым месяцем все более абсурдный характер. 19 сентября был сделан заключительный подготовительный выстрел. Созданный еще в мае, сразу после обысков в офисах «Моста», Общественный совет НТВ, возглавляемый Михаилом Горбачевым, заявил, что история с «шестым протоколом» «напрямую связана с угрозой свободе слова в России». Обсудить проблему во всех ее подробностях и доказать вину властей в организации травли телекомпании и планировалось в эфире НТВ в программе «Глас народа».

Я так долго подхожу к этому событию, потому что хочу подчеркнуть его важность. Потому что многие точки над *i* были расставлены именно тогда, в том эфире. Гипертрофированное эго, неоправданно завышенная самооценка руководителей телекомпании и многих журналистов, совершенно беспардонная финансовая политика, пренебрежительное отношение к руководству страны и брезгливо-презрительное восприятие собственной аудитории – вот фундаментальные стратегические ошибки, которые и привели в конце концов к сокрушительному краху Уникального журналистского коллектива. А что касается тактики, то неумение вести переговоры, нежелание слышать аргументы другой стороны, ущербная попытка превратить конфликт в публичную склоку и использование собственных подчиненных в качестве заложников только усугубляли положение.

В последний раз, с вашего разрешения, обращусь к интервью Михаила Лесина журналу «Огонек»: *«Вообще у Гусинского довольно забавная и продуктивная форма влияния на СМИ. Это не покупка, не оплата материалов, не истерические звонки на верстку, нет: это зомбирование, причем хорошо продуманное. Гусинский сам по себе чрезвычайно авторитарный человек, абсолютный диктатор, любое несогласие с собою рассматривающий как покушение на святыню. И он прекрасно умеет обрабатывать людей: он внушает им, что они – самые лучшие. Передовой отряд. Горстка избранных, сражающихся с чудовищным, жестоким миром. И эта позиция сама по себе настолько привлекательна, настолько соблазнительна, что и покупать никого не надо. Человек уже ваш. Причем выбирают не просто СМИ и не просто журналисты, но лидеры, люди с амбициями и влиянием. Через неделю такой обработки человек и сам верит, что он – последний оплот свободы. Этот способ гениально уничтожает любую корпоративную солидарность. Вы уже не можете высказать своего мнения, не боясь навеки получить ярлык слуги кровавого режима. Журналистское сообщество сегодня не просто расколото, появились как бы «журналисты» и «не-журналисты». Скоро они перестанут руки друг другу подавать, только потому, что одни согласны с Гусинским, а другие нет».*

Думаю, и вы согласитесь, что в словах бывшего министра печати есть изрядная доля правды. В том числе и в характеристике нынешнего состояния дел в журналистской среде. Разве что сейчас говорят не «журналисты и не-журналисты», а «рукопожатные и нерукопожатные», а в остальном все очень точно... А теперь устраивайтесь поудобнее и давайте наконец посмотрим эту передачу, участвовать в которой, помимо Коха и Киселева, должны были еще Лесин и Малашенко.

Альфред Кох в программе «Глас народа»

Лесин приехать в Останкино отказался, а Малашенко находился в Америке. По какой-то причине, как сообщила в самом начале программы Светлана Сорокина, организовать с ним телемост не удалось. Это была грандиозная ошибка! Полемизировать с Кохом обязан был Малашенко, который всегда умел это делать блестяще: умно, остро, аргументированно, образно и, что очень было важно в той ситуации, цинично! В результате же патетический медитативный нарратив Киселева, постоянно путавшегося в фактах, терявшего мысль и сбивавшегося на какой-то совсем уж запредельный пафос, разбивался об издевательскую манеру обще-

ния Коха как волна об утес. Шоу началось с просьбы ведущей коротко описать суть конфликта. Обратимся к стенограмме передачи, которую я буду приводить с большими сокращениями, выделяя лишь самые важные, с моей точки зрения, эпизоды:

«А. Кох: Суть нынешнего конфликта проста. Начиная с марта месяца «Медиа-Мост» должен нам двести одиннадцать миллионов долларов. Шесть месяцев мы ждали, вели различные переговоры, которые казались нам достаточно успешными. Но дальнейшее поведение, когда «Медиа-Мост» отказался от сделки и дал нам новое предложение в среду – в пятницу мы получили другие предложения, которые отличаются от тех, которые мы получили в среду... Параллельно он выводил активы в Гибралтар... Мы пришли к выводу, что дальнейшие переговоры бессмысленны, нам просто морочат голову, водят нас за нос и всякий раз, когда мы говорим о том, что мы будем обращаться в суд, нам угрожают тем, что поднимут шумиху вокруг «свободы слова». Мы все-таки решились подать в суд. И на сегодняшний день начата судебная процедура. И я думаю, что в суде мы как раз и найдем истину.

С. Сорокина: Ваша точка зрения, Евгений Алексеевич, (...) в чем суть конфликта сегодня?

Е. Киселев: Понимаете, конфликт на самом деле не имеет никакого отношения к экономическим, финансовым вопросам. Конфликт этот сугубо политический. Что касается долга (...) задолженности, которая действительно существует у «Медиа-Моста» перед «Газпромом», эта задолженность нами признается. Да, мы действительно имеем задолженность в размере двухсот одиннадцати миллионов долларов. Замечу, эта задолженность была создана искусственно, когда «Газпром», еще до прихода туда Альфреда Рейнгольдовича, фактически заставили отказаться от той сделки, которая намечалась. Причем именно в конце марта, когда мы получили письмо... это было даже начало апреля, мы получили письмо за подписью господина Дубинина, который является заместителем генерального директора... точнее, председателя правления «Газпрома» по финансовым вопросам, в котором он как раз говорил о готовности «Газпрома» в счет этой задолженности получить от «Медиа-Моста» акции. Однако под давлением из Кремля эта сделка была разрушена. Искусственно возникла задолженность в двести одиннадцать миллионов долларов, которой после этого нас стали просто бить, как дубиной».

После вступления последовали подробности переговорного процесса. Евгений Киселев продолжал взывать к совести собеседника, вынуждая его признать факт политического давления на НТВ. В свою очередь Альфред Кох бодро отбивался пересказом этих самых подробностей, густо сдобренным цифрами и цитированием собственных собеседников. Возникало ощущение, что он рассказывает веселый анекдот:

«Е. Киселев: Альфред Рейнгольдович, вы неделю назад, находясь на переговорах с господином Малашенко, в гостинице «Парк Лейн»... всю первую половину дня вы там провели в обществе господина Малашенко и господина Цимайло!⁷ А господина Лесина представлял его партнер по «Видео Интернешнл» господин Соболев. Так вот, вы же там прекрасно знаете, что вы говорили, что все упирается в вопрос политического контроля над НТВ. Ну разве нет?

С. Сорокина: Было такое?

А. Кох: Я рад, что вы подняли вопрос нашей встречи в среду. Я очень хочу подробно рассказать уважаемым телезрителям и здесь присутствующим, о чем происходила замечательная встреча. Господина Цимайло на этих переговорах не было. Он лечит зубы в Лондон ездил, поэтому не знает, о чем были переговоры. Был один господин Малашенко с вашей стороны. Господин Малашенко сделал страдальческое лицо и сказал, что сделка, по всей видимости, не получается. Я его спросил: «А в чем дело? Почему не получается?» – «Вот такое дело,

⁷ Андрей Цимайло, заместитель председателя Совета директоров холдинга «Медиа-Мост».

у нас на двадцати пяти процентах в НТВ сидят наши израильские партнеры, которые в свое время нас здорово выручили, и мы хотя юридических обязательств перед ними не имеем, но тем не менее мы должны их выкупить». Я говорю: «Ну и сколько хотят ваши израильские партнеры?» – «Наши израильские партнеры хотят двести миллионов». Я говорю: «Ну замечательно! Мы вам платим триста, из них двести отдайте своим израильским партнерам». Тогда господин Малащенко еще более страдальческое лицо сделал и сказал, что, по всей видимости, ста миллионов на всю их компанию, включая господина Гусинского и т. д., не хватит. «Это мало, нам сделка становится невыгодной. Не могли бы вы, то есть «Газпром», заплатить еще двести миллионов нашим... израильским партнерам?» Я сказал, что сделка в этих условиях для нас становится абсолютно невыгодной. Еще двести миллионов мы платить не готовы, и задал ему вопрос: «А за триста? Тогда что? Если вы за триста?..» – «Тогда мы будем поднимать скандал и говорить о том, что «свобода слова», «кровавая рука Кремля», «шестое приложение». – «А если пятьсот – тогда не будете?» – «Если пятьсот – тогда не будем!»»

Ответить на такое Киселев никак не мог. Это, возможно, удалось бы Малащенко, потому что Кох ссылался на него напрямую, но... Игорь Евгеньевич был в Америке. Киселев попытался прицепиться к упоминанию «шестого протокола» и стал развивать эту тему:

«Е. Киселев: *Хоть вы не государственный служащий, но все-таки эти переговоры вы вели под чутким руководством Михаила Юрьевича Лесина. Кстати, подключились вы, Альфред Рейнгольдovich, к этим переговорам тогда, когда они уже были на завершающей технической стадии. А поначалу Михаил Юрьевич действовал отдельно. Вот документ этот привез Лесин из Кремля! Уж кто его там писал – Волошин или кто-то еще – это я не знаю...*

С. Сорокина: *А чья была инициатива писать? («Протокол № 6». – А. Н.)*

Е. Киселев: *Ну как?.. Инициатива была обоюдная... Нужно же было зафиксировать гарантии того, что Гусинского опять не посадят в тюрьму! А для нас, я повторяю, эти переговоры, вот по поводу этого контракта, так называемого «соглашения от 20 июля», были переговорами об освобождении заложника. Я напому еще раз. Об этом говорилось, и я еще раз напому, что Гусинский за сутки... точнее, за полтора суток до подписания документа сделал заявление в присутствии юристов, в котором говорил, что «в настоящее время на меня оказывается давление со стороны официальных лиц Российской Федерации с целью принудить меня к совершению сделки по продаже по заведомо заниженной цене принадлежащих мне акций и долей в холдинге «Медиа-Мост», входящих в него иных компаний. Официальным представителем Российской Федерации, понуждающим меня к совершению сделки, выступает министр Лесин»... Я делаю купюры, просто чтобы короче сказать, а то (...) я чувствую, вам не терпится меня прервать, Светлана! Так вот: «Считаю необходимым заявить, – пишет Гусинский, – что данная сделка совершается мной по принуждению, без моего добровольного согласия. Поэтому любые документы, соглашения и контракты, подписанные мною в ее исполнение, не имеют законной юридической силы и не могут служить основанием для отчуждения принадлежащих мне акций!»*

В этот момент в дискуссию вклинился депутат Государственной Думы от фракции ЛДПР Алексей Митрофанов, придавший беседе ощутимо более эмоциональное звучание:

«А. Митрофанов: *Вот я слушаю это все, у меня возникло такое ощущение... Посмотрите – коммерсант Алик. Как он правильно все сделал! И выпустили человека! И дали уехать! И триста миллионов еще дали! Под заложника! Хороший заложник – триста миллионов получил! Его еще выпустили! И уехал на Гибралтар! Все нормально! Они выполнили все! После этого он просто «швыряет». Гусинский предает огласке конфиденциальное соглашение!*

С. Сорокина: *Вот у вас вульгарное толкование, Алексей Валентинович...*

А. Митрофанов: *Нет, ну поскольку мы на «разборке» на коммерческой, я, извиняйте, буду в духе. То есть он просто «швырнул». «По понятиям» за это серьезно наказывают,*

между прочим. Серьезно наказывают! Нет, они-то все сделали, выпустили человека, сделали. И дали триста миллионов! Триста миллионов дали!!!

С. Сорокина: *Алексей Валентинович, откуда вы все это знаете? Ну откуда вы все это знаете?*

А. Митрофанов: *Партийная школа огромная! Огромная партийная школа!»*

Здесь, к сожалению, наши спикеры упустили возможность обратить реплику Митрофанова в шутку и попытаться уйти от неудачно выбранной манеры ведения дискуссии. И Киселев опять все испортил, вернувшись к своей любимой патетике:

«Е. Киселев: *Очень важный момент! Вот Алексей сказал чистую правду. Дело в том, что сейчас прокуратура и вообще государство живет «по понятиям». Я хотел бы, соответственно, напомнить, что в международных правовых актах – это Международный пакт о гражданских политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека, основных свобод – записано: «Никто не может быть лишен свободы лишь за то, что он не может выполнить договорные обязательства». Так вот, мы выясняем сейчас: Гусинского, его незаконно арестовали, его незаконно обвинили, что признала сейчас Генеральная прокуратура. Для чего, скажите? Причем это был не просто незаконный арест. Заведомо незаконный арест. Потому что Гусинский находился под охраной амнистии как орденносец!⁸ Его нельзя было ни на мгновение задержать! Вот в этой ситуации – абсолютно правильно говорит Алексей – решили не по Конституции, не по закону, не по праву, а «по понятию». И сейчас Алексей считает, что «по понятиям» государство и должно жить. Это мнение парламентария. Ну а чего же говорить тогда, простите, о рядовых смертных?»...*

Кстати, о «рядовых смертных». Миновала уже почти половина программы, когда ведущая впервые решила предоставить слово не официальным гостям, а зрителям в зале. И первый же выбор Светланы Сорокиной оказался неудачным:

«С. Сорокина: *Пожалуйста, дайте слово народу!*

Зритель: *Уважаемые господа несколько задурили нам голову. Несколько задурили. Мы больше часа обсуждаем проблемы олигархов Гусинского и Вяхирева⁹, вместо того чтобы они разобрались действительно в суде. Мы обсуждаем в передаче «Глас народа». Вместо того чтобы обсуждать проблемы народа. Ведь действительно...*

С. Сорокина: *Это общие слова. Проблема свободы слова, средств массовой информации – это тоже проблема народа!*

Зритель: *Я имею в виду материальные проблемы народа. Народ нищ, а НТВ...*

С. Сорокина: *Понятно, у вас очень конкретный разговор...»*

Конечно, другие выступавшие зрители, депутаты от «Яблока», адвокаты «Моста» и сочувствующие нам представители прессы на протяжении всей программы пытались доказать Альфреду Коху, что его руками власть душил единственный свободный источник информации. На что генеральный директор «Газпром-Медиа» отвечал одно: деньги верните, пожалуйста!

Ситуация складывалась патовая... Но в самом конце партии Киселев, что называется, подставился. На финал Евгений Алексеевич придерживал домашнюю заготовку, явно согласованную с начальством.

Должен сказать, что совершенно спокойно относился и отношусь к «доэфирным договоренностям» с руководством СМИ. Это – нормальная практика, когда тема, гости, направление дискуссии планируются заранее. В любом СМИ, в любой редакции обязательно должны существовать планерки, летучки, совещания с начальством, в ходе которых определяется и общая концепция редакционной политики, и какие-то конкретные моменты ее выполнения. Поэтому

⁸ Владимир Гусинский был награжден орденом Дружбы народов (1994).

⁹ Рем Вяхирев – председатель правления концерна «Газпром».

обвинения в адрес Евгения Киселева, что, мол, он всегда «говорил с чужих слов» (а это весьма распространенное мнение), я считаю излишними. Просто Евгений Алексеевич иногда слишком внимательно следовал полученным инструкциям, буквально повторяя спущенные сверху «ценные указания» и упуская из виду то, что в определенных случаях «иногда лучше жевать, чем говорить». Так вышло и в финале этой программы. Киселев, конечно, должен был помнить, о чем говорил Кох в первой части дискуссии. Но наш главный златоуст уже пребывал в предвкушении своего финального выхода...

Как говорится, «следите за руками». Вот фрагмент книги Дэвида Хоффмана «Олигархи»: «В сентябре Гусинский передумал, несмотря на то что некоторые из его партнеров и жена убеждали его взять триста миллионов долларов. Гусинский сказал, что относится к НТВ как к дому, в котором вырос, и боится, что Путин хочет превратить его в «бордель». Он решил не продавать свои компании и разорвал сделку». Ну а теперь возвращаемся в эфир «Гласа народа». Это – последние минуты программы.

«Е. Киселев: *Здесь несколько раз говорилось о том, что действительно гигантские деньги – триста миллионов. Действительно Гусинский и его партнеры понимают, что могут быть новые аресты, новые неприятности, новые уголовные дела. Мы уже сейчас опять наблюдаем... Может быть, действительно взять эти огромные деньги и уйти с рынка и жить себе припеваючи? Почему мы этого не сделали? Да, действительно, вы сказали, что страна уже другая, страна изменилась. Не только вы об этом говорите... Вот, знаете, представьте себе, что у вас был дом. Дом, в котором вы родились. Старый уже... Может быть, он вам уже и не нужен, да? Может быть, этот дом и продать-то невозможно, потому что рядом выстроили огромный завод. Вот эта новая ситуация возникла в вашей жизни – огромный завод, который дымит, чадит, где работают тысячи людей. И к вам приходит человек, и говорит: «Слушай, я у тебя хочу все-таки купить твой дом, да? Но я там сделаю публичный дом для рабочих этого завода». И вам приходит в голову мысль, что там, в тех комнатах, где жили ваши покойные родители, где, может быть, родились вы, будут проститутки! Вот, вы понимаете, именно поэтому прежде всего не хочется отдавать свой дом, который так тебе дорог! Даже в новой ситуации. Не хочется свой дом, который так тебе дорог, отдавать на разграбление, чтобы там поселились проститутки! И я думаю, что большинство журналистов НТВ, во главе... потому что я еще и журналист... я думаю, что большинство журналистов НТВ с людьми, которые сейчас на голубом глазу нагло обманывают людей, пытаются сломать то, что мы построили, вот с ними – они работать не будут! Ни на секунду они не поверят сладкоголосым всем этим обещаниям, что ничего не изменится. Я достаточно понятно объяснил, я надеюсь?*

С. Сорокина: *Да, совершенно понятно... Мы будем прощаться. Вы хотели что-то самое последнее сказать?*

А. Кох: *Я надеюсь, что у меня будет такое право?*

С. Сорокина: *Пожалуйста, я вам предоставляю слово...*

А. Кох: *Евгений Алексеевич очень трогательную картину рассказал, меня аж слеза прошибла...*

С. Сорокина: *Это я сомневаюсь... Альфред Рейнгольдович, ну что вы?..*

А. Кох: *Только вот проблема состоит в том, что вот этот отчий дом, по которому детишки бегали, вы за пятьсот-то готовы были продать, а за триста – никак! А за пятьсот – и проститутки пускай, не страшно!»*

Занавес...

Глава 11

Конечно, это был далеко не финал всего спектакля. Всего лишь окончание одного из актов. В октябре из телекомпании ушел руководитель нашей службы информации Владимир Кулистиков. Я отнесся к этому как к очередному эпизоду тянувшегося с самого начала года процесса оттока сотрудников НТВ на ВГТРК, к Добродееву. Тем не менее, услышав об увольнении Кулистика, я зашел к нему в кабинет, чтобы узнать хоть какие-то подробности. Но наш разговор оказался почти дословным повторением беседы с бывшим гендиректором НТВ в январе. Владимир Михайлович, точно так же как и Олег Борисович, попросил меня ни о чем не волноваться, ибо у меня есть всё для продолжения успешной работы. Сейчас я склонен думать, что и Добродеев, и Кулистиков, видимо, считали откровенный разговор со мной не имеющим смысла. Слишком активным «киселевцем» я был...

Сразу после отказа Гусинского от исполнения сделки «Газпром-Медиа» обратился в суд, как и предупреждал Кох. Результатом этого обращения стало возбуждение нового уголовного дела в отношении главного акционера «Медиа-Моста». 13 ноября Генеральная прокуратура объявила, что в рамках нового расследования в отношении Владимира Гусинского вводится и новая мера пресечения – арест. Теперь речь шла о статье «Мошенничество, совершенное в крупном размере». По мнению следствия (собственно, это было повторением тех сведений, которые Альфред Кох приводил в приснопомытном эфире программы «Глас народа»), «Мост» выводил свои активы за границу, используя гибралтарскую офшорную зону, и таким образом обманывал «Газпром», рассчитывавший получить эти активы в результате сделки от 20 июля. Гусинского объявили в федеральный розыск.

Сам он, естественно, на допросы не приходил, потому что не хотел снова оказаться в одной компании с «интеллигентными людьми». Трех дней в Бутырке Владимиру Александровичу вполне хватило, и в своем доме в Испании он чувствовал себя гораздо увереннее, чем в Москве. А вот «бойцам Гусинского» поддержка требовалась незамедлительно. Было решено созвать общий сбор телекомпании НТВ, чтобы обсудить линию нашей публичной защиты. Никакой другой способ даже не рассматривался, поэтому немножко странно, что мы уже тогда не организовали прямой эфир из знаменитой 11-й студии Останкинского телецентра.

Этот павильон телекомпания НТВ использовала для съемок всех своих «крупномасштабных» программ. В зависимости от конкретного шоу декорации в павильоне менялись, что по тем временам являлось настоящим технологическим прорывом. За «одинадцатой» закрепилось название «студия-трансформер», потому что в отличие от небольших павильонов программ «Сегодня» и «Герой дня», где декорации были стационарными, ее можно было легко трансформировать. Что и было сделано для прямого общения сотрудников НТВ со своим главным акционером. Гусинский снова, как и почти год назад, общался с собственными подчиненными, вселяя в них надежду. Разница была в том, что в этот раз Владимир Александрович обращался к нам с огромного экрана, а не напрямую, да и слушали его не десяток человек, а почти вся телекомпания.

Содержание разговора и тональность обсуждения тоже претерпели определенные изменения. «Шапкозакидательские» настроения исчезли, и Гусинский больше обращался к нам с просьбами не терять присутствия духа, проявлять стойкость и уверенность в победе, потому что «наше дело – правое». Реплики эти в основном находили поддержку, ибо трибуны для зрителей заполнили в первую очередь эфирные звезды из числа горячих сторонников Гусинского и всего руководства НТВ. Технические сотрудники, которых в любой телекомпании вообще-то гораздо больше (просто на порядки больше, чем журналистов!), тоже были приглашены на этот разговор, но преимущественно отмалчивались. И не потому, что им нечего было сказать или они боялись спросить о чем-либо, просто им не давали слова. Так проявлялось то самое прене-

брежительное отношение блистательных небожителей к окружающим, о котором я уже упоминал. То, что без работы режиссеров, операторов, монтажеров, осветителей, звукорежиссеров, редакторов, гримеров, костюмеров, администраторов и координаторов всех мастей ни одна, даже самая яркая телезвезда не дотянется в своем сиянии ни до одного телевизора, обсуждать было не принято. Так что голоса представителей вышеназванных телевизионных профессий как бы учитывались автоматически. Хотя, конечно, Гусинского и Киселева поддерживали не только те сотрудники НТВ, которые работали в кадре, но и те, кто оставался вне его...

В принципе, ничего важного, тем более судьбоносного, на этом общем сборе решено не было. Радикальнее всех выступил Андрей Черкизов, многолетний колумнист «Эха Москвы» и ведущий программы НТВ «Час Быка». Об Андрее я подробнее расскажу позже, а пока лишь ограничусь замечанием, что если уж и нужно было ждать от кого-то призыва «К оружию!», то только от Черкизова. Впрочем, Андрей призвал не к атаке, а к обороне – а именно к организации бессрочной забастовки, причем ее участники, по замыслу Черкизова, не должны были покидать 11-ю студию. Спать он предложил на раскладушках... По-моему, тогда Гусинский испугался столь решительного настроя, возможно, посчитав подобное поведение чересчур провокационным. Забастовка так и не началась.

17 ноября было объявлено, что холдинг «Медиа-Мост» передает часть акций своих компаний «Газпром-Медиа» в счет погашения кредита «Газпрому». Речь шла о двадцати пяти процентах плюс одной акции радиостанции «Эхо Москвы», телекомпании НТВ+, кинокомпании «НТВ-Профит» и ряда других. Однако это не привело к снижению напряженности, потому что снимало вопросы только по части задолженности в двести одиннадцать миллионов. Уже 20 ноября Гусинского объявили в международный розыск, 6 декабря последовал запрос в Интерпол, а 15 декабря налоговая инспекция Центрального административного округа Москвы направила против «Моста» иск в арбитраж. В иске содержалось требование банкротства телекомпаний НТВ, ТНТ и НТВ+, компании «НТВ-Интернет» и издательского дома «Семь дней». Дело в том, что оставшийся в руках Гусинского пакет акций компаний «Моста» позволял ему, мягко говоря, влиять на их редакционную политику.

Почему в мифологии «разгона НТВ» такое большое значение придается событиям апреля 2001 года? Потому что тогда был сменен совет директоров телекомпании! В отношении других активов холдинга ситуация выглядела иначе. И тут крайне важно несколько слов сказать об издательском доме «Семь дней».

С точки зрения телевизионщиков, печатные издания «Моста» были какой-то несущественной мелочью. Журнал «Итоги» еще пользовался определенным уважением, а вот газету «Сегодня» на НТВ иначе как «заводской многотиражкой» не называли. Что, конечно, говорит лишь о нашем высокомерии и ни о чем другом. Да, в смысле весовой категории газета уступала журналу, но свое политическое влияние, безусловно, имела. Кроме того, «Семи дням» принадлежали и другие издания, которые не могли похвастаться политическим весом, зато имели огромные тиражи, а следовательно, полную финансовую самостоятельность. Я имею в виду еженедельный ТВ-гид под тем же названием «Семь дней» и ежемесячный журнал «Караван историй».

Никакого «открытия Америки» в таком принципе работы издательского дома не было. Во всем мире крупнейшие издательства и раньше, и сейчас функционируют подобным образом: таблоиды собирают кассу, которая и кормит высоколобые политические и академические издания. Беда в том, что сотрудники этих «политических и академических» относятся к коллегам из презренной «желтой прессы» приблизительно так же, как сотрудники телекомпании НТВ относились к журналистам газеты «Сегодня». Главред печатных «Итогов» Сергей Пархоменко, объясняя в марте 2001 года журналу «Коммерсантъ-Власть» суть конфликта внутри издательского дома «Семь дней», пояснял, что *«ситуация 1992 года, когда группа блистательных молодых людей пришла к скучающему миллионеру, которым был Гусинский, и пред-*

ложилась ему соединить судьбы и издавать лучшую в мире газету, не повторится больше никогда». «Блистательные молодые люди», «лучшая в мире газета», «больше никогда»... Воистину прав был Парфенов, приложивший всю нашу компанию своим определением – УЖК!

Так в чем же была суть конфликта в «Семи днях»? Дело в том, что после передачи части акций компаний «Моста» «Газпром-Медиа» в издательском доме сложилась следующая ситуация: Гусинский владел пятьюдесятью процентами минус одной акцией, двадцать пять процентов плюс одна акция перешли к «Газпром-Медиа», а ровно двадцать пять процентов как были, так и остались в собственности еще одного учредителя «Семи дней» – Дмитрия Бирюкова. В декабре 2000-го (так утверждает Кох, Пархоменко говорит о январе 2001 года) Дмитрий Бирюков и Альфред Кох достигли договоренности, согласно которой их пакеты объединились и поступали в управление господина Бирюкова. Таким образом, сборная «Кох – Бирюков» побеждала команду «Гусинский» со счетом «пятьдесят процентов плюс одна акция» на «пятьдесят процентов минус одна акция».

Конечно, ни самому Гусинскому, ни оставшемуся ему верным «Летающему цирку главных редакторов» это очень не понравилось. Бирюков был объявлен ренегатом, а уж после его решения закрыть убыточную газету «Сегодня» его разве что анафеме не предали. В этой истории есть один крайне неприятный момент. В пятницу, 13 апреля (за день до «исторического» «захвата НТВ») неизвестные бросили в машину Бирюкова бутылку с зажигательной смесью. Нападение произошло почти у входа в издательство и, как утверждали позднее очевидцы, охрана сбивала пламя с машины мокрыми экземплярами газеты «Сегодня». Бирюков практически тут же объявил Гусинского виновным в организации покушения...

Мне известны только два случая, когда Гусинского неофициально обвиняли в покушении. Случай с Дмитрием Бирюковым – второй. А первый – эпизод 1994 года, когда был взорван «Мерседес» Березовского. Тогда погиб водитель, а сам Борис Абрамович оказался ранен и, поскольку в то время «воевал» с Гусинским, также намекал на причастность последнего к нападению.

Я не верю в то, что Гусинский на самом деле стоял за этими преступлениями. Я был знаком с несколькими людьми, которых у нас принято называть олигархами. И не только называть, но и обвинять в различных прегрешениях. Причем обвинять, как правило, заслуженно. Но Гусинский, как мне кажется, не мог отдать приказ убить человека. Просто в силу склада своего характера. Он, конечно, авантюрист, очень часто – хам. Режиссер-постановщик – во всех смыслах. Человек неумной энергии. Но все-таки не убийца. Он скорее попытается организовать условия для того, чтобы разорить своего противника, лишит его влияния, положения в обществе, финансового благополучия. Гусинский – интриган, по большому счету. «Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!» Березовский – да, Патаркацишвили – да, Невзлин – да... Вот они – могли. Кто-то – в силу извращенного, inferнального, если хотите, романтизма. Кто-то – исходя из циничного, сугубо делового расчета.

В общем, спустя несколько часов после нападения на машину Бирюкова все об этом эпизоде забыли, потому что на НТВ сменилась власть. Газета «Сегодня» закрылась в апреле 2001-го, а журнал «Итоги» просуществовал до 2014 года. Хотя, с точки зрения Сергея Пархоменко и его единомышленников, эти «Итоги» были уже совсем другим журналом. Даже несмотря на то что распоряжение о закрытии этих – «других» – «Итогов» сделал... Михаил Лесин! «Такая вот загогулина», – как говорил первый российский президент.

Еженедельник «Семь дней» выходит в свет до сих пор, поставляя читателям самую подробную информацию о жизни телевизионных звезд. По-прежнему можно читать и «Караван историй», для которого Екатерина Рождественская продолжает снимать самых неожиданных людей в самых непредсказуемых образах. Засветился в проекте «Частная коллекция» и я, в образе какого-то старца с работы, по-моему, Эль Греко. Где-то у меня дома должна быть эта фотография. Во второй половине 2000 года меня вообще очень часто привлекали к различным

промо-проектам холдинга «Медиа-Мост». Чем активнее я вел себя на баррикадах, тем больше внимания ко мне проявляло руководство.

Так, уже в декабре, когда до наступления Нового года оставалось всего две-три недели, мне позвонила Маша Шахова, жена Евгения Киселева, тогда занимавшая должность главы пресс-службы НТВ. Она попросила меня принять участие в съемках новогоднего выпуска программы «О, счастливычик!», которую на НТВ вел Дмитрий Дибров. Я, конечно, согласился, хотя и представить не мог, в какую историю (или «историю») попаду. Напомню, что под названием «О, счастливычик!» НТВ, первой из российских телекомпаний, стало показывать шоу «Кто хочет стать миллионером?», приобретенное по франшизе.

Кроме меня в съемках принимали участие самые яркие звезды НТВ от Парфенова до Шендеровича. Как ни странно, я выиграл оба репетиционных отборочных тура, поскольку раньше всех давал правильные ответы на вопросы ведущего. Когда началась непосредственно запись программы, я решил не дергаться и пропустил вперед кого-то из коллег, по-моему, Володю Кара-Мурзу. Так что играл я вторым. Сначала ответил на «разогревающий» сторублевый вопрос типа: «Что надо кричать у новогодней елки: «Елочка, гори!» или «Махмуд, зажигай!»? А потом случилось нечто необъяснимое. Дибров спросил меня, как назывался институт в фантастической повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Были предложены варианты: НУИНУ, НИИЧАВО, НИИ ЧЕГО и какой-то еще, который я не запомнил. Я, естественно, сразу сказал: «Научно-исследовательский институт Чародейства и Волшебства (НИИЧАВО)». Дима начал ерзать на своем стуле и спрашивать, уверен ли я в ответе и не нужна ли мне подсказка. Я решил, что это такая драматургическая задумка, но мне казалось странным даже ради дополнительного саспенса жертвовать подсказкой уже на втором вопросе. Тем более что я не сомневался в своей правоте. Однако Дмитрий Дибров огорошил меня тем, что мой ответ неправильный и я выбываю из игры!

Что мне оставалось делать? Поднимать скандал? Это было бы некрасиво. Поэтому я сел на отведенное мне на трибунах место и до конца записи недоумевал, почему никто из моих столь эрудированных коллег не скажет Диброву, что у него только что произошел настоящий «косяк» в эфире? Но никто ничего не сказал. Наоборот, пару раз раздавались шуточки в мой адрес – мол, вот Андрей Норкин отказался от подсказки и проиграл. Поспешил, людей насмешил... Сейчас я думаю, что это был очень показательный момент. Каждый из моих «промолчавших» коллег, получается, боялся оказаться в дурацком положении! Эту роль все коллективно определили мне... Ну да бог с ними! Гораздо неприятнее то, что редактора программы, готовившего этот вопрос, как я потом узнал, уволили. Таковы, увы, законы телевидения. Ведь не увольнять же ведущего, самого Дмитрия Диброва, или всех остальных звезд НТВ? Даже если они не читали, как выясняется, Стругацких и не знали, что в книге этот институт назывался именно так, как я и сказал. Все знать невозможно, поэтому, когда будете читать про меня в Википедии, имейте в виду, что Парфенов честно заслужил тогда свои 64 тысячи рублей, а вот мой «ноль» – это происки врагов!..

Ну а если возвращаться к настоящим «врагам», то и они не дремали в эти предновогодние дни. В один из них, выходя из дверей телецентра, мы с женой столкнулись с корреспондентом службы информации НТВ Константином Точилиным, который спросил нас, словно его тезка Костик из «Покровских ворот»: «Слышали новость? Эмиль Золя угорел!» В нашем случае это звучало так: «Слышали новость? Гуся арестовали в Испании!» Оказалось, что Генеральная прокуратура России, решившая в какой-то момент прекратить играть во все эти детские игры с запросами в Интерпол, напрямую обратилась к властям Испании с просьбой о задержании Владимира Гусинского и... получила неожиданный положительный ответ. Испанская полиция препроводила Владимира Александровича в суд, который и поместил его на время разбирательства под домашний арест. Делом Гусинского занялся легендарный судья Бальтасар Гарсон.

В конце 1990-х – начале 2000-х судья Гарсон сделал себе имя как человек, не признающий никаких авторитетов. Кого он только не пытался усадить за решетку! Аугусто Пиночета и Владимира Гусинского, Сильвио Берлускони и Генри Киссинджера! В результате так никого не посадил, зато чуть было не сел в тюрьму лично. Хотя, конечно, главными в портфолио Бальтасара Гарсона остаются именно дела Пиночета и Гусинского. Когда Пиночет решил отправиться в одну из лондонских клиник для проведения хирургической операции – это было в октябре 1998 года, – он и представить не мог, что вместо медицинской помощи гостеприимная земля туманного Альбиона предложит ему полицейское расследование. Пиночета арестовали по испанскому запросу об экстрадиции, инициированному именно Бальтасаром Гарсоном. Судья Гарсон выдал ордер на арест Пиночета, поскольку во времена диктатуры в Чили погибли и пропали без вести несколько сотен граждан Испании.

Задержание Пиночета вылилось в сенсацию международного масштаба. Естественно, мы тоже освещали эту новость в наших информационных выпусках. В те дни я работал с бригадой дневной программы «Сегодня». И в самый ответственный момент, когда речь шла о транспортировке полупарализованного чилийского генерала из одной больницы Лондона в другую под наблюдение полиции, кассету с готовившимся к эфиру сюжетом «зажевал» «бетакам»! Да, в своей работе я еще застал те времена, когда видеоматериалы в эфир выходили на кассетах с видеомагнитофонов стандарта Betacam. Аппараты иногда, по ведомым лишь им одним причинам, отказывались отдавать монтажерам помещенные в собственное нутро носители информации. Эта неприятная особенность и называлась «зажевыванием кассеты». Конечно, носитель можно было извлечь, но для этого требовалось время. У нас же времени не было – выпуск уже приближался к финалу, я анонсировал свежие видеок кадры из Лондона, и не показать их было просто невозможно. Режиссер выпуска Андрей Карницкий сказал: «Пой песню!» Помните, как в «Веселых ребятах» Костя Потехин кричал: «Пой, Анюта, пой»? Вот я и «пел». Я рассказал все, что знал о Пиночете, о чилийской диктатуре, об обстоятельствах приезда Пиночета в Англию, об испанском иске, о судье Бальтасаре Гарсоне и снова о чилийской диктатуре и генерале Пиночете. «Пел» я, как потом выяснилось, около двух с половиной минут, может быть, чуть больше. И все это время Андрей сообщал мне последние новости с фронта боевых действий против видеомагнитофона Betacam: «Кассету уже почти достали!.. Кассету уже достали и бегут из монтажки в студию!.. Кассету уже принесли!.. Сюжет готов!» В общем, мы победили, зрители ничего не заметили, разве что самые пристрастные обратили внимание на слишком долгую подводку ведущего.

И в данном контексте я просто не могу не сказать несколько слов о режиссере информационной эфирной бригады. Это – главный союзник ведущего. Только этот человек имеет возможность сориентировать ведущего в событиях, происходящих в реальности, а не в эфире информационного выпуска. Очень важна профессиональная связка «ведущий – режиссер»! Я считаю, что Андрей Карницкий, так до обидного рано ушедший из жизни, был лучшим режиссером-информационщиком, с которым мне довелось работать. Помимо безукоризненного знания и понимания информационной картины дня Андрей обладал еще одним важнейшим качеством: он никогда не терял контроля над собой, никогда не выходил из себя. Я уже говорил о том, что «звездная болезнь» на телевидении имеет столь же обширный ареал, что и насморк в осенней Москве. И страдают от этой болезни в первую очередь ведущие. Даже в том случае, если он или она ничего собой не представляет, а только читает по бумажке написанный другими людьми текст. Но, как говорят французы, *noblesse oblige*, то есть – «происхождение обязывает», поэтому многие ведущие, теряясь в эфире, начинают паниковать, обвинять всех и вся в самых ужасных производственных ошибках, угрожать всеобщим увольнением и т. п. В таких ситуациях крайне важно, чтобы ваш режиссер сохранял хладнокровие. Иначе, если в студийном павильоне и в аппаратной появятся два паникера, выпуск будет сорван. Так что с

Андреем я чувствовал себя в полной уверенности и знал: если он просит меня тянуть время, «петь песню», значит, это действительно нужно.

Но вернемся к судьбе Гарсону. Пиночета он так и не смог посадить. Даже не смог добиться его выдачи Испании! И точно так же не сумел он и добиться выдачи Гусинского России. А потом судебская удача вообще отвернулась от него. Главный испанский борец с коррупцией, каковым Гарсон считался в начале 2000-х, был обвинен – вот ирония! – в коррупции и превышении полномочий и в 2012 году лишен права заниматься юридической деятельностью в течение одиннадцати лет...

Однако для Владимира Гусинского декабрьский арест в Мадриде оказался не единственным! История получила продолжение и в следующем году. Разумеется, мы, то есть НТВ, даже в заключении собственного шефа под домашний арест тут же находили положительные моменты, которые можно было обыгрывать в эфире. В новогоднюю ночь, 1 января 2001 года, вещание НТВ сразу после боя курантов открывал специальный выпуск программы «Тушите свет!». К этому моменту она уже превратилась для зрителей телеканала в самое любимое шоу. Спецвыпуск, который совместно готовили группа «Пилот ТВ» и наш режиссер и продюсер Вера Кричевская, обошелся без долгих разговоров. Хрюн, Степан и «Левушка Юрьич» Новоженов с места в карьер затянули праздничную песню, почему-то написанную на мотив шлягера Юрия Саульского про черного кота. После первого куплета Хрюна и Степана каким-то волшебным телевизионным потоком «засасывало» внутрь телекомпании НТВ, и герои «Тушите свет!» начинали путешествие по различным программам, встречаясь с их ведущими, которые по очереди исполняли новые куплеты этой дурашливой новогодней песенки. Вот за съемки поющих телеведущих как раз и отвечала Вера Кричевская, которая мучила нас, заставляя вновь и вновь попадать в ноты и смотреть в нужном направлении, чтобы соответствовать положению нарисованных персонажей.

Помните, я говорил, что 2000 год был пиком в истории «гусинского» НТВ? Спецвыпуск «Тушите свет!» это очень ярко демонстрировал – в нем принимали участие все звезды канала. Вслед за Львом Новоженовым, Хрюном, Степаном и спецкором Шариком шли ведущие программы «Сегодня»: Петр Марченко, я, Марианна Максимовская, Михаил Осокин, Кирилл Поздняков, Ольга Белова, Юлия Бордовских, Кирилл Кикнадзе и Иоланда Чен. Их сменяли Владимир Кара-Мурза и Виктор Шендерович, Евгений Киселев и Павел Любимцев, Михаил Ширвиндт и Леонид Парфенов (единственный представитель телекомпании НТВ, который, судя по этому ролику, совершенно не умел петь!), Борис Берман и Ильдар Жандарев, Ирина Зайцева, Дмитрий Дибров, Светлана Сорокина, Кирилл Набутов, Елена Ханга, Николай Фоменко, Александр Беляев, Николай Николаев, Оксана Пушкина, Элеонора Филина, Эдуард Успенский, Яков Брандт, Павел Лобков и корреспонденты НТВ Вячеслав Грунский, Борис Кольцов, Константин Точилин, Владимир Чернышев, Тимофей Баженов, Елена Курляндцева, Эрнест Мацкявичюс, Вадим Такменев, Наталья Забузова, Алексей Кондулуков, Вадим Фефилов и Алексей Поборцев, представленные в виде «поющих» елочных украшений.

На одном из елочных шариков появлялся и Владимир Александрович Гусинский. Только он был не «живой», а статичный, в виде фотографии с подписью: «По телефону из Мадрида». Хотя на записи слышно, что вместо Гусинского пел Алексей Колган, голос Хрюна и всех остальных персонажей «Тушите свет!», кроме Степана Капусты, которого озвучивал Александр Ленков. Венчала все это милое безумие Татьяна Миткова, лицо программы «Сегодня» и всей телекомпании НТВ. «О дальнейшем развитии событий в новом году, в новом веке и в новом тысячелетии вы узнаете из информационных программ на канале НТВ! С Новым годом!» – говорила она и поднимала бокал шампанского. Через пару недель Татьяна Ростиславовна станет не просто ведущей информационной программы «Сегодня вечером», а ее главным действующим лицом...

Глава 12

17 января 2001 года я заканчивал шестнадцатичасовой выпуск «Сегодня днем» поздравлением. Я поздравлял всех зрителей НТВ и всех своих коллег с семилетием начала вещания телекомпании на российские регионы. Говорил, что Москва уже хорошо знала и «Итоги», и «Сегодня», и «Намедни», когда семь лет назад с НТВ познакомилась вся страна. К ее жителям в тот исторический день обращался генеральный директор телекомпании Игорь Малашенко... Весь этот мой текст перекрывался кадрами из архивных передач – самых знаковых, разумеется, – после чего появлялся Малашенко образца 1994 года. Если вы смотрели кукольный мультипликационный цикл, поставленный Юрием Трофимовым по книге Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей», то легко можете представить, как выглядел Игорь Малашенко в 1994 году. Как коротыш Знайка. Разве что Знайка был жгучим брюнетом и носил пробор справа налево, а Малашенко уже тогда был седым и зачесывал волосы слева направо. Очки у них были одинаковые. И конечно, «коротышкой» считать Игоря Евгеньевича никак нельзя...

«Меня часто спрашивают, как расшифровывается название: «Телекомпания НТВ»? Говорят, что это – «новое», «независимое» или «негосударственное телевидение». И все это правда. Но я лично считаю, что НТВ – это просто нормальное телевидение. Телевидение, которое должно быть в каждой нормальной стране. Телевидение для нормальных людей. Мы стремимся прежде всего рассказать вам те новости, которые произошли сегодня, и я думаю, что это нам удастся, потому что новости – это наша профессия. Что бы мы ни делали, мы работаем честно, с азартом и удовольствием!» — говорил тогда еще сорокалетний Игорь Малашенко. *«Удивительно. Прошло семь лет, вокруг НТВ многое изменилось. НТВ – осталось прежним! Всего вам доброго, до свидания!»* – подводил я итог выпуска. Это выглядело очень трогательно и на самом деле азартно.

Руководство «Газпром-Медиа» с самого начала года приступило к активной подготовке кадровых изменений в составе Совета директоров НТВ. Наше начальство, в свою очередь, ускорило процесс поиска зарубежного инвестора, пожелавшего бы купить телекомпанию. Теперь такая фигура потенциально рассматривалась нами в качестве спасательного круга. Ведь какой-нибудь американский миллионер в случае приобретения НТВ не позволил бы закрыть телекомпанию, считал Уникальный журналистский коллектив. Наша ошибка заключалась в том, что мы были уверены в неотвратимости закрытия НТВ в любом ином случае. В реальности никто закрывать телекомпанию не собирался, о чем постоянно говорил и Кох, и другие представители «Газпром-Медиа». Но мы слышали только себя.

Стали появляться и активно поддерживаться слухи о переговорах Гусинского и Малашенко с Джорджем Соросом и Тедом Тернером. Оба уже присутствовали в России – первый занимался финансированием различных фондов и организаций, которые в наше время именуется НКО, а второй еще в 1993 году вместе с Эдуардом Сагалаевым основал МНВК, Московскую независимую вещательную корпорацию, основным активом которой был телеканал ТВ-6. Впрочем, в 2001 году владельцем «шестерки» уже значился вездесущий Борис Березовский.

Переговоры с американскими инвесторами действительно имели место. Появлялись даже какие-то заявления о готовности того же Тернера принять участие в финансировании российских СМИ, о намерении Сороса помочь коллеге в его начинаниях и о согласии Кремля на подобные шаги. Но, думаю, все это больше соответствовало традиционной манере общения американцев с «просящими». Когда вы что-то у кого-то просите, вы заведомо выступаете в качестве слабого участника переговоров. Возможно, вам не откажут сразу и даже пообещают всестороннюю помощь в решении ваших проблем. Не исключено, что вас даже приобнимут за плечи и дружески похлопают по спине, но спустя какое-то время выяснится, что никто

ничего делать и не собирался. Во-первых, зарубежные партнеры наших олигархов все еще присматривались к новому руководству России, по-прежнему не понимая, чего ждать от президента Путина. А во-вторых, самих наших олигархов американцы, напротив, понимали очень хорошо, что означало: бизнес бизнесом, но по вопросам благотворительности, ребята, нужно обращаться по другим адресам.

А в расследовании дела Гусинского – напомним, касавшегося вывода активов «Моста» за границу и других мошеннических схем – расширился, так сказать, адресный список. Следователи решили выяснить подробности выделения льготных кредитов сотрудникам НТВ. В качестве первой ласточки была выбрана Татьяна Миткова. О факте получения ею повестки с вызовом на допрос в качестве свидетеля 25 января в эфире НТВ и «Эха Москвы» сообщил Евгений Киселев, сопроводив эту информацию обширным комментарием о недопустимости подобного отношения силовых структур к журналистке Митковой. В тот же вечер Генпрокуратура выступила с разъяснением своей позиции, опровергнув тональность заявления Киселева. *«Татьяна Миткова действительно вызвана на допрос в качестве свидетеля, и не в связи с ее журналистской деятельностью, а для выяснения обстоятельств, связанных с получением ею от холдинга «Медиа-Мост» более семидесяти тысяч долларов США. Данный факт установлен в ходе проведения обысков в офисах компании. Следствие располагает также сведениями о получении крупных денежных сумм и другими сотрудниками холдинга. По расследуемому уголовному делу будут допрашиваться все причастные к этому делу лица, и неприкасаемых здесь не должно быть. Мы не приемлем шантажа через СМИ. Мы выполняем и будем выполнять свой долг, возложенный на нас законом»,* – говорилось в заявлении Генпрокуратуры. Одновременно в нем подчеркивалось, что никто не собирается преследовать журналистов за их профессиональную деятельность.

Естественно, эта часть заявления прокуратуры всерьез воспринята не была. Киселев собрал экстренную встречу «партийного актива», на которой было принято решение сопроводить Татьяну Миткову на допрос в Генпрокуратуру. А перед самым мероприятием провести импровизированный митинг перед входом в головной офис «Моста» в Большом Палашевском переулке. Оттуда идти до комплекса Генеральной прокуратуры было совсем недолго – требовалось лишь наискосок пересечь Тверскую и вы оказывались на Большой Дмитровке. Главным аргументом нашей защиты был выбран факт времени. Миткова получила свой кредит еще в 1994 году, когда формально «Медиа-Мост» не существовало. (Тогда флагманская компания Гусинского называлась «Группой «Мост».) Вот на этом якобы несоответствии мы и должны были, как сейчас скажут, «пиариться». Официально в наших новостях сообщалось, что «журналисты НТВ выражают солидарность с коллегой» посредством акции «Коллективный свидетель».

Рано утром 26 января у дверей офиса на Палашевке собралась весьма представительная компания. Прохожие испытывали шок дважды. Сначала от огромного количества съемочных групп с телекамерами и микрофонами, которые почти перекрывали движение транспорта по этой и без того неширокой улице. Второй раз – когда понимали, кто стоит перед всеми этими микрофонами! Увидеть сразу и Сорокину, и Шендеровича, и Осокина, и Зайцеву, и Ширвиндта, и Николаева, и еще кучу «людей из телевизора» живьем, своими собственными глазами, – такая удача выпадает раз в жизни. Тем более что никто особенно никуда и не торопился. Когда вся наша делегация еще только собиралась, стало известно, что допрос Татьяны Митковой в Генпрокуратуре отменен. Следователи сообщили, что сами приедут в Останкино и поговорят с ней прямо на рабочем месте, чтобы не создавать неудобств. Настроение, естественно, тут же стало приподнятым, ведь была одержана первая, пусть маленькая, но победа. Мысли вслух выражались охотно, благо в слушателях недостатка не было.

Сама Миткова благодарила «товарищей прокуроров» за возможность продемонстрировать корпоративную солидарность. Виктор Шендерович обвинял власти в желании разговари-

вать только с людьми, которых можно шантажировать, и в том, что с людьми независимыми эти власти иметь дело не хотят. Николай Николаев был уверен, что происходящее унижает не Миткову или журналистов НТВ, а – зрителей телекомпании! Я, как ни странно, от публичных выступлений в тот раз воздержался и по большей части о чем-то тихо разговаривал с «виновницей торжества». Главное же заявление сделала Светлана Сорокина, традиционно сумевшая обойтись без лозунгоподобных выражений. Она напрямую обратилась к президенту страны:

«Владимир Владимирович! (Дружный смех за кадром.) Пожалуйста, услышьте нас, найдите время, может быть, вы встретитесь с нами? С коллективом, который, собственно, и делает канал НТВ. Мы не олигархи, не входим в Совет директоров, у нас нет акций. Нас, конечно, можно ошельмовать, облить грязью для того, чтобы отдалить от зрителя... Но мы просим, найдите возможность, чтобы встретиться с нами и поговорить с нами более конкретно, не только общими выражениями о принципах демократии, о свободе слова. Мы хотели бы услышать что-то конкретное! Но если завтра мы получим все повестки в прокуратуру, то будем тоже считать, что это конкретный ответ».

Слова Сорокиной прозвучали во всех информационных выпусках. Как известно, Владимир Путин перезвонил Светлане в тот же вечер и сообщил, что готов встретиться с журналистами НТВ в понедельник, 29 января. Единственной его просьбой было ограничение численности делегации – не более десяти человек. Но утром 26 января мы еще не знали, что такая встреча состоится. Мы должны были спешно возвращаться в Останкино, чтобы успеть встретить старшего следователя по особо важным делам Генпрокуратуры РФ Зигмунда Ложиса.

Ну, конечно, как его зовут, мы узнали чуть позже, уже после прибытия следователя в Останкино. У лифтов в холле восьмого этажа представителя прокуратуры встречал Григорий Кричевский, который и провел господина Ложиса по коридору, по обеим сторонам которого стояли многочисленные сотрудники НТВ, аплодировавшие и кричавшие в адрес гостя что-то иронично-приветственное. Разговор проходил не совсем на рабочем месте Митковой, а в небольшой переговорной, расположенной рядом с кабинетом генерального директора. Участвовали в нем три человека: следователь, Татьяна Миткова и один из адвокатов «Моста» Юрий Баграев. Ожидание растянулось на сорок пять минут. Все это время в коридоре продолжал толпиться народ, а операторы охотно снимали листочек бумаги, который кто-то прикрепил к двери переговорной: «Не входить! Идет допрос!»

Когда разговор закончился, Зигмунд Ложис был вынужден провести краткую пресс-конференцию. Иначе его просто не выпустили бы из коридора, настолько плотно он был заставлен телекамерами и заполнен людьми. Ложис подчеркнул, что полностью удовлетворен ответами Татьяны Ростиславовны на все его вопросы (всего было пять вопросов, уточнил следователь), которые были вызваны расследованием дела Гусинского. Криминала в действиях Митковой никакого нет, объяснял представитель прокуратуры. Но у следствия есть вопросы, связанные с финансовыми решениями руководства «Медиа-Моста» вообще и НТВ в частности. В смысле – финансовое положение компаний сложное, а кредиты, оказывается, раздавались на весьма льготных условиях. Вот эти моменты следствие и хотело бы для себя прояснить.

Визит следователя Ложиса, который потом, видимо, очень долго икал, поскольку и его самого, и его необычную фамилию весь вечер обсуждали в редакции, завершился вручением памятного подарка – календаря НТВ на 2001 год. Преподнес его ведущий информационной программы «Сегодня утром» Петр Марченко, пояснивший, что календарь открывается программой «Сегодня», а вслед за ней идут «Итоги». «Так что, если в феврале придут допрашивать получавших ссуды и кредиты сотрудников «Итогов», то календарь можно рассматривать в качестве своеобразного графика допросов», – заявил Марченко, вручая календарь радостно улыбавшемуся следователю.

Остальные участники «допроса» приподнятого настроения своего собеседника не разделяли. Адвокат Баграев повторил, что не видит связи между кредитами и делом Гусинского,

а выглядевшая заметно уставшей Миткова сказала, что воспринимает все происходящее как попытку ее личной дискредитации и намеков всем остальным журналистам НТВ не высываться. Но сделать это (высунуться) пришлось практически сразу. Стало известно о звонке Путина Сорокиной, и я снова умчался к Киселеву на очередное заседание «партактива»: нужно было продумать состав делегации наших ходяков в Кремль.

Обсуждение затягивалось, потому что разговор постоянно прыгал с одной темы на другую, к тому же, чего греха таить, сопровождался, хоть и в разумных пределах, употреблением тонизирующих напитков. Сухой закон и редакция СМИ – они, как гений и злодейство, две вещи несовместные. Журналисты – народ выпивающий, это хорошо известно. Некоторые, в том числе очень талантливые журналисты, на этом ломали свои карьеры. Кое-кто – даже жизни. Но я действительно не знаю ни одного творческого коллектива, работающего в сфере СМИ, где трудились бы абсолютные трезвенники. Не хочу сказать, что пьянство на телевидении или радио было повальным, но эпизодов, свидетельствующих, что со времен Сергея Довлатова особых изменений не произошло, могу вспомнить предостаточно.

В нашем случае это проявилось настоящим казусом. После утверждения списка делегатов выяснилось, что в нем отсутствует фамилия самой Татьяны Митковой! В список ее, конечно, внесли. Но, таким образом, мы не выполнили просьбу президента – не больше десяти человек, а у нас получилось одиннадцать. Тем не менее было решено поставить Кремль перед фактом: либо одиннадцать человек, либо разговора не будет! Противник, видимо, испугался и не стал возражать. В понедельник 29 января десант Уникального журналистского коллектива высадился на Красную площадь, а я отправился готовить вечерний выпуск новостей, заменив Татьяну Миткову.

В группу журналистов НТВ, отправившихся на встречу с президентом, вошли Алим Юсупов, Григорий Кричевский, Леонид Парфенов, Светлана Сорокина, Виктор Шендерович, Николай Николаев, Ирина Зайцева, Евгений Киселев, Марианна Максимовская, Михаил Осокин, ну и примкнувшая к ним в последний момент Татьяна Миткова. Кремль представляли сам Владимир Путин, первый замглавы администрации Владислав Сурков и пресс-секретарь президента Алексей Громов. Разумеется, в выпуске новостей, который я вел, беседа в Кремле была главной темой. В подводке я упомянул и о вызове Митковой на допрос, и об обращении Сорокиной к президенту. Сообщил я и о том, что разговор в Кремле продолжался три часа пятнадцать минут, после чего предоставил слово обозревателю НТВ Владимиру Кондратьеву.

Владимир Петрович построил репортаж на протокольных съемках кремлевской пресс-службы и на небольших интервью участников состоявшегося мероприятия. Естественно, речь шла только о журналистах НТВ, а не об их собеседниках. Как известно, до начала общения в расширенном составе Путин встретился с Сорокиной с глазу на глаз и они говорили около получаса. Вероятно, это и был ответ на ее просьбу «сообщить что-нибудь конкретное». Тридцати минут этого «предисловия» к общему разговору президенту хватило для предоставления Светлане Сорокиной исчерпывающей по своей конкретике информации. Это был сильный ход – что было видно по лицу Сорокиной, входившей вместе с президентом и его пресс-секретарем в помещение библиотеки, где находились остальные гости с НТВ. Пока Владимир Путин лично приветствовал каждого из журналистов, обходя круглый стол в центре помещения, Сорокина дважды попадала в объектив телекамеры. По выражению ее лица можно понять: ей очень не понравилось то, что говорил президент.

Виктор Шендерович рассказывал, что перед самым началом беседы в расширенном составе Сорокина что-то быстро написала в блокноте и показала ему эту запись. «Все бесполезно», – прочитал Шендерович. Сегодня я задаю себе вопрос: что бесполезно? На что мы рассчитывали и чего ожидали от встречи с президентом? Думаю, что тогда ответ был однозначным. Мы действительно надеялись, что сможем объяснить Владимиру Путину, в чем он ошибается. Что мы – хорошие, телекомпания НТВ – замечательная, а Гусинский – ни в чем

не виноват! Потому что Уникальный журналистский коллектив был абсолютно уверен в собственной правоте и непогрешимости. Я-то уж точно никаких сомнений не испытывал! Но такой разговор с Путиным на самом деле был лишен всякого смысла, потому что президент все время «отделял мух от котлет» и объяснял, что эти вопросы никак друг с другом не связаны.

Журналистский коллектив НТВ, конечно, необходимо поддержать в сегодняшних трудных обстоятельствах, соглашался Путин. К нынешнему менеджменту у него вопросов нет, его вообще мало интересуют конкретные фамилии руководителей телекомпании. Что же касается Гусинского, то к нему претензии имеются, но совершенно иного характера, никак не относящиеся к проблеме свободы слова. Перечень этих претензий, очень обстоятельный, он и озвучил Сорокиной во время их личной встречи. Поэтому все последовавшие за «конкретным» разговором президента с ведущей «Гласа народа» три часа с четвертью превратились в переливание из пустого в порожнее. Журналисты НТВ нападали – президент отвечал на их нападки, разъясняя свою точку зрения. А я уже говорил о том, что наши нападки, наши изначальные позиции были ущербны, потому что мы пытались обвинить власть в грехах, которых, увы, были не лишены и сами.

Положа руку на сердце, следует признать, что никто членов Уникального журналистского коллектива не обманывал. Никого к ответственности за полученные кредиты не привлекли. Меня, например, даже на допрос не вызывали. Увольняться никого не заставляли. В апреле мы ушли сами. НТВ никто не закрыл. Напротив – и это, как говорится, медицинский факт, – при гендиректоре Борисе Йордане финансовое положение компании выправилось, а рейтинги НТВ впоследствии намного превзошли достижения «гусинского» телевидения. Можно по-разному относиться к рейтингу, можно обвинять телевидение в слепом поклонении этому «божеству», но другого инструмента определения телевизионного успеха нет и быть не может. Телеканал успешен только тогда, когда его смотрят зрители, и уникальность создателей телепродукта вовсе не гарантирует признание со стороны аудитории. С чем УЖК и столкнулся, последовательно растеряв своих поклонников на ТВ-6 и ТВС. Одной лишь констатации факта собственной уникальности явно не хватило для того, чтобы удержаться в первых строчках телевизионных чартов.

Существует некий миф. Якобы НТВ при Гусинском было олицетворением всего лучшего, что когда-либо появлялось на отечественном телевидении. А после Гусинского и Киселева канал превратился в информационную помойку с криминальным душком. Вынужден разочаровать поклонников этой версии. «Не все так однозначно», как принято шутить нынче в социальных сетях. Во-первых, в пошлости и отсутствии вкуса обвиняли не только «Тушите свет!». Ток-шоу «Про это» и особенно «Империю страсти» не пинал разве что безногий. Во-вторых, увлечение криминальной тематикой было свойственно НТВ изначально. «Дневник оборотня», «Душегуб», «Голые мертвецы», «Люберецкий изувер», «Сибирский потрошитель», «Злодей на все руки», «Автосервис на крови», «Домодедовский упырь»... Знаете, что это такое? Это названия документальных фильмов из цикла «Криминальная Россия» – крайне жесткого и откровенного сериала, стартовавшего на НТВ еще в 1995 (!) году.

«Криминальную Россию» на НТВ закрыли *после* смены собственника. А вот редакция криминального вещания появилась именно в те благословенные «гусинские» времена. Программа «Криминал», например. Засилье сериалов опять-таки на криминальную тему – тоже дело рук телекомпаний «Медиа-Моста». Сначала эти многосерийные фильмы чем-то походили на комедии с криминальным уклоном, те же «Улицы разбитых фонарей» или «Досье детектива Дубровского». Но потом случился «Бандитский Петербург» – икона стиля, можно сказать. И процесс этот уже не останавливался и продолжается до сих пор, потому что Владимиру Гусинскому по-прежнему принадлежит несколько компаний, снимающих телесериалы для российских каналов. Кстати, режиссер Эрнест Ясан приглашал меня сниматься в сериале «Крот»,

причем без проб. Я должен был, по его замыслу, играть роль какого-то высокопоставленного функционера. Меня не отпустил сниматься Киселев, сказавший, что я «размою свой образ».

В свое время Гусинский яростно доказывал мне, что лучшее проявление телевизионной журналистики – «Программа максимум», и он очень жалеет, что передача появилась на НТВ уже после его отъезда из России. А я хотел бы напомнить, что для нашей либеральной общественности, в том числе для ее журналистской части, шоу Глеба Пьяных олицетворяло ад кромешный. И Николая Картозию, руководителя Дирекции праймового вещания НТВ, тогда было принято обзывать разными нехорошими словами. Впрочем, эта «изменчивость любви» – как раз традиционная вещь для либеральной телетусовки. После апреля 2001 года точно так же проклинали Парфенова и плевали ему в спину, обзывая штрейкбрехером. Потом времена менялись, и бывшие «предатели» становились в глазах наших непоследовательных либералов эталонами искреннего служения профессиональному долгу и активной гражданской позиции, последними защитниками свободы слова. Так относились и к Алексею Пивоварову, и ко многим другим. Даже Савик Шустер получил свою долю поддержки после закрытия ток-шоу «Свобода слова»! А Ксения Собчак? В «Доме-2» или в «Блондинке в шоколаде» ее яркая помада считалась пошлой, а на «Дожде» стала символом вызова тоталитаризму властей! Я не преувеличиваю, все это можно прочесть сейчас в статьях и блогах наших телекритиков и особенно телекритикесс. И не только про помаду Собчак или ее наряды, но и про ее политические взгляды и публичную позицию.

Хотя телевидение и телеперсоны – лишь составная часть в общем потоке переполненного эмоциями сознания нашей непримиримой оппозиции. Достаточно вспомнить Владислава Суркова – всесильного «серого кардинала» Кремля, едва ли не главного «душителя свободы СМИ», творца «суверенной демократии» и «сурковской пропаганды». Какой плач поднялся после его перехода на новое место работы! Сурков вдруг предстал человеком либеральным, не чуждым творчеству, интеллигентом и эрудитом. Почему? Что случилось? Просто появилась новая цель – Вячеслав Володин, который есть «провинциал и человек приземленный», жесткий, лишенный фантазии и т. д. Так что с гордостью могу констатировать, что и сам уже много лет остаюсь, наверное, любимейшим объектом для филиппик некоторых коллег, ежегодно поставляя им все новые доказательства собственного грехопадения. Как припечатали однажды, так до сих пор и не могут успокоиться. Порой мне даже становится их жалко – они ведь вынуждены смотреть на меня, давиться, а потом еще и писать про это.

Если же вернуться к беседе Владимира Путина с журналистами НТВ 29 января 2001 года, то хотелось бы также понять, для чего Кремлю понадобилась эта встреча. Рискну предположить, что это была очередная попытка властей предоставить шанс оппонентам. Я говорил об этом тактическом приеме Владимира Путина. В данном случае возможность поразмыслить и остановиться предоставлялась не конкретному олигарху, вздумавшему кроить жизнь в стране по собственному усмотрению, а подчиненным и наемным работникам этого олигарха: журналистам и руководителям телекомпании. Но шанс снова был упущен.

От прямого ответа на вопрос обозревателя НТВ Владимира Кондратьева, о чем шла речь во время ее личного разговора с президентом, Светлана Сорокина ушла. «Так прямо вам и скажи!» – пошутила она. «Говорили, в принципе, о том же, о чем говорили потом, со всеми вместе», – сказала она потом, признав, что очень перенервничала перед этой встречей, возможно, из-за каких-то завышенных ожиданий. «Хотелось, чтобы нам сказали: «Да, с завтрашнего дня будет жизнь счастливой и необыкновенной». Но такого не бывает», – заключила Сорокина. Евгений Киселев был традиционно более многословен, но и он не ответил прямо на вопрос, будет ли существовать НТВ. Евгений Алексеевич закончил свою речь прочувствованным рассказом: мол, на встрече с Путиным журналисты дали понять президенту, что являются единой командой с общими для всех базовыми ценностями. По мнению Киселева, это стало для президента неожиданностью. Что тут можно добавить? Разве только, что через пару меся-

цев от единой команды не останется и следа и это станет большой неожиданностью для самого Евгения Алексеевича?

Глава 13

В марте мне выпала неожиданная возможность передохнуть от всей нашей революционной деятельности. «Герой дня» получил согласие на интервью от Анджея Вайды, и по этому случаю мы с Муратом Куриевым полетели в Польшу. Можно сказать, «нелегкая журналистская судьба забросила меня в Варшаву»! Как это ни удивительно, но до того момента я никогда не бывал за границей. И ни разу в жизни не летал на самолете. Вообще! Что и дало повод для многочисленных шуток в мой адрес со стороны более опытных коллег. Именно тогда Мурат и написал свою «Балладу о храбром Синяке». Синяк – это был я, хотя мои успехи в деле употребления алкогольных напитков никак не тянули на столь громкий титул. Пафос «Баллады» заключался в том, что ее главный герой проходит все испытания, не наложив в штаны от страха во время полета.

Оказалось, что я не боюсь летать, более того, мне это даже понравилось. Тогда же, во время путешествия в Варшаву, ставшего моей первой командировкой, я познакомился с приметой, ходившей среди телеоператоров. Для того чтобы командировка оказалась успешной, нужно вовремя выпить! Это «нужное время» наступало в момент отрыва шасси самолета от взлетно-посадочной полосы. Напомню, дело происходило в марте 2001 года, а тогда требования по безопасности полетов еще не были столь строгими, как сейчас. Так что открывали и разливали мы прямо во время движения самолета по рулежке. Соответственно, при командировках с использованием железнодорожного транспорта правильный момент (для оформления гарантированного успеха поездки) возникал при первом прохождении вагоном рельсового стыка. То есть при первом «тук-туке». Вообще, операторы на телевидении – самая суеверная каста. У них существует огромное количество примет, связанных с профессиональной деятельностью, и большинство из них предусматривают обязательное употребление спиртного. Возможно, поэтому операторы бывают только двух видов: всегда веселые или постоянно грустные. Как я понимаю, это уже зависит от особенностей реакции организма на алкоголь.

Варшава произвела на меня странное впечатление. Большую часть времени мне казалось, что я никуда из Москвы и не выезжал. Объяснялось это архитектурой города, как известно, практически разрушенного во время войны. И если центр, в первую очередь Старый город, еще обладал своим собственным очарованием, то спальные районы, которые мы видели из окна машины, вполне подошли бы для съемок «Иронии судьбы». Те же здания, те же, видимо, подъезды и квартиры. Особенно сильное ощущение *deja vu* вызывало здание Дворца культуры и науки, которое поляки то и дело хотят снести. Лично мне так называемые «сталинские высотки» всегда нравились, поэтому я очень надеюсь, что антироссийский раж, в который периодически впадает то или иное высшее руководство Польши, все же не затронет этот величественный, пусть внешне и не самый жизнерадостный, небоскреб в центре Варшавы.

Поселили нашу группу в гостинице стандарта «удобства в коридоре», хотя я этому никакого значения не придавал. Два года службы в армии приучили меня и к более суровым бытовым условиям. К тому же ограниченное количество туалетов способствовало нескучному времяпрепровождению: мы устраивали друг на друга засады, запирали двери в туалет и т. д. и все это фотографировали. Стоит отметить, что я был самым молодым в составе нашей экспедиции – мне на тот момент было полных тридцать два года. То есть всеми этими безобразиями развлекались как минимум сорокалетние дядьки.

«Герой дня» развлекается у туалета в варшавской гостинице

Встречающая сторона прикрепила к нам такси, которым управлял молчаливый пан Хенрик. Обычно он открывал рот только для того, чтобы обругать кого-нибудь из других участников дорожного движения словами «*dupiek naturalne!*». Мы потом эту фразу долго использовали сами.

Что же касается программы, то записали мы ее с первого раза. Пан Анджей был очень приветлив, сам предложил мне задавать вопросы на русском, но отвечать предпочел на польском, чтобы, как он сказал, «точнее выражать мысль». Говорили о политике, но не только. Разговор уходил и в историю, и в культуру, и, разумеется, в сферу кино. Вообще, возможность общения с такими людьми и есть та самая журналистская удача, когда не хочется перебивать собеседника и нет необходимости задавать уточняющие вопросы. Причем я не могу сказать, что позиция нашего гостя была исключительно «пропольской», «проевропейской» или «анти-русской». Вайде именно в эти дни исполнялось семьдесят пять лет, а это тот возраст, в который человек умный входит уже человеком мудрым. Мудрость же, как мне кажется, вообще не приемлет никаких однозначных оценок. В конце разговора режиссер подписал нам видео-кассеты с предпоследним на тот момент своим фильмом «Пан Тадеуш». После этого мы провели небольшую фотосессию, так что у меня дома теперь стоит фотография, на которой запечатлены Анджей Вайда, мой коллега Мурат Куриев и я.

«Герой дня» у Анджея Вайды

Успех командировки мы с Муратом отпраздновали в «ресторации» «Pod Herbami». Это небольшое заведение выбирал Мурат, расчетливо рассудив, что в самом сердце Старого города цены могут оказаться гораздо выше, чем всего в одном квартале от главной достопримечательности Варшавы. Я, естественно, набрал домой каких-то сувениров, в том числе скульптурную группу «варшавские евреи». Это были четыре маленьких глиняных человечка, стоящих на небольшой подставке. Они и сейчас живы, разместились в нашей спальне. Подставки, правда, уже нет, да одному из человечков коты отломали ручку, но во всем остальном у «варшавских евреев» все хорошо. Они по-прежнему пучат глаза и чего-то требуют от каждого, кто на них посмотрит...

По возвращении в Москву я, видимо, почувствовав вкус к «шикарной иностранной жизни», тут же схватил жену в охапку и отправился знакомить с заграницей уже ее. Причем улетели мы не куда-нибудь, а в Париж! Первые сутки провели в Диснейленде, успев в отсутствие публики накататься на всех аттракционах, а потом на несколько дней отправились в саму столицу. Поскольку туристы мы были неопытные, то свою первую выездную программу строили в точном соответствии с рекомендациями, полученными в турагентстве. Поэтому из нашего De L'Ocean Hotel мы последовательно отправлялись в Лувр и Версаль, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и в кабаре Moulin Rouge, в собор Парижской Богоматери и на Эйфелеву башню. Ну и, конечно, в Galeries Lafayette – как же без шопинга в главном магазине Парижа!

Так же внимательно следовали мы и указаниям в отношении ресторанов. Хотя наше посещение Le Grand Cafe Capucines оказалось отмечено воспоминаниями не столько о братьях Люмьер, сколько о мистере Бине¹⁰. Юлька, к тому времени уже приучившая меня есть мясо с кровью, заказала пресловутый steak tartare, но получив его, так и не смогла съесть. И не потому, что в нем оказалось слишком много специй, а потому что ей было невыносимо смешно! Она так хохотала, вспоминая, как мистер Бин пытался расчихать кусочки этого блюда по самым

¹⁰ Герой популярного британского комедийного сериала в исполнении Роузена Аткинсона.

неожиданным местам, что, по-моему, не на шутку перепугала гарсонов и посетителей. Чтобы не доводить дело до вызова полицейских, я быстро съел все сам!

В последние сутки нашего пребывания во Франции мы оказались в настоящем замке. Это был отель Chateau de Fere, расположенный в городке Фер-ан-Тарденуа, в здании XVI века, рядом с которым сохранились крепостные развалины еще более древние – XIII века. На ужин при свечах нам подавали утку и, конечно, сыры на десерт... Разумеется, мы влюбились во Францию и впоследствии неоднократно возвращались в эту страну, даже ухитрились поката́ться на машине по всей Бретани и Нормандии. Однако главным итогом нашей французской поездки стали не столько незабываемые впечатления и десятки, если не сотни, фотографий, сколько знакомство с человеком, которому суждено было стать другом нашей семьи – и даже родственником.

Вышло все случайно, как это и должно происходить в жизни. Наш гид заболел, поэтому агентство прислало на замену совершенно удивительную женщину по имени Мариша, Марию Владимировну Жесткову. Она забыла перевести часы на час вперед, и мы уже думали, что экскурсии нам придется устраивать самостоятельно. К счастью, спешить мы не стали и остались в гостинице, поэтому пусть с опозданием на час, но все-таки познакомились с «французской теткой с приветом». Это она сама себя так называет. Мариша родилась уже во Франции – в первую волну эмиграции Россию покинул ее дед. Продолжательницу рода Василия Никитича Татищева всегда «воспитывали лицом к России». Вот и довоспитывались...

Пока Мариша возила нас по Парижу и его окрестностям, от Санлиса до Пьерфона, она рассказывала о себе, о своих родных, о своей «революционной» юности. Например, она участвовала в заговоре по срыву визита во Францию Никиты Хрущева в 1960 году. Заговорщики собирались спилить флагшток с государственным флагом СССР! Именно на примере Мариши я впервые столкнулся с отличиями, существовавшими в отношении представителей русской эмиграции к Сталину и к Хрущеву. Для Мариши (я не могу называть ее Марией Владимировной, это как-то абсолютно неорганично!), человека православного, верующего глубоко и искренне, Хрущев – хуже Сталина. Видимо, обещание «показать последнего попа по телевизору», услышанное лично, оказало на нее более сильное воздействие, чем исторические факты репрессий 1930-х годов.

Из-за этой же темы – отношений власти и Церкви – мы с ней и спорили. Мариша доказывала, что при Путине в России начали возрождать разрушенные храмы и это говорит о человеке исключительно положительно. Мы с Юлькой возражали, что Путин – обычный гэбэшник, от которого ничего хорошего ждать не приходится, и тяжелое положение, в котором оказалось наше родное НТВ, – лучший тому пример. Мариша, как человек мудрый, быстро уяснила, что спорить с нами пока бесполезно, поэтому строила свою тактику иначе. Она просто показывала нам свою, православную Францию и делилась собственным представлением о России, нашей общей Родине. Чуть позже, кстати, выяснилось, что она лично знала семью Бориса Йордана, членами которой пересекалась на почве общественной деятельности. Дело в том, что Мариша еще в середине 1950-х годов стала активным членом скаутского движения, а Йорданы всегда много внимания (и денег, добавлю я) уделяли возрождению в России скаутов и кадет. Кто победил в споре, думаю, подробно теперь объяснять не надо: наши младшие сыновья сейчас учатся в кадетской школе, а Мариша – крестная мать нашего среднего сына Темки!

Вернуться в Россию Мариша решила в тот момент, когда ее внуки уже перестали нуждаться в постоянном внимании со стороны бабушки. Она села в свой умопомрачительный доисторический «Опель», пересекла Францию и Германию, на пароме добралась до Финляндии и... оказалась на Родине. Она и до этого бывала и в России, и в Советском Союзе. Например, знаменитый Лефортовский тоннель в Москве появился не без ее помощи: Мариша работала переводчиком на строительстве, которое вели французские специалисты. Помимо всего прочего, для возвращения у нее была еще одна важная причина. Согласно завещанию деда,

Мариша и ее брат Николай (к сожалению, совсем недавно скончавшийся) должны были вернуть дедовскую библиотеку в Тольятти, город, который когда-то основал их предок Василий Татищев. Волю деда они выполнили, хотя Мариша за это вынуждена была заплатить еще и кучу денег. На таможне выяснилось, что документы оформлены с какими-то ошибками, поэтому наших дарителей обязали внести значительную пошлину. Но для человека, «воспитанного лицом к России», это не стало ни препятствием, ни оскорблением. Иногда я думаю, что учиться по-настоящему любить свое Отечество нужно именно у таких людей, как Мариша. Потому что она делает это честно. В самом деле, у вас есть другое объяснение, почему человек, живущий в самом центре Европы, имеющий там семью, работу (а потом пенсию), друзей, могилы родителей, – в конце концов оставляет все это и едет в Россию? Страну, в которой все вечно не так? Когда она приехала к нам домой, то с порога объявила, что стала фанаткой ЮКОСа. Я очень удивился, зная, что к нашим олигархам Мариша относится, мягко говоря, без симпатии. «У них на заправках самые чистые туалеты!» – объяснила она.

Мариша и сейчас живет в Москве, общается с новыми и старыми друзьями из числа православных прихожан и священнослужителей, дает уроки французского и много работает со своими скаутами. Она у нас не просто «скаутмастер», она – начальник штаба Московско-Богородского отдела Организации российских юных разведчиков! Пару лет назад она вдруг перестала отвечать на телефонные звонки. Пропала, и все... Мы уже не знали, что и делать, как вдруг она позвонила сама и, как это и положено, смешно грассируя, затараторила: «Не волнуйтесь! Со мной все в порядке! Я – в горах Кузнецкого Алатау!» «Что ты там делаешь?» – закричала жена, хватаясь за сердце. «Как что? Я – в походе со своими скаутами!» – искренне удивилась наша «французская тетка с приветом»...

Маленький Артем Норкин на руках у своей крестной матери, Мариши

Одним из самых ценных подарков, который хранится в нашей семье, является издание «Гамбринуса» с автографом Куприна. Эту книгу сам писатель проиграл в карты Маришиному деду, а она подарила ее мне на день рождения, когда выяснилось, что родились мы с ней в один день – 25 июля! И когда она приезжает к нам в гости, снабжая уже заметно подросших младших сыновей новыми книгами, мы обязательно ставим на стол бутылку «шотландского лимонада». Это – единственный пример непатриотичного поведения Мариши. Из всех алкогольных напитков она больше всего любит шотландский виски!..

Ну а март 2001 года, который стал для нашей семьи месяцем исключительно положительных эмоций, тем временем сменился апрелем, месяцем бессонных ночей и сплошной нервозности. «Газпром-Медиа» завершил подготовку к кадровым изменениям на высших этажах

НТВ, то есть в Совете директоров телекомпании, и у Уникального журналистского коллектива не осталось никаких иных методов протеста, кроме забастовки. «А как же суд?» – спросите вы. Это очень интересный момент, который заслуживает отдельного комментария. В нашей информационной войне судебные институты активно использовали в своих интересах обе противоборствующие стороны. Только мы, я в частности, никогда не говорили о собственных судебных спецоперациях. В новостях НТВ тех дней постоянно звучали жалобы на то, что власти оказывают давление на суд, добиваясь выгодных для себя решений. Происходило ли это на самом деле? Конечно. Если бы я отрицал сейчас эти факты, моя непридуманная история сразу превратилась бы в выдумку. Но проблема заключается в том, что мы вели себя точно так же. Гневно обличая наших противников в подтасовках и нарушениях закона, мы в то же самое время аналогично нарушали те же самые законы, находя для себя оправдание в высшей цели. В борьбе за свободу слова!

Вот – яркий пример той весны, связанный с «блуждающими адвокатами». Собрание акционеров НТВ, на котором планировалось избрать новый состав Совета директоров телекомпании, было назначено на 3 апреля. Внезапно один из районных судов Саратова (!) запретил проводить это мероприятие. Как такое могло произойти? Просто один из адвокатов «Газпром-Медиа», господин Анатолий Блинов, являвшийся еще и членом Совета директоров холдинга, неожиданно «прозрел» и перешел на сторону восставших! Произошло это как раз в конце марта. Но помимо владения важнейшей сугубо внутренней газпромовской информацией адвокат Блинов обладал еще одним ценным для УЖК качеством – он был родом из Саратова и поддерживал дружеские отношения со своими земляками. В том числе судьями. Как поговаривали позднее, саратовский судья, запретивший проведение Собрания акционеров НТВ, получил в знак благодарности триста тысяч долларов. Правда, собрание все равно провели точно в назначенное время, потому что через день этот же судья отменил собственное решение. Что же касается «блуждающего адвоката» Блинова, то, насколько мне известно, дальнейшая его карьера как-то не очень задалась. Спустя несколько лет он оказался замешан в некий скандал с фиктивными векселями и в конце концов сел.

Итак, наши обращения в суд оказывались безрезультатными. Но стоит ли теперь задавать вопрос «почему?» Между тем подобная практика использовалась нами и во времена ТВ-6. И даже сейчас я не могу сам себе объяснить причины этого сказочного упрямства. Казалось бы, один раз наступили на эти грабли, второй раз... Нет, все повторялось снова. 31 марта на Пушкинской площади прошел митинг «Руки прочь от НТВ!», инициатором которого формально выступала партия «Яблоко». *«Я уверен в том, что нас нельзя оболванивать, что нам нельзя врать, как это делали раньше. Мы же все знаем, зачем уничтожают НТВ: затем, чтобы мы никогда с вами не услышали о том, что нас хотят отравить отходами; затем, чтобы мы никогда с вами не узнали, что из страны, как в прошлом году, увезли десятки миллиардов долларов; затем, чтобы нам можно было рассказывать, что борются с террористами; затем, чтобы нам можно было врать, что борются с коррупцией. А мы ведь знаем, что это не борьба с террористами, а широкомасштабная война, бессмысленная и жестокая, а мы ведь знаем, что это не борьба с коррупцией, а борьба со свободой слова»,* – вещал лидер «Яблока» Григорий Явлинский. Риторика «Яблока» тех лет от лозунгов партии «текущего урожая» почти ничем не отличается. Разве что более акцентированной экологической позицией – в 2001 году «яблочники» с энтузиазмом боролись с ввозом радиоактивных отходов.

Хотя необходимо отдать должное Явлинскому. Он был последователен и наиболее активен в нашей поддержке. Вялые поддакивания раздавались и со стороны некоторых членов Союза правых сил, но сторонники Анатолия Чубайса действовали с оглядкой, памятуя о том, сколько крови выпило НТВ у их вождя. «Яблочники» же буквально дневали и ночевали в нашей редакции. Чаще всего приезжал сам Явлинский, который привозил «патроны» – пиццу и разнообразные напитки. Мозговые штурмы на тему «Как нам спасти НТВ?» все чаще стали

превращаться в дискуссии «Как нам обустроить Россию?». Не помню, говорили ли мы конкретно о Солженицыне, но помню, что Григорий Алексеевич как-то раз особенно настойчиво стал звать меня заняться политикой. Я отказался и нисколько не жалею о своем тогдашнем решении, хотя, конечно, такая яркая и явная политическая поддержка была очень приятной. И тем поразительнее была для меня реакция одного из лидеров «яблочников» на «покаянное» интервью Гусинского в 2009 году. «Гусинский? Он давным-давно не помогает «Яблоку». Что я про него должен говорить?» А ведь когда-то этот человек вместе с Явлинским приезжал к нам в ночное Останкино, чтобы поддержать. Поддержать и Гусинского, в том числе. Видимо, потому что тогда Гусинский помогал его партии?..

Митинг 31 марта на Пушкинской я освещал в эфире. Причем так перевозбудился, что, увидев среди участников акции Сергея Филатова, бывшего главу ельцинской администрации, почему-то назвал его Анатолием Лукьяновым, в то время возглавлявшим думский Комитет по госстроительству, после чего развил в эфире целую теорию, объясняющую появление депутата-коммуниста на митинге в защиту НТВ. Видимо, это очень понравилось руководству, потому что на следующих митингах я уже общался с народом. Проведение очередных митингов было вызвано и общим ухудшением ситуации, и тем, что акция на Пушкинской вышла какой-то слишком праздничной. Было много концертных номеров, и иногда складывалось впечатление, что в центре Москвы люди собрались, чтобы встретить Первомай, благо погода выдалась солнечной и не по-мартовски теплой.

1 апреля, начиная очередной выпуск «Итогов», Евгений Киселев произнес тревожную речь о том, почему эта программа может стать последней. Главный аргумент уже знаком читателю – невозможность добиться справедливости в суде и отменить незаконное Собрание акционеров НТВ.

Глава 14

Самыми насыщенными в плане событий выдались 3, 6 и 14 апреля. Третьего, в день оглашения Федерального Послания президента, к газпромовской башне на Наметкина, 16, делегаты от НТВ поначалу не собирались. Как было объявлено, генеральный директор и главный редактор телекомпании Евгений Киселев, посоветовавшись с юристами, признавшими Собрание акционеров НТВ незаконным, решил в нем не участвовать. Однако утром многочисленные съемочные группы, собравшиеся у главного офиса «Газпрома», все же увидели Евгения Алексеевича, представшего перед журналистами в элегантном пальто светло-песочного оттенка. Никто так и не понял, почему Киселев, являвшийся кандидатом на переизбрание в Совет директоров и получивший приглашение на Собрание акционеров, но отказавшийся принимать в нем участие, все-таки приехал на улицу Наметкина? Первые объяснения ясности не добавили. Скрывшись ненадолго за дверью офиса, Киселев вернулся обратно и сообщил представителям прессы, что на его имя не выписали пропуск. Более того, раздраженно сообщил Евгений Алексеевич, «ни больше ни меньше начальник охраны» объекта потребовал от него чуть ли не написать краткую автобиографию, чтобы оформить разрешение на вход.

Когда пропуск был подготовлен, шеф НТВ опять вышел к журналистам и наконец объяснил, почему он приехал на это незаконное, с точки зрения наших юристов, собрание. Демонстрируя исполнительный лист, выписанный тем самым районным судом города Саратова, о котором я рассказывал чуть выше, Киселев заявил, что проведение собрания запрещено до рассмотрения по существу иска НТВ, поданного к холдингу «Газпром-Медиа». В этот момент Киселев выглядел так, будто он находился в студии «Итогов» и разъяснял зрителям, что же произошло на самом деле. Увы... Через некоторое время наш гендир и главред в третий раз предстал перед телекамерами, но вид у него был, мягко говоря, потрепанный, дикция невнятная, а голос то и дело срывался. Столь радикальное изменение образа объяснялось просто: где-то там, на высоких этажах газпромовской башни, Евгению Алексеевичу предъявили другой исполнительный лист, подписанный тем же самым судьей. Этот документ отменял предыдущий, поэтому, войдя в здание генеральным директором и главным редактором телекомпании НТВ, Евгений Киселев вышел оттуда просто ведущим программы «Итоги».

Собрание акционеров прекратило полномочия прежнего Совета директоров и избрало новый. Главной неожиданностью оказалось даже не исчезновение фамилии Киселева, а появление в списке фамилии Парфенова, представлявшего журналистский коллектив НТВ! Спустя пару часов новый Совет директоров назначил своим председателем Альфреда Коха, генеральным директором НТВ – Бориса Йордана, а обязанности главного редактора телекомпании возложил на Владимира Кулистикова. Стороны, взяв небольшую паузу для размышления, перешли к взаимным нападкам. Наш дружный Уникальный журналистский коллектив быстро разродился заявлением следующего содержания: *«Мы, журналисты телекомпании НТВ, заявляем: сегодняшнее собрание акционеров телекомпании, проводимое по инициативе «Газпром-Медиа», незаконно. Мы понимаем, что конечная цель этого собрания, как и всех действий власти против НТВ, – установление полного политического контроля над нами. Не сомневаемся, что Владимир Путин, как и прежде, в курсе всего происходящего и, значит, несет ответственность за последствия. Мы знаем, что готовится замена генерального директора НТВ. Мы уверены, что это приведет к смене редакционной политики и потере лица канала. Евгений Киселев – один из основателей НТВ, мы работаем вместе восьмой год и полностью ему доверяем. НТВ – это прежде всего команда! И без Киселева мы ее себе не представляем. Заявляем, что для нас нет иного генерального директора. Это наша позиция, и мы ее будем отстаивать».*

Нужно признать, что на этой стадии конфликта мы, члены Уникального журналистского коллектива, уже защищали не столько Гусинского, сколько Киселева. Лозунг «Мы – команда!» означал теперь «Мы – Киселев!». «Je suis Kiselev!» – как сказали бы сейчас наши дорогие либералы. Начинался самый болезненный период, период размежевания. Первым это почувствовал Парфенов. Уже днем появилось его личное заявление: *«После вчерашнего ночного собрания журналистского коллектива НТВ у меня состоялся телефонный разговор с господином Кохом, в котором я еще раз подтвердил свой отказ от участия в работе избираемого на Собрании акционеров 3 апреля нового Совета директоров НТВ. Узнав сегодня в 13:30 о том, что я, тем не менее, избран в состав Совета директоров, я вновь поговорил с господином Кохом по телефону. Мне было изложено следующее: Совет директоров считает необходимым предложить журналистскому коллективу НТВ иметь представителя в составе Совета»*. Далее Леонид Геннадьевич доводил до сведения коллег-журналистов, что в заседании Совета директоров, начавшемся 3 апреля в 14:00, он участия не принимает. «Хорошо», – подумали коллеги-журналисты и прильнули к экранам телевизоров, на которых транслировалась пресс-конференция новых руководителей телекомпании.

В зале «Интерфакса» присутствовали Кох, Йордан и Кулиستиков, хотя можно было ограничиться выступлением последнего. Кох, так уверенно державшийся в наших прямых эфирах, выглядел растерянным, медленно подбирая слова и вообще говорил какие-то банальности. Типа, что теперь наш драгоценный Евгений Алексеевич наконец-то сможет заниматься любимым делом – журналистикой, не отвлекаясь на административные заботы и т. д. Йордан был гораздо конкретнее, называл цифры финансовых потерь НТВ, уверял, что в Америке такая компания была бы ликвидирована в течение недели, и обещал уйти в отставку сразу же, как только почувствует давление со стороны. Но ему было трудно говорить по-русски перед таким количеством телекамер, поэтому периодически он сваливался в трогательные благоглупости. Например, что он с детства привык к «качественному телевизору»! (Впрочем, еще больше мне нравится другая его фраза: «Не нужно говорить лжу!») А вот Владимир Михайлович Кулистиков расставил все точки над *i*. Причем возразить ему по сути было нечего: *«Дело в том, что эта прекрасная, боевая, высокопрофессиональная, я не хочу никого здесь обижать, организация журналистов в последнее время, как вы, наверно, заметили, стала выполнять несвойственные ей функции. Она стала чем-то вроде адвокатской конторы, политической партии, какого-то движения и т. д. и т. п. Вот это решение Собрания акционеров, а затем и Совета директоров, я надеюсь, дает шанс к тому, чтобы все прекрасные журналисты, в том числе и Евгений Киселев, вернулись к своим основным занятиям»*.

Золотые слова! Хотя, возможно, сейчас во мне говорит возраст, ибо именно так я воспринимаю ныне те же «Эхо Москвы», «Дождь» и The New Times. Это – все что угодно, но не журналистика! И кстати, раз уж об этом зашла речь. Почему российский оппозиционный журнал называется The New Times? С 1943 года был «Новым временем», а потом вдруг – The New Times! (Да, я слышал, что англоязычная версия издания когда-то имела аналогичное название, но сейчас-то журнал вроде для русских читателей издается?) При этом несчастного, «неполживого», «привыкшего к качественному телевизору» Бориса Йордана в апреле 2001 года смешивали с грязью именно за то, что он был гражданином США, а не России! Воистину, либеральная палитра двойных стандартов просто неисчерпаема! Если надо – американец становится врагом, если надо – становится другом...

В шесть часов вечера у 17-го подъезда телецентра собралась толпа журналистов. Все они пришли на пресс-конференцию сотрудников НТВ, которые намеревались озвучить свое отношение к состоявшимся ранее Собранию акционеров и Совету директоров телекомпании. Собственно, мы планировали расширить наше же дневное заявление. К приехавшим в Останкино коллегам по цеху и сочувствующим прохожим вышли все, кто не был занят подготовкой вечернего выпуска новостей. И выяснилось, что нам, точно так же как и организаторам выступления

нового руководства НТВ в «Интерфаксе», явно не хватало режиссерских навыков. Конечно, пресс-конференция не митинг и тем более не театральная постановка, но свои реплики мы тогда распределили явно не в том порядке, в каком было нужно.

Пресс-конференция у 17-го подъезда. Справа от меня – Ольга Журавлева и Александр Шашков, слева – Евгений Кириченко и Марианна Максимовская

Первым выступал Григорий Кричевский. Главный редактор информационного вещания телекомпании НТВ – так тогда называлась его должность – говорил верно, но неубедительно. *«Журналисты НТВ эти решения не признают и признавать не будут!»* – начал он, сверяясь с заранее подготовленным текстом выступления. – *«Наши журналисты, мы все, десятки раз – да какой там десятки! – сотни, может, тысячи раз говорили обо всей этой ситуации, которая складывается вокруг НТВ. Мы говорили об этом очень подробно... за более чем год. Мы знакомы с обстановкой очень хорошо... Досконально знакомы с ситуацией... и отчетливо понимаем, что единственная цель всего, что было сделано сегодня на улице Наметкина, это контроль. Причем контроль политический над единственной негосударственной телекомпанией общенационального масштаба».*

Потом говорил я. «Дал диджея», как выражались в таких случаях во времена моей радиожурналистской юности. Я дал даже не диджея, я «дал Явлинского». Вы можете вернуться на несколько страниц назад, чтобы убедиться: я построил свою речь ровно по тем же правилам, что и Явлинский свое выступление на митинге на Пушкинской площади.

«Видите ли, господа... и дамы!» – сказал я, потому что внезапно увидел девушку с микрофоном, которую совершенно затерли коллеги мужского пола. – *«Когда президент в Послании к Федеральному Собранию декларирует приверженность к прописным демократическим истинам и эти каноны нарушаются каждый день, вот это, на мой взгляд, и есть антигосударственная позиция, в которой многие упрекают телекомпанию НТВ».* Это был мой первый тезис. А всего я привел их семь, причем каждый начинался со слова «когда» и заканчивался фразой «это и есть антигосударственная позиция!». Вывод я делал следующий: или у власти в

стране находятся дремучие тупицы, или мы имеем дело с беспардонным нарушением свободы слова.

Конечно, мое выступление стало самым ярким на этом мероприятии, потому что я говорил не как журналист. Я вел себя как самый настоящий политик-популист на настоящем политическом митинге, используя те же приемы воздействия на публику, которые применяют во время избирательных кампаний, например. Иногда я думаю, что мое гиперактивное участие в защите «Гусинского – Киселева» объясняется таившимся глубоко внутри меня азартом. Помните слова Игоря Малашенко, сказанные им еще в 1994 году: «все, что мы делаем, мы делаем азартно»? Возможно, комментируя его заявление в программе «Сегодня», я и заразился этим азартом.

Казино Golden Palace. Я моделирую встречу с политологом Леонидом Радзиховским

Дело в том, что я человек, абсолютно лишенный подобного качества. Я никогда не играл, хотя очень люблю связанные с карточными играми сцены в кинофильмах, любых – от «бондианы» до «Господина оформителя». Когда в конце 1980-х – начале 1990-х в Москве тут и там начали появляться залы игровых автоматов, в которых «Морской бой» сменили «однорукие бандиты», я никогда в них не ходил. Мне там было неинтересно. Точно так же совершенно не трогали меня столичные казино. Некоторое время я проводил закрытые мероприятия в одном из крупнейших игорных домов Москвы, но желание сыграть самому никогда не возникало. Значит, делаю я вывод, мой азарт имел другую природу. Ввязавшись в борьбу по защите НТВ, я, очевидно, потерял способность рассуждать и поступать хладнокровно, превратившись в зависимого человека. Только моя зависимость была не азартом игромана, а чем-то другим.

В подробном изложении нашей пресс-конференции, попавшем в эфир семичасовых новостей, которые вел Михаил Осокин, цитировались еще заявления Константина Точилина, проводившего аналогии с событиями в Чехии в январе 2001 года, когда на митинги в поддержку Общественного чешского телевидения вышли тысячи граждан; Марианны Максимовской, сконцентрировавшейся, как обычно, на теме «Мы – команда!»; и Дмитрия Диброва,

спорившего с некоей дамой: «Мадам! Какие долги? В «Газпроме» давно забыли об этих миллионах!» Сразу после окончания этого материала Михаил Осокин «добавил несколько слов от себя». *«Если завтра исчезнет свобода слова, то затем исчезнет колбаса, потому что свободную эффективную экономику не построят без прав и свобод человека, – заявил он. – А потом исчезнут и начальники, которые все это сделали. Потому что одной части общества не понравится, что исчезла свобода слова, а другим не понравится, что исчезла колбаса. Недовольны будут все. Это может занять годы, но в конечном итоге это произойдет!»*

Пожалуй, наиболее хладнокровный из всех телеведущих страны, Михаил Осокин в столь драматический момент остался верен себе. Но только внешне. Этот выпуск программы «Сегодня» вышел в эфир из 11-й студии, и позади Михаила Глебовича зрители видели трибуны, занятые сотрудниками телекомпании. С каждой минутой их становилось все больше, и к концу программы тех, кто сидел в первых рядах, уже не было видно – их полностью заслоняли ряды коллег, которым пришлось стоять из-за отсутствия мест. Логотип НТВ в левом нижнем углу кадра был перечеркнут красной надписью «Протест».

Подействовала ли эта накаленная атмосфера на ведущего? Безусловно, потому что все тексты, которые Осокин написал для той программы и озвучил в кадре, так или иначе преследовали одну цель: продемонстрировать, как агрессивная тоталитарная машина давит хрупкие ростки демократии. Для этого использовались легкие, почти незаметные подтасовки, вроде заявления о том, что на Собрание акционеров не допускали тех, кто казался «Газпрому» неблагонадежным. Хотя, как мы знаем, Киселев сам не собирался участвовать в «незаконном» мероприятии. Утверждалось о «смазанном впечатлении» от Федерального Послания президента, потому что все западные информационные агентства якобы предпочли обсуждать не речь Путина, а именно скандал вокруг НТВ. Ну и пассаж про свободу и колбасу тоже укладывался в эту технологическую цепочку. У человека, смотревшего тот выпуск «Сегодня», в сознании возникала картина, написанная нужными *нам* красками. Впрочем, НТВ уже довольно давно приучало своих зрителей к палитре определенных цветов.

А что касается колбасы и свободы, то связь между ними вовсе не такая прочная, как говорил Осокин. Человек его уровня эрудиции, конечно, не мог не знать, что, например, «сингапурское экономическое чудо» произошло в условиях незначительного наличия колбасы и тотального уничтожения свободы слова. Создатель одной из наиболее эффективных финансовых систем мира, премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, вытаскивая экономику страны из грандиозного болота, не только не переживал по поводу проблемы свободы слова, не только не поддерживал независимые СМИ, он их вообще все позакрывал к чертовой матери! «В тяжелых кризисных условиях в многоголосице СМИ громче всех должен быть слышен голос государства», – считал он. И что получилось? Колбаса пропала? Или начальники? Я не знаю, едят ли вообще сингапурцы колбасу, я в Юго-Восточной Азии никогда не был. Но то, что в Сингапуре полный порядок с продуктами питания, – факт общеизвестный. Поэтому, когда относительно недавно Ли Куан Ю на девяносто втором году жизни скончался, наши либералы и сторонники рыночной экономики очень расстроились. Говорили о нем много хороших слов. А насчет его отношения к свободе слова, так же как и насчет несменяемости власти в Сингапуре, предпочитали помалкивать. Спрашивается, как же так? Пятьдесят два года человек управлял страной, занимая различные высшие должности. Потом вообще отдал главный пост в стране собственному сыну... Разве это демократия? Молчат. Потому что боятся запутаться в фактах и в своем избирательном подходе к таковым.

С четвертого апреля логотип «Протест» стал главной отличительной чертой вещания нашей телекомпании. На НТВ началась «акция гражданского неповиновения». С эфира были сняты все программы, кроме информационных. Зрители НТВ видели только наши коридоры и редакционные комнаты, в которых общались друг с другом журналисты телекомпании. Видимо, в рамках «акции гражданского неповиновения» все курили прямо в помещениях.

Периодически на экранах появлялась надпись «Журналисты НТВ протестуют против захвата телекомпании», после чего в эфир шла реклама. Все это звучит как абсурд, но так оно и было. Более того! Пустые коридоры редакции и курящие в кадре журналисты давали неплохой рейтинг, и возможно, именно тогда в головах наших продюсеров родилась мысль о запуске реалити-шоу. Вообще, УЖК и так принадлежит сомнительная честь первооткрывателя этого жанра на отечественном телевидении. Я говорю о шоу «За стеклом!», которое осенью появилось на ТВ-6. Но на самом деле первым реалити-шоу следует считать именно «протест НТВ» с его рекламными паузами и развевающимся из окна АСК-1 флагом телекомпании.

Позднее этот флаг стал символизировать не столько несгибаемость членов УЖК, сколько их (то есть – нашу) неразборчивость в средствах. Флаг действительно вывесили в окно мужского туалета. Это объяснялось тем, что на улицу Академика Королева с восьмого этажа НТВ выходил только лифтовый холл (но там окна не открывались), мужской туалет и, по-моему, помещение, которое занимала служба городов – то есть подразделение, отвечавшее за работу корреспондентской сети. Существовало ли окно в этой комнате, я не помню, но раз флаг появился именно в туалете, значит, или окна у «городошников» не было, или они не продемонстрировали необходимой степени гражданской сознательности. Несколько дней флаг, заметно выделявшийся на абсолютно плоской стене телецентра, воодушевлял нас на новые подвиги, первым из которых стало столкновение с Альфредом Кохом непосредственно в редакции НТВ.

Вообще-то Кох обещал прийти к нам в гости вместе с Борисом Йорданом. И прийти обещал уже 4 апреля, сразу после исторических заседаний на улице Наметкина. Почему наша акция протеста началась именно четвертого? Потому что мы в тот день ждали гостей. Но Кох приехал в Останкино только днем 5 апреля. Подробности его прибытия почти повторяли обстоятельства визита на НТВ следователя прокуратуры Ложиса. Только теперь встречать гостя пришлось не Кричевскому, а мне. Я принес для Альфреда Рейнгольдовича бланк пропуска, потому что, повторю, на наш восьмой этаж можно было попасть, только получив разрешение нашей же охраны. Пропуск в сам телецентр Останкино этого права гостю не давал. Покончив с формальностями, я проводил гендиректора «Газпром-Медиа», председателя Совета директоров НТВ в то же самое помещение, в котором пару месяцев назад проходил «допрос» Татьяны Митковой. Там Коха уже поджидала большая группа журналистов телекомпании, которые готовились дать бой хоть и званому, но вовсе не желанному гостю.

Разговора, впрочем, не получилось. Получился феерический базар, в котором, по большому счету, участвовали всего два человека: Кох и Максимовская. Кох уже в самом начале встречи попытался «развести» своих оппонентов:

«А. Кох: *Я сегодня в эфире Венедиктова слушал. Он произнес такой тезис, что если избранное руководство канала легитимно, то надо выполнять его распоряжения. Если руководство, избранное, не легитимно, то не надо выполнять его распоряжения. С этим тезисом есть спор или нет спора?*

М. Максимовская: *Есть. Вы читали совместное заявление журналистов НТВ? Или вы только Венедиктова слушаете? Это позиция журналистского коллектива. Мы не признаем смены руководства. Мы не признаем вас, мы не признаем...*

А. Кох: *Меня и не надо признавать.*

М. Максимовская: *Мы не признаем...*

А. Кох: *Я не нуждаюсь в вашем признании!*

М. Максимовская: *Мы не признаем ни Кулистикова, ни Йордана...»*

И вот в таком духе эта, с позволения сказать, «беседа» и продолжилась. Кох пытался добиться от журналистов ответа на вопрос, намерен ли коллектив работать с легитимно избранным руководством телекомпании? Журналисты же (а вернее, Максимовская) отвергали даже возможность общения по причине несогласия с самим фактом смены руководства телекомпании. С большим трудом, где-то через час после начала спора, в который постепенно стали

вмешиваться и другие находившиеся в комнате люди (Кричевский, Сорокина, Баграев), удалось определить главную болевую точку, так сказать, яблоко раздора. Им оказался Евгений Киселев. Напомню, Совет директоров НТВ оставил его без административных полномочий, лишив должностей генерального директора и главного редактора НТВ. В какой-то момент Коху удалось впихнуть в общий крик следующую формулировку: новое руководство НТВ категорически возражает против генерального директора Киселева. Менеджмент должен быть смелен в любом случае, иначе телекомпанию ждет банкротство! Что касается Киселева – главного редактора, то эту тему «Газпром-Медиа» и Совет директоров НТВ готовы обсуждать. Последовала очередная порция криков «Мы – команда!» и «Не будет Киселева, не будет и нас!», в след за которой сторонам удалось обозначить крайне неустойчивый компромисс:

«Г. Кричевский: *Надо заморозить решение, чтобы компанию не лихорадило. Вы понимаете, когда сюда приходят люди посторонние, когда все это происходит, это видят миллионы зрителей! Я не говорю, что людям стыдно от всего этого становится, что это выглядит, как подводная лодка «Курск», об этом даже не говорю... Когда все это происходит, это надо остановить. Вот есть такое выражение в журналистике: «Надо сбить градус». Сбить градус – это установить мораторий. Во время этого моратория – пожалуйста, давайте обсуждать, я готов с вами разговаривать 24 часа в сутки.*

А. Кох: *Да я-то с вами не готов разговаривать, я с журналистами лучше буду разговаривать.*

Г. Кричевский: *Так я и есть журналист.*

А. Кох: *Да? Не знал.*

М. Максимовская: *Не знали? Мало вы знаете о нашей телекомпании.*

Г. Кричевский: *Ладно, давайте не будем. Давайте разговаривать по-человечески. По-мужски, если хотите.*

А. Кох: *Давайте. Только вести для этого нужно себя по-мужски сначала!*

Г. Кричевский: *Давайте не будем оскорблять здесь пытаться!*

А. Кох: *Я вас не оскорбляю. Я просто с вами не разговариваю.*

М. Максимовская: *А с кем вы разговариваете?*

Г. Кричевский: *Давайте, я вам предлагаю одну вещь. Давайте зафиксируем то, что у нас есть мораторий, и во время этого моратория мы будем обсуждать какие-то проблемы, которые есть у вас и которые, возможно, возникнут у нас.*

А. Кох: *Я еще раз говорю. Первое: вопрос генерального директора я обсуждать не готов. Убежден, что это – полная прерогатива акционеров. Даже если взять тот самый закон о СМИ, то там, насколько я понимаю, прерогатива трудового коллектива – должность главного редактора.*

Г. Кричевский: *Хорошо, вы не готовы. Так вы подумайте, может быть, вы будете готовы через какое-то время?*

А. Кох: *Если вы мне дадите договорить, то я договорю. Теперь, что касается главного редактора. Давайте обсуждать».*

Вот за эту фразу – «давайте обсуждать» – и зацепился Юрий Баграев, один из ведущих адвокатов «Моста», человек, с которым впоследствии я много и с удовольствием общался. В «Мост» Баграев пришел, имея за плечами двадцатипятилетний опыт деятельности в Главной военной прокуратуре, девятнадцать лет из этих двадцати пяти он работал следователем. У каждого из нас были свои резоны, в соответствии с которыми мы вдруг в какой-то момент своей жизни оказывались рядом с Владимиром Гусинским, чтобы потом, опять же руководствуясь своими личными причинами, прервать эти отношения или сохранить их. Во время описываемых событий Юрий Муратович Баграев защищал интересы нашей телекомпании.

«Ю. Баграев: *Мы можем так еще два часа говорить. Вы прекрасно владеете методикой, как уходить в сторону. Это я вам говорю как профессионал. Прекрасно владеете и очень*

четко скользите по плоскости! Вот конкретно ответьте. У вас есть какие-то предложения? Вы можете сказать: давайте, товарищи дорогие, порешаем вот этот, этот и этот вопрос? Или нет? Или что, вы услышали все, у вас сложилось мнение, и вы будете делать все так, как считаете нужным? Это не ультиматум, это в очередной раз – вопрос. Вы очень четко на крыле уходите от ответов. То ли умышленно, то ли, может быть, вы привыкли так работать... Вот конкретный вопрос. Проговорили все, позиции определились. И – что в итоге? В сухом остатке?

А. Кох: *Значит, если меня не будут перебивать – я важную вещь, по-моему, хочу сказать, – то я попытаюсь сформулировать... Слушайте, давайте не изобретать велосипед. Существует абсолютно нормальная процедура решения спорных вопросов. Эта процедура и в Думе используется, и когда между Думой и Советом Федерации происходит конфликт, и трудовые споры между работодателями и наемными работниками: создание согласительной комиссии!»*

«Слава богу! Отлично!» – отозвался кто-то из присутствовавших, и Альфред Рейнгольдович откланялся... Мы же отправились согласовывать кандидатуры своих делегатов, которым предстояло принять участие в завтрашнем заседании.

Глава 15

«Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет. И выйдет из него не дело, только мука». Дедушка Крылов написал эти строчки про нас, членов Уникального журналистского коллектива. Сколь бы громко и часто ни кричала Марианна Максимовская о нерушимости единой «команды Киселева», конечно, никакой команды в реальности не существовало. Были многочисленные группки, собирающиеся в более крупные формирования «по интересам». Кто-то был умнее других, кто-то – расчетливее, кто-то – трусливее. Но даже внутри этих, казалось бы, единых организмов существовали свои предпочтения, свои ограничения, свои стандарты и свои противопоказания. Когда поздним вечером пятого апреля мы засели за составление нашей части списка согласительной комиссии, выяснилось, что даже в нашем коллективе нет единого мнения. Что же тогда удивляться тому финалу, к которому и пришел УЖК? Ведь эти внутренние конфликты с течением времени становились лишь все более ожесточенными.

Киселев вычеркнул фамилию Митковой. Почему он это сделал, я не знаю. Вычеркнул и вычеркнул – видно, у него были какие-то личные на то резоны. А вот почему я тогда не задал ему соответствующего вопроса? Тоже не знаю. Скорее всего, потому что у меня вообще никаких вопросов к Евгению Алексеевичу не было – что, конечно, неправильно. Для осознания этого факта, для понимания самого себя и для оценки роли господина Киселева во всех этих событиях мне понадобилось еще около двух долгих лет. А в то время было некогда. Ведь даже сама договоренность о создании согласительной комиссии была интерпретирована неоднозначно, наметился раскол среди наиболее отъявленных «киселевцев». Поэтому было решено сделать дополнительное заявление, разъясняющее непреклонность нашей «командной» позиции и стремление и дальше ценой собственной жизни отстаивать право Евгения Киселева занимать посты генерального директора и главного редактора НТВ. С гневом отмечая ультиматумы властей, мы сами говорили исключительно на том же языке ультиматумов.

Озвучивать это важное заявление было поручено мне и Косте Точилину. Почему мы снимались на фоне лифтов, я сейчас уже объяснить не могу. Видно, кто-то решил, что так будет более драматично. Я, например, в те дни вообще появлялся в кадре исключительно в рубашке с интригующе закатанными по локоть рукавами. Зачем? Для чего? Не иначе, пытался отпугнуть врагов своими волосатыми руками! Мы с Костей произнесли следующую речь:

«А. Норкин: *Во второй половине дня многие информационные агентства поспешили сообщить о том, что Кох и мы якобы о чем-то договорились. Так вот, доводим до вашего сведения, что позиции, на которых стоял журналистский коллектив до сегодняшней встречи с Кохом, не претерпели ровным счетом никаких изменений. Мы по-прежнему считаем для себя возможным работать только под руководством Евгения Киселева. Мы по-прежнему не считаем законным собрание акционеров, которое прошло в минувший вторник, и назначение Коха, Йордана и Кулистикова нашими руководителями. То, что сегодня Кох пришел в коридоры Останкино и в нашу редакцию, объясняется очень просто: он является представителем акционеров телекомпании НТВ, поэтому не пустить его мы не имели права. А отказываться от разговора в ситуации, когда на сегодняшней пресс-конференции он назвал Евгения Киселева лжецом и трусом, мы сочли малодушным. И поэтому мы предоставили ему возможность высказаться и выслушать нас. То, что говорится о согласительной комиссии, я бы не называл каким-то изменением, повторяю: мы остаемся на своих прежних позициях. Завтра в этой комиссии мы будем говорить то же, что говорили Коху. Потому что у меня большие сомнения в том, что они поняли вообще, какой сегодня был разговор. Я думаю, что Альфред Кох несколько иначе отпарентовал своим начальникам о том, что сегодня здесь происходило. Зав-*

трашнее заседание согласительной комиссии, с нашей точки зрения, будет выполнять одну задачу: мы придем к ним, чтобы развеять их иллюзии.

К. Точилин: *И еще. У некоторых, наверное, создалось ощущение, что завтра мы идем туда вести переговоры о сдаче? Об этом и речи быть не может. Мы в этом абсолютно уверены, потому что у нас есть мощный тыл. Вот он, этот тыл! Это ваши телеграммы, которые приходят!*¹¹

А. Норкин: *Это только маленький кусочек, который вы сейчас видите.*

К. Точилин: *И это только маленький кусочек, который вы сейчас видите, действительно, есть еще электронная почта, есть люди, которые приходили к подъезду нас поддерживать. И нам очень нужна ваша поддержка.*

А. Норкин: *Теперь мы уже можем вам сказать: приходите в субботу сюда, к Останкино, к 12 часам дня. Сейчас сложились условия, когда у нас действительно появилась возможность переломить ситуацию кардинально. Но без вас мы этого сделать не сможем!*

К. Точилин: *Мы не сдаемся, но мы не сдаемся, пока вы с нами. Приходите!»*

Иными словами, мы опять включили «политический режим»: выверенные фразы, постановочные позы и призывы выходить на митинг, чтобы «переломить ситуацию кардинально»! С чего я это взял, объяснить нельзя ничем, кроме моей абсолютной в том уверенности. Вполне естественно, что само заседание согласительной комиссии, состоявшееся 6 апреля в два часа дня в офисе «Медиа-Моста», ни к чему не привело. Оно и не могло ни к чему привести, потому что – тут я оказался совершенно прав – позиции участников не изменились! Диалога не было, снова был базар, особенно с нашей стороны... Короче говоря, главным итогом этой встречи можно считать то, что я впервые смог попасть внутрь нашего легендарного офиса, у дверей которого неоднократно бывал в разных драматических ситуациях. Впрочем, подробно познакомиться с этим небезынтересным зданием мне тогда не удалось, поскольку все наши передвижения в нем были ограничены маршрутом «переговорная – столовая».

В столовую мы, естественно, пришли без «газпромцев». Все-таки это еще был наш офис, и мы пока чувствовали себя хозяевами. Во время обеда нас навестили адвокаты Юрий Баграев и Генри Резник. Генри Маркович – совершенно уникальный человек и специалист, который время от времени принимал участие в разрешении наших проблем, хотя и не являлся кадровым юристом холдинга. Я до сих пор не могу избавиться от ощущения, что в какие-то периоды адвокат Резник в одно и то же время был занят в делах «Гусинский против Березовского» и «Березовский против Гусинского», причем представляя обе стороны сразу!

«Генри Маркович! – обратился к Резнику, отложив в сторону столовые приборы, Дима Дибров. – Как вы думаете, сегодняшний разговор на согласительной комиссии – скорее наша победа или наше поражение?» Резник, боднув головой воздух, чуть выпятил нижнюю губу и произнес: «Видите ли, Дима...» – после чего, не останавливаясь, говорил минут десять. Продолжать обед в такой ситуации казалось неприличным. Мы все прекратили жевать и внимательно слушали нашего гостя, который явно не собирался заканчивать выступление. Коллега Баграев, переминавшийся с ноги на ногу так, будто нестерпимо хотел в туалет, периодически дергал мэтра за рукав пиджака, но Генри Маркович все продолжал и продолжал, хотя мы уже потеряли нить его рассуждений. И вот он, наконец, закончил. «Генри Маркович! – снова произнес Дибров. – А кому вы вот это все сейчас объясняли?»

Вечером того же дня Диброву предстояло провести очередной выпуск «Антропологии», программы, в которую когда-то его пригласил Леонид Парфенов. Если «О, счастливчик!» задавал Диброву-ведущему определенные правила поведения, то в «Антропологии» он являлся полновластным хозяином. И как-то так получилось, что эта передача, гостями которой, как правило, становились российские музыканты, переросла рамки специализированного узко-

¹¹ Речь идет о письмах и телеграммах зрителей со словами поддержки НТВ.

форматного шоу и превратилась в площадку для обсуждения самых интересных, необычных и спорных философских вопросов. Это во многом объяснялось фигурой самого ведущего, поскольку Дмитрий Дибров – в любое время и в любом состоянии – всегда был готов к самому замысловатому диалогу. Когда Дима стал обладателем новой квартиры в районе Арбата, он пригласил нас с Юлькой к себе в гости. Хвастался Дибров всегда очень увлеченно и как-то по-детски трогательно. «Смотри! – кричал он мне, тыкая пальцем в ярко-алую металлическую дверь своего нового жилища, – эта дверь сделана по эскизу самого Энцо Феррари!» «Ну, не знаю, Дим, – отвечал я, – по-моему, это больше похоже на дверь холодильника!» Спорить с Дибровым или обижаться на него (хотя он вполне мог дать повод для этого) было совершенно невозможно. В тот праздничный вечер новоселья мы здорово напились какой-то уникальной водкой, поставляемой в Москву «казахьей» родней хозяина. «Давайте же поговорим об эзотерике!» – призвал Димка, после чего мирно уснул прямо на кухне...

Так вот, очередной выпуск «Антропологии» – 6 апреля 2001 года – стал, на мой взгляд, самой искренней передачей телекомпании НТВ за всю ее историю. Это, повторю, мое мнение. В те дни наша телекомпания жила по каким-то непостижимым уму и неподвластным общепринятым правилам своим собственным законам. Это были законы, диктуемые сердцем. Мы выходили в эфир, когда хотели и с чем хотели. Мы рассказывали о себе, объясняли, оправдывались, ругались, клеймили предателей и обвиняли врагов, боялись и храбрились, проклинали и клялись в вечной любви. Хорошо ли и правильно ли все это было – вопросы другого порядка.

В студии у Диброва в начале программы присутствовали Оксана Пушкина, Елизавета Листова, Константин Точилин, Виктор Шендерович и Ашот Насибов. Разговор стартовал со слов благодарности зрителям за поддержку, со сравнения всех событий вокруг НТВ с романом Оруэлла «1984», но очень быстро вернулся к нам, членам Уникального журналистского коллектива, которые, как вдруг оказалось, были не такими уж и уникальными. И чем дольше шла в эфире эта «Антропология», тем отчетливее становилась картина нашей внутренней растерянности. Становилось видно, что наша «команда Киселева» на самом деле объединена непониманием того, что и почему происходит, объединена страхом за свое будущее, объединена болью и обидой на весь окружающий мир. Первой свои сомнения в нашей коллективной непогрешимости озвучила Оксана Пушкина. *«Мы сегодня, как в плохом разводе. На самом деле я призываю всех коллег... Я посмотрела «Глас народа», многих просто не узнала в этот момент – ни Венедиктова, ни Свету (Сорокину – А. Н.). Нам надо подбирать слова, нам надо поменять тон, чтобы нас услышали наши оппоненты. Некоторые моменты смешны, хотя мы отстаиваем серьезное дело».*

Пушкину шутливо поддержал Дибров, ввернувший, что, мол, конечно, «Кох, Йордан и Кулиستиков – люди чрезвычайно достойные, каждый в своем аспекте, просто их бес попутал». Мысль продолжил Шендерович, сказавший, что мы уже год *«находимся в тяжелой ситуации людей, которые вынуждены в эфире говорить о себе, защищать себя. И нерв, который возникает, – это, конечно же, нерв неправильный, и срыв, который возникает, – чудовищный».* *«Мы действительно делаем иногда колоссальные ошибки, и эти ошибки серьезные, они нам наносят ущерб»*, – сказал Шендерович, но затем сделал неожиданный вывод: эти ошибки потому серьезны, что нам противостоят профессиональные переговорщики, которые провоцируют нас, заставляя терять лицо. *«Когда мы теряем лицо, мы теряем все»*, – резюмировал Шендерович. В спор вступил Точилин: *«Я тебе объясню, почему мы теряем лицо. Хочешь, объясню почему? Объясняю. Слово «хамство», которое я намерен использовать в дальнейшем своем диалоге, не имеет никакой эмоциональной окраски. Это характеристика образа поведения и не нацелена на оскорбление чьего-либо достоинства!»* *«Это в Уголовном кодексе такая формулировка»*, – добавила Листова.

Не знаю, куда бы завел этот разговор всех его участников – а к ним присоединился еще и Алим Юсупов, – если бы не «бомба», которую взорвал Ашот Насибов. Я, как и многие дру-

гие сотрудники НТВ, наблюдал за происходящим из студийной аппаратной. Многие из нас тогда практически жили в Останкино, уезжая домой только под утро. То, что сообщил Ашот, для всех оказалось шоком. *«У меня в руках бумага, которая озаглавлена: «Открытое письмо Киселеву». В этой бумаге Леонид Парфенов заявляет, что уходит с канала НТВ. Он говорит, что на телевидении ему уходит некуда. «Ухожу в никуда». Завтра это письмо будет опубликовано, и из него вы сможете узнать все мотивации»,* – сказал Насибов. Последовала немая сцена, во время которой собравшиеся в студии передавали друг другу листок с этим ужасным сообщением: от нас уходит Парфенов. Парфенов! Человек, без которого НТВ не может существовать точно так же, как оно не может существовать без Киселева!

Шендерович первым взял себя в руки и постарался связно выразить обуревавшие его чувства. *«Мы не успели прочитать это письмо. Значит, что там, я просто догадываюсь. (...) Что важно в мотивации Лени? Главное – Киселеву: авторитарность управления Киселева телекомпанией в эти дни, что он не допускает каких-то демократических процедур». «Ленька пишет со свойственной ему изысканностью, точнее. Он пишет, что на НТВ нет ни свободы, ни слов»,* – возразил Дибров Шендеровичу. *«Я думаю, это такое сильное полемическое преувеличение,* – ответил Виктор. *– Как во всякое военное время – мера свободы понижается. Последние дни Киселев ведет себя как военачальник и полководец. Принимаются решения авторитарно, самостоятельно. Это может раздражать. (...) Мы все ругаемся друг с другом и с ним. Но ругаемся как нормальные люди. Мы все хотим как лучше. Представление о лучшем у всех может быть разное. В чем я не согласен с Леной? Соглашаясь по частностям со всем, что он там пишет, я не согласен в том, что есть вещи более или менее важные. Есть время для каждого поступка. А с моей точки зрения, личные руководящие недостатки Евгения Киселева – это сугубая, частная, внутренняя, профессиональная мелочь по сравнению с тем, что может нас всех ожидать».*

Ашот Насибов, подчеркнув, что пока никто не слышал пояснений самого Парфенова, сказал, что в этой ситуации необходимо уважать право выбора. Потому что сейчас настало время, когда каждый решает сам, как себя вести. И ни хвалить, ни осуждать кого бы то ни было сейчас нельзя. Затем слово взяла Елизавета Листова, попросившая не обсуждать поступок Парфенова. Она говорила о том, что пришла на НТВ именно в программу «Намедни» и что узнала об уходе Парфенова не от него, а из озвученного Ашотом письма. Она говорила о самом Леониде Парфенове и о том, что, если бы на НТВ на самом деле существовала некая диктатура, он, Парфенов, просто не имел бы возможности сделать то, что сделал.

А потом в студию вошел... Леонид Парфенов. И я считаю единственно правильным дать последующий разговор целиком, с небольшими стилистическими сокращениями. Ни один драматург не смог бы придумать этот текст! Ни один режиссер не смог бы поставить эту сцену! Все, что тогда говорилось в эфире «Антропологии», выплескивалось из нас, как кровь, пот и слезы! Это были публичные похороны Уникального журналистского коллектива. В прямом эфире рушился миф, который так долго подпитывал нашу неоправданно завышенную самооценку.

«Л. Парфенов: *Я незваным гостем. Мне просто позвонили. Я не оценил. Я послал сегодня письмо в «Коммерсантъ». Это была достаточно спонтанная вещь. Я просто понял, что больше не могу. Я не стал подписывать обращение к президенту России. Ушел, понимая, что могу сидеть на двенадцатом этаже и клеить серию про Александра I¹². Я не хочу больше быть небожителем. В конце концов, к моей репутации есть что добавить, чтобы хоть на человека быть похожим. Я понял, что не подписал этого потому, что не хочу этого подписывать. Ушел к себе и могу отсидеться, потому что там будет двести пятьдесят четыре*

¹² Имеется в виду шестнадцатисерийный документальный цикл Л. Парфенова «Российская империя». Серия «Александр I» вышла в эфир 13 и 14 июня 2001 года.

подписи и мою там не заметят. Я понял, что это уже какое-то раздвоение. Вот и все. Я решил, что с этим надо порвать. Кроме того, я чувствую какую-то моральную ответственность за людей, которые приходили из-за меня, в связи со мной, ко мне и т. д. Поэтому я это написал. Потому что я считаю, что то, что происходит, – абсолютный беспредел! Мы потеряли смысл и цель, потому что сами – и смысл, и цель – изменили. Это отвратительно и по форме, и по содержанию! Это коллективное камлание, какие-то шаманские стояния в корреспондентской! Я говорю о своем мнении. И это накладывает огромную ответственность на Евгения Алексеевича Киселева. Не знаю, осознает ли он ее и интересна ли она ему вообще? Потому что большинство людей приходили сюда девятнадцатилетними, они не знали никакой другой работы, они никогда нигде не уходили, они были связаны с этим пуповиной. Компания была поставлена вот таким вот образом, заточенным, когда все стекается сюда, в «Итоги»! Оторвать эту пуповину они не могут, они не представляют себе другой жизни. И реализовать себя в другом не могут, только коллективным псевдонимом «корреспондент информационной службы НТВ», сбившись, как маленькие птенчики, как пингвинята. А так нельзя. Люди – заложники, они не могут принимать самостоятельных решений! Ни из-за чего, не из-за денег, а из-за моральных обязательств, прежде всего. Я не могу этого не говорить. Я действительно ушел в никуда. Я принимаю решение, глядя на то, что происходит. Я говорю о своей оценке происходящего. Я говорю только про себя. Не надо передергивать, Костя! Если твой сюжет вчерашний является журналистикой, то мне нужно найти себе другую профессию, если журналистика такова. Это невозможно, это нестерпимо. Вот я и не стерпел.

О. Пушкина: Мне кажется, что свобода слова заключается в том, что мы должны быть ответственны. Не надо устраивать базар. Мы смеешны. Я понимаю, где была эта последняя капля. Не надо устраивать базар, а это базар.

Л. Парфенов: Я не знаю, где была эта последняя капля. А кто устраивает базар? Оксана, ты же не ходишь на восьмой этаж и не знаешь, что там происходит.

О. Пушкина: Не хожу.

Е. Листова: Вы так кричите, вы печетесь о нашем эфире, и что мы в результате в этом эфире наблюдаем? Это немногим отличается от того, отчего вы отсюда уходите!

Л. Парфенов: Я не знаю формата.

А. Норкин: Я решил из аппаратной с вами поговорить. Леня, вот знаешь, мы все тут сидим и смотрим программу. Ребята, когда им дали письмо, сразу сказали: мы его обсуждать не будем, искать какие-то объяснения этому факту. Мы договаривались, что каждый из нас будет сам принимать решение и каждый из нас это решение будет принимать так, как хочет. Стилль не очень удачный, я не пушкинист... Ты ушел в никуда, зачем ты пришел сюда?

Л. Парфенов: А мне позвонили и сказали, что это обсуждают и про это говорят. Мне сказали, что как-то косвенно заступается Лиза.

А. Норкин: А вам, простите, кто позвонил?

Л. Парфенов: Жена.

А. Норкин: Как долго ты еще намерен этот вопрос обсуждать? То, что у нас сейчас происходит в эфире, такого никогда не было, ни на каком телевидении. Может, мы с ребятами смогли бы поговорить о чем-нибудь еще?

Л. Парфенов: Ради бога!

Д. Дибров: Нет, надо сказать, что Леня поступил очень мужественно, что пришел.

Л. Парфенов: Это был «Глас свыше». Стоит ли поговорить о чем-то другом в чужой программе?

А. Насибов: А мы не хотели вообще высказываться по этому поводу до тех пор, пока не услышим Леню.

Е. Листова: Мы получили это письмо и решили, что должны сообщить о нем первыми.

Л. Парфенов: Я не знал, что автоматом выходит интернет-версия «Коммерсанта»...

Е. Листова: Ты должен это знать, ты там теперь работаешь!

Л. Парфенов: Я рассчитывал, что это будет завтра и что я не буду чувствовать себя неловко. На митинг, с одной стороны, пришел, а внутренне не согласен. А отсидеться я тоже не мог, потому что тогда сначала сдай удостоверение...

К. Точилин: А ты пойдешь завтра на митинг?

Л. Парфенов: Теперь – нет.

В. Шендерович: «Комментировать – не комментировать» – это был главный вопрос. Если бы ты мне сказал или кому-то до официального объявления, это было бы незтично. Поскольку был текст, и текст по стилю – это ты, я понимал...

Л. Парфенов: Я никогда не писал чужого и не читал даже.

В. Шендерович: Нет, нет. Я прочел и понял, что это не ошибка, не чья-то плохая шутка, что это ты я понял по стилю. Это не преступление. Я хочу, поскольку это предано гласности, сказать о своем отношении к этому, если тебе интересно и хочется услышать. Отношение такое. По изложенным фактам – правда? Правда. Я не говорю об оценках. Тоталитарное управление в компании – правда? Правда. По частностям: на девяносто процентов с тобой согласен! Не согласен только в одном: я уже об этом говорил за глаза, хочу сказать в глаза. Ты сказал, что мы подменяем, не помним уже целей. Ты не должен говорить обо всех. Я думаю, что среди тех, кто остается в телекомпании, есть люди достаточно тонкие, чтобы чувствовать те стилистические разногласия, о которых говоришь ты. Есть люди достаточно тонкие, чтобы от этого страдать, чтобы с этим не соглашаться, чтобы думать, что делать в этой ситуации. Тем не менее, если бы ты это написал в мемуарах...

Л. Парфенов: Это было бы свинством; что я тогда вот так вот думал, но через десять лет пришло время говорить...

Д. Дибров: Ты говоришь с предателем, это надо наконец сказать! Пингвины вокруг тебя, Ленья? Нет, ты сказал! Масюк тебе – пингвины?! Юсупов тебе – пингвины?! Ах, тебе не нравится, что твоя фамилия затерялась среди наших подписей, а о том, что ты предаешь дело свободы слова в России, об этом ты подумал? Ты предатель, как ты не поймешь?!

Л. Парфенов: Ты всерьез сейчас это?

Д. Дибров: Ты же понимаешь, с кем мы боремся, Ленья!

Л. Парфенов: Тебе в «Кащенко» давно пора!

Е. Листова: Можно вопрос задать господину Диброву и господину Парфенову? Мы... последние дни живем... кишками наружу. Все видели наши коридоры, все видели, что творится в наших аппаратных, теперь вы это... Можно расценивать как телесериал. Надо постараться найти в себе силы и посмотреть на это отстраненно. У меня вопрос к Лене, который безупречен по части стиля: то, что сейчас происходит, это нормально? Можно что-то оставить себе самим и не выносить на обсуждение?

Л. Парфенов: Я поступил напрасно, вернувшись сюда, ехал бы в машине и ехал... Может быть, не знаю, как я это писал. Просто потому, что я это так чувствую и что не могу, это какая-то измена себе! Мне сказали, что ты косвенно меня защищаешь...

Д. Дибров: Не было никакой защиты!

Л. Парфенов: Спокойно, спокойно. Я посчитал нужным вернуться, и напрасно.

Е. Листова: Мне не от кого было тебя защищать. Я хочу сказать, что бы ты ни написал, я думаю, мне хочется верить, что мы тут – компания свободных людей и тебе вольно поступать так, как считаешь нужным...

Л. Парфенов: Вот скажи, ты (Дибров. – А. Н.) сейчас так пламенно кричал, я не понимаю, как это можно делать в камерной студии? Объясни мне, пожалуйста. Вот ты сейчас, с тремя восклицательными знаками, считаешь, что так произносятся понятия «свобода слова», «борьба», «предатель»? Три восклицательных знака должно стоять?

Д. Дибров: Да!!!

В. Шендерович: Я вас прошу, это самое важное. Самое важное из того, что у нас накопело. Давайте без ерничества, без подколов, без трех восклицательных взглядов.

Д. Дибров: Мы все любим Лёню! Я ему обязан чрезвычайно хотя бы тем, что Лёня привел меня сюда, и я хотел, чтобы Лёня пришел сюда, и лишний раз убедиться в мужестве друга, чтобы услышать эти объяснения.

Л. Парфенов: Это разговор на двоих. Когда ты мне позвонил, мы закончили на истории моего добровольного «непоявления» до написания этого моего письма и с моим появлением сейчас. Ты мне позвонил, я тебе сказал, что нет никаких больше сил и мне не хочется. Ты сам сказал, что когда не хочется, но вот – надо! Ты назвал это онанизмом, я употребил более благородное слово. Вот и все, и только. Нечего мне больше сказать. Человек не может находиться в истерике четверо суток.

А. Юсупов: Я принимаю твоё видение. Ты – айсберг!.. Ну дай мне сказать... Ты человек, который сделал для новаторского телевидения больше, чем все телевизионные академики. Это твоё право, твоё решение – уйти. Но единственное, что меня во всей этой истории расстраивает, я не перестану тебя уважать, несмотря, на мой взгляд, на чересчур выпяченный стиль твоего письма.

Л. Парфенов: Я торопился, это самый неряшливый мой комментарий.

А. Юсупов: Единственное, что меня в этом смущает. Ты говоришь о башне из слоновой кости, но ты в другой башне из слоновой кости, и всегда в ней сидел, и не обязательно было из нее выглядывать, чтобы кричать об этом. Что «я сижу в башне из слоновой кости» – это единственное, что меня смущает.

Л. Парфенов: Это моя самооценка. Мне казалось, что это я сейчас опять выбираю из возможности уйти с восьмого этажа на двенадцатый, где моя комната.

Д. Дибров: Нам надо зарабатывать деньги в нашей тоталитарной компании! Затем, чтобы несуществующую свободу слова дурными методами отстаивать. Лёнь, хочешь что-нибудь сказать напоследок? Это будут твои последние слова на НТВ...

Л. Парфенов: Давай обойдемся без такого вот драматизма...

Д. Дибров: Лёня уходит, а мы уходим на рекламу!»

Вот так... По иронии судьбы, Леонид Парфенов проработает в телекомпании НТВ еще несколько лет, а вот практически последние слова на НТВ в тот вечер были сказаны именно Дибровым!

Много лет спустя после этого душераздирающего эфира я встретился с Леонидом Парфеновым. Мы несколько раз пересекались с ним в радиопрограммах, он давал мне интервью, но летом, если не ошибаюсь, 2012 года мы вместе с ним оказались в Петербурге, на торжественной церемонии «Коммерсантъ года», которую в Михайловском театре проводил издательский дом «Коммерсантъ». Лёня был ведущим церемонии, а я – соведущим, работавшим в импровизированной радиостудии. Так вот, я подошел тогда к Парфенову и извинился за свое поведение во время той «Антропологии». «Ты о чем это?» – Парфенов сделал вид, что не понял меня. Я напомнил ему подробности передачи, то, как он появился в студии, как я вышел в эфир прямо из аппаратной... «Ах, это... Да ерунда, это совершенно не стоит извинений!» – сказал он. «Возможно. Но сейчас я понимаю, что был неправ в той ситуации, и поэтому приношу тебе свои извинения. Для меня важно, чтобы ты просто об этом знал!» – ответил я.

Лирическое отступление: Открытые письма

Здесь совершенно необходимо сделать еще одно отступление. Скандальный выпуск «Антропологии», который я только что подробно анализировал, привнес в технологию ведения информационных войн еще один новый и очень интересный инструмент. Не следует забывать, что главными героями непридуманной истории моей информационной войны являются журналисты или люди, тесно связанные с журналистикой. В царившей тогда атмосфере непрекращающегося многоголосия и тотального словоблудия парадоксальным образом присутствовала недосказанность. Невозможность выразить спокойно и внятно то, что ты думаешь. Выплеснуть свои мысли на бумагу. Письмо Леонида Парфенова стало первым в целой цепочке крайне интересных и поучительных заявлений, оформленных в жанре «открытого письма». Это был скоротечный, но ярчайший феномен, повторения которого в последующие годы я что-то не припомню.

Письмо Парфенова, как и было объявлено в эфире НТВ, появилось в субботнем номере газеты «Коммерсантъ» от 7 апреля 2001 года. Привожу текст полностью.

*«Открытое письмо Леонида Парфенова
генеральному директору НТВ Евгению Киселеву.*

Женя, мне лучше обратиться письменно, к тому же я сорвал голос, споря с Максимовской еще 3 апреля. Я не могу более находиться в положении человека, за которого принимают решения. То, как ты назначил членов согласительной комиссии, последний раз я видел подобную процедуру при избрании членов партбюро. К твоему списку Сорокина предложила Миткову, ты ответил: «Не стоит».

Впервые за восемь лет НТВ на предложение взять куда-либо этого человека отвечено отказом, да еще и в присутствии Тани. Ребята-корреспонденты стерпели, и, значит, нет шансов дожидаться их скорого повзросления. У меня не остается другого выхода. Мне даже не интересно, по приказу ли ты, уходя, сжигаешь деревню до последнего дома или действуешь самостоятельно. Ты добиваешься, чтобы «маски-шоу» случились у нас в «Останкино», ты всеми средствами это провоцируешь. Ты держишь людей за тушечное мясо, пацаны у тебя в заложниках, потому что не знают другой жизни, кроме как быть привязанными пуповиной к «Итогам», и значит, то, что делаешь ты, – это растление малолетних.

На нашем восьмом этаже, из окон которого развевается флаг НТВ, нет уже ни свободы, ни слова. Я не в силах больше слушать твои богослужения в корреспондентской комнате – эти десятиминутки ненависти, – а не ходить на них, пока не уволюсь, я не могу.

Считай это заявлением об уходе, формальную бумагу пришлю по факсу. На телевидении мне уходить некуда: ухожу в никуда. Комментарии по поводу этого обращения я готов дать только в эфире родного канала НТВ.

Леонид Парфенов».

Комментарии «в эфире родного канала НТВ» Леонид Геннадьевич, как известно, дал. Причем комментарии настолько подробные, что те, кто смотрел в пятницу «Антропологию», из самого письма Парфенова, опубликованного в субботу, ничего нового не узнали. Разве что бросался в глаза жесткий пассаж про «растление малолетних». Но оказалось, что Парфенов открыл «ящик Пандоры», и увлечение «открытыми письмами» приобрело масштаб эпидемии. Первым откликнулся Альфред Кох.

То, что Кох – блестящий полемист, пусть и не без хамских замашек, было известно. В своем ответном письме, адресованном, правда, не самому Парфенову, а всему коллективу НТВ, председатель Совета директоров телекомпании продемонстрировал незаурядный публи-

цистический талант. Сейчас, когда Альфред Кох проживает в Германии¹³, этот его дар уже не настолько ярок. Альфред Рейнгольдович явно пребывает в состоянии когнитивного диссонанса, то фотографируясь на фоне могилы Степана Бандеры, то обзывая сторонников этого самого Бандеры «свиньями». Но этот постпарфеновский текст заслуживает нашего внимания, ибо в нем Кох в очередной раз постарался донести до членов УЖК то, что масштаб катастрофичности происходящих вокруг телекомпании НТВ событий серьезно преувеличен. К сожалению, начав за здоровье, кончил господин Кох за упокой, свалившись в присущее ему цинично-оскорбительное похлопывание коллективного собеседника по плечу. Орфография и пунктуация автора сохранены.

«Письмо Альфреда Коха к НТВ.

Уважаемые НТВшники!

Я пришел вечером на работу после «Гласа народа». Весь искурился и пил кофе. Потом начался Дибров, и я стал смотреть. Там я узнал, что Парфенов ушел. Нет нужды говорить, какой он талантливый. Вы сами это знаете. Я ночью долго думал над его уходом. Мне не давал покоя вопрос, почему он ушел первым. Теперь я знаю ответ. Я чувствовал это раньше, и поэтому и ввязался в это дело. Теперь Парфенов сказал, то, что я просто чувствовал.

Понимаете, есть вещи, которые обычные люди, которыми являемся мы с Вами, понимают только в результате их логического осмысления, осознания и т. п. Парфенов устроен иначе. У него огромный вкус и чувство стиля. Я думаю, его просто корезило. Он просто физически не мог выносить того, что Вы делаете в последние несколько дней. Вы произносите столько правильных слов. Делаете чеканные профили и одеваете тоги. Вы – борцы. Вы все уже из мрамора. Ваши имена войдут в историю, или, виноват, в анналы (так, кажется, по стилю лучше). А он не мог уже на это смотреть.

Вы поймите. Еще до того, как Вы и все остальные поймут, что никакой борьбы нет. Поймут, что с Вами никто не борется. Дойдет, наконец, что с Вами хотят диалога. Что мы все мучительно думаем, как Вам выйти из этой ситуации, сохранив лицо. Еще до всего этого он уже чувствовал дурновкусие. Правильная и справедливая борьба не может быть стилистически позорной. У Вас пропал стиль. Это начало конца. Этот ложный пафос. Эта фальшивая пассионарность. Это фортиссимо. Надрыв. Это все – стилистически беспомощно. Флаг из туалета. Преданные мальчики. Огненьяшайший Киселев – дельфийский оракул. Ночные посиделки. Неужели Вы этого не видите? Я понимаю, почему этого не видит Киселев, Кричевский и Максимовская. Я не понимаю, почему этого не видит Шендерович, Пушкина и Сорокина. Это просто плохо. Плохо по исполнению. Это бездарно. Бетховен, сыгранный на балалайке – это не Бетховен. Какая гадость, эта Ваша заливная рыба. Киселев на операторской лестничке, произносящий гневную филиппику лоснящимися от фуа гра губами. Визг. Как железом по стеклу. Пупырышки. Я это чувствую. А Вы? Прекратите. Не получилось; не верю. Это должен быть либо другой театр, либо другая пьеса, либо другие актеры. Звонит Новодворская: «Альфред, а что Киселев не знает, что вы – антисоветчик?» Нет, не знает. Не хочет знать. Тернер. Дайте Тернера. Хочу Тернера. На, Тернера. Не хочу Тернера. Что хочешь? Свобода слова. На свободу. Не хочу, не верю. Я хочу штурма. Может, меня наградят... Посмертно. Шендерович! Ау! Не чувствуете? Весь в бежевом. Снова в бежевом. Теперь – габардиновый. Улыбается. Думает. Идет по Красной площади. Любить и пилить. Отдыхать. Пушкина! Ау! Не отворачивайтесь. Не затыкайте нос. Нюхайте. Это Ваше, родное.

Губы дрожат. Громко. Да или нет. Нет, вы мне ответьте – да или нет. Аaaa! Не можете. Вот мы вас и поймали. Уголовное дело, кажется. Мы Вас выведем на чистую воду. Сорокина! Слушать. Не затыкать уши. Терни.

¹³ В России в отношении А. Коха возбуждено уголовное дело по обвинению в контрабанде.

*Как говорил Остап Бендер: «Грустно, девушки».
Надо взрослеть. Надо стать. Надо проветрить. Проветрить. Помыть полы. Отдохнуть.
Своим враньем вы оскорбляете мой разум.
Альфред Кох».*

По общему мнению, одна фраза из этого письма Коха действительно «вошла в анналы истории». «Киселев с лоснящимися от фуа гра губами» – этот портрет преследовал Евгения Алексеевича все последующие годы работы с членами УЖК и его остатками. Очевидно, что автор текста преследовал лишь одну цель – спровоцировать ответную реакцию, и чем более жесткую и откровенную, тем лучше. Поэтому его обращение, выглядевшее поначалу как вполне адекватная попытка наладить общение, уже в середине превратилось в злобную пародию, спекулирующую на именах и привычках.

Повелся на коховскую провокацию Виктор Шендерович, что было абсолютно предсказуемо. Во-первых, Шендерович к этому времени уже не отделял собственную персону от телекомпании, поэтому воспринимал все, сказанное против НТВ, как личный выпад. Это, кстати, довольно распространенная особенность представителей творческой среды. Многие не умеют отсеивать частное и общее, видят только самих себя, любимых, в любом событии при любых обстоятельствах. Например, некоторые медийные персонажи, которых я упоминал в своем выступлении по поводу телеканала «Дождь», тоже почувствовали себя глубоко оскорбленными лично. Это называется гордыней. О чем бы ни шла речь, вдруг откуда-то вылезают ушки того или иного особо оскорбленного звездного индивидуума. В случае с Шендеровичем так и произошло. Он решил ответить на коховское «ау!», адресованное якобы ему лично, хотя тремя строчками ниже Кох такое же «ау» посылал и Оксане Пушкиной. Вероятно, Виктор Анатольевич, увидев в тексте свою фамилию, бросил чтение и сразу засел за написание ответа.

Ну и, во-вторых, как человек очевидно самолюбивый, Шендерович не мог допустить, чтобы кто-то писал остроумнее, чем он сам. На мой взгляд, в этом раунде схватки Шендерович Коха, конечно, победил. Хотя и не нокаутом, а по очкам. Опять же – сохраняю стилистику автора.

*«Совсем открытое письмо
Виктора Шендеровича Альфреду Коху.*

Уважаемый господин Кох! Только что прочел в Интернете Ваше обращение к энтэвэшникам. Написано замечательно. Образно, с прожилками постмодернизма, с тонко продуманной неряшливостью стиля.

Давешнее письмо Леонида Парфенова тоже было написано блестяще. Вообще со стилем у вас всех – сложилось. Тонкие, интеллигентные люди с огромным вкусом. А у Киселева с Максимовской со вкусом не сложилось. Срывы в пафос, перебор громкости, злоупотребление риторикой. Слышу не хуже вашего. И Сорокина слышит, уверяю вас. И миллионы телезрителей тоже. Но не буду про «миллионы телезрителей» – этот штамп может ранить Вашу нежную душу. Буду говорить только от своего имени, благо именно мне Вы адресовали свое «ау». Попробую откликнуться.

Видите ли, я, наверное, не такой тонкий человек, как Леонид Парфенов, и не могу позволить себе перейти на сторону неприятеля из-за эстетических расхождений с главнокомандующим. И его нравственное несовершенство я не считаю достаточным поводом для того, чтобы начать стрелять по своим.

Его губы лоснятся от «фуа гра», он весь в бежевом, сытый барин, а туда же, о свободе слова говорит. Лжет, наверное, раз губы лоснятся. Не факт. Некрасов в перерыве между поэмами крестьян в карты проигрывал – значит ли это, что он был демагог? А если даже

и был – значит ли это, что надо сворачивать борьбу с крепостничеством? Вас раздражает наше дурновкусие, фортиссимо наше не нравится. Стасов, понимаешь.

Умерьте ваши эстетические претензии к нам, г-н Кох. Не в эстетике дело. Все проще гораздо.

Невдалеке от Вашей образованной головы с 1997 года порхают и кружатся несколько уголовных статей УК РФ, и разрушение оппозиционной телекомпании – условие, при выполнении которого власть согласилась не вспоминать более о том досадном эпизоде. Вас взяли за яйца, г-н Кох, позвольте сказать Вам это без лишней эстетики.

С помощью судей, которых взяли за те же места, вы выиграли все суды и теперь гарантируете нам свободу слова. У нас плохо со вкусом, г-н Кох, но мы не дебилы. И мы знаем, что будет, когда (или «если») Вы придете к реальной власти на НТВ. Вам дадут сохранить лицо. Цензуры не будет, эффективный менеджмент, ни одного крупного увольнения. Месяца два-три. А потом Родина позовет Вас еще на какой-нибудь трудный участок, а на Ваше место придет человек без публичных обязательств, но тоже заземленный органами (или «с заземленными органами» – как правильнее?), и быстренько все тут доломает, как ему скажут. То есть абсолютно в рамках закона. После чего Вы останетесь со своим чистым лицом и изящным вкусом, а Россия – без НТВ. Мы понимаем это. Поэтому будем, сколько возможно, поддерживать нынешнее руководство канала.

Альфред Рейнгольдович! История, как Вы, наверное, знаете – штука парадоксальная. Она использует в интересах прогресса личные (иногда даже корыстные) интересы своих персонажей. Граф Мирабо, например, одно время возглавлял Великую французскую революцию. Два члена Политбюро на пару разваливали коммунизм. А Евгений Киселев в дорогом бежевом костюме, сытый и излишне пафосный, обеспечивает сегодня возможность миллионам граждан узнать правду о своей стране. А мой друг – милый, тонкий, элитарный и бесконечно талантливый Леня Парфенов – с большим эстетическим мастерством наложил третьего дня большую кучу дерьма. Так тоже бывает. А насчет нашего дурновкусия Вы, конечно, правы. Это случается. Обещаю Вам поговорить с трудовым коллективом.

Мы будем работать над собой, будем совершенствоваться в профессии, чтобы бороться с Вами и теми, кто Вас нанял, не оскорбляя Ваших эстетических чувств. Надеюсь, я откликнулся на Ваше «ау», г-н Кох.

Виктор Шендерович».

Легко заметить, что и письмо Шендеровича тоже распадается как минимум на две части. Начав с легкого, кружевного стилистического порхания, он вдруг переходит к прямолинейным утверждениям, из-за чего вся прелесть его ответа куда-то улечучивается. «Совершенно открытое письмо» превращается в набор банальностей. Мол, знаем мы, почему вы все это делаете! Знаем мы и то, к чему приведет эта ваша деятельность! А Киселев обеспечивает возможность знать правду! А Парфенов наложил кучу дерьма! Но все это, говоря языком самого Виктора Анатольевича, «сильные полемические преувеличения». По большому счету первый акт переписки «Кох – Шендерович» (а этот роман продолжался еще довольно долго) оказался постмодернистской безделицей. Чего никак нельзя сказать о следующих открытых письмах, появившихся за подписями людей, гораздо менее склонных играть словами.

*«Открытое письмо Евгения Киселева
Леониду Парфенову.*

Леонид! Не смог подобрать слово для обращения, хотя привычное «дорогой» подошло бы во всех смыслах, ведь мы как телекомпания дорожили тобой и твоими очень дорогими проектами, а я лично дорожил твоим, как мне казалось, искренне добрым отношением ко мне. Выясняется, что я ошибался.

Скажу откровенно, я принял бы твою позицию как безукоризненную и поверил бы в то, что у тебя не было решительно никакого способа общения со мной, кроме как через газету «Коммерсант», если бы не видел тебя много раз утром, днем и вечером в коридорах редакции.

Я бы принял чистоту твоей позиции и поверил, что ты не можешь говорить со мной, потому что сорвал голос в спорах, если бы не увидел тебя в тот же вечер в прямом эфире «Антропологии», без всякого труда разговаривающим с нашими коллегами. И кстати, даже если ты действительно сорвал голос в спорах, значит споры до хрипоты у нас в НТВ были, что как-то облегчает мою авторитарную участь.

Несколько дней назад на общем собрании журналистов НТВ ты тоже голосовал за мое избрание главным редактором телекомпании – и я считал, что получил и от тебя вотум доверия, право самому в нынешней сложной ситуации принимать быстрые решения, не собирая каждые пять минут сотни наших сотрудников. Впрочем, тебе ведь не нравятся и общие собрания, не правда ли? Слишком громко, слишком часто приходится слышать мнения, не совпадающие с твоими...

Я бы принял твою позицию, если бы не знал, не видел своими глазами, как суетливо ты стал вести себя с того момента, как тебя пригласили в состав Совета директоров НТВ «по версии «Газпрома», как путано ты объяснял свое отношение к этому приглашению и как откровенно тебе не хотелось от него отказываться. Ты пытался уговорить журналистов НТВ рассматривать тебя в качестве их делегата, но безуспешно, коллеги сказали – нет.

И в этот момент, как мне показалось, тобой овладела обида. Обиженные интонации бывали у тебя и раньше. Но я лично, как и многие наши коллеги – я это знаю, – принимали тебя таким, какой ты есть, и за талант прощали все издержки высокомерного индивидуализма. Даже твою способность называть людей, пришедших на митинг, «интеллигентным стадом».

Я имею в виду не только митинг на Пушкинской площади в позапрошлую субботу. Ведь это у тебя давно. И в августе 91-го – это многие вспомнили только теперь – ты смотрел на происходящее так же иронично, презрительно и подло.

Нарциссизмом страдают многие на телевидении, вот только у тебя, похоже, нарциссизм по форме течения болезни напоминает быстротечную чахотку. Чего стоит фраза, сказанная тобой в «Антропологии» в сцене публичной телевизионной отставки: «Моя подпись могла затеряться среди других»!

Очевидно, для тебя это непереносимо. Но ведь подпись под документом – не автограф, она и должна затеряться среди других. Ведь телевидение – коллективное дело, и неудачный монтаж, операторский брак или ошибка звукорежиссера за несколько минут до начала эфира могут свести на нет все усилия. Вот почему я лично дорожу мнением и солидарностью не только звезд, ведущих, корреспондентов, но и операторов, режиссеров, редакторов, осветителей – всех нас.

И – самое главное. Я не понимаю, кого ты называешь «пацанами»? Полковника в отставке Евгения Кириченко? А может, Аиота Насибова? Или Александра Хабарова? Как ты можешь оскорблять их, по возрасту, уму и популярности тебе не уступающих, обвинением в неспособности мыслить самостоятельно? Ведь эти журналисты научились вести прямые репортажи из самого пекла войны и говорить при этом взвешенно и достойно даже под пулями.

А это, извини за резкость, совершенно другой уровень профессионализма, чем записанный с тридцать восьмого дубля стендап в дворцовом интерьере.

А что касается твоего упрека, что в «Итоги» собираются самые интересные репортажи, самые лучшие кадры, что на эту программу работают самые лучшие журналисты, – согласишься, странно было бы, если иначе. И ты сам, между прочим, не раз выступал в «Итогах». Более того, совсем недавно принял мое предложение вести постоянно рубрику «Особый взгляд».

Почему же ты не отказался?

В общем, жалко, что столько лет работы на одном канале, годы если не душевной дружбы, то человеческой приязни, закончились так – позерством и трусостью – два в одном. Прости за прямоту, но не могу иначе оценить это открытое письмо, сопровождаемое эффектной фотографией на фоне Останкинской башни. Ты всегда боролся за стиль. Но то, что ты сделал – банальное предательство в трудную минуту, – это и есть преступление перед стилем.

Евгений Киселев».

Это письмо – один из самых сильных киселевских текстов, которые я знаю. Да, в нем явно прослеживается личностная составляющая, автор глубоко обижен на адресата. Да, периодически письмо Киселева начинает опасно приближаться к черте, за которой это открытое обращение могло бы превратиться в банальный донос. Не без этого... Но по сути все сказано верно, хотя и обидно для Парфенова – например, про стендап с тридцать восьмого дубля. И это, конечно, упрек не только Леониду Геннадьевичу. Недопустимость забивания гвоздей микроскопом – чрезвычайно распространенный принцип распределения должностных обязанностей на телевидении, особенно среди корреспондентов-информационщиков. Причем в «микроскопы» многие назначают себя сами, стоит только пару раз засветиться в главных – итоговых – информационно-аналитических программах.

В письме Евгения Киселева нет никаких общих моментов, никакого анализа сложившейся ситуации. Его письмо – личный ответ Парфенову. Если Кох и Шендерович направили движение потока «открытых писем» в сторону глобального противостояния НТВ и власти, то письмо Киселева вернулось к истокам, к выяснению взаимоотношений между двумя конкретными людьми... И тут произошло совершенно неожиданное событие! К числу авторов «открытых писем» присоединился председатель ВГТРК Олег Добродеев, публичные выступления которого можно пересчитать по пальцам! Добродеев обращался к Киселеву, но в его письме как раз и произошло то объединение личного, межчеловеческого, и общего, политического содержания, которого были лишены все предыдущие послания. Получилось так, что по своему смыслу письмо Добродеева подводило затянувшуюся дискуссию к финалу.

«Открытое письмо Олега Добродеева

Евгению Киселеву.

Женя! Жанр открытых писем тебе становится избитым приемом. Но что поделаешь, если ты избегаешь прямых контактов, публичной дискуссии о той катастрофе, на грани которой стоит созданная нами с тобой компания. Подчиненным ты и твой истеричный круг затыкают рот, а на встречу в программу Владимира Познера ты прийти не захотел, хотя ведущий был согласен сделать все, чтобы участие в программе не мешало работе «Итогов».

Между тем объяснение мое с тобой давно назрело, может быть, даже запоздало. Его ждали от меня еще два года назад, когда Гусинский, Малащенко и ты начали выдавливать меня из компании. Ребята, которых НТВ привело в большую журналистику, просто требовали объяснения от меня, когда в январе прошлого года я уходил. Ты прекрасно помнишь тот вечер в Останкине, переполненную корреспондентскую и мое неискреннее заявление, которым я хотел успокоить людей, – ведь Лиза Листова, Женя Ревенко, другие молодые и горячие ребята уже бежали по коридорам, говорили об акции протеста. Протеста против моего ухода и твоего назначения.

Я просто ушел, так как думал о репутации компании, о дальнейшей судьбе людей. Поэтому обратиться к тебе я решил только тогда, когда на карту ты поставил то, что принадлежит уже не только тебе и Гусинскому – судьбы людей, которых ты превратил в пламенных революционеров, на глазах теряющих профессию.

Главной линией защиты ты избрал «независимость» НТВ. Уж мы-то с тобой знаем, что с самого начала компания была не только «гусинской», но и кремлевской. Лицензию на вещание нам пробивали Бородин и Тарпищев. Я представлял компанию на всех узких посиделках в администрации, многие пиаровские ходы ельцинской команды во время и после выборов 1996 года рождались в Останкине. Да что ходы – многие достопамятные радиообращения Бориса Ельцина летом 1997 года сочинялись журналистами НТВ. Хорошо помню изумление Володи Кулишкова, которого мы осенью 1996 года взяли с тобой с Радио «Свобода»: «Ну вы даете, ребята, Спасские ворота ногой открываете». Моральный капитал канала, нажитый Леной Масюк, Володей Лускановым (их портреты, я слышал, после их перехода на РТР ты приказал убрать), Ильей Канавиным, Сашей Хабаровым и другими во время первой чеченской кампании, через участие в кремлевских акциях активно преобразовывался в капитал реальный, те же бесконечные кредиты государственного «Газпрома». Смотри «Итоги», провинциальные начальники безошибочно улавливали линию Кремля. Мы были при власти, но Гусинскому в какой-то момент показалось, что он – сама власть, и тут-то начались проблемы, которые всегда решались одним и тем же способом – при помощи информационной заточки. «Первая кровь» брызнула в августе 1997 года, когда Гусинский потребовал от нас информационно разобраться с теми, кто не дал ему вкусить казавшегося безумно сладким пирога «Связынвеста». Тогда я впервые задумался, как же все-таки сохранить лицо компании в условиях нарастающей заинтересованности главного акционера в информационном оружии. Ты, похоже, задумался над другим – как использовать этот интерес в личных целях. Но самое тяжелое – и ты, и Гусинский часто говорили об этом как-то вскользь – это вторая чеченская война. А было так: сначала требование акционеров – резко ужесточить нейтральную, объективистскую позицию, а потом, как обычно, договориться с властью. Разменять эту позицию на пролонгацию кредитов. Это случалось. Но теперь за этим стояли не интересы олигархов, а жизни людей. Каждый из нас сделал свой выбор, в результате которого я ушел, а ты остался.

Пишу письмо под влиянием двух последних ночных эфиров. Они – похороны информационной тележурналистики – и есть самая реальная угроза НТВ. Обращаюсь к тебе как человек, который никогда уже на НТВ не вернется. Подумай о людях. Митинговые крики о команде и единении имели бы смысл, если бы действительно у всех участников сегодняшних событий были общие судьба и будущее. Но будущее – не только временная, это еще и пространственная категория. Одного человека хозяйский самолет, хозяйская яхта унесут в ласковые дали, другие останутся на месте пожарища, раздутого ради этой перспективы. Где чей вариант, мы с тобой прекрасно знаем.

Олег».

Этот небольшой текст – краткое содержание рассказа, который я веду, его тезисы и выводы. И еще этот текст – очень точный прогноз. В отличие от предыдущих ораторов, Олег Добродеев сумел предсказать реальное развитие событий – и митинговое единение, и ласковые дали, и раздутый пожар...

Ну а окончательно похоронил жанр «открытых писем», полностью его дискредитировав, Борис Абрамович Березовский. Он уже несколько месяцев как жил вне России, поэтому опаздывал с реакцией на происходившие события. Оказавшись в эмиграции, Березовский вообще очень быстро стал терять свое место. И в политике, и в бизнесе. В отличие от того же Гусинского, о чем мы еще успеем поговорить. А пока приведу его письмо «российской общественности»! На меньшую аудиторию Березовский и не рассчитывал. Орфография и пунктуация автора в очередной раз сохранены.

«Открытое письмо Бориса Березовского

общественности.

Человек с внешностью Пьера Безухова, по фамилии Добродеев, пишет донос; главный реформатор Чубайс поддерживает войну в Чечне и с сотоварищем Кохом пытается национализировать частную компанию НТВ, которая никогда не была государственной; на общенациональном канале НТВ с целью повышения духа патриотизма генерального директора российского гражданина Киселева предлагают заменить на американского подданного Йордана; олигархи из Российского союза промышленников и предпринимателей публично упрекают другого олигарха в том, что он богатый; Гусинский – под арестом в Испании; секретарь Союза – в швейцарской тюрьме¹⁴. Умные воюют против умных. Они вместе против всего того, что сами, рискуя жизнью, огромным трудом строили последние десять лет. Фантасмагория? Нет – гэбуха. На их гэбэшном языке – разводка. Вас, нас, лохов (опять же их терминология) разводят, надо отметить, тупо, но эффективно. Опомнитесь! Каюсь. Также виноват. Меня развели самого первого. Не учел его, Путина, чекистскую заточку. Исправлюсь. Следующего президента будете выбирать сами. Не ошибитесь.

Борис Березовский».

Почему я говорю о дискредитации жанра? Потому что Березовский в данном случае явно торопился успеть на уходящий поезд. Он увидел, каким популярным способом донесения собственных мыслей вдруг стали «открытые письма», и бросился нагонять упущенное. История вокруг НТВ его не интересовала, своим письмом Березовский предупреждал нас, сырых и убогих, лишенных разума: берегитесь, без меня вы все пропадете... Но сам язык письма Березовского и его тональность никак не соответствовали пусть наспех, но сформировавшемуся стандарту открытой переписки участников конфликта вокруг НТВ, поэтому после только что процитированной публикации феномен «открытых писем» постепенно сошел на нет.

¹⁴ Бородин П. – госсекретарь Союзного государства России и Белоруссии. В 2001 году был экстрадирован из США в Швейцарию в рамках расследования уголовного дела об отмывании денег.

Глава 16

«Если вам нравится наше телевидение и если оно вам не нравится; если вы «за» и если вы «против»; если вы хотите и дальше жить в России, значит – НТВ на вашей стороне! НТВ – это ваше право на правду! Приходите в субботу в 12:00 к телецентру в Останкино!» На словах про «право на правду» появившийся на телеэкране Евгений Киселев обращал указующий перст прямо в глаза телезрителю. Агитационный ролик митинга 7 апреля был настолько пафосным, что становилось смешно даже самим организаторам мероприятия. Впрочем, до подобных тонкостей обсуждение наших тактики и стратегии почти не снисходило.

Я не знаю, сколько людей пришло тогда к телецентру, да и не хочу сейчас выяснять – больше их было, чем на Пушкинской, или меньше. Теперь это уже абсолютно не важно. Тысяч десять, наверное... А вот драматургия митинга радикальным образом изменилась. Никаких концертных номеров, только выступления со сцены, упор – на журналистов самой телекомпании и самых близких к нам политиков. В этом был заложен глубокий смысл.

Обращаясь к собравшимся, Евгений Киселев обратил внимание, что погода сегодня, 7 апреля, совсем не такая, как неделю назад. И солнышко не светит, и музыканты на сцене не играют. И это – хорошо, говорил Киселев. Потому что «ни одна сволочь не скажет, что люди пришли к телецентру, чтобы просто погулять и послушать музыку. Люди пришли, чтобы поддержать НТВ!» Погода действительно выдалась препаршивая, постоянно моросил противный холодный дождь, под которым мокли все. И зрители, хотя у некоторых были с собой зонтики, и выступавшие, потому что крыша над сценой, собранной у забора напротив семнадцатого подъезда, никак не защищала от лившейся с неба воды. Если акция на Пушкинской, организованная «Яблоком», была требованием оставить НТВ в покое, то митинг в Останкине подавался уже как выражение благодарности со стороны НТВ своим сторонникам. Поэтому и выступали в основном мои коллеги по телекомпании плюс представители организатора – Союза журналистов, ну и, конечно, традиционный Явлинский.

Я не выступал, хотя и находился тут же, на площади, а не в студии. Митинг показывали в прямом эфире, но трансляция началась задолго до его открытия и не прекратилась после завершения. На другой стороне улицы Академика Королева у здания АСК-3 развернули нашу тарелку, и я общался с ведущими программы «Сегодня», которыми в тот день были Петр Марченко и Кирилл Поздняков. Но главное – я общался с москвичами, которые пришли на митинг, задавая этими беседами необходимую эмоциональную атмосферу. Должен сказать спасибо моим собеседникам, потому что они активно в этом процессе участвовали, буквально подпитывая меня положительными эмоциями! Довольно скоро стало понятно, что я, несмотря на зонтик, насквозь промок. Кто-то из зрителей под громкие одобрительные аплодисменты предложил мне стакан водки, который я незамедлительно выпил. Правда, это было вне прямого эфира! Если бы не этот допинг, скорее всего, я бы в тот же вечер свалился с простудой.

Завершалась наша демонстрация трогательным номером всеобщего единения. Над площадью зазвучали слова из песни группы «Чайф»: «Не спеши ты нас хоронить, а у нас еще есть дела. У нас дома – детей мал-мала, да и просто хотелось пожить...» Люди перед сценой подпевали, а на сцене, подняв вверх руки и раскачиваясь в такт песне, стояли Эрнест Мацкявичюс, Вадим Такменев, Евгений Киселев, Марианна Максимовская, Алексей Поборцев, Евгений Кириченко. За первым рядом шел второй, за вторым – третий. И все держались за руки, и все качались влево и вправо, посылая аудитории чувства благодарности и симпатии... А над левым плечом Евгения Киселева возвышался один из его телохранителей. Он не поднимал руки вверх, не раскачивался и не улыбался. Он просто стоял, и это заметно снижало пафос происходящего. Хотя, возможно, с площади перед телецентром его было не видно. Зато было видно в телеэфире, который, по словам Киселева, шел «на весь мир». И «весь мир» «понимал,

что нельзя верить Коху, Йордану, Лесину!»... Верить можно было только нам, верить всему, что мы говорили.

В вечерних новостях Михаилу Осокину, пожалуй, все-таки изменило чувство стиля. С почти неуловимой иронией он произнес: «Неделя конфликтов вокруг НТВ принесла потери. Накануне сегодняшнего митинга ушли два человека... С нами больше нет Леонида Парфенова и Татьяны Митковой». Весь дальнейший текст был выстроен по стандартам некролога: «был» – «была», «вел» – «вела», «золотой фонд НТВ»... Не хватало разве что слов «остались в нашей памяти».

Это была неудачная шутка. Всего за несколько лет из жизни – по-настоящему – ушли многие из тех, кто был связан с телекомпанией НТВ. Они находились по разные стороны баррикад, но в итоге собрались все вместе: финансист «Моста» Андрей Цимайло, сценарист «Кукол» Иван Киасашвили, корреспонденты Виталий Трубецкой, Илья Зимин, Елена Курляндцева, продюсеры Алексей Бурков и Владимир Золотницкий, режиссер Андрей Карницкий, комментатор Владимир Маслаченко, ведущий Андрей Черкизов, великий дизайнер НТВ Семен Левин. Уже нет Березовского, Патаркацишвили, Лесина... Каждый из них внес свой вклад в нашу общую историю, но это не тема для обсуждения в стилистике митинга. Мне так кажется...

Ну а митинги – продолжились! В понедельник, 9 апреля, десант НТВ отправился в аэропорт Внуково, чтобы на маленьком самолетике вылететь в Питер. Вообще, авиаперелеты из Москвы в Петербург – это какое-то извращение! Но тогда «Сапсаны» еще не ходили, а нам необходимо было вернуться в Москву тем же вечером. Перед самым взлетом выяснилось, что Владимир Кара-Мурза панически боится летать. Моя Юлька тоже очень долго привыкала к самолетам, но по сравнению с Володей она была просто «отважным воробьем»! Возглавлявший делегацию НТВ Александр Герасимов, руководитель Дирекции регионального развития телекомпании, обратился к экипажу с просьбой оказать ведущему программы «Сегодня в полночь» посильную помощь. Лишь выпив целый бокал коньяка, Володя дал команду на взлет!

В Питере мы выступили по уже устоявшейся программе. Поругали власти, отсутствие справедливых судов, навязанных нам новых начальников, предателей-коллорационистов и поблагодарили всех питерцев, пришедших на митинг, за поддержку. Особенно тепло местная публика, конечно же, принимала земляков – Светлану Сорокину и Игоря Артемьева, который на том митинге представлял партию «Яблоко»¹⁵. Но своя доля аплодисментов досталась и Венедиктову, и Кара-Мурзе, и мне, и Косте Точилину. После митинга Герасимов подбил всех ехать в пивной ресторан «Тинькофф», что мы и сделали. За исключением Сорокиной, которая решила использовать кратковременный визит в родные края в личных целях.

Пока мы митинговали в Питере, в Москве стало известно о новых кадровых потерях «команды Киселева». НТВ почти в полном составе покинула бригада «криминальщиков». «Почти в полном» – потому что формальный руководитель криминальной редакции, Николай Николаев, оказался не в курсе настроений своих коллег. Свой уход «криминальщики» обставили эффектно, просто сообщив в прямом эфире, что больше их передачи на НТВ выходить не будут. Это было последнее потрясение, предшествовавшее заключительным аккордам этой истории. Как и все, я эти аккорды услышал в ночь с 13 на 14 апреля.

«У меня зазвонил телефон. Кто говорит?» – «Джил Догерти!» За эти апрельские дни я раздал десятки интервью иностранным СМИ, объясняя им позицию УЖК. Друзья уже дразнили меня, постоянно задавая вопрос: где сейчас Евгений Киселев? На что я, принимая правила игры, всегда отвечал одно и то же: «Генеральный директор НТВ Евгений Алексеевич Киселев в настоящее время находится на переговорах». Стопка визитных карточек зарубежных журналистов росла с каждым часом, но мало кто из них обращался ко мне повторно. Как

¹⁵ И. Артемьев с 2004 года возглавляет Федеральную антимонопольную службу России.

правило, газетчики отправляли в номер очередной материал про НТВ, но эта тема вовсе не была для них главной, как бы нам в Москве этого ни хотелось.

Джил Догерти являлась исключением из этого правила. Во-первых, она была телевизионщицей. Во-вторых, возглавляла российское бюро CNN, телекомпании, владельцем которой, Тед Тернер, опосредованно, но принимал участие в конфликте, обдумывая возможность покупки НТВ. В-третьих, Джил прекрасно говорила по-русски, что было удобно уже для меня – с моим-то английским, годящимся разве что для общения в гостинице или ресторане. Ну и, в-четвертых, все вышеперечисленные факторы повлияли на то, что с Джил Догерти мы общались постоянно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно шеф бюро CNN и разбудила нас с женой сообщением о том, что на восьмом этаже телецентра меняют охрану и на НТВ с минуты на минуту придут новые начальники. Надо отдать должное осведомленности коллег с CNN того времени – сейчас, увы, телекомпания отличается по большей степени разнообразными эфирными конфузами и накладками. Правда, и Джил Догерти, насколько я знаю, в CNN уже давно не работает...

Когда мы с Юлей приехали в Останкино, все, в общем-то, уже произошло. На восьмой этаж меня не пустили, но Юльке удалось проскочить внутрь, где она сразу же наткнулась на Добродеева, тоже приехавшего на НТВ. «Олег Борисович! Это же Норкин, почему его не пускают?» – закричала она. Через несколько секунд дверь на лестницу, на площадке которой я находился, открылась, и я смог попасть в редакционный коридор. Там было полным-полно народу. В основном люди блуждали из комнаты в комнату без видимой цели. Причем невозможно было понять – кто за кого? Вдруг откуда-то стало известно, что Добродеев подал в отставку с поста председателя ВГТРК. Потом мы узнали, что смена охраны происходила одновременно или почти сразу с появлением в телецентре Кулистикова, Митковой, Парфенова и сотрудников программы «Криминал». Савик Шустер пробрался в комнату, где готовилась к эфиру бригада «Сегодня утром» Ольги Беловой, и начал «читать мораль» Елене Черненко, шеф-редактору этой бригады, которая явно была не расположена к общению. В корреспондентской составляли списки на увольнение. Увольнение добровольное, потому что никто никого в коридорах не отлавливал и не заставлял подписывать бумагу о расторжении контракта.

Для членов «команды Киселева» наступил момент выбора. Те, кто (вроде меня или, например, Шендеровича) многократно и многокрасочно заявлял о своей позиции, долго не раздумывали – просто писали заявления «по собственному», и все. Но были и другие – те, кто все еще надеялся на благополучный исход, на разрешение сложной ситуации «малой кровью». Им было тяжело сделать этот выбор: уходить или остаться? Ко всему прочему, совершенно не было понимания – а куда уходить? Под утро стал прорисовываться следующий вариант: выйти в эфир «дружественного» канала ТНТ. Напомню, сеть ТНТ, как и НТВ, входила в состав «Медиа-Моста» и пока что не управлялась в полном объеме новым руководством холдинга. Помещения ТНТ, в том числе несколько крошечных студийных павильонов, располагались в здании АСК-3 на противоположной стороне улицы Академика Королева. Как только это предложение обрело форму решения, мы с Юлькой ушли. Просто оставаться дольше на восьмом этаже было незачем.

Что еще можно было сделать? Перекинуться парой слов с кем-то из единомышленников? Бросить убийственный взгляд в сторону коллеги, не поддержавшего нашу «команду»? Выкурить еще половину пачки сигарет? Дать еще три-четыре интервью иностранной прессе? Честно говоря, все это вдруг перестало быть интересным. Тем более что для нас все уже было ясно: требовалось быстро подготовить выпуск новостей, чтобы рассказать всей стране о том, что у нас тут произошло. Что мы и начали делать.

Тексты писали просто на бумаге, что-то даже не распечатывали. О суфлере и речи идти не могло. Начал выпуск Виталий Бузуев, потом его сменил я, снова в одной рубашке с закатанными рукавами. Мы показывали кадры, сделанные нашими операторами в ночных коридо-

рах НТВ, давали так называемые «синхроны» и комментировали, комментировали... Вот разговор Кара-Мурзы с Добродеевым, вот разговор Кулистика с Кара-Мурзой, вот заявление Явлинского (он, конечно же, тоже приехал), вот слова Алексея Митрофанова и т. д. «Новостного мяса» добавляли сообщения с лент информационных агентств: заявление Общественного совета НТВ, заявление Союза журналистов, заявление того, заявление другого...

Киселева в эту пасхальную ночь с нами не было. Он еще не вернулся от Гусинского, из Испании, где наш еще совсем недавно главный акционер продолжал пребывать под домашним арестом. Но надо сказать, той весной мы без Евгения Алексеевича, постоянно «пребывавшего на переговорах», прекрасно справлялись. Оперативное руководство осуществлял Кричевский, но к этому мы все привыкли – Гриша давным-давно вырос из ведущего дневных новостей и одного из редакторов «Итогов» в полноценного телевизионного менеджера. Вопросы, касавшиеся содержательной части новостных выпусков, вообще обсуждались только ведущими и шефами бригад. Задания корреспондентам уходили ровно в то время, когда это было необходимо, а корреспонденты выполняли эти задания точно к тому времени, когда требовалось. Операторы снимали, монтажеры собирали картинку, звуковики обеспечивали озвучку, гримеры пытались спешно ликвидировать на лицах ведущих следы очередной проведенной без сна ночи. И даже компьютерная графика каким-то необъяснимым образом тоже появлялась в эфире – в виде заставки «Сегодня» на ТНТ».

И еще один важный момент. В шесть часов утра наше «Сегодня» вышло не только на ТНТ, но и в эфире НТВ. Всего на несколько секунд! Вряд ли это длилось дольше минуты. Но мы успели сказать свое последнее слово. Я не хвастаюсь сейчас примером самоотверженности технических работников телекомпании, хотя так оно и было. Просто хочу сказать, что при всей моей сегодняшней критической направленности, при всем понимании огромного количества ужасающих ошибок, которые мы все тогда делали, при всей моей осознанной политической позиции, заключающейся в категорическом неприятии пресловутых «либеральных ценностей», которые мы тогда столь активно защищали с подачи наших хитроумных начальников, – при всем при этом главный вывод состоит в следующем. В телекомпании НТВ работали профессионалы высочайшего класса! Они были разными людьми, со своими политическими взглядами, со своими особенностями, пристрастиями, но все они были суперпрофессионалы. Ну, хотя бы за это стоит сказать спасибо Гусинскому, правда? После чего упрекнуть его в том, что – сейчас я говорю без какой бы то ни было иронии! – такая прекрасная команда развалилась, по большому счету, по его же – Гусинского – вине.

Я еще напишу, что я думаю о Гусинском как о человеке. Как и о Киселеве, Березовском, Венедиктове... Эти люди находились рядом со мной последующие несколько лет. Переход через улицу Академика Королева стал для меня началом нового жизненного этапа – этапа, к которому я не готовился. Я не стал тогда снимать свой портрет со стены на восьмом этаже. Когда Кричевский, Сорокина, Шендерович, Лобков, Осокин, Кара-Мурза и другие (многие – с этими самыми портретами в руках) переходили через улицу, раздавая интервью, я уже готовил выпуск новостей. Это хорошо, что они раздавали интервью! Должен же был кто-то выражать нашу точку зрения. Но в тот момент это не казалось мне важным и не было для меня главным. Так же как и судьба моего портрета на стене восьмого этажа... Права была Оксана Пушкина, сказавшая в «Антропологии» про «тяжелый развод». Было в этом «портретном» переходе что-то искусственное. Тем более что совсем скоро после начала работы на канале ТНТ члены УЖК снова пересекли улицу Академика Королева в обратном направлении! Правда, уже без портретов. А еще правда – то, что желанными гостями мы так и не стали...

Часть 3. Незванный гость хуже татарина

Глава 17

Несколько недель мы провели на ТНТ. Павел Петрович Корчагин, генеральный директор этого телеканала, сделал практически невероятное. Он обеспечил для нас физическую возможность размещения и работы в редакции ТНТ, совершенно неприспособленной для выпуска такого объема информационных программ. В утреннем эфире ТНТ существовали информационно-развлекательные шоу, но ни ежедневных новостей, ни тем более еженедельных итоговых программ в сетке не было. Кроме программы «Сегодня в столице», являвшейся скорее муниципальными, но никак не федеральными новостями. Для нас пришлось расчищать эфирное время. И это стало вторым подвигом Корчагина, которому пришлось резать сетку ТНТ по живому, выбрасывая все, что могло бы помешать выходу в эфир наших программ.

Конечно, работать приходилось по принципу «в тесноте, да не в обиде». Наш (теперь уже бывший) восьмой этаж АСК-1 тоже не мог похвастаться большим количеством свободных площадей. Телецентр «Останкино» в начале 2000-х вообще уже катастрофически отставал от технологических требований телекомпаний. Но все же мы как-то размещались по отдельным «квартирам». На ТНТ царила атмосфера квартиры коммунальной: «Сегодня» сидели вместе с «Итогами», корреспонденты делили помещение с операторами, а службы координации теснились рядом с продюсерами. Некоторые не выдерживали таких условий.

На новом месте. Рядом со мной – Дмитрий Штоколов и Владимир Чернышев

Лев Новоженков, 14 апреля несколько часов просидевший на столе в одном из таких временных приютов, грустно сказал: «Ребята, я, пожалуй, не смогу так. Я уже не в том возрасте, чтобы сидеть друг у друга на голове!» И ушел обратно. Осенью Лев Юрьевич начал работу в

утреннем эфирном блоке НТВ, сначала в программе «Пять минут с Новоженовым», а потом – в «Утре на НТВ». Мы – нестигаемые киселевцы – не обиделись. Все-таки понимание того, что каждый вправе делать свой собственный выбор, которое появилось у многих из нас в начале этого тяжелого месяца, никуда не ушло.

Аналогичная история произошла и с Павлом Лобковым. Во время «портретного» перехода через улицу Королева Паша метал громы и молнии в адрес коллег, появившихся в коридорах НТВ в ночь на 14 апреля. «Теперь стало понятно, что значит – «уходить в никуда», – бушевал он, намекая на Леонида Парфенова. Но спустя некоторое время Лобков вернулся на НТВ. Может быть, не захотел работать у Березовского. Я ведь спустя год тоже ушел из «команды Киселева», отказавшись встать под знамена «олигархического колхоза» под названием «Медиа-Социум». А может быть, Лобков просто был устроен гораздо тоньше, чем большинство членов УЖК, решающих вопросы любой сложности быстро и без раздумий.

Павел Альбертович, напротив, – человек перманентной рефлексии, постоянно сомневающийся и очень любящий жаловаться на все подряд. Проработав на НТВ еще пять лет, Лобков ушел – на питерский «Пятый канал». Недолгое время мы с ним трудились там вместе. После двух лет на «Пятерке» он вернулся на НТВ, задержался еще на четыре года и... снова ушел! На этот раз уже на канал «Дождь», который, на мой взгляд, совершенно не соответствует его профессиональным возможностям. Лобков – один из немногих репортеров, сумевших добиться успеха и в других областях журналистики. И в жанре интервью, и в документалистике, и в образовательных программах. Из всего цикла «Новейшая история», выходявшего на НТВ многие годы, лично мне больше других всегда нравился фильм Лобкова «Мавзолей». Автору удалось создать по-настоящему увлекательный научно-популярный фильм, а не просто рассказать очередную документальную историю, проиллюстрированную кадрами из хроники. И, конечно, программа «Растительная жизнь» могла бы украсить сетку любого телеканала – потому что так увлеченно рассказывать о растениях мог только человек, безумно влюбленный в эту тему.

Мы, естественно, за глаза называли его передачу «Лобковой растительностью», но это не означало какого-то личного неприятия. Мол, вот подлец какой, не поддержал нас в трудный момент, предпочел свои «цветочки-лютики да грибочки-ягодки»! Нет, такого не было. У меня, по крайней мере. Наоборот, я считал и считаю профессиональной удачей то, что мне довелось работать вместе с репортером Павлом Лобковым в службе информации НТВ. Например, во время президентских выборов в США, когда он должен был выйти в прямой эфир моего выпуска с рассказом о съезде Демократической партии. Как только мы начали наш разговор, на сцену поднялся кандидат в президенты Альберт Гор и объявил, что не признает своего поражения и требует пересчета голосов! Это была настоящая сенсация! Или взять наш чудесный диалог с Лобковым во время солнечного затмения 11 августа 1999 года. Тогда все телекомпании мира прислали свои группы в Румынию, страну, в которой стопроцентное затемнение солнца можно было наблюдать в течение почти двух минут. Арендованные у турок тарелки стояли в какой-то степи, и журналисты из разных стран по очереди выходили в эфир своих телекомпаний. Все это сопровождалось огромным количеством технических накладок, поэтому наше общение выглядело так: «Андрей, вы меня сейчас видите?» – «Нет, Павел, я вижу какого-то мужика, скачущего на коне... Но, очевидно, это – не вы!»

Когда умер Ельцин, Лобков – совершенно неожиданно – позвонил мне. «У тебя есть водка?» – спросил он. Водка, и не только, наличествовала. Паша приехал ко мне, на канал RTVi, и мы с ним выпили у меня в кабинете. Потом он уехал. А ведь это был уже 2007 год, то есть с той исторической ночи прошло шесть лет! Какие уж тут личные обиды друг на друга...

Но вернемся в апрель 2001 года. Несколько дней мы провели в «условиях, приближенных к боевым», работая на ТНТ и постепенно уточняя кадровый состав коллектива, которому и дальше предстояло трудиться под руководством Евгения Киселева – уже на ТВ-6. Из заметных эфирных персонажей, бегавших из АСК-1 в АСК-3 и обратно, можно еще назвать разве

что Савика Шустера, который, как я уже говорил, 14 апреля накинулся с гневными обличениями на бригаду Ольги Беловой, ответственную за подготовку утренних новостей НТВ. Шустер, будучи сотрудником «Радио «Свобода», вел на НТВ телепрограмму «Третий тайм», посвященную футболу, и враждовал на этой почве с Василием Уткиным, называвшим Шустера интриганом и обвинявшим его в провокациях, приведших к временному закрытию передачи самого Уткина «Футбольный клуб».

Во время одной из ночных посиделок в клубе-ресторане «Петрович», принадлежащем художнику Андрею Бильжо, исполнителю роли Мозговеда в программе Шендеровича «Итого», Шустер подошел ко мне со словами: «Андрей, вы блестяще проявили себя во всех этих событиях! Мы это оценили!» Просто Маргарита Павловна какая-то... «Хоботов, я все оценила!» Кто были эти загадочные «мы» и что именно в моем поведении «они оценили», так и осталось для меня загадкой. Совсем скоро Савик Шустер снова вел на НТВ свой «Третий тайм», а с сентября 2001 года закрепился там с программой «Свобода слова», заменившей «Глас народа» Киселева – Сорокиной. Кстати, руководство «Радио «Свобода» как раз «не оценило» поступок Шустера, и его уволили – так сказать, «за аморалку».

Вопросы морали, этики журналистской и этики общечеловеческой, конечно, играют очень важную роль во всей этой истории. Не истории Шустера, а нашей общей истории. Журналистская этика – это такая «бедная родственница» в современной «семье» моральных принципов. О ее существовании вспоминают лишь тогда, когда нужно привлечь всеобщее внимание к собственным проблемам. Вот тут и начинается крик про нарушение журналистской этики. Если же проблем нет и все в порядке, то и игнорирование этих писанных и неписанных правил становится само собой разумеющимся.

Пребывание «команды Киселева» на ТНТ представляло собой фактическую сторону дела. Однако существовала и еще более интересная – юридическая сторона. Более интересная, потому что оставалась кулуарной. Уже 14 апреля, то есть ровно в тот самый день, когда на НТВ сменилась власть, Евгений Киселев был назначен исполняющим обязанности генерального директора ЗАО МНВК, которое владело каналом ТВ-6. Евгений Алексеевич прилетел в Москву в субботу вечером и сообщил нам благую весть о грядущем переходе на «шестерку».

Гусинский и Березовский вступили в период самого плотного взаимодействия в истории своих отношений. Оба находились в вынужденной эмиграции. Гусинский, отсидевший в испанской тюрьме около месяца, до середины апреля оставался под домашним арестом. Его условия были довольно щадящими, ибо нашего акционера никто особенно не ограничивал в общении, поэтому постоянные разнообразные консультации шли полным ходом. 18 апреля суд Мадрида отказал России в ее запросе на экстрадицию Гусинского. Владимир Александрович, наученный горьким опытом, быстро смотал удочки и покинул территорию Испании. К тому моменту, когда местная полиция снова пришла арестовывать его, уже по новому обвинению российской Генпрокуратуры¹⁶, Гусинский оказался вне пределов досягаемости испанского правосудия.

Березовскому в каком-то смысле было сложнее. Он занимался в Лондоне выбиванием для себя статуса политического беженца, из-за чего не мог покидать пределов Великобритании. В какой-то момент горячее желание хоть в чем-то досадить Путину привело двух олигархов к единому мнению: нужно пристроить Киселева и всех его журналистов на ТВ-6, благо владельцем этого ресурса являлся Березовский и необходимости согласовывать решение с кем-либо не возникало. Очевидно, что идея «запасного аэродрома» родилась у них не в пасхальную ночь, а раньше. Просто информация о договоренности, достигнутой на случай чрезвычайных обстоятельств, держалась в тайне. Формально все было обставлено вполне законно. Березовский, который уже около двух лет обладал контрольным пакетом телеканала в семьдесят пять

¹⁶ Речь идет о статье «Отмывание средств, добытых незаконным путем».

процентов акций, выкупленных у сооснователя МНВК Эдуарда Сагалаева, провел рокировку в руководстве ТВ-6. Его многолетний деловой партнер Бадри Патаркацишвили, занимавший пост гендиректора ТВ-6, освободил кабинет для Евгения Киселева, а сам был избран председателем Совета директоров телекомпании вместо Игоря Шабдурасулова, еще одного близкого к Березовскому человека. Считается, что именно тогда Шабдурасулов предсказал крах всей этой затеи и предпочел оставить руководящую работу в СМИ. В дальнейшем он многие годы возглавлял Фонд «Триумф», вручавший первую в России негосударственную премию в области высших достижений литературы и искусства.

Но если с самыми главными руководителями «шестерки» никаких трений не возникло, потому что и не могло возникнуть из-за их близости к Березовскому, то с остальными менеджерами и сотрудниками ТВ-6 проблемы, мягко говоря, были. Уникальный журналистский коллектив, осиянный собственным звездным блеском, начал устраиваться на новом месте обитания, не считаясь с правами аборигенов. Для нас – членов суперпрофессиональной команды НТВ, героев борьбы за свободу слова – журналисты ТВ-6 казались чем-то вроде бессмысленных насекомых. Само их существование вызывало удивление: «Это что такое?»

ТВ-6 был крепким середнячком телеэфира, никогда не поднимавшимся на вершину Олимпа, прочно занятую «большой тройкой» – ОРТ, РТР и НТВ. Он находился во втором эшелоне, но в силу своей многолетней истории – а вещание «шестерки» началось даже раньше, чем у НТВ, – возглавлял список догоняющих: ТНТ, СТС и РЕН ТВ¹⁷. Основной аудиторией ТВ-6 была молодежь, которая смотрела программы, посвященные музыке, кино и развлечениям. В фаворитах зрительских симпатий числились ток-шоу «Акулы пера» и «Я сама», видеодайджесты «Дорожный патруль» и «Вы – очевидец», а также целая россыпь развлекательных передач, выросших из шоу «Раз в неделю», сценаристами которого являлись будущие авторы «Гушите свет!», а исполнителями – звезды КВН: Лазарева, Шац, Белоголовцев, Сивохо, Бочаров, Кабанов и другие, ковавшие свою популярность в «О.С.П. студии», «Назло рекордам!» и «33-х квадратных метрах». Они и оказались первыми кандидатами на вылет, поскольку объектом своих пародий очень часто выбирали программы НТВ и их ведущих. Сергей Сивохо потом жестоко отомстил Евгению Киселеву – перебравшись на «вторую кнопку», он предстал в образе автора программы «Потуги» Жоры Комптова. Показывали по ТВ-6 и сериалы, в том числе ставший в нашей стране культовым «Вавилон 5».

Были на ТВ-6 и свои новости. Кстати, весьма неплохие. Редакция Михаила Пономарева разве что технически уступала мощным конкурентам, но во всем остальном демонстрировала вполне профессиональный уровень. Злоключения УЖК новости ТВ-6 освещали активно, и не могу сказать, что в негативном для нас ключе. Хотя еще осенью 2000 года Михаил Пономарев в эфире «Эха Москвы» признавался, что в конфликте вокруг НТВ правда для него – ровно посередине. *«Не было бы никакого Гусинского, никакого Березовского и никого бы не было, если бы им все это не помог получить Кремль. Не было бы никакого НТВ, если бы ему не помог создаться Кремль. И понятно, что сейчас новая власть хочет получить по долгам старой. Но, пользуясь тем, что у всех [рыльце] в пуху, возникает ситуация, что всех этих людей, участников конфликта, я, что бы они ни сказали, не буду воспринимать как правду. Тем более что журналисты действительно люди совершенно особые. Мы имеем возможность использовать служебное положение в личных целях. И в данном случае вольно или невольно СМИ холдинга «Медиа-Мост» вынуждены мощно и профессионально обороняться, уходя таким образом от СМИ в высоком понимании этого слова и превращаясь просто в игрока».*

На ТВ-6 была даже собственная информационно-аналитическая программа «Обозреватель», которую вел Станислав Кучер. Но информационщики «шестерки» все же не дотягивали до своих коллег-юмористов по уровню популярности, а значит, с нашей точки зрения, ТВ-6

¹⁷ РЕН ТВ – современный вариант названия телеканала.

оставалось «недотелевидением». Получив карт-бланш от акционера, мы принялись наводить на «Шестом канале» свои порядки.

Очень долгое время участники этих событий – я имею в виду «пришельцев» с НТВ – категорически отрицали факт захвата и разгона ТВ-6 силами Уникального журналистского коллектива. Позволю себе еще раз напомнить о мнении Виктора Шендеровича – как наиболее ярко выраженном. Точка зрения сотрудников ТВ-6, разумеется, отличалась от приведенной ранее в этой книге футбольной аналогии автора программы «Итого». Но журналисты «шестерки» оказались застигнуты врасплох. Никто не ожидал столь стремительного развития событий и никто, конечно, и представить не мог, что их собственный работодатель – Борис Березовский – по сути просто предаст их, заменив в целях политической целесообразности другими людьми.

Конечно, мы обсуждали линию своего поведения на новом месте работы. Подробности заседания, состоявшегося в узком составе в офисе «Медиа-Моста», сообщил прессе Ашот Насибов: *«В принципе все согласилось работать на ТВ-6, но весь вопрос в юридической проработке дела. (...) Акционеры ТВ-6 должны дать гарантии, что журналисты смогут работать свободно, сами управлять каналом. (...) Другой важный вопрос – реакция сотрудников ТВ-6 на новую команду, потому что никто не хочет, чтобы все выглядело так, будто этот телеканал захватили бывшие сотрудники НТВ».*

То же самое, только в обратном порядке, заявил и Евгений Киселев в эфире «Итогов», которые вышли на ГНТ воскресным вечером 15 апреля. Он назвал два принципиальных условия, при соблюдении которых должен был состояться переход нашей команды на ТВ-6: *«Первое условие (об этом я хочу сказать особо) для меня из... в том числе элементарных соображений нравственных... Чрезвычайно важно, чтобы и та команда, которая делала все эти годы канал ТВ-6, – сохранилась! Я думаю, что есть возможность из двух отличных команд на обновленном ТВ-6 сделать одну большую суперкоманду. И второе. Я принял это предложение, я об этом сказал всем и повторяю сейчас, при том условии, что будет выработан абсолютно четкий прозрачный механизм юридической защиты журналистов, работающих на телеканале, от собственника. И механизм гарантий для руководства компании, который действительно сделает меня и моих коллег, которые возьмут на себя это руководство, реальными управляющими этого телеканала, также защищенными от собственника. Это может быть многолетний контракт, в котором будет предусмотрено множество юридических барьеров, гарантий, санкций, которые защитят нас со всех сторон. Если этого не произойдет, ну, тогда, видимо, не получится ничего вообще. Посмотрим. Поживем, как говорится, увидим!»*

Светлана Сорокина обычно в таких случаях продолжала: «Увидим, если поживем...» Ну, что тут можно сказать? Эдуард Сагалаев (напомню – сооснователь ТВ-6) выразился так: «Информация о назначении Евгения Киселева исполняющим обязанности гендиректора ТВ-6 вызвала в коллективе сложные чувства». Главный редактор службы информации ТВ-6 Михаил Пономарев написал заявление об уходе, пояснив, что оно автоматически вступит в силу в случае, если его подпишет новый гендиректор. То есть Евгений Киселев. Вечером в понедельник, 16 апреля, новостники «шестерки» провели собственное собрание, а уже утром 17 апреля газета «Известия» напечатала список «Риторических вопросов Евгению Киселеву». Вопросы задавал Михаил Пономарев, и спрашивал он следующее:

«1. Вы и некоторые Ваши товарищи десятки раз повторили в разных СМИ и на митингах в поддержку НТВ, что кризис вокруг Вашей телекомпании вызван тем, что НТВ – Единственный Частный Независимый Метровый телеканал в России. И вдруг Вы и некоторые Ваши товарищи сообщаете о согласии начать работу на телеканале ТВ-6. Означает ли это, что Вы и некоторые Ваши товарищи осознанно лгали тысячам людей, пришедших Вас поддержать? Или Вы смирились с поражением и теперь готовы работать даже на НЕединственном, НЕчастном, НЕнезависимом и НЕметровом канале?»

2. Вы и некоторые Ваши товарищи утверждаете, что у Вас есть силы, деньги и решимость построить новый телевизионный дом «с нуля». Почему же, в таком случае, Вы не желаете это сделать на телеканале ТНТ, который де-факто принадлежит «Медиа-Мосту»?

3. Вы и некоторые Ваши товарищи неоднократно заявляли, что в борьбе за НТВ готовы дойти до высших международных судебных инстанций. Намерены ли Вы и считаете ли Вы себя вправе продолжать судебные тяжбы с «Газпромом» за телеканал, который Вы покинули по собственному желанию и, возможно, в ранге руководителя уже другого канала?

4. Говорили ли Вы либо господин Гусинский сотрудникам НТВ о том, что у Вас в любом случае есть «запасная площадка» на телеканале ТВ-6?

5. Вы утверждаете, что у Вас есть деньги для развития телекомпании ТВ-6. Означает ли это, что Вы нашли инвесторов, готовых вкладывать деньги в телеканал, и согласен ли нынешний хозяин ТВ-6, Березовский, принять эти деньги? Или инвестором выступает сам Борис Березовский? В таком случае, как с этим увяжутся Ваши многочисленные комментарии в программе «Итоги» о том огромном вреде, который принес России Березовский? Вы пересмотрели свою точку зрения на персону Б. Березовского?

6. Альфред Кох публично трижды назвал Вас трусом. Почему же Вы до сих пор не прислали к господину Коху своих секундантов? Вы что, правда трус?»

С точки зрения «высокого стиля» НТВ заметка Пономарева, наверное, содержала немало изъянов. Но главная ее ошибка заключалась в том, что сам автор обозначил свои вопросы как риторические. Естественно, ответов на них не последовало. А как утверждения они были недостаточно убедительны для нашего лидера, только что выставившего владельцу канала – самому Березовскому! – принципиальное условие создания «абсолютно четкого прозрачного механизма юридической защиты журналистов от собственника!» Я просто слышу сейчас, как Борис Абрамович торопился ответить Киселеву на это требование: «Женя, конечно! Конечно! Конечно, Женя! Конечно!»

Что из всей этой принципиальности получилось в итоге? Механизм нашей защиты от собственника, замышлявшийся как некая гарантия от вмешательства еще недавно враждебного нам олигарха Березовского в нашу работу, этот «многолетний контракт», скоро заклинило – мы просто перестали получать зарплату. Правда, у Березовского была собственная версия случившегося, согласно которой мы сами и были, пусть отчасти, виновны в лишении финансирования с его стороны. Из команды, которая, по словам Евгения Киселева, «делала все эти годы канал ТВ-6», помимо сотрудников технических служб, сохранились Иван Усачев с программой «Вы – очевидец» и ведущие новостей Алексей Воробьев и Андрей Белькевич. Телекомпанию покинул ряд менеджеров, в том числе замгендиректора Александр Пономарев, заместитель гендиректора МНВК Александр Олейников, вице-президент МНВК Иван Демидов, генеральный продюсер утреннего вещания Игорь Шестаков и глава службы информации Михаил Пономарев. Уволились ведущие информационных программ Станислав Кучер и Анна Павлова, были закрыты передачи Юлии Меньшовой и Петра Шепотинника, закрылась также вся линейка развлекательных программ «ОСПшников», был прекращен показ юмористических и фантастических зарубежных сериалов, на смену которым пришли «Улицы разбитых фонарей», «Агент национальной безопасности» и «Бандитский Петербург». Ну и, конечно, знакомые по НТВ и абсолютно новые программы «команды Киселева». Концепция ТВ-6 поменялась...

Глава 18

Из «молодежно-развлекательного» канал превратился в «общественно-политический». Главные бренды УЖК просто переехали на новое место: «Итоги» и «Итого», «Глас народа» и «Тушите свет!». Информационная программа «Сегодня» получила новое название – «Сейчас», а выпуск новостей в полночь, который вел Владимир Кара-Мурза, стал называться «Грани». Сменила имя и «пятиминутка ненависти» Андрея Черкизова, из «Часа Быка» она превратилась в более соответствующее хронометражу «Назло». Но простым дублированием старых передач дело, конечно, не ограничилось. В эфире появились и новые лица, и новые названия.

Ведущими новостей стали Елизавета Листова, Ксения Туркова и Вячеслав Крискевич, сразу в двух ипостасях засветился на ТВ-6 Владимир Соловьев. После ухода с ОРТ он некоторое время вел передачу «Страсти по Соловьеву» в эфире ТНТ, так что его появление на «шестерке» выглядело вполне логичным. На ТВ-6 Соловьев снова взял на себя формат интервью, получивший логотип «Завтрак с Владимиром Соловьевым». Так же как и в «Страстях», его собеседниками становились самые разные люди, от политиков до деятелей культуры, но эти беседы не имели жесткой привязки к информационной повестке, как, например, в «Герое дня». Вторая его программа, «Соловьиная ночь», была посвящена авторской песне. Причем в зависимости от того, нравилась эта передача кому-либо или нет, критерии «авторской песни» менялись. Поклонники называли «Соловьиную ночь» программой «бардовской песни», а критики – программой «блатной песни». Общее примирение произошло в момент отключения ТВ-6 от эфира, ибо именно «Соловьиную ночь» показывали по телевизору, когда наш рубильник выключили.

Интересно, что некоторые лица «гусинского НТВ», покинув канал, потерялись в процессе поиска нового места «прописки». Николай Николаев и Дмитрий Дибров всплыли на «Первом канале» с чуть видоизмененными версиями своих прежних программ. «Независимое расследование» стало «Новым расследованием», а «Антропология» – «Апологией».

Изменения сетки коснулись и меня. Оставшись в новостях, я распрошлся с интервью и попробовал себя в жанре телевизионной документалистики. Идея принадлежала Александру Левину, генеральному продюсеру НТВ, а теперь и ТВ-6. Саша решил делать со мной цикл фильмов, посвященных экологии. Причем как экологическим проблемам в привычном смысле, так и вопросам экологии человеческой, морально-нравственной. Эта линейка – а программа была еженедельной – получила название «Опасный мир». У Левина, видимо, какое-то особенное отношение к слову «мир», потому что спустя несколько лет, когда мы вместе работали на «Пятом канале», он продюсировал другую передачу со мной в качестве ведущего – «Реальный мир»!

Александр Левин

Мне мое новое амплуа очень нравилось. Впервые за пять лет работы на телевидении я вдруг смог лично попробовать еще что-то, кроме сидения в кадре информационной студии. Нет, «Герой дня», конечно, подразумевал определенное количество выездов, но все равно это были интервью – разговоры за столом один на один, пусть и не в студии «Останкино». В «Опасном мире» поле деятельности расширилось до масштабов всей страны. Я летал над Москвой на вертолете и выходил под парусом в Балтийское море, искал захоронения химического оружия и посещал подпольные кабинеты колдунов и магов, ползал с дозиметром по зонам радиоактивного заражения и собирал обломки в местах падения ступеней космических ракет, общался с жертвами тоталитарных сект и кормил с рук экзотических животных. Причем Левин устроил все таким образом, что работа в «Опасном мире» совершенно не мешала работе в новостях. Шаг оставался прежним, еще со времен НТВ – неделя через неделю. Но в «Опасном мире» существовали несколько групп сценаристов, которые работали, так сказать, на опережение, и я подключался к ним только на стадии съемок и озвучивания. То есть неделю я сидел в «Останкино», неделю мотался по командировкам.

К сожалению, зимой Кричевский зарубил всю нашу малину. Он вызвал к себе Левина и, как глава информационной службы, предъявил генеральному продюсеру претензии. Это называлось «конфликтом интересов». С точки зрения Григория Александровича, моя работа на Александра Викторовича негативно сказывалась на рейтингах новостей. Левин активно возражал против такой оценки. Я знаю это точно, потому что подслушивал за дверью кабинета Кричевского. Крик был громкий! Впрочем, теперь я не взялся бы утверждать, что все это не было постановкой, потому что, выйдя наконец из кабинета, Левин лишь коротко сообщил, что «Опасный мир» закрывается.

Положа руку на сердце, признаюсь, что результаты программы уступали показателям новостей, пусть общественный резонанс иногда был и не меньшим. В этом смысле особенно выделялись два наших выпуска. Первый мы снимали в Усть-Канском районе Республики Алтай, жители которого уже более полувека вынуждены мириться с постоянными бомбардировками. Именно в этот район падают отработавшие свое ступени ракетополетчиков, запускае-

мых с космодрома Байконур. К сожалению, в реальной зоне поражения оказываются гораздо большие площади, чем утверждают в Роскосмосе. Так же считали и в его предшественнике, потому что за годы космической эры на Алтае скопились горы космических обломков. Они бывают разными. Я, например, демонстрировал в кадре куски ракетной обшивки, которые местные жители приспособливают для решения бытовых проблем: кусочек поменьше идет на лопату, кусок побольше – на сани, а самый большой – на крышу для сарая. Самые крупные «останки» – огромные фрагменты ракетных ступеней, сравнимые разве что с железнодорожными цистернами – так и валяются в полях, постепенно зарастая травой и кустарником. В некоторых из них я, при моих ста восьмидесяти двух сантиметрах, мог стоять в полный рост!

Но главную опасность для местных жителей представляют даже не эти огромные железяки, а остатки ракетного топлива, которое не до конца сгорает в атмосфере. Мы сняли несколько «чудесных» по своей цветовой гамме водоемов – от кроваво-алых до лимонно-желтых, в зависимости от того, какая именно гадость и в какой концентрации пролилась на это конкретное место в виде дождя. Жители пострадавших от таких осадков деревень пытаются доказать, что размер компенсации, положенной за это, в общем-то, навязанное им освоение космоса, неприлично мал. Но все дела вязнут в судебных инстанциях, и людям остается как-то приспособливаться. Возможно, поэтому главным типом темперамента в этих краях является тип флегматика. Причем это относится как к людям, так и к животным. Несколько дней нашу съемочную группу возил на подводе мужичок, имени которого я уже не помню. А вот кличку его коня я не забуду никогда. Коня звали Гондон! И оба – и конь, и его хозяин – были абсолютно невозмутимы.

Поездка же в Челябинскую область едва не обернулась судебным иском уже для нас самих. В суд намеревалось подать знаменитое ПО «Маяк», ведущее предприятие по производству компонентов ядерного оружия и переработке ядерного топлива. Тема ОЯТ – отработавшего ядерного топлива – тогда была крайне актуальной. Помните, я упоминал экологическую активность партии «Яблоко»? Комбинат «Маяк», при всей своей жизненной необходимости – это почти каламбур! – известен был прежде всего смертельной опасностью, которую он представлял для местных жителей. В 1957 году на предприятии произошла катастрофа, именуемая в энциклопедиях «Кыштымской аварией». Здесь необходимо пояснить, что сам «Маяк» находится на территории закрытого города Озерск, но в советское время все данные о его существовании были полностью засекречены, поэтому даже географическая привязка этого ЧП осуществлялась по другому населенному пункту – Кыштыму, ближайшему к Озерску городу, который значился на тогдашних картах.

29 сентября 1957 года произошла авария в системе охлаждения, которая спровоцировала взрыв емкости для хранения высокорadioактивных ядерных отходов. Некоторые эксперты называют «Кыштымскую аварию» третьим по серьезности последствий радиационным ЧП в мировой истории после Чернобыля и Фукусимы. За десять дней после выброса в атмосферу десятков кубометров радиоактивных отходов погибли порядка двухсот человек, а общее число пострадавших, по некоторым оценкам, достигло двухсот пятидесяти тысяч. После катастрофы 1957 года на «Маяке» неоднократно происходили ЧП различной степени серьезности. Но дело в том, что еще до главной аварии на комбинате он просто сливал отходы производства в реку Теча, на берегах которой располагалось множество деревень и поселков. Экологи, с которыми мы общались во время съемок, утверждали, что за десять лет – с 1946 по 1956 год – в реку Теча было слито семьдесят шесть миллионов (!) кубометров радиоактивной воды! Потом эта практика прекратилась, были созданы специальные накопительные водоемы, но уровень радиации в деревнях по берегам Течи до сих пор превышает все мыслимые пределы.

Вот в этих деревнях мы и снимали тот выпуск «Опасного мира», за который ПО «Маяк» собиралось подавать на ТВ-6 в суд. Появились даже соответствующие критические газетные публикации. Вот, например, что писали «Известия» 18 ноября 2001 года: *«Вездесущие*

камеры ТВ-6 пригласили доверчивых телезрителей в «Опасный мир». На сей раз это оказались задворки полусекретного по нынешним временам атомного производства «Маяк» в Челябинской области. Бьющие по эмоциям кадры с больным мальчиком, малопонятные показания дозиметра, с которым отважный журналист торил свой путь по берегам отравленной реки Теча, атомный спецпоезд из Болгарии... В общем, традиционная экологическая «страшилка», только с «ядерным» прицелом. В нашем расхристанном государстве таких можно снять никак не меньше, чем наличествует всяких производств. Всюду – от химии до рыбководства – проблемы, проблемы, проблемы... Наверное, фильм многих заставил подумать – а что же дальше? А дальше – молчок. Только титры телесоздателей сюжета».

И в конце следовал вывод, что программа переработки ОЯТ, предложенная Минатомом, – единственный способ решения проблемы, а все остальное – «молчание и пустота, на которых и остановился телевизионный ролик с цветными картинками». Не знаю, что уж такого «малопонятного» было в показаниях дозиметра, но за «отважного журналиста», конечно, спасибо! Что же касается «бьющих по эмоциям кадров с больным мальчиком», так мальчик этот был не единственным, там такие мальчики через дом встречались! Вообще, я, находясь в тех местах, постоянно думал, что там можно было снимать «Сталкера» или «Через тернии к звездам»: не понадобились бы ни декорации, ни грим для массовки! На сам комбинат «Маяк» нас, разумеется, не пустили, его мы снимали из окошка автомобиля. Но и суда никакого тоже не случилось. Возможно, просто потому, что программу закрыли.

Я, конечно, расстроился из-за этого. Настолько сильно, что оказался в больнице. Это был мой первый профессиональный срыв! Причем, что стало его причиной – выяснить сразу не удалось. Повод был ясен, а вот причина? Естественно, сначала подумали про сердце. Юлька побежала к Киселеву, тот позвонил Гусинскому, после чего Владимир Александрович занялся любимым делом – организацией всего процесса. Результат оказался традиционным. Когда мы с Юлькой приехали в ЦКБ, куда меня должны были положить, в приемном покое очень удивились. «А почему вы сами приехали? Для вас уже операционная готова, вас должны были на «Скорой» доставить!» Тут уже настал наш черед удивляться и пугаться, потому что, каким бы неважным ни было тогда мое самочувствие, но операция мне явно не грозила. Тем более операция по шунтированию, которая и ждала меня в ЦКБ. Оказалось, что напор Гусинского на его знакомых и знакомых знакомых в столичных медицинских кругах был настолько мощным, что люди не успевали переваривать информацию: Центральная клиническая больница ждала не Андрея Норкина, а Бориса Ноткина, одного из самых известных и популярных ведущих канала ТВЦ!.. Позднее я в красках поведал Борису Исаевичу о том, насколько его любит коллектив ЦКБ. На это он ответил, что вынужден постоянно огорчать граждан, поздравляющих его с таким талантливым сыном, как я!

Так и хочется сказать: «Вот она – волшебная сила искусства!» Но это было бы слишком сильным обобщением. К сожалению, телевидение – далеко не самая подходящая для рождения настоящих произведений искусства площадка. История телеканала ТВ-6 второй половины 2001 года – наглядный тому пример. Самой популярной программой нашего ТВ-6 стало реалити-шоу «За стеклом!», первое реалити-шоу на отечественном телевидении. Думаю, не нужно объяснять, почему я утверждаю, что эта программа не имела к искусству никакого отношения? Честно говоря, лично я никогда не любил и не смотрел подобную телепродукцию. Мне кажется, реалити – самое скучное, что можно увидеть по телевизору, особенно если имеется в виду классический формат «Большого брата». Ну что там может быть интересного? Несколько половозрелых оболтусов неделями, иногда – месяцами сидят в четырех стенах под объективами телекамер и в лучшем случае ковыряют в носу. Но, видимо, я плохой психолог и социолог. Первый сезон «За стеклом!» просто порвал всех конкурентов ТВ-6. Доля зрительской аудитории по стране порой превышала сорок процентов! Это – невозможные, необъяснимые цифры!

Чтобы было понятно: возьмем обычный уик-энд конца ноября 2015 года. Это как раз соответствует графику завершения реалити-шоу «За стеклом!». Смотрим на долю, продемонстрированную программами-лидерами трех ведущих каналов в каждый из дней уик-энда. Пятница, 27 ноября. Шоу «Голос», Первый канал – 21,4 процента. Суббота, 28 ноября. «Центральное телевидение», НТВ – 15,8 процента. Воскресенье, 29 ноября. «Вести недели», «Россия-1» – 20,7 процента. А тут было – сорок процентов! Бред, сумасшествие, зомби-апокалипсис! При чем толпы зевак собирались у самого места съемок: стеклянного павильона, возведенного рядом с гостиницей «Россия» прямо напротив Кремля. Все разговоры, касающиеся телевидения, шли только о шоу «За стеклом!». Вот яркий пример. Ведущий «Эха Москвы», главный редактор радиостанции и детский писатель обсуждают, что сказал о событиях, разворачивающихся в «Застеколье», популярнейший телеведущий:

М. Ганапольский: *И Дэн сказал фразу, которая многое ставила на свои места. Он сказал, когда там кто-то, по-моему, Жанна, не помню: «Боже мой, это увидят, я вся краснею!»... Он сказал: «Мы собрались здесь не для того, чтобы краснеть!» Но у меня создалось впечатление, что организаторы передачи были не совсем объективными и кого-то они все-таки... Они люди, у них свои пристрастия. Мне кажется, что...*

Г. Остер: *Не знаю, чем тебе нравится эта фраза. По-моему, она ужасна!*

М. Ганапольский: *Какая?*

Г. Остер: *Ну, «мы собрались здесь не для того, чтобы краснеть».*

М. Ганапольский: *Это цинично, но так оно и есть! Не надо разыгрывать перед экраном, что, боже мой, тебя опозорили. После того как ты не выходишь из комнаты – это в отношении Жанны – где Марго... Как это слово, которое сказал Познер?*

А. Венедиктов: *«Уестествила».*

М. Ганапольский: *Уестествила Макса, а ты продолжаешь лежать!*

А. Венедиктов: *Запомнить можно? Такое красивое слово! Ты же мастер слова!*

М. Ганапольский: *Ты так кайфово его произносишь!*

А. Венедиктов: *А, извини...*

М. Ганапольский: *Не надо целку из себя делать! Это значит – хочешь послушать!*

А. Венедиктов: *У меня интеллигентное радио с интеллигентными ведущими!»*

Это уж точно! И вот об этом они говорили 2 декабря 2001 года ЦЕЛЮЮ передачу, потому что к ним потом приехали еще и авторы, и герои. После чего разговор обрел некий этический смысл: зачем? Для чего это все придумано? Ну, с точки зрения канала – понятно. ТВ-6 необходимо было доказать креативную мощь новой «суперкоманды», продемонстрировать всем, что и на новом месте УЖК, с влившимися в его ряды коллегами, способен всем надрать задницу. Уестествить... И, надо сказать, этот замысел сработал на сто процентов. Ранее я шутил, что, мол, идея «За стеклом!» пришла к нашим продюсерам во времена акции протеста НТВ с показом пустых редакционных коридоров. На самом деле программу придумал Иван Усачев. Другой вопрос – когда? Сам он в интервью утверждал, что его осенило уже после прихода на ТВ-6 «команды Киселева»: *«Тогда большая часть сотрудников ушла на НТВ, а я остался»¹⁸. Для того чтобы доказать, что способен на что-то, решил предложить новый проект. Изначально идея заключалась в том, чтобы поместить молодых людей за витрину магазина и снимать их жизнь. То есть чтобы эта жизнь проходила и на экране, и на глазах прохожих. В итоге продюсеру Александру Левину идея понравилась, но он дополнил ее своим видением».*

«Видение» Александра Левина – это талант все превращать в деньги. Наверное, настоящий профессиональный продюсер и должен обладать этим качеством. В шоу «За стеклом!» монетизированным оказался каждый атом. Пока в упомянутой выше передаче «Эха Москвы»

¹⁸ Среди тех, кто ушел с ТВ-6 на НТВ, были как представители бывшего менеджмента канала, например Александр Олейников, так и ведущие – Юлия Меньшова, Петр Фадеев и другие.

жарко обсуждался эпизод полового акта, якобы осуществленного участниками шоу, в магазинах уже начали продавать выпущенную компанией «Союз» видеокассету «Самые откровенные сцены, не показанные в телеэфире «За стеклом!»». Цитирую по газете «Комсомольская правда»: *«Точно известно, что в «Самых откровенных сценах» присутствуют момент совокупления Марго и Макса, неизвестные широкой публике кадры из туалета, сладкий сон застекольщиков и их ежедневное мытье в душе. Всего на кассете уместилось 75 откровенных сцен»*.

Я не ханжа, просто меня смешат фразы типа «неизвестные широкой публике кадры из туалета!» Конечно, к созданию шоу были привлечены мощные силы. Режиссером программы стал Григорий Любомиров, делавший на НТВ «Кукол», а ведущими в «Застеколье» отрядили Кирилла Набутова и Эрнеста Мацквявичюса. Набутов выступал в роли комментатора, а Мацквявичюс – фактически в прежнем амплуа корреспондента. Самым запоминающимся моментом их совместной работы стало внезапно вырвавшееся у Набутова обращение «Эрни, малыш!», которое потом еще долго преследовало Эрнеста, несмотря на многочисленные извинения Набутова.

Программа «За стеклом!» была чистой воды провокацией, очень правильно рассчитанным и подготовленным скандалом. Например, активно распространялась версия, что одна из участниц – дочь Бориса Немцова. Причем никто этого не опровергал, никто не говорил, что это не так. Наоборот, главной задачей было создавать как можно больше шума вокруг проекта. Засветился в этой PR-кампании и один из известных в будущем отечественных медиаменеджеров. Я говорю о Демьяне Кудрявцеве, как писали тогда – «консультанте Бориса Березовского по СМИ». С той поры Демьян Борисович проделал большой путь, на котором я с ним периодически сталкивался¹⁹. Но во времена «Застеколья» он еще не был широко известен, и многие журналисты даже путались в анкетных данных, периодически именуя его Дамианом Кудрясьевым, каковым он значился в своем израильском паспорте.

Участники шоу «За стеклом!», якобы борющиеся за главный приз в виде квартиры в Москве, имели возможность влиять на свой рейтинг с помощью аукционов. На них покупались и продавались голоса «за» и «против» того или иного «застекольщика». В какой-то особенно драматический момент Кудрявцев совершил такую сделку, вызвав большой шум в прессе. Во-первых, впечатляла сумма – почти шесть тысяч долларов. Во-вторых, настораживала его близость к Березовскому. В некоторых газетах всерьез писали о том, что участие Кудрявцева в аукционе программы – не что иное, как личное вмешательство олигарха в судьбу своего хитового телепроекта. Я в это не верю. Березовский, как мне кажется, особенно никогда и не следил за эфиром ТВ-6. У нас не было ничего, сравнимого с «Авторской программой Сергея Доренко», а все остальное Бориса Абрамовича не интересовало.

Массовый психоз, вызванный шоу «За стеклом!», оказался единственным рейтинговым успехом обновленного ТВ-6. Ни развить этот успех, ни даже повторить его не удалось. Вторая часть, «Последний бифштекс», которая вышла почти сразу же вслед за первой, оказалась гораздо менее интересной, если критерий «интерес» вообще применим к этой программе. А третья серия – «Ты теперь в армии», – которую остатки «команды Киселева» протащили уже на канал ТВС, вышла настолько провальной, что проект пришлось прекратить досрочно. Возможно, скоропостижная смерть «За стеклом!» объясняется и действиями конкурентов, потому что «Первый канал», очень быстро уловивший, куда дует ветер зрительских симпатий, выстрелил в конце ноября своим вариантом реалити. После первого же выпуска шоу «Последний герой» все сомнения, какую программу будут смотреть дальше, отпали сами собой.

Именно с началом декабря 2001 года популярность ТВ-6 стала последовательно снижаться. «Гвоздей», таких как «За стеклом!» или хотя бы прямая трансляция рок-фестиваля «Нашествие», в нашей программе не осталось, поэтому приходилось выезжать лишь за счет

¹⁹ В конце 2015 года Д. Кудрявцев полностью выкупил у прежних владельцев газету «Ведомости».

поклонников информационных программ старого УЖК. Новостники – редакторы, корреспонденты, режиссеры – составляли большую часть в той группе журналистов НТВ, которые перешли на «Шестой канал». А как я уже говорил, это были работники высокого профессионального уровня. Что весьма наглядно проявилось 11 сентября 2001 года – тогда, на мой взгляд, освещение трагических событий в США на нашем канале оказалось на порядок лучше, чем у конкурентов.

Судить об этом я могу лишь сейчас, вспоминая нашу работу и пересматривая старые записи. Непосредственно 11 сентября я, конечно, заниматься сравнениями не мог, так как почти безвылазно просидел в прямом эфире около семи часов. Первое сообщение о самолете, врезавшемся в одну из башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, пришло прямо во время нашего выпуска. Честно говоря, сразу мы в это не поверили. Никто из сотрудников бригады! Думали об ошибке информагентства, о преувеличении масштабов случившегося, о чем угодно – только не о том, что произошло на самом деле. Поступившее спустя несколько минут сообщение о втором самолете не оставило уже никаких сомнений.

Я вернулся в студию и дальше уже практически не покидал ее, общаясь с корреспондентами, политиками, экспертами, которые выходили в прямой эфир с мест или прямо из нашей студии. Новостной павильон у «шестерки» был не очень большой, но даже его пришлось разделить на две выгородки – для «Сейчас» и для «Итогов». Часа через три в этой части декорации уже появился Евгений Киселев, первым гостем которого стал Владимир Познер. Это, кстати, одно из доказательств качества нашей работы в тот день: коллеги с других каналов, в том числе с «Первого», гораздо позже отреагировали на случившееся, а мы ушли в режим спецвыпуска практически сразу же. Так что неудивительно, что сотрудничавший с «Первым каналом» Владимир Познер сначала оказался в кадре именно у нас.

Компьютера в студии у меня не было, и информацию я получал прямо с просмотрного монитора, на который мне завели трансляцию CNN – мы дублировали эту картинку в своем эфире. Что-то мне ребята диктовали прямо в «ухо», более подробные сообщения подносила Юлька. Она «сидела на агентствах», поэтому сразу распечатывала новости и доставляла их мне, проползая под телекамерами, чтобы не попасть в кадр. Потом на помощь подоспела Света Сорокина, которая провела свой – «по расписанию» – выпуск, после чего я снова уселся комментировать картинку из Америки. Так мы и трудились до поздней ночи, чтобы на следующий день продолжить выпуски новостей все той же темой. Этот эфир 11 сентября 2001 года стал, пожалуй, наиболее яркой демонстрацией командной работы нашей информационной службы. Конечно, особенная заслуга в этом принадлежала ее руководителю – Григорию Кричевскому, сумевшему в очень сжатые сроки и в не самых комфортных условиях ТВ-6 организовать такую деятельность почти безупречно. Вторая серия информационного марафона случилась 7 октября в момент начала американцами военной операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. В принципе, мы к этому готовились, но администрация Джорджа Буша-младшего преподнесла нам сюрприз: старт бомбардировок совпал с началом очередного выпуска программы «Итоги». Мне позвонил Кричевский: «Срочно приезжай! Он долго не выдержит!»

Лирическое отступление: Евгений Алексеевич Киселев

Под местоимением «он» подразумевался «ЕАК», «Барин», «Усы», «Женя», «Кисель», «Компот» и т. д. – Евгений Алексеевич Киселев. Человек непростой судьбы, говорю это без всякой иронии. В тот вечер, 7 октября 2001 года, я приехал в Останкино, сменил Киселева в кадре, и «Итоги» перешли в столь привычный нам формат бесконечного информационного вещания, комментирования скудных видеоклипов, которые опять транслировала CNN. Картинка была почему-то зеленого цвета – я запомнил это очень хорошо. Киселев периодически появлялся в студии, чтобы задать несколько вопросов своим гостям...

Период моей с ним совместной работы продлился еще около четырех месяцев. В конце января, после отключения ТВ-6, наши пути разошлись на несколько лет, чтобы потом снова ненадолго пересечься. После 2007 года я разговаривал с Киселевым всего один раз. По телефону.

Его звонок застал меня в гостинице в парижском Диснейленде, куда я приехал со средним сыном. Мы тогда из финансовых соображений устроили сыновьям отдельные весенние каникулы, и Юлька увезла младшего, Лешку, в Эйлат, на Красное море, а я с Темкой на пять дней улетел во Францию. Это была весна 2013 года, то есть с момента нашей последней встречи прошло без малого пять с половиной лет. Сказать, что я удивился звонку, – не сказать ничего. Правда, с Евгением Алексеевичем мы расстались хотя и при весьма драматических обстоятельствах, но уж никак не врагами. Тем не менее поводов для общения у нас не было, да к тому же Киселев уже несколько лет как работал на Украине. Куда, как выяснилось, он и собирался меня пригласить.

Он сообщил мне, что стал одним из руководителей телеканала «Интер» и сейчас намерен подготовить и осуществить глобальную реформу информационной службы. В связи с этим он хотел бы предложить мне вести вечерние новости. Ответить отказом сразу я, честно говоря, постеснялся. Взял для видимости паузу на размышление. Свои резоны я не озвучивал, кроме одного: мне не хочется жить переездами, я этого счастья наелся еще на «Пятом канале», неделю работая в Питере и лишь на выходные возвращаясь в Москву, к семье. Другой причиной было мое нежелание работать ни в какой другой стране, кроме России, а уж тем более на Украине. И кроме того, меня совершенно не привлекала перспектива снова оказаться под началом у Евгения Алексеевича.

Дело в том, что Евгений Киселев – очень плохой руководитель. «Плохой» – значит «слабый». Он много лет прекрасно работал в кадре разнообразных телепрограмм и много лет возглавлял различные средства массовой информации. В некоторых из них, в числе прочих журналистов, работал и я, поэтому могу дать свою оценку: Киселев – «ведущий» в телевизионном смысле, а в жизни он всегда оставался «ведомым». Его называли «вождем УЖК», «лидером единой команды», но Евгений Алексеевич не был ни лидером, ни тем более вождем. Когда Парфенов и фрагментарно соглашавшийся с ним Шендерович в апреле 2001 года обвиняли Киселева в авторитарности и даже тоталитаризме, они били мимо цели. Они предъявляли претензии ширме, за которой и находились персонажи (простите за каламбур), руководившие нашим руководителем, вкладывавшие в его уста свои речи и, черт его знает, кажется, даже заставлявшие его думать их собственными мыслями!

Я не хочу сказать, что все дело в исключительной слабохарактерности господина Киселева. Но отчасти так оно и было. Евгений Алексеевич начисто лишен такой черты, как «вождизм». Оно, может, и хорошо – в обычной жизни. Но для руководителя, тем более руководителя СМИ, организации, изначально нуждающейся в диктатуре – тут меня никто не сможет переубедить! – необходимы хотя бы зачаточные способности общественного лидера. Евгений Киселев оказался лидером поневоле, причем эта атмосфера формировалась вокруг него

именно в его программах, вокруг его ампула телеведущего. На НТВ был создан институт «звезд», на которых работали все остальные сотрудники. Киселев был «звездой среди звезд», с его статусом не мог сравниться никто. Такая окружающая среда оказалась очень питательной, зерна упали на хорошо подготовленную почву, и Евгений Алексеевич забронзовел быстро и капитально. В коридорах НТВ посмеивались, глядя на то, как ЕАК летит в свой кабинет в сопровождении группы телохранителей. Зачем он с ними ходил? Наверное, повод для опасения за свою жизнь он имел, не мне решать. Но одно дело приехать ко мне в гости, в подмосковную Ивантеевку, где неизвестно кого можно встретить в подъезде, и совсем другое – ходить по помещениям собственной телекомпании, в которых на тебя разве что не молятся!

Был, кстати, очень смешной эпизод. Радиостанция «Эхо Москвы» отмечала то ли очередной день рождения, то ли Новый год. Праздник был организован для сотрудников, такой чистой воды «корпоратив». Проходило торжество на втором этаже одного из мясных ресторанов столицы. Евгений Алексеевич к началу праздника сильно опоздал, поэтому, когда он поднялся по лесенке на второй этаж и вошел в наполненный людьми, музыкой и цветными бликами зал, дело уже приближалось к кульминации. Как только Киселев появился перед всеми, раздался просто гром аплодисментов! Публика уже была хорошо подогрета, и на эмоции никто не скупился. Евгений Алексеевич шел, радостно улыбаясь, кивая головой направо и налево, приветствуя коллег, устроивших ему настоящую овацию. В какой-то момент он обернулся и понял, что все эти проявления самой искренней радости адресованы вовсе не ему, а официантам, которые шли прямо вслед за ним и несли на плечах огромное блюдо с пылающими шашлыками. Мне тогда стало его немного жалко – я увидел, как он расстроился. Он обманулся в своих ожиданиях. Ошибся в оценках, которые сам себе выставил.

В работе над «Итогами», как я уже неоднократно отмечал, огромную роль играла редакторская группа. Сплоченный женский коллектив, не только помогавший Киселеву профессионально, но и пестовавший его, заботившийся о нем, придававший ему уверенности, создававший миф о самом талантливом телеведущем, самом продуктивном руководителе, самом эффектном мужчине и вообще – самом выдающемся человеке. И это тоже хорошо! Но недаром говорят, что «хорошего понемножку»! Произошел перебор, количество хвалебных эпитетов не преобразовалось в качество, а именно переросло его, перевалило за допустимую грань. А Киселев во все это верил и не замечал или не хотел замечать собственных ошибок.

Вполне возможно, что он просто боялся обращать на них внимание. Жизнь Евгения Алексеевича в какой-то момент, фигурально выражаясь, превратилась в пребывание в комнате, стены которой оклеены метровым слоем ваты, чтобы он – не дай бог! – не ушибся об острый угол. Это касалось и работы в кадре в том числе. Конечно, Киселев сам писал свои тексты: у него прекрасный литературный язык, он пишет гораздо лучше, чем говорит. Впрочем, это довольно часто встречающийся в журналистской среде феномен. Однако главные тезисы его выступлений в тех же «Итогах» всегда рождались в голове Малашенко. Даже на RTVi технология оставалась прежней. Когда в эфир выходила программа «Власть», Малашенко звонил мне, я конспектировал его размышления и передавал потом Киселеву. Или, если это было физически возможно, Киселев сам записывал за Малашенко, сидя в моем кабинете на Палашевке. Кстати, раньше этот кабинет сам Малашенко и занимал!

В быту все проблемы Евгения Алексеевича решал «персональный менеджер». Буквально все. От поиска пропавшего в аэропорту багажа до доставки продуктов на дом. Я много раз бывал в доме Киселева. И в московской квартире, и на даче в «мостовском» корпоративном поселке в Чигасово. Мы с Юлькой пару раз даже оставались у Жени и Маши ночевать, и вовсе не потому, что я тогда был сильно выпивши. А потому, что сильно выпить можно только в том доме и в той компании, где это приятно делать. Как говорил Винни-Пух: «Кролик – это подходящая компания!» И дело вовсе не в том, что там могли «чем-нибудь угостить». В обычной жизни, без работы на камеру, вне рассуждений о политическом моменте Киселев всегда

представал очень приятным, обаятельным, мягким человеком. Возможно, просто потому, что дома он расслаблялся, чувствуя себя под надежной защитой Маши. Она же, в свою очередь, полностью растворялась в Жене всегда и везде, хотя делать это на работе было гораздо труднее.

На даче у Евгения Киселева. Справа от Эрнеста Мацквичюса – Татьяна Голова, Светлана Сорокина и Сергей Скворцов

Наша «верховная ставка» крайне отрицательно относилась к совместной деятельности мужей и жен. Мне, например, Венедиктов так и говорил: «Вас разведут!» Нас с Юлькой не развели, но мы в конце концов ушли с этой работы, и слава богу! У Киселевых была такая же история. Над Женей начальники посмеивались, а про Машу предпочитали рассказывать гадости... Я так понимаю, дело в скрытых комплексах моих бывших работодателей: всем им всегда хотелось казаться мужчинами в большей степени, чем это было на самом деле. Так что Маша Шахова, как могла, оберегала Евгения Алексеевича, отодвинув на неопределенное время реализацию собственных творческих замыслов, и Киселев, таким образом, мог почти постоянно пребывать в комфортной для себя эмоциональной атмосфере.

Но то, что хорошо в быту, – не всегда хорошо для работы. А эта сознательно загоняемая внутрь мягкотелость Евгения Алексеевича как раз его и подводила. Если как ведущий телепрограммы, лишившись постоянного внимания и опеки сверху, он еще как-то проскакивал на собственном журналистском профессионализме, то с менеджерской деятельностью все получалось гораздо хуже. Отсутствовал фундамент, без которого самый распрекрасный замок на песке разрушается во время прилива в течение нескольких секунд.

Киселев просто не умел руководить. Он не мог быть главным редактором и тем более генеральным директором, как бы ему самому ни льстили громкие названия этих должностей. Друзья рассказывали, как сразу после изгнания Григория Кричевского с ТВС Киселев, снова занимавший пост главного редактора этого СМИ – ЗАО «Шестой канал», – растерянно шел по останкинскому коридору и, увидев группу подчиненных, стоявших в курилке, обратился к ним с неожиданным вопросом: «А где у вас эта... эта комната? Где все происходит?» Решив не задерживать руководителя, только что со скандалом лишившегося своего многолетнего зама,

коллеги направили Евгения Алексеевича в техническую координацию, здраво рассудив, что если там ему не помогут, то хотя бы точно объяснят, куда следует обращаться...

Киселеву-менеджеру всегда была необходима жесткая рука, которая бы поворачивала его в нужном направлении, подталкивала при преодолении препятствий и останавливала в случае, если риск сорваться оказывался слишком велик. Но если на НТВ таких рук было даже больше двух, то на ТВ-6 их не осталось ни одной: ни Гусинского, ни Малашенко, ни Добродеева. После ТВ-6 у Киселева, образно говоря, отказали еще и ноги, он вообще лишился возможности двигаться самостоятельно. Этот брак, то ли по любви, то ли по расчету, который УЖК заключил с Некоммерческим партнерством «Медиа-Социум» перед конкурсом на возобновление вещания на «шестой кнопке», когда Киселев сначала говорил одно, потом – другое, после – третье, стал последней ступенькой, на которой он еще как-то ухитрился балансировать. Когда эта ступенька исчезла, началось безостановочное скольжение вниз.

Именно тогда, в непродолжительные времена ТВС, появилась грустная шутка: «Ликвидация компаний. Быстро и дорого. Евгений Киселев». После развала ТВС, за которым я наблюдал уже со стороны, распрощавшись к тому времени с «командой Киселева», сообщение о новом кадровом назначении Евгения Алексеевича повергло меня в шок: главный редактор газеты «Московские новости», а чуть позже – генеральный директор издательского дома! Столкнувшись в редакции «Эха Москвы» с Ириной Ясиной, которая тогда была одним из руководителей фонда Ходорковского «Открытая Россия», я спросил ее: «Ира, скажи мне, вы там все с ума сошли?» Она пожала плечами и ответила: «Это решение Михаила Борисовича!»²⁰ На самом деле это был исчерпывающий ответ. Не важно, кто конкретно – Михаил Борисович или Леонид Борисович – предложил утопающему Киселеву «Московские новости» в качестве спасительной соломинки. Евгений Алексеевич уже готов был ухватиться за что угодно, поскольку за многие годы отвык от необходимости предпринимать что-либо самостоятельно! Дальше произошло всё то же, что происходило ранее. Сначала была мутная история с увольнением Лошака²¹, с которым, как рассказывали, Киселев даже не удосужился встретиться, чтобы принять дела. А потом – грандиозный скандал с увольнением ведущих сотрудников издания, традиционный переход на личности, публичные обвинения и оскорбления. Все как мы любим!

«Вы фактически не занимались производством газеты – ни в идеологическом, ни в профессиональном, ни в финансовом плане. Вы отказались от распространения «МН» за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Это – сознательное ослабление влияния газеты. Вы закрыли журнал «Родительское собрание», признанный Союзом журналистов России лучшим проектом 2002 года, лишив издательский дом возможности развития. И сделали это без объяснения причин. После событий в Беслане вы выступили против того, чтобы «МН» вышли с экстренным выпуском. Когда решение о таком выпуске вопреки вашей позиции было принято, вы демонстративно не стали участвовать в его подготовке, мотивировав это соображениями собственной безопасности. Вы отказывались и отказываетесь от коллегиального обсуждения политической линии газеты». Это – цитата из письма журналистов «Московских новостей» своему главному редактору Евгению Киселеву, которое они написали еще в октябре 2004 года, до его назначения генеральным директором. Став таковым, господин Киселев приступил к оптимизации производственного процесса. Были уволены в том числе и авторы процитированного письма.

В уже устоявшихся традициях жанра Евгений Киселев ответил (снова цитирую): «Я хочу, чтобы было понятно одно – в моем решении нет никакой политики. Газета как была, так и останется либерально-демократического направления. Так получилось, что я был назначен

²⁰ Имеется в виду Михаил Ходорковский, хотя официальным владельцем «Московских новостей» в 2003 году стала МФО «МЕНАТЕП» и ее руководитель Леонид Невзлин, ближайший бизнес-партнер Ходорковского.

²¹ Виктор Лошак до 2003 года занимал пост главного редактора еженедельника «Московские новости».

гендиректором издательского дома за неделю до того, как у всех сотрудников редакции истекали сроки действующих контрактов. Я долго думал и в итоге принял очень большое для меня решение – расстаться с некоторыми сотрудниками, которые действительно очень многое сделали для газеты. Передо мной стоял вопрос, оставить все без изменений или омолодить команду, не с точки зрения возраста, а с точки зрения вливания в редакцию свежей крови. Я выбрал второе решение. Убежден, что газете нужна свежая кровь».

Многие тогда довольно зло спрашивали Киселева, чем же он в таком случае отличается от Коха и Йордана, которые в 2001 году убеждали всех в том же самом – в отсутствии в конфликте вокруг НТВ политической подоплеки и обусловленности подобных кадровых решений исключительно требованиями «эффективного менеджмента»? Да что говорить, если даже сам Шендерович написал Киселеву письмо – разумеется, открытое! – а потом заявлял на акции в защиту «Московских новостей» следующее: *«Чем скорее демократическое движение очистится, тем оно будет сильнее. Я не хочу, чтобы слово «демократ» ассоциировалось с именами Киселева или Березовского, а не Ковалева и Сахарова!»*

Думаю, что сам Киселев был искренним в своих словах. Он действительно считал, что поступает правильно. Вернее, правильно трактует указания начальства. Другое дело, что это начальство в том же году избавилось от самого Евгения Алексеевича, но тут уже совсем другая история. История личной драмы человека, которого я и называю «человеком непростой судьбы». Впрочем, есть и более подходящая формулировка, немного жесткая, но очень правильная. Ее я приведу в финале моего лирического отступления, посвященного Евгению Киселеву. В чем же драма? А в том, что в обстоятельствах, сопровождавших развал «Московских новостей», Киселев, как всегда, был уверен, что все делает правильно. И в то же время понимал, что опять допускает ошибку!

Это кажется парадоксом только на первый взгляд. Когда я уходил от Киселева к Гусинскому (довольно абсурдная фраза, не правда ли?), то есть отказывался лететь вместе с УЖК все дальше по его светлому пути к черной дыре ТВС, Евгений Алексеевич просил меня этого не делать. «Гусинский тебя кинет! – говорил он. – Так всегда поступают с теми людьми, услуги которых становятся ненужными». То есть он все знал. Или чувствовал. Или ожидал – не суть важно. Ну не дурак же он, в конце концов, верно? У него уже имелся тот опыт работы с олигархами, который мне только еще предстояло получить. Киселев оказался прав. Когда я перестал соответствовать жизненным, политическим и деловым принципам моих работодателей, меня выкинули на улицу. Заменяв – на кого? Правильно! На Евгения Алексеевича Киселева, которого я и предложил взять на работу! Эта фантазмагория еще дождетя своего часа в моем рассказе.

Я не обижаюсь ни на кого из участников той истории. В конце концов, я и так стоял уже на грани ухода из RTVi. Я говорю сейчас не об этом. Я говорю о том ужасном положении, в котором живет уже столько лет замечательный в прошлом журналист Евгений Киселев. Он – заложник! Заложник системы, рабом которой он сам с таким удовольствием стал в звездные годы НТВ. Этой сладкой липкой паутины, опутавшей его по рукам и ногам. Когда скандал с «Московскими новостями» достиг апогея, коллектив издания выпустил специальный номер – «Московские новости без Киселева». В нем была карикатура «Нужна свежая кровь»: жутковатого вида Евгений Алексеевич в фартуке мясника только что разрубил топором пачку газетных номеров. Из карманов фартука выглядывают бутылки дорогого вина – не водки же, всем известно, что Киселев коллекционирует вина. Ботинки от Hugo Boss: видимо, намек на нацистское прошлое дизайнера и фашистское настоящее главреда. И знак «V»: любимый жест Киселева времен митингов в защиту НТВ. Эта карикатура своими корнями уходит в коховские слова про «лоснящиеся от фуа гра губы». Знал Альфред Рейнгольдович, куда бить! Как вы там вашего главреда за глаза зовете? Барин? Ну так вот мы по его «барству» и вдарим, чтобы неподвадно было, чтобы не отрывался от земли-матушки, чтобы знал, как больно падать придется!

А падать пришлось больно. Очень больно. Я это по себе знаю, потому что, порвав с уважаемыми либеральными политиками и журналистами, оказался в финансовой яме, глубину которой даже представить не мог. Что же тогда говорить о журналисте и медиаменеджере уровня Евгения Киселева, с его-то зарплатами и масштабами трат?..

Финал нашего киевско-парижского телефонного разговора в 2013 году был таким. Я отказался от приглашения переехать на Украину. Киселев спросил: «Тебя что, даже не интересует финансовая составляющая?» Я сказал: «Нет». Он хмыкнул и, пробормотав: «Ну, что ж... странно, конечно...» – повесил трубку. С того момента я стал невольным свидетелем стремительной профессиональной деградации знаменитого ведущего аналитической программы НТВ «Итоги с Евгением Киселевым». Я не смотрю, естественно, все выпуски передачи, которую он ведет сейчас на украинском телевидении. Но кое-что попадает на глаза в Интернете. И... обсуждать на полном серьезе: «Куда же пропал Путин? Не прячут ли его? «Говорят, царь – не настоящий!» – это, знаете ли... Мягко говоря, не тот уровень, который я привык видеть в аналитике Евгения Киселева. А как относиться к заявлению, что ответственность за жизни детей, подключенных к медицинским аппаратам в обесточенных больницах Крыма, должен нести Путин, а не украинские организаторы энергетической блокады полуострова в конце 2015 года? *«Именно Путин обязан дать деньжат на срочную покупку генераторов, которые бы обеспечили больных детей, которым нужно постоянно быть подключенными к каким-то медицинским аппаратам. Послушайте, господа хорошие, давайте не будем забывать, что тот самый народ, о котором мы сейчас печемся, дружно голосовал на этих так называемых референдумах. Пусть они отвечают за свои поступки!»* Вы ли это, Евгений Алексеевич? Неужели финансовая составляющая настолько «интересна», что дает право на такие слова?

Когда в Москве был убит Борис Немцов, Евгений Киселев в интервью радиостанции «Коммерсантъ FM» заявил, что знает, кто убийца. «Вы можете назвать фамилию?» – спросили его. «Могу! Это... неуважаемый мною господин Норкин! Который, между прочим, у вас работал!» – закричал Евгений Алексеевич... Знакомые юристы советовали мне обратиться в суд. Я послушал запись этого разговора и понял, что не буду так поступать. Потому что, хотя заявление и являлось оскорбительным и клеветническим, оно оставалось эмоцией. Потому что, как это ни печально, господин Киселев, очевидно теряющий на своей нынешней площадке то профессиональное мастерство, которым он блистал в свое время на Родине, утратил и ощущение соразмерности сказанного слова, и той ответственности, которая за этим сказанным словом наступает. Уехав из России, он так и не нашел новую родину на Украине, не получил до сих пор украинского гражданства, так и не научился говорить в телеэфире на украинском языке... Поэтому, конечно, судиться с ним было бы ударом ниже пояса.

Я помню, как Гусинский и Малащенко отзывались о Киселеве периода 2002–2005 годов! Иногда возникали сомнения – а работали ли они вообще вместе? Откуда столько ненависти и презрения к своему бывшему товарищу? И был ли Киселев виноват во всех тех грехах, в которых они его обвиняли? Ответов на эти вопросы нет и, скорее всего, не будет. А секрет «непростой судьбы» самого Евгения Алексеевича заключен в следующем: с одной стороны, он прекрасно осознавал, что и как делают наши любимые и столь щедрые олигархи, даже предупреждал менее опытных коллег: «Будьте осторожны, не верьте их обещаниям! Бойтесь данайцев, дары приносящих!» А с другой – сам же первым и следовал за указанными обещаниями и дарами. Все понимал, а разорвать эту веревку самому – сил не хватило... Один мой хороший друг как-то родил такой афоризм: «Каждый человек – пи...дец своего счастья!» Это – как раз про Евгения Киселева.

Глава 19

Агония Уникального журналистского коллектива в формате ТВ-6 была представлена в телеэфире несколько иначе, чем в последние дни НТВ. Во-первых, не было никаких кампаний протеста с показом пустых редакционных коридоров или митингов с флагами и песнями «Не спеши ты нас хоронить!». Во-вторых, основная публичная нагрузка легла на «Глас народа» Сорокиной, а не на киселевские «Итоги». В-третьих, уже в процессе агонизирования произошли настолько важные изменения в диспозиции, что, простите за вульгаризм, «заколбасило» не только нас и наших противников, но даже нашего на тот момент главного акционера – Березовского. Поэтому для пущей ясности необходимо еще раз обозначить распределение сил, предшествовавшее началу решающей информационной схватки.

Все наши владельцы-руководители к этому времени прочно осели за границей. Гусинский, наконец-то вырвавшийся из-под испанского домашнего ареста, и Малашенко, на всякий случай покинувший Россию, – в Америке, Березовский – в Англии, куда он перебрался, не доверяя малопредсказуемым французам, со своей виллы на мысе Антиб. Отношения между ними были странными. Контакты, безусловно, участились, договоренности стали заключаться по самым разным поводам, но настоящего доверия – и человеческого, и делового – по-видимому, все же не существовало. Иначе никак нельзя объяснить, почему «команда Киселева», хоть и с оговорками, но все же принявшая в апреле 2001 года предложение Березовского перейти на ТВ-6, уже в январе 2002-го решила сказать ему: «Спасибо, до свидания!» Как это могло случиться? А вот как.

До сих пор я указывал, что владельцем ТВ-6 являлся Березовский. Так оно и было – Борису Абрамовичу и аффилированным с ним компаниям принадлежали семьдесят пять процентов акций телеканала. О чем, еще раз напомним, до 2001 года никто и не знал, потому что ни сам Борис Березовский, ни уступивший ему свой пакет Эдуард Сагалаев о сделке не распространялись. Но оставались еще двадцать пять процентов. Десятью из них владело правительство Москвы, а точнее – его Комитет по науке и технологиям. Владело еще с начала 1990-х, когда вместе с Сагалаевым и Тедом Тернером создавало МНВК. Наконец, оставшиеся пятнадцать процентов принадлежали НПФ «Лукойл-Гарант», негосударственному пенсионному фонду, являвшемуся «дочкой» нефтяной компании «Лукойл». Вот эти-то пятнадцать процентов и стали тем троянским конем, который разрушил некогда придуманный Гусинским и Березовским план по пересадке «команды Киселева» с четвертой телекнопки на шестую. Наши акционеры, как всегда, переоценили собственные возможности в сфере влияния. А присутствие в этой истории «Лукойла» просто необходимо было учитывать, поскольку личные отношения Березовского с главой нефтяной компании Вагитом Алекперовым всегда выглядели несколько натянутыми.

Практически сразу же после нашего коллективного появления на ТВ-6 миноритарный акционер «шестерки» НПФ «Лукойл-Гарант» подал иск в столичный арбитраж. Требованием этого иска значилась ликвидация телекомпании ТВ-6, а поводом – нарушение прав акционера-миноритария. Цитирую по исковому заявлению: *«Мы не преследуем никаких политических целей, а просто отстаиваем свои права как акционера... Владельцы контрольного пакета акций не давали нам возможности принимать участие в управлении, и даже предпринимались попытки исключить нас из числа акционеров путем незаконных эмиссий»*. Проблема, с точки зрения НПФ, заключалась в том, что чистые активы ТВ-6 за последние два года оставались отрицательными, что нарушало требования законодательства, согласно которым они должны были превышать размер уставного капитала. Обращу внимание на то, что речь шла именно об отрезке в последние два года, то есть о том периоде, когда ТВ-6 перешла в собственность Березовского.

Пока мы – журналисты – информировали зрителей о террористической атаке на Америку и последовавшей затем войне против международного терроризма, а также шокировали публику подробностями посещения туалета участниками шоу «За стеклом!», суд вершил свое неспешное дело. Его результатом стало решение о ликвидации телекомпании ТВ-6. Точка в судебном рассмотрении вопроса должна была быть поставлена в январе 2002 года. Березовский, который все еще считал себя способным не просто активно нападать на своих противников, но и побеждать их в результате этих атак, сделал выпад в направлении Алекперова. Он написал открытое письмо (!) на имя главы нефтяной компании «Лукойл» с предложением выкупить те пятнадцать процентов ТВ-6, что числились за нефтяным Пенсионным фондом. Впрочем, в стиле Березовского предложение выкупить больше походило на ультиматум. Борис Абрамович дал Вагиту Юсуфовичу десять дней на размышление, причем подчеркивал, что решение «Лукойла», то или иное, наглядно продемонстрирует, какими именно причинами руководствуется НПФ «Лукойл-Гарант» на самом деле: чисто экономическими или же грязно политическими?

Однако коса нашла на камень. Как я уже говорил, с момента отъезда из России Березовский стал катастрофически быстро терять связь с реальностью. Вагит Алекперов, не моргнув глазом, ответил на ультиматум, причем ему не потребовалось тех десяти дней, которые Березовский благодушно выделил ему на раздумье. Алекперов выдвинул встречное предложение: «Лукойл» сам выкупит принадлежащие Березовскому акции ТВ-6, но лишь после того, как суд решит «все дела по этой телекомпании». То есть – даже в случае судебного решения о ликвидации. В ответ из Лондона последовала истерика, мол, предложение «Лукойла» есть неприкрытый рэкет и Березовский якобы поставлен перед выбором: либо продажа акций, либо ликвидация компании. Мне кажется, что предложение Алекперова означало совсем другое, но Борису Абрамовичу, как говорится, было виднее... Так выглядела расстановка сил на поле боя, с какой мы подошли к утру 28 декабря 2001 года. Днем стало известно, что Федеральный арбитражный суд Московского округа вынесет свой вердикт не в январе, как предполагалось, а уже завтра, 29 декабря 2001 года!

Вечером начался «Глас народа», но, вопреки нашим ожиданиям, программа оказалась ужасно скучной и малоинформативной. Опять подвела драматургия! Главной темой было заявлено подведение итогов уходящего года, но гости подобрались *слишком* разные. Каждый из них пел свою песню, и в результате мощного хора в защиту ТВ-6 не получилось. Хотя – вот парадокс! – из двух «Гласов народа», посвященных, по большому счету, теме закрытия ТВ-6, более эмоциональную реакцию вызвала и вызывает до сих пор именно эта передача, от 28 декабря.

Главными гостями были заявлены Немцов, Кох, Шабдурасулов и Сатаров. Появление Немцова Сорокина сопровождала ремаркой «политик, чья роль в этих событиях мне еще не ясна». Что она имела в виду, осталось за кадром. Понятно, что это был намек на близость Бориса Ефимовича к Чубайсу и его «приближенному» – Коху, мягко говоря, поспособствовавшим «разгрому старого НТВ», но в разговоре эта тема не поднималась. Также недораскрытой осталась и фигура самого Коха – он еще в октябре 2001 года уволился из «Газпром-Медиа», и, как мне казалось, на этой истории можно было бы «оттоптаться». Шабдурасулов и Сатаров вообще предстали какими-то неопытными статистами. Все остальные гости подбирались по принципу «с мира по нитке», журналистов ТВ-6 в студии почти не было, так что рассчитывать «на шоу» в этой программе не приходилось. Тем не менее она действительно важна для моего рассказа, тем более что мое личное участие именно в этой передаче Сорокиной до сих пор припоминают мне со всех сторон.

Почти половина дискуссии прошла в атмосфере тягучей тягомотины, если так можно выразиться. Первым начал Георгий Сатаров, глава Фонда ИНДЕМ, который произнес речь о социологических странностях: жить стало хуже, но рейтинг власти растет. Продолжил Борис Немцов, сообщивший, что в регионах никто телевизор не смотрит, программа «Время» на

«Первом канале» – это хроника XXV съезда КПСС, а ТВ-6 со своим «Застеколье» – желтое телевидение! Сорокина уже выглядела растерянной и передала слово Коху с явной надеждой на оживление дискуссии. Но Альфред Рейнгольдович, как обычно, включил «режим тролля» и сообщил, что главные итоги уходящего года для него – это кадровые изменения, пояснив, что, если кому-то еще неизвестно, сменились контролирующие акционеры не только на НТВ, но, как выясняется теперь, и на ТВ-6. Ну а Игорь Шабдурасулов вообще заявил, что жизнь продолжается, и, хотя новости на всех телеканалах стали одинаковыми, ему очень нравится смотреть шоу «За стеклом!». В принципе, дискуссию можно было сворачивать. Сорокина выкатила «рояль в кустах»: прямое включение Березовского из Лондона. Борис Абрамович заявил буквально следующее: он теперь живет в Великобритании и главное для него в уходящем году – осознание, цитирую, «отличия шотландцев от англичан, англичан от ирландцев, это все очень интересно, но на самом деле я потерял с вами связь...».

Сорокина плохо вела ту программу. Она была подавлена, растеряна, упускала сюжетные повороты, пусть их и было совсем немного. Стоит ли ее в этом упрекать? Нет, конечно! Мне кажется, она уже тогда прекрасно понимала всю постановочность, всю никчемность этих словопрений. «Вы хотите песен? – Их есть у меня!»... Атмосфера в студии скатилась в мрачную безысходность. Березовский начал было ругаться на «ползучую контрреволюцию» и остановку реформ, но Отто Лацис из «Новых «Известий» сменил тему, отметив как главный итог года прекращение работы президентской комиссии по помилованию, Александр Ткаченко из Русского ПЕН-Центра заявил, что «в людях поселился страх», а Юрий Щекочихин из «Новой газеты» сказал, что «нас больше не будет»... Сейчас уже и правда нет никого из этих упомянутых мною четверых участников программы. Ни Березовского, ни Лациса, ни Щекочихина, ни Ткаченко. Всех их я знал лично. О Березовском – отдельно, а об остальных скажу следующее: они были правы. Потому что были искренни в своих заблуждениях!

На двадцать пятой минуте ток-шоу зрители оживились. Александр Ткаченко напрямую обратился к Коху: «Альфред, как спасти канал?» Тот опешил – мол, меня тут представляли как главного специалиста по разрушениям, а вы спрашиваете, как спасти... «А вы развалите это дело!» – подсказала Коху Сорокина. «А-а-а-а, – хитро затянул тот. – Пусть Борис Абрамович наймет меня на работу, я ему канал обратно верну». Ведущая обратилась к нашему лондонскому гостю: «Борис Абрамович, возьмите Альфреда Рейнгольдовича на работу, он обещал спасти канал!» «Альфред... Альфред... Альфред... Альфред... Альфред Рейнгольдович очень дорого берет за работу!» – выпалил Березовский. Именно выпалил своей неповторимой скороговоркой, четыре раза назвав Коха по имени и один раз по имени-отчеству. По прошествии почти получаса дискуссия наконец обрела какое-то содержание.

Кох выдал небольшую речь о том, что в ситуации с ТВ-6 имеет место борьба за лицензию, политика же присутствует дозированно, потому что в истории с НТВ все было чисто из-за наличия долгов, существование которых не отрицала ни одна из сторон, а сейчас с финансами все не так плохо. Еще раз напомню, что Кох тогда пребывал уже в качестве вольного художника – его работа на НТВ и в «Газпром-Медиа» закончилась, и он снова представлялся лишь председателем Совета директоров управляющей компании Montes Augi. С этими «Золотыми горами» Альфред Рейнгольдович не расставался еще с прошлого века, в том числе и во времена собственной госслужбы, это была его родная гавань! То есть Кох был в тот день даже не бывшим чиновником, а действующим бизнесменом, поэтому мог позволить себе некоторые оппозиционные нотки. Развивая свою мысль, он подчеркнул, что, если «Лукойл» продолжит открыто бороться за лицензию, единственно верный ответный ход акционера Березовского – вести переговоры. «Вы их уже ведете, и это – гораздо лучше, чем то, что было с НТВ», – произнес он. Березовский возразил. «Я категорически не согласен! Я с ТРГ вел переговоры вынужденно, это – диктат в чистом виде!»

Тут возникла какая-то невразумительная пауза – большинство находившихся в студии явно не понимали, о чем говорят наши гости. Даже Сорокина вдруг спросила, мол, а TRG – это что такое? Кох и Березовский почему-то сбавили темп и, как будто извиняясь, пояснили, что это такой инвестиционный фонд, который работает везде, но сейчас речь идет о той его части, которая занимается Россией.

Эта заминка – довольно интересный момент. Между прочим, всего двумя неделями ранее, 16 декабря, глава той части фонда TRG, «которая занимается Россией», участвовал в программе «Итоги». Другое дело, что тогда о нем действительно никто ничего не знал. У «Итогов» даже не было подходящей фотографии, поэтому вместе с Киселевым в кадре присутствовала телефонная трубка, под которой было написано: «Борис Карлов, управляющий директор фонда TRG Augora (из Лондона по телефону)». А появился он в «Итогах», потому что объявил о намерении выкупить телекомпанию у акционеров. Выглядевший немного растерянным Киселев подвешивал вопросы в воздухе: «Вы действительно хотите купить акции? У всех акционеров, не только у Березовского? А вас не смущает, что компания в процессе ликвидации?» «Да, – отвечала телефонная трубка. – Хотим купить. У всех. Не смущает».

Почему в период с 16 по 28 декабря тема предложения фонда TRG Augora получила столь слабое развитие в нашем эфире, что даже Сорокина не знала, как реагировать на это название, когда оно вдруг всплыло в ее передаче? Почему так занервничал Березовский после упоминания Кохом этой компании в связи с переговорами о судьбе ТВ-6? На эти вопросы мы ответим «через полтора месяца», когда, уже после отключения ТВ-6 от эфира, будет объявлено о проведении конкурса на ставшую вакантной частоту, а одним из его участников выступит «Телекомпания «Канал 6», представленная Павлом Корчагиным, Андреем Норкиным и... инвестиционным фондом TRG Augora! Пока же не станем забегать вперед.

Оставив в покое не слишком понятную тему переговоров о продаже акций, Сорокина попыталась узнать у Березовского, не связаны ли проблемы телекомпании с его личными отношениями с Алекперовым. Но Борис Абрамович, видимо, посчитав, что разговор выходит на зыбкую почву, предпочел сам перейти в атаку. «О чем вы говорите? – начал он. – Я прекрасно понимал, какие последствия будут после моего приглашения вашей команды на ТВ-6. И вам это говорил, и Евгению Алексеевичу это говорил! И спрашивал, готовы ли вы к новым баталиям? Цитирую вас, Светлана... Вы говорили: «Журналистам угрожают!» Физической расправой! Когда вы переходили на ТВ-6, вас шантажировали, вам звонили, вам угрожали! Это ваши слова, Светлана! О каком же споре хозяйствующих субъектов идет речь? Все, что я делаю, – это попытка спасти единственный в России независимый телеканал!»

На протяжении всего этого страстного монолога Сорокина, казалось, пыталась спрятаться за микрофоном. Потом, ничего не ответив Березовскому, представила нового гостя программы, «политолога в изгнании» Игоря Малашенко. Тот шутку не принял, пояснив, что он находится в Нью-Йорке не в изгнании, а на работе, потому как является главой компании Overseas Media, занимающейся производством телевизионной продукции. «У нас сегодня, можно сказать, праздник. Мы запустили программу с Юрием Ростовым, вы, Светлана, должны его хорошо помнить!»

Юрия Ростова хорошо помнила не только Сорокина. Тогда его еще помнили многие. Как ведущего программы «Вести», а позднее – специального корреспондента в Америке. Широко известна черно-белая фотография «вестевских» времен: сидящий Евгений Киселев, за спиной которого стоят Юрий Ростов, Светлана Сорокина и Владислав Флярковский. Ростов уже давно уволился с российского телевидения, решив остаться в Штатах. Какое-то время он пытался зарабатывать в качестве биржевого брокера, но потом, по его собственным словам, «его позвали заниматься новостями», и он оставил финансовый бизнес, хотя его «все в нем устраивало». Так все было или нет, я не знаю. Но хорошо помню, что, когда впервые увидел Юрия Ростова в эфире нового канала Гусинского – Малашенко, я испытал ужас! Это были не

новости, не аналитика, не журналистика вообще. Ведущий кривлялся, паясничал и нес такую околесицу, что возникали опасения за его душевное здоровье. Удивительно, но Гусинский был в полном восторге! «Ты не понимаешь, это – fun!» – подпрыгивал он на диване, куда усадил меня для того, чтобы познакомить с первой продукцией молодого RTVi.

Позднее я понял, что фраза «ты не понимаешь!» – любимое выражение Гусинского. Хотя, если в таком «непонимании» уличали его самого, он довольно быстро соглашался со своей неправотой. Поэтому совершенно естественно, что к моменту начала моей работы на RTVi Юрия Ростова на этом канале уже не было. Малашенко не мог выносить подобный «fun» чисто физически, что и сумел быстро и доходчиво разъяснить Гусинскому. Ростов перешел на канал RTN – мы еще поговорим о нем в ходе рассуждений о судьбе русскоговорящих журналистов за рубежом, куда их забрасывает судьба. Однако я снова тороплю события...

К сожалению, появление в числе участников «Гласа народа» Игоря Евгеньевича резко снизило темп программы, и на экране снова воцарилась скукота. Малашенко говорил взвешенно, гладко, ставя вопросы и сам же отвечая на них. «Почему нет реакции на Западе? Ну, во-первых, она – есть, не далее как сегодня посол США в России Александр Вершбоу выражал в эфире «Эха Москвы» обеспокоенность судьбой ТВ-6. Во-вторых, это дело – все-таки больше внутренний российский скандал. Ломается привычная система сдержек и противовесов, и в конце концов итоговое решение останется за элитами и избирателем. Но, если закроют ТВ-6, Россия пройдет развилку по своей дороге в тупик. Хотя, конечно, впереди ее будут поджидать и другие развилки...» Все это было очень правильно, очень содержательно, но безумно скучно. Сорокина пару раз пыталась подстегивать Малашенко, но тот реагировал крайне раздраженно – сразу становилось видно, что он думает о госпоже ведущей, которую некогда так не хотел брать на работу.

Я не случайно больше не вспоминаю о «главных» гостях программы: Немцове, Кохе, Шабдурасулове и Сагарове. Просто они не сказали ничего, что заслуживало бы хоть малейшего внимания. Самую же интересную реплику произнес некий «молодежный журналист», как он сам представился: молодой человек неказистого внешнего вида, с рыжими волосами и жиденькой бородкой. Такой классический разночинец. Он и выступил соответствующим образом: «Нынешняя молодежь потеряла веру в демократию и ищет новые пути. Может быть, даже социалистические. У СПС среди молодежи нет будущего, а Борис Абрамович уже сейчас – просто политический труп!» Все, конечно, стали смеяться, мол, дурачок какой! Березовский фыркнул, что его «не в первый раз хоронят». А мальчишка-то оказался прав, согласитесь? Просто чуть опередил время.

В самом конце передачи Сорокина попросила выступить кого-нибудь из коллег. Нас было всего четверо: я, Лена Курляндцева, Юлька и Ашот Насибов. Мы так рядышком и сидели. Отвечать вызвался я и, как обычно для того времени, выдал тщательно подготовленный экспромт. Все свои публичные выступления я неоднократно проговаривал заранее. И потому, что пишу лучше, чем говорю, и потому, что мне хотелось добиваться наибольшего эффекта. В той передаче я, видимо, произнес свой лучший спич, потому что сейчас каждый раз, когда коллеги-либералы хотят меня уличить в очередном грехопадении, они тычут меня мордочкой в «речь про очередь». В Интернете ее до сих пор можно найти под названием «Прощание Андрея Норкина». Смысл моих слов заключался в следующем. Главный итог уходящего года – появление очереди, в которой стоят политики, бизнесмены, деятели культуры и т. д. Девиз же у стоящих в очереди такой: «Господин президент, пожалуйста, отымейте меня раньше моего соседа, я буду счастлив!» Далее я говорил, что не стою в этой очереди, поэтому лично для себя в смысле профессии ничего хорошего от наступающего года не жду, а всем остальным желаю, чтобы он сложился удачнее. На этом «Глас народа» закончился.

Сегодня, когда меня спрашивают, что это было и как это соответствует моим нынешним, не менее ярким публичным выступлениям, например, по поводу телеканала «Дождь», –

я, как настоящий еврей, отвечаю вопросом на вопрос. «Сказал бы сегодняшний я то же самое? Конечно, нет!» И не потому, что мне стыдно за сказанное. И не потому, что я «встал в очередь», как пишут мои глубокоуважаемые критики. Мне не стыдно за сказанное, потому что нельзя стыдиться искренних поступков, нельзя стыдиться собственных убеждений. А я безусловно был убежден в том, что говорил! Просто мой сегодняшний багаж знаний, мой опыт общения и работы с либералами, от олигархов до политиков, мое выкристаллизовавшееся за годы решение не иметь с ними ничего общего дают мне право утверждать, что сегодняшний я просто не участвовал бы в той передаче. И вообще не принимал бы участия в защите бизнес-интересов господина Гусинского. Другое дело, что сейчас немножко обидно чувствовать себя дурачком, которого так откровенно использовали. Ну, тут уж ничего не исправишь.

Глава 20

29 декабря Федеральный арбитражный суд Московского округа неожиданно отменил решение о ликвидации МНВК! Дело было направлено на новое разбирательство. Радость и недоумение, охватившие нас по случаю этого решения суда, длились недолго. Хватило их только на корпоративное празднование Нового года, когда я пытался выведать у представителей нашей юридической службы, что они такого сделали с судьями? Видимо, я был здорово пьян, раз приставал к людям с подобными вопросами! Все встало на свои места уже 4 января: зампред Высшего арбитражного суда Эдуард Ренов в порядке надзора вынес протест на решение от 29 декабря 2001 года. МНВК должна была быть ликвидирована в конце месяца. То есть наш традиционный трюк а-ля «блуждающие адвокаты» опять не сработал, хотя судье Ренову досталось по первое число! Я помню, как Киселев лично распорядился подготовить материал, рассказывающий о сомнительной фигуре этого представителя Фемиды. Помню и то, как Ашот Насибов отказался делать такой репортаж, сославшись на то, что подобные задания не соответствуют его представлениям о журналистике. Киселев был удивлен, но предпочел не наказывать бунтаря, а найти другого исполнителя. Почему – ответить не могу. Возможно, в сознании моих коллег что-то начало меняться.

В те дни заработали какие-то скрытые от широкой публики механизмы. В железнолобые головы руководителей и общественных лидеров УЖК все-таки удалось вдолбить допущение, что «кровавый режим» не воюет с журналистами. Хотите вы работать? Работайте! Никто вас не увольняет, не закрывает. Просто не надо под словом «работа» понимать «обслуживание интересов» конкретных олигархов – Гусинского и Березовского. Потому что эти двое ведут себя отвратительно по отношению к собственной стране, которая, между прочим, предоставила им огромное количество возможностей. А деньги для вашей работы найдутся, инвесторов гораздо больше, чем двое.

Я, конечно, фантазирую, потому что лично при этих разговорах не присутствовал. Но их смысл и примерное содержание представить нетрудно. Кто был инициатором? Существуют две версии. Публичное объяснение «команды Киселева»: предложение сделал министр печати Лесин. В трактовке Гусинского и Березовского: имел факт предательства со стороны журналистов, внутренний сговор, о котором сообщил наверх Павел Корчагин. Поднялась новая волна взаимных оскорблений и обвинений. Киселев, вернувшийся с очередной встречи с акционерами, собрал наш «партактив», будучи в крайне подавленном состоянии. Он сообщил, что, если мы примем решение попытаться работать самостоятельно, наши многолетние работодатели лишат нас финансирования. Угроза была устрашающая – все мы привыкли к хорошо обеспеченной жизни и не очень-то представляли, как обойдемся без ежемесячных зарплатных поступлений. Тем не менее решено было рискнуть: Уникальный журналистский коллектив отказывался от продолжения работы с олигархами.

Многие приветствовали это решение. Например, Ясен Николаевич Засурский²² тогда сказал мне, что возникла беспрецедентная ситуация: редакция, творческая группа журналистов получает возможность попробовать самостоятельно делать крупное электронное СМИ. Это вдохновляло. Поэтому даже вопрос с финансированием, вопрос принципиальнейший, был отложен до лучших времен. Сначала нужно было размежеваться. Публичные объяснения по этому поводу происходили в «Гласе народа» 18 января 2002 года. Вот поэтому я и считаю январский «Глас» более важным, чем декабрьский. Тогда вышло сплошное нытье, чуть оживленное моей «очередью», а теперь ожидался откровенный разговор на конкретную тему. В

²² Легендарный декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, возглавлявший его сорок два года, с 2007-го – президент журфака МГУ.

пользу этого предчувствия говорил и состав участников программы: Лесин, Березовский и журналисты ТВ-6.

Сорокина начала передачу с краткого изложения расстановки сил: *«Дело в том, что наша компания приговорена окончательно к ликвидации, и вот здесь произошел... произошло очень важное событие. Уже журналистский коллектив... вернее, так... Трудовой коллектив ТВ-6 решил создать новое акционерное общество, и решение это принято по предложению министра печати Лесина, именно он выдвинул такое предложение! Мы его, мучительно обдумав, приняли, и вот теперь пытаемся организовать новую компанию, без так называемых «олигархов».*

Затем ведущая обратилась к телезрителям с просьбой принять участие в голосовании и выразить свое мнение: правильно или неправильно поступают журналисты ТВ-6, соглашаясь на это предложение? Результаты голосования должны были стать известны в конце передачи, а пока все началось с разговора о морали. Сорокина представила Михаила Лесина, который находился в собственном рабочем кабинете, они пококотничали на тему ее дня рождения и уместности поздравлений, после чего коллеги стали задавать министру вопросы. Первой микрофон взяла Лена Курляндцева, обратившаяся к Лесину: «Михаил Юрьевич, голубчик, начальник, скажите...»

В этом «голубчике» – вся Курля, не прибавить, не отнять! О некоторых людях говорят: «не от мира сего». К Лене Курляндцевой это выражение относилось ровно наполовину, потому что во всем, что касалось работы, наш прославленный культурный обозреватель представляла просто железной женщиной. Ее панически боялись операторы и видеоинженеры, которых она на съемках гоняла так, что дым стоял столбом. Она никогда не опаздывала к эфиру, она знала все свои сюжеты и всех своих героев. 16 марта 2003 года «Итоги с Евгением Киселевым», выходявшие на ТВС, показывали ее репортаж, посвященный девятилетию Сергея Михалкова, когда в аппаратную ворвалась взбешенная Курляндцева. Оказалось, что редакторы допустили непростительную оплошность: вместо подготовленного к показу материала они взяли в видеотеке репортаж той же Курляндцевой, но приуроченный к восьмидесятипятилетнему юбилею писателя! Ошибку исправили уже в выпуске, вышедшем на европейскую часть страны, а Дальний Восток довольствовался Михалковым пятилетней давности. Яркий пример того, что к своей работе Курляндцева относилась очень серьезно и ответственно.

Как правило, «культурка» всегда остается на задворках информационных выпусков, первым кандидатом на вылет из монтажного листа в случае перебора времени. Репортажи Курляндцевой выбрасывать из эфира не поднималась рука. Хотя, возможно, это лишь наше семейное к ней отношение. И она знала, что мы с женой так к ней относимся. Возможно, поэтому была одним из двух корреспондентов «команды Киселева» (второй – Насибов), которые по собственной инициативе помогли нашему RTVi встать на ноги и делали для нас репортажи. Возможно, поэтому она позже звонила моей Юльке: «Привет! А я вообще-то звоню попрощаться! Я умираю!» И эти ужасные слова звучали в ее устах так же естественно, как обращение к министру – голубчик!.. А в остальном «наша Курля», конечно, оставалась человеком не от мира сего. Помню ее неподдельный ужас, когда после нашего коллективного ухода с НТВ она вдруг увидела в программе «Сегодня» Петю Марченко. Выяснилось, что Курляндцева, которая с Марченко никогда по работе не пересекалась, но иногда сталкивалась с ним в коридоре, всегда считала, что он – начальник «энтэвэшной» охраны!

От «голубчика Михаила Юрьевича» Лена хотела услышать разъяснение, как можно «росчерком пера» отправлять в безработицу полторы тысячи человек, профессионалов, кормильцев для своих семей? Не могу исключить, что этот вопрос был согласован заранее. Я, например, знал, что должен буду вступить в дискуссию в жестко определенный момент, который мы оговорили с Киселевым. Но моя тема более соответствовала финалу программы. А подобное «морально-этическое» начало разговора, которое задала Елена Курляндцева, для

министра печати стало неожиданным. Он был явно к этому не готов: «Ну, во-первых, э-э-э... я не согласен с тем, что... у трудового коллектива или у отдельных журналистов, у любых специалистов есть какие-то определенные ограничения на работу, запрет на работу, и... В общем-то, в эту плоскость я совсем не хотел уходить...»

С. Сорокина: Почему? Это многих волнует на самом деле!

М. Лесин: На сегодняшний день рынок средств массовой информации испытывает очень сильный голод профессиональных кадров, и...

С. Сорокина: Михаил Юрьевич, а можно я встряну? Можно я встряну? Вот, не называя привычную аббревиатуру... Вот, когда многие из нас увольнялись с прошлого места работы, нам впрямую говорили, что штамп ТВ-6 будет означать запрет на профессию в ближайшем будущем!

М. Лесин: Ну... я не знаю, кто вам это говорил... Мы с вами общались, Света, и мы обсуждали разные варианты, как вы помните, и у вас были разные предложения от других каналов. Вы сделали свой выбор и, так сказать, пошли на ТВ-6, и я абсолютно не согласен с этим тезисом... Может быть... Может быть, кто-то хочет таким образом думать? Кто-то хочет таким образом трактовать? Но на сегодняшний день потребность рынка в специалистах высокого профессионального уровня огромна, и я еще раз повторю, что не хотел бы рассматривать такой негативный результат».

Размявшись на общей теме, коллеги перешли к конкретике. Слово взял Андрей Черкизов: «Было сказано – МНВК, телеканалу ТВ-6, – что давайте-ка, ребята, преобразовывайтесь таким образом, чтобы вот среди акционеров не было Березовского и Гусинского и у Евгения Киселева не было бы контрольного пакета акций. Мой вопрос: «Это правда? Или это неправда?»

М. Лесин: Спасибо. Я отвечу на этот вопрос. Во-первых, был только один источник именно в той интерпретации, как вы сказали. Я еще раз повторяю: никаких условий коллективу телекомпании не выставлялось! Никаких условий по поводу контрольного пакета Киселева. Да, действительно, Павел Корчагин задавал вопрос: «Является ли участие Киселева в акционерном капитале каким-то моментом, тормозящим процесс?» «Нет, не является!» Я ему это отвечал, и никаких условий, еще раз повторяю, никто друг другу не выставлял».

Лесина явно начали раздражать продолжавшиеся со стороны журналистов наскоки, и поэтому скоро он перешел в наступление, воспользовавшись прозвучавшим от Юлии Латыниной тезисом о том, что телевидение занимается промыванием мозгов. Ведущая «Эха Москвы» говорила, естественно, о государственном телевидении.

М. Лесин: Давайте вспомним 1997 год! «Связьинвест», «Чубайс должен сидеть в тюрьме»... Давайте вспомним 1999 год, лето... Давайте вспомним еще массу моментов, когда независимые СМИ, и НТВ, и ОРТ, в принципе, по указке своих собственных акционеров – промывали мозги власти! Давайте вспомним, каким образом формировалось Общественное российское телевидение. (...) В итоге что из этого Общественного российского телевидения стало? Мы все эти моменты очень хорошо помним. К сожалению, обсуждать историю развития средств массовой информации без, вот, понимания всех сторон – абсолютно, категорически неправильно! Да, пять лет назад, шесть лет назад, даже четыре или три года назад создать независимую телерадиокомпанию на рынке было чрезвычайно сложно, практически невозможно. Сейчас... сейчас эти условия созданы. И у всех... у всех средств массовой информации уже есть четкое понимание, каким образом позиционироваться на рынке, как считать свой собственный бюджет, стоит брать политические деньги или не стоит политические деньги брать, каким образом выстраивать отношения свои с акционерами, кто такой главный редактор, кто такой вещатель, и т. д., и т. д., и т. д. Но для этого необходимо было, чтобы прошло какое-то время, чтобы люди научились в том числе работать в новых условиях...

С. Сорокина: *Михаил Юрьевич, можно я вас прерву...*

М. Лесин: *Давайте не забывать 1998 год, когда рынок сократился в десять раз и средства массовой информации вынуждены были с протянутой рукой идти кто куда. Кто к власти, кто к финансово-промышленным группам, а потом эти деньги отрабатывать... Почему мы опять подходим непрофессионально к тем проблемам, которые мы обсуждаем? С одной стороны, мы говорим, что в стране должна существовать демократия и разделение властей и государство не имеет права вмешиваться в судебную власть; с другой стороны, мы говорим: «Ну почему же государство не вмешалось в судебную власть и не прекратило этот конфликт между акционерами, таким образом поставив кого-то в неравные условия?» Но если мы, журналисты, если мы сами в средствах массовой информации не можем законно трактовать те или иные действия – мы потом и нарываемся на то, что про нас говорят. Что телевидение – это фабрика по промывке мозгов!»*

Не давая никому опомниться и что-либо возразить, министр внезапно вернулся к самой первой теме дискуссии. У него явно сформировалась своя позиция: «У меня вопрос к Елене, которая задавала мне самый первый вопрос. А коллектив, который пришел на ТВ-6, он думал о семьях тех людей, которые раньше работали на ТВ-6? Или нет?» Это была первая реплика Лесина, встреченная аплодисментами. Как обычно в подобных случаях, в качестве доказательства нашей невиновности публике был предъявлен Иван Усачев.

«С. Сорокина: *Никого не увольняли вообще-то... Вообще-то никого не увольняли! Так! Здесь есть, кстати, наши ребята, которые работают с нами, в том числе и из старого коллектива. Пожалуйста, свое отношение: как мы поступили с коллективом? Очень надоело слушать, честно говоря, эти упреки.*

И. Усачев: *Ну, смотря с кем. Со мной поступили хорошо. Меня оставили, да. И я говорил раньше и говорю сейчас – я прошел хорошую профессиональную школу и... рад тому, что остался!*

Е. Курляндцева: *Я помню, как я сама ходила и звонила человеку, который работал на моем месте, и очень просила его остаться... Мы все ходили, и просили, и говорили: «Ребята, оставайтесь, мы все как бы подвинемся...» Вот, вы понимаете, это действительно было так. Это правда! Первое, что мы обсудили, когда мы решили, идти нам или не идти нам на ТВ-6, мы обсуждали, что делать с теми людьми, которые там работают, и не будем ли мы в свинском положении! И мы сказали: «Нет, никого не уволим!» Мы это обсуждали первым вопросом, уверяю вас.*

С. Сорокина: *Михаил Юрьевич, все-таки некорректно. Компанию никто не ликвидировал, как сейчас, когда остаются без работы буквально все, согласитесь!»*

Под вновь раздавшиеся аплодисменты Лесин предложил в таком случае просто не обсуждать больше эту тему. Кто вышел победителем в споре? Не знаю, но не могу сказать, что наша позиция выглядела безупречно. Тем более что сменивший Лесина на большом экране студии Березовский тут же начал нападать на нас.

«Б. Березовский: *Значит, у меня вопрос к вам, постольку, поскольку... Сегодня тема – возможны ли независимые средства массовой информации? У меня к вам прямой вопрос: вот за то время, пока вы работали на ТВ-6, был ли хоть один случай вмешательства акционеров в вашу профессиональную деятельность?»*

С. Сорокина: *Так, кто-то говорит, что был... Лично я говорю, что нет, в мою деятельность не вмешивались. Пожалуйста, что хочешь сказать, Ваня?*

И. Усачев: *Да, был один случай... Это, наверное, был 1996 год, когда скандал...*

Б. Березовский: *Нет-нет. Одну секунду, одну секунду, одну секунду! Вопрос был задан вполне корректно. В 1996 году никакого отношения, кроме как формального, вот как «Лукойл», акционер не имел к ТВ-6... Вы это знаете прекрасно, не нужно передергивать карты. Задал конкретный вопрос, прошу ответить.*

С. Сорокина: *За те полгода, да?*

Б. Березовский: *Светлана, вы ответили, да. Было ли хоть один раз вмешательство акционеров в вашу профессиональную деятельность?*

С. Сорокина: *Нет, вы у меня и в эфире-то второй раз, и то по моей просьбе...»*

Одержав эту небольшую тактическую победу, Березовский начал цитировать собственное «Открытое письмо общественности» еще времен раскола НТВ. Как я понимаю, это было ему необходимо, чтобы продемонстрировать ущербность поведения журналистов ТВ-6, перекинувшихся на сторону власти. «Любарская – это авторитет для тех людей, которые работают в ТВ-6? Как адвокат?» – спросил он Сорокину²³. Сорокина ответила утвердительно: «Да!»

Б. Березовский: *Да? Тогда я вам процитирую ответ на мою просьбу госпоже Любарской: оценить письмо господина Корчагина господину Лесину. Вы помните, о чем шла речь в письме господина Корчагина? «Настоящим письмом МНВК официально уведомляет Вас о готовности досрочно отказаться от лицензии на осуществление телевизионного вещания и создать новое юридическое лицо». Так вот, ответ госпожи Любарской, уважаемого вами, замечу, адвоката: «Досрочный добровольный отказ от лицензии на условиях договоренностей с лицензирующим органом о предоставлении за это права лицу, подписавшему такой отказ, быть учредителем СМИ, следует квалифицировать как злонамеренное соглашение представителей одной стороны с другой стороной, что карается законом!» Поэтому господин Лесин всячески пытался убедить вас, что нет, это не его инициатива и нет никакой договоренности! Но у меня вопрос к господину Корчагину, я не знаю, он присутствует там или не присутствует?*

С. Сорокина: *Нет, Корчагина нет здесь...*

Б. Березовский: *Нет, да? Ну, к сожалению, его нет. Ну, он набрался мужества и сказал... Должен заметить, что когда господин Максим Соколов... такой теперь есть соловей на ОРТ, говорил о том, что я употребляю уголовную там типа лексику, когда говорил – «кинули»... Так вот, я цитировал вопросы журналистов ко мне, которые говорили: «Скажите, Борис Абрамович, а вас не «кинули» журналисты, эээ... журналисты ТВ-6?» И я этот вопрос поставил господину Корчагину, и спросил: «Господин Корчагин, как вы считаете?» Он мне сказал: «Борис Абрамович, мы вас «кинули»! Это не моя терминология, это господин Корчагин – мы вас «кинули»! «Кинули», для того чтобы дать возможность работать тысячам людей. И я сказал: «Я не осуждаю». И сегодня ничего не осуждаю, чтоб было понятно. Я осуждаю другое! Я осуждаю абсолютно, с моей точки зрения, бесперспективную политику власти и тех людей, которые ее выражают, конкретно – господина Лесина. Спорить, правда, с господином Лесиным вот я лично – не могу... Не обижайтесь, пожалуйста, на меня, я считаю это абсолютно недостойным себя. Там все абсолютно понятно, и нет никаких вопросов! Я, вы знаете, несмотря на то что, как вы все считаете – вопрос решенный, я так не считаю... И я продолжаю платить вам зарплату...*

С. Сорокина: *То есть нам нужно продолжать бороться за МНВК?*

Б. Березовский: *Нет, я еще раз говорю – я продолжаю платить вам зарплату, именно потому, что понимаю, что у вас есть семьи, понимаю, насколько беспредельна власть, которая абсолютно безответственно реально сегодня выбросила вас на улицу... Потому что у меня есть полное моральное право прекратить сегодня платить зарплату, вы же сами считаете, что уже эта компания принадлежит, по-видимому, другому собственнику... Я не о вас пекусь, я пекусь о себе, чтобы я сам перед собой в этой ситуации был абсолютно чист. Вот в чем моя проблема!»*

²³ Гералина Любарская – одна из ведущих юристов «Медиа-Моста». Широкую известность получила благодаря участию в судебных разбирательствах, связанных с деятельностью СМИ.

За несколько минут Березовскому удалось сделать то, чего не смог (если, конечно, хотел) добиться Лесин: выставить УЖК в крайне неприглядном свете, оставшись при этом в белом фраке. Мы его «кинули», прекратили борьбу, провели сепаратные переговоры, а он тем не менее продолжает платить нам деньги, поскольку печется о собственной репутации. Тут, правда, Борис Абрамович здорово лукавил. Зарплату мы уже не получали, но подобные несоответствия его не смущали, в чем я имел возможность убедиться еще неоднократно. Противостоять этому потоку обвинений попытался еще один журналист ТВ-6, Ашот Насибов: *«Перед нами был выбор, перед нами была поставлена очень жесткая такая, э-э-э... дилемма, если дилемма может быть поставлена... Либо мы начинаем действовать совершенно самостоятельно, не сохраняя ни формальных, ни неформальных связей с олигархами, либо мы прекращаем существование как творческий коллектив, мы лишаемся площадки, на которой мы можем работать, и не имеем перспектив работать в обозримом будущем. Мы приняли решение создать это ООО «ТВ-6», чтобы сохранить, первое – коллектив, второе – редакционную политику. Я не знаю, действительно ли удастся нам сохранить редакционную политику, но это – единственная возможность по-прежнему выдавать в эфир те мысли, которые у нас есть, и предоставлять возможность высказываться всем. Всем сторонам, в том числе и вам.*

С. Сорокина: *Это была реплика, Ашот, у тебя нет вопросов? Ты просто объясняешь Борису Абрамовичу нашу позицию?*

А. Насибов: *Я объяснил те мысли, которые родились у меня в беседах с моими коллегами, с целым рядом моих коллег.*

С. Сорокина: *Хорошо!*

Б. Березовский: *Спасибо большое! Спасибо большое, Ашот! Я просто хочу еще раз прокомментировать свою позицию изначальную. Когда я вас приглашал на ТВ-6 – и хочу еще раз сказать, что действительно ни обиды, ничего такого у меня нет, это абсолютная правда – потому что приглашал я вас не из альтруистических соображений. Я приглашал вас по совершенно другой причине, и вам открыто и честно это сказал: для того, чтобы сохранить в России профессиональную телевизионную команду, которая реально может быть независимым от государства источником информации для миллионов, десятков миллионов российских граждан. И с этой задачей вы блестяще справились! Я абсолютно понимаю всю ту тяжесть ситуации, в которой вы находитесь! Но – это глубочайшее заблуждение, что, вот, давайте возьмем пять «олигархов», и они, вот такие хорошенькие, поделят там по пятнадцать процентов! Я не знаю... или по двадцать, если всего сто... и будут на равных... Мы это уже проходили, олигархи мирно не уживаются, мы это все знаем. И вы знаете, что ОРТ тоже начинало свою историю, когда было семь олигархов, которые получили сорок девять процентов. И в конечном счете остался один олигарх, который получил все сорок девять! Это закон, это закон, это закон конкуренции, закон жизни, закон рынка!» – закончил Березовский под аплодисменты.*

А я подумал, что он снова совпал в своей аргументации с Михаилом Лесиным. Они оба приводили один и тот же пример с ОРТ, и оба поучали нас на этом примере. Но... недаром наш журналистский коллектив называли Уникальным! Сдаваться мы не собирались. Последовала новая реплика Черкизова, теперь уже адресованная Березовскому.

«А. Черкизов: *Вы говорите: либо государство дает деньги, либо один олигарх. При этом вы сказали, что ваша цель, когда вы приглашали нас на ТВ-6, была возможность дать команде профессионально и независимо работать. А почему же вы сейчас против того, что команда сама собралась профессионально и независимо работать, участвовать в ее финансировании, будучи, предположим, не одним олигархом, а каким-то по счету – первым, вторым, третьим? Команда-то та же! Люди те же, которые доказали свой профессионализм, ну, как минимум, два с половиной раза! Спасибо.*

Б. Березовский: *Первое. Во-первых, я не говорил то, что вы утверждаете. Я не говорил, что я не собираюсь продолжать финансировать. Это первое. Второе. Я по-прежнему утверждаю, что все закончится тем, что, безусловно, только один будет реальный владелец компании, и конечно, это не будет трудовой коллектив.*

С. Сорокина: *Это будет кто – государство?*

Б. Березовский: *Неизвестно... Скорее всего, в данном случае, или государство непосредственно, или тот олигарх, который будет подотчетен государству. Например, «Лукойл». Понятно, что «Лукойл» имеет колоссальный бизнес, который реально зависит от серьезных решений...*

С. Сорокина: *Поняла, поняла вас... Можно, я сейчас попрошу перекоммутироваться... и дать нам снова Михаила Юрьевича Лесина? Я понимаю, что он нас все-таки внимательно слушал и даже иногда конспектировал, я видела... Михаил Юрьевич, скажите, пожалуйста... Ну, чуть веселее выражение лица, ну что вы, ей-богу? (Под бурные аплодисменты вернувшийся на экран Лесин скорчил радостную рожицу.) Михаил Юрьевич, скажите, пожалуйста, а нет ли у вас ощущения, что мы вот пришли к закономерному выводу: либо государство, либо какой-то один олигарх, и никак не трудовой коллектив в нынешних обстоятельствах может быть хозяином ситуации?*

М. Лесин: *Спасибо, Света, что дали мне слово. Во-первых, я с удовольствием выслушал такую речь генерального секретаря в изгнании! И полностью согласен с Борисом Абрамовичем... (Аплодисменты.) Полностью согласен с Борисом Абрамовичем, что деньги на самом деле не имеют никакого, ни политического, ни экономического характера. Потому что тот кредит, который был получен ОРТ по просьбе Бориса Абрамовича – ни копейки не было потрачено на ОРТ, он стал сразу политическим и исчез! – но телекомпания сейчас – нынешняя, действующая – должна отдавать этот кредит! Во-вторых, в отношении того, что было сказано по поводу адвоката и письма. Борис Абрамович, ну мы с вами цивилизованные люди! Давайте обратитесь в суд, можно в лондонский, и я с удовольствием приеду, и мы там выясним, кто из нас прав, кто не прав. Это наиболее цивилизованный путь! А в отношении того, будет один акционер, не будет один акционер... Да, действительно, на сегодняшний день я согласен с тем, что группа олигархов, которая может войти в состав акционеров, будет очень в тяжелом положении по договороспособности, это почти нереально. Но говорить сегодня о том, что один олигарх – плохо, или два олигарха – плохо, это неправильно. Все будет зависеть от того, у кого будет контрольный пакет. Если контрольный пакет будет в руках у трудового коллектива, а олигарх будет рассматриваться как инвестор и готов будет вкладывать деньги в компанию и соглашаться с этим условием, то – да! Если же контрольный пакет будет у инвестора или у группы инвесторов, тогда уже трудовой коллектив вынужден будет подчиняться своим акционерам или решению Совета директоров. Но опять же, решение зависит только от трудового коллектива...*

С. Сорокина: *Михаил Юрьевич, вы – коммерсант... Неужели вы сами верите в такое развитие событий?*

М. Лесин: *А это естественное развитие событий! То, что мы говорим: «Бизнес есть бизнес». У кого в руках находится контрольный пакет, тот действительно имеет приоритетное право решения и утверждения своих партнеров».*

Тут настал мой черед. Переминавшийся за нашими спинами, но не участвовавший в общем разговоре Киселев замер в ожидании. В отличие от всех моих предыдущих перформансов сегодня все должно было ограничиться лаконичным замечанием.

«С. Сорокина: *Так, Андрей, что ты хотел сказать? Андрей Норкин.*

А. Норкин: *Я хотел к Михаилу Юрьевичу обратиться с такой просьбой. Михаил Юрьевич, я хочу немножечко конкретизировать ситуацию. Скажите мне, пожалуйста, означает ли то, что у новой организации, которую сейчас создает коллектив ТВ-6, в том случае, если*

господин Березовский, как он только что сказал, продолжит ее финансирование... Так вот, означает ли, что в этом случае симпатии государства, о чем говорил господин президент, моральная поддержка правительства, о чем говорил господин премьер-министр, и симпатии министра печати, о чем, собственно, вы напоминали, останутся вместе с коллективом ТВ-6? Я подчеркиваю: в той ситуации, если Березовский будет продолжать финансировать новую организацию, которая будет вещать на канале ТВ-6.

С. Сорокина: Андрюша, хочешь, я отвечу на этот вопрос?

А. Норкин: Нет, я хочу, чтоб ответил Михаил Юрьевич.

С. Сорокина: Пожалуйста.

М. Лесин: Я думаю, что это не вызовет никаких абсолютно проблем... Я думаю, что симпатии на самом деле ведь не к господину Березовскому, а к трудовому коллективу и к вам, к журналистам.

А. Норкин: Спасибо, мне было важно, чтобы все услышали эти слова».

Раздались аплодисменты, я ощутил похлопывание по спине и голос Киселева: «Спасибо, отлично! С меня бутылка!» Должен сказать, что они оба сдержали слово. Киселев подарил бутылку прекрасного вина (я хоть в винах и не разбираюсь, но вполне могу оперировать категориями «вкусно» и «невкусно»), а «команда Киселева» после небольшой паузы снова появилась на «шестой кнопке». Тем временем Сорокина уже подводила итоги программы. Первым слово получил Венедиктов.

С. Сорокина: Выход-то какой, Алексей Алексеевич, выход какой, какой выход, что делать?

А. Венедиктов: Частные средства массовой информации должны в России превалять. Ваша компания должна быть частной. Но в конечном итоге, если вы будете брать кредит у частного лица, он станет владельцем канала...

С. Сорокина: Спасибо, Алексей Алексеевич... Михаил Юрьевич, вы согласны с этим? Может быть, действительно имеет смысл поддержать в этой трудной ситуации частные средства массовой информации, потому что только они дают альтернативные источники информации?

М. Лесин: Я абсолютно согласен с Алексеем и полностью поддерживаю его позицию. Одна только маленькая деталь: ну, мы все время говорим, что вы одни – да не одни вы! В Российской Федерации две с половиной тысячи телерадиокомпаний! Из них только сто – государственные. Остальные – это частные компании, участвующие компании...

С. Сорокина: А мы не про себя говорим! Мы говорим, что государство должно быть заинтересовано в поддержании частных телекомпаний, разных...

М. Лесин: Должно! И государство заинтересовано. Просто я еще раз повторяю, что еще есть журналисты в стране, и они хорошо и профессионально работают, и дают альтернативную информацию!

С. Сорокина: Так. И буквально... Марьяна, уже закругляемся, уже время вышло, пожалуйста, Марьяна.

М. Максимовская: У меня вопрос к Михаилу Юрьевичу. Он сказал, что он оказывал консультации нам, перед нашим решением, о котором было объявлено в понедельник, о создании нового ООО. Будет ли Михаил Юрьевич оказывать нам консультации при выборе инвестора? Очевидно, что такая необходимость перед нами встала уже, даже не возникнет, а уже стоит, вот сейчас.

М. Лесин: Нет, не буду... Это должен быть полностью ваш осознанный выбор, чтобы вы в третий раз не попали в какую-нибудь подобную ситуацию.

С. Сорокина: И тут же, не переключаясь, какие-то слова напоследок хотите сказать? Потому что у нас две минуты буквально до конца эфира, Михаил Юрьевич.

М. Лесин: Я хочу пожелать всем удачи и абсолютно уверен, что все будет хорошо.

С. Сорокина: *Та-а-ак... Борис Абрамович, вам буквально минуту на последние слова. Все не будет хорошо?*

Б. Березовский: *Я хочу сказать, я уже это много раз говорил, я – генетический оптимист. Я считаю, что в средствах массовой информации, собственно, как и во многих других, э-э-э... направлениях бизнеса, так скажем, все решают мозги и деньги. Мозги у вас есть, вы доказали это не один раз...*

С. Сорокина: *А деньги?*

Б. Березовский: *А с деньгами, я думаю, что будет проблема... Но здесь уже третья компонента важна – ваша воля... И ваша совесть. Если и воля, и совесть – нормально. Уверен, что найдутся те, кто смогут вас поддержать финансово».*

«Деньги – были, деньги – будут! Сейчас денег нет». Эта знаменитая «аксиома Березовского», сформулированная им в приватном разговоре с Владимиром Соловьевым, практически и прозвучала тогда в нашем эфире. Это был последний публичный – эфирный – акт в неустанной борьбе Уникального журналистского коллектива за право считаться более профессиональной командой, чем любые другие редакции. Наше поражение стало очевидным для всех. Мы – дрогнули. Мы допустили возможность работы на иных условиях. Условиях, отличавшихся от тех, что существовали в самом начале нашего противостояния с властью. Прежде всего мы отказались от принципа сакральности акционера и его интересов. Более того, отрекаясь от своих прежних работодателей в поисках новых, мы тем не менее щедро оставляли им – прежним – возможность продолжать наше финансирование! Стоит ли удивляться, почему еще многие годы спустя членов УЖК в профессиональной среде будут подозревать в завышенных аппетитах?

Сама же эта программа наглядно продемонстрировала позиции сторон перед часом «Х». Зритель, который, как и любой другой клиент – «всегда прав», поддержал наше трудное решение. Пятьдесят семь процентов, принявших участие в голосовании, решили, что коллектив ТВ-6, создавая собственную компанию, поступил правильно. Сорокина закончила эфир следующими словами: *«Я могу сказать... на своем личном опыте, что, когда в 1997 году я оказалась в ситуации, когда меня выдворяли с российского государственного телевидения, у меня был выбор. Я пошла на частное телевидение. Сейчас, если случится ситуация, когда у меня будет, там... не знаю... запрет на профессию, когда закроют тот же ТВ-6... Я сомневаюсь, что, рассорившись с каким-нибудь из государственных каналов, я найду работу на другом, потому что отсутствие выбора сужает любые наши возможности».*

Чем больше времени отделяет меня от тех жарких баталий, тем забавнее кажутся все громкие слова про «альтернативные источники информации», «отсутствие выбора» и т. д. Лично меня сейчас иногда охватывает огромное желание сократить количество «альтернативных источников информации»!.. Кстати, Светлана Сорокина тоже не доработала в «команде Киселева» до ее финала. Не дожидаясь окончательного развала канала ТВС, она ушла. На «Первый канал»...

Глава 21

Отключение ТВ-6 произошло в ночь с 21 на 22 января. За выходные дни, последовавшие за последним выпуском «Гласа народа», «команда Киселева» в очередной раз попыталась переиграть всех. Несмотря на то что еще в пятницу сообщалось о начале создания журналистами ТВ-6 собственного Общества с ограниченной ответственностью при одновременном добровольном отказе от лицензии на вещание, к началу новой рабочей недели концепция изменилась. Сначала «слетел» Березовский. Наши руководители решили, что смогут финансировать деятельность нового – журналистского – СМИ за счет кредитов. У кого мы будем брать эти кредиты, еще не было понятно. Но зато было ясно, что Березовский на роль инвестора не годится. Павел Корчагин уже поздно вечером в пятницу заявил – цитирую, – что «участие Березовского в новом ООО означало бы, что и новая компания через день получит предупреждение другого арбитражного или какого-то другого суда по поводу ее ликвидации».

Павел Петрович ошибся. Несмотря на все его заслуги перед УЖК и перед российским телевидением вообще (а Корчагин, мягко говоря, не на помойке себя нашел и его вклад в становление нового российского телевидения был никак не меньше, чем у того же Евгения Киселева!), для Гусинского и Березовского Корчагин оставался технической фигурой, а не человеком с полномочиями принятия решений. Утром в понедельник, 21 января, Киселев объявил, что ТВ-6 отзывает свое письмо с добровольным отказом от лицензии! Причем в присущей ему манере Евгений Алексеевич перевел стрелки на Корчагина, фактически выставив последнего нарушителем трудовой дисциплины. По словам генерального директора телекомпании, направлять письмо с отказом от лицензии в вышестоящие регулирующие органы имел право только Совет директоров МНВК, а не менеджмент телекомпании! Включая Павла Корчагина, подпись которого, напомню, и стояла под документом. Наши акционеры оказались крайне недовольны внезапно проявившимся у некоторых руководителей ТВ-6 здравым смыслом и жестко наехали на Киселева. Тот тут же пошел на попятный.

Корчагин, конечно, обиделся. Сначала его попросили вести переговоры, подписывать письма, вообще принимать огонь на себя. А потом выставили каким-то полудурком, не признающим никаких правил и не уважающим мнения собственного начальства. Но если Корчагин мог в той ситуации только хлопнуть дверью и послать Киселева самого разгребать коллективно созданную кучу (что он, кстати, и сделал совсем скоро), то у Министерства печати терпение попросту лопнуло. В интервью «Времени» Михаил Лесин сообщил, что лицензия будет отозвана в ближайшее время, да и временного разрешения ТВ-6 не получит. «Нынешний коллектив телекомпании, к сожалению, уже не может ничего сделать, поскольку решение судебных приставов достаточно серьезно ограничило хозяйственную деятельность МНВК и ресурсов практически не осталось». За этой традиционно выверенной формулировкой скрывалось серьезное раздражение нашей недоговороспособностью. Кстати, это был еще один пример, который мы сами часто пытались приводить в своих схватках с режимом. Весьма популярны были спортивные аналогии: мол, мы играем в шахматы, а они – в шашки, мы – в хоккей, а они – в футбол, причем меняя правила прямо по ходу игры. Так вот, наше поведение в эти дни, предшествующие отключению ТВ-6 от эфира, ничем не отличалось от сказанного. Мы пытались менять правила: то согласимся, то откажемся, то одно, то другое... Очевидно, что долго это продолжаться не могло.

Очевидно и то, что сам факт отключения сигнала получил с нашей стороны совершенно однозначную трактовку. Честь объявить об этом выпала Владимиру Соловьеву, который в ту памятную ночь принимал в своей программе «Соловьиная ночь» известного шансонье Михаила Круга. Гость успел исполнить всего пару-тройку песен и ответить на несколько вопросов ведущего и телезрителей. Выглядел он при этом немного ошарашенным. Соловьев периодически

ски предупреждал, что если вместо картинки из студии зрители увидят на своих телеэкранах черный квадрат, то все вопросы следует направлять господину Лесину. Михаил Круг в эти моменты сам превращался в квадрат, и было видно, что ему не очень нравится подобная аранжировка программы. Наконец, прямо во время исполнения очередного музыкального номера Соловьев произнес следующее: «Ребята, мы вынуждены с вами попрощаться! Потому что власть сделала свое абсолютно черное дело! В Москве нас больше нет...» Далее на несколько секунд пропал звук и ведущий в кадре лишь шевелил губами. «Это ничья не вина! – внезапно голос Соловьеву вернули. – Такая у нас власть, такая у нас жизнь, такое у нас время! Всего вам хорошего, до свидания!» Соловьев помахал рукой, его сменила картинка с логотипом ТВ-6, провисевшая минут шесть-семь, после чего на экранах появилась настроенная таблица.

Одновременно с прекращением подачи сигнала в эфир в помещениях телекомпании было выключено электричество. Обесточенными оказались студийные павильоны и аппаратные, помещения информационной службы и других редакций, монтажные. В одной из них, орошая отвертку слезами, моя Юлька вместе с монтажером разбирала видеомagnитофон, в котором осталась кассета с ее программой. Кассету, конечно, вытащили, но Юлькина программа до эфира так и не дошла.

Моя жена работала на НТВ редактором в эфирной бригаде Виталия Бузуева. В один прекрасный день Галина Вишнева, прославленный телережиссер, за плечами которой была еще советская телевизионная школа, в том числе программа «Время», предложила Юльке попробовать поработать в кадре. Галина Дмитриевна в то время была главным режиссером информационной службы, и в зону ее ответственности входил и поиск новых лиц для новостей. К сожалению, Юлька записалась хорошо – или, как сказал тогдашний руководитель утреннего эфирного вещания НТВ Александр Герасимов, «вполне адекватно!». А сожаление мое вызвано тем, что запись этого тракта попала на глаза одной из наиболее активных участниц Уникального журналистского коллектива, усмотревшей в случившемся покушение на собственное творческое благополучие. Активная участница отправилась к Киселеву с жалобой. Киселев дал необходимое распоряжение Кулиستикову, так что Юльке сообщили об увольнении. Я пошел к Кулистикову и пытался добиться справедливости, но, естественно, не добился ничего.

Сейчас я абсолютно уверен в том, что мне тогда тоже нужно было увольняться с телевидения. Конечно, я не хотел терять это место. Конечно, я прикрылся Юлькиным запретом, ее словами, что я должен продолжать работать, чтобы содержать семью, кормить и воспитывать детей, которых у нас было уже двое... Вполне можно было бы вернуться на радио и продолжать исполнение своего семейного долга без особых проблем, разве что на условиях меньшего финансирования. Скольких бед можно было избежать! Однако я смалодушничал. Слишком быстро я проскочил переход от относительного безденежья к столь же относительному благополучию. Но в 1990-х я еще не умел определять эту степень относительности, поэтому с радостью ухватился за выданную женой индульгенцию и... остался. Это называется предательством. Чтобы понять смысл сделанного, мне – опять же скажу: «К сожалению!» – пришлось потратить еще очень много времени, пока наконец я сам не оказался в положении преданного. Слава богу, не моей женой, конечно!

Юлька какое-то время отработала на «Первом канале», а потом «вернулась в семью», перейдя в только-только созданную интернет-редакцию НТВ, которой впоследствии предстояло переродиться в портал NEWSru.com, существующий и поныне. На рубеже веков, когда мои революционные заслуги уже трудно стало не замечать, меня снова вызвал Кулистиков, сообщивший, что Юлю пора возвращать в телекомпанию. Возвращение проходило кружным путем, через видеотеку и работу редактора в программе Евгения Кириченко «Забывтый полк», с которой Юля и перебралась на ТВ-6. Осенью 2001 года Киселев, возможно, испытывавший

некоторые угрызения совести за свое предыдущее решение, согласился предоставить Юльке возможность сделать авторскую программу.

Ее идея появилась в недрах продюсерской службы ТВ-6. Нонна Агаджанова, занимавшая тогда пост заместителя главного продюсера телекомпании, выделила творческую группу и производственные мощности для подготовки передачи в жанре ток-шоу. Программа получила рабочее название «Над пропастью» и к январю 2002 года была полностью готова. В то время ток-шоу, как я уже говорил, были либо политическими, либо развлекательными. Исключением являлась только программа Юлии Меньшовой «Я сама», балансирующая на грани между серьезной проблематикой и развлечением. Все остальные неполитические ток-шоу, выходившие в эфир российских телеканалов, оставались более или менее «желтыми», паразитируя на приемах и методах *The Jerry Springer Show*, которое уже лет как десять транслировалось в эфире американской телекомпании NBC. Это, конечно, был совершенно запредельный «трэшак», работа над которым требовала, тем не менее, серьезных усилий.

Менталитет российских граждан в конце 1990-х годов еще удерживался «над пропастью», цепляясь за неумолимо сжимающиеся, как шагреновая кожа, моральные ценности советского периода. Говорить с телеэкранов о собственных сексуальных проблемах, семейных неурядицах, трудностях с алкоголем и т. д. был готов далеко не каждый. Другое дело, что желающих смотреть и слушать такие откровения имелось уже предостаточно. Подобные программы в качестве адресной аудитории рассчитывали на домохозяйек, проводивших весь день в бытовых хлопотах, которые, впрочем, позволяли следить за передачей «фоново», просто ее слушая, а в особо драматические моменты – переключаясь в режим просмотра. Очень часто для съемок этих ток-шоу привлекали малоизвестных актеров, которые и разыгрывали перед телекамерами придуманные сценаристами «страсти-мордасти».

Разумеется, критики и «зрительская интеллигенция» принимали подобные передачи в штыки. Несчастливого Андрея Малахова несколько лет обвиняли в самых разнообразных эфирных непотребствах, пока наконец за его шоу «Пусть говорят» не закрепился статус самой рейтинговой программы современного российского телевидения. А надо сказать, что «Пусть говорят» действительно выросла из «Большой стирки», шоу, не слишком рефлексировавшем относительно выбора тем и гостей. В сегодняшних передачах Малахова нередко поднимаются и обсуждаются по-настоящему серьезные проблемы. Точно так же, как и в аналогичном по формату ток-шоу Бориса Корчевникова «Прямой эфир» на телеканале «Россия-1». А вот, например, ток-шоу «Окна», давшее настоящий старт блестящей телевизионной карьере Дмитрия Нагиева, не выдержало испытания временем, так как осталось в «джерриспрингеровских» штанишках: постоянные драки в студии, как выяснилось, тоже могли надоесть.

Юлькина же идея заключалась в том, чтобы продвинуть ток-шоу чуть дальше. Во-первых, менялась адресная аудитория. «Над пропастью» задумывалась как передача для родителей и их детей-подростков – естественно, оказавшихся на какой-то стадии внутреннего семейного конфликта. И даже шире: конфликта поколенческого, потому что именно в конце 1990-х происходил самый настоящий слом всего и вся, всех представлений о плохом и хорошем, старом и новом, модном и отстойном. Поэтому и название передачи откровенно отсылало зрителя к роману Сэлинджера²⁴. Аудитория в студии была поделена ровно пополам. С одной стороны – взрослые, с другой – дети! Дети, конечно, хотя никого младше пятнадцати лет к участию в дискуссии не привлекали. Второе принципиальное отличие – гости программы были реальными, непридуманными людьми. Для пилотного выпуска Юлька и ее коллеги использовали историю драматических отношений между матерью и дочерью, которые находились всего в одном шаге от перехода к трагедии. Если рассказывать коротко, то не слишком, мягко говоря, счастливая в личной жизни женщина вину в собственной неустроенности полностью переложила на дочь-

²⁴ «Над пропастью во ржи» – роман американского писателя Дж. Д. Сэлинджера, написанный в 1951 году.

подростка. И старательно пыталась избавиться от этого раздражающего фактора, умышленно добиваясь помещения своего ребенка в психиатрическую больницу.

Я не знаю, как ребятам тогда удалось все это осуществить, но и на предварительных съемках, и в самой студии во время обсуждения у них были и эта мама, и ее дочь, и покинувший семью папа, и соседи, и школьные друзья, и врачи-психиатры, и, конечно, самые разнообразные эксперты. Получилось здорово! Без пошлятины, без истерики, без кривляния, но с захватывающей драматургией, откровенностью в спорах и ощущением надежды на благополучный исход. На то, что всем участникам этой драмы удастся не сорваться в пропасть. Программный директор ТВ-6 Олег Точилин (отец Кости Точилина), встретив Юльку в коридоре спустя пару дней после записи в студии, обнял ее и спросил: «Дорогая, говорят, ты сделала что-то совершенно «феерверическое»?»

Конечно, для Юльки срыв премьеры стал ужасным ударом. И как она с этим справилась – знаю только я. Но вряд ли смогу описать словами. Слова, положенные на бумагу, – слишком слабый способ выражения чувств. Вернее, я не умею пользоваться этим инструментом нужным образом. Я очень толстокожий человек на самом деле. Это мой защитный механизм. А у моей жены кожи нет вообще, она все чувствует сразу сердцем, которое не прячет ни от кого и ни от чего. И ни при каких обстоятельствах! Я же самым бессовестным образом пользовался и пользуюсь этим щитом, этой броней, которую непонятно за какие заслуги даровал мне Господь: своей Юлькой, принимающей на себя все невзгоды, все заботы и все неурядицы, происходящие с нами и вокруг нас в разные периоды жизни. «Вот у них и любовь!» – как говорили в фильме «Девчата»...

Когда Юлька со своими ребятами вытащила кассету с готовой программой из внутренностей обесточенного видеомэгафона, показывать передачу «Над пропастью» было уже негде. В «Останкино» нас пускали, никто не был лишен пропусков, но делать в телецентре было решительно нечего. Вся активная жизнь перенеслась на улицу Ильинка, где находилась штаб-квартира МНБК и телекомпании ТВ-6. Именно там все последние недели шли постоянные обсуждения нашей дальнейшей судьбы, в ходе которых все явственнее становилось ощущение того, что продолжение может последовать только при выполнении конкретных условий: УЖК должен прекратить истерику, сформировать новую редакционную структуру, найти источники финансирования. Вырисовывалась следующая перспектива: работа «команды Киселева» будет возможна лишь без участия Березовского.

Сам Борис Абрамович в конце января выступил с очередной громкой инициативой. Поскольку в эфире последнего «Гласа народа» он несколько раз повторил, что продолжает платить сотрудникам ТВ-6 зарплату, потому что «заботится о собственной репутации», ему волею неволей пришлось возвратиться к финансовой теме. Ибо никакой зарплаты он нам уже давно не платил. Кстати, с некоторым опозданием, но мы обратили внимание на то, что Березовский с самого начала давал нам совершенно ясный сигнал: никаких долгосрочных отношений у него с нами не будет! Дело в том, что, работая в системе «Моста», зарплату мы, естественно, получали в «Мост-банке». Перейдя же на «березовское» ТВ-6, мы какое-то время обналичивали свои карточки в другом финансовом учреждении, а именно в «Объединенном банке», принадлежавшем Березовскому. Так вот, никем не употребляемое, но правдивое сокращенное название этой организации звучало как «Объебанк»! Так что мы получили лишь то, что нам было обещано ранее.

Березовский так и не признал факта задержек выплаты денег со своей стороны, но заговорил о тяжелой ситуации, так сказать, в общем. Он заявил радиостанции «Эхо Москвы», что выделяет для коллектива ТВ-6 грант в размере одного миллиона двухсот тысяч долларов. Средства должны были поступить из Фонда гражданских свобод, созданного Березовским в 2000 году. Руководителем Фонда числился Александр Гольдфарб, ученый и общественный деятель с богатой на события биографией. До 1975 года господин Гольдфарб учился и работал

в знаменитых советских вузах и научных центрах. Затем уехал из страны, чтобы в начале 1990-х, через Израиль, Германию и США, вернуться в новую демократическую Россию для работы в Фонде Джорджа Сороса. В 2000-м же, после бегства Березовского, Гольдфарб последовал за ним и перестал откликаться на имя-отчество Александр Давыдович, окончательно превратившись в Алекса Гольдфарба. Вот этот Алекс и должен был выделить мне деньги. Почему мне?

Как пояснил Березовский, в рамках Фонда гражданских свобод существовала программа поддержки журналистов, пострадавших за свою профессиональную деятельность, а, по его подсчетам, на ТВ-6 по этой причине «пострадали» тысяча двести человек. Вот этим тысяче двумстам Алекс Гольдфарб и выделит по тысяче долларов на брата, а чтобы не допустить никаких инсинуаций, распределением средств предлагается заняться Евгению Киселеву, Светлане Сорокиной, Виктору Шендеровичу и Андрею Норкину. Деньги обещали перевести уже 29 января.

Никакого выделения денег и никакого их распределения, разумеется, не было. Впрочем, лично я в тот момент вообще в Москве отсутствовал, однако ни на секунду не усомнился в том, что это заявление Березовского представляло собой очередную ни к чему не обязывающую болтовню. И, возможно, члены «команды Киселева» начали продвигаться к пониманию сути ситуации: Гусинский и Березовский остаются в славном прошлом Уникального журналистского коллектива. Проблема заключалась в отсутствии понимания – кто же придет на их место? В какой-то момент в ходе бесконечных обсуждений сложившегося положения на Ильинке впервые прозвучало слово «консорциум». Кто его озвучил, я не помню, но мне оно не понравилось. Идея очередного спасения УЖК теперь выглядела так: финансированием работы нового телеканала займется не один олигарх и не два, а целая группа олигархов.

Вот как об этом писала близкая нам по духу либеральная пресса того времени: *«С большой долей уверенности можно утверждать, что инициатором создания консорциума был Анатолий Чубайс. «Трудно сказать, что подвигло его затеять всю эту канитель, – заметил в разговоре с корреспондентом «Журнала» один из близких к правым политтехнолог, – однако тут сыграло свою роль и то, что нам стало доподлинно известно: еще до решения арбитражного суда о закрытии ТВ-6 в Лондон к Березовскому дважды летал глава Межпромбанка Сергей Пугачев с предложением о покупке телеканала»²⁵. Березовский Пугачеву отказал. Но не было никаких гарантий, что борец за святую Русь откажется от дальнейших притязаний на канал. Чубайс, прекрасно понимая, что такое развитие событий политического климата в стране не улучшит, да и репутации ее нынешней не украсит, решил перехватить инициативу и пошел к президенту. Ну и убедил его, что перед лицом Запада правильнее и полезнее сохранить команду журналистов в эфире. А с Пугачевым это никак не получится».*

Вряд ли Владимир Путин с восторгом поддержал предложение Чубайса. Все-таки оно шло явно вразрез с линией тотального искоренения «гусинско-березовского телевидения» – той самой линией, персональную приверженность которой глава государства не раз демонстрировал. Так же как не стеснялся обнаружить и свою готовность лично принять участие в «мероприятиях», направленных на проведение ее в жизнь. И если Владимир Путин действительно благословил создание журналистско-олигархического пула, то сделал он это вовсе не только из-за желания выглядеть в глазах Запада просвещенным президентом. В Кремле прекрасно понимают: команда Евгения Киселева, даже оказавшись вне большой телевизионной игры, не разорвала бы связи с бывшими своими покровителями, то есть осталась бы потенциальным «ресурсом» в руках ненавистных Гусинского с Березовским. В этом смысле предложение

²⁵ Сергей Пугачев – бизнесмен, бывший член Совета Федерации от Республики Тыва, всегда подчеркивавший свою близость к семье президента Ельцина и к Русской православной церкви. В 2013 году объявлен в международный розыск по делу о преднамеренном банкротстве Межпромбанка.

Чубайса о создании консорциума, в который должны войти чуть не все российские олигархи, благополучно перенесли процедуру «равноприближения», пришлось как нельзя кстати».

Приведенный выше фрагмент принадлежит перу Александра Рыклина, в те годы журналиста «Еженедельного журнала», который возник при разделе имущества «Медиа-Моста» в качестве альтернативы журналу «Итоги». Насколько верна приведенная им уже в марте 2002 года версия, я судить не берусь, но фамилия Чубайса действительно прозвучала на наших заседаниях первой. Это стало для меня неожиданностью. Все еще пребывая в тревожно затянувшейся стадии идиотического идеализма, я искренне не мог понять, как можно соглашаться на предложение тех людей, которые еще совсем недавно прилагали столько усилий для нашего же уничтожения? Как мы сможем работать с ними? То есть первое, что меня смущало, – этическая сторона. Кроме того, я решительно не понимал, как сможет функционировать механизм, управлять которым поставят нескольких техников, имеющих абсолютно разные представления о методах управления? Поэтому я начал как-то быстро скисать. В конце концов, видимо, достигнув определенного состояния – то ли отчаяния, то ли безрассудства, – я сказал ребятам, что не буду работать в таких условиях. По-моему, тогда уже появилось это выражение – «олигархический колхоз». Так что в чем Александр Рыклин в своем прогнозе оказался прав, так это в предсказании, что связь «с бывшими покровителями» не будет разорвана. Только он писал о всей «команде Киселева», которая как раз Гусинского с Березовским и постаралась забыть как можно быстрее, а нужно было говорить только обо мне. Потому что именно я некоторое время все еще буду «оставаться их потенциальным ресурсом».

Часть 4. Неудачное время для знакомства с Израилем

Глава 22

После отключения ТВ-6 от эфира Гусинский оказался в весьма затруднительном положении в смысле ведения медийного бизнеса. Вопреки распространенному в нашей среде мнению о полном и беспощадном ограблении властью бывшего хозяина НТВ, финансовое положение Владимира Александровича не выглядело катастрофическим. В его собственности остался телеканал NTV–International, несколько тематических спутниковых телеканалов, новостной интернет-портал, акции радиостанции «Эхо Москвы», печатные издания и телекомпании, производящие сериалы для российских и украинских вещателей, а также многочисленные объекты недвижимости, полученные «Мостом» в собственность и аренду еще в благодатные лужковские времена. То есть голодная смерть Гусинскому не грозила. Но произошедшие события, конечно, заставили его пересмотреть собственную финансовую политику и как следствие – диверсифицировать бизнес. Откровенно тяготили его только бумажные СМИ, заниматься которыми ему было скучно из-за их очевидной бесперспективности. Гусинский видел будущее только в развитии сетевых технологий, однако сразу бросить телевидение он не мог. Тут уже, как говорится, было дело принципа.

Почти год, с апреля 2001 по январь 2002 года, NTV–International, ранее выполнявший роль экспортной версии НТВ, демонстрировал в своем эфире программы ТВ-6. Но когда вещание прекратилось, NTV–International остался без контента. К тому же присутствие в названии компании аббревиатуры NTV, пусть и в написании латиницей, вызывало ненужные споры с нынешним владельцем. Все это подстегнуло процесс создания новой телекомпании, не имевшей ничего общего с НТВ, находящейся в собственности Гусинского и рассчитанной на русскоязычных зрителей вне самой России. Компания Overseas Media, которую упоминал Игорь Малашенко в программе «Глас народа», выступила учредителем нового СМИ, получившего название RTVi – Russian Television International. Но одно дело – учредить «Русское международное телевидение», и совсем другое – наполнить его содержанием. И надо отдать Гусинскому должное: он с головой бросился в этот омут, как делал всегда, сталкиваясь с очередной сложновыполнимой задачей. Подобные жизненные ситуации придавали ему сил и азарта.

К январю 2002 года в распоряжении RTVi были лишь несколько помещений в Нью-Йорке и техническая возможность распространения сигнала. Между тем замысел выглядел если и не грандиозным, то довольно смелым: создать собственные подразделения телекомпании в США, Европе, Израиле и, конечно, в России, охватив таким образом десятки миллионов русскоязычных телезрителей во всем мире. На тот момент глобального русского телевидения не существовало, а вещавшие в разных странах телеканалы на русском языке оставались сугубо местечковыми явлениями. Еще 22 января, в первый день после отключения ТВ-6, я обо всем этом ничего не знал. Но уже 24 января с удивлением обнаружил себя сходящим по трапу самолета в аэропорту Бен-Гурион.

Накануне в «Останкино» ко мне подошел Кричевский. Наши отношения с ним всегда оставались неплохими – можно даже сказать, они были уважительными, хотя никогда не переходили в дружеские. Впрочем, в то время в них уже чувствовался некоторый холодок, возможно, объяснявшийся моей усталостью от постоянного общения с явными и теньвыми лидерами нашей команды. Кричевский спросил, не хочу ли я слетать в командировку в Израиль, чтобы помочь местным журналистам выстроить работу информационной службы на создаваемой телекомпании. Он сразу пояснил, что это – личная просьба Гусинского, но пока на нее никто не откликнулся. Первым лицам лететь с такой миссией не по рангу, а опрошенные им

«звезды» информационного вещания УЖК боятся расстроить зрителей своим отсутствием. Этот аргумент выглядел странно – тогда еще совершенно непонятно было, когда произойдет возвращение «команды Киселева» на экран, да и произойдет ли вообще? Поэтому я, конечно же, согласился. Тем более что это была просьба самого Гусинского.

В состав нашей экспедиции помимо меня вошли еще три человека: оператор Борис Анциферов и двое продюсеров – Юрий Новоселов и Виктория Лебедева. Дорогу, проживание и питание оплачивала принимающая сторона, что было, конечно, само собой разумеющимся фактором, учитывая отсутствие зарплаты. Мы с Юлькой вытрясли из домашнего бюджета что-то около двухсот долларов, которые я должен был растянуть на всю поездку. По вполне понятным причинам с получением краткосрочных израильских виз ни у кого из нас сложностей не возникло, так что единственной проблемой оставалась обстановка в самом Израиле. Юлька благословила меня на почти ратный подвиг и осталась ждать моего возвращения.

Что и говорить, время для знакомства с Израилем оказалось неудачным. В стране продолжалась так называемая «вторая интифада», или «интифада Аль-Акса», что наглядно подтверждало один из главных стереотипов: Израиль – страна, имеющая большие проблемы с безопасностью. На самом деле все выглядело несколько иначе. Я могу говорить это с уверенностью, ибо с тех пор бывал в Израиле неоднократно, сначала по работе, а потом уже в качестве туриста. Количество моих посещений этой страны составляет несколько десятков, я неоднократно проехал ее с севера на юг и обратно, потому что путешествия с запада на восток более проблематичны. Во-первых, Израиль вытянут по вертикали, по горизонтали особо не разгонишься. А во-вторых, путешествие на восток получается коротким именно из-за соображений безопасности, ибо вы быстро упираетесь в территорию Палестинской автономии. Я бывал в Израиле и в «горячие», и в «холодные» времена, и летом, и зимой, и один, и вместе с родными. В общем, я в очередной раз должен поблагодарить Гусинского! Если бы не он, я мог бы и не узнать эту странную, во многом нелепую, но удивительную землю с ее не менее удивительным населением, которое смешит, очаровывает, восхищает и раздражает в одно и то же время.

«Интифада Аль-Акса» началась еще осенью 2000 года²⁶. Общепринятой версией, объясняющей причины второй волны столкновений арабов с евреями непосредственно на территории современного Государства Израиль, считается «альпинистская выходка» Ариэля Шарона, одного из наиболее заметных политических деятелей в истории страны. В то время Шарон возглавлял партию «Ликуд», созданную по его же инициативе в далеком 1973 году. Удивительно, что за прошедшие годы он успел поработать на самых разных постах в правительстве, но ни разу не возглавлял весь кабинет, предпочитая продвигать вперед своих коллег по партии. Это никак не соответствовало военной биографии Ариэля Шарона, ибо на поле боя он никогда за чужие спины не прятался. Едва не погибнув во время Войны за независимость, Шарон использовал свое ранение не только для восстановления здоровья, но и для получения высшего образования. Однако закончить университет ему не дали. Получив личное приглашение от легендарного премьера Давида Бен-Гуриона, Шарон возглавил знаменитый «спецотряд 101» – полулегальное военное подразделение, выполнявшее так называемые «операции возмездия». В состав «спецотряда 101» входили несколько десятков человек, отобранных лично Шароном, которые не числились в списках ни одной из воинских частей израильской армии, они даже не носили военную форму.

«Спецотряд 101» был такой классической «киношной» суперармией, разве что сражался вполне реально, а не на экранах кинотеатров. Перейдя в легальный военный статус, Ариэль Шарон продолжил ковать свою боевую славу во время всех – весьма многочисленных – войн, которые вел Израиль. Шарон был героем и Синайской войны, и Шестидневной войны, и Войны Судного дня. Уже работая в правительстве, он ухитрился применять свои безапелляци-

²⁶ Слово «интифада» имеет несколько схожих значений: потрясение, восстание, избавление и другие.

онные и бескомпромиссные методы деятельности и в, казалось бы, мирных процессах. Именно Шарона считают одним из основателей так называемого «поселенческого движения», которое он активно развивал уже после окончательного ухода из армии.

Конец военной карьеры Шарона оказался омрачен трагическими событиями, ответственность за которые мировая общественность целиком и полностью возложила на героического генерала. В 1982 году, будучи министром обороны, Шарон буквально продавил идею так называемой «Ливанской войны». На юге Ливана, страны, в которой шла отчаянная гражданская война, действовали вооруженные подразделения ООП – Организации освобождения Палестины – возглавляемые не менее известным в мире человеком и, можно сказать, личным врагом Шарона Ясиром Арафатом. Шарон не только смял все палестинские военные формирования, но и фактически захватил половину Ливана, да еще и сделал это с вызовом, адресованным всему миру. Например, он сфотографировался, вальяжно попивая кофе в одном из ресторанчиков Бейрута – как бы подчеркивая, что для него лично, как и для всего Израиля, нет ничего невозможного.

Как показывает история, подобные предположения весьма часто оказывались истиной: на словах осуждая действия израильского правительства, мировое сообщество закрывало глаза на факты нарушения Иерусалимом существующих договоренностей. Достаточно вспомнить знаменитые операции армии и спецслужб Израиля – хотя бы уничтожение ядерного центра в Ираке, которому тайно аплодировали и в Америке, и в Саудовской Аравии. Однако ливанскую историю Шарону не простили. Буквально водруженный израильской армией на пост президента Ливана Башир Жмайель был убит практически сразу, еще до своего официального назначения. Его сторонники обвинили в убийстве своего лидера палестинцев, с которыми вели вооруженную борьбу, и решили отомстить.

Я тогда учился в восьмом классе и, как любой советский школьник, был прекрасно знаком с термином «израильская военщина». Новые доказательства преступлений этого режима как раз и поступили из Ливана, из лагерей палестинских беженцев Сабра и Шатила, расположенных прямо в Бейруте. Сообщалось о сотнях, может быть, тысячах погибших мирных людей, среди которых преобладали старики, женщины и дети. Вообще, количество жертв резни в Сабре и Шатиле до сих пор не установлено: цифры колеблются от семисот до трех с половиной тысяч убитых.

Официальная советская версия обвиняла в преступлении Израиль, что было правдой лишь отчасти. Сами убийства вообще-то совершили ливанские христиане, последователи партии «Катаиб», считающие себя фалангистами. То есть политическая каша, которая на Ближнем Востоке кипит десятилетиями, всегда была густой, наваристой и приправленной таким количеством специй, что разобраться в обстоятельствах многочисленных трагедий этого региона решительно невозможно. В Сабре и Шатиле сами израильтяне никого не убили, но и Шарон, и другие армейские командиры, как минимум, могли остановить бойню, устроенную их союзниками в лагерях беженцев из Палестины под предлогом поиска боевиков. Но израильтяне сделали вид, что ничего не знали. Вот эта внезапная слепота и вышла Ариэлю Шарону боком – он был вынужден временно уйти в тень.

Я привожу эти обрывочные сведения из его биографии не только для того, чтобы обрисовать политический портрет Шарона. Портрет человека, не признающего никаких преград на своем пути и преодолевающего их любой ценой. Это важно и для понимания самого феномена политической и общественной жизни в Израиле. Хотя, говоря откровенно, полностью осознать этот феномен, по-моему, невозможно. В Израиле ухитряются сосуществовать признаки крайне левого, почти социалистического жизненного уклада и столь же крайний, иногда ультраправый, консерватизм. Причем во многом носителями этой вычурной идеологии являются в первую очередь выходцы из Советского Союза и России. Как наши эмигранты в Америке становятся самыми яркими сторонниками Республиканской партии, консерваторами из

консерваторов, так и в Израиле так называемые русские отличаются наибольшей непримиримостью и желанием отстаивать ценности Эрец-Исраэль (Земля Израиля. – А. Н.) до победного конца. При всем том в числе русских репатриантов не так уж и редко встречаются те, кто пытается, говоря по-русски, «откосить» от службы в армии.

Я видел Ариэля Шарона лишь однажды, на концерте «Из России с любовью», которые канал RTVi устраивал каждый год на майские праздники: День Победы и День независимости Израиля (о них я еще расскажу). Прямо во время шоу на сцене за несколько секунд появился коридор из бронированного стекла, который вел к небольшой трибуне, тоже скрытой за пуленепробиваемым щитом. Премьер-министр Израиля подъехал на машине прямо за кулисы, в сопровождении охраны выскочил на сцену, произнес речь, завершив ее поздравительными словами на русском языке, и столь же стремительно покинул место событий. Сверхжесткие меры безопасности были абсолютно оправданы. В этом смысле показательна история одного из предшественников Шарона на посту премьер-министра Израиля – Ицхака Рабина.

Я напому, что хотя в Израиле существует президент страны, его функции – представительские. Президент Израиля – что-то вроде английской королевы, уважаемый человек на почетном посту. Но весь груз забот, связанных с управлением государством, лежит на премьер-министре. Ицхак Рабин фактически создал нынешнюю административную модель Израиля, если можно так говорить. В 1993 году в Осло он подписал с Арафатом целый ряд соглашений, которые положили конец первой арабской интифаде, начавшейся за шесть лет до этого. Рабин признал Организацию освобождения Палестины, а Арафат признал Израиль и заявил об отказе от насильственных методов борьбы. На территории еврейского государства была создана Палестинская автономия – в Секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Это если коротко. В 1995 году на митинге сторонников миротворческого процесса Ицхак Рабин был убит молодым человеком по имени Игаль Амир, религиозным студентом, заявившим, что таким образом он защитил народ Израиля от предательства. Я не буду сейчас вдаваться в подробности расследования убийства Рабина и в анализ дискуссий, которые продолжаются в стране до сих пор. Бывший премьер и вправду для одних израильтян остается героем-миротворцем, а для других – предателем, вступившим в сговор с палестинцами.

С Ариэлем Шароном произошла похожая история. После возвращения в большую политику он не только начал активно строить еврейские поселения на палестинских территориях, не только запустил проект возведения стены, разделяющей страну на еврейскую и арабскую части. Он фактически посадил Арафата под домашний арест! Последние годы своей жизни лидер ООП провел в городе Рамалла в собственной резиденции, заблокированной израильскими войсками. Все это происходило уже почти на моих глазах!

Внезапно в 2005 году Шарон едва ли не единолично разработал и осуществил «план одностороннего размежевания», главным пунктом которого стал вывод израильских войск из Сектора Газа. Те, кто поддерживал и поддерживает сейчас это решение Шарона, доказывают, что премьер пытался выбрать меньшее из двух зол: жертвуя Сектором, он сохранял контроль над большей частью территории Палестинской автономии, то есть Западным берегом. Сейчас трудно сказать, принесло одностороннее размежевание пользу или нет. Уже после смерти Ясира Арафата «размежевались» сами палестинцы. На Западном берегу власть осталась у последователей Арафата из организации ФАТХ, а в Секторе Газа командование перешло к группировке ХАМАС. И надо сказать, что их нелюбовь друг к другу едва ли не сильнее, чем общая ненависть к евреям.

Так или иначе, решение Шарона об оставлении Газы вызвало еще и политический скандал. Созданная им когда-то партия «Ликуд» раскололась, правительство ушло в отставку, были назначены внеочередные выборы, на которые Шарон решил идти уже с новой партией, «Кадима». Однако 4 января 2006 года он был госпитализирован в знаменитый иерусалимский

госпиталь «Хадасса» с диагнозом «обширный инсульт». Шарон впал в кому и провел в этом состоянии восемь лет, до самой своей смерти в 2014 году.

Существует никем никогда не доказанная, но весьма популярная гипотеза, что и убийство Ицхака Рабина, и растянувшаяся на годы смерть Ариэля Шарона – результат проклятия, наложенного на обоих политиков ультраправыми еврейскими консерваторами. Естественно, я говорю о религиозных евреях. Вообще, иудеи светские и иудеи религиозные, их взгляды на мир и отношения друг с другом – отдельная песня, и мы ее еще обязательно послушаем в свое время. А сейчас о проклятии.

В священных еврейских текстах встречается выражение «пульсей де-нура», которое можно перевести как «огненные розги». Ими Бог иногда наказывал провинившихся, например архангелов и пророков. С течением времени и ростом популярности в мире учения Каббалы «огненные розги» постепенно превратились в «удар огня», который Единый Господь направлял на конкретную человеческую особь. Наказание происходило как бы по просьбе взывавших к Богу, но только в том случае, если эта конкретная человеческая особь была по-настоящему виновна. В Каббале эта процедура получила название «пульса де-нура», и именно это выражение и используется сейчас для описания обряда страшного иудейского проклятия. Еще раз повторю: проводящие обряд «пульса де-нура» не управляют гневом Господа, а всего лишь сообщают ему информацию о преступнике, заслуживающем кары. В общем, жалуются! Причем, если их обвинения не подтвердятся Самой Высшей Судебной Инстанцией, наказание обрушится уже на их собственные головы. А наказание простое: смерть в течение года после завершения церемонии.

По некоторым данным, и в отношении Рабина, и в отношении Шарона проводились обряды «пульса де-нура». Причем обоих обвиняли в совершении одного и того же очень серьезного преступления: переуступки земли, принадлежащей народу Израиля. Хорошо известный современным российским телезрителям израильский публицист и общественный деятель Авигдор Эскин, по его же собственным словам, был одним из инициаторов применения проклятия к Ицхаку Рабину. Про Эскина говорили еще, что он участвовал в обряде «пульса де-нура» в отношении Шарона, но этот факт сам Эскин опровергает. Летом 2005 года несколько израильских газет, в том числе Haaretz и Yediot Ahronot, опубликовали интервью раввина Йосефа Даяна, который утверждал, что был одним из тех, кто насылал проклятия на обоих израильских премьеров, и Рабина, и Шарона. Первого убили спустя месяц после проведения обряда, второй впал в кому через полгода. Таким образом, если отбросить мистическую версию, факт все равно остается фактом: бывший герой и борец за свободу в одночасье превращается в труса и предателя, заслуживающего смерти. Эта метаморфоза произошла в сознании части израильтян в отношении обоих премьер-министров.

Но сознание израильских граждан – штука очень сложная, живая и переменчивая, что постоянно приходится учитывать местным политикам. Многие из них постоянно проходят по одному и тому же маршруту – от всеобщей поддержки и завышенных ожиданий до глобального разочарования и обвинений в политической слабости и нерешительности. Так вот, вернемся к началу моего рассказа об Ариэле Шароне. В конце 1990-х он снова пришел во власть, возглавив партию «Ликуд», именно на такой волне: взгляды населения становились все более правыми, настроение – более агрессивным, а терпение стремительно иссякало. Шарон это прекрасно чувствовал и наглядно проявил свой жесткий характер. Почему я говорил об «альпинистской выходке»? Потому что в сентябре 2000 года Ариэль Шарон взошел на Храмовую гору – что и привело к взрыву, как в прямом, так и в переносном смысле.

Не могу снова не упомянуть Авигдора Эскина! В 1997 году его едва не посадили за намерение обстрелять мечеть Аль-Акса свинными головами с помощью катапульты. Это обвинение осталось недоказанным, но свой срок Эскин позже отбыл – за недонесение информации о подготовке других провокаций, опять же с использованием свиных тушек. К чему я об этом

вспомнил? Цель, объект этих гипотетических и реальных действий – Храмовая гора в Иерусалиме. Мусульманская часть населения Израиля прогулку Шарона по Храмовой горе осенью 2000 года восприняла ничуть не лучше, чем экстремистский замысел обстрелять Аль-Аксу кусками свинины. Появление Шарона в «святая святых» было не простым оскорблением – оскорблением смертельным! Хотя здесь снова необходимы некоторые пояснения, особенно относительно тех подробностей, когда этот термин – Святая Святых – пишется без кавычек и с большой буквы в обоих словах.

Храмовая гора – уникальный, то есть – неповторимый объект на карте великого города. Иерусалим часто называют Городом трех религий. Но Храмовая гора, пожалуй, менее значима для верующих христиан. Наши святыни, в том числе святыни православные, находятся чуть в стороне от этого места, хотя все на той же территории, как принято говорить, Старого города. Но иерусалимский Старый город – локация совершенно иного порядка, характера, смысла и значения, чем Старый город в Праге, Стокгольме или Риге. При всем уважении... Для мусульман Храмовая гора является третьим по значимости священным местом на планете, а для иудеев – первым, единственным и неповторимым.

Я был на Храмовой горе всего один раз – практически сразу после снятия многолетнего запрета на ее посещение кем бы то ни было, кроме мусульманских верующих. Зато у ее подножия и в ее подземных лабиринтах бывал неоднократно, каждый раз унося с собой новые впечатления. Каждый из вас, я уверен, видел Храмовую гору неоднократно. Ни одна телепрограмма об Израиле, ни один рекламный буклет об Иерусалиме не обходятся без панорамы, доминантой которой служит огромный золотой купол. Парадокс заключается в том, что украшенная им мечеть Куббат ас-Сахра, то есть Купол Скалы – не самое почитаемое мусульманами место на Храмовой горе. Но именно под этим золотым куполом скрываются главные иудейские святыни! Для того чтобы прояснить эту сверхзапутанную картину, необходимо некоторое время и терпение. Я постараюсь изъясняться как можно популярнее, не сваливаясь при этом в постмодернизм, ибо в таком случае нас завалит деталями. Достаточно лишь упомянуть, что одно из названий Храмовой горы – Мория, как из каждой строки толпами повалят гномы и орки!²⁷

²⁷ Мория – подземное царство гномов в книге Дж. Р. Р. Толкина «Братство кольца», открывающей цикл «Властелин колец».

Лирическое отступление: Храмовая гора

Я заранее прошу прощения у историков и профессиональных экскурсоводов за свой дилетантский рассказ. Но считаю, что имею право им поделиться, потому что это мои впечатления и мои выводы. Вообще, рассказывать об Иерусалиме и не говорить при этом о Вере – невозможно. Но Вера – слишком интимная сфера жизни человека, чтобы публично рассуждать по этому поводу и настаивать при этом на собственной правоте. Такова моя точка зрения. Мне представляется, что людей неверующих, не верящих – просто не существует. Потому что атеисты верят в то, что Бога нет. Ну и ладно, оставим им это право. Знаете, есть такой чудный анекдот: «Бог сильно занят своими делами. Вдруг открывается дверь и к нему входит апостол Петр: «Господи! Там к тебе атеисты пришли. – Ох... скажи им, что меня нет!»

Когда вы попадаете в Иерусалим, привычный каждому человеку отчасти потребительский, немного циничный и все объясняющий взгляд на жизнь меняется. Вся система координат, в которой вы жили до этого момента, оказывается нарушенной. И каждый человек принимает собственное решение: соглашается ли он с этими изменениями или игнорирует их. Однако в том случае, если победу одерживает желание принять увиденное и услышанное сердцем, и возникают проблемы противостояния с другими людьми, имеющими отличные представления о Вере. Такая вот непростая история.

Для евреев место в Иерусалиме, именуемое Храмовой горой, – настоящий центр Вселенной. Когда-то Давид выкупил эту священную землю у обитавших там иевусеев, а позже Соломон построил на ней Храм, в котором славили Господа, а также принимали законы, вершили суд и осуществляли другие важные дела. Почему именно это место? Потому что отсюда началось сотворение мира! Именно здесь находился и, возможно, находится до сих пор Камень основания. Правда, тут мы сразу же наталкиваемся на первый спорный момент, связанный с различными подходами к религии, практикуемыми иудеями и мусульманами. Впрочем, мусульман мы пока оставим в стороне и к упомянутому спору вернемся позже.

Именно здесь Господь создал Адама, который впоследствии совершил именно здесь первое жертвоприношение. И самое знаменитое несостоявшееся принесение в жертву тоже имело место именно здесь – я говорю об Аврааме и Исааке. И когда Соломон построил Храм, он стал единственным местом, в котором полагалось и разрешалось приносить жертвы во славу Бога. Учитывая изначальную святость места, Соломон оформил статус Храма как важнейшего сооружения, перенес туда Ковчег Завета, обретенный евреями во время их многолетних скитаний после освобождения из египетского плена и до этого времени хранившийся со всеми полагающимися почестями в различных местах. В Первом Храме Ковчег с заповедями был установлен на том самом Камне основания, после чего эта часть Храма и получила наименование Святая Святых. В принципе, этих кратких сведений уже достаточно для того, чтобы понять и принять еврейскую версию значимости Храмовой горы, просуществовавшей в неизменном виде около четырех веков.

Потом начались проблемы. Времена великих царей Израиля ушли в прошлое, иудейские земли оказались обложены данью в пользу Вавилона, и в конце концов его правитель Навуходоносор, совершив несколько карательно-завоевательных походов в эти края, разрушил Иерусалим. В том числе был уничтожен и Храм. Собственно, тогда он и стал именоваться Первым Храмом, ибо было предсказано его восстановление. Ждать пришлось недолго, всего-то семьдесят лет, которые евреи провели в новом, теперь уже вавилонском, рабстве. Процесс возрождения Храма растянулся на пару десятков лет, по окончании которых Второй Храм смог принимать паломников. Правда, существовало весьма значимое отличие Второго Храма от Первого. В возрожденном Храме отсутствовал Ковчег Завета, бесследно пропавший во время вторжения Навуходоносора. Его нынешнее местонахождение – это второй спор, бурлящий вокруг

Храмовой горы и приводящий сегодня к разнообразным конфликтам. Запомним этот факт и пойдем дальше.

По прошествии еще нескольких столетий другой видный израильский правитель, царь Ирод, полностью реконструировал Второй Храм, придав ему завершенный архитектурный облик, фрагменты которого существуют и поныне. Например, Западная стена, или Стена Плача в более популярном варианте наименования. Споры из-за статуса Стены и ее названия – третья часть сложносочиненного конфликта вокруг Храмовой горы, которой мы и завершим этот список. А говорить всего лишь о фрагментах приходится потому, что и Второй Храм тоже был разрушен. Это произошло во времена римского владычества над Иудеей, при императоре Тите, который хоть и пробыл у власти очень недолго, всего-то два года, но с главной задачей современности – притеснением евреев – справился с большим энтузиазмом. Почти половину тысячелетия Храмовая гора и ее окрестности пребывали в упадке и запустении, пока на исторической сцене не появились арабы.

Халиф Омар, оказавшийся новым завоевателем Иерусалима, безусловно, внес огромный вклад и во всю дальнейшую историю этого города, и во все религиозные споры и войны, продолжающиеся по сей день. Хотя, откровенно говоря, первое, что он сделал, это навел порядок на Храмовой горе, за время правления римлян и византийцев превратившейся в гигантскую городскую помойку. Именно по воле халифа Омара Храмовая гора обрела чуть позже тот облик, которым сейчас любуются туристы всего мира, ибо он желал видеть священное место в подобающем виде. Так на Храмовой горе появились мечети Аль-Акса и Купол Скалы.

После этого в Европе проснулись христианские верующие. По большому счету наша – христианская – роль в событиях вокруг Храмовой горы невелика. Хотя, разумеется, вход Господень в Иерусалим описан в Евангелиях, как и изгнание Христом торговцев. Это происходило именно на территории Второго Храма. Более того, подробности Введения во храм Пресвятой Богородицы также напрямую отсылают нас в Иерусалим. Но так уж получилось, что сама Храмовая гора в перечне христианских святынь не занимает первого места. Тем не менее крестоносцы на несколько десятков лет ввели в Иерусалиме и на Храмовой горе свои порядки, чтобы потом вновь на многие-многие века оставить эти святые места в руках мусульман. В начале XX века многострадальный город в очередной раз поменял своих хозяев. Управление Иерусалимом оказалось в ведении британской короны и худо-бедно продолжалось до окончания Второй мировой войны, что, однако, вовсе не означало завершения споров о правах на город. Еще порядка двадцати лет Храмовая гора принадлежала, как это ни странно, Иордании. Дело в том, что при британском правлении три четверти палестинских территорий были отданы так называемому Эмирату Трансиордания, который позднее получил независимость и современное название – Королевство Иордания. Это произошло во время арабо-израильской войны 1947–1949 годов, когда был оккупирован Западный берег реки Иордан и весь Восточный Иерусалим, в том числе и Храмовая гора.

Евреи смогли вернуть город себе только в 1967 году, в результате знаменитой Шестидневной войны, в ходе которой разгромили армии сразу пяти арабских государств: Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Алжира. Храмовая гора перешла в руки израильтян на третий день войны, 7 июня. Именно тогда полковник Мордехай Гур, командовавший парашютно-десантной бригадой, сделал свое знаменитое сообщение по рации: «Внимание! Храмовая гора в наших руках!» И все же даже сейчас Иерусалим, по сути, остается разделенным городом. Причем Храмовая гора, так сказать, административно относится к его мусульманскому кварталу. Вот что касается территориальных споров. Теперь вернемся к спорам религиозным.

Еврейскую версию я уже привел в начале этой главы. В чем состоят мусульманские притязания, на которые, напомним, опирался халиф Омар? Разобрать залежи мусора Омар потребовал для того, чтобы иметь возможность помолиться. Помолиться на том месте, где это делал сам пророк! Название мечети Аль-Акса переводится как «отдаленная мечеть». Главные свя-

тыни ислама, как известно, находятся в Саудовской Аравии, в Мекке и Медине. В Иерусалиме же расположена третья по значимости и почитанию мечеть – это мечеть Аль-Акса, которую туристы часто путают с мечетью Купол Скалы, потому что не могут представить, как такое скромное здание, столь сильно отличающееся от стоящей рядом мечети с золотым куполом, может иметь гораздо более важное значение. Дело в том, что именно в Иерусалим отнес из Мекки пророка Мохаммеда его крылатый конь Бурак, и именно из Иерусалима пророк вознесся на небо. Исра и Мирадж – едва ли не главные из преданий о пророке Мохаммеде, которые напрямую связывают ислам и его последователей с Иерусалимом и Храмовой горой.

Я уже упомянул о спорах относительно того, что Камень основания до сих пор находится на Храмовой горе. Мусульмане в этом уверены, потому что комплекс мечетей Аль-Акса и Купол Скалы как раз и отмечает эти исторические точки: место, где пророк молился (Аль-Акса), и место, с которого он вознесся в небо (Купол Скалы). Вот вам и ответ: купол какой скалы? Той самой – Камня основания. Ведь камень – это кусок скалы, а поскольку место священное, ему необходимо укрытие, то есть – купол. Однако многие религиозные евреи не согласны с такой трактовкой. По их мнению, настоящий Камень основания был разрушен во времена катаклизмов, пережитых Первым и Вторым Храмами. Находящийся под Куполом Скалы камень – якобы фиктивный. Он слишком большой и, скажем так, корявый: на него невозможно поставить кадильницу, чтобы в Йом-Кипур, то есть Судный день, совершить искупительное жертвоприношение.

Теперь необходимо вспомнить второй спор, по поводу Ковчега Завета. Он, как известно, тоже находился в Святая Святых, рядом с Камнем основания. И именно перед Ковчегом и совершался ритуал в Судный день. Однако, как я уже говорил, Ковчег был утерян сразу после разрушения Первого Храма, что, кстати, не мешало проведению служб в период Второго Храма. Отсутствие Ковчега объяснялось тем, что он был спрятан по велению Бога. Существует множество предположений, где находится Ковчег. Показателен тот факт, что и иудаизм, и ислам, и христианство не слишком расходятся в описаниях содержимого Ковчега, разве что используют различные термины. А вот относительно его нынешнего местоположения единство мнений отсутствует. Самая грустная версия гласит, что Навуходоносор забрал Ковчег в Вавилон, где он был навеки потерян. Я лично думаю, что это ошибочное предположение, потому что Ковчег Завета не та вещь, которая могла бы просто взять и исчезнуть! Очень многие уверены в том, что он спрятан в Африке, а точнее говоря, в Эфиопии, в городе Аксум. Эту версию поддерживают и среди иудеев, и среди христиан, в том числе коптов. Правда, сторонники этой теории очень сильно расходятся в подробностях путешествия Ковчега из Иерусалима к новому месту пребывания, но итоговый вывод одинаковый: конечная точка маршрута находится на территории Эфиопии. Возможно, именно поэтому израильские власти так много внимания уделяют привлечению репатриантов из этой африканской страны? Может быть, они ищут Ковчег? Или уже нашли его и таким образом помогают тем, кто в свое время спас великую святыню?

Добавлю, что мусульмане настаивают на собственном варианте, согласно которому Ковчег Завета находится где-то на территории современной Турции. Самую популярную, знаменитую кинематографическую версию я рассматривать не буду, хотя она, безусловно, не лишена определенного обаяния!²⁸

И, наконец, Стена Плача – величественный фрагмент Второго Храма, сохранившийся до наших времен. Она тоже является объектом самых горячих споров, продолжающихся долгие годы. Наверно, правильнее называть ее Западной стеной, потому что она действительно являлась частью Второго Храма, той его частью, которая выходила на запад. Термин «Стена Плача»

²⁸ «Искатели утраченного ковчега», художественный фильм 1981 года, снятый режиссером С. Спилбергом по сценарию Л. Каздана и положивший начало циклу фильмов о приключениях археолога Индианы Джонса.

появился во время иорданской оккупации: арабы, наблюдавшие сверху за евреями, приходившими к Стене, не могли не заметить, как те плачут, совмещая свое общение с Господом с горечью от потери единственного места, где они могли когда-то делать это беспрепятственно. Именно Стена стала в XX веке и остается в веке XXI главным предметом споров и конфликтов между евреями и арабами. Поводом для них становятся любые строительные или ремонтные работы, религиозные праздники, митинги и массовые акции, заявления политиков и проповеди священнослужителей. Арабы утверждают, что евреи пытаются нанести ущерб мечети Аль-Акса, то ли прокопав под стеной тоннель, то ли обрушив ее, то ли просто осквернив. Евреи обвиняют арабов в том, что само их присутствие на Храмовой горе является осквернением главной святыни иудаизма, потому что больше ничего, даже приблизительно сравнимого со Стеной, от Храма не осталось. Ну и традиционно свою порцию дровишек в костер подбрасывают представители христианских конфессий.

Львиная доля этих сомнительных заслуг принадлежит английским управленцам, введшим свои правила в Иерусалиме сообразно с собственными представлениями о плохом и хорошем. Это слишком долгая история, а я и так затянул со своим экскурсом в прошлое. Ограничусь лишь тем, что до Папы Римского Иоанна Павла II святость Стены Плача вообще ставилась христианами под сомнение. Арабы называют ее Стеной аль-Бурак, потому что (опять возвращаемся к спору «номер один»), прилетев из Мекки в Иерусалим, пророк Мохаммед привязал своего крылатого коня Бурака именно к этой стене. Поэтому, мол, Стена является неотделимой частью мечети Аль-Акса. Очень любил рассуждать на эту тему Ясир Арафат – даже после окончания Первой интифады. Наконец, даже сами евреи не могут прийти к единому мнению о том, как нужно относиться к Стене, – ведь если она является частью великого Храма, она обладает и его святостью. А в Храм просто так, в любое время и только по собственному желанию, попасть было невозможно! Значит, точно такими же должны быть и правила посещения Стены, к которой в наше время ежегодно приходят миллионы людей со всего мира.

Я много раз был у Стены Плача. И конечно, мой рассказ об Иерусалиме пока только начат. Но это затянувшееся историческое отступление кажется мне нужным для того, чтобы объяснить атмосферу, царившую в Израиле в момент моего первого приезда в эту страну. В каком-то смысле и характеристика поступка Ариэля Шарона, и описание споров вокруг принадлежности и значения Храмовой горы являются примерами того, как различный подход к трактовке исторических событий и фактов – технология современной информационной войны – приводит к кровопролитию. Поскольку, когда я впервые попал в Израиль, там, без преувеличения, шла самая настоящая война.

Глава 23

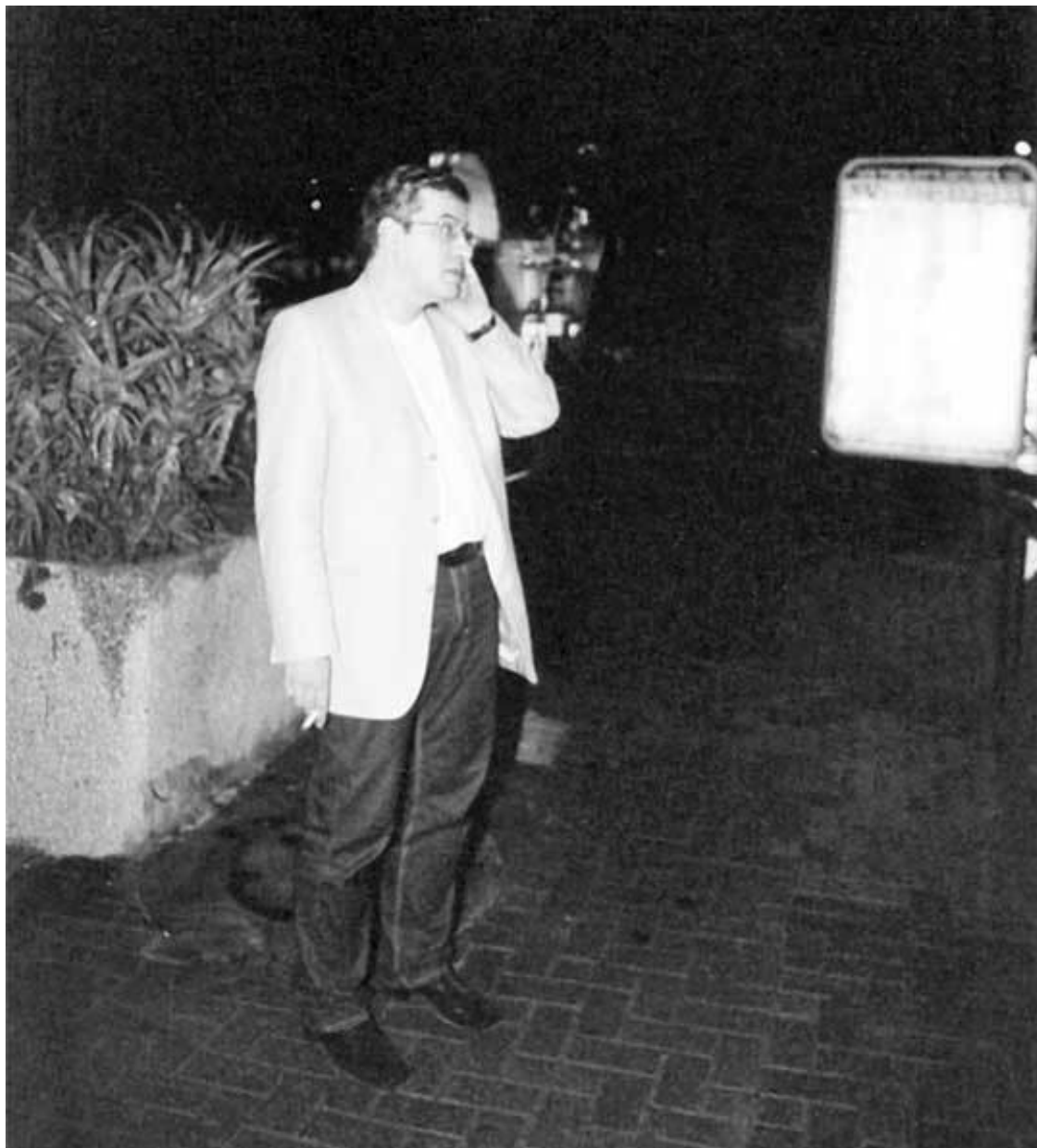
Итак, прогулка Шарона по Храмовой горе произошла в сентябре 2000 года. Причем надо сказать, что в течение всех предыдущих месяцев года, до осени, никаких терактов, никаких столкновений с палестинцами в Израиле не было. Я не хочу, чтобы мои слова воспринимались как обвинения в адрес Ариэля Шарона, но факты – вещь упрямая. Посеянные им семена дали свои всходы. Сам Шарон стал лидером партии «Ликуд», а затем и премьер-министром, получившим возможность жестко осуществлять ту политику, которую он считал необходимой. Благо поводов оказалось предостаточно.

12 октября в Рамалле толпа палестинцев голыми руками буквально разорвала на куски двоих израильских солдат-резервистов. Это был первый акт «интифады Аль-Акса», объявленной Ясиром Арафатом в ответ на «осквернение» Храмовой горы. Нападения на евреев стали происходить еженедельно. 1 июня 2001 года в Тель-Авиве террорист-смертник взорвал себя у входа в популярную молодежную дискотеку «Дольфи», лишь недавно открывшуюся в здании бывшего дельфинария. Эта трагедия остается, возможно, самым «русским» терактом в Израиле, поскольку подавляющее большинство из двадцати одного погибшего составили русскоязычные подростки, в основном девушки. А 29 ноября, снова в Тель-Авиве, бомба взорвалась в пассажирском автобусе.

«Автобусная война» как составляющая террористической деятельности палестинцев в ходе Второй интифады растянулась на два с половиной года. Именно столько времени потребовалось израильским властям для того, чтобы разработать новую систему безопасности для общественного транспорта. И именно в это время я впервые появился в Израиле и стал приезжать туда с периодичностью от одного до трех раз в месяц. Это были рабочие поездки, и мои перемещения по стране в основном ограничивались гостиницей, квартирой Гусинского и тель-авивскими ресторанами, в которых он проводил различные встречи и мероприятия. Способ защиты собственной жизни оставался простым: не пользоваться общественным транспортом. Задача решалась легко, поскольку нас встречали, привозили, сопровождали и отвозили на автомобилях телекомпании. К тому же человека, приехавшего из России в Израиль в начале 2000-х, тяжело было напугать словом «терроризм» и действиями террористов. В Москве уже взрывали и общественный транспорт, и жилые дома. И хотя к подобным преступлениям привыкнуть невозможно, некоторая защитная реакция у меня уже выработалась. Выражалась она в профессиональной деятельности.

После отключения ТВ-6 «команда Киселева» в полном составе перебралась на «Эхо Москвы». Венедиктов тогда начал формировать свою уникальную технологическую модель, которая до сих пор существует в эфире радиостанции. Программы «Эха» стали вести не только кадровые сотрудники радио, но и приглашенные телезвезды. Не могу сказать, что это всем нравилось. Я не застал самых первых дней десанта УЖК на «Эхо», но боюсь, что поведение коллег не слишком отличалось от того, что имело место быть при переходе части коллектива НТВ на ТВ-6. Так что у радиоабorigенов появление представителей высшей медийной расы особенной радости не вызвало, хотя публично никто не роптал. Тогда на «Эхе» это еще не было модным...

Я же в самом начале «эховского» периода выходил в радиоэфир киселевских «Итогов» и информационной программы «Сейчас» по телефону, в качестве специального корреспондента в Израиле. Истинную причину моей поездки туда мы, конечно, не озвучивали, но новостей мне и так хватало. Уже на следующий день после моего приезда произошел взрыв на Центральной автобусной станции Тель-Авива, а еще через день – теракт на улице Яффо в Иерусалиме, который впервые в местной истории осуществила женщина-смертница. Как видите, мне было о чем рассказывать. Было и чем заниматься по прямому, так сказать, назначению.

Я работаю спецкором «Итогов» в Израиле

Редакция RTVi как таковая на тот момент еще находилась в стадии формирования. Имелся небольшой штат сотрудников, но мотаться приходилось по всему Тель-Авиву. Руководство сидело почти в центре, а, например, монтажные аппаратные располагались на каких-то дальних выселках, чуть ли не в жилых домах. Хотя понятия «центра» и «окраин» к Тель-Авиву вообще довольно трудно применимы. Сам город представляет собой огромный конгломерат с почти нечитаемым делением на районы. Или муниципалитеты, как их принято там называть. В период моего знакомства с этим городом Тель-Авив представлял собой (в моем понимании) улицу Ха-Яркон (из множества вариантов написания ее названия я предлагаю выбрать какой-то один, кажущийся мне наиболее подходящим для кириллицы) и идущую вдоль Средиземного моря набережную Герберта Сэмюэла, первого Верховного комиссара Палестины, о заслугах которого евреи спорят и по сей день. Но, видимо, положительных оценок все же чуть больше, раз его заслуги отмечены подобным образом.

Все остальные районы Большого Тель-Авива виделись мне какими-то бескрайними складскими территориями. Я прошу прощения за невольную жесткость в формулировках, но единственная характеристика, приходящая на ум при первом знакомстве с Израилем, после того как вы покидаете аэропорт, это – срач... При всей захватывающей дух красоте местных пейзажей – гор, пустыни, морей и лесов – города Израиля быстро опускают вас с небес на землю из-за вопиющего бардака на улицах! «Почему у вас так грязно на улицах?» – спрашивали мы с женой наших израильских друзей. «Потому что сегодня шаббат! Никто не работает!» – отвечали они. «А сегодня почему так грязно?» – «Потому что был шаббат, еще ничего не успели!»

Это не упрек израильтянам в неопрятности или, боже упаси, лени! Это – данность. Это менталитет человека, живущего большую часть года под палящим солнцем, в условиях дикой жары, сменяющейся на краткие зимние месяцы пронизывающим ветром и холодными дождями. Израиль, хотя он и играет в футбол в составе УЕФА²⁹, – страна восточная, страна медитативная, неспешная во всем, что касается организации жизненных процессов. Как опять же говорили наши друзья, главное в Израиле – терпение. С течением времени и с увеличением количества своих посещений этой страны я тоже стал меньше внимания обращать на бытовой и строительный мусор, попадающий под ноги тут и там. Тем более что строят израильтяне очень много и очень быстро, так что строительные свалки просто перемещаются с места на место, а бытовой мусор... Ну, когда вдоль улиц растут апельсиновые деревья, мандарины, лаймы и лимоны, кумкват и другая цитрусовая экзотика, плоды которой никто не собирает, потому что для этих целей существуют специальные плантации, становится понятно, что какое-то количество гнилых фруктов неизбежно свалится на асфальт.

Апельсины, кстати, стали моим первым потрясением в Израиле. Я никогда не видел, как растут апельсины, тем более не видел такого их количества. Январь и апельсины на деревьях – вполне логичное сочетание для этой страны, в которой каждая сельскохозяйственная культура приносит местным жителям по два, а то и по три урожая в год. При условии, что за ней ухаживают, конечно. Но с этим-то как раз полный порядок, достаточно просто заглянуть под любой – подчеркиваю, любой – кустик. Вы увидите, что вся земля оплетена тонкими трубочками, по которым к растениям подводится вода. Это система капельного орошения, внедренная во всех израильских городах, благодаря чему они и поражают количеством зелени. Кроме того, в начале года израильтяне отмечают праздник Ту би-Шват, в буквальном переводе «Новый год деревьев». Он, как и все в Израиле, имеет собственное религиозное значение и объяснение, но тогда я узнал о его светском понимании, заключающемся в том, что евреи целыми семьями выходят на улицу и сажают самые разные деревья.

Тема праздника Ту би-Шват стала для меня главной в дни знакомства с редакцией телеканала RTVi. Пока мои коллеги – Юра, Вика и Боря – занимались обменом опытом в части организации работы редакции и репортажных съемок, я общался с будущими ведущими телекомпании. На трактах мы пользовались текстом, в котором и фигурировал «Новый год деревьев», но соискатели должности ведущего новостей почему-то рассказывали мне об этом событии, как об очередном террористическом акте. Мне приходилось делать скидку на волнение и постоянно объяснять, что сообщение о радостном факте, о хорошей новости должно, конечно же, интонационно отличаться от информации о трагическом происшествии...

Тем не менее процесс кадрового комплектования шел довольно быстро. И потому, что и у наших хозяев в Тель-Авиве, и у нас самих времени оставалось не так уж и много: в RTVi были заинтересованы в скорейшем начале работы, а нам не очень хотелось задерживаться надолго. И потому, что необходимые специалисты нашлись почти сразу. Большой удачей для начинающей телекомпании оказались опытные операторы: Семен Кацыв или Александр Шабатаев многим молодым журналистам RTVi вполне годились в отцы. Уже пришел работать корреспондентом

²⁹ Европейский союз футбольных ассоциаций.

Сергей Гранкин, за плечами которого было немало горячих точек по всему миру. Для тележурналиста в Израиле это весьма важное качество! Свою программу – правда, не слишком долго – готовил для RTVi Александр Ступников, бывший глава минского бюро НТВ, в свое время едва не лишившийся свободы из-за прямого конфликта с белорусскими властями. Ведущим ежедневной информационной программы «Сейчас в Израиле» мы отобрали Михаила Рабиновича, молодого человека удивительного обаяния, который, если не ошибаюсь, потом работал на RTVi в течение семи лет, то есть даже больше, чем я сам. Работой редакции руководил Дмитрий Ладыженский, совмещавший в себе и столь необходимое терпение, и легкость на подъем. В конце концов второе его качество пересилило: сначала он вернулся в Россию, где продолжил работу в СМИ, а потом уехал в Германию. Главным режиссером новой телекомпании стала Таня Кисилевски, получившая высшее специальное образование еще в СССР, а после эмиграции запустившая в Израиле первую в истории страны телепрограмму на русском языке. Таким образом, костяк будущего израильского отделения телекомпании RTVi был почти готов уже к окончанию нашей командировки. Поэтому московской делегации удалось даже побывать на нескольких экскурсиях: от прогулок по улочкам самого района Яффо до поездок в Иерусалим и на Мертвое море. Для этих вылазок и пригодились взятые из дому деньги, потому что покупку сувениров руководство RTVi, естественно, не оплачивало.

В тель-авивской редакции RTVi. Крайний справа – шеф-редактор Дмитрий Ладыженский, рядом со мной – оператор Семен Кацыв

Высшее руководство израильского подразделения RTVi, которое целиком и полностью отвечало за размещение и развлечение гостей из России, было представлено в лице Марка Меерсона, генерального директора телекомпании. Небольшого роста, абсолютно лысый, с ровным загаром и огромным количеством самых разнообразных браслетов на обеих руках, Марк Меерсон производил впечатление человека, который никогда и никуда не торопится. По причине собственной нерешительности... Но со временем я понял, что эта неторопливость Марка объяснялась совершенно иначе. Господин Меерсон в совершенстве владел главной жизненной парадигмой гражданина Израиля – терпением! Иногда казалось, что он буддист. При этом

совершенно необъяснимым выглядело его сотрудничество с Гусинским, человеком взрывного темперамента, абсолютно незнакомым с самим словом «терпение». Однако Марк Меерсон не был буддистом – просто он был ветераном израильских спецслужб!

Владимир Гусинский, как уже известно читателю, всегда питал слабость к бывшим сотрудникам специальных ведомств. И если в России он хвастался генералом КГБ Бобковым, то в Израиле Владимир Александрович козырял полковником «Моссада» Меерсоном. Что было неточностью, поскольку Марк никогда не служил в «Моссаде» – организации, занимающейся политической разведкой. Это не смущало Гусинского. Во-первых, он, словно большой, так и не повзрослевший ребенок, не упускал ни одной возможности похвастаться: если уж не собственным успехом, то достижением человека, работающего вместе с ним. Во-вторых, думаю, что Гусинский просто не видел разницы между подразделениями израильских спецслужб. А между тем полковник Марк Меерсон действительно имел в своем послужном списке немало ярких страниц.

Марка привезли в Израиль в подростковом возрасте. Привезли, естественно, из Советского Союза, а если точнее, из Белоруссии. Сам о себе он не слишком охотно рассказывал и не рассказывает, предпочитая говорить о детях и внуках. Тем не менее известно, что во время Шестидневной войны Марк Меерсон был ранен в боях за Голанские высоты, после чего поступил на службу в организацию «Шабак», в которой и проработал несколько десятков лет. «Шабак», или «Шин-бет» – это Общая служба безопасности Израиля, ее название сформировано из сокращения фразы «Шерут ха-Битахон ха-Клали», а в сферу ее ответственности входит контрразведка и борьба с терроризмом внутри страны, то есть едва ли не главные направления в поддержании безопасности Государства Израиль. В «арабском секторе» он проработал лет двадцать, и к этому периоду относится единственная история о его службе, которую он сам мне рассказывал. И она, разумеется, повествует об умении проявлять терпение.

Насколько я помню, нетерпеливое подпрыгивание по какому-то личному поводу типа профессиональной неустроенности я проявил в разговоре с Марком уже много лет спустя после ухода с RTVi. В связи с чем и услышал весьма любопытную историю. Один из агентов Марка, по происхождению бедуин, как-то пропал. Перестал выходить на связь, не явился на несколько встреч, то есть не подавал никаких признаков жизни. Так продолжалось несколько недель, потом счет пошел на месяцы, а затем Марк просто вычеркнул его из списков... Этот человек появился спустя два с половиной года! Просто пришел и сказал, что готов снова приступить к исполнению своих обязанностей. На вопрос, где же он был все это время, бедуин ответил, что ждал кровника. Выполнив, таким образом, свой личный долг, этот человек вернулся к долгу гражданина своей страны. Я понимаю, что рассказ очень напоминает притчу о реке, которая пронесит мимо труп твоего врага, но тем не менее...

Уже в конце 1980-х, насколько я понимаю, Марк Меерсон, прекрасно владеющий русским языком, оказался в СССР. Естественно, не просто в качестве туриста! Информации об этом мало, а сам он, повторю, не отличается особенной словоохотливостью. По одним сведениям, Меерсон якобы возглавил «русский отдел» израильской контрразведки, по другим – курировал открытие посольства Израиля в Москве, которое произошло, как известно, только в 1991 году. Так или иначе, в середине 1990-х он познакомился с Гусинским. Произошло это, по всей видимости, случайно. К этому времени Марк уже вышел в отставку и занимался бизнесом, связанным с консалтингом в области безопасности в самом широком смысле. По (оговорюсь!) неподтвержденным из официальных источников сведениям, встреча Владимира Гусинского и Марка Меерсона была вызвана тем, что «Группа «Мост» активно искала западных консультантов, специализирующихся в вышеуказанной сфере услуг. Ну а дальше все пошло по известному сценарию, и в 1996 году – то есть в один год со мной – Марк Меерсон официально оформился на работу в «Мост».

Осмелюсь заявить, что меня и Юлю с Марком и его супругой Этой связывают дружеские отношения. Невзирая на разрыв с Гусинским и всей системой RTVi, с Меерсонами мы и созваниваемся, и встречаемся при первой возможности. И начало этой взаимной симпатии пришлось именно на мою первую поездку в Тель-Авив. Уже в 2010 году, когда я отмечал свой день рождения именно в Израиле, Марк и Эта подарили мне совершенно роскошный альбом об Иерусалиме, сопроводив подарок подписью на русском языке: «42. Не знай горя. Не знай зла. Святой город хранит тебя! Эта и Марк». Вообще они – очень красивая пара. И очень трогательная. Марк и сам, как я уже говорил, небольшого роста, но Эта на его фоне выглядит просто Дюймовочкой, такая она миниатюрная и изящная. И она единственная, кто всегда называет своего мужа – Марек. Получается очень по-домашнему.

Иногда мне казалось, что Марка тяготит работа с Владимиром Александровичем. Он никогда в этом не признавался, никогда ни на что не жаловался. Но при постоянном общении чувствовались неудовлетворенность и даже обида, которые он испытывал по отношению к Гусинскому. Возможно, я абсолютно неправ в этом утверждении и на самом деле все было не так. Но, когда Гусинский продал RTVi, я позвонил именно Марку. И он был искренне рад случившемуся! Официально он, как генеральный директор израильского отделения телекомпании, не давал никаких комментариев, но мне рассказал, что наконец-то вздохнет свободно. «Я просто счастлив, что Володя продал канал!» – радостно сказал он мне. «Что же ты будешь делать?» – спросил я, поскольку меня вопросы трудоустройства всегда очень волнуют, а Марк Меерсон как-никак старше меня на двадцать с лишним лет. – «Ты что, думаешь, мне нечем будет заняться?» – искренне удивился полковник израильской спецслужбы. И знаете, с тех пор, с момента окончательного перехода телекомпании RTVi к совершенно посторонним людям, прошел уже не один год, но Марк Меерсон действительно выглядит счастливым человеком! Он жив, он здоров, он путешествует вместе со своей женой, а ведь этой возможности он был лишен все те долгие годы, что работал рядом с Гусинским. У него растут внуки, и их становится все больше и больше, по крайней мере к каждой из наших новых встреч количество их фотографий все увеличивается! И я ловлю себя на мысли, что Марк живет правильно. И мне не грех брать с него пример: учиться терпению и радости. Я знаю, что отсутствие этих качеств – мой большой недостаток, мягко говоря. Я – человек очень закрытый и постоянно рефлексирующий, что, конечно, не может не огорчать и не угнетать моих близких. Честно сказать, я вообще не представляю, как моя жена меня терпит, такого эгоиста и нытика? Хотя, с другой стороны, я же не полковник «Шабак», я всего лишь сержант запаса Советской Армии, так что у меня еще есть время исправиться!

Глава 24

И все же главным человеком на RTVi, конечно, являлся Гусинский. Наша группа встретила с ним то ли на второй, то ли на третий день пребывания в Израиле. Это произошло в каком-то ультрадемократичном заведении общественного питания, каковых в Тель-Авиве великое множество. Глава телекомпании приехал на служебном «Мерседесе», чтобы пообщаться с нами за скромной дневной трапезой. Разговор особо не клеился. Собственно, это и не было связным разговором, так – ненавязчивое словесное шелестение, как это бывает при первом знакомстве ранее неизвестных друг другу людей. Повторю, каждый из нас видел Гусинского в прежней жизни в лучшем случае один раз. А он нас если и видел когда-либо, то совершенно не помнил. Это было чертой его характера. Лицо и имя Владимир Александрович запоминал только тогда, когда понимал, что с этим человеком он будет иметь дело хотя бы некоторое время.

По окончании общего рабочего обеда Гусинский тихо попросил меня прийти на личную встречу. К тому моменту я по-прежнему ничего не знал о его планах и считал целью этой поездки в Израиль шефскую помощь коллегам. Но мне тогда уже было суждено стать тем избранным, выбивающимся из общей массы сотрудников человеком, на которого шеф возлагал определенные надежды. Встречу Владимир Александрович назначил в ресторане Raphael, одном из самых пафосных мест города – о чем я тоже, разумеется, не знал. Не думаю, что он хотел произвести на меня впечатление. Скорее всего, Гусинский просто испытывал нехватку времени, а до «Рафаэля» он мог дойти из своей квартиры за пару минут. Я – тоже, хотя в тот приезд я жил не в легендарном отеле Dan Tel Aviv, а в гостинице попроще, под названием Lusky Suites, находившейся буквально напротив. Гусинский же владел (и владеет) квартирой в небоскребе King David, составляющем с отелем Dan единый архитектурный ансамбль. В общем, в этом «Рафаэле» и произошло мое окончательное грехопадение.

Наконец-то была озвучена истинная причина моего пребывания в Земле обетованной. Гусинскому не нужна была никакая «шефская помощь». Ему нужен был свой человек в Москве. Причем – новый свой человек. То, что наши консультации ребятам из команды Марка Меерсона были не очень-то и необходимы, стало понятно очень быстро. И хотя Гусинский за глаза всех их (кроме Марка, конечно!) называл дураками и лентяями, справляться со своими обязанностями они учились очень быстро. А вот человека, который бы согласился возглавить в России новую телекомпанию Гусинского, у него не было. Ибо работа предлагалась нервная, можно сказать, неблагоприятная, да и по размеру оклада никак не дотягивавшая до величин, привычных бывшим топ-менеджерам НТВ.

Я же просто не мог отказать Гусинскому. Мне это даже не пришло в голову: ответить отказом на просьбу человека, который так много сделал для меня. Он создал телекомпанию, в которой мне посчастливилось работать, которую у него потом отняли, несмотря на все мои попытки его защитить... А теперь он предлагает мне начать новое дело с самого начала! Конечно, я согласился! Согласился, не отдавая себе никакого отчета, вообще не понимая, как, с кем я буду это делать: создавать с нуля пусть маленькую, но настоящую, работающую в эфире информационную телекомпанию... Можно сказать, что я был настолько польщен и тронут этим предложением, что даже не обдумывал его. Уже вернувшись в Москву и рассказав обо всем жене, я увидел испуг в ее глазах и только тогда ужаснулся. «Как же мы все это сможем потянуть?» – спросила она. И не получила ответа, потому что его не существовало...

В ночь отъезда из Израиля меня разбудил телефонный звонок. Звонил не мобильный телефон, а местный, установленный в номере. Я тупо уставился на часы и понял, что показывают они пять утра, а вставать мне было нужно никак не раньше восьми. Женский голос с ярко выраженным акцентом произнес: «Вы, конечно, простите, пожалуйста, что я вас беспокою! Я

работаю в этой гостинице. И мне сказали, что вы сегодня уезжаете, и я просто не могу вас не спросить! Скажите, пожалуйста, что с Левочкой Новоженовым? Мы так за него беспокоимся!» Оказалось, что это звонила одна из уборщиц отеля. Я постарался успокоить ее, сообщив, что со Львом Юрьевичем все в порядке, на канале «НТВ Мир» он ведет новую передачу и нужно просто найти ее в эфире. По всей видимости, мне удалось вселить спокойствие в душу этой прекрасной женщины, потому что много лет спустя, когда мы с женой остановились в той же гостинице, выяснилось, что эта уборщица не только продолжает там работать, но и помнит наш ночной разговор! Этот эпизод стал первой монеткой в копилке встреч, наблюдений и удивительных открытий, сделанных мною в Государстве Израиль. За прошедшие годы их собралось великое множество, поскольку что-нибудь эдакое мы привозим домой из каждой поездки. Кстати, второе похожее происшествие произошло буквально в тот же день, в зале вылета аэропорта Бен-Гурион.

Я о чем-то разговаривал с Юрой Новоселовым, когда к нам подбежал страшно запыхавшийся человек. Срывающимся голосом он спросил, не является ли один из нас господином Баррелем? Ни я, ни Новоселов господином Баррелем не являлись, поэтому вынуждены были огорчить нашего незнакомого собеседника. Покачав головой, он побежал дальше, останавливаясь у каждого мужчины и задавая все тот же вопрос. Через несколько минут Юра засмеялся, указывая на что-то за моей спиной. «Он нашел господина Барреля!» Я обернулся и увидел, как наш знакомый обнимается с огромным толстым евреем, явно придерживавшимся ортодоксального направления в иудаизме: его борода и пейсы были воистину монументальны. Причины, по которым настоящего господина Барреля пришлось идентифицировать с таким трудом, разумеется, остались для нас неустановленными. Но настроение этот случай, конечно, улучшил.

Итак, домой я вернулся в растерянности. С одной стороны, все случившееся за несколько последних дней было веселым и интересным, но, с другой стороны, теперь предстояло взяться за что-то страшное и неизведанное. Однако рефлексировать было уже поздно: решение принято, слово – дано. Оставалось выполнять обещанное. При этом, как оказалось, я не учитывал два важных фактора. Один – очевидный, а второй – неожиданный. Во-первых, я никогда в жизни не занимал руководящей должности. И, говоря честно, никогда и не хотел быть начальником, что какое-то время вызывало у моих маленьких детей недоумение. Им казалось, что каждый человек хочет быть начальником и командовать другими людьми. Приходилось объяснять, что это далеко не так... Хотя с дочерью я особого успеха, по-моему, не добился, и теперь она с удовольствием командует своими бестолковыми родителями, беспепелляционно указывая на ошибки!

Но если с отсутствием опыта руководящей работы еще можно было справиться, благо он имеет свойство накапливаться с течением времени, то адекватно отнестись к реакции коллег на мое решение оказалось гораздо труднее. Еще до поездки в Израиль я говорил, что не вижу себя в числе участников создававшегося «олигархического колхоза», однако никак не мог ожидать, что по возвращении домой столкнусь с неприкрытой злобой и абсолютно незаслуженной ненавистью. Так я в первый раз в своей профессиональной жизни стал «нерукопожатным».

В первый – потому что потом последовали и второй, и третий раз... (Нет никаких сомнений в том, что этот рассказ станет очередным предлогом для обвинений!) Причем приговор «нерукопожатность» мне выносили по самым разным поводам, иногда взаимоисключающим. Но первый раз запомнился лучше всего: повторю, я не был готов к такой трактовке собственных действий и еще не умел держать удар. Когда я рассказал Киселеву об итогах моей встречи с Гусинским, он очень рассердился. Возможно, Евгений Алексеевич всерьез рассчитывал на мою дальнейшую работу в его команде. Возможно, не ожидал, что я не последую его рекомендациям. А я их действительно проигнорировал, и не только в смысле выбора карьерного пути. Например, Киселев строго-настрого запретил мне ходить в Тель-Авиве в румынский ресторан, в который, по его словам, Гусинский меня обязательно должен был позвать. Приверже-

нец высоких бытовых стандартов, Киселев категорически не принимал «низкую кухню», она претила его мировоззрению. Получилось же, что ресторан Mamaia на улице Бен Иегуда стал для нас с Юлькой одним из самых любимых мест Тель-Авива, в первую очередь из-за страшно калорийного, но безумно вкусного десерта «папанаш». А тогда всю нашу компанию в румынский ресторан привез не Гусинский, а Меерсон, и все остались очень довольны незамысловатым, тяжелым, жирным мясным меню заведения. Расстроился только хозяин, потому что Боря Анциферов, поддавшись на чьи-то уговоры, поставил на стол лично купленную им водку «Кеглевич», редкостную гадость, должен признаться. Но законы гостеприимства не позволили запретить делегации из Москвы пить этот фруктовый суррогат, вместо того чтобы дополнить пиршество более традиционным горячительным.

Впрочем, последствия той ресторанной истории были, конечно, совершенно несравнимы с реакцией на мое кадровое непослушание. Решающий разговор – как раз тот, в ходе которого Киселев предупредил меня о грядущем вероломстве Гусинского – планировалось провести в неформальной обстановке. Дело происходило в квартире Матвея Ганапольского. Пока в гостинной веселились гости, в соседней комнате заперлись я, Киселев, Венедиктов и Юрий Федутинов, генеральный директор «Эха Москвы», на которого Гусинский уже возложил обязанности гендиректора создаваемой телекомпании. Видимо, представители «Эха» выступали гарантами мирного переговорного процесса, на случай если мы с Евгением Алексеевичем вдруг решили бы набить друг другу морды. Хотя предполагать такое было, очевидно, смешно...

Естественно, я не принял никаких аргументов своего, ставшего уже почти бывшим, начальника. Я не мог их принять, я дал слово Гусинскому! А Киселева еще раньше информировал о своих сомнениях в правильности его выбора. Поэтому единственным результатом переговоров стало джентльменское соглашение: не переманивать людей и не позволять себе публичных критических выпадов в отношении друг друга. Было ли это соглашение выполнено? Разумеется, нет. Я никого за собой не звал. Но несколько человек сами подошли ко мне с просьбой принять их на работу в телекомпанию, которая уже получила название «Эхо».

Выбор названия объяснялся просто. Нам нужно было создать и зарегистрировать российское СМИ. Если бы мы захотели работать под американским брендом RTVi, это потребовало бы гораздо больше времени на бюрократические процедуры. Ну и кроме того, Гусинский волевым решением обязал радиостанцию «Эхо Москвы» помогать нам. Против чего, кстати, Алексей Венедиктов пытался возражать – но позднее, сменив собственное неприятие этого проекта на заинтересованность в нем, в конце концов добился моего увольнения и забрал «ЭхотВ» в свои руки.

Пока же, на стадии создания телекомпании, я в полной мере ощутил, что значит оказаться мишенью для разгневанных членов УЖК. Так сказать, примерил на себя шкуру Коха или Чубайса. Обещание Киселева не «мочить» меня в СМИ было сдержано лишь в том смысле, что сам он ничего не говорил – но и подчиненных не сдерживал. Может, не хотел, а может, не мог. Кричевский иронизировал, мол, Норкин будет работать на «конголезском телевидении», намекая на то, что аудитория нового телеканала находится за пределами России. Шендерович сетовал, что, уходя с отечественного телеэкрана, Норкин «совершает творческое самоубийство». Но это были еще вполне миролюбивые заявления, а в основном все крутилось вокруг обвинений в предательстве. Особенно выделялось интервью Володи Кара-Мурзы, в котором он заявлял, что, цитирую, «Норкин проданся Гусинскому!». Услышать такое, конечно, дорогого стоило!

Впрочем, Володя периодически ставил и ставит меня в тупик своими умозаключениями, и хотя к его фамилии сейчас и добавляют слово «старший», я никогда не мог относиться к нему всерьез. Соответственно, и обижаться на его заявления при всем желании не получалось. Владимир Кара-Мурза-старший – человек не совсем обычный. Про таких людей говорят, что у них обостренное чувство справедливости. Иногда эта черта характера подавляет в индиви-

дууме все остальное, в том числе здравый смысл и ощущение реальности. И человека заносит в такие дебри, что становится и страшно, и смешно одновременно. Например, когда проект ТВС стремительно разваливался, в Уникальном журналистском коллективе быстро назначили виноватого. Им оказался Кричевский. На имя Киселева поступило коллективное письмо, которое в числе прочих подписал и Володя. Объяснял он мне все эти страсти следующим образом: «Я вообще-то никогда никаких писем не подписываю. Но мне сказали, что Гриша – мудака и надо подписать. Я и подписал!» Логично, не правда ли?

Позже, когда уже после закрытия ТВС мои непримиримые критики, забыв на время то, что они говорили про меня, пришли работать на RTVi, был в их числе и Кара-Мурза. Однажды он позвонил мне и радостным голосом спросил, слышал ли я про отставку Устинова?³⁰ Я ответил, что не только слышал, мы об этом рассказываем в эфире. «Вот! – сказал Кара-Мурза. – Видишь? Мы его критиковали, и его сняли!» Я даже поперхнулся от такого вывода и посоветовал ему все же поскромнее относиться и к собственной персоне, и к оценке влияния нашей телекомпании. Так что мои отношения с Володей развиваются по спирали. Когда он решает, что я совершил очередной неприличный поступок, то начинает активно меня критиковать. На «Свободе» или в «Собеседнике». Потом передает приветы через общих знакомых и пишет мне в Facebook. Я радуюсь и отвечаю. Проходит время, и все начинается снова. Поэтому я ценю Кара-Мурзу за последовательность, а люблю – за непредсказуемость. И, в конце концов, он мой родственник: крестный отец младшего сына.

Таким образом, в конце января – начале февраля 2002 года я не только оказался перед необходимостью приступить к совершенно незнакомой мне работе, но еще и попал под санкции со стороны бывших единомышленников. Рассчитывать я мог только на Юлю, потому что знакомство с Юрием Юрьевичем Федутиновым состоялось буквально только что и я совершенно не представлял, чего мне ждать от этого человека. Усугублялось положение тем, что работать приходилось в помещениях «Эха Москвы» вместе с «командой Киселева», которую радиостанция, как я уже говорил, временно приютила. В одно и то же время мне приходилось и выходить в радиоэфир в рамках «телевыпусков» информационной программы «Сейчас», потому что я еще вроде как оставался сотрудником закрытой телекомпании ТВ-6, и заниматься вопросами еще не открытой телекомпании «Эхо». Пытаясь при этом и сдерживать данное Киселеву слово не перетаскивать к себе его людей, и сдержаться, чтобы не отвечать на оскорбления, которые позволяли себе некоторые из этих «неперетаскиваемых». Представляете, каково мне было? Особенно если учесть, что Венедиктов, никоим образом не считаясь с мнением собственного редакционного коллектива, всячески поддерживал присутствие на радиостанции «команды Киселева». А к деятельности нашей странной троицы (Норкин, Норкина и прикнущивший к нам Федутинов) он, напротив, относился крайне скептически. Резоны у него, безусловно, были.

В то время «Эхо Москвы» занималось подготовкой резервного аэродрома на случай переноса массированных государственных атак на новую цель. Этим аэродромом была заявка на проект радиостанции «Арсенал», чем постоянно занимался Федутинов. Дополнительная головная боль в виде нашего «Эхо-ТВ» ни ему, ни Венедиктову была совершенно не нужна. Забегая вперед, скажу, что выигранная «Арсеналом» в феврале 2002 года частота 87,5 FM по большому счету и принесла «Эху Москвы» только ненужные проблемы. Вопреки опасениям Гусинского, «Эхо» никто не закрыл, так что новая радиостанция, во многом дублирующая «Эхо», оказалось банальной обузой. В конце концов частоту продали, и сейчас на ней вещает радио Business FM.

Чтобы как-то развести все эти многочисленные потоки в разные стороны, под нужды телекомпании «Эхо» выделили дополнительное помещение. Собственно, это был кабинет

³⁰ Устинов, Владимир – Генеральный прокурор РФ с 2000 по 2006 год.

Федутинова, находившийся не в знаменитом «эховском» коридоре-кишке, а в его зеркальном отображении, по другую сторону лифтового холла. Это была территория, забронированная под «Арсенал», поскольку на площадях «Эха Москвы» рабочего места у генерального директора радиостанции не существовало. Впоследствии я осознал, что в тот момент впервые столкнулся с одним из блистательных трюков Юрия Юрьевича, которые позволяли ему двадцать два года занимать пост генерального директора радиостанции, совмещая его с руководящими должностями в куче других организаций. Я, кстати, совершенно неожиданно для себя оказался заместителем генерального директора радиостанции «Эхо Москвы»! Соответствующая запись осталась в моей трудовой книжке. Это тоже придумал Федутинов, исходящий из понятных только ему соображений деловой целесообразности. Для нас с Юлькой Юрий Юрьевич оказался неоценимым помощником: мы ничего не понимали в вопросах руководства СМИ, а он ничего не понимал в телевидении. Тем не менее в последующие шесть лет нам удалось сделать немало.

Я не знаю точно, какова была роль Федутинова в том, что телекомпания «Эхо-ТВ» в конце концов исчезла. Вернее, сначала исчезли я и Юля, а уже потом все остальные и всё остальное. Мне ЮЮФ, как мы его называли, всегда казался союзником. Был ли он таковым на самом деле? Сейчас я не могу быть в этом абсолютно уверенным. Что я знаю точно, так это то, что, говоря простым языком, Юрий Юрьевич – жук, каких еще поискать! Другое дело, что на «Эхе Москвы» был и другой жук, еще более выдающийся! И мои отношения с ним также нельзя оценивать однозначно. Естественно, я имею в виду Алексея Алексеевича Венедиктова.

Лирическое отступление: Алексей Алексеевич Венедиктов

Как вы, конечно, заметили, среди множества лиц, встречающихся в моем повествовании, есть несколько человек, выделяемых мною особо. Возможно, Алексей Венедиктов – самый особенный из них. Хотя бы потому, что до сих пор продолжает активно действовать в медийном пространстве, а не пылится где-то на задворках истории.

При этом Венедиктов остается во многом неразгаданным персонажем, прячущим свои скелеты так глубоко в шкафу, что в их поисках вы рискуете попасть прямоком в Нарнию. Венедиктов, кстати, очень равнодушен к жанру «фэнтези», но цикл К. С. Льюиса, насколько я помню, не принадлежит к числу его любимых. Впрочем, это всего лишь то, что я помню. А значит, на самом деле все может обстоять совершенно иначе.

Алексей Венедиктов – очень хитрый и очень умный человек. Именно в таком порядке. Но я не могу назвать его «хитроумным», каковым был, например, Одиссей, если верить Гомеру. Одиссею здорово удавались сиюминутные хитрости, он был тактиком. Иначе не застрял бы в своем возвращении на Итаку. А Алексей Венедиктов, напротив, блестящий стратег, ухитряющийся уже почти двадцать лет руководить, мягко говоря, весьма специфическим СМИ и при этом сохранять не только свой пост, но и свое политическое влияние.

Мои отношения с Алексеем Алексеевичем, в общении с которым мы довольно быстро перешли на «ты», прошли через несколько стадий. На первом этапе, который включал всю мою «революционную деятельность» на НТВ и ТВ-6 – с частыми посещениями студии «Эха Москвы», лозунгами, призывами к борьбе до победного конца и т. д., – я оказался жертвой гипноза. Венедиктов представал в исключительно положительном образе, рыцарем без страха и упрека, пламенным трибуном и профессиональным журналистом. Второй этап ознаменовался нашей тесной работой над совместным проектом под названием «Эхо-ТВ», и гипнотический туман стал постепенно рассеиваться. Венедиктов-журналист и Венедиктов-политик уступали свои места Венедиктову-менеджеру и Венедиктову-человеку, а с этими двумя взаимодействовать оказалось куда сложнее. Закончилось все довольно печально: взаимными упреками и многолетней паузой в общении. Позже начался третий этап, продолжающийся до сих пор: ровный, без влюбленностей, но и без склок и скандалов, такой, какой, наверно, и приличествует двум уже не очень молодым людям, которым есть что вспомнить при встрече.

Я считал и считаю, что в моем разрыве с Гусинским главную роль сыграл Венедиктов. И именно он подготовил и осуществил переход телекомпании под полный контроль «Эха Москвы» с само собой разумеющимися кадровыми изменениями. Не скрою, когда-то мне было обидно. И от самого факта, и от того, при каких обстоятельствах все происходило. Эти занятные подробности тоже много говорят о моих бывших либеральных коллегах. Но сейчас, во-первых, я Венедиктову благодарен! За то, что он так много сделал для переоценки ценностей, через которую я прошел. А во-вторых, мне кажется, что теперь я понимаю причины его поступков, и они уже не кажутся мне ужасными. Я их по-прежнему не одобряю и не принимаю, но понять могу.

Представьте себе мальчика с огромным количеством комплексов. Мальчика сомнительной (по тем временам) национальной принадлежности, не самого фотогеничного, который ко всему прочему растет в неполной семье, а с определенного периода жизни вообще воспитывается бабушкой. Политические перемены, произошедшие в стране, застали его уже во вполне зрелом возрасте, но он ухитрился не упустить предоставленного судьбой шанса. И, как мне кажется, в этот момент закончилась история жизни гражданина СССР Алексея Венедиктова и начался процесс грандиозного мифотворчества, создание совершенно новой личности, гражданина мира, которого все знают как Веника. Я даже не беру это слово в кавычки, потому что

это новое имя Алексея Алексеевича образовано от его фамилии и не имеет никакого отношения к предмету, с помощью которого наводят чистоту в доме.

Что вы знаете об Алексее Венедиктове? И что вы знаете о Венике? Думаю, ответы на эти вопросы будут разными. Потому что в первом случае вы, скорее всего, не знаете ничего, а во втором знаете многое. Хотя на самом деле это вам так кажется, что вы многое знаете о Венике. С момента своего прихода на «Эхо Москвы» Венедиктов стал очень активным и единственным составителем собственной биографии. Если вы некоторое время посвятите сбору и анализу имеющейся в открытом доступе информации о нем, вы не найдете почти ничего, что относилось бы к «доэховскому» периоду его жизни. Как такое могло произойти? Почему биография одного из самых известных медиаменеджеров страны представляет собой огромное белое пятно на протяжении первых тридцати пяти лет и наполняется событиями лишь после 1990 года? У меня есть только одно объяснение, и оно заключается вовсе не в том, что жизнь Венедиктова до «Эха» была малоинтересной.

Леша сам пишет историю своей жизни. Пишет таким образом, который кажется ему наиболее целесообразным. Этот способ заключается в создании информационного шума вокруг его персоны. Огромное количество новостей, интервью, заявлений, скандалов, обвинений, расследований, опровержений, слухов, сенсаций, связанных с именем Венедиктова, вываливается на различные страницы при самом активном личном участии Алексея Алексеевича. Но во всей этой информационной лавине очень мало фактов! И это мне представляется крайне интересным моментом.

Он крайне скуп в рассказах о своем детстве и юности. Это – табуированная тема. «Отец – офицер ВМС Советского Союза. Погиб на подводной лодке. А мама была врачом-рентгенологом и два года назад умерла». Это фрагмент программы «Сотрудники», вышедшей в эфир «Эха Москвы» в 2000 году. «Отец был офицером подводной лодки. Погиб в 1955 году за неделю до моего рождения. Мама умерла семь лет назад, мы с ней не говорили об этом. Как-то я всегда сам себе был предоставлен. Я – человек, который сам себя сделал». Это чуть более подробный рассказ Венедиктова о своих родителях, который он позволил себе в 2005 году. И все!

Я тоже никому не рассказываю о том, как осенью 1990 года погибла моя мама. Но Норкин и Венедиктов, с точки зрения известности, публичности, раскрученности, – как говорится, «две большие разницы». Интернет, казалось бы, должен хранить каждое произнесенное слово. И это так и есть, если слово было произнесено. Однажды я лично присутствовал при встрече Венедиктова с двумя незнакомыми мне пожилыми женщинами, которые, как выяснилось, знали его родителей. И я понял, что ему было крайне неприятно, что рядом с ним в этот момент оказался посторонний человек. То есть – я. Поэтому я не буду писать о том, что услышал. Я чувствую, что тема семьи, тема родителей, тема детства – запретны в его понимании для публичного обсуждения. Я, в конце концов, не биограф Венедиктова и не должен раскрывать все тайны его жизни. Ограничимся лишь выводом, что он сам не хочет делиться подобной информацией.

Почти схожая ситуация и с его педагогическим прошлым. Венедиктов был преподавателем истории, не ставил двойки ученикам младших классов и какое-то время учил будущего министра финансов страны Михаила Задорнова. Снова повторю: «И все!» Но именно на этот период своей жизни Венедиктов впервые начинает накладывать толстый слой псевдоинформации, намеков и откровенных вымыслов. Он начинает формировать свой новый образ, образ того самого Веника, за которым прячется сейчас. По всей видимости, это некая защита, своеобразная мимикрия. Я столкнулся с этим его желанием «быть как все» или казаться таковым, когда начал работать с ним в тесной связке.

Верхнее руководство канала RTVi, пусть и проживало в изгнании, ментально оставалось типичным представителем весьма распространенного тогда в России типажа «олигарха», чьим предком был «новый русский» в малиновом пиджаке и с толстой золотой цепью. Соответ-

ствовать этому образу было необходимо, чтобы не отталкивать партнеров, а, напротив, подавать им сигнал: я свой. Когда малиновые пиджаки вышли из моды, им на смену пришли другие, не менее яркие, простите, причиндалы. Это слово тут подходит, потому что причиндалами в соответствующих компаниях принято меряться. Пикантность ситуации заключалась в том, что мои начальники физически не имели времени для воплощения в жизнь всех своих громогласных заявлений, которыми старались поразить воображение собеседников! Наблюдать за этими пожилыми павлинами было очень смешно. Но таковы были правила.

В интервью журналу Maxim в 2011 году Венедиктов лихо описывал свое педагогическое прошлое: *«Ну, секс с ученицами... А что тут такого? Со старшеклассницами – это в школе обычная история. Когда приходит молодой учитель или молодая учительница и разница в пять лет... Ну что такое семнадцать и двадцать два? Обычно первый шаг делают ученики. Ты психологически взрослый, ты ставишь барьер, но тебя соблазняют. И сил сопротивляться нет: двадцать два года, гормоны. Не могу сказать, что я пользовался бешеным успехом, но романы случались. Это были романы, которые включали в себя иногда и секс».* Вот наглядный пример того, как Венедиктов пишет свою биографию, лепит свой образ. Абсурд? Отнюдь нет, хорошо продуманная провокация. А Венедиктов – провокатор высочайшего уровня! Он всегда нападает первым. Узнает что-то – в Twitter, сфотографирует кого-то – в Instagram! Это тактика с очень высоким КПД: заставить вашего соперника, противника, оппонента опешить, растеряться и начать оправдываться, вместо того чтобы самому задавать вам вопрос.

Обучая меня азам управления медийной компанией, в том числе искусству «разводки» при общении с акционерами, он всегда повторял: «Нельзя врать! Нужно всегда говорить правду! Хотя и не всю...» Сейчас он иногда утверждает, что сам услышал этот совет от кого-то. Возможно, но я впервые познакомился с этим правилом именно благодаря Венедиктову. Нечто похожее, правда, говорил Оззи Осборн³¹. Мол, «чтобы врать, нужно иметь хорошую память, а то забудешь, кому и что соврал. А я столько выпил в жизни, что вообще ничего не помню, поэтому никогда не вру!».

Вернемся для примера к приведенному выше фрагменту интервью про секс со старшеклассницами. Романы молодого учителя с ученицами быть могли? Могли. И вполне вероятно, что молодой преподаватель истории сам влюблялся в своих подопечных. Переходил ли он при этом запретную грань? «Докажите», – скажет Венедиктов. А это невозможно доказать – и обвинения разбиваются в пух и прах за отсутствием доказательств. Вы спросите: «Как же репутация?» Но дело в том, что ваше понимание этого термина и понимание его Алексеем Венедиктовым могут быть совершенно противоположными. Во-первых, подобное обвинение можно повернуть в свою сторону, представив как пример травли. Во-вторых, как я понимаю, репутация для Венедиктова – вещь десятая по своей значимости. Ему абсолютно не важно, что про него говорят. Для него важно то, как относятся к тому, что он говорит и что он делает. И какие дивиденды это может ему принести. Если образ эдакого «супермачо» в определенных ситуациях для него необходим, он будет всячески поддерживать этот образ. И все бесконечные истории так называемых «фавориток Венедиктова» – из той же серии, потому что (как бы!) фаворитизм на «Эхе» существует годами. И фамилии Маши Майерс, Наргиз Асадовой, Тони Самсоновой и даже Тины Канделаки появлялись рядом с фамилией Венедиктова задолго до прихода на радиостанцию Леси Рябцевой, ставшей символическим воплощением апокрифа «Веник как сексуальный маньяк». Просто ему это было выгодно. Но не более. В этот ряд можно, например, внести и широко распространенное представление, что Веник пьет виски вместо чая. Зайдите в Сеть, и вы найдете немало рассуждений на эту тему... Бред, разумеется...

³¹ Майкл Осборн, Джон – выдающийся британский рок-музыкант.

Я не защищаю Алексея Венедиктова. Я пытаюсь описать человека, с которым работал долгое время. Человека неординарного, крайне противоречивого, безумно интересного и, снова повторю, так и не понятого мною до конца. Никто толком не знает, каким образом радиостанция «Эхо Москвы» в середине 1990-х на целых два года осталась без главного редактора. Почему один из создателей радио – Сергей Корзун – ушел с этой должности, а второй его создатель – Сергей Бунтман – ее не занял? Почему в 1998-м, когда «Группа «Мост» преобразовывалась в холдинг «Медиа-Мост», должность главреда «Эха» получил именно Венедиктов? Программа «Без посредников», 3 марта 2011 года: *«Два года мы были без главного редактора, и мы с Сергеем Бунтманом ждали возвращения Сережи Корзуна, с 1996-го по 1998-й год. Мы поделили как бы сферы влияния, я отвечал за службу информации, а Сережа Бунтман – за программы. В результате рейтинг упал до 1,6 [процента]. Ну понятно, каждый тянул на себя: я все время защищал информационников, Серега все время защищал программы, не входящие в информационную службу. Не то что мы передрались, но просто радио концептуально начало разваливаться, неформат, что называется. И в один прекрасный день Сережа Бунтман пришел ко мне и сказал: «Ну все, я тебя выдвигаю, я набрал пять человек, давай проводить собрание». Я говорю: «Ну, давай и ты, что ли». Он говорит: «Ну что я, клоун тебе? Я считаю, что ты».*

Нужно говорить правду, хотя и не всю... Какой именно кусочек правды вывалился из приведенной цитаты? Почему нет объяснения мотивов ухода Корзуна? Потому что Корзун всегда уходит и всегда возвращается? Почему Бунтман говорит о главреде как о клоуне? Что происходило в «Медиа-Мосте» в тот период? Чего требовал Гусинский от руководителей принадлежащих ему СМИ? Как видите, вопросов тут хватит на целое интервью, которое, однако, Венедиктов никому не дал до сих пор.

Он очень редко рассказывает об эпизоде с имитацией своего расстрела в Чечне. Это было еще во времена Дудаева³². Во время Первой чеченской войны Венедиктов еще не был руководителем «Эха Москвы», совмещая работу на радио с преподаванием в школе. В составе делегации депутатов Думы и журналистов он приехал в Грозный, чтобы попытаться забрать домой российских офицеров, попавших в плен после неудачной попытки штурма города. Во время разговора с начальником охраны Дудаева выяснилось, что восемнадцать российских военных якобы не хотят возвращаться. Венедиктов вызвался поговорить с ними и попросил пленных записать на диктофон свои заявления о нежелании лететь в Россию. Сразу после этих слов охрана Дудаева вывела Венедиктова в какой-то двор, поставила лицом к стене и симитировала расстрел. Как выяснилось позже, это была шутка, но, по словам Венедиктова, после того как он пришел в себя, он осознал, что теперь больше ничего не боится...

Почему главред «Эха» не рассказывает об этом случае из своей жизни? Вернее, делает это очень редко? Боится показаться нескромным? Но скромность – далеко не преобладающая характеристика Алексея Алексеевича. Не потому ли, что время для срабатывания этой информации пока не пришло? Венедиктов – выдающийся манипулятор общественным мнением, и я вполне допускаю, что именно аргумент «несвоевременности информации» его в данном случае и сдерживает. Зато он с удовольствием и многочисленными подробностями разъяснениями вспоминает давний разговор с Владимиром Путиным, когда президент описал ему различия между понятиями «предатель» и «враг», определив Венедиктова во «враги». Он часто рассказывает, как ответил отказом на просьбу Путина стать его доверенным лицом на выборах и что тем не менее президент как минимум трижды лично запрещал закрывать радиостанцию. А вот про случай, связанный с реакцией в тот момент премьер-министра Путина на работу «Эха Москвы» в период российско-грузинской войны, говорить не любит.

³² Дудаев Джохар – президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия, 21 апреля 1996 года был ликвидирован российскими ВВС в результате спецоперации в районе села Гехи-Чу.

Когда я работал с Венедиктовым, от него часто можно было услышать: «мой друг Волошин», «мой друг Нарышкин». Сейчас фамилии уже другие: «мой друг Песков», «мой друг Володин». Где здесь констатация факта, а где сарказм, понять невозможно. Умение владеть собственными эмоциями, голосом, мимикой, жестами – все это превратилось для Алексея Алексеевича в давно пройденный материал. Он действительно ничего не боится, с этим не поспоришь. Венедиктов сам себя называет консерватором, в каких-то вопросах – мракобесом. Он заявляет, что его любимые политики – Рейган и Тэтчер. Он всегда демонстративно ходит в клетчатых рубашках, почти никогда не надевая пиджак. Для визитов в Кремль он ограничивается красным свитером. Он руководит, как принято считать, главным рупором либеральной оппозиции, но при этом гордится своими совершенно тоталитарными рейтингами, позволяющими ему бесконечно переизбираться в должности главного редактора «Эха Москвы».

Впрочем, боюсь, тут мы вынуждены будем уйти в более подробный анализ феномена под названием «Эхо Москвы», а мне не хотелось бы делать это сейчас. Потому что Венедиктов, конечно, важнейшая фигура для радиостанции, но «Эхо» – это не только Венедиктов. Это множество совершенно отличных друг от друга людей, многие из которых и так будут появляться в моем рассказе. Пока же я ограничусь еще одним парадоксом, иллюстрирующим загадку Веника. 18 января 2012 года Владимир Путин, встречаясь с главными редакторами российских СМИ, устроил Алексею Венедиктову такую публичную головомойку, какую не устраивал ни до, ни после.

Отвечая на вопрос руководителя «Эха Москвы», Путин постепенно перешел к собственным впечатлениям от работы журналистов радиостанции. Приведя несколько цитат из услышанного в эфире, премьер прямо заявил, что то, чем занимается «Эхо», – это не журналистика, а, цитирую, *«обслуживание внешнеполитических интересов одного государства в отношении другого, в отношении России»*. *«Есть абсолютно элементарные вещи, их невозможно не знать! Я не верю, что они этого не знают!»* – сказал Путин о подчиненных Венедиктова. – *И они делают это за счет российского налогоплательщика!»* Финалом того разговора стала знаменитая фраза: *«Вы, Алексей Алексеевич, я вижу, обиделись на меня, а зря. Я вот не обижаюсь на вас, когда вы меня поливаете поносом там с утра до вечера...»*

Можно по-разному относиться к деятельности президента России. Можно по-разному оценивать работу радиостанции «Эхо Москвы». Но то, что в ее эфире Путина – хорошего ли, плохого ли, очень плохого ли – действительно с утра до вечера «поливают поносом», – это чистая правда! Не верите, послушайте сами. Почему Венедиктов это позволяет своим журналистам? Естественно, потому что не может этого запретить. Потому что есть понятие «свободы слова» и есть Закон о СМИ. Дальше все рассуждения будут касаться соблюдения Буквы и Духа этого закона, журналистской этики и профессиональных качеств (либо отсутствия оных) у сотрудников «Эха Москвы». Но я сейчас говорю лишь о Великом кормчме этого СМИ. И еще раз хочу напомнить, что из всех руководителей СМИ, принадлежащих когда-то Гусинскому, на переднем крае остался только Алексей Алексеевич. Все другие либо ушли в тень, либо маргинализировались. Но Венику-то это никак не могло повредить! Он уже маргинал! «Меня Путин называет сумасшедшим!» – постоянно говорит Венедиктов.

Можно ли в таком случае сравнивать руководителя «Эха Москвы» с солдатом Швейком, крайне жизнерадостным идиотом, в уста которого Ярослав Гашек когда-то вложил убийственную сатиру на государственные власти? Конечно нет! Потому что, как я уже говорил, Венедиктов – очень умный человек. Может быть, даже слишком. Ведь вовремя прикинуться идиотом и получить от этого выгоду может только очень умный человек.

Есть, правда, одно сумасшедшее предположение. Когда Венедиктов активно ставил нам с Юлькой палки в колеса, постоянно продавливая свои собственные решения, касавшиеся работы телекомпании, навязывая своих людей, свои программы и т. д., Юлька в сердцах бросила, что Веник – «засланный казачок». Не забывайте, мы были пламенными борцами за

свободу слова, и человек, хоть в чем-то с нами не согласный, сразу становился предателем. Но с течением времени я стал ловить себя на мысли, что моя жена, возможно, была права. Ведь, согласитесь, какая красивая версия может получиться: Алексей Венедиктов – агент под прикрытием! Я уже говорил, что Веника одновременно считают и героем борьбы с тоталитаризмом, и преступным соглашателем с режимом. Журналист Олег Кашин даже как-то составил список подозрительных деяний Венедиктова, доказывающих, что главный редактор «Эха Москвы» на самом деле не тот, за кого себя выдает. Я не хочу сейчас разбирать его текст. И потому что сам господин Кашин в той же либеральной среде проходит по разряду «кремлевских мурзилков». И потому что вряд ли он знает, за кого себя выдает Венедиктов. Я, например, на истинность выводов не претендую, но сам поворот мне нравится. «Остин Пауэрс: Человек-загадка международного масштаба». Помните, был такой фильм? По-моему, имя Алексея Венедиктова смотрелось бы на афишах не хуже...

Глава 25

В феврале 2002 года я, Юлька, Юрий Юрьевич Федутинов и вновь набранные сотрудники телекомпании RTVi перебрались на новое место работы, в офис «Медиа-Моста» в Большом Палашевском переулке. Годом ранее, во время «войны за НТВ», я несколько раз бывал в этом здании, но теперь уже приезжал туда каждый день. Причем проникал в него я не как все обычные люди, через парадную дверь, а через подземный гараж. Потому что по моему новому статусу главного редактора мне полагался персональный водитель! Им был не кто-нибудь, а Валерий Манатов, до меня работавший личным водителем самого Гусинского. В этой работе у Валеры был небольшой перерыв, связанный с периодом сильной влюбленности Владимира Александровича в партию «Яблоко», и тогда Валера перемещал по столичным улицам Григория Явлинского.

Сидя на заднем сиденье служебного автомобиля, я довольно быстро почувствовал себя полным идиотом, поэтому мы с Валерой перераспределили его обязанности в пользу моей семьи. И «дядя Валера» на несколько лет стал лучшим другом моих детей, которых он возил из дома в школу и обратно. Замечательный человек и блестящий профессионал, Валерий Манатов был полноценным членом нашей семьи, и когда он в конце концов решил уйти из «Моста» в более спокойное и стабильное место, отпускать его было очень тяжело. Хотя поступить иначе я, конечно, не мог. Мы оставались друзьями на протяжении всего этого времени, потому и расстались без скандалов и обид, пожелав друг другу удачи. А дети мои, уже давным-давно закончившие школу, до сих пор вспоминают «дядю Валеру» исключительно добрыми словами.

Сам офис «Моста» представлял собой не то чтобы сногшибательное здание, однако не без претензий на роскошь. Насколько я понимаю, получив этот дом в свое распоряжение от московского правительства, Гусинский сначала собирался перестроить его под жилье. Потом планы неоднократно менялись, в проекте появлялся то бассейн, то зимний сад, то еще что-то, но в итоге Гусинский остановился на варианте штаб-квартиры. Напомню, начало деятельности «Моста» было связано со знаменитой «книжкой» на Новом Арбате, в которой в советские времена располагался СЭВ – Совет экономической взаимопомощи.

Дом номер 5/1 в Большом Палашевском также имел свою историю. Когда-то в нем жил знаменитый русский актер Александр Сумбатов-Южин. Одним из условий, на которых дом передавался новому собственнику, было восстановление исторической части здания, так что со временем по адресу Большой Палашевский переулок, 5, открылся Музей-квартира Сумбатова-Южина. Он имел отдельный вход, поэтому мы совсем не мешали его, честно говоря, немногочисленным посетителям. (Кстати, чтобы закончить театральную тему, добавлю, что в здании по соседству – в доме номер три – долго жила Фаина Раневская.)

Поскольку Владимир Александрович всегда был равнодушен к золотым тонам, то и внутренняя отделка нашего офиса радовала глаз стеклом и желтым металлом. Я поселился на втором этаже, в бывшем кабинете Малашенко. Стоит отдельно подчеркнуть, что это был, пожалуй, самый скромный кабинет «на Палашевке», как мы стали называть наше новое место работы. Кабинеты Гусинского, Киселева и даже Венедиктова производили гораздо более внушительное впечатление. Наш новый гендир, Юрий Федутинов, вселился в кабинет Киселева, который в то время уже был предан анафеме за свое нежелание продолжать работу с Гусинским и переход на сторону врага и, в соответствии с упоминавшейся мною «табелью о рангах» моего начальника, рухнул в самый ее низ, даже ниже графы «сам никто и звать никак». Так что кабинет у Евгения Алексеевича экспроприировали и передали Юрию Юрьевичу, у которого, как выяснилось, своего рабочего места не существовало не только на «Эхе Москвы», но и в штаб-квартире «Медиа-Моста». Напомню, что к этому моменту ЮЮФ возглавлял «Эхо» в качестве гендиректора уже около десяти лет, но Гусинский с ним оказался почти незнаком.

На протяжении первых нескольких месяцев нашей совместной работы Гусинский даже не мог выучить правильное произношение фамилии Юрия Юрьевича, упорно обзывая его Фетудиновым, а не Федудиновым.

Но главный жилищный вопрос для нас представляли, конечно, не кабинеты, а студийные помещения. Раскидать операторов и инженеров ТЖК, водителей и корреспондентов по разным комнатам было нетрудно. Тут же, вместе с телекомпанией «Эхо», жили наши друзья и партнеры, например кинокомпании «ДомФильм» и «МакДос», которыми руководил знаменитый продюсер Владимир Досталь, или «Телеателье» дизайнера Семена Левина. Несколько помещений занимали аффилированные с бизнесом Гусинского компании, чьим родом деятельности являлись недвижимость, телекоммуникации, юридические услуги и т. д. Но собственно телевидением – не продюсированием телесериалов, а выпуском информационных программ прямо в эфир – здесь никто не заморачивался. Для нас же это представлялось жизненной необходимостью.

После нескольких мозговых штурмов местом для студии определили пространство прямо под крышей. Поднявшись на лифте на третий этаж, вы попадали в своеобразную мансарду, только огромных размеров. Прямо посередине стояло какое-то огромное возвышение, внутри которого находились досталевские тон-студии, а потолок оставался неиспользованным. Там размещалась небольшая зона отдыха: кресла, диванчики, столики, на которые через застекленную крышу здания щедро лился солнечный свет. Здесь установили легкие перегородки и получили помещения для редакции и пишущих корреспондентов. Саму же студию – съемочный павильон и аппаратную – растянули буквой «Г» вдоль стен этого редакционного постаменты...

У меня с геометрией всегда было не очень хорошо, поэтому я понимаю, что вряд ли сумел создать у вас зримую картину того, как была устроена наша редакция. Но главного результата, надеюсь, я добился: всем понятно, что в таких условиях снимать телепрограммы нельзя. С этим были согласны все, но, поскольку ничего другого все равно не было, стали снимать здесь. Студийный свет через какое-то время наладили вполне сносно, установив дополнительные балки с приборами, в качестве декораций выступали пластиковые баннеры, изготовленные в левинском «Телеателье», а вот со звукоизоляцией ничего сделать так и не удалось. Поэтому на время записи или прямого эфира поступала команда: «Тишина!», которую, конечно, время от времени кто-нибудь да нарушал. Особенно часто этой диверсионной деятельностью занимался Андрей Черкизов, записывавший у нас телевизионную версию своей «эховской» «Реплики». Андрей постоянно курил, прерываясь лишь в те моменты, когда кашлял. А уж если он начинал кашлять... думаю, в этом случае не смогла бы помочь никакая звукоизоляция. Потому ее и не делали...

Следующей технической проблемой, которую предстояло решить, стала доставка продукта потребителю. Напомню: наш потребитель, то есть телезритель, находился за тысячи километров от студии. В некоторых случаях – за морями-океанами. Попробую объяснить суть проблемы своим дилетантским языком. Картинку в нашей московской студии камера снимала в стандарте PAL. Эта картинка претерпевала разнообразные трансформации (сжималась, кодировалась) и по кабелю доставлялась в Нью-Йорк, в центральную аппаратную RTVi, где переводилась в стандарт NTSC, принятый в Америке. После чего снова сжималась и, уже являясь составной частью контента «материнского» телеканала, отправлялась в обратное кабельное путешествие. Только не в Москву, а в Кёльн, откуда сигнал поднимался на спутник, раздававший наши программы подписчикам. Все эти технические сложности имели свои логические объяснения, но для меня проблема выглядела так: мы имели брак по изображению. Картинка то «замыливалась», то рассыпалась подобно мозаике. Периодически появлялся так называемый «рассинхрон», когда артикуляция ведущего категорически не совпадала со звуком его речи. К тому же в результате всех этих перемещений через Атлантический океан возникала

задержка видеосигнала, иногда достигавшая нескольких секунд. А теперь представьте, как все это должно было работать, если команда «Мотор!» из центральной аппаратной в Нью-Йорке шла к нам в Москву, мы «моторились», а в Америке все еще продолжали ждать, когда наш сигнал доберется до них! Ни о каком прямом эфире просто не могло идти и речи!

Задача решения всех этих воистину астрономических проблем была возложена на Евгения Ройтмана и его сотрудников. В начале 2000-х Ройтман был главой спутникового провайдера «НТВ-Интернет», а теперь работал над созданием портала NEWSru.com и целым рядом проектов, которые Гусинский пытался осуществлять в телекоммуникационной сфере. Женя ушел из нашей развеселой компании практически в одно время со мной. И не только потому, что устал бодаться с Венедиктовым, который все время жаловался на него Гусинскому, обвиняя в срыве и бойкоте всех планов и начинаний, связанных с сайтом «Эха Москвы», но и потому, что ему надоело постоянно пребывать в роли ожидающего. Ройтман – настоящий технологический маньяк, к тому же имевший образование инженера-электронщика. Он окончил факультет информационно-измерительных технологий «СТАНКИНа». Бывший школьный учитель, ставший радиожурналистом, и бывший театральный режиссер, превратившийся в олигарха, может быть, и могли бы делиться с Ройтманом ценными советами, но только не в том, что касается технологии телекоммуникаций. Сейчас Евгений Ройтман возглавляет группу компаний «Антарес», активно занимается бизнесом в Юго-Восточной Азии, разворачивая беспроводные сети во Вьетнаме и Камбодже, и периодически пытается растолкать локтями МТС, «Вымпелком», «Мегафон» и «Теле 2» уже здесь, в России. Как он со своими ребятами сумел добиться того, что RTVi все-таки заработал в прямом эфире, причем в хорошем качестве, я не понимал и не пойму никогда. Но именно поэтому группу компаний «Антарес» и возглавляет Евгений Ройтман, а не я!

Таким образом, наши обязанности распределились следующим образом. Я отвечал за контент, за содержание. Ройтман – за доставку этого контента. А Федутинов – за обеспечение непрерывности производственного процесса. Тут я должен все-таки еще пару слов сказать о Юрии Юрьевиче, ибо раньше позволил себе усомниться в его искренности. Федутинов, в отличие от Венедиктова, никогда не шумел и старался не привлекать к себе лишнего внимания. Потому что Венедиктов работал со словами, а Федутинов – с деньгами, которые, как и «служенье муз», не терпели суеты. Когда мы с Юлькой, привыкшие к совершенно иному уровню работы на телевидении (я имею в виду не личный уровень комфорта, а уровень технологический), пытались доказать, что решить определенные проблемы без соответствующих вложений невозможно, ЮЮФ терпеливо объяснял нам, что на протяжении нескольких лет мы работали на производстве «Мерседесов», а теперь пришли работать на завод по выпуску «Запорожцев». Пример оказался доходчивым, поэтому мы (уже все втроем) начинали придумывать способы достижения цели иными путями, без казавшихся нам обязательными кадровых или финансовых вложений.

Работать с ЮЮФом было удобно и приятно. Он всегда старался понять нашу позицию, иногда защищал мою точку зрения перед Венедиктовым и всегда поддерживал меня в спорах с Гусинским. А спорить с Гусинским бывало трудно, потому что аргумент Владимир Александрович, как вы помните, использовал единственный: «Ты ничего не понимаешь!» Мы могли вечером расстаться на этой стадии спора, с удивлением обнаружив утром, что Гусинский выдает наши вчерашние мысли за свои сегодняшние, но мы при этом все равно «ничего не понимаем!». Спорить же с Венедиктовым Федутинову было не совсем этично. Все-таки он возглавлял не только телекомпанию, но и радиостанцию, поэтому пребывал в состоянии перманентного конфликта интересов. Думаю, именно это в конце концов и сыграло решающую роль в *моем* конфликте с работодателями. И хотя Федутинов до конца меня поддерживал, эта поддержка становилась все менее ощутимой. Хотя, возможно, я просто слишком завышал тогда свои ожидания... А вообще, из Юрия Юрьевича Федутинова мог бы получиться непло-

хой министр финансов. Деньги у него никогда не кончались, и в любой экстренной ситуации, даже при условии неоднократного сокращения бюджета, действительно нужная сумма возникла как по волшебству. В общем, жук – он и есть жук!..

Отладка всех этих технологических процессов отняла у нас несколько недель, в отдельных случаях – и несколько месяцев. Я же в самом начале нашего общего пути ненадолго «сходил налево». В смысле работы со мной это иногда случается: работаю, работаю в одном месте, вдруг – раз! – и параллельно появляюсь еще где-то. А потом возвращаюсь обратно. Моя временная отлучка с RTVi была вызвана необходимостью участия в конкурсе на замещение частоты, освободившейся после отключения ТВ-6 от эфира. Естественно, это означало окончательное и бесповоротное размежевание с «командой Киселева», поскольку создавать непонятно с кем телекомпанию, вещающую в неизвестность, – это одно дело, но совсем другое – выйти на федеральный конкурс с профессиональной заявкой, подкрепленной интересными финансовыми предложениями. Это выглядело как прямая и явная угроза в адрес Киселева, что, конечно, ему не понравилось.

Я ни в коем случае не относился к этой затее с конкурсом как к мести Киселеву. Мне абсолютно не за что было ему мстить, как, впрочем, и обижаться особенно тоже было не за что. А вот Гусинский, напротив, весьма воодушевился и идею поддержал, наплевав даже на возможные обострения отношений с Березовским. Рассказывая о последних выпусках программы «Глас народа» на ТВ-6, я уже упоминал об инвестиционном фонде под названием TRG Аугога, который неожиданно всплыл во время полемики Коха с Березовским. Напомню, Кох похвалил Березовского за разумность его позиции, заключавшейся в проведении переговоров с возможными покупателями ТВ-6, а Березовский стал кричать, что переговоры с TRG он вел по принуждению. В декабре 2001 года про эту компанию публично говорили всего несколько раз, но я в своем рассказе обещал, что она «всплывет через полтора месяца». Вот мы и добрались до этой части истории.

В феврале, уже после моего переезда с Нового Арбата на Палашевку – из «Эха Москвы» в «Эхо-ТВ», – мне позвонил Павел Корчагин и предложил встретиться. Павел Петрович, как я уже говорил, тоже отказался участвовать в «олигархическом колхозе», в общем-то, по той же самой причине: абсолютной невозможности поверить в то, что подобная конструкция окажется работоспособной. Корчагин ждал меня на улице у входа в наш офис, мы с ним отправились уже не помню куда, и он рассказал мне, что готовит собственную заявку на конкурс. Заявку, никак не связанную с идеей Киселева и остатков УЖК. По словам Паши, главные козыри уже были у него на руках: финансирование и политическая воля. Это следовало понимать так: деньги на работу телеканала в случае победы на конкурсе – будут, а политическое давление – наоборот. Теперь, сказал Корчагин, необходимо создать крепкую профессиональную заявку, прописать концепцию канала и представить ее на рассмотрение Федеральной комиссии по частотам. «А люди?» – спросил я. Корчагин ответил, что люди найдутся сразу после того, как мы выиграем. В конце концов, можно будет пригласить необходимые творческие единицы из все той же «команды Киселева». Мне он предложил занять должность главного редактора этого телеканала, в котором сам Корчагин должен был стать генеральным директором.

Я ответил, что только что начал работать на Гусинского full time и «мне надо посоветоваться с шефом». «С Михал Иванычем?» – уточнил Паша. «С Михал Иванычем!» – подтвердил я. «Михал Иваныч», выслушав меня, хитро спросил, что я сам думаю по поводу предложения Корчагина? Я ответил, что не очень верю в положительный исход, но это могло бы быть интересным, в том числе и для самого Гусинского. Он как будто именно такого ответа и ждал – как-то сразу воодушевился, заговорил быстрее и увереннее и сказал, что в таком случае полностью освобождает меня на время от всех обязанностей по запуску RTVi, которыми пока займутся Юрий Федутинов и Юлия Норкина. Я перезвонил Корчагину, и он назначил встречу с еще неизвестными мне потенциальными инвесторами нашего проекта.

Ими оказались двое молодых людей, Борис Карлов и Максим Щербаков, которые и представляли в России тот самый инвестиционный фонд TPG Aurora, некогда пытавшийся купить у Березовского телеканал ТВ-6. Чтобы не занимать много времени на презентацию их компании, приведу цитату из «Коммерсанта», опубликовавшего справку по Aurora еще в декабре 2001 года, когда о них стали говорить в прессе. *«Инвестиционный фонд TPG Aurora входит в группу инвестиционных фондов Texas Pacific Group с общим капиталом более 10 миллиардов долларов. Размер средств фонда – 225 миллионов долларов. TPG Aurora имеет опыт работы на российском медиарынке: он осуществлял инвестиции в телеканал «MTV Россия» и радиостанцию «Русское радио». В 2000 году TPG Aurora по заказу гендиректора «Газпром-Медиа» Альфреда Коха осуществлял оценку компаний, входивших в холдинг «Медиа-Мост».*

Как видно из этой справки, финансовое благополучие Aurora не вызывало сомнений, а их интерес к медийным ресурсам Гусинского – Березовского был, оказывается, давно подогрет самим господином Кохом. Партнером TPG Aurora в России выступал банк ЕБРР, Европейский банк реконструкции и развития, вместе с которым они только что вложили порядка двадцати миллионов долларов в московского оператора платного телевидения «Версател». Теперь «авроровцы» решили вернуться к своей затее приобрести телеканал ТВ-6, чего не смогли сделать раньше по причине несговорчивости Березовского.

Борис Абрамович традиционно выступал с разными, иногда взаимоисключающими, версиями. Если в декабре 2001 года он заявлял, что его «вынудили» вести переговоры с TPG Aurora, то в январе уже отрицал сам факт таких консультаций. По словам Бориса Карлова, переговоры, естественно, проходили, но Березовский запросил немыслимую сумму. В открытых источниках можно найти, например, ссылки на публикации в The Financial Times, где приводилась цифра в 200 миллионов долларов. Таким образом, финансовая составляющая стала первой непреодолимой проблемой в вопросе возможной продажи ТВ-6 иностранному инвестору. Вторую причину – политическую – активно обсуждали российские СМИ. Я выше уже приводил фрагмент из статьи Александра Рыклина, в которой упоминалось имя «православного олигарха» Сергея Пугачева. Так вот, та статья не была единственной. Можно было также прочесть, что TPG Aurora на самом деле и представлял интересы Пугачева, но Березовский не хотел ничего продавать человеку, который, как он считал, был близок к президенту Путину. К слову, о «близости» Пугачева к Путину по прошествии многих лет можно говорить так же, как о «близости» к Путину самого Березовского. Интересно, что в середине 2010-х годов Пугачев, оказавшийся в международном розыске, сам стал копировать антипутинские тактику и стратегию Березовского, обвиняя Кремль в политическом преследовании...

Фамилию Пугачева ни Корчагин, ни Карлов, ни Щербаков во время наших встреч не упоминали. Возможно, потому что покупка ТВ-6 у Березовского уже не значилась в повестке дня. Зато фамилия другого человека звучала постоянно. Причем звучала она как весьма надежная гарантия того, что наша идея может быть поддержана. Этим человеком был... министр печати Михаил Юрьевич Лесин! Я уже рассказывал о различных намеках и прямых заявлениях, с помощью которых власти пытались вразумить Евгения Киселева и членов УЖК и убедить их, что в изгнании нескольких десятков журналистов с телевизионных экранов никто не заинтересован. Призыв «Давайте жить дружно!» тем и хорош, что подходит не только к коту Леопольду и его мышинным оппонентам. Я, уже порядком подуставший от упрямого нежелания разговаривать «ни с кем из тех, кто не с нами», остававшегося главным принципом действий УЖК вот уже почти два года, решил, что шансом прекратить этот бесконечный конфликт нужно попытаться воспользоваться.

Какая-то информация о возможной роли Лесина в проекте TPG стала утекать в прессу. Но министр печати сохранял молчание. Единственное, что он подтвердил, – факт встречи с руководителями TPG Aurora. Впрочем, для кого-то и этой небольшой новости было достаточно, чтобы понять (или же домыслить) очень многое. Почему Гусинский поддержал нашу

идею? Честно говоря, я до сих пор не понимаю этого, потому что она противоречила целому ряду его убеждений.

Во-первых, это означало, что он не возражает против участия в данной спецоперации (пусть на уровне слухов) Михаила Лесина, человека, который, как считалось, сыграл едва ли не главную роль во всех неприятностях Гусинского. Во-вторых, это могло привести к скандалу с Березовским, ибо тогда получалось, что Гусинский заключил сепаратный мир с враждующей стороной. И не столько потому, что ТРГ Аигога уже пытался купить у Березовского ТВ-6, сколько потому, что это свидетельствовало бы о молчаливом одобрении Гусинским отъема собственности у Березовского. В конце концов, лицензия на вещание на этой частоте по-прежнему оставалась у Березовского. То есть поддержка Гусинским любого участника конкурса стала бы вопиющим нарушением всех существовавших в их мире «понятий». Мне кажется, что тогда во Владимире Александровиче в очередной раз проснулся его азарт. Азарт, заключающийся в непреодолимом желании насолить Киселеву. В выражениях Гусинский никогда не стеснялся, и фантазия сексуального надругательства над бывшим подчиненным несколько лет подряд занимала одно из первых мест в его «списке мести». Вполне вероятно, что возвращение «команды Киселева» в эфир, осуществленное не усилиями самого Киселева, а вопреки этим усилиям, представлялось Гусинскому достаточно унижительным наказанием отступника.

Корчагин, я и Карлов с Щербаковым начали усиленную подготовку к конкурсу. Времени почти не оставалось, заседание комиссии было назначено на 27 марта, а заявку на участие нужно было успеть подать до шестого числа. Паша и я занимались творческой частью писанины, Борис и Максим – деловой. Удивительно, но мы не только успели, но и создали совместными усилиями вполне конкурентоспособный проект! Сегодня я иногда думаю, что у нас вполне могло бы получиться запустить его в работу и если не добиться коммерческого успеха, то совершенно точно – просуществовать дольше, чем проект ТВС, которому в итоге и отдала свое предпочтение конкурсная комиссия. Почему я так думаю? Потому что мы проиграли «команде Киселева» всего один голос!

Глава 26

Дело в том, что победителя конкурса определяли мягким рейтинговым голосованием членов комиссии. В ее состав входили как чиновники, представлявшие различные профильные министерства, ведомства и организации, (например, Михаил Лесин, Леонид Рейман, Михаил Сеславинский, Андрей Романченко, Марк Кривошеев и другие), так и профессионалы непосредственно от телевидения (Владимир Познер, Манана Асламазян, Всеволод Вильчек и т. д.). Каждый из них мог голосовать несколько раз, за каждую понравившуюся заявку. В итоге и получилось так, что «команда Киселева» получила единогласную поддержку членов комиссии, а по нашей заявке кто-то один проголосовал «против».

Чем же она – эта наша заявка – была хороша? Ну, во-первых, тут требуется уточнение терминов. «Заявка» и «концепция», разумеется, разные вещи. Изъявить желание участвовать в конкурсе можно было, вообще не имея никакой концепции, многие так, кстати, и делали. Необходимыми требованиями на этом этапе являлись юридические и финансовые гарантии, но никак не творческие. Вы должны были зарегистрировать СМИ, оплатить конкурсный взнос и т. д., а на проработку предложений по программе будущего телеканала вам оставалось еще три недели. Поэтому очень важно было изначально произвести впечатление, просто и наглядно продемонстрировав понимание того, как ты собираешься решать стоящие перед тобой вопросы. Мне кажется, что внятность и вменяемость представленных заявки и концепции и были нашими главными плюсами. То есть тем фактором, который едва не спутал все карты конкурентам.

Вот что Борис Карлов рассказывал газете «Известия» 6 марта 2002 года, уже после того, как истек срок подачи заявок (мы стали последними участниками, которых допустили к конкурсу): *«Мы идем на конкурс вместе с группой профессиональных телевизионщиков, которая в настоящий момент состоит из людей, работавших на НТВ и ТВ-6. Но не только из них. Из ключевых фигур присутствуют Павел Корчагин, который будет гендиректором, и Андрей Норкин, соответственно, главный редактор. Кроме них я пока не хотел бы кого-то называть. Скажу лишь, что все они профессиональные телевизионщики, среди них есть те, кто делал всем известные сериалы и программы. Это абсолютно не означает раскола в команде ТВ-6. Никакого конфликта и конкуренции нет. Просто эти люди определили свои предпочтения с точки зрения того, с кем им комфортнее идти на конкурс. Мы оставляем двери открытыми и до, и после конкурса. Не исключено, что в том или ином виде команда сольется снова. Либо под нашими знаменами, либо под знаменами выигравшего. Никакого горького осущения и конкуренции между журналистами нет.*

Юридические документы были оформлены месяц назад. Тогда же в качестве СМИ была зарегистрирована «Телекомпания «Канал 6». Неделю назад был подписан акционерный договор, в соответствии с которым журналисты стали акционерами вновь создаваемой компании. Контрольным пакетом акций АО «Телекомпания «Канал 6» владеет фонд TPG Aurora.

Наша задача сугубо экономическая. Мы надеемся эту компанию раскрутить, сделать ее экономически привлекательной и вывести на рынок капитала. Чтобы в итоге у нее был не один инвестор, а тысячи. Но этого сложно достичь, не контролируя компанию. И я не вижу, как, обладая, к примеру, двумя процентами акций, можно что-то из этой компании сделать и свои деньги вернуть, не говоря уже о том, чтобы что-то заработать для инвесторов. Именно поэтому мы настаиваем на контрольном пакете акций. Может быть, это звучит цинично, но это наш бизнес.

В случае победы на конкурсе в телекомпанию будет вложено от пятидесяти до восьмидесяти миллионов долларов, что по нашим оценкам будет достаточным для достижения главной цели – выведения телеканала в тройку лидеров. Мы планируем участвовать в этом

проекте столько времени, чтобы построить экономически стабильный, приносящий доходы бизнес, что станет залогом его независимости и позволит нам реализовать его стоимость. В конечном итоге я думаю, что мы сделаем это в срок от трех до пяти лет».

Пожалуй, это было единственное публичное выступление нашего представителя в прессе. Ближе к самому заседанию комиссии мы осуществили еще какие-то вбросы для пущей важности. Например, таковым можно было считать объявление Венедиктова главой редакционного совета телекомпании. По большому счету, мы не нуждались в дополнительных громких именах, но прессу необходимо было подкармливать. В интервью Карлова, кроме фамилий Корчагина и Норкина, иная конкретика отсутствовала, хотя намеки на «производителей сериалов и программ» для профессионалов, конечно, выглядели как «секрет Полишинеля».

Все понимали, что Павел Петрович обладает гораздо большим ресурсом и потенциалом, чем Евгений Алексеевич, который, как я уже говорил, всегда был «ведущим-ведомым». Корчагин же не только создал сеть ТНТ в составе «Медиа-Моста». Он сделал себе имя еще в «догусинскую» эпоху телевидения. Достаточно вспомнить его работу на СТС, участие в создании будущего рекламного монстра «Видео Интернешнл», первым президентом которого стал Корчагин. Я уж не говорю про легендарные телемосты, организованные им вместе с его другом и деловым партнером Сергеем Скворцовым. Об этом отрезке отечественной телевизионной истории лучше узнать от самих участников событий, благо их рассказ на эту тему имеется³³. На тот момент, если я не ошибаюсь, Корчагин и Скворцов были единственными представляющими Россию действительными членами Международного совета Академии телевизионных наук и искусств США. У Корчагина были две премии Emmy – это американская награда, присуждаемая за достижения в области телевидения. Никто из других участников конкурса не мог похвастаться ничем подобным. Так что необходимые творческие кадры действительно могли быть мобилизованы по первому свистку. Но и имя Венедиктова, всплывающее вдруг не в киселевском проекте, а в связке с его конкурентами, – согласитесь, звучало интригующе!

С другой стороны, наши предложения выглядели очень понятными в организационной части. И с составом акционеров, и с владельцем лицензии, и с порядком и объемом финансирования. В таком деле, как создание телекомпании, эти темы значили едва ли не больше, чем перечень планировавшихся к выпуску программ и список их создателей. И тут мы, пожалуй, наиболее уверенно переигрывали наших основных соперников, продолжавших свою бессмысленную борьбу. То есть смысл в борьбе, конечно, был, но заключался он в упорном желании коллег полностью осуществить весь свой, как принято говорить в гламурных журналах, wish list. А состоял этот список всего из двух пунктов, согласно известной поговорке, объявлявших о намерении съесть рыбку и проделать еще одно незамысловатое действие. Однако сама эта поговорка и появилась на свет как доказательство того, что в некоторых случаях даже два желания не могут быть выполнены одновременно!

«Команду Киселева» трясло с самого верха до самого низа. Трясло так основательно, что СМИ не успевали сообщать о все новых и новых решениях Уникального журналистского коллектива. Суть проблемы заключалась в том, что, порвав с бывшими благодетелями Гусинским и Березовским, мои коллеги все равно не обрели спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. Конечно, проще всего было свалить все на происки Кремля. Или хотя бы – на Лесина. Но ошибка заключалась в другом. Все-таки Киселеву нужно было выбирать, а он до последнего пытался угодить всем, решить вопрос так, чтобы никого не обидеть, ни от кого не зависеть и чтобы при этом все остались довольны. А так в жизни не бывает...

Я здесь несколько раз уже использовал выражение «олигархический колхоз» и упоминал название «Медиа-Социум» применительно к проекту, который в конце концов и начал свое недолгое существование на бывшей частоте ТВ-6. Начал под названием ТВС. Но тут необхо-

³³ Корчагин П., Скворцов С. В СССР секс был!!! Как мы строили телемосты. – М.: «Инфомедиа Паблицерз», 2007.

димо уточнить, что «колхоз» и «социум» так же отличались друг от друга, как «заявка» и «концепция», что мы уже успели разобрать. «Колхозом» изначально прозвали пул бизнесменов, которые согласились финансировать новый проект Киселева, получивший название ЗАО «Шестой канал». А «Медиа-Социумом» называлась структура, появившаяся позднее. Она, согласно замыслу, должна была сглаживать возможные риски. В состав этой структуры входили два политико-экономических тяжеловеса: глава Торгово-промышленной палаты Евгений Примаков и руководитель Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Вольский. Однако «коса нашла на камень» – ни журналистские «овцы» Киселева, ни их олигархические «пастухи» не горели желанием пускаться в свой теремок кого-то еще, тем более что этот кто-то претендовал на руководящие роли. Драматическое развитие последовавших баталий лучше всего рассматривать через публикации в СМИ, причем я предлагаю ориентироваться именно на либеральные средства массовой информации, которые традиционно благоволили как руководящим, так и рядовым членам УЖК. Развивались события так.

2 марта 2002 года радиостанция «Эхо Москвы», которая в те дни использовалась «командой Киселева» как информационная трибуна, сообщила полный состав «олигархического колхоза»: Анатолий Чубайс, Роман Абрамович, Олег Дерипаска, Александр Мамут, Андрей Мельниченко, Каха Бендукидзе, Владимир Евтушенков, Дмитрий Зимин, Виктор Вексельберг. Возглавил эту dream team Олег Киселев, ради этой работы даже пожертвовавший своим креслом председателя Совета директоров «Металлоинвеста». Далее цитата: *«Слухи о появлении в этом списке Евгения Примакова и Аркадия Вольского были опровергнуты Евгением Киселевым»*. То есть ЗАО «Шестой канал» – журналисты и олигархи – еще 2 марта, за четыре дня до истечения срока подачи заявок, собирались идти на конкурс отдельно от «Медиа-Социума»! Еще раз повторю, что подавать заявку можно было, не имея за душой ничего: ни концепции, ни творческого коллектива, ни денег.

В тот же день, 2 марта, опровергнув слухи о Примакове и Вольском, Евгений Киселев выступил с предупреждением в адрес будущих «зарплатодателей», в присущей ему манере обнародовав пять принципов, которые должны были принять потенциальные инвесторы, если они хотели финансировать ЗАО «Шестой канал». Снова цитата: *«Есть вещи, через которые мы не будем переагивать, есть принципы, которыми мы не сможем поступиться»*.

1. Мы будем возрождать новости в нашей стране как профессию, мы будем рассказывать обо всем, что происходит в стране и в мире, быстро, правдиво, объективно, без купюр и агитпропа, без оглядки на любое, пусть даже самое высокое начальственное недовольство!

2. Мы будем зеркалом, в которое власть может в любой момент заглянуть, чтобы увидеть, как она в действительности выглядит в глазах избирателей!

3. Мы не будем партийным телевидением, мы не будем обслуживать на выборах того или иного кандидата, ту или иную политическую силу. Мы будем предоставлять слово всем участникам событий, представлять все существующие точки зрения!

4. Мы не будем «информационной заточкой» в чьих-либо руках, не позволим сделать себя инструментом разрешения пресловутых «споров хозяйствующих субъектов», даже если их участниками окажутся наши акционеры, кредиторы или рекламодатели!

5. Мы будем отстаивать либеральные демократические ценности, приоритет интересов и прав человека, принципы гражданского общества, рыночной экономики, просвещенного патриотизма».

То есть следовало полагать, что во всей своей предыдущей истории «команда Киселева» ни в одном из перечисленных грехов не была замечена? Ну-ну... Вероятно, в тот день новости на «Эхе Москвы» готовил к эфиру человек, подуставший от затянувшегося пребывания на радиостанции незваных гостей с ТВ-6, потому что сообщение о «мартовских тезисах» УЖК заканчивалось саркастической фразой: «Что такое «просвещенный патриотизм», Евгений Киселев не уточнил».

Мне же кажется, что уточнять нужно было совсем другое и гораздо раньше. Я спрашивал ребят, как они представляют следующую картину: собираются вместе «рыцари круглого стола» – Чубайс, Абрамович, Дерипаска, Мамут, далее по списку – и давай решать, кто сколько денег на телевидение выделит! Притом что никто из них никогда в телеинвесторы не рвался, да и деньги давать нужно было тем самым людям, которые несколько лет назад каждого из этих сидящих за круглым столом рыцарей регулярно окунали в дерьмо по самую макушку! Что показательно, никто из бывших коллег не мог ответить на мой вопрос. Все смеялись, все опускали глаза, и все отвечали фразой, которую сегодня «либералы» любят приписывать «государственникам»: «Ну ты же понимаешь...» Мол, иначе нельзя...

А я не понимал. И не хотел понимать. Потому и готовился к конкурсу отдельно, наблюдая за разворачивавшейся по соседству истерикой. Пятого марта сетевая «Газета. Ру» выдала залп в направлении Министерства печати, Кремля, РСПП и Торгово-промышленной палаты, то есть главных врагов «команды Киселева». Больше всего традиционно досталось Лесину: *«Сегодня заканчивается прием заявок на участие в конкурсе на частоту шестого метрового телеканала. Одновременно обозначился его несомненный фаворит. Как установила «Газета. Ру», это – глава Минпечати Михаил Лесин. Вчера, после заявления Евгения Киселева о том, что журналисты ТВ-6 идут на конкурс вместе с олигархами (в рамках ЗАО «Шестой телеканал»), фактически определился круг реальных претендентов. Страсти накалились до предела. Как уже сообщала «Газета. Ру», созданное главами РСПП и ТПП Аркадием Вольским и Евгением Примаковым некоммерческое партнерство «Медиа-Социум» до последнего рассчитывало на партнерство с командой Евгения Киселева. Однако даже после того, как Киселев сделал окончательный выбор в пользу новых олигархов, «Медиа-Социум» от борьбы не отказался.*

Это, в общем, неудивительно. Потому что, как стало известно «Газете. Ру», реальным вдохновителем создания некоммерческого союза Примакова – Вольского выступил глава Минпечати Михаил Лесин. Именно он придумал схему, ведущую к тому, что шестой канал достается не олигархам, а лояльным и управляемым руководителям РСПП и ТПП. При этом Лесин руководствовался не политическими соображениями, а собственными бизнес-интересами. Ведь в случае появления на рынке сильного независимого игрока неминуемо пострадают интересы рекламного агентства Video International, хозяином которого называют министра печати. Примаков же и Вольский были выбраны Лесиным для осуществления его плана потому, что идея отдать шестую кнопку ветеранам российской политики, известным консервативными взглядами и не слишком большой любовью к прессе, не могла не вызвать одобрения у Владимира Путина».

Можно, конечно, иронизировать по поводу фраз «в случае появления на рынке сильного независимого игрока» или «Киселев сделал окончательный выбор», но раз уж мы договорились цитировать либеральные СМИ, придется немного потерпеть такую наивность. Утром 6 марта стали приходить совсем другие новости. Цитата: *«Выступая в эфире радиостанции «Эхо Москвы», Е. Киселев сообщил, что в ходе переговоров между ЗАО «Шестой телеканал», А. Вольским и Е. Примаковым «достигнуто взаимопонимание по всем основным позициям». «Весьма вероятно, что в ближайшем будущем мы все-таки объединим усилия с «Медиа-Социумом», с тем чтобы совместно участвовать в дальнейшей борьбе за шестую кнопку», – отметил он. Евгений Киселев пояснил, что коллективу журналистов ТВ-6 не удалось подать заявку на конкурс совместно с «Медиа-Социумом» из-за необходимости внесения изменений в большое количество документов. «Нужно было получить подписи и печати такого количества людей, пройти столько кабинетов, что за оставшиеся сутки это было практически невозможно...»* Конец цитаты. То есть теперь выяснялось, что просто не хватило времени...

Диспозиция изменялась на глазах, причем стало известно о появлении еще одного коллективного участника драмы! Нет, этот новый участник не стал подавать отдельной заявки на конкурс (он и не мог этого сделать), он был призван усилить конструкцию и так без меры пере-

груженного корабля. В структуру «Медиа-Социума» ввели так называемых «лидеров общественного мнения», которых тут же прозвали ЛОМами. Речь шла об известных общественных деятелях, представлявших самые разные профессиональные сферы. ЛОМами были объявлены дирижер Юрий Темирканов, композитор Борис Чайковский, хоккеист Борис Майоров, академик Николай Покровский, космонавт Олег Атьков и другие не менее достойные люди. В отличие от членов различных наблюдательных, общественных и попечительских советов, существовавших в разных СМИ на никому не понятных правах, ЛОМы «Медиа-Социума» как раз наделялись правами весьма серьезными, хотя и по-прежнему непонятными. Они должны были не просто «следить за порядком», время от времени высказывая свое веское слово. Подразумевалось, что они будут принимать самое непосредственное участие в управлении телекомпанией, потому что все фигуранты дела должны были войти в состав специально учрежденного *некоммерческого* партнерства. Которое, как это ни парадоксально звучит, собиралось заниматься *коммерческой* деятельностью.

Ссылаясь на Аркадия Вольского, агентство «Интерфакс» так объясняло достигнутые договоренности: *«Владельцем лицензии станет некоммерческое партнерство, а с Евгением Киселевым и его командой будет заключен договор. Сами журналисты, хотя и являются учредителями ЗАО «Шестой телеканал» (им принадлежит 10 % акций), входящего в «Медиа-Социум», членами партнерства формально не являются. Лицензия на вещание также не принадлежит журналистскому коллективу. Договор с ними от имени партнерства будет заключать (и расторгать в случае необходимости) правление «Медиа-Социума», в состав которого входят три человека: по одному представителю от РСПП, ТПП и «Шестого телеканала».*

Печатная «Газета» дополняла, что руководящим органом Некоммерческого партнерства «Медиа-Социум» будет совет со следующим распределением голосов: семь – у представителей интеллигенции, то есть у ЛОМов; один голос – у Евгения Примакова; еще один – у Аркадия Вольского и еще один, последний голос – у Олега Киселева, представляющего ЗАО «Шестой телеканал». То есть всех журналистов и олигархов вместе взятых!

Естественно, такой расклад «команде Киселева» и ее коллективному инвестору совсем не понравился. В интервью «Коммерсанту» Киселев заявил: *«Ни нас, ни наших финансовых партнеров из ЗАО «Шестой телеканал» такой вариант не устраивает. В этой схеме лицензия на вещание принадлежит некоммерческому партнерству, а телекомпания ТВ-6 не имеет лицензии, по сути, является только производителем и работает с держателем лицензии на основании договора, который можно в любой момент расторгнуть. Такой вариант взаимоотношений задуман для того, чтобы держать журналистов на крючке этого договора. И с которого нас к тому же в любой момент можно сбросить: договор расторгается – и все. Такая схема абсолютно выгодна власти, потому что они не хотят, чтобы журналисты ТВ-6 являлись вещателями. Это для нас плохой знак перед конкурсом, потому что, если мы примем ситуацию по другой схеме, нам лицензию не дадут».*

Газета «Газета» от себя добавляла, что и «олигархи были категорически против такой расстановки сил. Ведь получается, что их задача – дать десятки миллионов долларов на канал, журналистам надо эти деньги освоить, а руководить процессом будет Кремль через Примакова и интеллигенцию».

Консультации в здании Торгово-промышленной палаты на улице Ильинка продолжались несколько часов. «Коммерсантъ» выяснил, что на переговоры удалось пробраться двум не самым последним представителям журналистского коллектива, а именно генеральному директору канала Александру Левину и Светлане Сорокиной, которая и поделилась с газетой своими впечатлениями: *«Мы случайно узнали об этой встрече, наши здания находятся рядом³⁴, и коль уж нас это тоже касается, решили зайти. Получилась картина «Не ждали». Не всех из*

³⁴ Офис телекомпании ТВ-6 также располагался на улице Ильинка.

этих «лидеров общественного мнения» я знаю в лицо, поэтому пока не хочу их даже называть, вдруг кто-то из них потом откажется от участия в проекте. Сидящие за столом ЛОМы все больше молчали, старались повернуться к нам спиной. Но мы все-таки сказали, что раз вы пытаетесь стать учредителями компании, в которой мы пытаемся работать, то послушайте нас: с вашей помощью хотят развалить любую нашу попытку приблизиться к конкурсу и выиграть в нем. Схема усложняется и становится неприемлемой для всех участников».

Надо отдать должное Сорокиной. Насколько я знаю, она была крайне негативно настроена в отношении всего этого телевизионного «партстроительства». Главными объектами ее критики были Чубайс и Киселев. Первый – за то, что придумал эту схему или же активно участвовал в ее придумывании, а второй – за конформизм, нежелание или же неспособность принять решение в сложной ситуации. Возможно, поэтому работа на ТВС у Сорокиной и не заладилась – она сама закрыла свою программу и покинула канал почти за полгода до его бесславной кончины. Но ее призывы к коллегам, потенциальным инвесторам и кураторам проекта остались гласом вопиющего в пустыне.

Утром седьмого марта газета «Газета» вышла с сенсационной статьей «Объединение не состоялось», смысл которой сводился к следующему: Евгений Примаков, Олег Киселев и Евгений Киселев должны были объявить о создании объединенной компании для участия в конкурсе, но объявления не произошло. Цитирую: *«Не состоялось и компромисса журналистов с олигархами и властью. Как будет строиться совместная компания, так и не было решено. (...) Заявки подали по отдельности: Киселев – с олигархами, Примаков и Вольский – с творческой элитой. На то, чтобы договориться, осталось три недели, конкурс состоится 27 марта».*

Думаю, вы уже догадываетесь, что произошло дальше?

«Эхо Москвы», 7 марта 2002 года, 18 часов 22 минуты: *«ЗАО «Шестой телеканал» вошло внутрь некоммерческого партнерства «Медиа-Социум». Это партнерство будет участвовать в конкурсе на шестую кнопку с той концепцией вещания, которая изначально была предложена «командой Киселева», – заявил в эфире радиостанции «Эхо Москвы» главный редактор ЗАО «Шестой телеканал» Евгений Киселев. 7 марта стало известно, что ЗАО «Шестой телеканал» отозвало заявку на участие в конкурсе. (...) Как пояснил Евгений Киселев, «вся журналистская команда во главе с Киселевым и все инвесторы входят в состав некоммерческого партнерства, вместе будут участвовать в конкурсе на шестую кнопку и вместе будут обладателями лицензии на вещание в том случае, если одержат победу в конкурсе».*

«Газета. Ру», которая так рьяно поддерживала «всю журналистскую команду во главе с Киселевым» в начале истории с конкурсом, сдалась первой, опубликовав в тот же день, только поздно вечером, такой текст: *«ЗАО «Шестой телеканал», учрежденное олигархами и Евгением Киселевым, отозвало свою заявку на участие в конкурсе и вошло в примаковский «Медиа-Социум». Киселев теперь считает альянс с Примаковым «большим плюсом», а Вольского называет «большим другом»!*

Список участников конкурса удалось окончательно сформировать...

Лирическое отступление: Конкурсанты

За несколько дней до конкурса журнал «Коммерсантъ-Власть» опубликовал очень толковый материал, знакомивший читателей с соискателями освободившейся частоты. Я воспользуюсь этим материалом и приведу его в изложении. Всего в борьбу вступили около полутора десятков организаций, но почти треть из них выглядели откровенными лузерами. «Коммерсантъ-Власть» просто перечислял их через запятую: «Твой канал» от ООО «Высшая лига» во главе с Иваном Демидовым (напомню, покинувшим ТВ-6 после нашего там появления); «Межрегиональная общественная организация – Партия социальной защиты граждан федерации» (?); «Объединенное национальное телевидение», представленное издательским домом «Александр-клуб»; Russian News Press от Общероссийской общественной молодежной организации «Россия молодая»; «Олимп ТВ», представленная Национальным олимпийским комитетом; и, наконец, ЗАО «Телекомпания «Останкино», за вывеской которой на самом деле скрывался «Горбачев-фонд». Кстати, на стадии подачи заявок Михаил Сергеевич вел себя наиболее прямолинейно, просто заявив, что выиграет конкурс, потому что «все остальные заявки не заслуживают победы!» Цитата: «Остальные очень они уж участвовали во всяких делах. И пусть бы они посидели на этот раз». Удивительно, как за семнадцать лет до такого заявления вся страна заслушивалась выступлениями Горбачева? Неужели он выражался понятнее?

Остальные участники конкурса были представлены журналом подробнее. Каждому из них по десятибалльной шкале выставлялись оценки по следующим параметрам: политический ресурс, материально-техническое обеспечение, личный состав, послужной список и замысел, то есть основная идея концепции. Получалось, что максимальная оценка могла равняться пятидесяти баллам.

Замыкала список, с двенадцатью баллами, заявка Телекомпании «Ваше телевидение», поданная бывшим руководителем информационной службы ТВ-6 Михаилом Пономаревым. Совсем беда у них была с политическим ресурсом (ноль баллов), да и с другими позициями все обстояло ненамного лучше. Их материально-техническое обеспечение оценили в два балла, потому что Пономареву не удалось договориться о финансировании с «Лукойл-Гарантом»; «личный состав» и «послужной список» получили по четыре и три балла соответственно, потому что кроме самого Михаила Пономарева и его работы на прежнем посту по этим позициям ничего иного известно не было. Замысел «Вашего телевидения» журналисты «Коммерсанта» оценили так: *«Михаил Пономарев неоднократно заявлял, что его мечта – сделать круглосуточный информационный канал. Пока в России это никому не удавалось. Три балла».*

Второе место с конца списка соискателей заняла Межгосударственная телерадиокомпания «Мир», также перебивавшаяся с «двочки» на «троечку» и набравшая в итоге почти такие же унылые тринадцать баллов. Исключением была «четверка» за политический ресурс: *«Выдвинутая «Миром» идея создания единого информационного пространства СНГ может найти поддержку на самом высоком уровне, и не только в России».* Что впоследствии оказалось правдой. Через несколько лет «Мир» «вышел в мир» сразу несколькими каналами. Но в той заявке было много провисаний. Непонятно было, кто и как станет финансировать телекомпанию, отсутствовала и информация по лицам канала, хотя поговаривали об Александре Гурнове и Эдуарде Сагалаеве.

Следующим претендентом стала Телекомпания «7 ТВ» – еще один игрок телерынка, которому в скором времени суждено было громко заявить о себе, хотя и, в отличие от «Мира», довольно быстро кануть в Лету. Что удивительно, «7 ТВ», казалось, имела все шансы на успех, потому что продвигала идею тематического спортивного телеканала. Видимо, телевизионный спорт у нас в стране заколдован, потому что до сих пор никому не удавалось сделать по-настоящему успешный и популярный общедоступный канал о спорте, и мучения «Матч ТВ» пока

это лишь подтверждают. «Коммерсантъ-Власть» тоже обращал на этот момент внимание: *«В конце января телекомпания «7 ТВ» могла считаться фаворитом конкурса: за появление в России общенационального спортивного канала высказались президент Владимир Путин, вице-премьер Валентина Матвиенко, руководители Госкомспорта и Национального олимпийского комитета, а в попечительский совет «7 ТВ» вошел полпред президента в Центральном округе Георгий Полтавченко. Но сейчас, судя по всему, власти утратили интерес к этой идее»*. Все же политический ресурс этой заявки оценили в пять баллов. Но дальше был провал по всем пунктам. Не удалось даже вытянуть раздел «Личный состав», в котором значились имена Алины Кабаевой и Владислава Третьяка. Итоговый результат «7 ТВ» оказался равен шестнадцати баллам.

Двадцать баллов и итоговое пятое место были предсказаны Независимой вещательной компании «ТВ-VI». Уже из названия организации становилось понятно, что речь шла о еще одной группе выходцев с бывшего ТВ-6. Эта часть выдвинутого нами с насиженного места творческого коллектива по каким-то причинам решила не объединяться с Михаилом Пономаревым и пойти на конкурс самостоятельно. Хотя чему удивляться: Корчагин и я тоже играли отдельно от Киселева. Их политический ресурс никого не впечатлил: два балла, зато по всем другим параметрам проект выглядел неплохо. Эту заявку готов был профинансировать «Лукойл-Гарант», среди учредителей компании значились бывшие лица ТВ-6 Виктор Мережко и Станислав Кучер, а также Сергей Москвин и Валерий Бакаев, руководившие каналом до его приобретения Березовским. НВК «ТВ-VI», по всей видимости, планировали возродить развлекательно-молодежную неполитическую сетку, которая существовала в эфире канала до появления на нем членов УЖК.

Еще один представитель развлекательного телевидения, Телекомпания «ТНТ-Телесеть», представила концепцию, в которой под различные шоу и сериалы отводилось две трети эфирного времени, а оставшаяся треть опять же отдавалась спорту. Главным козырем ТНТ, разумеется, было «семейное положение»! Канал входил в структуру «Газпром-Медиа», и холдинг обещал ему всяческую поддержку. Председатель совета директоров «Газпром-Медиа» Александр Дыбаль одобрил участие ТНТ в конкурсе, а гендиректор НТВ Борис Йордан гарантировал организационную и финансовую помощь. В рейтинге «Коммерсантъ-Власти» «ТНТ-Телесеть» набрали двадцать два балла, что все же было существенно меньше, чем у тройки лидеров.

Открывала пьедестал Телекомпания «Авторское телевидение». К рубежу 2000-х АТВ уже выглядело настоящим мастодонтом эфира – казалось, программы АТВ были всегда. Что и нашло отражение в прогнозах: оценки заявки Анатолия Малкина в основном колебались чуть выше середины шкалы. Хотя к мнению экспертов журнала можно было придраться. Возможно, им лично импонировало превращение целого телеканала в одно гигантское «Времечко»³⁵. Но поклонниками «Времечка» были далеко не все телезрители. Косвенно это подтверждал и сам журнал: *«АТВ – самый опытный из конкурсантов: компания участвовала во всех конкурсах, на которые выставлялись московские дециметровые частоты, но неизменно проигрывала их»*. Спрашивается, почему в этот раз должно было произойти по-другому? Но общая оценка АТВ была очень высокой – тридцать баллов.

Хотя нам дали тридцать два! Такой утешительный приз. Начиная с этого места я позволю себе более полное цитирование: *«Телекомпания «Канал 6». Политический ресурс: 7 баллов. «Канал 6», по некоторым сведениям, пользовался расположением министра печати Михаила Лесина и в какой-то момент даже считался главным претендентом на шестую кнопку. Однако альянс журналистов ТВ-6, консорциума предпринимателей и Евгения Примакова с Аркадием Вольским существенно уменьшил шансы «Канала 6» на победу»*.

³⁵ Программа «народных новостей», созданная АТВ в качестве альтернативы программе «Время». Выходила в эфир около пятнадцати лет.

Материально-техническое обеспечение: 7 баллов. У «Канала б» – наилучшие финансовые возможности среди всех претендентов. Борис Карлов, один из управляющих директоров инвестиционного фонда TPG Aurora, который владеет контрольным пакетом компании, заявил, что на первом этапе его фонд намерен вложить в телеканал \$50–80 млн. Как сообщил Карлов, все деньги в проекте принадлежат иностранным инвесторам. И если иностранцы откажутся его финансировать, не ясно, кто из российских инвесторов и на каких условиях захочет сотрудничать с TPG Aurora.

Личный состав: 7 баллов. Коллектив «Канала б» пока состоит из гендиректора Павла Корчагина (бывшего исполнительного директора ТВ-6) и главного редактора Андрея Норкина (известного телеведущего). Однако в случае победы на конкурсе именно «Канал б» имеет наиболее высокие шансы получить часть сотрудников из команды Евгения Киселева. Со многими из них переговоры уже ведутся.

Послужной список: 5 баллов. Павел Корчагин считается одним из лучших телевизионных менеджеров. Он участвовал во многих телевизионных проектах, был одним из создателей агентства Video International, первого российского сетевого канала СТС, а затем создавал телесеть ТНТ и руководил ею. Последние полгода работал исполнительным директором ТВ-6. Андрей Норкин стал известен как ведущий дневных новостей НТВ, а затем ТВ-6. Кроме того, на ТВ-6 он делал собственную программу «Опасный мир».

Замысел: 6 баллов. «Канал б» планирует создать полноценный общественно-политический канал, на котором будут представлены информационные и развлекательные программы, а также сериалы собственного производства. По данным «Власти», с «Каналом б» собирается сотрудничать Александр Капица, продюсер «Ментов» и других сериалов».

Абсолютным фаворитом этой гонки выглядело Некоммерческое партнерство «Медиа-Социум». Первые же строчки рейтинга, казалось, снимали все вопросы: «Политический ресурс: 10 баллов. Еще в январе президент Путин и премьер Касьянов лично пообещали журналистам бывшего ТВ-6, что они вернутся в эфир. После этого журналисты при поддержке консорциума предпринимателей создали «Шестой канал». Власти, сперва отнесшиеся к этой затее благосклонно, испугались, что в руках олигархов окажется мощный политический ресурс, и предложили другую схему, в которой руководящая роль отводится Евгению Примакову и Аркадию Вольскому. Примаков и Вольский учредили некоммерческое партнерство «Медиа-Социум», и «Шестой канал» после напряженных многодневных переговоров согласился на объединение с ним. Политический ресурс у «Медиа-Социума» больше, чем у кого бы то ни было: говорят, что Евгений Примаков и Аркадий Вольский принимают участие в конкурсе по личной просьбе Владимира Путина.

Материально-техническое обеспечение: 10 баллов. Не приходится сомневаться, что бизнесмены, ставшие учредителями «Шестого канала» (некоторые из них представляют только себя, другие – финансово-промышленные структуры) и объединившиеся затем с «Медиа-Социумом», способны обеспечить устойчивое финансирование метровому телеканалу. Даже если кто-то из двенадцати бизнесменов-учредителей «Шестого канала» откажется сотрудничать с Примаковым и Вольским, финансовых проблем у поддерживаемого Кремлем проекта возникнуть не может в принципе.

(Тут, конечно, надо сказать, что уважаемые эксперты «Коммерсанта» сели в такую лужу, что остается лишь надеяться на то, что другие их прогнозы были куда более профессиональными. Именно финансовый бардак в компании и привел к краху ТВС уже через год после начала вещания.)

Личный состав: 9 баллов. В «Медиа-Социуме» сейчас собралась самая сильная журналистская команда. Это прежде всего Евгений Киселев и Александр Левин, бывший главный продюсер НТВ и ТВ-6. Кроме того, к «команде Евгения Киселева» принято относить Григория

Кричевского, Светлану Сорокину, Михаила Осокина, Виктора Шендеровича, Марианну Максимовскую, Бориса Бермана, Ильдара Жандарева и других.

Послужной список: 10 баллов. За плечами журналистов, присоединившихся к «Медиа-Социуму», успешная работа на НТВ и ТВ-6. (После перехода на ТВ-6 коллектив НТВ вошел в тройку лидеров среди московской аудитории всего за полгода.) А один из руководителей «Медиа-Социума», Евгений Примаков, тоже имеет многолетний опыт журналистской работы корреспондентом газеты «Правда».

Замысел: 9 баллов. «Медиа-Социум» намерен создать общенациональный общественно-политический канал. В основе творческой концепции, как сообщил Евгений Киселев, будет «сетка ТВ-6, но с видеоизменениями и добавлениями». Большинство программ хорошо известны, но появятся и новые. Откроется ночное вещание. Новости, как и прежде, будут выходить каждые два часа. И уже есть идея проекта «За стеклом-3».

«За стеклом-3», как я уже говорил, тоже закрыли до завершения проекта из-за проблем с финансированием и катастрофического падения рейтингов. И все же «Коммерсантъ-Власть» одарил «Медиа-Социум» сорока восемью баллами, что, конечно, отражало общие ожидания. Но 27 марта, в день проведения конкурса, все вышло не совсем так, как предполагалось: «команда Киселева» выиграла, однако победы за явным преимуществом, которое сулил вышеприведенный рейтинг, ей добиться не удалось.

Глава 27

Спрашивается, ради чего затевался весь этот сыр-бор? Я говорю не о Путине, не о Лесине, не о Вольском и Примакове и даже не об олигархах. Я говорю о Евгении Киселеве и его ближайших соратниках, продолжавших это тупое восхождение на недостижимую вершину, по сравнению с которым даже труды Сизифа выглядели вполне осмысленными. Я, моя жена, ребята, которые только что пришли к нам на RTVi, журналисты, оставшиеся вместе с Женей, рядовые члены его команды – все мы могли не знать того, чего *не мог* не знать Киселев. Того, что прекрасно знали все руководители «Моста», наши топ-менеджеры, наши дорогие революционные начальники! Они знали, что в основе всего этого бесконечного и мучительного процесса лежат деньги. Они же находятся и на сияющей вершине, к которой все так стремятся. А мы-то по наивности считали, что боремся за простую человеческую справедливость! До времени я еще придержу фразу Гусинского, которая все объясняла и все ставила на свои места.

Пока же на место поставили «команду Киселева». Те самые либеральные СМИ, которые еще совсем недавно оказывали ей поддержку, видимо, вспомнили, что их реальными владельцами являются те же Гусинский и Березовский, выразившие явное недовольство последними решениями Киселева. И по «Шестому каналу» дружно ударили из всех стволов. Снова обратимся к поистине программной статье Александра Рыклина в «Еженедельном журнале»: *«По данным последнего социологического опроса, проведенного ВЦИОМ, только восемнадцать процентов россиян желали бы, чтобы в конкурсе за частоту, некогда принадлежавшую телеканалу ТВ-6, победу одержала команда Евгения Киселева. Возня вокруг заветной кнопки, продолжавшаяся несколько недель на глазах у почтеннейшей публики, а также сопровождавшее эту возню сопение, вряд ли существенно изменят этот показатель в пользу журналистского коллектива. А ведь до самого последнего времени ему удавалось сохранять свой, что называется, ядерный электорат: верных и преданных поклонников первого в России общенационального частного телеканала. Дело теперь, видимо, прошлое».*

Вы видите, как меняется риторика? Какие чудные эпитеты находит автор: «возня», «сопение»... Он ведь адресует их не «кукловодам из Минпечати», а Киселеву, обманувшему «преданных поклонников первого в России общенационального частного телеканала». Читай – НТВ. В очередной раз инструменты информационной войны были использованы для ударов по новой цели. На этот раз целью оказались бывшие подчиненные, журналисты и руководители телекомпании, когда-то носившей название НТВ. Читаем дальше. «Газета. Ru», колонка Натальи Геворкян под чудным заголовком «Пауки в «ящике». Тут, правда, автор больше проходит по олигархам, но и коллегам-журналистам воздает должное: *«Признаюсь, метаморфоза, происходящая с олигархами, мне интереснее, чем происшедшее с коллегами. Может быть, конечно, они под чутким руководством Чубайса еще всех обманут, как-то перевернут ситуацию, что-нибудь придумают. Но это все потом. А пока... Это довольно печальная история. За короткий промежуток времени между закрытием ТВ-6 и до намеченного конкурса на ТВ-6 все, кроме Лесина (в какой-то степени считай – Кремля) и Примакова, ухитрились потерять лицо. Те, чьи лица даже объективно были куда симпатичнее двух перечисленных выше».*

Ну и еще один «гвоздь в крышку гроба». Еще один известный своими либеральными настроениями журналист – Михаил Фишман. Цитата из публикации на сайте «Полит.ру»: *«Тендер на вещание на шестом канале, который обещал стать кардинальным для страны событием и был назначен на 27 марта, отменен. То есть сам тендер как был, так и остается легистской формальностью, но если ранее на нем предполагалось объявить победителя в суровой политической интриге с огромной ставкой, то теперь бывшие противники достигли подкованного аппаратного взаимопонимания. Это договорной футбольный финал, бессмыслица, профанирующая изначальное содержание борьбы. Подводя итог трем годам войны за госу-*

дарственное телевидение, конкурс должен был испытать Кремль на готовность к относительно прогрессивному компромиссу, и в провале широкой коалиции, озабоченной недостатком свобод в стране, тоже был бы результатом.

Ключевой фигурой и инструментом этого контрдавления был политик и телеменеджер Евгений Киселев со своей «командой» – их оппозиционная репутация, торгуемая как идеологическая непреклонность, гарантировала коалиции смысл ее коллективного инвестпроекта. Согласившись на союз с Владимиром Путиным и его атташе экс-премьером Примаковым, Киселев перечеркнул гарантии. Из тендера получился пирик, а коалиции теперь вменена единственная патриотическая роль – финансировать независимый от государства государственный эфир.

Но отныне известно, что частное телевидение в России по закону аппаратного паритета нуждается в общественном учете, и, охотно признав легальность этой ультимативной просьбы, Евгений Киселев смело довел наконец длительную политическую интригу до изящного и трогательного финала».

Тут вообще все названо напрямую: ключевой фигурой должен был стать Киселев, но он согласился на союз с Путиным и довел интригу до финала... И ведь не подкопаешься вроде, все похоже на правду. Непонятно только, почему журналисты, работавшие в СМИ, финансируемых олигархами в изгнании, вдруг, как сговорившись, бросились клеймить не преступный кремлевский режим, а несчастного, вконец запутавшегося, брошенного всеми опекунами Женю Киселева, который, может быть, всего-то и хотел, чтобы все у всех было хорошо?! Чтобы все могли ходить, как прежде, на любимую работу и получать за это хорошие деньги! Просто древнегреческая трагедия какая-то...

С приближением дня заседания Федеральной комиссии ажиотаж снова начал нарастать. Вроде бы всем было понятно: победит Некоммерческое партнерство «Медиа-Социум», но все равно в воздухе чувствовалось какое-то напряжение. Должен признаться, я и сам его ощущал, потому что, конечно, ни до, ни после 27 марта 2002 года в здании Министерства печати не происходило столь драматических событий. *«Когда до объявления результатов оставалось около получаса, прошел слух о том, что главным претендентом рассматривается уже не Евгений Киселев, а Андрей Норкин, который весь вечер безостановочно курил в углу»,* – писали «Известия» на следующий день после конкурса. Так оно и было, разве что курил я не в углу, а на лестнице, где стояла переполненная пепельница. И, конечно, постоянно курил не только я один, но и многие представители конкурсантов и даже члены комиссии, например, Всеволод Вильчек.

Работа началась в половине третьего. Представителей прессы в здание Минпечати не пропустили, так же, как и депутатов Государственной Думы, собравшихся контролировать ход обсуждения. Владимир Жириновский, приехавший с группой депутатов от фракции ЛДПР, провел небольшой митинг, несколько запутавший журналистов. «Все уже решено, частоту отдадут Евгению Киселеву и Норкину!» – безапелляционно объявил Владимир Вольфович, впрочем, не вдаваясь в подробности.

Каждую заявку представляли несколько человек. Как правило, эти небольшие делегации состояли из представителей администрации, финансового руководства и творческой части коллектива. Соответственно, нашу заявку презентовали Павел Корчагин, Борис Карлов и я. У «Медиа-Социума» список делегатов был самым длинным: оба Киселева (Евгений и Олег), Александр Левин, Григорий Кричевский и Светлана Сорокина. Пока одни претенденты на частоту общались с экзаменаторами, остальные слонялись по коридорам здания Минпечати, дожидаясь своей очереди. Поначалу процесс шел довольно быстро и больше пятнадцати минут никто в Зале коллегий Министерства не проводил. Это объяснялось тем, что первыми свои концепции представляли заведомые аутсайдеры, как их окрестила пресса. Журналистов, кстати, впустили в помещение часов в пять, когда в схватку вступили потенциальные победи-

тели. Впрочем, даже те коллеги, которые не испытывали никаких иллюзий по поводу своего возможного успеха, поле боя не покидали, дожидаясь объявления результатов. Выдавшееся время они использовали, чтобы раздавать многочисленные интервью, сообщая скупые подробности того, что происходило за закрытыми дверями Зала коллегий.

Я что-то, конечно, слышал, хотя старался держаться рядом с Корчагиным и Карловым и не лез к микрофону, считая такое поведение неприличным. Иногда, правда, журналисты сами обращались ко мне с просьбой прокомментировать происходящее. Получалось так: *«Если «Медиа-Социум» выиграет, то лицензия не будет принадлежать творческому коллективу, – сказал «Известиям» Андрей Норкин. – Мое же возвращение в команду Киселева абсолютно исключено. Хотя я считаю, что не выпал из нее, потому что люблю людей, с которыми работал и слишком много пережил, чтобы ими разбрасываться. Но работать в условиях, которые им навязали, я считаю неправильным. Не для того я в прошлом году так много говорил и делал, уходя с НТВ, чтобы теперь возвращаться к тому, против чего я тогда протестовал».*

А вот что говорили наши конкуренты. «Интерфакс»: *«Учредитель Независимой вещательной корпорации «ТВ-6», драматург и телеведущий Виктор Мережко заявил, что у него сложилось ощущение, что решение о том, кто победит на конкурсе, «давно принято, и все хотят быстрее закончить процедуру рассмотрения заявок». Комментируя «странные» вопросы членов комиссии, представитель телекомпании «Твой канал», бывший главный редактор службы информации ТВ-6 Михаил Пономарев, предположил, что эту ситуацию (скорость рассмотрения заявок. – А. Н.) можно объяснить либо «высшим профессионализмом членов комиссии, на уровне судей Верховного суда США», либо полным отсутствием интереса к претендентам».*

Я не знаю, какие вопросы задавали Михаилу, но вопросы, адресованные нам, «странными» я назвать никак не могу. Хотя не исключаю, что в некоторых случаях такое могло быть.

«Коммерсантъ»: *«Заметной фигурой среди участников конкурса стал президент СССР Михаил Горбачев, который так и не смог объяснить, почему он решил принять участие в тендере: «Я много езжу по миру, меня все спрашивают: что там у вас с прессой происходит? А что мне им ответить?» (...) Не все выступавшие охотно делились подробностями выступления. Чувствовалось, что мало кто из них верил в победу. Представляющий компанию «Высшая лига» Иван Демидов признался «Ъ», что свое выступление оценил на тройку с плюсом. Глава АТВ Анатолий Малкин рассказал, что «собачился с Лесиным минут двадцать», но так и не рассказал, что говорил министр. (...) А представляющий телекомпанию «Мир» Александр Гурнов признался «Ъ»: «Вчера листал концепцию, так мне самому стало страшно от того, что там написано. Я у Лесина спросил: «Зачитать?» Он только и сказал: «Спасибо, не надо».*

Если Анатолий Григорьевич Малкин «собачился с Лесиным минут двадцать», то делегаты от «Медиа-Социума» общались с Федеральной комиссией в два раза дольше. Олег Киселев сообщил все тому же «Коммерсанту», что Михаил Лесин не задал им ни одного вопроса, зато замминистра печати «господин Сеславинский поинтересовался, как в эфире «Медиа-Социума» будет представлено детское и патриотическое вещание», конец цитаты... Наконец, в районе шести часов вечера наступила наша очередь. Мы были последними в списке и, пожалуй, устали больше остальных. Не физически, а из-за переживаний, связанных с ожиданием.

Зал коллегий Министерства печати выглядел так, как, наверное, и должен был выглядеть. Члены комиссии сидели за длинным столом, располагаясь спиной к дверям, через которые участники конкурса входили в помещение. Вдоль стены располагались сотрудники ведомства, отвечавшие за ведение протокола и техническое обеспечение мероприятия. Таким образом, мы, обойдя этот бесконечный стол, оказались лицом к лицу со всеми присутствующими. Возглавлял собрание министр Лесин, сидевший за столом в белой рубашке без пиджака, но при галстуке. Комиссия по частотам располагалась от него по левую руку, а мы, соответственно, по правую. Но не рядом с Лесиним, а на самом дальнем конце стола.

Первым выступал Корчагин, после него – Карлов, а последним – я. Говорили мы долго. Просто потому, что нас никто не перебивал, и все домашние заготовки нам удалось представить без каких бы то ни было сокращений. Наше пребывание в Зале коллегий затягивалось и уже почти сравнялось с показателями «Медиа-Социума». Как оказалось, в коридоре, где по-прежнему томились другие участники конкурса и журналисты различных СМИ, в это время началась легкая паника. Это был тот самый момент, когда, как писали «Известия», «прошел слух» о смене фаворита. Вот как эти минуты описывал «Коммерсантъ»: *«Все присутствующие конкурсанты заметно занервничали. «Канал б», пожалуй, был единственным реальным конкурентом «команде Киселева». Единственным пробелом в представленной «Каналом б» концепции считалось отсутствие творческого коллектива, если не считать господина Норкина и вездесущего главного редактора «Эха Москвы» Алексея Венедиктова, который дал согласие возглавить редакционный совет этой пока не существующей телекомпании».*

После того как мы закончили свои выступления, Михаил Лесин предложил членам конкурсной комиссии задавать вопросы. К моему удивлению, первый же вопрос оказался адресован именно мне. Всеволод Михайлович Вильчек, хитро сощурившись и почему-то низко склонившись к поверхности стола, спросил меня, правда ли, что я сотрудничаю с Владимиром Гусинским в рамках его нового проекта и как это коррелируется с заявкой, которую мы сейчас представили? Я честно ответил, что действительно участвую в создании производящей компании, которая будет выпускать для телекомпании Гусинского RTVi информационные программы. С представленной на конкурс заявкой это никак не связано, и в случае победы я полностью сконцентрируюсь на работе в телекомпании «Канал б». Возможно, мой ответ не до конца удовлетворил членов комиссии, потому что уже Владимир Владимирович Познер поинтересовался у Бориса Карлова, правда ли, что наша заявка поддерживается исключительно средствами фонда TPG Auroga и никаких российских инвесторов у нас нет – ни находящихся в России, ни пребывающих за ее пределами. Борис, как он потом заявил журналистам, «покаялся на крови», что финансирование проекта планируется осуществлять исключительно за счет фонда и его партнера в лице ЕБРР. Засим нас и отпустили. На часах было без пятнадцати семь вечера.

По регламенту на выработку итогового решения комиссии полагалось десять минут. Это было объявлено заранее, и все об этом знали. А что я тогда не выяснил, так это порядок голосования. Я знал, что в мягком рейтинговом голосовании у Михаила Лесина было право «дополнительного голоса», но не знал, когда именно члены комиссии выносили свои оценки по каждой из заявок: сразу после презентации или только в самом конце, после завершающего выступления? Впрочем, это был не самый принципиальный момент, тем более что регламент и так оказался нарушен, поскольку вместо десяти минут члены комиссии совещались почти час.

Более того, они дополнительно нервировали всех собравшихся в коридоре конкурсантов и журналистов внезапно начавшимися активными перемещениями. Началось все с того, что Михаил Лесин несколько раз совершал путешествие между Залом коллегий и своим кабинетом. Лично я видел две такие пробежки, но некоторые газеты на следующий день утверждали, что Лесин покидал помещение «время от времени». Во-вторых, заместитель министра Андрей Романченко, появившись из-за дверей, во всеуслышание попросил срочно вызвать в зал юристов. Пока все ждали начальника правового управления Минпечати Павла Степанова, Всеволод Вильчек в очередной раз вышел покурить. Не дожидаясь вопросов, на которые он все равно не имел права отвечать, Всеволод Михайлович ограничился сообщением, что «обсуждение идет очень трудно».

В этот момент никто не понимал, что происходит, но существовавшая еще несколько часов назад уверенность в победе «Медиа-Социума» улетучивалась с каждой минутой. На самом деле решение по итогам тендера уже было вынесено, но членов комиссии беспокоил один юридический казус. Как я уже говорил, лицензия на вещание по-прежнему принадлежала Березовскому, так что победитель конкурса мог остаться без возможности начать вещание как

минимум до окончания судебных споров. Юристы Минпечати должны были проконсультить членов комиссии по этому поводу. Когда все консультации были получены, Михаил Сеславинский пригласил всех собравших в Зал коллегий, где и огласил результат этих более чем пятичасовых волнений.

Начался новый этап общения с прессой. Представители победителя всеми силами пытались выразить свое воодушевление, всячески подчеркивая, что до самого последнего момента сомневались в своей победе. Снова отличился Горбачев. Поздравив Сорокину и Евгения Киселева, президент СССР бросил стоявшим поодаль журналистам: «При всем уважении: они не создадут канала, который нужен».

Когда участники конкурса направились на выход, чтобы попасть в объективы множества телекамер, находившихся на улице, у входа в здание Минпечати, пишущая пресса получила возможность поговорить с главными действующими лицами этой драмы, членами Федеральной комиссии. Тут-то и выяснилось, что «Медиа-Социум» выиграл у нас с минимальным преимуществом. С министром Лесиним беседовала обозреватель «Коммерсанта» Арина Бородина.

«А. Бородина: *Вы удовлетворены решением комиссии?*

М. Лесин: *Я удовлетворен тем, что комиссия прошла.*

А. Бородина: *Что было самым трудным при голосовании?*

М. Лесин: *Труден был выбор победителя. (...)*

А. Бородина: *Были конфликтные ситуации при обсуждении с негосударственными представителями Федеральной конкурсной комиссии?*

М. Лесин: *Мы голосовали по принципу мягкого рейтингового голосования. Решение было единогласным, у нас не было ни одного человека против или воздержавшегося.*

А. Бородина: *То есть своего права дополнительного голоса вы не использовали?*

М. Лесин: *Нет. Я могу сказать, что голосовал за три компании, но называть их не буду. Думаю, что это некорректно.*

А. Бородина: *После присуждения победы «Медиа-Социуму» с вас упал груз ответственности?*

М. Лесин: *Пока я нахожусь на этой должности, он практически не падает. (...)*

А. Бородина: *Сегодня вечером что будете делать, выпьете?*

М. Лесин: *Нет, я не употребляю алкоголя».*

Забавно, что на аналогичный вопрос Евгений Киселев ответил совершенно иначе:

«А. Бородина: *Что вы скажете коллективу, который ждет вас в квартире Константина Точилина?*

Е. Киселев: *Ой, да там сейчас будут сплошные объятия и поцелуи.*

А. Бородина: *Вы обещали, что сразу после результата «хорошо выпьете». Что пить будете?*

Е. Киселев: *Коктейль «Слеза комсомолки», потому что каждый принес свою бутылку».*

Но самое забавное, что тему употребления алкогольных напитков эти два интервью не закрыли. Репортер сетевой «Газеты. Ру» Иван Челнок пообщался с двумя другими членами комиссии – Всеволодом Вильчеком и Владимиром Познером. И хотя их ответы также не содержали конкретной информации о том, кто за кого голосовал, итоговый расклад становился абсолютно понятен. А еще становилось понятно, что этот расклад мало кого радовал.

«И. Челнок: *Как вам конкурс?*

В. Познер: *Творческих находок, свежих мыслей не было. По сути, не было ни одной новой концепции. Мы все отметили, что все было стандартно, у кого-то эти известные мысли были проработаны лучше, у кого-то – хуже. И мы учитывали, что только у двоих претендентов есть телесети, у «Медиа-Социума» и у ТНТ.*

И. Челнок: *Вы довольны итогом?*

В. Познер: *Им нельзя быть довольным.*

И. Челнок: *Почему?*

В. Познер: *Того, что мы хотели видеть, не было. Знаете, бывает так: чувствуешь, что вот это – самое то, в точку. Так вот, этого сегодня не было. У победителя есть изъяны, которые нас волнуют, а у проигравшего, но идущего вторым, есть плюсы. Поэтому такого чувства, что все правильно, нет. Есть только чувство усталости, что наконец это сделано, и надежда, что мы решили правильно. Время покажет. Из всех вариантов, с нашей точки зрения, это наиболее правильный.*

И. Челнок: *То есть вы хотите сказать, что из всех зол вы выбрали наименьшее?*

В. Познер: *Наверное.*

И. Челнок: *Какие преимущества были у главного конкурента «Медиа-Социума»?*

В. Познер: *Для меня была более ясной схема финансирования, более ясная управленческая структура. Вся структура у второго претендента была более дееспособной, чем у «Медиа-Социума». Все-таки «Медиа-Социум», состоящий из трех частей (с одной стороны ТПП и РСПП, с другой – журналистский коллектив и с третьей – олигархи), – очень сложная конструкция, и лично у меня абсолютно нет уверенности, что она дееспособна.*

И. Челнок: *В плане финансов или в плане управления?*

В. Познер: *Вообще. Я не знаю, в этой лодке все ли будут грести одинаково или нет? Не получится ли так, что начнется разброд среди самих олигархов? Тут много вопросов.*

И. Челнок: *Тогда у «Медиа-Социума» должны были иметься сверхвесомые преимущества, чтобы компенсировать этот недостаток. В чем они?*

В. Познер: *Среди наиболее очевидных аргумент, что команда Киселева давно доказала, что она может держать канал и иметь высокие устойчивые рейтинги. Даже придя на МНВК, мало пользующуюся успехом, они через полгода превратили ее в весьма пользующуюся успехом. Так что это самый весомый аргумент. Есть еще целый ряд других вещей, но слабостью, как я уже сказал, является вот эта сложная конструкция. Собственно, если бы не было этой слабости, мы бы не сидели целый час и не обсуждали, потому что было бы все понятно».*

И – второй разговор:

«И. Челнок: *Как вам конкурс?*

В. Вильчек: *Хорошего итога не было.*

И. Челнок: *Почему?*

В. Вильчек: *Потому что в душе мы, возможно, были за Aurora.*

И. Челнок: *Чем она была лучше «Медиа-Социума»?*

В. Вильчек: *У этой компании лучше прозрачность. Нет сложных надстроек. Но были и другие соображения. Поэтому ощущение такое, что мы сделали очень тяжелый выбор... После такого выбора хочется только пойти и напиться».*

В общем, многие в тот вечер, 27 марта 2002 года, как следует выпили. Я – в том числе... «Главный редактор ООО «Канал б» Андрей Норкин, проигравший команде Евгения Киселева в конкурсе на вещание на шестом метровом телеканале, надеется на продолжение сотрудничества с радиостанцией «Эхо Москвы» и в дальнейшем на сотрудничество с радиостанцией «Арсенал». Как заявил «Эху Москвы» сам Норкин, также он будет продолжать ту работу, которой занимается в настоящее время – производством информационных телепрограмм для русскоязычных зрителей за рубежом».

Иными словами, с этого момента мне уже ничто не мешало целенаправленно заниматься созданием «конголезского телевидения»!

Часть 5. Мы строим «конголезское телевидение»

Глава 28

Кстати, было бы интересно узнать, существовали ли в действительности у RTVi конголезские телезрители? Поскольку Григорий Кричевский, придумавший эту дразнилку, профессионально владел французским языком, он мог иметь в виду как Республику Конго, так и Демократическую Республику Конго. Но скорее всего, ни там, ни там про нас ничего не слышали. Аудитория RTVi располагалась в бывших советских республиках, в Европе, США и Канаде, а также в Австралии. Ну и в Израиле, разумеется. До Африки наши длинные руки не дотягивались...

При всей кажущейся несерьезности, проект вовсе не являлся пустышкой. Правда, его разработчики допустили несколько досадных ошибок, связанных с продвижением и финансированием, и через некоторое время после старта это сильно ударило по RTVi. Прежде всего я говорю о моменте выхода в американские телесети основных русскоязычных конкурентов RTVi: «Первого канала» и канала «Россия». Появление в подписных пакетах их экспортных версий на RTVi просто проспало, а когда спохватились, поезд уже ушел. При всех особенностях формирования сетки этих телеканалов новинок у них все же было гораздо больше, чем у нас. RTVi пытался их догнать, но – поздно, так что монополистов из нас не получилось. В Израиле же благополучие нашей телекомпании оказалось подорвано по другой причине. В стране запретили показ местной рекламы на иностранных телеканалах. А RTVi, напомним, был каналом американским, поэтому и лишился весьма заметной финансовой подпитки. Ставки на борьбу в суде не оправдались, и хотя компания существует до сих пор, сколь-нибудь заметным игроком на израильском медиарынке RTVi давным-давно не является.

Впрочем, весной 2002 года до этих проблем было еще далеко. Главными оставались уже описанные мной технические сложности. К их решению я, по причине клинического технического дебилизма, не привлекался. В мою задачу входило формирование контента, а самым главным специалистом по этому направлению был Игорь Евгеньевич Малашенко. В связи с этим ему пришлось со мной познакомиться, для чего я отправился в город Лондон.

Каждому уважающему себя менеджеру «Медиа-Моста» полагалось иметь в паспорте четыре основные визы: американскую, британскую, шенгенскую и израильскую. Тогда визы в Израиль еще не были отменены. Для быстрого решения подобных текущих вопросов в «Мосте» существовала целая консульская служба, которая не прекратила своей деятельности и после вынужденного отъезда из страны нашей руководящей верхушки. Услугами этой службы я и пользовался, хотя мне, как начинающему менеджеру гораздо более скромного масштаба, многолетние визы никто не выдавал. Но я и не жаловался. Все мои командировки оплачивались за счет компании, поэтому, если мне и приходилось в поездках тратить деньги, то это уже были мои личные прихоти. В Тель-Авиве я всегда останавливался в отеле Dan, который, как я уже говорил, находился в непосредственной близости от квартиры Гусинского. Это был флагманский отель знаменитой израильской гостиничной сети, с которого она, собственно, и началась. К тому времени, когда я стал часто навещать в Израиль, отель Dan уже не мог похвастаться эксклюзивными достоинствами, в чем-то его превосходили и более молодые однофамильцы, и разросшиеся вдоль набережной представители международных гостиничных сетей. Но такой истории, как у Dan, не было ни у кого, так что по критерию происхождения этот отель навсегда оторвался от всех своих преследователей.

В Лондоне мое место жительства также поражало воображение. Сначала меня шокировала стоимость – четыреста двадцать фунтов за номер! – а потом я поражаюсь уже по другим

поводам. Спустя несколько лет, когда мы приехали в Лондон как туристы, дама-экскурсовод с гордостью заявила нам, что «у нас в Лондоне самые плохие, но самые дорогие гостиницы!». Настаиваю: она произнесла эту фразу именно с гордостью! Так вот, прилетев в Лондон, я назвал таксисту в аэропорту адрес Стрэттон-стрит, ибо поселили меня не где-нибудь, а в The May Fair Hotel!

Если даже вы никогда не были в Лондоне, то все равно на слух поймете, в каком районе британской столицы я оказался. Выйдя из гостиницы и перейдя через улицу со знакомым названием Пиккадилли, вы оказались бы в Грин-парке, который достаточно лишь пройти насквозь, чтобы упереться прямо в Букингемский дворец и охраняющих его гвардейцев в смешных шапках из медвежьего меха. Эти шапки, как известно, не дают спокойно спать ни одному активисту движения «Гринпис», но подданные Ее Величества остаются верны традициям. Я, кстати, в ту поездку стал свидетелем грандиозной демонстрации в защиту еще одной давней привычки местных жителей – охоты на лис. Призывы запретить это развлечение, похоже, тогда не нашли поддержки у населения. Далее я бы предложил обойти резиденцию королевы Елизаветы II, оставляя ее по правую руку, и направиться к Темзе, чтобы выйти к Вестминстерскому аббатству и Биг-Бену. Полюбовавшись на прославленные символы британского парламентаризма, вы могли бы вернуться чуть назад, чтобы по Уайтхоллу подняться вверх до Даунинг-стрит, где в доме номер 10 традиционно проживает премьер-министр. Подойти непосредственно к знаменитой на весь мир двери не получится из-за мер безопасности, но ее можно увидеть. Продолжив движение вверх, вы бы попали на Трафальгарскую площадь, про которую тоже, конечно, слышали.

В этом месте вам бы уже пришлось делать выбор: продолжать пешую прогулку по сердцу Лондона или по той же Пиккадилли потихоньку возвращаться в отель? В принципе, если остались силы, можно пройти еще столько же и через Риджент-стрит попасть на Мэрилебон-роуд, откуда уже рукой подать до столь любимого всеми россиянами адреса Бейкер-стрит, 221б. Я ровно так и сделал при первой же возможности, потому что другой интересный маршрут (по выходе из гостиницы – направо) меня не очень привлекал. Эта тропинка могла бы очаровать потенциальных покупателей элитной недвижимости, потому что ведет в районы Найтсбридж и Кенсингтон, которые так ценят наши состоятельные соотечественники. Так или иначе, думаю, теперь вам понятно, что мой первый визит в Лондон был обставлен с поистине королевской роскошью.

В квартире Шерлока Холмса

Для встречи с Малашенко мне нужно было дойти уже до его гостиницы. Он жил недалеко от меня, в отеле The Dorchester на улице Парк-лейн, тянувшейся вдоль знаменитого Гайд-парка. Как я понял, Малашенко часто останавливался именно в этой гостинице, возможно потому, что каждый иностранец, попадающий в Лондон, рано или поздно начинал чувствовать себя просто обязанным следовать традициям. Не исключено, что привязанность к конкретной гостинице и была такой личной традицией Малашенко. Кроме того, надо добавить, что среди бывших руководителей «мостовских» СМИ преобладали франкофоны и франкофилы. А Игорь Малашенко, хоть и трудился некогда в Институте США и Канады, был ближе к англофилам. Правда, из его собственных слов выходило, что гораздо в большей степени, чем Англия, Малашенко привлекала другая страна – Италия.

До этого дня я не был знаком с Игорем Евгеньевичем. На восьмом этаже «Останкино» он появлялся гораздо чаще Гусинского, но для молодых сотрудников НТВ вроде меня эти его приезды все равно становились историческими событиями. Поэтому накануне нашей встречи я немного робел. Чего, кстати, не испытывал перед знакомством с Гусинским. Однако не могу сказать, что разговор не получился. Он был именно таким, каким и должен был стать: Малашенко говорил, я слушал. Он рассказывал о тех задачах, которые стоят перед нашим московским бюро RTVi, и тех способах, которыми эти задачи следует решать. Беседовали мы в лобби гостиницы, сидя за небольшим столиком, мимо которого периодически пробегали члены семей и сопровождающие лица каких-то арабских шейхов. Естественно, все в белом. Малашенко каждый раз замолкал и провожал их взглядом, причем я никак не мог понять причину его странного поведения. Потом он сам это пояснил: «Сразу после 11 сентября такого тут не было!» – сказал он, из чего я сделал два вывода. Первый: что он уже не раз останавливался в этом отеле, и второй: видимо, в мире стало чуть спокойнее и атака на Башни-близнецы в Нью-Йорке постепенно уходит в историю.

В конце нашего разговора Малашенко сообщил мне новость. Оказывается, наше общение должно было получить продолжение в самые ближайшие часы. Меня ждал разговор с Березовским – уже в паре с Игорем Евгеньевичем. В этом месте следует сделать важное поясне-

ние. В моем личном плане значился пункт под названием «встреча с Березовским»: я намеревался постараться взыскать с нашего акционера долг по зарплате времен ТВ-6. Дело в том, что формально владельцами RTVi в то время были два человека: Гусинский и Березовский. Оба пострадавших олигарха в разные периоды работали с «командой Киселева». Только Гусинский делал это долго, целиком и полностью покрывая все финансовые запросы УЖК, Березовский же выступал в этой роли менее года, причем его инвестиции в наше беспокойное журналистское хозяйство продолжались и того меньше. Тем не менее почему-то изначально они поделили канал пополам. Гусинский не любил говорить о функциях Березовского на RTVi. С его слов выходило, что на начальном этапе Борис Абрамович вроде бы помог Владимиру Александровичу с деньгами, но затем финансовое участие Березовского в проекте полностью прекратилось.

Это косвенно мог доказать и я сам, потому что ни на одной из многочисленных встреч, посвященных финансовым вопросам, а тема бюджета была едва ли не самой популярной на наших совещаниях, Березовский не только не присутствовал, но даже и не упоминался. Впоследствии, когда пути закадычных «друзей-врагов» стали постепенно расходиться все дальше и дальше, Березовский вообще передал эту часть своего бизнеса Бадри Патаркацишвили, и именно Патаркацишвили занимался продажей этого актива. Впрочем, подробности того, как Гусинский продавал RTVi, обошли меня стороной. К тому времени я не работал в компании уже порядка пяти лет.

Но весной 2002 года Березовский активно участвовал в идеологическом направлении работы RTVi, поэтому мне и предстояло его выслушать. То есть получалось, что у моей командировки в Лондон была комбинированная цель: получить технологические инструкции от Малашенко и политические – от Березовского. Не знаю, что именно произошло в сложных взаимоотношениях Гусинского и Березовского, но после нашего лондонского знакомства Борис Абрамович крайне редко появлялся в поле моего зрения. Предположу, что наша деятельность стала ему просто неинтересна. Телекомпания RTVi пыталась заниматься журналистикой, по крайней мере это пытался делать я, а Березовский мыслил совершенно иными категориями: более масштабными, рискованными и авантюрными.

Не скрою, сообщение Малашенко меня заинтриговало – я не настраивался на столь скорую встречу. Парадокс заключался в том, что с Березовским я как раз общался чаще, чем с другими моими нынешними начальниками. Борис Абрамович всегда придерживался принципа активного существования в СМИ, так что мне приходилось брать у него интервью и для «Героя дня», и для «Эха Москвы». Но встречаться с ним в реальной жизни мне еще не доводилось, так что, конечно, я был заинтересован предстоящей беседой.

Увы! Мои ожидания не оправдались. Во-первых, Малашенко испортил мне настроение, сообщив, что для разговора с Борисом Абрамовичем необходимо выполнить одно условие: надеть на встречу галстук. Разумеется, никакого галстука я с собой не взял, пришлось идти в магазин и покупать его. С учетом того, в каком районе Лондона я жил, можно представить, сколько стоил этот чертов галстук. Причем такое внимательное отношение к дресс-коду объяснялось вовсе не снобизмом Березовского. Снобизм как черта характера, скорее, больше присущ самому Малашенко, потому что надменность, а иногда и легко читаемая брезгливость по отношению к окружающим у Игоря Евгеньевича проскакивали довольно часто. Березовский же, напустив вам пыли в глаза, стремительно превращался в лучшего друга, рубаху-парня, обещающего с три короба прямо здесь и прямо сейчас. То есть снобизм Березовского выходил какой-то половинчатый, с началом, но без конца.

Вот и эту встречу Борис Абрамович назначил нам в знаменитой чайной комнате отеля The Ritz. Вообще все семейство этих отелей отличается повышенной «носозадирательностью», но лондонский The Ritz – безусловный лидер списка. Его чайную комнату то ли раз, то ли два раза в год – не буду сейчас врать, а проверить это при желании вы можете и сами – посе-

щала королева Елизавета II. Поэтому в заведении существовали и существуют жесткие правила. Зайти туда просто так – здравствуйте, налейте нам, пожалуйста, чайку! – абсолютно невозможно. Столик нужно бронировать заранее, учитывая при этом, что чай подают всего пять раз в день: в одиннадцать тридцать, в половине второго, половине четвертого, половине шестого и в семь тридцать вечера. Зато, если вы выполнили требование дресс-кода, заблаговременно зарегистрировались и не опоздали, вам представится возможность попробовать уникальный чай, насладиться уникальными десертами и услышать выступление уникальных музыкантов.

В отель мы с Малашенко пришли вместе. По дороге он периодически «зависал» перед витринами автомобильных салонов, по всей видимости, из чистого любопытства. Мне же не терпелось встретиться с *enfant terrible* российской политики. Внешне Березовский выглядел именно таким, каким я его и представлял. От себя самого, выступавшего по телевизору, он ничем не отличался. Небольшого роста, суетливый, активно жестикулирующий, он не разговаривал, а именно что выступал. С речью. Большой программной речью, содержащей подробные аргументированные доказательства неизбежного и очень скорого краха правящего в России режима.

Малашенко скучал и развлекался одновременно. Он, во-первых, много раз слышал все эти заявления Березовского, а во-вторых, по-моему, не придавал им никакого значения. Поэтому он включил «режим сноба» и периодически вставлял совершенно не касавшиеся содержания лекции Березовского критические замечания относительно упадка британской монархии. Этот вывод он сделал исходя из того, что в чайной комнате все было не так, как должно было быть. И чай не такой, и пирожные не такие, и посетители неправильные, и т. д. Березовский, каждый раз удивляясь, что его прервали на самом интересном месте, озирался по сторонам, быстро поддакивал Малашенко и возвращался к своей политинформации. Через некоторое время Малашенко вдруг говорил, что раньше в чайной комнате пользоваться фотоаппаратами запрещалось, а сейчас все фотографируют! Березовский делал паузу, выстреливал очередь: «Да, да, да, да!» – и опять начинал доказывать мне, что смена власти в России произойдет максимум через пару-тройку месяцев.

Тут, должен признаться, уже заскучал и я, потому как тоже все это слышал раньше, причем неоднократно. В какой-то момент у меня появились подозрения, что хитрый Гусинский нарочно подстроил мне этот разговор. Чтобы на всякий случай создать у меня впечатление от Березовского как от пустослова и прожектера, не способного оценивать события реально. Я и сам был довольно близок к подобной оценке Бориса Абрамовича, а это воистину «безумное чаепитие» только укрепило мои ощущения! Конец церемонии оказался скомканным: официант, подававший нам чай, ухитрился разлить его – мимо чашечек и блюдечек, но зато точно на «горку» с пирожными. Это окончательно убедило Малашенко в скором закате человеческой эры...

Что же касается Березовского, то один эпизод этого бесконечного моноспектакля я должен выделить особо. Когда Борис Абрамович решил передохнуть и послушать нас, разговор сам собой перешел на тему путешествий. Малашенко заговорил о планах предстоящей поездки во Флоренцию, я же что-то такое рассказал про Иерусалим. Березовский слушал молча и очень внимательно, а потом вдруг сказал: «Знаете, ребята, я вам так завидую! Вы можете по всему миру ездить... Нет, мы тут с Ленкой тоже в Шотландию выбирались... За грибами...» Причем произнес он эти несколько предложений с совершенно нетипичными для его манеры речи паузами. Напомню, он в то время ждал решения британских властей о предоставлении ему статуса политического беженца, так что покинуть пределы Великобритании не мог. А пауза затягивалась. Не бог весть какая большая проблема, но Березовский не умел долго сидеть на одном и том же месте, потому что это не соответствовало его энергетике. Возможно, эта внезапно вырвавшаяся наружу грусть была искренней и настоящей. По крайней мере позже в разговорах с Березовским я никогда не сталкивался с подобным проявлением чувств или переживаний.

Это касается также и его интервью. Исключением станет лишь беседа с Ильей Жегулевым, журналистом издания Forbes, которая состоялась за несколько часов до смерти Бориса Абрамовича: «Я не знаю, что мне делать. Мне шестьдесят семь лет. И я не знаю, что мне дальше делать...»

Лирическое отступление: Борис Абрамович Березовский

Вполне возможно, что первые тревожные звоночки этого непонимания, потери смысла собственного существования Березовский стал ощущать уже тогда, в самом начале своей эмиграции. Это происходило и происходит с большинством наших беглых олигархов, которые продолжают, как они считают, заниматься политикой. Есть категория предпринимателей, скрывшихся за границей на всякий случай. Возможно, они и испытывают чувство постоянной обиды на российские власти, но не вынашивают планов свержения «кровавого режима», ограничиваясь прежними или новыми способами зарабатывания денег. А есть и другая категория бизнесменов, как раз из числа тех, кого в России особенно не любят и по-прежнему называют олигархами. Эти, наоборот, каждый свой день проживают так, будто он на самом деле приближает их к осуществлению заветной мечты: въезду в Кремль на белом коне. Таким, очень недолго, был Гусинский. Таким, как я понимаю, сейчас является Ходорковский, хотя раньше более реальным кандидатом на эту роль казался Невзлин. А Березовский был таким всегда, до самой своей смерти, о которой написано столько, что можно собрать том, сравнимый толщиной с «Моби Диком».

Я бы не хотел много рассуждать именно на эту тему. Я сильно сомневаюсь в версии убийства Березовского. Вернее, в версиях, которых существует довольно много и некоторые из них выглядят вполне достоверно. Очень стройную схему предположений рисует, например, журналист Олег Лурье, изучивший целую цепь удивительно странных совпадений, связывающих Березовского, трагически погибшего банкира Эдмона Сафра и Уильяма Браудера, возглавляющего небезызвестный фонд Hermitage Capital³⁶. Существуют и не менее интересные расследования контактов Березовского с британскими спецслужбами, замешанные на многочисленных загадочных умолчаниях в «деле Литвиненко» и т. д. Предположение, что Березовский на самом деле жив, поскольку инсценировал и смерть, и собственные похороны, думаю, всерьез обсуждать вообще не приходится. Хотя даже у этой версии есть свои доказательства и свои сторонники.

Мне кажется, что причины были гораздо банальнее, а оттого и гораздо страшнее. Борис Березовский менее чем за десять лет новейшей российской истории сначала вознесся на самую вершину, а потом рухнул к ее подножию. Оказавшись в эмиграции, Березовский лишился не только инструментов власти – он потерял также свое окружение и, самое главное, потерял возможность реально оценивать происходящее. Впрочем, это качество было у него не слишком развито и до вынужденного отъезда.

В Москве Дом приемов ЛОГОВАЗа был центром вселенной. Вокруг Березовского постоянно бродили толпы блестящих женщин и подбострастных мужчин. Но с каждым месяцем, проведенным в изгнании, Березовский все быстрее терял свою свиту, понимавшую, что от некогда всесильного Бориса Абрамовича толку становилось все меньше и меньше. Это тоже общее правило для всех наших опальных бизнесменов. Просто Березовский переживал происходящее болезненнее остальных, хотя обижаться ему было нужно только на себя самого: слишком рискованными, слишком непросчитываемыми становились его проекты и заявления, и с каждым из них круг его сторонников все больше сужался.

Сейчас существует множество доказательств того, что антиЮКОСовская кампания была подготовлена Березовским. Это был его план: воспользоваться претензиями в адрес Ходорковского, на которые Кремль намекал довольно прозрачно, претензиями, которые касались политического вмешательства главы ЮКОСа в складывающуюся систему равноудаленности олигархов от власти, чтобы спровоцировать полномасштабную войну. Для достижения этой

³⁶ Лурье О. Кто убил Березовского? // Эхо Москвы: Блоги. 26 марта 2013 г.

цели и был опубликован так называемый «доклад о заговоре олигархов». Березовский рассчитывал на ответную реакцию властей, за которой должен был последовать олигархический бунт, осмысленный, но беспощадный. А его, этого бунта, не последовало. Оставшиеся в России олигархи не поддержали революционный порыв своего бывшего коллеги, что, конечно, вызвало его обиду.

Если вы читаете интервью, которые давал Березовский отечественной и зарубежной прессе, то увидите, как заметно меняется его настроение. Я говорю именно о тех интервью, в которых он выносил оценку коллегам-предпринимателям, политикам, общественным деятелям и журналистам. В какой-то момент становится заметно, что он перестает представлять кого-либо в качестве своих союзников, затем начинает обзывать, оскорблять и клеймить как предателей. И, наконец, уже не нападает и не защищается, а просто сообщает факты, скорбные и абсолютно безнадежные. Он постепенно остается один. Его покидают даже журналисты, для которых он из «серого кардинала» Кремля превратился сначала в политического бузотера, а потом в рядового персонажа светской хроники, распродающего остатки прежнего богатства, чтобы покрыть судебные издержки от бесчисленных процессов. *Sic transit gloria mundi...*

Он цеплялся за свою земную славу, потому что, подозреваю, не рассчитывал на славу небесную. Хотя очень любил анекдот, в котором, попадая в ад, упрасивает чертей устроить ему аудиенцию у Господа. Всего на десять минут. А когда такую встречу ему организывают, проводит в разговоре со Всевышним целый час, по истечении которого выходит из-за дверей под руку с Богом, который спрашивает: «Борис Абрамович, мне все очень нравится, но я не пойму одного: почему именно я – младший партнер?» Этот анекдот и отношение к нему Березовского говорят сами за себя. Бориса Абрамовича называли авантюристом, человеком, с которым нельзя иметь дело из-за его непредсказуемости, человеком, который не держит слова, который способен на самый ужасный и самый подлый обман. И вместе с тем он долгое время, как магнит, притягивал к себе людей самых разных, в том числе умных, рассудительных, порядочных.

Мои не слишком частые встречи с Березовским привели меня к выводу, что тот безумный темп, с которым мчалась его жизнь и который он всячески поддерживал, объяснялся одной-единственной причиной: страхом. Знаете, до сих пор популярна легенда, что Николай Гоголь был похоронен в состоянии летаргического сна. Именно так, как боялся быть похороненным, то есть – заживо. Березовский же боялся оказаться к концу жизни никому не нужным. И ровно так оно и случилось.

Борис Абрамович с удовольствием добавлял инфернальности в собственный портрет. После нашего знакомства в чайной комнате отеля The Ritz мы снова встретились – совсем скоро, через пару дней. Малашенко отсутствовал, и я входил в расширенный состав делегации из Москвы. Кроме меня в гости к Березовскому отправились Юрий Федутинов и Алексей Венедиктов со своей женой, Еленой Ситниковой. В этот раз нас ждал домашний ужин. Встретившись с тогда еще многочисленными охранниками Березовского, которых возглавлял темнокожий человек, представившийся как Жером, мы сели в два автомобиля и отправились в графство Суррей, где находилось знаменитое поместье Березовского Wentworth Park. Насколько я понимаю, именно этот замок он продал, чтобы выполнить требования бракоразводного процесса со своей женой Галиной Бешаровой, но сделка привела к новому скандалу, теперь уже с последней спутницей Березовского Еленой Горбуновой, которая в тот вечер принимала нас на правах хозяйки дома.

Не могу сказать, что путь из Лондона оказался долгим, но все же мы прибыли на место уже почти в сумерках. Остававшегося света было достаточно, чтобы увидеть многочисленных кроликов, фазанов и каких-то маленьких оленей или косуль, гулявших по территории поместья вдоль дороги, которая вела от въездных ворот к дому. Мы остановились на небольшой засыпанной гравием площадке, после чего двери открылись и в ярко освещенном проеме пред-

стал хозяин: одетый во все черное, с бокалом красного вина в руке и огромным черным псом, лежащим у ног. Ни дать ни взять – Князь Тьмы собственной персоной!

Борис Березовский и Елена Горбунова встречают нас в своем доме

Это производило впечатление, и Березовский прекрасно это понимал. Правда, на меня такие фокусы не особо действуют. Я абсолютно не предрасположен ни к каким видам гипноза. Ну, большой дом, потолки высокие, библиотека богатая. Пока Березовский с Венедиктовым и Федутинным беседовали о чем-то своем, я внимательно рассматривал коллекцию книг, расставленных на возносившихся к самому потолку книжных шкафах. И у меня возникло ощущение, что эти тома никто никогда не раскрывал – слишком они были выставочными, даже показушными. Пыли на книгах не было, но это могло говорить только о расторопности прислуги, а не о тяге обитателей замка к литературе.

А собака Березовского нас проигнорировала

Ужин проходил точно так же, как и чаепитие в The Ritz. Березовский говорил не останавливаясь, дирижируя вилкой, он объяснял Венедиктову приблизительно то же самое, что двумя днями ранее мне и Малашенко: дни Путина сочтены, скоро в России все будет совсем по-другому. Венедиктов постоянно подкалывал Березовского, но тот не обижался и принимал эти сомнения снисходительно, как будто беседовал с неразумным ребенком, нуждающимся в подробном разъяснении сложной темы. Рядом с ним за столом сидел Юлий Дубов, давний деловой партнер и, можно сказать, летописец Березовского³⁷. В какой-то момент, видимо, показавшийся ему подходящим, Венедиктов сказал: «Борис Абрамович, у Андрея к вам просьба. Нельзя ли погасить долг по зарплате тем сотрудникам ТВ-6, которые не пошли работать с Киселевым на ТВС, а теперь работают вместе с Андреем на RTVi?» «Конечно, конечно, что за вопрос!» – ответил Березовский, даже не спросив меня, о скольких людях и о какой сумме идет речь. «Юл! – обратился он к Дубову. – Проконтролируй, пожалуйста, чтобы все ребятам выплатили». И список с десятком фамилий перешел из моих рук в руки Дубова. Сам Березовский к этой бумажке не притронулся. И, естественно, никаких денег никто из моих коллег так и не получил. Я несколько раз просил Гусинского повлиять на своего партнера, чтобы напомнить ему о данном при свидетелях обещании, но Гусинский только отмахивался.

Гусинский всегда говорил, что Береза (он никогда не называл его по общепринятому прозвищу – БАБ, только «Береза») живет не по средствам. «Зачем ему такой большой самолет? – задавал он риторический вопрос. – Летал бы, как я, на маленьком». Негласное соперничество по поводу того, у кого из них больше денег и влияния, происходило на моих глазах между Гусинским и Березовским на протяжении нескольких лет. Началось оно с явным преимуществом Березовского, но к финалу картина полностью изменилась. Гусинский хоть и не умножил, будучи за границей, своего состояния, но и не шибко его растерял; Березовский же, как утверждают официальные источники, последние дни своей жизни был фактически банкротом.

³⁷ Ю. Дубов – автор нескольких книг, в том числе «Большая пайка», легшей в основу фильма режиссера П. Лунгина «Олигарх».

Этот стремительный крах произошел уже после того, как я ушел из RTVi. Пока я работал в компании, Господь, как я уже говорил, ограждал меня от необходимости частых контактов с Борисом Абрамовичем. Поэтому все его рассуждения о «сакральной жертве», дикая история с исчезновением кандидата в президенты страны Ивана Рыбкина или заявление о начале операции по «силовому перехвату власти в России», сделанное Березовским на следующий день после празднования собственного шестидесятилетия, прошли мимо меня. Вернее, они оставались как бы в стороне, и, наблюдая за ними, я все шире и шире раскрывал глаза и рот, окончательно отказываясь понимать – в здравом ли уме находится человек, для знакомства с которым я когда-то вынужден был покупать галстук в дорогом лондонском магазине?

По всей видимости, не у одного меня возникал подобный вопрос. Поскольку так или иначе в деловых отношениях с Березовским участвовало огромное количество людей, представляющих самые разные сферы бизнеса. Кто-то столкнулся с ним почти случайно, кто-то, напротив, сам долго искал этой встречи. Но удивительное дело – осталось совсем немного людей, которые захотели бы прийти ему на помощь тогда, когда эта помощь действительно понадобилась. Одно дело – бывшие подчиненные, например Константин Эрнст, которого Березовский постоянно обвинял в трусости и профессиональной непригодности. Одно дело – конкуренты, например все тот же Гусинский. После «покаянного» интервью Гусинского израильскому изданию The Marker Березовский сказал следующее: *«До недавнего времени в новостях очень часто имена Гусинский и Березовский писались через запятую. После этого интервью они больше через запятую писаться не будут. Поэтому, при всем моем отношении к прочитанному, было в этом и определенное облегчение для меня. Я очень часто не понимал, почему наши имена пишутся через запятую, почему нас так вольно объединяют? Но как бы то ни было, я очень рад, что больше этого не будет».*

Совсем другое дело – друзья. Им тоже доставалось не меньше.

«– То есть вас Бадри практически подставил?»

– Я всегда плохо разбирался в людях, в их человеческих качествах. Я всегда оценивал их ум, смелость, но заблуждался я и в случае с Бадри.

– Но это же один из ваших самых близких друзей...

– Я и сегодня его оцениваю как друга. Но ни с Абрамовичем, ни с Бадри я не позаботился оформить договоренности документально».

Это еще один фрагмент из последней беседы Березовского с представителем прессы, журналистом Forbes Ильей Жегулевым. То есть получается, что даже с человеком, которого все (и небезосновательно) считали «вторым я» Березовского, ему следовало «оформить договоренности документально». И это говорит человек, никогда не обращавший внимания на формальности! И это он говорит о том, кого «оценивает как друга» даже после смерти последнего...

Березовский раскидал всех: партнеров, конкурентов, жен, друзей и даже врагов. Кроме, как он думал, самого главного. Борис Абрамович считал Владимира Путина своим «врагом номер один», хотя если сам Березовский и был врагом для Путина, то перестал быть таковым сразу после того, как покинул Россию. В лондонском тумане ему мерещились кремлевские стены, за которыми прятался его главный обидчик, вынашивавший планы по уничтожению всего, что было сделано Березовским за несколько лет в новой демократической России. Но в Москве на вопрос журналиста «Радио «Свобода» Путин отвечал, переспрашивая: «Борис Березовский – это кто?»

Верю ли я в то, что Березовский написал Путину письмо? Да, мне кажется это вполне возможным. Верю ли я в то, что в этом письме были следующие слова: «Я наделал много ошибок, понимаю, как сложно меня простить, но я запутался и умоляю о прощении»? Да, в это я тоже склонен поверить. Потому что в ситуации, в которой оказался Борис Березовский,

в которую он сам так отчаянно загонял себя столько лет, у него не осталось никого. Кроме, как он думал, врага...

«Ничего я больше так не хочу, как вернуться в Россию. Когда даже завели уголовное дело, я хотел вернуться в Россию. Даже когда завели уголовное дело! Только по совету Елены Боннэр остался. Главное, что я недооценил, что мне настолько дорога Россия, что я не могу быть эмигрантом! Я изменил многие свои оценки. В том числе самого себя. Это касается того, что есть такое Россия и что есть Запад. Я абсолютно идеалистически представлял возможность построения демократической России. И идеалистически представлял, что такое демократия в центре Европы. Недооценил инертность России и сильно переоценил Запад. И это происходило постепенно. Поменял свое представление о пути России... Я не должен был уезжать из России...»

Это не фрагменты письма Березовского Путину. Это снова кусочек его беседы с корреспондентом Forbes, к которой я обращаюсь, наверное, в последний раз. Лично мне Березовский ничего плохого не сделал. С деньгами обманул – ну так таких, как я, много наберется. У некоторых претензии гораздо более серьезные. Хорошего я от Бориса Абрамовича тоже как-то ничего не получил, разве что интервьюировать его было интересно. Но когда я, возвращаясь на такси из аэропорта домой, услышал по радио, что Борис Березовский найден мертвым и, скорее всего, он покончил с собой, у меня мурашки по коже побежали. Это была не жалость, и не – упаси Господи! – злорадство. Это был шок, самый настоящий. Потому что это было Возмездие. Именно так, с большой буквы. И когда я представляю, что должен был чувствовать человек, из-за одного греха – гордыни – решившийся на другой грех – самоубийство, – этот озноб возвращается. Это ужасное ощущение. О нем хочется забыть навсегда, но, думаю, наоборот, придется помнить. Не только мне, а очень многим. Чтобы не повторять ошибок, допущенных в своей жизни, видимо, не самым хорошим человеком Борисом Абрамовичем Березовским. И первый урок, который я извлекаю прямо сейчас: не мне его судить. Я и не буду.

Глава 29

Закончилась моя первая поездка в Лондон самым чудесным образом. Андрей Черкасов, который в то время возглавлял бюро НТВ в Великобритании, и его жена Ольга, наши с Юлькой хорошие и добрые друзья, утащили меня из столицы к морю. Ребята привезли меня в крохотный городок под названием Рye. По-русски это название так и произносится – «рай», хотя переводится как «рожь». Ко ржи город не имел никакого отношения, да и раем в привычном смысле я бы его не назвал, хотя остался совершенно очарован увиденным. В городке проживали всего около четырех тысяч человек, но у него были все признаки серьезного населенного пункта: от муниципальных служб до исторических достопримечательностей. Когда-то Рай полностью жил за счет рыбаков, но теперь гораздо больше зарабатывал на туристах, приезжающих сюда, чтобы посетить замок XIII века и побродить по улочкам, прекрасно сохранившимся, несмотря на свой более чем преклонный возраст. Андрей и Ольга часто приезжали в этот город, так что оказались прекрасными гидами, знавшими все самые интересные «райские уголки». Мы гуляли по набережным и ели настоящий английский fish and chips. Настоящий, потому что это были не кусочки филе, а маленькие рыбки, приготовленные целиком, с головой и хвостиками. Посетили мы и местную Privet Drive³⁸. Книжки о Гарри Поттере тогда уже прочно вошли в моду, и не побывать на улице с таким названием было решительно невозможно!

Финальным аккордом нашего пребывания в городе стало посещение паба, название которого я, к сожалению, запамятовал. Но впечатление осталось до сих пор! Это было помещение с чудовищно низкими потолками, картинами, живописавшими тяжелые рыбацкие будни, и оставленными прямо на стенах автографами почетных гостей. Но больше всего меня поразили посетители. Сначала я подумал, что моя жизнь закончится именно здесь, в стенах этого питейного заведения! За столами размещались мужчины огромных размеров! Рука любого из этих великанов была толще моей ноги; шеи у них, как правило, отсутствовали, и круглые головы сидели прямо на туловище, как приклеенные; пивные же кружки почти полностью прятались за охватившими их ладонями. Это были местные жители, рыбаки. Мое воспаленное воображение тут же нарисовало картину скорого пьяного дебоша, жертвой которого я, несомненно, стану. Черкасовы веселились, как дети, довольные тем, что здорово меня напугали. Но, как объяснил Андрей, завсегдатаи этого пивного рая, возможно, были самими мирными любителями пива среди всего населения Великобритании. Так что все закончилось благополучно, и российское бюро RTVi на время осталось с главным редактором.

Уточнение «на время», кстати, вполне уместно. Дело в том, что уже после начала моей работы на RTVi меня иногда приглашали на другие телеканалы. Подобных звонков было немного, но они были. Сначала мне позвонила Ирэна Лесневская, тогда возглавлявшая телекомпанию РЕН ТВ, название которой еще писалось латиницей. Александр Герасимов, некогда запустивший меня в утренний эфир НТВ, после развала УЖК работал именно у Лесневской, не только в должности заместителя гендиректора по информационному и общественно-политическому вещанию, но и в качестве ведущего. В 2003 году он вернулся на НТВ, сразу после того, как вместо Бориса Йордана генеральным директором телекомпании был назначен Николай Сенкевич. У Лесневской образовалась «дырка» в эфире, которую она и предложила «заткнуть» мне. Эти слова я намеренно беру в кавычки, поскольку в приглашении Ирэны Стефановны не было ничего оскорбительного или унижительного по отношению ко мне, просто так проще описать суть проблемы. В другой раз мне позвонила Татьяна Миткова, предложившая подумать над революционной информационной программой, не имевшей аналогов на отечествен-

³⁸ В произведениях Дж. К. Роулинг так называлась улица, на которой Гарри провел свое тяжелое детство в семье Дурслей. В русских переводах чаще всего встречается вариант «Тисовая аллея».

ном телевидении. Оба раза я отказал. И оба раза привел одинаковую причину: я совсем недавно начал работать с Гусинским напрямую и мне просто неудобно так быстро отказывать своему работодателю ради более выгодного предложения. В том, что предложения Лесневской и Митковой были более выгодными, я ни на секунду не сомневался, но совесть не позволяла поступить иначе. Кстати, оба проекта вышли в эфир и прекрасно себя зарекомендовали и без моего участия. В первом случае речь идет о программе «Неделя», ведущей которой на целых одиннадцать лет стала Марианна Максимовская, а во втором – о «Программе максимум» во главе с Глебом Пьяных, радовавшим поклонников на протяжении семи лет.

Тогда я не знал, сколько времени сам проработаю в своей должности. Думать об этом было просто некогда. Всю весну мы с Юлькой и Юрием Юрьевичем по крупницам собирали будущую телекомпанию. Поскольку формула «кадры решают все» в нашей стране известна давно, главной задачей являлось формирование штатного расписания. Несколько поездок к Гусинскому ушло на обсуждение этих вопросов: сколько в телекомпании будет сотрудников и сколько они будут получать. Федутинов поддержал наше с Юлей мнение, что зарплаты на RTVi не должны быть меньше тех окладов, которые люди имели на прежних местах работы. Гусинский возражать не стал, хотя сражался с настоящим остервенением. Соглашаясь на эти цифры, Владимир Александрович старался ограничивать нас в других, а именно в количестве работников. Тогда я впервые услышал от него следующее определение: «Все журналисты – кадавры! Их единственная цель – высасывать из акционера побольше денег, при этом ничего не делая на работе!» Не знаю, почему Гусинский использовал слово «кадавры». Вполне возможно, что он не очень точно знал значение этого, скажем так, термина и употреблял его вместо более подходящего. Вампир, например.

Наших «кадавров» собирали с миру по нитке. Пара корреспондентов не пошли на ТВС, кто-то пришел из других телекомпаний, часть редакторского коллектива была делегирована с «Эха Москвы». В основном это были те, кто и так прикидывал возможность сбежать из-под опеки Венедиктова. Операторы, инженеры ТЖК³⁹ по большей части в недалеком прошлом работали в продюсерских компаниях, занимавшихся производством телепрограмм для ТВ-6. Из этих же компаний мы, кстати, получили и часть оборудования. Федутинов, Норкина и Ройтман несколько недель разбирались с финансовой и технической документацией прекративших свою деятельность партнеров ТВ-6, на балансе которых значились столь необходимые нам инструменты. Периодически кто-нибудь из них сообщал мне одну и ту же поражающую всю троицу новость: в бумагах попадались удивительные расходные статьи под названием «Творчество». Я специально пишу это слово с большой буквы, потому что на «Творчество» уходило то сорок, то пятьдесят, а то и шестьдесят тысяч долларов! Через несколько лет Александр Левин объяснил мне, что первая утвержденная смета всегда исчезает в неизвестном направлении! То есть чем более «творческим» оказывался коллектив, привлеченный к реализации того или иного телепроекта, тем большие суммы приходилось вкладывать в производство.

Естественно, мы не могли позволить себе такой роскоши. Во-первых, потому что это шло вразрез с нашими представлениями о морали и нравственности. А во-вторых, потому что Гусинского хватил бы инфаркт, если бы кто-то из нас только заикнулся о таких тратах. Приходилось выкручиваться. Когда к нам пришел корреспондент Саша Связин, с которым мы работали вместе еще на НТВ, денег на его зарплату в бюджете не хватало. Юлька отказалась от половины своего оклада в его пользу и почти два года так и работала. Когда мы озвучили наше предложение Гусинскому и Федутинову, оба посмотрели на нас, как на идиотов: «Ну, если вы так хотите...» Да, мы так хотели. Потому что воспринимали процесс создания телекомпании как дело чести. Как дело, ради которого приходится чем-то жертвовать. И никак иначе.

³⁹ ТЖК – «тележурналистский комплект», в состав которого, как правило, входят видеокамера, штатив, аккумуляторы, свет, микрофоны и т. д.

Я считаю, что большим нашим успехом стало то, что мы отстояли и почти полноценные съемочные группы из четырех человек: корреспондента, оператора, техника и водителя. Опереваливший время Гусинский уже тогда требовал, чтобы на съемки новостных репортажей выезжал один человек. Приехал на место, снял картинку и синхроны, поставил камеру на штатив для записи «стендапа», вернулся в редакцию. А во время управления автомобилем – сочинил черновой вариант текста...

В принципе, сегодня многие телекомпании почти так и работают. Но сейчас существует множество вспомогательных факторов, которые на заре XXI века еще отсутствовали. Этим я и пользовался, поскольку всегда относился ко всяким технологическим новинкам несколько скептически. Возможно, это не стоит считать моим достоинством, но такой уж я человек. К тому же первое время мне еще приходилось растолковывать ЮЮФу, что технологии подготовки информационных программ на радио и телевидении довольно сильно отличаются, поскольку в дополнение к вышеназванным четырем журналистским специальностям на ТВ нужны еще как минимум звукорежиссер и режиссер монтажа в редакции. Без них никакого репортажа в программе новостей не появится.

На внесении в штатное расписание должности водителя я настаивал по другой причине. У нас работали несколько корреспондентов-девушек, и я слабо представлял, как они смогут таскать на себе ТЖК и снимать репортаж одновременно. Что же касается машин, то тут особых проблем не возникло. Мы купили несколько вазовских «четверок», поскольку они представлялись идеальным для нас вариантом формулы «цена – качество». Оформлялись машины прямо на сотрудников редакции, поэтому с машиной, которую записали на мою жену, впоследствии произошла весьма забавная история.

Сформировав к концу весны необходимую кадровую и техническую базу, мы приступили к работе. Прямой эфир еще не наладили, поэтому мы записывали двадцатиминутный информационный выпуск «Сейчас в России» и перегоняли его в Нью-Йорк. Соответственно, тель-авивская группа готовила программу «Сейчас в Израиле», а нью-йоркская – «Сейчас в мире». Практически сразу же мы понесли и первые материальные потери. Это произошло 9 июня 2002 года в результате событий, известных как «Погром на Манежке».

Тем летом в Японии и Южной Корее проходил чемпионат мира по футболу. Из-за разницы во времени матчи чемпионата начинались в самый разгар дня, и для удобства болельщиков прямо в центре Москвы установили большой экран, перед которым в тот день собралось несколько тысяч человек. К сожалению, наша сборная как-то совсем уж бездарно проиграла японцам 0: 1, после чего недовольные фанаты выместили свой гнев на всех и на всем, что попало под руку. В результате вспыхнувшего погрома один человек был убит, а количество пострадавших приблизилось к восьмидесяти. Были разгромлены десятки магазинных витрин, сожжено несколько автомобилей, а число поврежденных машин перевалило за сотню. Одна из наших «четверок» оказалась в этом списке. Нам также сломали камеру, но самое ужасное, что досталось и оператору Эдику Горборукову. Уже вечером 9 июня, осознав весь масштаб ЧП в центре столицы, мы поняли, что Эдик – далеко не самый очевидный представитель монголоидной расы – еще легко отделался.

Я, естественно, дал несколько интервью дружественным СМИ, обильно используя выражения типа «позор», «стыд», «ни в одной стране мира» и т. д. С «позором» и «стыдом» я согласен и сейчас, но вот с фразой «ни в одной стране мира» я, конечно, тогда погорячился. Хотя прекрасно осознавал, что передергиваю факты. Но таковы были правила игры, в которой я в то время был задействован. Критика действующей власти и комплиментарное освещение деятельности политической оппозиции – эти два главных компонента редакционной политики RTVi сформировались еще до того, как мы вышли в прямой эфир. Конечно, я старался не превращать наши программы в бесконечное кликушество а-ля «Эхо Москвы», поэтому пришлось срочно вырабатывать в себе умение идти на компромиссы. Уступая в части политиче-

ских новостей – ибо возражать начальству по этому поводу было делом абсолютно бессмысленным, – я выигрывал в чем-то другом. Так, в наших информационных выпусках постоянно присутствовали новости культуры и репортажи из регионов, которые присылали нам специально отобранные корреспонденты-стрингеры.

Российская корсетъ всегда вызывала у Гусинского скрежет зубовой, потому что он считал, что новости из регионов – это пустая трата времени и денег. Я же доказывал, что программа «Сейчас в России» просто не имеет права на существование без сообщений с мест. Тем более что Владимиру Михееву, руководителю корреспондентской сети телекомпании, удалось накрыть этой сетью всю территорию страны. Мы получали репортажи с Дальнего Востока, из Сибири, с Северного Кавказа, Поволжья, Урала, а также с Украины, из Белоруссии, Грузии, Молдовы и стран Балтии, которые тоже оказались в поле нашего зрения. С одной стороны, это выглядело странно: новости из, например, Риги в программе под названием «Сейчас в России»! Но с другой стороны, появление такого репортажа в выпуске «Сейчас в Израиле» выглядело бы полнейшим бредом. А американское бюро готовило выпуски «Сейчас в мире», основываясь на видеоматериалах агентств Reuters и APN, которые лишь изредка обращали внимание на события в бывших советских республиках. Так что с логикой у нас все было в порядке.

Как ни странно, хуже всего дела обстояли с получением новостей из Санкт-Петербурга. Мы сменили, по-моему, трех корреспондентов в Питере, но так и не добились желаемого результата. Зато радовал Дальний Восток. Помню совершенно феерическую историю, присланную с Камчатки. Местное МЧС проводило учения по координации действий в случае землетрясения и цунами, о чем было сделано соответствующее оповещение. Однако после окончания этих учений камчатских эмчээсников засыпали звонками и письмами от раздраженных местных жителей, которые посчитали себя обманутыми. Оказалось, что люди (едва ли не в массовом порядке) отправились на берег, чтобы посмотреть (!) на цунами, а при возможности – сфотографироваться! Я, наверное, никогда не забуду грустные лица сотрудников камчатского МЧС, показывавших нашему корреспонденту эти письма...

Настоящее боевое крещение юная телекомпания «Эхо ТВ» приняла в октябре. 23-го числа мы сидели в ресторане и отмечали день рождения Федутинова, когда у всех вдруг начали звонить телефоны. Из радио- и телередакции сообщали, что в театральном центре на Дубровке, в котором постоянно показывали мюзикл «Норд-Ост», произошел массовый захват заложников. Естественно, наш праздничный вечер пришлось прервать. Мы с Юлькой отправились на Палашевку, куда уже подтягивались и остальные ребята. Созывать их специально даже не понадобилось, всем было понятно, что в нашей работе мы еще ни с чем подобным не сталкивались, поэтому всем нужно будет потрудиться.

Прямой эфир в октябре 2002 года у нас все еще отсутствовал, поэтому с Нью-Йорком была согласована экстренная сетка, согласно которой мы отправляли новые информационные выпуски по готовности. К концу первых суток трагедии на Дубровке мы уже смогли выходить в эфир каждые три часа: для наших возможностей это был настоящий прорыв! Более того, мы даже успели отправить один выпуск телекомпании СТС, хотя это была очень странная история.

Нам позвонили с СТС, спросив, не могли бы мы освещать ход событий на Дубровке в их эфире? Я, конечно, очень удивился, потому что никак не ожидал от сугубо развлекательного телеканала такой реакции на происходящее в Москве. Поскольку возможностей перегона готового материала непосредственно к коллегам не существовало, пришлось пользоваться услугами курьера, забравшего у нас «бетакамовскую» кассету с записью и отвозившего ее на СТС. После первого же выпуска нам снова позвонили и сказали: «Спасибо, больше не надо!» Что это было, я не знаю до сих пор. Не думаю, что причина кроется в слабости нашей работы, потому что в таком случае в эфире СТС появились бы чьи-то другие новости, а этого не произошло. Так или иначе, на посвященной мне страничке в Википедии до сих пор висит предложение: «В

2002 году (в дни теракта на Дубровке) вел экстренные выпуски новостей «Сейчас в России» на телеканале СТС». Впрочем, эта фраза – далеко не единственный «косяк», допущенный составителями моей сетевой биографии.

Но вернемся к «Норд-Осту». В поле выехали все сотрудники телекомпании, кроме меня. Кто-то снимал, кто-то доставлял готовые материалы в редакцию, кто-то развозил по точкам еду и воду. На протяжении четырех суток, с 23 по 26 октября 2002 года, большая часть нашего коллектива домой не возвращалась. Исключения делались лишь по состоянию здоровья или при наличии маленьких детей. В мои обязанности, помимо работы непосредственно в кадре, входил информационный мониторинг. Я сидел у себя в кабинете и непрерывно смотрел и конспектировал новости по телевизору и в Интернете, что помогало мне сообщать зрителям все известные подробности. На первый взгляд, мы отставали от других СМИ, обладавших большими кадровыми и техническими возможностями. Но нам повезло – если применительно к истории с захватом заложников в «Норд-Осте» уместно употреблять такое определение.

Лучшая новость – плохая новость. Эта аксиома часто приводится в пример, когда работа журналистов подвергается критике. Мол, для них нет ничего святого, они готовы на все ради рейтинга и т. д. Мне кажется, что обвинять только и исключительно одних журналистов – неправильно. Я умышленно использовал термин «аксиома», потому что не считаю необходимым доказывать, что плохие, тревожные, трагические новости привлекают большее внимание аудитории, нежели новости хорошие, радостные или смешные. Это – данность, и тут нет вины журналистов. Так устроена человеческая психология. На мой взгляд, подобное отношение к новостям, то есть к рассказам о том, что произошло нового, объясняется тем, что хорошие новости изначально воспринимаются потребителем информации как нечто само собой разумеющееся: «Григорий Лепс дал мини-концерт в московском метро», «Биатлонист Бабиков выиграл гонку преследования на чемпионате Европы», «Композитор Эннио Морриконе получил Звезду на голливудской Аллее славы», «Министр образования России Ливанов предложил производить роботов-тараканов». Это все новости одного дня, 27 февраля 2016 года. Наступил новый день. Взошло солнце. Все как и должно быть. Вы забудете обо всех вышеперечисленных новостях через несколько часов. Разве что «роботы-тараканы» смогут остаться в вашей памяти на чуть более долгий срок. А теперь попробуйте оценить свою реакцию на следующие сообщения: «Совфед одобрил повышение акцизов на бензин и дизельное топливо», «Леонид Броневой попал в больницу после падения с лестницы в своем доме», «В Алтайском крае двенадцатилетняя девочка погибла под рухнувшим потолком», «Номинантка-трансгендер Анони объявила бойкот премии «Оскар». Эти новости менее приятны, они выводят вас из зоны комфорта, раздражают, то есть вызывают более сильные эмоции. Согласитесь, что, как правило, в литературе или драматургии отрицательные персонажи интереснее, чем положительные! Так бывает не всегда, но все же очень часто. Поэтому прежде чем упрекать журналистов в беспринципности, не торопитесь и задумайтесь: нет ли в этом ответа на ваш собственный эмоциональный запрос?

Так в чем же повезло нашей телекомпании в тяжелые дни «Норд-Оста»? В том, что мы оказались единственным СМИ, в распоряжении которого оказались уникальные кадры настоящего начала штурма театрального центра. Существует официальная хронология событий на Дубровке, и я не собираюсь ее сейчас опровергать. Я лишь сообщу факты, которыми располагаю. Довольно быстро всю снимающую прессу собрали в одном месте, чуть левее от главного входа в здание. Посмотрите эти кадры, и вы убедитесь в моей правоте. Я абсолютно согласен с данным решением. Во-первых, это устраняло никому не нужный бардак, который всегда следует за появлением прессы на месте происшествия, а во-вторых, террористы периодически стреляли из окон по пытавшимся бежать заложникам и могли ранить журналистов. Однако режиссер Василий Береза и оператор Игорь Кожевников решили иначе. Они все-таки сменили точку съемки – ведь ставить свою камеру в общей куче было уже делом бессмысленным, полу-

ченная картинка получилась бы у всех одинаковой, значит, к нам она и так бы пришла благодаря оплаченной подписке того же агентства Reuters. Ребята ушли туда, где никакого милицейского оцепления не было. Они установили круглосуточное дежурство в одном из жилых домов, расположенных позади театрального центра. Камеру поставили у окна на лестничной клетке и зависли там на двое суток. Бытовые подробности я, пожалуй, приводить не буду, скажу лишь, что оставалось только надеяться не попасть на глаза милиции, а местные жители оказались настроены очень миролюбиво и никак не мешали работе журналистов.

И вышло так, что ребята сняли то, что не попало в объектив ни одной телекамеры. Штурм начинался не только с фронта, но и с тыла! Взрывы, которые были слышны окружающим после пяти часов утра 26 октября, происходили прямо перед нашей телекамерой, у задней стены здания! В образованный в результате этих взрывов проем и проникли бойцы спецназа. Мы все это снимали. Мы снимали, как в помещении, которое оказалось то ли служебной столовой, то ли буфетом, зажегся свет. Мы снимали, как по этой комнате ходили люди с автоматами. Мы снимали, как в эту комнату стали приносить тела погибших, как их вытаскивали на улицу и укладывали прямо на асфальт небольшой автостоянки. Мы снимали, как спецназовцы отбивали горлышки у бутылок с шампанским, стоявших на полках, после того как операция по освобождению заложников закончилась...

Я отдал эти кадры федеральным телеканалам бесплатно. Татьяна Миткова даже дала в своем выпуске титр: «Съемки телекомпании «Эхо ТВ». Иностранцам мы их продали по стоимости, существенно превышавшей обычные расценки, просто по причине эксклюзивности. А деньги потратили на поощрение сотрудников. Почему? Потому что они отлично выполнили свою работу. В дни «Норд-Оста» телекомпания «Эхо ТВ» выступала в качестве коллективного репортера. В наши задачи не входило расследование причин случившегося, реконструкция событий, анализ версий или что-либо подобное. Нам нужно было всего лишь снимать и показывать. И с этой задачей, я считаю, мы справились на «отлично»!

Повторю еще раз: для меня утверждение, что плохие новости являются более рейтинговыми, чем хорошие, – абсолютно непреложно. Но я никогда не соглашался с Венедиктовым в том, что единственным, кто должен говорить о веревке в доме повешенного, является журналист. Он должен говорить об этом рядом с домом, но не лезть внутрь. Этому принципу я старался следовать сам и старался требовать того же от подчиненных. Это очень тонкая грань, но она существует, и ее не стоит пересекать. Именно поэтому я и говорю о том, что нам повезло в те ужасные октябрьские дни 2002 года: мы сумели добиться большого профессионального успеха, не нарушив при этом этических ограничений.

Глава 30

Наша работа в дни «Норд-Оста» имела не только положительные последствия для телекомпании. В каком-то смысле мы оказали себе и медвежью услугу, сами на то совершенно не рассчитывая. Алексей Венедиктов увидел в «Эхо ТВ» уже не обременительный балласт, а неожиданно появившиеся дополнительные возможности для раскрутки радиостанции. Можно много говорить о Венедиктове, о его недостатках, странностях и загадках, и я уже кое-что сказал ранее, но одного у него не отнять: что бы он ни делал, он всегда делал это для «Эха Москвы»! Как это могло отразиться в итоге на телекомпании – для него было уже вопросом десятым. Он просто увидел в нас дополнительную медийную площадку и перешел в наступление.

Все началось с того, что Алексей Алексеевич провозгласил себя президентом телекомпании «Эхо ТВ». Я не слишком хорошо знаком с процедурой назначения руководителей СМИ столь высокого ранга, но что-то подсказывало мне, что главного редактора телекомпании, то есть меня, нужно было хотя бы заранее предупредить о подобных планах. Гусинский же просто поставил меня перед фактом: вот, теперь у тебя есть президент! В редакционную политику «Эхо ТВ» Венедиктов не вмешивался, не дай бог! Но он стал усиленно продавливать своих людей и свои стратегические предложения.

Когда мы только начинали работу, Павел Широв, один из «эховцев» первой волны, давным-давно покинувший радиостанцию и трудившийся в нашем коллективе в качестве специального корреспондента и политического обозревателя, обронил тогда еще показавшуюся мне загадочной фразу: «Только бы не было Веника!» Я, как всегда, ничего не понял. «Что ты имеешь в виду?» – спросил я его. «Видишь ли, – ответил мне Паша, – Веник такой человек, который просит тебя приютить его на ночь. На раскладушечке разок переночевать. Но утром следующего дня ты вдруг понимаешь, что он спит в твоей спальне, а ты – не то что на раскладушке на кухне, ты уже почему-то на лестничной клетке в подъезде!»

В отличие от меня Юля очень быстро прочувствовала новую конъюнктуру и пыталась взывать к моей бдительности, чтобы не допустить подобного развития событий. Но я не внял этим призывам. Я не мог поверить, что радиостанция «Эхо Москвы», которая на протяжении последних лет не только звала меня в свои эфиры и предоставляла трибуну для выступлений, но и в буквальном смысле давала работу и кров в самые тяжелые моменты, вдруг предстанет не верным товарищем, а хитрым, вероломным недругом.

Вот тут, видимо, и необходимо сказать несколько слов о радио «Эхо Москвы» вообще. Потому что это не какое-то безликое, бездушное образование. Это коллектив людей с самыми разными характерами, пристрастиями, симпатиями и антипатиями и т. д. Я несколько лет был вхож в коридор «Эха Москвы» в здании на Новом Арбате и немного познакомился с его обитателями, так что, наверное, имею право на какие-то личные выводы, хотя этот творческий коллектив всегда был весьма подвижен в смысле кадровой стабильности. С одной стороны, люди могли работать на «Эхе» годами и даже десятилетиями, с другой – текучка там никогда никого не удивляла и не беспокоила. Я сразу хочу сказать, что на «Эхе Москвы» есть люди, которых я очень уважаю. И очень хорошо к ним отношусь. И я знаю, что и они ко мне хорошо относятся и, возможно, даже уважают. И я не буду сейчас называть их фамилии, потому что это может обернуться для них теми или иными неприятностями, а я этого не хочу.

У меня остались нехорошие воспоминания об «Эхе Москвы»... И дело не в том, что я работал там бесплатно, – а некоторые могли бы представить этот факт как объяснение моей неприязни или обиды. Нет, все совершенно не так. Я получал зарплату в другом «Эхе», телевизионном, и работал в радиоэфире с удовольствием. Дело также не в том, что после моего ухода с RTVi, когда радиопрограммы «Эха» продолжали транслироваться в телеэфире этого канала,

по помещениям радиийной редакции стала распространяться новость, что Норкины на самом деле украли из бюджета огромную сумму и теперь, что называется, свалили. Это вообще глупость, которую и распространяли глупые люди. Дело в атмосфере! Атмосфере исключительности и неповторимости «Эха», его богоизбранности. Не исключено, что в какой-то момент во мне проснулся иммунитет, приобретенный за годы пребывания в тесных рядах телевизионного Уникального журналистского коллектива. Но даже если это и так – самозащита сработала потому, что степень самолюбования и самовлюбленности «Эха Москвы», во-первых, была гораздо выше, чем у «гусинского» НТВ, а во-вторых, все эти перечисленные качества проявлялись очень агрессивно. Агрессивно по отношению к слушателям. Я стал ощущать это тогда, когда у меня в сознании начали постоянно возникать вопросы: «Что я здесь делаю? Почему я нахожусь среди этих людей? Разве я думаю так же, как они? Неужели я такой же?»

Когда мы с Юлей стали регулярно появляться в эфире «Эха Москвы», слушатели писали нам, что мы не встраиваемся в сложившийся образ радиостанции. Что имелось в виду? Мы действительно были чужеродным элементом в эфире «Эха». И потому, что мы не оппонировали постоянно нашим гостям, чего добивался Венедиктов. И потому, что не хамили слушателям, что в какой-то момент, увы, стало визитной карточкой этого радио. Но главное, потому что мы скромнее оценивали самих себя и всегда оставляли за противоположной стороной право на собственное мнение. К сожалению, по каким-то причинам «Эхо Москвы», представленное в эфире множеством голосов, на мой взгляд, превратилось в какого-то цельноскроенного единогогласного гомункулуса, не видящего и не слышащего ничего вокруг себя. И самое ужасное – не желающего ничего видеть и слышать! «Если ты думаешь не так, как мы, значит, ты – просто дурак, с которым образованным людям и говорить не о чем!» – такой вот лозунг. То есть я хочу сказать, что мои этические расхождения с «Эхом Москвы» вообще, мой негативный осадок объясняются вовсе не политикой, а нестыковкой моральных принципов. Просто они у нас разные. Хотя и профессиональные принципы тоже не очень состыковывались.

Приведу простой пример для уточнения моей позиции. Раз уж я недавно ссылался на новости февраля 2016 года, давайте в том же временном промежутке и останемся. 25 февраля. Трагедия в Воркуте, на шахте «Северная»: тридцать шесть погибших, в том числе несколько спасателей. Как вы думаете, какой была наиболее распространенная реакция на это ЧП в либеральных СМИ? Нет, не рассказ о преднамеренно испорченных датчиках, фиксирующих уровень загазованности шахты. Об этом сразу стали говорить и в государственных СМИ, включая федеральные телеканалы. Комментарии были следующего плана: вот в Чили в 2010 году спасательная операция на шахте продолжалась шестьдесят девять дней и всех спасли! То есть следовало сделать вывод, что в «богопротивной Рашке» людей просто обрекли на гибель.

Конечно, это совершенно запредельный уровень передергивания фактов, потому что распространяющие подобные заявления коллеги не могли не помнить – или могли легко узнать, – что на шахте под названием «Сан-Хосе» имел место обвал породы, в результате которого более трех десятков горняков оказались замурованы в специально подготовленном аварийном убежище на глубине около шестисот пятидесяти метров. На «Северной» же произошло несколько взрывов метана, причем каждый следующий взрыв оказывался мощнее предыдущего! Спасатели погибли тоже в результате взрыва, когда пытались узнать хоть что-то о судьбе оставшихся под землей людей. Не понимать разницу между этими двумя авариями, по-моему, просто невозможно! Значит, это есть умышленное непонимание!.. То есть я хочу сказать, что мои расхождения с «Эхом» основывались на разном отношении и к форме, и к содержанию.

И – да, конечно, «Эхо» – это секта! Но не секта имени «святого Веника» и не тоталитарная. «Эхо» – это секта, в которую вступают по желанию и по идейным соображениям. Можно работать на «Эхе Москвы» и не быть членом этой секты, но записавшиеся в ее ряды уже не видят и не чувствуют ни полутонов, ни каких-либо иных эмоций, кроме осуждения, презрения, обличения и т. д.

После моего ухода с RTVi я был в эфире «Эха» два раза, причем в одной и той же программе «Телехранитель» Елены Афанасьевой. В первый раз это произошло в 2009 году, когда я делал утреннее информационно-развлекательное шоу на «Пятом канале», а во второй раз – семь лет спустя, когда НТВ запустило программу «Место встречи», дневное общественно-политическое ток-шоу. К моему удивлению, признаюсь, не лишнему горечи, на «Эхе» за эти годы не изменилось ничего! Та же красная ковровая дорожка, под которой явственно чувствовались выпавшие из своих ячеек паркетные дощечки. Тот же узкий и длинный непроветриваемый коридор, зажатый увешанными фотографиями гостей стенами, так сильно пропахшими табаком, что, казалось, ты попал в какой-то пиратский притон. Тот же немислимый бардак в комнатах редакции, заваленных до потолка какими-то коробками, книгами, бумагами и десятками пачек нереализованных экземпляров журнала «Дилетант». Но самое главное, это – люди. Кто-то улыбался и незаметно кивал, кто-то открыто подходил, здоровался и вступал в разговор, но члены секты «Эха Москвы» ни единым мускулом не реагировали на появление столь «странного гостя», как меня назвал тогда один из слушателей.

Когда в комнату референтов, так называемый «аквариум», совмещенный с редакционной гостиной, вошел Владимир Варфоломеев⁴⁰, я сказал ему: «Здравствуй, Володя!» Но Володя не дрогнул, не поддался на мою подлую провокацию и сделал вид, что не видит меня и не слышит! Это было и смешно, и трогательно, и грустно. Потому что я увидел бедных, несчастных, злопамятных и мстительных, зажатых в этих душных стенах людей, которые уже более двух десятилетий делают одно и то же: бубнят, как все плохо в этой стране, населенной сплошным быдлом, вороватым чиновничеством и нарушающими все человеческие права чекистами во власти. Бубнят, продолжая при этом получать зарплату от столь ненавистного им государства! Bravo! Честность и благородство без каких-либо примесей...

Но, естественно, любая мозаика складывается из множества отдельных кусочков. Критическая масса моего неприятия тоже накапливалась постепенно. Первым камушком в том мешке, который в конце концов утянул меня на дно, стало появление в нашей редакции спущенной мне Венедиктовым Маши Слоним, выдающего себя представителя либеральной журналистики. Я должен сознаться, что был плохо знаком с профессиональными достижениями Маши Слоним, хотя в период постоянной беготни УЖК с одной стороны улицы Академика Королева на другую и обратно она появлялась в эфире моих информационных выпусков в качестве гостя, обличающего «кровавый режим». Нет, общее представление о жизни и творчестве Марии Ильиничны у меня было: происхождение из семьи высокопоставленного номенклатурного работника; стремительно сформировавшаяся тяга к диссидентству; эмиграция; дружба с Бродским; титул «леди», полученный в одном из браков; работа на BBC; возвращение в Россию; интервью, взятые у Горбачева и Ельцина; и, наконец, – участие в создании Московской Хартии журналистов, которая едва ли не была подписана в квартире Маши Слоним. Все это вызывало восхищение, но не имело никакого отношения к работе по выпуску в телеэфир новостных программ. Пусть даже политически ангажированных, так как других на RTVi и не было.

Чем занималась Маша Слоним на «Эхо ТВ», я так и не понял, хотя формально руководил телекомпанией. Возражать Венедиктову я тогда еще не мог. (А когда начал это делать, было уже поздно!) Навещая эфирно-редакционную зону, я заставлял Машу Слоним либо активно рассказывающей молодому поколению о своих приключениях а-ля «лягушка-путешественница», либо лежащей на полу с закрытыми глазами. В первый раз я даже испугался, но оказалось, что наша коллега просто восстанавливала силы. На съемки она не ездила, текстов не писала, в верстке выпусков участия не принимала, аккредитацией съемочных групп не занималась. Куда уходили ее силы, черт его знает... Однажды я попробовал привлечь ее к решению кадровой

⁴⁰ В. Варфоломеев – первый заместитель главного редактора «Эха Москвы».

проблемы. Гусинский требовал (подозреваю, что не без науськивания со стороны Венедиктова) привлекать к участию в нашем эфире больше ярких лиц с «Эха Москвы». Я спросил Машу Слоним, что она думает по поводу приглашения к сотрудничеству Евгении Альбац, другого заслуженного деятеля либеральной журналистики? «Ни в коем случае! Никакой Альбац! Она же совершенно е...анутая!» – замахала на меня руками леди. От неожиданности я даже на время потерял дар речи.

Удивляться подобным заявлениям я перестал уже через несколько месяцев. Потому что ровно в таких же выражениях Сергей Пархоменко отзывался о Юлии Латыниной, а Борис Немцов – вообще обо всех соратниках, находившихся в этот конкретный момент вне пределов видимости. Притом что о самом Борисе Немцове то же говорили наши олигархи. Удивительным образом в современных российских либералах отсутствовало – да, по-моему, отсутствует и сейчас – одно из главных качеств либерального человека: терпимость. Прежде всего, терпимость к своим единомышленникам. И это стало для меня еще одним аргументом в пользу прекращения нашей совместной работы...

Между тем появление на «Эхо ТВ» Маши Слоним оказалось лишь первым десантом, вслед за которым на этот небольшой плацдарм выдвинулись гораздо более мощные силы. Когда Гусинский поставил задачу выпустить в эфир еженедельную информационную программу, которая подводила бы итоги прошедших семи дней, в нашей сетке появилась «Российская панорама» во главе с Матвеем Юрьевичем Ганапольским. Нетрудно догадаться, что и эта кандидатура была предложена Венедиктовым.

Лирическое отступление: Матвей Юрьевич Ганапольский

«Матвей Ганапольский – это талантливый ведущий и один из самых влиятельных деятелей российского телевидения. Его передачи смотрят миллионы людей; поднимаемые им темы неизменно вызывают огромный интерес у представителей самых разных слоев общества. Однако наш сегодняшний герой примечателен и интересен не только этим. За свою долгую жизнь этот талантливый деятель российского телевидения успел реализовать себя в качестве театрального режиссера, писателя, журналиста и даже актера. Подобная многогранность жизненных образов поистине поражает. Но стоит ли говорить, что наш сегодняшний герой уже выложил на стол все имеющиеся карты? Конечно, нет. Ведь жизнь и карьера этого неординарного телевизионного деятеля продолжается. А значит, впереди будет еще немало новых свершений!»

Этот трогательный текст размещен на информационном портале «УзнайВСЕ.ру» в разделе «Биографии», и его автор – несомненный поклонник Матвея Юрьевича. Хотя и не слишком профессиональный. В приведенных выше одиннадцати с половиной строчках выражение «наш сегодняшний герой» встречается два раза, а не самое однозначное слово «деятель» – даже три, с различными качественными прилагательными: «влиятельный», «талантливый» и «неординарный». На мой взгляд, для столь небольшого фрагмента повторов многовато. Но по сути, написанное – правда: Матвей Ганапольский действительно неординарный человек. Потому что это не один человек, а два.

Вне эфира Матвей Ганапольский – очень обаятельный мужчина с открытой улыбкой, прекрасный рассказчик, душа компании, не лишенный самолюбования, но хороший полемист с неожиданным, иногда парадоксальным мышлением, неплохо разбирающийся в джазовой музыке и т. д. То есть человек, явно наделенный многими талантами. Однако среди них отсутствует талант журналиста. А именно политическую журналистику в какой-то момент он и выбрал своим главным делом. Я, кстати, считаю, что лучшим проектом Ганапольского было совершенно неполитическое «Детектив-шоу», дважды номинированное на ТЭФИ как телевизионная игра, но так премию и не получившее. Слово «игра» имеет, на мой взгляд, ключевое значение для понимания феномена Матвея Ганапольского, который получил два специальных образования – эстрадное и режиссерское. Я прекрасно знаю, что среди журналистов огромное количество тех, кто журналистике никогда не учился, я сам тому яркий пример. Но, как мне кажется, в Матвее его игровая сущность оказалась развита настолько сильно, что не позволила ему перейти в иное качество. Когда он начал «играть» в журналистику, то «заигрался» и не смог остановиться.

Парадоксальным образом преимущества «внеэфирного» Ганапольского, Матвея № 1, в информационных программах стали превращаться в его недостатки. Матвей № 2 представал заносчивым снобом и циником, плохо воспитанным человеком, постоянно тыкающим слушателям и собеседникам и просто сваливающимся в самое безобразное хамство. Его попытки «играть» в умудренного опытом политического аналитика разбивались о фактологическую беспомощность и какие-то абсолютно нелепые, за гранью конспирологии, умозаключения. Я только приветствую авторский подход к анализу политической информации. Если бы я думал иначе, то не принимал бы участия в программе «Реплика» на телеканале «Россия 24» – это чисто авторский взгляд на происходящие события. Однако во всем, в том числе и в личной оценке чего и кого бы то ни было, должны существовать пределы.

Матвей Юрьевич этих пределов не чувствовал, хотя, возможно, подсознательно догадывался. Этим я объясняю его постоянное метание по информационным площадкам: американские RTVi и Davidzon Radio, грузинский телеканал «ПИК», украинские телекомпании «112 Украина» и NewsOne TV, опять же украинские «Радио Вести» и «Радио Эра ФМ», наконец,

авторские колонки в российских печатных изданиях и в Интернете. Сейчас я уже готов поверить в то, что Венедиктов специально поощрял стремление Ганапольского бежать все дальше и дальше, лишь бы конечная цель находилась подальше от «Эха Москвы». Хотя, насколько я понимаю, Ганапольский никогда не прекращал сотрудничество с «Эхом» полностью.

«Внеэфирный» Матвей № 1 уже много лет находится вне поля моего зрения, но Матвей № 2 попадает в него постоянно, и я не могу сказать, что меня радует то, что я вижу. Презрительно-уничижительное отношение к окружающим превратилось в довольно неприятное, какое-то пакостное словоблудие. «Путин, мой дорогой сладенький зайчик, пушистенький, самый правдивый человек! Он говорил до этого, что никого нет. Лавров кричал, а Лаврову яйца не покрасили, потому что он же только министр иностранных дел!» Это фрагмент обсуждения Матвеем Ганапольским программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» в 2014 году, которое он вел в эфире украинского «Радио Вести». Речь идет о рассказе Путина о Крымском референдуме, по итогам которого полуостров вернулся в состав России. Яйца же присутствуют потому, что празднование православной Пасхи в том году почти совпало с датой проведения «Прямой линии».

Ну не нравится тебе Путин! Не согласен ты с итогами референдума, и вообще, «Крым – наш!» – не твой лозунг! Ну так скажи об этом спокойно, по-мужски, без истерики. И без пошлостей, конечно. Я уверен, что такая критика гораздо эффективнее придурковатого сюсюканья. Но «игра в журналистику» такого серьезного подхода не приемлет, он скучен и неинтересен. Поэтому в этот же ряд укладываются и якобы вспышки гнева в адрес слушателей, со всеми этими «Пошел в...опу, тварь, подонок! Чтобы этого дерьма больше в эфире не было!». Человеку, разменявшему в жизни седьмой десяток, конечно, никто не может запретить сохранять юношеский задор, но опять же: при чем тут журналистика?

И вот это главное, что расстраивает меня сейчас, когда я наталкиваюсь на очередные подвиги Матвея Юрьевича Ганапольского. Я не могу объяснить, как можно было устраивать в эфире этот отвратительный спектакль с якобы постановочным праздником в Севастополе? После празднования в России Дня народного единства 4 ноября 2015 года Ганапольский показал в своей программе «Эхо Украины» на канале NewsOne TV «грандиозный праздник» в Севастополе: на ночной набережной перед объективами телекамер стоят несколько десятков человек, в том числе ветераны войны, которые что-то выкрикивают и машут российскими флагами. «Место действия – Севастополь. Митинг, посвященный Дню народного единства! Внимание на экран, поехали! Пусть идет видео, пусть идет. Звук! Тысячи севастопольцев вышли на улицы! Их тысячи, их десятки, сотни тысяч севастопольцев – за Путина! Давайте, эту лабуду убирайте...» – комментировал автор демонстрируемые кадры. А затем, подойдя прямо к телекамере, сказал: «Киселев! Покажешь, как я издевался над митингом в Севастополе! Но ты же не оставишь мою фразу: «Не фиг врать!»»

Дмитрий Киселев, ведущий программы «Вести недели» на телеканале «Россия 1», к которому и обращался Ганапольский, естественно, все показал, оставив ровно то, что говорилось и демонстрировалось в передаче «Эхо Украины». После чего те же самые кадры были продемонстрированы еще раз, потому что не имели никакого отношения к митингу в Севастополе, а являлись социальной рекламой российского телеканала «РЕН ТВ», снятой к празднику 9 Мая еще полутора годами ранее. Все эти материалы были размещены на YouTube, причем там хорошо читались и логотип канала, и дата съемки. А настоящий митинг в Севастополе прошел не четвертого ноября, а седьмого. И в нем действительно участвовали тысячи жителей города.

Зачем?.. «Грустно, девицы»...

На RTVi мои отношения с Ганапольским, в общем-то, оставались ровными. Я никогда не строил иллюзий по поводу моих администраторских способностей, поэтому после первых конфликтов с Матвеем, вызванных расхождениями наших представлений о том, как нужно готовить и вести информационные программы, я самоустранился от «Российской панорамы». Мат-

вей сформировал свой маленький редакторско-корреспондентский круг, который и «зажигал» воскресными вечерами телевизоры наших зрителей. Периодически Матвей пытался переходить в атаку, заявляя вышестоящему начальству, что «с таким главным редактором он работать не будет». Это объяснялось тем, что на определенном этапе существования «Эхо ТВ» в наше штатное расписание проникли некоторые родственники Матвея Юрьевича, обладавшие горячим темпераментом и собственным, не лишенным оригинальности, представлением о субординации. Родственница женского пола стала активно объяснять, кто является главным в секретариате редакции, а родственник мужского пола пытался делать то же самое в режиссерском отделе. «Пытался», потому что его пребывание в телекомпании оказалось непродолжительным. Заявив однажды, что он является потомком древней дворянской фамилии, родственник Матвея Юрьевича вознамерился добиться подчинения от других режиссеров. К сожалению (хотя, скорее, к счастью!), другие режиссеры происходили из пролетарской среды и весьма доходчиво объяснили, что власть в стране уже давно принадлежит народу, после чего немного помятый, но по-прежнему высокопоставленный родственник покинул наш коллектив.

С дамой все оказалось сложнее: вместе с Матвеем Юрьевичем она отправилась со своими чаяниями прямо к Гусинскому, немало удивив последнего проявленной прытью. Конфликт, как всегда, пришлось гасить Федутину, я же, поняв, что дальше так продолжаться не может, попытался обезопасить компанию за счет укрепления обороны. Я решил назначить Юлю своим заместителем, как всегда, прикрывшись ее маленьким хрупким тельцем от внешних угроз. Радостный Венедиктов тут же сказал: «Ты ее не бережешь!» – и оказался прав, потому что «эховские варяги» стали интриговать еще радостнее. Был, правда, в этом и один плюс. От нас ушла Маша Слоним! Несмотря на титул леди, ушла она вовсе не по-английски, а попрощавшись весьма громко. Она написала открытое письмо, адресованное всем сотрудникам «Эхо ТВ», в котором заявила, что не намерена работать в «семейной лавочке» вместе с людьми, не представляющими ничего в данной профессии. Напечатанное и размноженное в необходимом количестве письмо госпожа Слоним трудолюбиво разложила на каждом (!) рабочем месте во всех кабинетах редакции, после чего наконец-то исчезла.

Глава 31

С уходом Маши Слоним наши проблемы не исчезли. Федутин уговорил меня отменить кадровое решение по Юле. Гусинский дал ей несколько новых заданий, которые вообще выводили ее из-под моего подчинения. Теперь ей предстояло заниматься запуском новых программ и работать над специальными информационными проектами. По сути, она становилась продюсером. Я же стремительно превращался в «хромую утку». Для того чтобы понять, что я теряю контроль над созданной нами телекомпанией, понадобилось не так уж и много времени – всего-то чуть больше года.

Тем не менее продолжать работу было нужно. Мы старались хоть как-то расширить горизонты тем, традиционно представленных в наших информационных выпусках. Я говорю о темах политических, потому что даже оппозиционную проблематику необходимо было понимать на определенном профессиональном уровне, а делать это приходилось в спартанских условиях. Вкладываясь в развитие телекомпании финансово и технически Гусинский по-прежнему не хотел. Поэтому мы создавали сенсации на коленке.

Наиболее ярким примером из этого ряда можно считать нашу эпопею с «Национально-державной партией России». Все началось с подробно рассказывавшей о съезде этой политической партии заметки в «Новых Известиях», на которую обратила свое внимание Алена Степаненко, тогда еще совмещавшая работу на «Эхе Москвы» в качестве «второго глаза» (то есть выпускающего редактора новостей) с аналогичной должностью на «Эхо ТВ». Впоследствии Алена полностью перешла на работу к нам и стала ведущей информационной программы «Сейчас в России». Ознакомившись с публикацией, Степаненко рассказала про нее Венедиктову, однако по неизвестным мне причинам Алексея Алексеевича тема не заинтересовала. Степаненко тут же перезвонила Норкиной, сообщив все подробности и странности этого дела, а Юлия предложила мне поднять тему НДСР в нашем эфире. Я согласился, и она взялась за налаживание контактов с редакцией «Новых Известий». Сергей Агафонов, который тогда был заместителем главного редактора издания⁴¹, поначалу даже не поверил, что ему звонят из «Эха», и лишь убедившись, что имеет дело не с радиостанцией, а с телекомпанией, согласился встретиться. Юлька быстро уговорила его передать нам видеоматериалы о съезде НДСР, которыми располагала газета, для того чтобы добиться большего медийного эффекта.

Конечно, когда я увидел эту запись, у меня глаза на лоб полезли. В середине десятых годов текущего столетия, после возвращения в состав России Крыма и Севастополя, которое я активно приветствовал, рост патриотических настроений в обществе стал ощущаться буквально физически. Но патриотизм и национализм, на мой взгляд, понятия весьма далекие друг от друга, хотя многие и пытаются спекулировать на этой тематике. Защита интересов, а в некоторых случаях и жизни русских и русскоязычных людей – дело почетное и благородное. Однако противопоставление русских людям других национальностей, другого вероисповедания, – путь тупиковый, и более того, преступный.

Привезенная Юлей запись начиналась с титра «Фронт освобождения России от жидовского ига представляет». Дальнейшие подробности, думаю, можно опустить, потому что они вполне понятны. Мы выпустили целую серию репортажей по этой теме, однако прекрасно понимали, что сделанного недостаточно, потому что наша аудитория находилась за границей. Апеллировать к Западу, который якобы должен нам помочь, я не хотел. В этом, кстати, одно из моих принципиальных нынешних расхождений с российскими либералами, которые, чуть что, сразу бегут жаловаться в Америку или Европу. Да, мы на RTVi работали для зрителей,

⁴¹ С. Агафонов с 2012 года занимает должность главного редактора журнала «Огонек».

проживающих за пределами нашей страны, но Россия для нас всегда оставалась нашей страной, а не «этой страной», как модно говорить в определенных кругах.

Мы придумали очень простой ход. Я снова связался со своими знакомыми, работающими на федеральных телеканалах. Мы размножили запись и доставили кассеты Татьяне Митковой, Евгению Ревенко и Владимиру Познеру. И все они откликнулись. Материалы на эту тему появились и на НТВ, и на «России», и на «Первом канале». Реакция оказалась более чем бурной, и в результате Минюст сначала вынес НДПР официальное предупреждение о «недопустимости осуществления экстремистской деятельности», а затем исключил ее из единого государственного реестра политических партий.

Я считаю, что в этом была несомненная заслуга нашей телекомпании, хотя победа оказалась неокончательной. НДПР существует до сих пор, на неофициальной основе. Более того, «национал-державники» выиграли судебный процесс о клевете, в результате чего главному раввину России Берлу Лазару и оказавшемуся без вины виноватым Сергею Агафонову пришлось выплачивать компенсацию. Таковы, увы, реалии российского правосудия, хотя, казалось бы, все факты были налицо. Возьмите хотя бы маленький фрагмент из автобиографии Александра Севастьянова, одного из сопредседателей НДПР: *«Отец ее (жены. – А. Н.) был русский инженер-путеец, но мать была еврейкой. Я тогда совершенно не придавал этому значения. И только прожив в этом неудачном (к счастью, бездетном) браке пять лет, близко насмотревшись на практически исключительно еврейское окружение жены, я научился отлично разбираться в особенностях национальной психологии евреев и в тонкостях русско-еврейской принципиальной несовместимости»*. Я, конечно, знаком с теорией ответственности евреев за все беды мира, но получается, что в данном случае на путь ксенофобии человека толкнул не слишком удачный брачный опыт. Поэтому не приходится удивляться, что некоторые сочинения господина Севастьянова внесены в Федеральный список экстремистских материалов, то есть запрещены в России.

Самое смешное, впрочем, даже не это. А то, что сами руководители RTVi совершенно спокойно относились к носителям подобной идеологии, если на них можно было заработать. В это трудно поверить, но на канале RTVi в 2003 году выходила в эфир политическая реклама кандидата в депутаты Государственной Думы Андрея Савельева, лидера незарегистрированной ультраправой политической партии «Великая Россия», а впоследствии одного из инициаторов знаменитого «Письма пятисот», направленного в Генпрокуратуру с требованием «запретить все еврейские организации России за исповедуемое ими человеконенавистничество». Вот как можно представить подобное на телеканале, вещающем на израильскую аудиторию? Это какое-то запредельное проявление толерантности, по-моему...

Другой нашей большой профессиональной удачей стали репортажи из карельской Кондопоги, уже гораздо позже, в 2006 году, спродюсированные Юлией Норкиной и снятые корреспондентом Юлией Ермиловой и оператором Андреем Монастырецким. Ребята провели в постпогромном городе несколько дней, откровенно говоря, в весьма небезопасных условиях. Кондопога тогда прогремела в буквальном смысле на всю страну, снова обратив внимание на тлеющую до поры до времени проблему межнациональных взаимоотношений.

Но все эти локальные успехи столь близкого моему сердцу информационного телевидения неуклонно размывались «госзаказами», то есть требованиями, поступавшими от главного акционера. В одно прекрасное утро Владимир Александрович Гусинский проснулся с непоколебимым желанием увидеть на принадлежащем ему канале программу... астрологических прогнозов! Возможно, ему приснился какой-то сон, толковавший его семейную жизнь в направлении, казавшемся единственно верным. Гусинский очень часто делился с нами зарисовками из своей семейной жизни. Они, эти зарисовки, были смешными и беззлобными, хотя кому-то могли показаться жалобами на личные неурядицы. Вот, например, рассказ о том, как правильно устроены взаимоотношения «муж – жена» в семье Михаила Ходорковского: «Сидим мы

за столом, разговариваем. Вдруг Инна что-то захотела сказать!⁴² Тут Миша поднимает вверх указательный палец... и она молча начинает убирать посуду! Вот бы мне так! Я один раз попробовал, так Ленка в меня тарелкой запустила!» – рассказывал мой начальник, заливаясь счастливым смехом. Так что нельзя исключать, что с помощью астрологических прогнозов Владимир Александрович пытался повлиять на свою жену, которая явно питала слабость ко всему таинственному и неизведанному, но, на мой взгляд, всегда проявляла чуть больше решительности, чем это обычно свойственно записным поклонницам астрологических предсказаний. Иначе Елена Гусинская не стала бы заядлым дайвером, не только приучившим мужа нырять, но и ставшая соавтором нескольких фильмов о дайвинге.

Итак, Владимир Александрович захотел астрологии. Соответствующий заказ поступил на имя Юлии Норкиной, которая довольно быстро заручилась согласием самого раскрученного в отечественных СМИ представителя этой необычной профессии – Павла Глобы. Вообще, Пал Палыч, с которым я был знаком лишь «шапочно», по радиоэфиру, оказался удивительно приятным человеком. Он появился в моем кабинете в сопровождении умопомрачительной фемины, являвшейся то ли его секретарем, то ли идейной последовательницей. Впоследствии Пал Палыч всегда приходил к нам с подобным эскортом, что только добавляло убедительности его образу. Программа «Маленький астрологический учебник» стала выходить в эфир на регулярной ежедневной основе. Практически сразу же в самой редакции ее стали называть «Маленьким астрологическим участком», что, однако, свидетельствовало лишь о самых искренних симпатиях по отношению к ее автору. И это было совершенно закономерно, потому что Павел Глоба продемонстрировал себя честным и убежденным энтузиастом своего дела.

Довольно быстро мы с Юлькой поняли, что к нам в руки попала настоящая золотая жила. Не в смысле возможного получения прибыли, нет. Мы встретили такого же фанатика своего дела, какими были сами. Мы понимали, что не можем – физически – делать то, что хотим! Но все равно хотели это делать! Особенно Юлька, конечно. Каких-то пары месяцев, проведенных ею в тесном творческом контакте с Пал Палычем, хватило для рождения совершенно грандиозного замысла, который до сих пор не реализован на отечественном телевидении!

Идея заключалась в создании цикла программ, рассказывающих о всем известных исторических событиях или деятелях мировой истории с точки зрения астрологии. Или, отчасти, эзотерики, столь любимой не только Павлом Глобой, но и Дмитрием Дибровым, о чем я рассказывал ранее. У Пал Палыча существовал целый том предложений, из которых я выбрал несколько, показавшихся мне наиболее подходящими для сценарной заявки. Сразу скажу, что я ни на секунду не верил в успешный исход этого замысла, хотя он мне очень нравился. Я даже правил окончательные варианты сценариев, которые мы представили руководству. Сейчас уже не вспомню весь список, но в нем точно были рассказы о Карле Марксе, Сергее Есенине и Михаиле Булгакове. Из заявок, основанных не на исторических личностях, а на событиях, наибольшее впечатление на меня самого произвела наша антарктическая серия.

Смысл ее, по Павлу Глобе, заключался в табуированности исследований Антарктиды, ибо каждое прикосновение к этому континенту якобы несло исследователям и странам, которые они представляли, череду нескончаемых неприятностей. Все это подтверждалось фактами, доказывавшими, что никаких совпадений не бывает. Что все они, эти совпадения, – звенья одной цепи. Наглядный пример: Глоба утверждал, что запись о времени открытия Антарктиды, сделанная в бортовых журналах шлюпов «Восток» и «Мирный», которыми командовали Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, с точностью до минуты совпадала с показаниями часов на башне российского Белого дома, которые остановились после обстрела из танков в октябре 1993 года! Ну и все остальное в том же духе. Доказательства черпались из манускриптов, напи-

⁴² Инна Ходорковская, вторая жена М. Ходорковского.

санных еще до нашей эры, и современных произведений массовой культуры типа кинофильма «Чужой против Хищника».

Самое чудное в антарктической истории заключалось в объяснении причины запрета на изучение континента. Дело было в том, что, согласно теории Павла Глобы, под ледяными толщами Антарктиды скрываются Врата Ада, когда-то созданные прилетевшим к нам Звездным Драконом и с тех пор находящиеся под непрерывной охраной пингвинов, которые на самом деле являются физическим воплощением душ неродившихся детей, в том числе абортированных! Гусинский, который сначала горячо поддержал наш замысел, споткнулся уже на обсуждении Дракона, когда понял, что его нужно будет нарисовать. Тогда Владимир Александрович пребывал в воодушевлении, связанном с работой графиков над фильмом «Конвой PQ-17», снятым «ДомФильмом» Владимира Достала с использованием компьютерных разработок студии Семена Левина, то есть – нашими партнерами. Более того, в то время Гусинский буквально носился с идеей экранизации нескольких произведений Ника Перумова, что, честно говоря, меня озадачивало. Если не ошибаюсь, в тот период писателя Перумова связывали определенные отношения с писательницей и активной деятельницей либеральной журналистики Юлией Латыниной, что, при всем уважении к тусовке «Эха Москвы», никак не убеждало меня в правильности выбора: более нудных и малоинтересных книг в жанре фэнтези, чем вышедшие из-под пера господина Перумова, я в своей жизни никогда не встречал!

Хотя наш Дракон в итоге оказался Гусинскому таким же дорогим в исполнении, как и персонажи перумовских опусов, я тем не менее разозлился. Еще раз повторю: я не верил в то, что мы сможем запустить этот абсурдный сериал имени Глобы, в котором он должен был начинать каждый фильм с исторического рассказа на заданную тему, а потом переводить его в удивительный и фантастический мир астрологических исследований. Но мне казалось, что из этого могла бы получиться очень даже занятная сериальная линейка! Поэтому я взял все наши эзотерические сценарии, прихватил еще один нереализованный Юлькин план и пошел к Константину Эрнсту.

Генеральный директор «Первого канала», по всей видимости, ожидал от меня другого разговора, а вовсе не просьбы использовать наши наработки, которым не суждено было добраться до зрителя. Тем не менее Константин Львович внимательно меня выслушал и даже забрал папку со сценариями. Астрологическая история мира все еще ждет своего часа, хотя РЕН ТВ и ТВ-3 уже достаточно близко подошли к этой теме, а вот второму синопсису повезло больше. Программа, придуманная Юлькой, называлась «Пусть меня научат» и представляла собой реалити-шоу, участникам которого предоставлялась возможность осуществить свою детскую мечту и стать певцом, актером, спортсменом и т. д. Ничего не напоминает? Разумеется, нужно только учитывать, что, когда она все это придумала, никаких «Танцев со звездами» в эфире еще не было! Они появились позднее и, как я понимаю, были приобретены по франшизе. Ну и отличие нашей заявки было в том, что участниками программы должны были становиться обычные люди, а не звезды шоу-бизнеса, да и размах задуманного впечатлял сильнее, чем у танцевально-цирковых программ. Ведь мы предлагали не ограничиваться так называемыми «творческими профессиями», а действовать амбициознее, вплоть до отправки конкурсантов, мечтавших стать космонавтами, на околоземную орбиту!

Конечно, это были лишь мечты. Реальность же стаскивала нас за ноги на грешную землю и заставляла заниматься совсем другими программами. Летом 2003 года в полном соответствии с прогнозами, в том числе и моими, канал ТВС прекратил свое существование и «команда Киселева» опять осталась не у дел. Я уже не столь пристально следил за тем, что происходило внутри и вокруг УЖК, но отголоски скандалов до меня все же долетали. Рейтинги ТВС падали, программы закрывались раньше времени, олигархи-инвесторы перессорились друг с другом, гендиректора Александра Левина сняли с должности, а творческий коллектив, уже, видимо, не мысливший себя иначе как в вечном бою с врагами свободы и демократии, стал

искать козла отпущения и нашел его в лице Григория Кричевского. Ему предъявили излюбленное обвинение наших либеральных журналистов: обвинение в предательстве, потому что он якобы бегал в администрацию президента и выжил Евгения Киселева из кресла руководителя! Желающие могут ознакомиться с доказательной базой в книге Виктора Шендеровича «Обстоятельства непреодолимой силы».

Передо мной поставили вопрос трудоустройства Шендеровича. Сам он утверждал, что не разговаривал с Гусинским на эту тему, а всеми переговорами занимался Венедиктов. Все правильно, так оно и было, и после окончания этих переговоров Норкин, Норкина и Федутинов получили новый приказ: создать программу для Виктора Анатольевича. Приказ был выполнен, и на телеканале RTVi появились «Новые времена», чья аудиоверсия под названием «Плавленный сырок» также транслировалась в эфире «Эха Москвы». Закрытие этой передачи осталось вне моей зоны видимости, потому что пришлось на тот период, когда я уже в компании не работал. Шендерович остался на «Эхе Москвы» лишь в качестве постоянного гостя «Особого мнения» и почетного члена секты. Однажды, это было уже где-то в середине 2010-х годов, Венедиктов при встрече рассказал мне, что Шендерович уже года два как с ним не здороваются. «Почему?» – спросил я. «Потому что я – мудака!» – гордо ответил главред «Эха Москвы». Я сказал, что в каком-то смысле готов согласиться с такой характеристикой, но это понятие слишком широко трактуется, нельзя ли узнать поточнее? «Мудака, и все!» – повторил Венедиктов.

Вместе с Шендеровичем на RTVi пришел и Владимир Кара-Мурза, которому я даже не стал напоминать о его прежних заявлениях насчет моей «продажности Гусинскому». Для Володи мы также сделали программу. Пришел к нам и Николай Николаев, роман которого с «Первым каналом» как-то не задался. Я был против, потому что чувствовал, что мы уже начинаем задыхаться: передач и людей становилось все больше, а бюджет оставался неизменным. Федутинов подливал масла в огонь, постоянно ворча, что если соглашаться на все требования акционеров «попробовать», «попытаться», «потерпеть», то потом добиться от владельцев телекомпании каких-то уступок уже не получится. «Вы ведь работаете в таких условиях? Вот и работайте дальше!» – приблизительно так он описывал наши будущие неприятности. Но с Колей Николаевым все сложилось вообще очень просто. Выслушав по телефону мои возражения, Гусинский целиком и полностью с ними согласился. Однако уже в свой следующий приезд в Израиль я обнаружил Колю Николаева в квартире Владимира Александровича, и сияющий Гусинский представил мне моего нового сотрудника. Кстати, при нашем расставании Гусинский пенял мне за то, что я (!) взял Николаева на работу. Я уже даже не возражал, потому что это было лишено абсолютно всякого смысла...

Глава 32

В некотором роде все это были наши собственные «обстоятельства непреодолимой силы». Правда, они, эти обстоятельства, лишь заставляли нас, стиснув зубы, идти дальше. Иногда казалось, что все вот-вот закончится, потому что наши начальники и их деловые и политические партнеры ухитрялись время от времени попадать в весьма серьезные переделки. В одних случаях это происходило благодаря стечению многих обстоятельств, в других – по их собственной безалаберности. Сами же события могли иметь место как в России, так и в других странах мира.

Если придерживаться хронологического порядка, первым таким событием следует считать «дело ЮКОСа», которое, конечно, не осталось незамеченным нами. Телеканал RTVi не только активно освещал ход этого дела, но в определенном смысле был одним из его участников, хотя бы потому, что мы работали в здании, фигурировавшем в судебном процессе. Вопреки расхожему мнению, сформировавшемуся в последние годы благодаря стараниям как отечественной, так и зарубежной прессы, Гусинский и Ходорковский никогда не были друзьями. Да и партнерами оказывались крайне редко. У меня сложилось впечатление, что наши олигархи – и знакомые мне лично «крупные рыбы», типа Гусинского и Березовского, и деятели рангом поменьше – Ходорковского недолюбливали и, вполне вероятно, даже опасались.

Среди всех олигархов 1990-х Ходорковский всегда выделялся решительностью и жесткостью в действиях. Кем-кем, но либералом он никогда не был, и весь его жизненный путь до ареста это наглядно доказывает. Он никогда не играл в политику, подобно Борису Абрамовичу, вечно строившему какие-то фантастические планы. В отличие от Гусинского он не уповал только лишь на прессу как на идеальный инструмент для достижения своих целей. Если он ставил перед собой какую-то цель, то достигал ее всеми возможными способами. Именно эта сосредоточенность в работе и сделала Ходорковского самым богатым человеком новой России. Березовскому, Гусинскому и всем остальным сначала оставалось только завидовать, а потом – комментировать происходящее.

Ходорковский выбрал основное направление своего бизнеса и ни на шаг не отступал от него. Поэтому он не заигрывал с представителями некоторых оппозиционных политических партий, как это делал Гусинский с «Яблоком», – ставка на всего лишь одну партию либерального толка могла оказаться слишком слабой. Он не занимался политтехнологическими проектами по созданию новых общественных организаций, как Березовский, – потому что любая карманная партия могла в какой-то момент выйти из-под контроля своего создателя. Он действовал гораздо обдуманнее и активнее, в том числе и финансово. Глава ЮКОСа просто переделывал под себя существующую политическую систему, постепенно беря под контроль весь российский парламент, чтобы затем на вполне законных основаниях добиваться решений, необходимых для развития своего бизнеса. Этого ему сделать, как известно, не удалось. И не без участия других олигархов, которым не нравился приткный выходец из рядов Всесоюзной комсомольской организации.

В своих письмах, которые Ходорковский направлял из тюрьмы писательнице Людмиле Улицкой и которые публиковались на страницах «Новой Газеты» и в эфире «Радио «Свобода», он утверждал, что его «личным Рубиконом» стал разгром НТВ в 2001 году. Он «пытался помочь компании деньгами, что ему и вменили в первом процессе». Это не совсем так. Во-первых, потому, что Гусинский получил кредит от Ходорковского гораздо раньше «разгрома» 2001 года. Это произошло еще в 1999 году, когда владелец «Моста» лихорадочно искал деньги на затыкание дыр, образовавшихся в бюджете холдинга после кризиса. Я уже писал об этом, но напомню, что Путина, как возможного виновника этих неприятностей, еще не было не только в Кремле, но и в Белом доме. Во-вторых, эпизод, связанный с НТВ, оказался исключен из

«дела ЮКОСа» ровно по той причине, что долг Ходорковскому Гусинский вернул. Тем самым зданием на Палашевке, в котором мы работали и которое нам пришлось освободить. Никакой «помощи телекомпании НТВ» в истории взаимоотношений Гусинского и Ходорковского не было. Михаил Борисович относился к этой сделке исключительно как к бизнес-проекту и заранее рассчитывал свои возможные потери и объем компенсации, которую он смог бы получить в случае, если Гусинский сорвал бы сроки выплат по полученному кредиту. Об этом я знаю от некоторых бывших сотрудников ЮКОСа, которые в конце 1990-х занимались подготовкой этих соглашений.

Гусинский всегда высоко оценивал деловые качества Ходорковского, хотя и критиковал его за то, что позиция главы ЮКОСа часто была слишком вызывающей и провокационной. В его изложении это выглядело как восхищение мощью и целеустремленностью, но с замечаниями относительно «переборов». К таковым он относил, например, умышленное игнорирование Ходорковским некоторых поведенческих правил, принятых в кругу наших олигархов: манкирование светскими тусовками, подчеркнуто демократичный подход к одежде и т. д. По мнению Владимира Александровича, свитеры и электронные часы Михаила Борисовича раздражали многих их общих знакомых, считавших, что миллиардер Ходорковский тем самым противопоставляет себя новому сословию. Что, кстати, вполне может быть правдой. Если бы Ходорковский был слабым, избалованным человеком, зависящим от всяческих драгоценных безделушек, столь ценимых в олигархическом кругу, вряд ли бы он смог не сломаться за годы лишения свободы.

То, что Ходорковский попал в тюрьму, олигархи-беженцы однозначно считали его грубейшей ошибкой. По словам Гусинского, за несколько месяцев до ареста, уже после того, как был задержан Платон Лебедев⁴³, Ходорковский, находясь в США, встретился с группой российских бизнесменов. Если я не ошибаюсь, эта встреча имела место в одном из городов штата Колорадо. В число собеседников Ходорковского входил и Гусинский, который, как и остальные участники того разговора, всячески советовал Михаилу Борисовичу не возвращаться в Россию. Однако тот был непреклонен и полностью отметал все доводы коллег как несостоятельные. Более того, эта уверенность в собственных силах, видимо, распространялась и на других руководящих сотрудников ЮКОСа. Тем же летом 2003 года мне позвонил пресс-секретарь нефтяной компании Александр Шадрин и попросил о срочной встрече. Срочно я выехать к нему не мог, поэтому разговаривать поехала Юлия Норкина. Выяснилось, что пресс-секретаря ЮКОСа интересовал наш взгляд на развитие событий именно как представителей той части коллектива НТВ, которые не стали участвовать в бессмысленных «киселевских плясках». Потом Юля рассказывала мне, что господин Шадрин встречал каждую ее фразу скептическими замечаниями и повторял, что это все – результат ошибок в нашей тактике. «С ЮКОСом такая история невозможна!» – резюмировал он. Однако все вышло именно так, как мы предупреждали.

Позднее, когда процесс по «делу ЮКОСа» уже шел полным ходом, Гусинский и произнес свою фразу про «грязную задницу». Он имел в виду, что Ходорковский не должен был доводить дело до суда, полностью не подстраховавшись. А он этого не сделал, поскольку считал Генеральную прокуратуру сборищем идиотов. Однако выяснилось, что в этом ведомстве работали не только идиоты, и довольно быстро в суде стали происходить не самые приятные для Ходорковского вещи – например, возникли скандалы с фирмами-однодневками, генеральными директорами которых были заявлены самые удивительные люди: дворники-инвалиды и т. п. С учетом того, что отношение к сверхбогатым людям в нашей стране после полугодовых десятилетий конца прошлого века никак нельзя было считать сочувственным, общественное

⁴³ Лебедев П. – один из ближайших соратников М. Ходорковского, бывший председатель Совета директоров Group MENATEP.

мнение против Ходорковского формировалось очень быстро. Так что защита его позиции становилась уделом лишь либеральной прессы. В том числе и канала RTVi, конечно.

Интересен и тот факт, что после начала «дела ЮКОСа» Гусинский постарался как можно быстрее и дальше дистанцироваться от другой крупной фигуры этого скандала, Леонида Невзлина. К июлю 2003-го, когда начались первые задержания по делу об уклонении ЮКОСом от уплаты налогов, Леонид Невзлин, будучи одним из крупнейших акционеров компании, формально в ней уже не работал, а занимал пост ректора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). По словам самого Леонида Борисовича, его стремительный отъезд в Израиль не был бегством из России, а являлся плановой поездкой, во время которой он намеревался работать над собственной диссертацией. Так или иначе, но уже в ноябре 2003 года стало известно, что Леониду Невзлину было предоставлено гражданство Государства Израиль. Эта новость вызвала грандиозный скандал, поскольку паспорт гражданина Израиля не только давал его обладателю возможность комфортного перемещения по миру, но и весьма часто являлся гарантией личной неприкосновенности.

Поводом для скандала стал не сам факт предоставления Невзлину гражданства, а тот временной промежуток, в который вопрос был решен, ведь в обычных случаях это довольно длительная и муторная процедура. Застрельщиком расследования выступила глава комитета Кнессета по вопросам иммиграции Колетт Авиталь, не исключавшая определенных особенностей самого «дела ЮКОСа», но удивленная другими особенностями: *«В «деле ЮКОСа» может быть какой-то политический подтекст. Российское правительство могло захотеть взять под свой контроль какой-либо рынок. Но я уверена, что никакого антисемитизма тут нет, хотя его пытаются сюда притянуть. А господин Невзлин очень быстро получил гражданство. В его случае процедура была особой! Я не могу сказать, виновен этот человек или нет, но когда мы немедленно даем убежище человеку, имя которого муссируется в связи с таким скандалом, это странно»*, – говорила она российскому изданию «Время новостей».

Колетт Авиталь не ограничилась многочисленными интервью и направила депутатский запрос в Министерство внутренних дел, причем даже назвала фамилии некоторых членов правительства, которые, по ее данным, могли оказать Невзлину помощь в решении его проблемы. В частности, она указывала в этой связи на Натана Щаранского и Авидора Либермана, тогда занимавших посты министров по делам диаспоры и транспорта, соответственно. Щаранский и Либерман – оба они были для Гусинского, так сказать, людьми далеко не чужими, хотя на моей памяти Владимир Александрович иногда критиковал политическую деятельность Либермана, обзывая его «молдаванином»⁴⁴. Поэтому Гусинский никак не мог приветствовать скандальное расследование, начатое по обстоятельствам получения Невзлиным его израильского паспорта.

Само это расследование ничем не завершилось, если не считать его итогом последовавшее затем ужесточение правил предоставления гражданства Государства Израиль. Тем не менее присутствие Леонида Невзлина в качестве спикера в наших новостных программах стало неуклонно сокращаться, и к моменту предъявления ему российской прокуратурой обвинений в организации убийств он совсем исчез из нашего эфира. Более того, в Израиле я несколько раз встречался с Невзлиным, но ни разу – в присутствии Гусинского. Эти встречи происходили как бы случайно, в ресторанах на набережной Тель-Авива, когда Леонида Борисовича сопровождали или политтехнолог Марина Литвинович, в то время руководившая некоторыми проектами учрежденного Ходорковским и Невзлиным Фонда «Открытая Россия», или же Демьян Кудрявцев, видимо, отвечавший за контакты Невзлина со своим тогдашним шефом, Борисом Березовским. Гусинский же всегда уходил от общения с Невзлиным, и единственным их совместным мероприятием было участие во встрече олигархов с руководителями российских

⁴⁴ А. Либерман родился в 1958 году в городе Кишиневе.

оппозиционных СМИ, состоявшейся в Герцлии летом 2005 года. Да и тогда Гусинский был скорее гостем, а не организатором встречи.

Последовавший осенью 2003 года арест самого Ходорковского уложился в теорию Гусинского, как очередной кирпичик в возводимую стену. «Миша сам виноват в том, что так получилось!» – таков был вердикт, вынесенный моим шефом. Он говорил это без злорадства, но и без особого сострадания, поскольку подобное качество вряд ли вообще проявлялось в кругу этих людей по отношению друг к другу. Еще раз повторю: они не были друзьями и, даже временно выступая партнерами, оставалась соперниками. И эта формула верна не только в отношении пары «Гусинский – Ходорковский», она применима ко всем, кого мы привыкли называть «олигархами».

Лишний шум Гусинскому был не нужен. Он уже понимал, что его пребывание за границей России связано с определенными деловыми трудностями. «В этой идиотской стране совершенно невозможно заниматься бизнесом!» – кричал он. «Почему?» – спрашивал я. «Да потому что эти идиоты не берут взятки!» – «Что, совсем не берут?» – «Берут, конечно, но на таком верху и такие суммы, что у меня денег не хватит!» В подобной ситуации оставалось только сочувствовать моему работодателю. Осознание особенностей израильской коррупции не означало, что Гусинский хочет немедленно вернуться в Россию, хотя решение этой важнейшей задачи и было возложено им на Венедиктова. Всякий раз, когда я сетовал на венедиктовское самодурство, проявлявшееся в его телевизионной активности, я слышал в ответ, что «Леша решает важную задачу моего возвращения». С учетом изложенного выше, в соответствующей главе этой книги, я всегда склонен был думать, что Леша «решал» совсем другие задачи – свои собственные. Но Гусинский никогда со мной не соглашался. Кстати, я допускаю, что и частые контакты Венедиктова с Ходорковским, которые стали происходить после отъезда бывшего «заклученного номер один» в Швейцарию, имеют под собой то же самое основание. Михаил Борисович на что-то рассчитывает, чего-то ждет от Алексея Алексеевича, но тот, скорее всего, играет в игру по собственным правилам...

Дополнительный шум вокруг «дела ЮКОСа» был невыгоден Гусинскому и по той простой причине, что значительная часть его бизнеса все равно оставалась в России. Кинокомпания, выпускавшие львиную долю криминальных сериалов, прокатывавшихся в эфире ведущих российских телеканалов, по-прежнему принадлежали Владимиру Александровичу, и он вовсе не был заинтересован в возникновении сложностей в их работе. А эти сложности все равно возникали. Ярким примером может служить другой скандал, с другим уголовным расследованием, которое происходило уже в самом Израиле.

Это так называемое «дело банка Paroalim», которое тянулось, наверное, лет десять, если не больше. В начале 2000-х израильские власти, некогда радостно приветствовавшие появление в стране денег новых русских олигархов, стали проявлять некоторую нервозность в связи с тем, что ряд состоятельных репатриантов использовали банки Израиля для легализации незаконных доходов. Попросту говоря, для отмывания денег. Если очень коротко излагать суть «дела банка Paroalim» – а это крупнейший банк Израиля, поэтому внимание к расследованию было всеобщим, – скажу, что началось оно после вступления в силу в 2000 году нового закона «О борьбе с отмыванием денег». Пару лет правоохранительные органы страны собирали необходимую информацию и в 2002 году начали тайное расследование деятельности известного предпринимателя и настоящего «гражданина мира» Аркадия Гайдамака.

Бизнес-интересы господина Гайдамака, человека с лицом вдруг постаревшего актера Венсана Касселя, всегда были обширны. На географической карте его деятельности значились не только Израиль, Канада, Россия и Украина, но еще и Франция с Анголой. Собственно, так называемый «Анголагейт» и послужил отправной точкой банковского скандала в Израиле. Французские власти подозревали, а затем и обвиняли Аркадия Гайдамака в незаконных поставках оружия в Анголу, которые он осуществлял еще с 1993 года вместе со своими фран-

цузскими партнерами, среди которых оказался даже сын бывшего президента страны Франсуа Миттерана, Жан-Кристоф. Его обвиняли в коррупции, поскольку он, как выяснилось, консультировал организаторов торговли оружием. Расследование «Анголагейта» во Франции шло с переменным успехом, Гайдамака то признавали виновным, то оправдывали, пока в ноябре 2015 года он сам добровольно не сдался французской полиции. Как писали газеты, он сделал это для того, чтобы окончательно освободиться от всех претензий и получить возможность беспрепятственного перемещения по странам Европы, где проживали его сын и две дочери.

В Израиле Гайдамак хранил свои деньги в банке *Narolim*, в тель-авивском отделении, расположенном прямо напротив гостиницы *Dan*. Это отделение специализировалось на обслуживании иностранных клиентов. Секретное расследование израильской полиции длилось целых три года, и в 2005-м Гайдамаку были предъявлены обвинения в отмывании денег. К сожалению, в том же самом отделении банка *Narolim* хранил свои деньги, полученные от производства и реализации телесериалов, и Владимир Александрович Гусинский. Схема выглядела очень просто. Кинокомпании Гусинского продавали российским телеканалам свои сериалы, телеканалы выплачивали деньги уполномоченному агенту, который переводил средства на счет в банке *Narolim*, там они какое-то время оставались без движения, а потом уходили на другие банковские счета, в том числе в Америку. Полиция решила, что тут «попахивает прачечной», и счета Гусинского в Израиле заморозили.

Самое неприятное было то, что фамилия Гусинского привлекла гораздо больше внимания, чем фамилия Гайдамака. Не знаю, почему так получилось, ведь в отличие от Гайдамака Гусинский никогда не стремился к публичности, а тот, напротив, всегда был крайне активен и даже как-то пытался стать мэром Иерусалима. Причем трактовки банковского скандала сильно отличались. В Израиле утверждали, что «дело банка *Narolim*» на самом деле направлено против премьер-министра Шарона, который-де заигрался с русскими олигархами. В России же эту нашу неприятность преподносили как лишнее доказательство того, что Гусинский нечист на руку. Помню, я смотрел соответствующие программы по нашему телевидению и по телефону пересказывал их содержание Малащенко, а тот искренне удивлялся, почему ничего не говорят про Гайдамака... Это дело тоже ничем не закончилось, хотя израильская полиция мусолила Гусинского еще целых два года, прежде чем объявить о полном отсутствии к нему каких бы то ни было претензий.

Тем не менее все эти дела – и «дело ЮКОСа», и «дело банка *Narolim*» – отнимали силы и нервы у нашего работодателя и, естественно, раздражали и нас, его сотрудников. Но это были трудности, так сказать, привнесенные извне, не зависящие от нас напрямую. Другое дело, когда трудности создавались непосредственно самими участниками процесса. Причем, как я уже говорил ранее, по причине собственной безалаберности. Ибо ничем иным я не могу объяснить арест Гусинского в Греции, под который он ухитрился угодить в августе 2003 года.

После двух выигранных в Испании процессов на предмет экстрадиции в Россию наш шеф очевидным образом успокоился. Он свободно перемещался по Европе, опасаясь посещать лишь Францию, системе правосудия которой по каким-то причинам не доверял. Но Греция никак не входила в список стран, от которых можно было ожидать чего-то подобного. Формально все так и было, потому что Интерпол после испанских прецедентов прекратил международный розыск Гусинского. Однако греки об этом, по всей видимости, не знали. Когда Владимир Александрович прилетел в Афины из Тель-Авива, ничто не предвещало срыва семейного отдыха, который Гусинский планировал провести на своей яхте. Он, кстати, никогда не называл эту яхту «яхтой», предпочитая слово «лодка». Так вот, лодка уже ожидала своего владельца в морском порту, но пограничники порта воздушного почему-то задержали Гусинского, сославшись именно на требование Интерпола. Возражения, что ордер уже давно аннулирован, действия не возымели, и Гусинского отправили сначала под суд, а потом под домашний арест.

Всех соучастников эта новость здорово напугала, даже я к тому времени уже немножко поднаторел в юридических вопросах. Поэтому я знал, что между Россией и Грецией существовало подписанное соглашение о борьбе с преступностью, каковое отсутствовало между Россией и Испанией. В этой связи греки выдавали нам разыскиваемых преступников гораздо охотнее, чем испанцы. К счастью для Гусинского, к тому времени его дело уже было далеко не на первых позициях. И хотя он провел под греческим арестом несколько месяцев, складывалось впечатление, что никто просто не знал, что с ним делать. Российскому правосудию, по большому счету, он уже был не нужен, потому что не только закрыл все свои сделки с «Газпромом», но и наладил новые, вполне прочные деловые связи. В публичную политику он не лез, критикуя Кремль разве что за столом в дружеской компании. В общем, греки, похоже, просто проспали все эти не касающиеся их международные новости и теперь банально сохраняли лицо. Не могли же они сразу отпустить только что задержанного ими человека?

Таким образом, свой пятьдесят первый день рождения Гусинский отмечал в президентском сюте афинского отеля InterContinental Athenaeum. Вернее, в сюте он жил, страшно довольный тем, что до него там останавливался Владимир Путин. А день рождения отмечал на огромной веранде, с которой открывался великолепный вид на Акрополь, и прежде всего, конечно, на Парфенон. Другие виды Афин в октябре 2003-го были ужасны! Город готовился к Олимпийским играм и поэтому был перекопан вдоль и поперек. Складывалось впечатление, что Парфенон – едва ли не самое законченное в смысле строительства здание греческой столицы!

Для нас с Юлькой дни рождения Гусинского, на которых мы побывали несколько раз, всегда представляли серьезную проблему. Скажите, что можно подарить на день рождения человеку, состояние которого оценивается в сотни миллионов долларов? При этом ваша зарплата, мягко говоря, существенно меньше. У него все есть, а то, что у него отсутствует, вы купить не можете. Возвращение на Родину, например. Приходилось как-то выкручиваться. Сначала за счет антиквариата, каких-то древних чаш и кубков, которые он мог разместить у себя дома без ущерба для интерьера. Я не знаю, кто играл партию первой скрипки в оформлении домашних резиденций Гусинского – он сам, его жена Лена или его помощница Джоан, – но вся недвижимость Владимира Александровича, в которой мне довелось побывать, была выдержана в едином стиле. Кстати, очень напоминавшем стиль отелей InterContinental: много белого и золотого, много света и дерева и много всяких необязательных безделушек. В тель-авивской квартире Гусинского, например, была целая коллекция произведений Франка Майслера, знаменитого и очень успешного в коммерческом смысле израильского скульптора, с которым Гусинский знаком лично. Квартира, выставочный зал и магазин Майслера находятся в старом районе Тель-Авива, легендарном Яффо. Работы Майслера, которые не относятся к монументальным, представляют собой почти игрушки: их можно трогать руками, открывать потайные дверцы, нажимать на скрытые пружины и приводить в действие самые неожиданные механизмы. Гусинский коллекционировал Майслера бессистемно. У него были и фигурки животных, и огромный глобус Иерусалима, но больше всего было бытовых зарисовок: евреи со скрипками, со швейными машинками, со счетами и т. д.

Остается добавить, что самая маленькая фигурка работы Майслера тянула на несколько тысяч долларов, так что подобные презенты шефу мы с Юлькой делать не могли. Но какая-нибудь уже позеленевшая от времени бронзовая кружка вполне могла разместиться где-то на книжной полке. Потом мы перешли на оригинальные подарки, которые стали появляться в московских специализированных магазинах. Например, как-то раз мы подарили Гусинскому бильярдный кий с лазерным наведением! Венедиктов всегда дарил какие-нибудь старинные гравюры, карты или страницы из старых печатных изданий. А Матвей Ганопольский однажды очень насмешил всю нашу компанию, потому что притащил в аэропорт «безумно дорогую» картину, написанную, как он говорил, «величайшим грузинским художником». Не Пиросмани,

но других грузинских художников я не знаю, поэтому фамилию автора не запомнил. Впрочем, на таможне Матвей сообщил, что эта мазня не имеет никакой художественной ценности и он везет ее в качестве подарка ради шутки. Мне даже стало обидно за «величайшего грузинского художника», хотя я склонялся именно ко второму варианту оценки этого живописного полотна...

Посетить великие исторические памятники Афин в октябре 2003 года нам так и не удалось. Мы с Юлькой прилетели в Грецию всего на два дня, чтобы поздравить нашего именинника и улететь обратно. Гусинский мог сидеть под арестом в элитном отеле еще сколь угодно долго, а нам нужно было работать.

Лирическое отступление: Эпоха великих географических открытий

Я понимаю, что фраза «прилетели в Грецию всего на два дня» здорово отдает тем самым снобизмом, который я так часто критикую. Сразу вспоминается эпизод фильма «Инспектор ГАИ», когда персонаж Никиты Михалкова, циник и хам из местного автосервиса, рассказывал милиционеру в исполнении Сергея Никоненко, как летал «на уик-энд в Сочи». Поэтому, конечно, я не могу не признать, что работа на RTVi превратилась для нас в настоящую эпоху великих географических открытий. Командировки по работе и плановые отпуска (или же совмещение «полезного с приятным») позволяли нам с Юлькой пополнять нашу коллекцию впечатлений. Даже в тот «уик-энд в Афинах» мы увидели нечто, что пока еще нигде не повторилось: в крошечном ресторанчике, расположенном на набережной, остатки еды можно было бросать прямо в море – вода буквально кишела рыбами и рыбками, набрасывавшимися на угощение и моментально его уничтожившими.

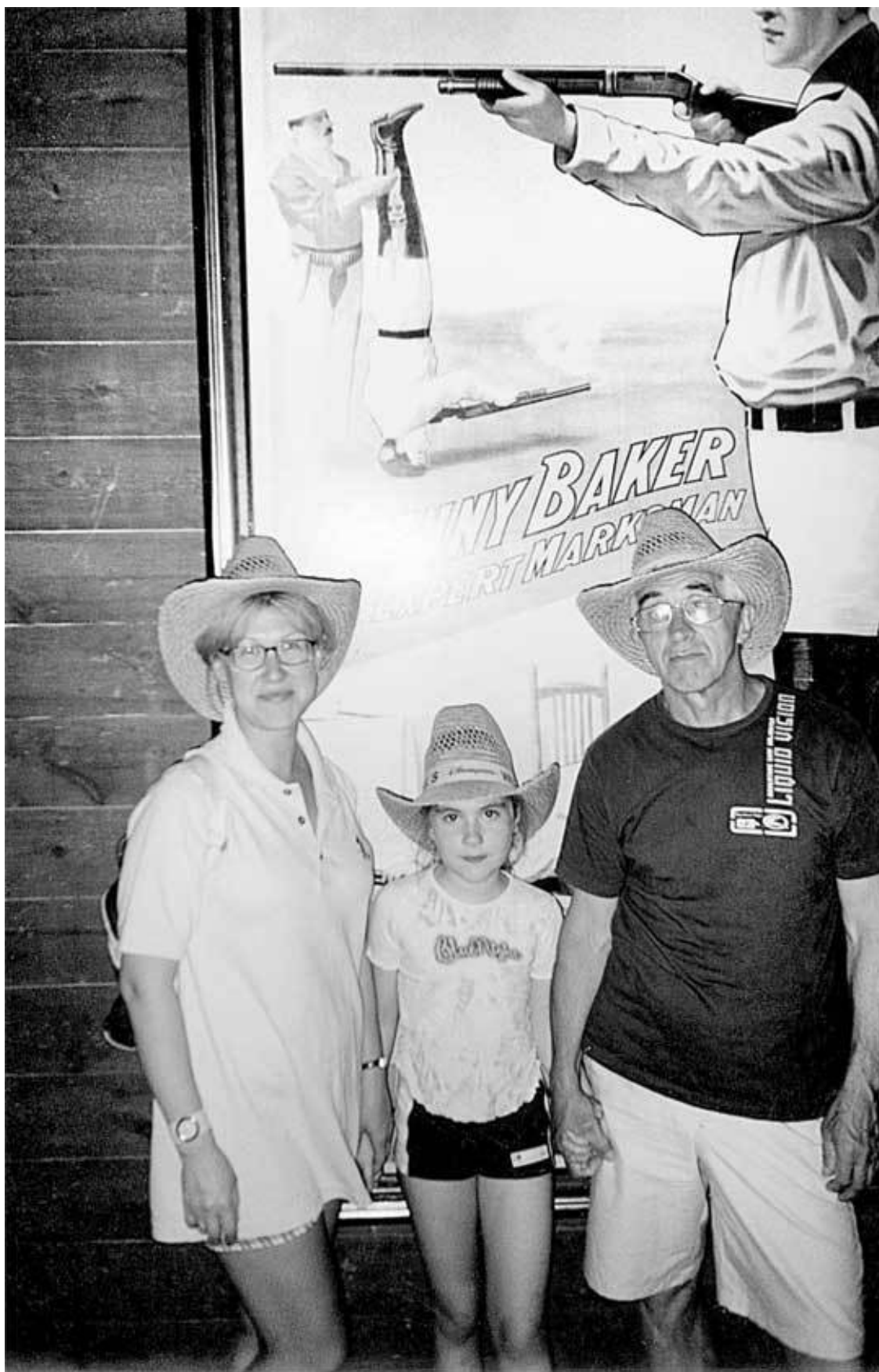
Вообще, кафе и рестораны, как и, конечно, гостиницы, в процентном отношении составляют самый большой объем впечатлений, получаемых в поездках. Просто потому, что в отеле и в ресторане вы побываете обязательно. Вот, например, прилетаю я в Мадрид. На два дня, само собой. Наши встречи с Гусинским проходят снова в отеле сети InterContinental, из чего я делаю вывод, что Владимир Александрович равнодушен к этому бренду. Обедать мы идем в заведение, которое лично знает Андрей Каморин, знаменитый член клуба «Что? Где? Когда?» и глава нескольких компаний, производящих для Гусинского телесериалы. Андрей – фанат Испании и местной кухни, поэтому гарантирует нам настоящий хамон во всей его красе. Но свободного времени остается лишь на то, чтобы дойти до Королевского дворца и обратно. Вот и получается, что в такой поездке главными пунктами являются гостиница и ресторан.

Пробелы мы компенсировали во время отпусков, которые теперь могли проводить в путешествиях. Поскольку и я, и Юлька – очень благодарные зрители и слушатели, довольно быстро выяснилось, что мы и путешественники тоже весьма непритязательные. Я с трудом могу вспомнить хотя бы один наш отпуск, которым мы остались недовольны. Разве что единственное посещение курорта в Турции, когда я ухитрился здорово отравиться. Поскольку наша первая совместная поездка, как помнят читатели, пришлась на Париж и его окрестности, на какое-то время именно Франция стала нашим любимым местом отдыха, причем столицей мы уже не ограничивались. Так получилось, что мы прикипели к Бретани и Нормандии – краю яблок, сидра и кальвадоса, гусиной печени и блинов из гречневой муки. Дочь, ученица начальной школы, сражала местных официантов тщательно проговариваемыми фразами: «Bonjour! S' il vous plaît: foie gras, jus de pomme, la crème brûlée. Merci!» Официанты в прямом смысле слова падали на пол от переполнявших их чувств, а дочь радостно хохотала. На машине из Парижа до Сен-Мало или Мон-Сен-Мишель, в зависимости от того, где находилась наша гостиница, мы добирались не торопясь, часа за четыре, а потом уже совершали вылазки в разные места. В одну из таких поездок мы взяли нашего дедушку, моего отца, впервые оказавшегося за границей в возрасте шестидесяти пяти лет! Дедушка настолько освоился в нормандских деревушках, что брал велосипед и вместе с внучкой отправлялся на экскурсии по местным фермам, возвращаясь обратно с огромным количеством всяких вкусностей. Как они объяснялись с местными жителями, я не представляю, особенно если учитывать, что познания дочери во французском языке ограничивались вышеприведенными предложениями, а дедушка вообще не знал ничего, кроме bonjour и merci.

Про моего отца за границей можно написать отдельную книгу! По дороге из лондонского аэропорта в отель он здорово нас напугал криком: «Смотрите, бетономешалка!» Оказалось, что его возбуждение объяснялось тем, что работавшая бетономешалка была чистой. В парижском

же Диснейленде, на Buffalo Bill's Wild West Show, мой абсолютно не употребляющий алкоголя отец увлеченно чередовал приобретенное нами красное вино с входившим в стоимость билета и, соответственно, бесплатным пивом. Не могу исключить, что впечатления, полученные им от трехнедельного путешествия по Англии и Франции, а также последующей через год поездки в Израиль серьезно повлияли на его решение уехать. Уже много лет мой отец живет «на исторической Родине» и успел снова превратиться в домоседа. Вытащить его куда-нибудь из ставшего столь привычным для него Реховота крайне тяжело!

А вот наши взрослые дети, много поездившие по Европе и много чего повидавшие, в свое время решили, что останутся в России, хотя с удовольствием вспоминают свои приключения в Старом Свете. Дочь хранит в памяти операцию по спасению нормандских ежиков, которых мы собирали на лужайке у нашей гостиницы и, чтобы они не попали под газонокосилку, увозили в ближайший лес. А старший сын – то, как синхронно переводил на немецкий фильм «Семнадцать мгновений весны» своим одноклассникам из школы в Швейцарии, или же то, как подрался с одним американцем, утверждавшим, что Гагарин не был первым человеком, полетевшим в космос.

Часть семьи Норкиных на шоу в Диснейленде

Наши же воспоминания о Швейцарии представляют собой картины крошечного городка под названием Фтан, разместившегося среди альпийских лугов. Добираться туда нужно было сначала на игрушечном поезде, а потом на автомобиле по настоящему горному серпантину. Жителей в этом городке, по-моему, было меньше, чем коров, будивших нас по утрам мычанием и звоном своих колокольчиков!

В одну из зим мы с Юлькой отправились открывать Скандинавию. Сев в Москве на поезд до Хельсинки, мы добрались до столицы Финляндии, где первым делом отправились на Сенатскую площадь с собором Святого Николая и памятником Александру II. У нас была своя семейная история, связанная с этим местом. Дело в том, что именно здесь в начале 1990-х состоялось знаменитое Total Balalaika Show, организованное Юлькиным отчимом, Игорем Агафонниковым, народным артистом России, профессором, одним из самых знаменитых хоровых дирижеров в истории СССР. Во второй половине 1980-х, уже после десятилетий работы в Большом театре и Государственном русском хоре, он возглавил легендарный Ансамбль песни и пляски имени Александрова и вывел этот коллектив на новый уровень. Александровцы запели не только советские патриотические и военные песни – они взяли на вооружение и классический репертуар, и самые неожиданные постмодернистские ходы. Одним из них и стало совместное выступление Ансамбля имени Александрова с популярнейшей финской панк-группой The Leningrad Cowboys, созданной режиссером Аки Каурисмяки. Концерт Total Balalaika Show собрал на Сенатской площади Хельсинки более семидесяти тысяч зрителей, и поскольку мы с Юлькой на нем не были, а смотрели только его видеOVERсию, естественно, нам хотелось побывать на этом месте боевой семейной славы.

Из Хельсинки мы отправились в Стокгольм. Туда нас доставил огромный паром компании Silja Line, которая тогда еще принадлежала финнам, а теперь, как я слышал, – эстонцам. Мы с Юлькой не были избалованы морскими круизами, поэтому даже столь скромный переход через Балтийское море произвел на нас большое впечатление. В первую очередь это относится к самому парому, где у нас была каюта с видом на море. Можно было заказать и каюту с видом на прогулочную палубу, так называемый «променад», заполненный барами, ресторанами, магазинами и прочими увеселительными и торговыми заведениями, но вид на море нам казался более правильным.

Хотя внутри парома Symphony тоже было на что посмотреть. Самым интересным было наблюдать за финскими мужчинами и женщинами, использовавшими поездку в качестве мероприятия алкогольного туризма. Некоторые местные напивались так, что едва стояли на ногах. Рядом с нами в ресторане, в котором принцип «шведского стола» распространялся в том числе и на алкогольные напитки, сидела финская пара, больше напоминавшая троллей, чем людей. Беседовали они очень неспешно и исключительно на английском языке. «I love you!» – кричал дядечка-тролль. «I hate you!» – спустя полминуты кричала в ответ тролль-тетечка. Это повторилось несколько раз, потом они обнялись и заплакали, а мы с Юлькой ушли, чтобы им не мешать.

Юлька встретила с Муми-троллем

В Стокгольме мы провели несколько прекрасных дней. Местные почему-то очень мерзли, хотя по нашим меркам было довольно тепло. Тем не менее, поддавшись на уговоры телевидения, мы вместе с тысячами других жителей города и туристами отправлялись по утрам подкармливать стокгольмских лебедей, которым, как говорили в новостях, необходимы были дополнительные силы. Хотя мне периодически звонили из Москвы с разного рода технологическими вопросами, отдых все равно удался на славу. Мы фотографировали друг друга на красных деревянных лошадках в парке Скансен, а в уютном музее Астрид Линдгрэн, к своему удивлению, обнаружили экскурсию на русском языке, хотя так и не поняли, почему сами шведы из всех персонажей своей великой сказочницы больше всего выделяют Пеппи Длинныйчулок, а вовсе не столь любимого у нас Карлсона.

Из Стокгольма мы снова вернулись в Финляндию, уже через Турку, чтобы оказаться в настоящей лесной глуши. В московском турагентстве меня поняли, видимо, буквально и поселили там, где вообще никаких людей не было! Когда мы приехали на какую-то рыбацкую базу, нас встретил только местный смотритель, который, вручив нам ключ от домика, тут же уехал, оставив нас в полном единении с природой. Чтобы не умереть с голоду, мы вызывали такси и ездили в ближайший город в ресторан или в продовольственный магазин, покупали там продукты и готовили сами, в своей лесной резиденции. Зато спали с открытыми дверями и окнами, завернувшись в кучу одеял, – все равно вокруг нас на многие километры не было никого!

Вообще мы с Юлькой – неправильные путешественники: не любим курорты «все включено», предпочитаем индивидуальные экскурсии групповым или просто выбираем странные с обычной точки зрения маршруты. Например, вместо Объединенных Арабских Эмиратов мы летали в Оман, только-только делавший первые шаги на международном туристическом рынке. Или же могли на неделю уехать в Суздаль, чтобы облазить все окрестные храмы, невзирая на самую ужасную погоду конца февраля – начала марта. Наши руководители не понимали этих экзерсисов. «Что можно делать целую неделю в Суздале?» – спрашивали меня Гусинский и Венедиктов. «Трахаться! – находил я самый понятный им вариант ответа. – Разве, работая с вами, можно найти время для личной жизни?»

Но, конечно, главным местом нашего туристического паломничества оставался Израиль, страна, идеальная для путешествий, хотя и дороговатая. Израильтяне ухитряются превращать в аттракцион каждый кусочек своей земли. Если кусочек большой – на нем строят сафари-парк, как в Рамат-Гане. Или Бронетанковый музей и парк миниатюр «Мини-Израиль», как в Латруне. Если кусочек маленький – там обнаруживается что-то, уже созданное даже не людьми, а самим Богом, например «Жена Лота»!⁴⁵

Отношение к Вере крайне важно для человека, путешествующего по Израилю. В окрестностях того же Мертвого моря можно найти немало интересного. От самого моря с его уникальными правилами купания в целебных водах и крепости Масада, являющейся олицетворением самых героических страниц еврейской истории, до заповедника Эйв-Геди, мимо которого вы, скорее всего, проскочите на машине, потому что даже не сможете себе представить, что в этой удушающей горной пустыне находится оазис с каскадом красивейших водопадов и богатым животным миром. Но согласитесь, если вы человек верующий, район печально прославленных городов Содомы и Гоморры предстанет для вас совершенно в ином качестве.

⁴⁵ Столб из каменной соли на горе Содом, в который превратилась жена Лота, ослушавшаяся Бога, запретившего беглецам оглядываться: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли. Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом». Бытие 19:24, 25, 26.

Я сижу верхом на одном из символов Швеции

Человеку неверующему, на мой взгляд, обидно посещать Иерусалим. Да, это безумно красивый город, особенно если вечером смотреть на него с гор! Но просто приехать туда, чтобы изучать как некую всемирную археологическую ценность, по-моему, неправильно. Когда же вы прикасаетесь своими руками к Голгофе, Камню помазания или к самому Гробу Господню, искренне веря в то, что и для чего вы делаете, вы преображаетесь! То есть меняетесь не только духовно, но и физически! Хотя, конечно, я понимаю, что говорю сейчас как человек, исповедующий православие. Соглашусь, но повторю, что для любого христианина, будь он православным, католиком или протестантом, его Вера на земле Израиля становится истинным путеводителем.

Разумеется, мне доводилось бывать в местах, являющихся территорией паломничества для представителей и других религий. Но в Израиле, а в Иерусалиме особенно, все переплетено настолько тесно, что провести границу между объектами, понятиями и традициями порой бывает невозможно. Например, если вы покинете пределы Старого города через Сионские ворота, то практически сразу попадете на гору Сион, где найдете здание, в котором на первом этаже находится синагога с гробницей царя Давида, – туда можно попасть и посмотреть на эту величественную усыпальницу. А на втором этаже того же здания – Горница Тайной Вечери, туда тоже можно свободно войти, только разговаривать придется исключительно шепотом. Наконец, на крыше все того же здания вы найдете минарет, потому что мечеть на этом месте существовала более четырехсот лет. Пожалуй, для полноты картины я еще добавлю, что даже последовали такого необычного религиозного движения, как растафарианство, считают Сион своей первоначальной Родиной! А еще на горе Сион, на небольшом католическом кладбище, похоронен Оскар Шиндлер, немец, спасший во время Холокоста тысячу двести евреев. Так что провести какое бы то ни было разделение всех этих интереснейших мест по религиозному принципу невозможно, да и не нужно.

Еще одним интересным примером такого сосуществования являются Голанские высоты, район на севере Израиля, где в многочисленных кибуцах выращивают решительно все: от апельсинов до осетров. Туристов на Голанах обычно возят смотреть римские термы или гору Хермон, самую высокую в Израиле, где размещен горнолыжный курорт. Мы же предпочитали «народные забавы», а именно спуск на надувных лодках по притокам реки Иордан. Я бы не назвал это развлечение полноценным рафтингом, потому что притоки Иордана, хоть и берут свое начало в горах, вовсе не столь агрессивны, как те реки, что обычно привлекают любителей этого экстремального вида спорта. Здесь рафтинг – исключительно семейный. В зависимости от численности нашей компании мы брали необходимое нам количество надувных лодок, бросали в них детей и пиво и отправлялись в путешествие, занимавшее до четырех часов. На маршруте присутствовала пара мест, где вы рисковали ощутимо стукнуться задницей о камни или же свалиться в моментально освежающую в жаркий день ледяную воду, но в основном путешествие выглядело как сеанс релаксации. Ощущение усиливалось от того, что по берегам реки размещались многочисленные арабские семейства. Они доставали из машин складные стулья и столики, расставляли на них кальяны и разнообразные закуски и лениво наблюдали, как мимо них проплывают надувные лодки с евреями. При мне ни разу никаких инцидентов не происходило, все было очень весело и очень душевно.

Хотя, конечно, нельзя быть уверенным всегда и во всем. И нападения палестинских экстремистов, вооруженных ножами, на иностранных туристов, к сожалению, в современном Израиле уже никого не удивляют. Но в стране очень много мест, которые граждане Израиля используют для совместного отдыха. Поэтому и вы, приезжая туда, вполне вписываетесь в их пестрые компании, будь то отели на берегах озера Кинерет, знаменитого Галилейского моря, или вагончики фуникулера в пещере Рош-ха-Никра на самой границе с Ливаном.

Глава 33

Во второй половине 2003 года телекомпания «Эхо ТВ» решила напомнить о себе российскому профессиональному сообществу, для чего мы приняли участие в национальном конкурсе ТЭФИ. Первый блин вовсе не вышел комом, потому что я ухитрился пролезть в номинацию «Ведущий информационной программы». Моими соперниками были Михаил Антонов, ведущий вечернего выпуска «Вестей» на «России», и Владислав Флярковский, представлявший «Новости культуры» на канале «Культура». Миша, с которым мы когда-то работали на НТВ, и вышел победителем. В следующем году я решил ТЭФИ пропустить, несмотря на то что Венедиктов активно лоббировал эту идею и потом говорил, что мы упустили свой шанс. Я же считал, что для телекомпании, существовавшей всего-то чуть больше года, участие в национальном профессиональном конкурсе – это хорошая возможность оценить свои силы, но для того, чтобы выдвигаться на ТЭФИ постоянно, мы были еще слишком слабыми.

Время показало, что я был прав. Наш следующий поход за телевизионной премией закончился точно так же, как и первый. В 2005 году я снова получил номинацию и снова проиграл представителю канала «Россия», на этот раз Марии Ситтель. Зато в 2006 году нас ждал настоящий прорыв, о чем я еще расскажу. Начальство RTVi оценило рвение подчиненных, так же как и то, что о нас заговорили не только в иммигрантской прессе. Пусть просто в качестве упоминания, перечисляя через запятую, но – заговорили! Было решено как-то закрепить информационный успех, и мы получили первый и последний большой «госзаказ»: сделать фильм, приуроченный к началу второго президентского срока Владимира Путина.

Заказ этот был озвучен программным директором RTVi Михаилом Галкиным, а за его выполнение взялся наш штатный политический обозреватель Павел Широ и режиссер Василий Береза. В титрах картины, получившей название «Товарищ президент», я значусь генеральным продюсером, поскольку курировал многочисленные переговоры, связанные с организацией съемок, запрошенных авторами сценария. Широ и Береза замахнулись на нечто, чего «Эхо ТВ» ранее никогда не делало: двухсерийный документальный фильм с большим количеством интервью, с использованием архивных кадров, с выездами в США и Великобританию. То, что у нас получилось, можно и сейчас увидеть совершенно спокойно, несмотря на завлекающие надписи «запрещенный фильм». Лучше смотреть на YouTube, потому что там не отвлекаешься на посторонние рекламные объявления типа «Тайну уже нельзя скрывать! Почему Галкин женился на Пугачевой?».

Запрещать «Товарища президента» никто, разумеется, не собирался, более того, «Интерньюс» Мананы Асламазян размножил наше произведение, перевел его на видеокассеты формата VHS и распространил по своим филиалам, чем я сейчас гордиться, конечно, не могу⁴⁶. Но это лишь идеологические претензии, которые я сегодняшний предьявляю самому себе образца 2004 года.

К сожалению, и с журналистской точки зрения гордиться фильмом тоже не приходится. «Товарищ президент» получился незамутненной агиткой с избирательным подбором спикеров и нарочито прямолинейным ассоциативным монтажом. Так, сразу после кадров первой инаугурации Путина встык шли архивные выступления Брежнева на съездах КПСС и его встречи

⁴⁶ АНО «Интерньюс Россия» входила в международную организацию Internews Network, созданную в начале 1980-х годов в США. Европейская штаб-квартира Internews расположена в Париже. Организация имеет филиалы более чем в семидесяти странах мира и заявляет своей целью процессы поддержки демократии, в том числе в области СМИ. Финансируется за счет грантов, выделяемых правительствами, а также многочисленными фондами, в том числе напрямую аффилированными с Государственным департаментом США. Например, Агентством США по международному развитию (USAID) и Национальным фондом в поддержку демократии (NED), чья деятельность неоднократно подвергалась критике за вмешательство во внутренние дела других стран.

с безостановочно аплодирующими трудящимися. Про президента, а точнее, про его ошибки и даже преступления в нашем фильме говорили «отец перестройки» Александр Яковлев и олигарх Борис Березовский, беглый генерал КГБ Олег Калугин и проживающий в Британии советский диссидент Владимир Буковский, обиженные журналисты Евгений Киселев и Виктор Шендерович, оппозиционные политики Борис Немцов и Борис Вишневский и другие люди, имеющие к Владимиру Путину целый ряд личных претензий.

Таким же образом были отобраны и преподнесены события, о которых рассказывал фильм. Даже чеченскую войну мы вписали в перечень путинских недостатков, хотя не могли не понимать, что она началась при Ельцине, а при Путине, напротив, закончилась! «Разгром НТВ» и «дело ЮКОСа», само собой, также присутствовали в более или менее подробном изложении. При этом в фильме зияли и совершенно необъяснимые стилистические провалы. Например, в первой серии присутствовал закадровый текст ведущего, его читал сам Павел Широв, а во второй серии – нет! Чего я, как «генеральный продюсер», вообще-то не должен был допускать. Съемки Березовского почему-то пришли с искаженным звуком, но возможности переснимать уже не было, так что в фильм вставили технический брак. В результате Малашенко в пух и прах разнес наше документальное творчество, фильм в эфире RTVi показали всего один раз, еще и нещадно порезав, чтобы сократить имевшиеся в нем неоправданные затянутости. Паша Широв воспринял это как личное оскорбление и спустя очень короткое время написал заявление по собственному желанию. А подобных «госзаказов» от руководства мы, слава богу, больше не получали.

Мне хватало и других неприятностей, которые создавались, можно сказать, собственными руками. В мае 2004 года нашу съемочную группу задержали в Большом театре во время проведения акции нацболов. Акция была приурочена к инаугурации Владимира Путина и заключалась в том, что во время антракта активисты НБП начали разбрасывать в зале антипутинские листовки. Национал-большевистская партия Эдуарда Лимонова в середине нулевых была, пожалуй, самой неугомонной политической организацией России. Ни одной недели не проходило без того, чтобы нацболы не влезли в какое-нибудь госучреждение, не вывесили провокационный плакат в людном месте или не попали в милицейский «обезьянник» после пикета. В какой-то момент в отделе полиции «Китай-город», расположенном в самом центре Москвы, на улице Ильинка, меня начали узнавать: так часто мне приходилось ездить туда за своими коллегами. Обычно истории с задержанием журналистов заканчивались в сам день задержания, то есть не заканчивались ничем. Но выходка нацболов оказалась более громкой.

Причин было две. Первая – все происходило в день инаугурации президента. Вторая – нацболы разбередили только-только начавшие затягиваться раны от трагической истории в другом театре, на Дубровке. Поэтому мне пришлось попотеть, ибо корреспондента Александра Орлова и оператора Владимира Бойкова обвинили в нарушении общественного порядка и привлекли к суду. Я снова, в который уже раз, обратился за помощью к коллегам, упоминавшим наших журналистов в своих репортажах. Согласно «Закону о СМИ», действия Орлова и Бойкова не являлись ничем предосудительным. На вполне уместные вопросы: «Что делали и как оказались ваши журналисты в Большом театре?» – у меня был только один ответ: «Выполняли свою работу». Правда, мало кто верил, что наша съемочная группа приехала в Большой снимать оперный спектакль, но по большому счету, простите за каламбур, нам неизвестны были подробности запланированной акции.

Кроме журналистов «Эхо ТВ» в Большом театре тогда же задержали и представлявшего печатный «Коммерсантъ» Олега Кашина, но вот судили его или нет, я не помню. Что же касается Орлова и Бойкова, то их признали невиновными на первом же заседании Тверского суда, еще до моего приезда. Тем не менее позже я попросил Сашу Орлова, открыто симпатизировавшего лимоновцам, чуть сбавить обороты. Он пообещал в будущем эту просьбу учитывать, но, как я предполагаю, обиделся.

Александр Орлов, который был первым сотрудником ТВ-6, обратившимся ко мне с просьбой взять его на «Эхо ТВ», имел серьезные проблемы со здоровьем. Однажды он заболел настолько сильно, что ему потребовалась госпитализация, а затем и длительный срок реабилитации. Мы с Юлькой упростили Гусинского полностью оплатить вынужденный простой в работе нашего корреспондента. Гусинский, который вовсе не горел желанием несколько месяцев держать полную корреспондентскую ставку без фактической отдачи, все же согласился. Сработал именно тот аргумент, что Орлов был первым, кто пришел на RTVi, и что Гусинский – не Березовский, который обещал выплатить долги по зарплате ушедшим с ТВ-6 журналистам, но обманул их. Каково же было мое и Юлькино удивление (а соответственно и восторг Гусинского), когда подлечившийся Саша вернулся в офис редакции и сообщил, что увольняется! Гусинский потом все время напоминал Юльке об этой истории. Мол, видишь, ты за них просишь, унижаешься передо мной, а они потом тебя ни в грош не ставят! Интересно еще и то, что Орлов вернулся на «Эхо ТВ», – но это произошло уже после моего увольнения.

Что же касается лимоновских акций протеста, то за судьбой ребят, оказавшихся в тюрьме, мы следили еще довольно долго: вопросы возникали не столько к властям, сколько к лидерам НБП, в частности, к самому Лимонову. Эдуард Вениаминович тогда казался мне кем-то вроде провокатора, который сам избегал наказания за действия своих последователей, ограничиваясь разве что попаданием в автозак и несколькими часами, проведенными в камере предварительного заключения. У самого Лимонова на это всегда был готовый ответ – мол, он свое уже отсидел. Но у родителей мальчишек и девчонок, поверивших своему вождю и пытавшихся отстаивать, пусть сомнительными методами, но – идеалы справедливости, а в результате получивших тюремные сроки, к лидеру НБП имелись серьезные претензии.

Сейчас Лимонов больше похож на какого-то водевильного дедушку. Он по-прежнему режет «правду-матку» в Интернете и радиоэфирах, но истинно революционного духа в нем поубавилось. Даже внешне Эдуард Вениаминович ныне смахивает не на пламенного трибуна, «агитатора, горлана-главаря», а на персонажа светской хроники, холеного и хорошо пахнущего. В общем, не как в песне группировки «Ленинград»: «Ты права, я – дикий мужчина: яйца, табак, перегар и щетина!» Щетина у Лимонова преобразилась в элегантно постриженную бородку, табак и перегар вообще отсутствуют, хотя яйца, несомненно, остались при нем.

Кстати, этого не скажешь о других оппозиционных политиках, вышедших в публичную плоскость в середине нулевых. Я имею в виду Гарри Каспарова и Михаила Касьянова, которые хоть и недолго, но числили Лимонова среди своих единомышленников. Когда Каспаров в 2004 году основал и возглавил «Комитет 2008», а потом еще и Объединенный гражданский фронт, Гусинский попросил меня встретиться с Гарри Кимовичем и обсудить программу поддержки его политической деятельности. Я сказал Гусинскому, что не собираюсь превращать телекомпанию в пиар-отдел Каспарова, но, если он будет заранее ставить нас в известность о своих планах, мы, по возможности, будем о них рассказывать. Гусинский очень быстро согласился, из чего я сделал вывод, что эту идею ему подкинул кто-то другой. Возможно, Венедиктов.

Получив вскоре приглашение от Гарри Кимовича, я приехал к нему в гости, где смог насладиться чудным угощением, которым нас потчевала его знаменитая мама, Клара Шагиновна. Сам же Гарри Кимович потчевал меня рассказами о том, что только его политические программы смогут изменить жизнь в нашей стране. Возможно, именно во время этого разговора с Каспаровым я с ужасом осознал, что теряю связь с реальностью. Сначала Киселев, потом Березовский, потом «говорящие головы» с «Эха Москвы»: год за годом я слышал одни и те же мантры от разных людей. Я попросил Каспарова предоставить нам подробный список мероприятий «Комитета 2008», в том числе – выездных, чтобы мы могли рассказывать о них в эфире. Он пообещал, и больше я с Гарри Каспаровым никогда не встречался. Тогда я подумал, что это очень странная, но часто проявляющаяся у наших оппозиционеров черта: они умеют

лишь говорить – долго, образно, красочно, – но, закончив свою речь, так и не приступают к делу, как будто считают задачу уже решенной.

А на Михаила Касьянова моих сил уже не хватило совсем. Если Каспаров еще демонстрировал какую-то активность, ругался с единомышленниками, выгонял их из своих организаций, уходил оттуда сам, оказывался под арестом и в конце концов получал по голове шахматной доской и кусал полицейских, то Касьянов с самого начала своей оппозиционной деятельности был нудным и приторным, как торт, который надели ему на голову аж десять лет спустя. Я, к счастью, уже дорабатывал свое время на «Эхо ТВ», откровенно отбывая номер. Касьяновские агитпоездки мы начали активно освещать году в 2006-м, у нас даже был выделен для этих целей специальный корреспондент, Аркадий Медведев, еще один выходец со «старого НТВ», примкнувший к нашему коллективу. К Аркаше у меня не было никаких претензий. Напротив, ценой лишь ему известных усилий он превращал скучнейшие мероприятия с участием Михал Михалыча в нечто смотрибельное. Но я уже устал сопротивляться самому себе. К тому же каждый раз при виде Михаила Касьянова в моей памяти всплывал фрагмент одной из программ Шендеровича, в которой тогда еще премьер Касьянов был представлен в рубрике «Зоология», и голос, стилизованный под моментально узнаваемую манеру Николая Николаевича Дроздова, говорил за кадром что-то вроде: «Этот зверек всегда надувает щеки и забавно басит». Цитата не дословная, но точная по смыслу. Так что Михаил Касьянов для меня всегда был тем, кто «забавно басит», и серьезно относиться к нему я просто не мог.

1 сентября 2004 года мы снова перешли на аварийный режим работы. Беслан для меня оказался даже страшнее «Норд-Оста», потому что теперь заложниками террористов оказались дети. Опять мы несколько дней провели в редакции, не покидая ее помещений. Опять выходили в эфир с экстренными выпусками новостей. Опять сообщали об ужасных итогах трагедии. Но самое неприятное – если можно так говорить в данном случае – заключалось в том, что в то время мы почти привыкли к жизни в условиях постоянной террористической угрозы. Если спросить вас сейчас, помните ли вы, что произошло в Беслане, все, конечно, ответят, что боевики захватили школу в этом городе. Но далеко не все смогут назвать правильную дату – 1 сентября 2004 года. И вряд ли кто-либо, кроме разве что журналистов или представителей иных связанных с информационными потоками профессий, вспомнит, какие еще теракты произошли в России в 2004 году. А ведь это был страшный год, год настоящего тотального террора. 6 февраля – взрыв бомбы в московском метро, в перегоне между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая». Погиб сорок один человек. 9 мая – взрыв на стадионе в Грозном. Убит президент Чеченской Республики Ахмат Кадыров. 21–22 июня – боевики Шамиля Басаева совершают нападение на столицу Ингушетии Назрань. Погибли девяносто пять человек. 24 августа – смертницы взрывают в воздухе самолеты «Ту-134» и «Ту-154», вылетевшие из аэропорта Домодедово. Погибли девяносто человек. И, наконец, взрыв у станции метро «Рижская» в Москве 31 августа. Еще девять погибших.

Но трагедия в Беслане затмевает все остальное. Возможно, это особенность человеческой памяти. Или психики. Мы не можем помнить только плохое, только страшное. Потому и запоминается только самое-самое ужасное. Этого никак не могут понять наши несгибаемые оппозиционеры, постоянно не критикующие, а ругающие страну. Нельзя, невозможно строить свои политические кампании на одном лишь негативе. Критикуйте, но предлагайте что-то свое! Обращайте внимание на ошибки, но не апеллируйте постоянно к трагическим страницам прошлого! Ругайте сегодняшних чиновников, но дайте людям надежду, заставьте их поверить вам, поверить в ваши силы! Нельзя все время думать и говорить только о плохом, ибо тогда ты теряешь смысл жизни. Желание жить. Я не пытаюсь сейчас найти какие-то доводы, которые доказывали бы, что сейчас в России все хорошо. Конечно, нет, я же не идиот, хотя многие мои критики пытаются меня таковым представить. Но я твердо уверен в том, что вижу: жизнь в России сейчас, в середине десятых годов XXI века, так же отличается от жизни в середине

нулевых, как и тот период отличался от времени, которое мы сейчас называем «лихими девяностыми»! Да, если хотите, «жить стало лучше, жить стало веселей»! И Сталин тут совсем ни при чем...

2005 год телекомпания «Эхо ТВ» встречала, крепко встав на ноги. Моя жена до сих пор уверена в том, что выход в эфир в сентябре того года телекомпания Russia Today (ныне RT. – А. Н.) был обусловлен необходимостью как-то ответить на факт нашего существования. Я, в силу своего врожденного скептицизма, скромнее оцениваю роль «Эхо ТВ» и RTVi в рождении Russia Today, но то, что за три года нам удалось с нуля создать пусть маленькую, но вполне профессиональную телекомпанию, – чистая правда. И если мы поспособствовали, пусть неосознанно, появлению телекомпания RT, выполняющей сейчас (и успешно!) задания огромной государственной важности, я этому очень рад. Потому что RT в сегодняшних условиях – наш щит в информационной войне. А RTVi с момента своего создания являлась камнем, вложенным в пращу. Такая вот грустная история.

В гости в «Эхо ТВ» зашел Николай Караченцов

Грустная она еще и потому, что наши цели, мои и Юлины, были исключительно светлыми и справедливыми. Думаю, что и многие из ребят, которые работали вместе с нами, считали точно так же. Никто из нас не приходил на работу для того, чтобы нагадить стране, в которой мы жили. Хотя черт его знает, кто что думал на самом деле.

Кадровый состав «Эхо ТВ» увеличивался и становился мощнее с каждым месяцем. Для наших либералов я снова стал «рукопожатным». Мы могли составить целый список звезд, появившихся в нашем эфире: Шендерович, Кара-Мурза, Николаев, Черкизов, совсем немного времени оставалось до присоединения к нашим рядам Михаила Осокина и Евгения Киселева. В эфире RTVi, в дополнение к программе «Реплика Андрея Черкизова», появилась аналогичная передача с – кто бы мог подумать! – Сергеем Доренко. Даже Тина Канделаки работала вместе с нами, поскольку Венедиктов сделал ее одной из интервьюеров радиостанции...

2005 год стал последним, когда я еще мог сдерживать удары Алексея Алексеевича. В сетке телекомпании и радиостанции существовало несколько общих проектов: «Плавленный сырок» Шендеровича, программа Владимира Кара-Мурзы или интервью, которые сегодняшним слушателям «Эха Москвы» известны под названием «Особое мнение». Все они выходили в эфир из нашей студии, из здания в Большом Палашевском переулке. Но Венедиктову этого уже не хватало. В какой-то момент он придумал ужасное слово «телевизация». Оно означало процесс перевода программ «Эха Москвы» в телевизионный формат. Нам грозило нашествие «Полных Альбацев», «Ищем выходов», «Кейсов» и «Клинчей» и множества других передач, которые Венедиктов хотел «телевизировать». Естественно, денег на качественную картинку под такие проекты никто выделять не собирался, но Алексея Алексеевича это вполне устраивало. Ему просто хотелось картинку.

Я был в ужасе. Я кричал Гусинскому, что мы превращаем канал в сетевое телевидение, для которого достаточно самой дрянной веб-камеры. Я пытался внушить ему, что такой путь развития компании – непрофессиональный и тупиковый. Он говорил, что я «ничего не понимаю» и что «Леша решает важную задачу». Юлька же «давила» на эмоции, на совесть нашего главного акционера. Она стала приводить примеры из недавнего прошлого, когда многие из тех, кто сейчас работал в телекомпании «Эхо ТВ», плечом к плечу выходили на бой в защиту свободы слова...

«Вы что? Совсем дурачки? – не выдержал Гусинский. – Какая свобода слова? Бабло! Все это делалось и делается ради денег! Это – бизнес! Я все равно бы вас продал, когда это стало бы выгодно. И сейчас продам. При чем тут «свобода слова»? Вы как дети прямо...»

Это было ужасно. Это было как пощечина, как удар ножом в спину, как предательство. Хотя, с другой стороны, это было правдой. И сказал нам эту правду прямо в глаза только Гусинский. Человек, ради которого мы были готовы на многое...

Лирическое отступление: Владимир Александрович Гусинский

Даже сейчас, по прошествии более чем десяти лет, я вряд ли могу подобрать эпитеты, точно описывающие те чувства, которые я испытал, услышав эти слова Гусинского. Зато сегодня я совершенно уверен в том, что благодарен Владимиру Александровичу за его открытость. Если бы эти обидные слова бросил мне в лицо кто-то другой – Федутинов ли, Венедиктов, даже сам Малашенко, – возможно, я бы не поверил. Ведь не поверил же я Евгению Киселеву, когда тот говорил мне: «Гусинский кинет тебя, как только ты перестанешь быть ему нужен!» Но в нашем случае все дополнительные вопросы отпадали сами собой, потому что ответ был получен из первоисточника: «Какая свобода слова? Бабло!»

Таким образом Гусинский, задолго до времени нашего фактического с ним расставания, подготовил меня к этому неотвратимому событию. Ибо, конечно, с того момента каждое свое решение, каждое свое слово в эфире я соотносил с разъяснениями Гусинского, спрашивая сам себя: «А стоит ли это делать? А стоит ли это делать *так?*» И все чаще ловил себя на мысли, что не стоит. Хотя окончательно желание уйти – вернее, осознание невозможности продолжения этой работы и этой жизни – сформируется у меня только года через полтора. Все-таки моя нерешительность – ужасное качество характера!

С другой стороны, я не держу на Гусинского ни обиды, ни зла. Более того, пожалуй, я скучаю по этому человеку! Единственному из числа всех моих бывших руководителей. И объяснить этот парадокс я не могу, потому что прекрасно понимаю, что ответственность за все те драмы, а в некоторых случаях и трагедии, которые сопровождали меня и многих моих знакомых начиная с 2000 года, лежит целиком и полностью на Гусинском! Он был главным героем и антигероем истории НТВ, а затем и RTVi. Но поскольку именно он (и только он!) честно признался, что использовал меня и моих коллег ради достижения своих личных целей, ради собственной материальной выгоды, я и не могу на него обижаться. На других, тех, кто продолжает пускать в глаза окружающим эту пыль про свободу слова и прочие идеалы либерализма, – могу! А Гусь оказался каким-то тефлоновым, непригорающим...

После ужина. Справа от Владимира Гусинского – продюсер Владимир Досталь

Я никогда не называл его Гусем. И сейчас не называю, хотя он, конечно, и заслуживает это прозвище, и соответствует ему. Он – заносчив, он – задавака и хвостун, он довольно часто принимает, мягко говоря, необдуманные решения. Когда режиссер Владимир Бортко, сделавший для Гусинского первые части ставшего культовым сериала «Бандитский Петербург», принес ему заявку на экранизацию романа Достоевского «Идиот», Гусинский сразу же заявил, что эту чушь и туфту никто смотреть не будет. Бортко начал возражать. Гусинский не соглашался. Рассказывают, что тогда дело у них едва не дошло до драки. В конце концов Бортко плюнул и ушел. И это несмотря на то, что они оба задумывались о съемках «Мастера и Маргариты»! Но Владимир Владимирович решил, что больше он с Владимиром Александровичем работать не будет. И снял «Идиота», а впоследствии и «Мастера и Маргариту» для канала «Россия». Когда фильм по роману Достоевского вышел на экраны и просто порвал всех конкурентов, Гусинский с каким-то мазохистским удовольствием говорил: «Вот видите, какой я был мудака! Не послушался Бортко!»

В то же время на шутки в свой адрес Гусинский иногда обижался. Хотя и ненадолго, потому что старался извлечь из каждой такой истории как минимум урок. А как максимум – выгоду. Игорь Малашенко часто подтрунивал над Гусинским, порой довольно зло, потому что использовал свое очевидное интеллектуальное преимущество перед Владимиром Александровичем. Это могло выглядеть так. Гусинский, сидящий на балконе своей квартиры в Тель-Авиве, рассказывал нам о каком-то элитном поселке на Восточном побережье США. По его словам, там проживали представители самых известных и самых богатых династий: Ротшильды, Рокфеллеры, Гуггенхаймеры и другие. Малашенко, слушавший рассказ Гусинского в полном молчании, внезапно оживал и бросал реплику: «Володь, а Гуггенхаймеры – это кто? Гибрид Гуггенхаймов и Оппенгеймеров?» Гусинский понимал, что сказал что-то не то, но что именно – он не знал, поэтому начинал краснеть, бледнеть, зеленеть и совершенно откровенно злиться.

Если ситуация не требовала ответа, Владимир Александрович сам переводил все в шутку, подчеркивая, что «Малашкин» (так он иногда называл Малашенко) – самый умный человек, которого он когда-либо встречал в жизни. Впрочем, иногда он отвечал своему мучителю. Одна чудная история имела место еще в Москве. Малашенко в канун праздника Песах почему-то решил поинтересоваться у Гусинского, чем иудейская Пасха отличается от христианской. «Да ничем!» – ответил Гусинский, приведя Малашенко в абсолютный восторг. Дальнейшие события я привожу так, как о них рассказывал сам Игорь Евгеньевич.

«Я сижу у себя в кабинете. А прошло с того разговора дня два или три. Звонит телефон. Гусинский. «Зайди!» Я иду к нему в кабинет, открываю дверь и вижу следующую картину: во главе стола для переговоров сидит Володя, а по бокам от него – человек восемь или десять раввинов! И все смотрят на меня. «Значит, так!» – говорит Гусинский и начинает читать мне лекцию о празднике Песах!»

Приведенные выше факты свидетельствуют об умении Гусинского извлекать уроки из самых неожиданных ситуаций. Теперь о том, что касается выгоды. Причем здесь снова присутствуют шутки Малашенко! Как-то, после второй по счету попытки испанской полиции посадить Гусинского под арест, он спросил его: «Володь, а ты по происхождению кто?» Гусинский, уже поднаторевший в теории, начинал говорить, что, конечно, он происходит из ашкеназских евреев. На что Малашенко, как всегда, после издевательской паузы отвечал: «Да нет, ты, Володя – обыкновенный сефард! Отовсюду-то тебя гонят, даже из Испании пришлось убежать!»⁴⁷

Гусинский тогда не обиделся. Он посмеялся над приведенной аналогией и задумался о своей непростой судьбе, потому что Малашенко подтолкнул его мысли в правильном направлении. Дело в том, что в Испании в свое время был принят закон, согласно которому потомки евреев-сефардов имели право на испанское гражданство, в случае если они могли доказать, что именно их предки были изгнаны с насиженных мест пятьсот лет назад. Владимир Александрович моментально прекратил кичиться своим ашкеназским происхождением и дал задание адвокатам добыть доказательства его принадлежности к испанским изгнанникам. Что и было сделано, в результате чего в 2007 году в кармане Гусинского в дополнение к израильскому паспорту оказался еще и паспорт гражданина Испании! Это практически решило все гипотетические проблемы с запросами на экстрадицию, поскольку Испания не выдает своих граждан, обвиняемых в совершении преступлений в других странах.

Вообще, свою национальность Гусинский всегда использовал очень мудро. Еще в 1996 году он стал первым президентом только что созданного Российского еврейского конгресса, а позднее был избран и вице-президентом Всемирного еврейского конгресса, что ставило его в один ряд с многими весьма влиятельными персонами. По этой причине Березовский испытывал к Гусинскому страшную ревность! Борис Абрамович никогда не пользовался даже частью того уважения, которое проявляло к Владимиру Александровичу, так сказать, «мировое еврейство». Но, в отличие от Березовского, Гусинский действительно много сделал для того, чтобы это уважение заслужить. Одних только синагог он построил, наверное, не меньше десятка, и в России, и в других странах. При этом сам он не был религиозным человеком. Он мог строить синагоги, но я ни разу не слышал, чтобы он их посещал на регулярной основе. В русском языке есть термин «невоцерковленный». Так вот, Гусинский был человеком «невосинагогленным», если такое слово имеет право на существование.

В светском еврействе Гусинский также обходился без фанатизма. Некоторое, очень непродолжительное, время он честно пытался изучать иврит, но бросил это дело, заявив, что

⁴⁷ Ашкеназы и сефарды – субэтнические еврейские группы, сформировавшиеся в Центральной Европе и на Пиренейском полуострове соответственно. В конце XV века, после изгнания с территории современных Испании и Португалии, вторая группа и стала именоваться «сефардами», что в переводе означает «испанцы».

«ни черта не понимает в этих рыболовных крючках»! Когда он еще бывал в Израиле наездами, его незнание языка приводило к некоторым недоразумениям. «Кто вы?» – спрашивали его на границе. «Бизнесмен», – отвечал он. «А что у вас за бизнес?» – «Я совладелец газеты Maariv». – «Вы говорите на иврите?» – «Нет». – «Вы владеете газетой Maariv и не говорите на иврите? Как же вы ее читаете?» – «Я ее не читаю. Я ее издаю!» – гордо отвечал Владимир Александрович.

Но если говорить серьезно, то именно история (а я бы даже сказал – авантюра) Гусинского с Maariv очень хорошо дополняет его портрет. Я уже описывал характер его деятельности, связанной с холдингом «Медиа-Мост»: деятельности, которая очень часто начиналась по наитию, продолжалась на авось и заканчивалась крахом. Хотя сам Владимир Александрович всегда считал, что поступает верно. Разочарование приходило позже и от того становилось более горьким. Почему в *таких* случаях он не извлекал уроков из неудач, судить не берусь. Скорее всего, такова особенность его характера.

В одну из ведущих газет Израиля Гусинский вложил около восьмидесяти пяти миллионов долларов. Это произошло в 1998 году, причем покупка двадцати семи процентов акций издания стала второй крупной сделкой Гусинского в этой стране. Годом ранее он приобрел десять процентов акций одной из компаний кабельного телевидения, заплатив более двадцати четырех миллионов. Покупка внушительного пакета акций популярной газеты должна была подтолкнуть Гусинского к вершинам израильского истеблишмента. Хотя бы потому, что до него ни один приехавший из России человек с деньгами не покупал ничего, кроме недвижимости.

Гусинский рассчитывал, что покупка газеты поможет ему и политически, и финансово. С первой половиной задачи он худо-бедно справился. А вот со второй половиной как-то не удалось. Начиная сделку по Maariv, Гусинский настраивался на ведение бизнеса с главой издательского холдинга Яаковом Нимроди. Как я уже говорил, Владимир Александрович всегда питал слабость к сотрудникам спецслужб, а Яаков Нимроди как никто другой подходил под это определение, потому что добился больших профессиональных успехов, работая в службе политической разведки Израиля «Моссад». Например, он считался наиболее влиятельным израильским агентом в Иране времен шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. Однако в силу своего более чем почтенного возраста старший Нимроди передал дело своему сыну Оферу, человеку, чья репутация по степени своей подмоченности превосходила репутацию Гусинского просто на порядки. Среди обвинений, которые в разное время предъявлялись Оферу Нимроди, были дача взяток, подкуп свидетелей, мошенничество и даже подготовка убийств конкурентов и свидетелей, проходивших по его судебным процессам. Отсидел он гораздо больше, чем Гусинский с его трехдневным пребыванием в Бутырской тюрьме.

Гусинский делал вид, что прошлое его делового партнера не имеет никакого значения: «Читателей газеты не интересует, кто ее владелец. Тех, кто пьет пиво, интересует качество напитка, а не репутация его производителей», – говорил он. Но дело не пошло. Популярность газеты стала падать, акционеры несли убытки и сначала обвиняли друг друга в непрофессионализме, а потом и вовсе скатились к судебным дрызгам. К чести Гусинского, для которого прокол с Maariv стал первой серьезной неудачей в медиабизнесе (если не считать таковой историю с НТВ, конечно), он изо всех сил старался спасти газету. Вернее, как мы теперь уже понимаем, спасти свои деньги. Он постоянно ругался с Советом директоров, требуя провести массовые сокращения в редакции. С этих встреч он всегда возвращался раздраженным, кричал, что журналисты газеты его ненавидят, партнеры ненавидят, весь мир против него и т. д. В таком состоянии он часто переносил свой гнев и на нас, очевидно подозревая, что все журналисты мира состоят в тайном заговоре против него.

В общем, как говорили на футбольном поле в моем дворе, «замах был на рубль, а удар – на копейку». Вся эта бодяга тянулась без малого десять лет, до того момента, когда Гусинский не вышел из дела. По его словам, он потерял на газете Maariv около пятидесяти миллионов

долларов. Но я могу привести и другие, менее громкие примеры его не слишком успешных бизнес-проектов в Израиле. Когда я еще только познакомился с ним, Гусинский уже продавал израильскую сеть знаменитых магазинов звукозаписи Tower Records. Причем продавал себе в убыток! «Зачем же вы ее покупали?» – спросил я его. «Да черт его знает!» – честно ответил Гусинский.

Точно так же не мог он найти объяснения того, зачем ему понадобился тель-авивский баскетбольный клуб «Хапоэль», золотое время которого приходилось на далекое прошлое, а именно – на 60-е годы XX века. При Гусинском «Хапоэль» тоже ничего не выиграл, хотя после него совсем развалился: вылетел в низшую лигу и потерял свою домашнюю арену «Бейт Усиш-кин». Я там был один раз, когда команда Гусинского принимала московское «Динамо» в матче какого-то европейского клубного турнира. Если бы меня не доставили за руку на место проведения матча, я бы никогда не догадался, что странное сооружение, напоминающее раздувшийся до огромных размеров ангар какого-нибудь провинциального вещевого рынка из 1990-х годов, является баскетбольной ареной. Внутри все было еще ужаснее, потому что вентиляция почти не работала и полторы тысячи зрителей (это была максимальная загрузка зала) сожрали все запасы кислорода за пару минут. «Хапоэль» тогда выиграл. Зрители скандировали: «Гусинский, Гусинский!» – а Владимир Александрович, скромно улыбаясь, отвечивал поклоны направо и налево. После трех лет увлечения баскетболом Гусинский продал команду – опять же понеся финансовые потери.

Почему он не просчитывал возможные последствия? Почему не считал собственные деньги, которыми, безусловно, очень дорожил? Тем более что рядом с ним всегда были люди, к мнению которых он мог бы прислушаться? Например, Джан Замани – вице-президент, а затем и председатель Совета директоров «Мост-банка», человек, который играл огромную роль в империи Гусинского в ее лучшие годы. Джан очень редко приезжал в Израиль, большую часть времени он проводил, как было принято говорить, «сидя на Скале». Уехав из России вместе с Гусинским и Малашенко, Замани занимался финансовыми вопросами Владимира Александровича, возглавляя дочернюю компанию «Моста» на Гибралтаре. Ему всегда можно было хотя бы позвонить! По версии Гусинского, Замани не любил прилетать в Израиль из-за придирчивости местных пограничников. С этим, пожалуй, стоит согласиться, потому что у любого израильского пограничного чиновника обладатель паспорта с именем «Джаванфар Замани» вызывал неподдельный интерес, и вовсе не потому, что прилетел на частном самолете. Гусинский всегда веселился, описывая нам очередной «теплый прием», оказанный коллеге на Святой земле.

Грустил Гусинский редко. Думаю, что всего несколько раз я видел его без улыбки на лице. Даже если он вдруг впадал в гнев – а такое как раз бывало периодически, – через несколько минут возвращался в свое прежнее благодушное состояние. Я уже рассказывал, как он знакомил меня с первыми информационными выпусками RTVi, выходившими в эфир из Нью-Йорка. В гостинице Dan наш канал тогда еще не показывали, поэтому я несколько вечеров подряд приходил к Гусинскому домой. В один из таких вечеров он усадил меня перед телевизором и, нетерпеливо потирая руки, как бы предвкушая предстоящее удовольствие, сообщил, что сейчас будет прямая трансляция из Вашингтона. «Буш сейчас будет! В прямом эфире!» Он включил телевизор, и на экране возникла сцена из балетного спектакля. «Это межпрограммка!» – тут же нашелся Гусинский. Но прошла минута, другая... Для так называемой межпрограммки ролик был явно затянут. Я робко предположил, что канал RTVi показывает своим зрителям балет. Гусинский взял телефонную трубку и стал звонить Марку Меерсону: «Марк! А что у нас происходит? Что у нас в эфире? – пауза. – Какая... лядь, на... уй, «Жизель»? Где... лядь, Буш?» Я не слышал, что отвечал Марк, но, честно говоря, тоже не понимал, с какого перепугу в эфир попало творение композитора Адана? Этот вопрос интересовал меня гораздо больше, чем «где... лядь, Буш?»

Велев Марку оставаться на трубке, Гусинский с другого аппарата стал звонить в Нью-Йорк, программному директору канала Михаилу Галкину, чтобы задать ему тот же вопрос про Буша. Потом он сказал, чтобы Галкин объяснился с Меерсоном, повернул телефоны так, чтобы динамик одного касался наушника второго, и застыл. Напомню, я фактически знакомился и с новым местом работы, и с новыми работодателями, так что более странной картины для создания первого впечатления я, конечно, и представить, не мог. Гусинский сначала очень разозлился. Было видно, что он раздосадован тем, что выглядит дураком. Тем более когда выяснилось, что он сам все и перепутал и выступление Джорджа Буша должно было состояться только на следующий день. Но в таком состоянии он продержался всего несколько секунд, а потом фыркнул и стал хохотать...

Все эти забавные истории, тем не менее, не лишены серьезного смысла. В определенный период жизни Владимир Гусинский, по натуре своей человек творческий, увлекающийся, яркий, превратился в настоящего баловня судьбы, который не считался ни с какими потерями. Ни с финансовыми, ни с человеческими. Он очень удачно монетизировал свою жизненную энергию, свою коммуникабельность, свою наглость и свою целеустремленность, добившись стремительного успеха. Этот успех сыграл с ним злую шутку, потому что в конце концов заставил совершить ошибку, расплата за которую все еще не завершена. И, по-моему, Владимир Александрович стал это понимать. «Если я совершаю ошибку – это моя вина», – сказал он в том самом интервью израильскому изданию The Marker, которое я уже пару раз коротко упоминал.

А между тем это совершенно программное интервью. Потому что ни до, ни после октября 2009 года Гусинский не беседовал с журналистами столь подробно и откровенно. Его прямая речь всегда сводилась к кратким заявлениям на телекамеры. Исключением были только его визиты на «Эхо Москвы» во время войны «Моста» за «Связьинвест», когда Гусинский просто проводил в эфире радиостанции пресс-конференции и требовал отставки правительства, которое не позволило ему реализовать его деловые планы, и программа НТВ «Глас народа», о которой я уже рассказывал. После отъезда из России публикации мнения Гусинского по тем или иным вопросам можно сосчитать по пальцам одной руки. Да и то все эти «ответы Гусинского» на самом деле писал Малашенко. Поэтому к беседе Гусинского с сотрудником The Marker Натаном Липсоном следует относиться гораздо внимательнее.

Начать с того, что просьба об интервью исходила от самого Гусинского. Как рассказывал позднее Натан Липсон, с соответствующим предложением к нему обратился Арнон Перлман, бывший советник премьер-министра Израиля Ариэля Шарона и давний бизнес-партнер Гусинского. Никакого предварительного согласования вопросов не было, как не было и правки текста со стороны Гусинского. Липсон предположил, что Перлман, который присутствовал при их встрече в квартире Гусинского, готовил Владимира Александровича к интервью. «Оба они знали заранее, какую идею постараются донести», – пояснил журналист.

Когда номер The Marker с этим материалом вышел в свет, наибольший интерес вызвала вторая часть беседы. В первой Гусинский рассказывал о своем бизнесе в Израиле, об отношении к этой стране, о местных политиках и т. д. А во второй – говорил о России. О том, что произошло до его отъезда и что он думает относительно будущих событий. Очень многие тогда пришли к выводу, что вся эта история с интервью затевалась именно ради его «российского» фрагмента. И с этим трудно было не согласиться, ведь, как дополнял тогда сам Натан Липсон, сразу после бегства из России Гусинский особенно выражений не выбирал: «Ельцин, возможно, не был демократом, но он был царем России, он не был ничтожеством. Он не был мелким человеком из КГБ, как Путин. Ельцин был великим человеком, а Путин – ничтожество». Из-за этого заявления у Гусинского даже произошла размолвка с Шароном, хорошими отношениями с которым, как я уже говорил, Гусинский очень дорожил. Вот что он сам рассказывал: «В сентябре 2001 года Шарон посетил Москву, где встречался с Путиным. После своего визита в Россию Шарон позвонил мне и сказал: «Давай встретимся». «Смотри, ты не прав в

своем отношении к Путину», – сказал мне Шарон. Мы начали спорить. Он сказал мне: «Оставь свои политические лозунги!» Затем добавил, что он уважает Путина и симпатизирует ему. Он сказал, что Путин делает для России самое лучшее, что только можно для нее сделать».

Получалось, что именно эту идею Гусинский и хотел донести *urbi et orbi*.

«Н. Липсон: Ты потерял все свои вложения в «Медиа-Мост»?

В. Гусинский: Это слишком болезненный для меня вопрос. В соответствии с подписанным мной договором, я не могу распространяться на эту тему. Сегодня я лишь могу сказать, что у меня нет к ним претензий и у них нет претензий ко мне. Это закончилось на все сто процентов. Я могу сказать, что со мной поступили порядочно. (...)

Н. Липсон: Что ты думаешь сегодня о Путине?

В. Гусинский: Я был знаком с ним еще до того, как он был избран президентом. Я ценил его. Он сделал много хороших вещей. Он был порядочным человеком. Не думаю, что что-то изменилось с тех пор.

Н. Липсон: Когда ты понял, что он тебе не симпатизирует?

В. Гусинский: У него были причины меня не любить».

Как я уже говорил, эти слова Гусинского вызвали бурю возмущения. Причем в основном возмущались его бывшие подчиненные и единомышленники: либеральные журналисты, коллеги-олигархи, оппозиционные политики. Я тогда работал на «Пятом канале» в Петербурге. Когда я увидел весь этот шквал обвинений в «продажности Кремлю», я позвонил Гусинскому. Мы не разговаривали на тот момент два года. Он был очень осторожен в начале беседы. Я сказал, что прочитал его интервью, полностью его поддерживаю, считаю, что он все сказал правильно и поэтому не должен обижаться на те отклики, которые появились в связи с публикацией. Он ответил, что и не собирается обижаться, хотя мне показалось, что все же он надеялся на другую реакцию.

Еще через три года я снова позвонил ему, чтобы поздравить с шестидесятилетием, ну а в 2013 году мы впервые встретились спустя шесть лет после нашего крайне эмоционального расставания. Мы с Юлькой были в отпуске в Израиле, а он приехал туда отмечать день рождения. На праздник мы, естественно, не пошли, но очень мило поболтали у него дома. Мы фотографировались друг с другом, он называл нас «Юлька» и «Андрюха» и выглядел очень довольным. Возможно, потому что нам от него ничего не было нужно. И ему от нас – тоже.

Я понимаю, что Гусинский перевернул мою жизнь. Не хочу сказать, что он ее сломал, но не исключено, что не будь его – все у меня сложилось бы менее драматично и гораздо более спокойно. Высота моего взлета – не карьерного, а того, в результате которого формируется образ жизни – оказалась настолько головокружительной, что, когда взлет превратился в падение, я едва не разбился. А вместе со мной и моя семья, любимая женщина и четверо детей. Я понимаю, что еще легко отделался, ведь далеко не каждому, вовлеченному в эти драматические события вокруг телекомпаний НТВ, ТВ-6 и RTVi, удалось выкарабкаться из той трясины, в которую всех нас заманил своей располагающей улыбкой Владимир Александрович. Я все это понимаю! И все же не могу избавиться от ощущения странной, мучительной привязанности к этому человеку...

«Н. Липсон: Ты хотел бы вернуться и заниматься бизнесом в России?

В. Гусинский: Да.

Н. Липсон: Почему?

В. Гусинский: Я родился в этой стране. Я говорю на русском языке. Я не совсем в изгнании. Однако я считаю Россию своей страной. (...)

Н. Липсон: Если бы Путин пригласил тебя вернуться, ты вернулся бы?

В. Гусинский: Да».

Если когда-нибудь Владимир Гусинский вернется в Россию и мне доведется с ним встретиться, я буду рад этой встрече. И скажу: «Добро пожаловать домой!»

Часть 6. «Какая свобода слова? Бабло!»

Глава 34

«Откровение» Гусинского от своих коллег я скрыл. Моя логика была простой: если я расскажу ребятам об этом, то поставлю их перед необходимостью выбора. Особенно тех, кто пришел работать на RTVi по тем же причинам, что и я, то есть не за деньги, а за идею. И вдруг всем стало бы понятно, что их обманули, причем уже давно. «Все ли смогут продолжать работать с той же самоотверженностью, что и ранее?» – думал я. И не захотел ломать налаженную жизнь телекомпании. Другое дело, что я сам как раз и должен был делать этот выбор, потому что все мои иллюзии прежних лет оказались развеянными! Понятно, какой выбор я сделал. Я опять смалодушничал. И опять остался. И объяснение, что уходить мне было некуда, сейчас представляется слабым утешением. Потому что в конце концов я все-таки ушел, не имея никакого представления о том, куда я уйду.

А тогда я спрятался в свою работу, в ежедневный поток новостей, которые нужно было из него вылавливать, переносить на бумагу и сообщать нашим зрителям. Новости никогда не кончались, так что прятаться за них было очень удобно. Хотя с подбором информации, соответствовавшей нашей редакционной политике, становилось все труднее. Круг тем сжимался все уже и уже. Мы были обязаны реагировать на любые события, связанные с какой бы то ни было активностью политической оппозиции. Журналистам хорошо известно, что для создания репортажа недостаточно съемок с одной лишь пресс-конференции. Даже если на этом мероприятии была обнародована какая-то сверхсенсационная информация, новостному сюжету необходима драматургия. В нем должно присутствовать и развитие темы через какие-то подробности, и мнение противоположной стороны, и так называемый «бэкграунд», разъясняющий зрителю, почему все произошло именно так, а не иначе, с чем это связано и т. д.

Для нас все эти правила, к сожалению, стали формальностью, которую можно (и нужно) было игнорировать. Наши камеры приезжали на какой-нибудь оппозиционный круглый стол и широкими мазками снимали говорящие головы. И руки обладателей этих голов для перебивок, требующихся для монтажа. На такие выезды корреспондента можно было даже не отправлять, операторы сами прекрасно справлялись. В преддверии больших политических событий, типа выборов, таких тем в наших новостях становилось больше. После них – меньше. Но поскольку запрос на исключительно критическое содержание наших программ никто не отменял, работать становилось все труднее.

Иногда жизнь подбрасывала нам информационные подарки. Думаю, что сейчас уже многие забыли чудную историю, случившуюся в начале 2004 года с кандидатом в президенты страны Иваном Петровичем Рыбкиным, которого Господь для чего-то свел с Борисом Березовским, напугал до полусмерти, но все же оставил в живых. Напомню, Березовский финансировал избирательную кампанию Рыбкина, а предвыборный штаб Ивана Петровича возглавляла бывший руководитель ОРТ/«Первого канала» Ксения Пономарева, давно сотрудничавшая с Борисом Абрамовичем. Еще в 1997 году много шума в прессе наделал так называемый «грузинский десант», когда работников «первой кнопки» как-то внезапно отвезли в Грузию. Ксения Пономарева объясняла это газете «Коммерсантъ» следующим образом: *«Березовский здесь вообще ни при чем. Бадри Шалвович Патаркацишвили сказал: «Ребята, что-то мы редко общаемся. Давайте соберем всех телевизионщиков и полетим на пару дней в Грузию». Я его спрашиваю: «Бадри, зачем летим?» – «Поужинать». В Кахетии все прекрасно поужинали, съели и выпили немереное количество всего. Березовский прилетел раньше, чем прилетели все,*

и улетел раньше, чем все... А вообще журналисты иногда все себе так сложно представляют, хотя на самом деле все гораздо проще!»

Запомните последнее предложение, пожалуйста, оно нам еще пригодится. Вернемся к Ивану Рыбкину. 5 февраля он пропал. 8 февраля его жена написала заявление в милицию. А 10 февраля Рыбкин нашелся – почему-то в Киеве. Дальше начался какой-то совершенно непристойный фарс, участие в котором приняли все вышеназванные персонажи. Сам Иван Рыбкин сначала говорил, что просто уехал в Киев отдохнуть и погулять, потому что там была хорошая погода. С его слов также выходило, что он периодически устраивает для себя подобные выходные, причем не предупреждая собственную супругу. Ксения Пономарева и Борис Березовский выступили дуэтом, практически слово в слово повторяя друг друга. Они усомнились в версии Рыбкина. Пономарева заявила, что «если все действительно так, как рассказывает Рыбкин, то это не повышение эффективности его избирательной кампании, а конец политической карьеры». А Березовский сказал, что «если все на самом деле так, как рассказал Рыбкин, то такого политика больше не существует».

Правда, чуть позже «лагерь Березовского» придумал другие объяснения таинственного исчезновения Ивана Петровича. Уже 13 февраля Рыбкин собрал пресс-конференцию – внимание! – в Лондоне. Он рассказал, что его заманили в Киев агенты ФСБ. Они якобы пообещали ему встречу с тогдашним президентом Ичкерии Асланом Масхадовым, но накормили отравленными бутербродами, после чего Иван Петрович потерял сознание, очнувшись только по прошествии четырех суток. По словам Рыбкина, когда он пришел в себя, ему показали видеозапись компрометирующего характера и потребовали сняться с выборов, иначе эта запись стала бы достоянием гласности. Что было на пленке, Рыбкин говорить отказался, ограничившись фразой «отвратительное видео». Пономарева и Березовский поддержали новые объяснения Рыбкина, который сообщил, что будет вести избирательную кампанию из-за границы. Но уже 5 марта он снял свою кандидатуру с выборов.

Естественно, эту историю мы активно освещали в наших выпусках. Особенно в то время, когда Рыбкина искали и не могли найти. Шутка ли, пропал без вести оппозиционный кандидат на пост президента России! Когда же Рыбкин нашелся живым и относительно здоровым, ажиотаж постепенно сдулся. А вот теперь давайте вспомним ту фразу Ксении Пономаревой, которую я приводил выше: *«Журналисты иногда все себе так сложно представляют, хотя на самом деле все гораздо проще!»*

Есть еще одна версия странного происшествия, приключившегося с кандидатом Рыбкиным. Согласно этой теории, Рыбкина действительно выманили на Украину, но не для того, чтобы заставить его снять свою кандидатуру, а чтобы добиться отмены выборов вообще! Если бы кандидат на пост президента страны был найден мертвым, голосование пришлось бы отменять. Однако это неверный посыл. Ничего подобного тогда в российском законодательстве прописано не было, но закон никогда не являлся серьезной преградой на пути Бориса Березовского.

Никто не доказал и, скорее всего, никогда не докажет, что Березовский планировал убить Рыбкина, чтобы обвинить в этом Путина. Но с другой стороны, слишком много людей слышали от лондонского сидельца слова о сакральной жертве. Впервые об этом публично рассказал журналист Владимир Соловьев, которого Березовский безуспешно пытался уговорить выставить свою кандидатуру на выборах президента страны. Этот разговор состоялся в 2003 году. Березовский обещал Соловьеву поддержку, но говорил и о других вещах. «Формулировка Березовского звучала очень красиво: «Нужно принести сакральную жертву», – рассказывал позднее Владимир Соловьев, который, будучи человеком далеко не глупым, счел за благо отказать Березовскому.

Вы можете усомниться в истинности слов Соловьева. Допустим, что это так: на самом деле Березовский ни про какую сакральную жертву не говорил. Однако факты – вещь упрямая,

а я уже приводил некоторые из них. Те, которые доказывают, как серьезно относился Борис Абрамович к темам, связанным с попытками физического устранения противников. Он и сам любил обвинять других в организации покушений на свою жизнь (напомню еще раз, что соответствующие обвинения он предъявлял тому же Гусинскому), но гораздо чаще в многочисленных скандалах подобного рода всплывало имя самого Бориса Абрамовича.

Александр Коржаков, бывший начальник охраны президента Ельцина, утверждал, что Березовский подговаривал его «убрать» Гусинского еще в 1993 году, а чуть позднее потенциальной жертвой предлагалось избрать мэра Москвы Лужкова. Слава богу, ни с кем из названных ничего не случилось, поэтому воспоминания Коржакова мы тоже можем отнести к недоказанным личным впечатлениям. Но как быть с другими странными совпадениями?

В 1996 году в русской версии журнала Forbes вышла статья Пола Хлебникова «Крестный отец Кремля?», в которой автор обвинял Березовского в причастности к множеству преступлений, в том числе к убийству первого генерального директора ОРТ Владислава Листьева. Березовский подал на Хлебникова в Высокий суд Лондона и частично выиграл процесс по этому иску. Forbes был вынужден отозвать утверждение о причастности Березовского к убийству Листьева, но никакой компенсации Березовский не получил, более того, суд не увидел необходимости в публикации опровержения статьи. В 2000 году Хлебников выпустил уже целую книгу, из названия которой вопросительный знак исчез: «Крестный отец Кремля: Борис Березовский и разграбление России». Березовский тогда публично говорил, что «просто так он это не оставит». 9 июля 2004 года Пол Хлебников был убит в Москве, прямо у здания редакции.

Другая странная история. После своего отъезда Березовский создал в Лондоне политическую партию «Либеральная Россия». Приблизительно через год в руководстве партии начались конфликты. Сопредседатель «Либеральной России» Сергей Юшенков поднял против Березовского бунт. Он заявил, что партия отказывается от денег Березовского, и политэмигранта исключили из рядов организации. Через пару месяцев на экстренном внеочередном съезде «Либеральной России» Березовского восстановили в членах партии, а Юшенкова и его сторонников, наоборот, выгнали. «Либеральную Россию» возглавил давний партнер Бориса Абрамовича Михаил Коданев. В апреле 2003 года Сергей Юшенков был убит. Следствие установило, а суд постановил, что убийство Юшенкова организовал Михаил Коданев.

Когда же убили Анну Политковскую, Гусинский, мягко говоря, не исключал, что очередная навязчивая идея Бориса Абрамовича оказалась реализованной. Я хочу особо подчеркнуть, что не обвиняю Березовского в причастности ко всем этим преступлениям. Я лишь говорю о том, что он, как истина в сериале «Секретные материалы», всегда присутствовал «где-то рядом». И идея о сакральной жертве вполне могла сформироваться в его сознании, потому что в то время он еще не испытывал финансовых затруднений, уже получил статус политического беженца и был полон энергии и жажды реванша.

Борис Березовский и Ирина Хакамада за кулисами программы «Глас народа»

Летом 2005 года в израильском курортном городе Герцлия состоялось крайне занятное мероприятие, участником которого мне довелось стать. Это была встреча олигархов с «руководителями российских оппозиционных СМИ». Думаю, не нужно подробно объяснять, что все эти СМИ и принадлежали этим самым олигархам. О встрече я узнал ровно в день ее проведения от Владимира Александровича. «Берега и Невзлин сегодня собирают журналистов, надо ехать», – сообщил мне Гусинский. Я ответил, что не поеду разговаривать с Березовским, потому что не вижу в этом никакого смысла. Человек обещал вернуть людям долги по зарплате, обещал это публично, при свидетелях, но ничего не сделал. «Нет, надо ехать, – повторил Гусинский. – Думаешь, мне будет приятно сидеть за одним столом с Киселевым? Ты просто седи, молчи и ешь!» Евгений Киселев, возглавлявший в тот период газету «Московские новости», был тогда глубоко презираем Гусинским, и возразить мне было нечего. В общем, пришлось ехать.

Участников встречи посадили в комфортабельный автобус и повезли к олигархам. В автобусе ехали я, Венедиктов и Федутинов – от «Эха Москвы» и «Эхо ТВ»; Киселев и Кирилл Легат – от «Московских новостей»; Владимир Корсунский – от «Граней.ру»; Владислав Бородулин – от «Коммерсанта»; Ксения Пономарева, Наталья Геворкян и еще многие другие коллеги, представлявшие печатные издания и интернет-сайты оппозиционной направленности. Всех я просто сейчас не вспомню. Нас привезли в гостиницу Dan Accadia. Я уже говорил, что сеть Dan представлена почти во всех туристических городах Израиля, и Герцлия не была исключением.

Нас ждал большой, богато накрытый овальный стол. «Руководители оппозиционных СМИ» и примкнувший к ним Гусинский заняли почти три четверти стульев. Почему-то наша компания оказалась в самом центре, мы сидели так: Гусинский, Венедиктов, я, Федутинов. Справа и слева от нас, соответственно, разместились остальные приглашенные, которые своеобразной подковой охватывали стол с угощением. А прямо напротив нашей четверки восседала принимающая сторона: Гольдфарб, Березовский, Невзлин, Патаркацишвили. Роль председателя собрания была определена Алексу Гольдфарбу, который сообщил, что «нам (то есть – им) хотелось бы услышать мнение уважаемых руководителей российских оппозиционных

СМИ относительно сроков падения путинского режима». Ну и вообще, что и как? Возникла пауза, потому что никто не знал, что ответить.

Это незнание объяснялось очень просто. Я уже говорил, что российские олигархи-изгнанники что тогда, что сейчас быстро теряли реальное понимание процессов, происходящих в России. В середине 2005 года говорить о «сроках падения режима» могли лишь люди, совершенно ничего не знающие о стране. Олигархи, владевшие СМИ, диктовали журналистским коллективам свои правила: что и как им следует писать, говорить и показывать. Журналисты выполняли эти требования. Олигархи читали, слушали и смотрели свои СМИ, после чего приходили к выводу: «Так вот же оно, скорое счастье! Еще чуть-чуть, еще немного, и цель будет достигнута!» «Еще пять тысяч ведер, и считайте, почтеннейший, что ключик у вас в кармане!»⁴⁸

На самом же деле никакой реальной информации от своих СМИ они не получали, потому что им давали ровно то, что они *хотели* получить. Неудивительно, что собравшиеся за столом никак не могли придумать, что им говорить. Просто сказать, что никакого «скорого падения» не будет, всем казалось невежливым. Потом что-то начал вяло говорить Киселев, что-то говорила Пономарева, что-то Бородулин, но все это было настолько неинтересно и неубедительно, что довольно быстро разговор ушел на тему трудностей существования самих оппозиционных СМИ. Что было логично, поскольку, раз уж владельцы медийных ресурсов сами пригласили журналистов и менеджеров на разговор, нужно было постараться решить какие-то свои бытовые проблемы.

Но и эта попытка завязать дискуссию не увенчалась успехом. Теперь уже «в отказ» пошли олигархи. Федутинов только попытался намекнуть Березовскому, что неплохо было бы урегулировать некоторые давние финансовые недоразумения, как тот буквально подпрыгнул на стуле: «Я выполнял и выполняю все свои обязательства! Если найдется хоть один человек, обещания которому я не выполнил, пусть он плюнет мне в лицо!» Гусинский отклонился назад и за спиной Венедиктова стал толкать меня кулаком и довольно громко шипеть: «Андрюха, давай! Плюнь ему в рожу! Плюнь!» Я хотел было возразить, что он сам просил меня ничего не говорить на эту тему, но тут кулак Гусинского наконец-то дотянулся до официанта и тот пролил прямо на меня грибной соус.

Ни к какому выводу участники брифинга так и не пришли. Однако выяснилось, что у этого «марлезонского балета» планировалась и вторая часть. Нас снова погрузили в автобус и повезли домой к Невзлину. Напомню, что, приехав в Израиль, Леонид Борисович сразу же купил себе виллу в Герцлии. Там нас снова ждало угощение, организованное в гораздо более демократичной обстановке. Достаточно сказать, что шашлыки готовил лично Бадри Патаркацишвили, и они получились очень и очень вкусными, что как-то скрасило атмосферу всеобщей неловкости. Я, Гусинский и Венедиктов сидели на диванчике, когда подошедшая к нам Наталья Геворкян спросила: «Ребята, а кто-нибудь мне может объяснить, что это было? Зачем нас всех тут собрали?» Гусинский и Венедиктов вместо ответа радостно заржали, а я промолчал. И потому, что у меня не было ответа на этот вопрос, и потому, что грибной соус оттереть мне так и не удалось, из-за чего я чувствовал себя каким-то «жюльеном».

Последнее на моей памяти обострение реваншизма у Березовского произошло через полгода, в январе 2006-го. Я тогда находился в Берлине, куда прилетел на переговоры с эмиссарами Еврокомиссии по поводу выпуска новой программы RTVi, предназначенной для зрителей в Белоруссии. Тогда ЕС вел борьбу с «последним диктатором Европы» Александром Лукашенко, и еще никто не знал, что через десять лет эта борьба закончится громким пшиком и европейские санкции с Александра Григорьевича снимут по причине их полной бессмысленности. Но

⁴⁸ Фраза, которую произносил Дуремар в исполнении Сергея Мартинсона в фильме А. Птушко «Золотой ключик» 1939 года.

в 2006-м в Брюсселе еще лелеяли надежду на то, что евроагитация и европропаганда принесут свои плоды и белорусский народ осознает все преимущества «цивилизованного пути».

Почему наша встреча происходила не в Брюсселе, а в Берлине, объяснялось тем, что RTVi имел небольшое бюро в Германии, да и наши технические службы тоже находились там. Программа «Окно в Европу» должна была рассказывать зрителям о преимуществах европейского жизненного уклада, которые, естественно, достигались благодаря политике единой Европы. На переговорах мы обсуждали технические вопросы получения видеоматериалов из различных стран континента, в принципе, очень несложные и не требовавшие долгих дискуссий. Тем не менее дискуссии были чрезвычайно долгими и многочисленными. Они проходили в течение нескольких дней: в ресторанах, гостиницах, офисах компаний-партнеров. И вот, когда мы в очередной раз собрались в каком-то берлинском ресторане, мне позвонила Юлька и взволнованным голосом сообщила, что Березовский прямо в эти минуты объявляет в эфире «Эха Москвы», что готовит силовой перехват власти в России. Я стал толкать локтем Малашенко, сидевшего слева от меня, и, завладев его вниманием, нашептал ему на ухо полученную новость. Игорь Евгеньевич сделал круглые глаза и так же шепотом попросил меня уточнить информацию. Я перезвонил Юльке и получил от нее еще более полный отчет, свидетельствовавший о том, что Березовский намерен устроить в России новую революцию.

Выслушав мой второй доклад, Малашенко с грустью констатировал, что рассказы о буйном праздновании юбилея Березовского, видимо, являются правдой. Дело в том, что указанные события происходили 24 января, а накануне, 23 января, Борис Абрамович отмечал в Лондоне свое шестидесятилетие, и я уже слышал, например, о двойнике королевы Елизаветы II, разгуливавшей среди приглашенных на празднование гостей. Вывод Малашенко был прост: «Боря перебрал». Я был с ним полностью согласен, но в Лондоне, похоже, не на шутку разволновались. Занимавший в то время пост министра иностранных дел Великобритании Джек Стро даже посоветовал Березовскому быть поосторожнее в выражениях, если он не хочет потерять статус политического беженца.

История с юбилеем Березовского и его, так сказать, последствиями наглядно демонстрирует качество принятия решений, которые затем часть российской оппозиции принимала как руководство к действию. А история с «заказом» от Еврокомиссии, в свою очередь, демонстрирует пример взаимодействия западного «заказчика» и российского «исполнителя». Сама передача «Окно в Европу», выпуск которой я сразу же благоразумно постарался слить на радиyunную часть нашей команды, вышла скучной до зубовного скрежета. То есть я взял на вооружение метод «итальянской забастовки». Вы требуете такую программу? Пожалуйста, получите ее в полном соответствии с вашими требованиями, но сам я никак не буду ее «улучшать». А я, безусловно, мог бы сделать эту программу лучше, хотя бы как ведущий, это я могу сказать без ложной скромности.

Вообще, когда после событий на Болотной площади в Москве наши оппозиционеры бросились обвинять телекомпанию НТВ в бесстыдных подтасовках, якобы допущенных в фильмах «Анатомия протеста», я только грустно улыбался. Потому что сам неоднократно присутствовал при мозговых штурмах, решавших вопросы: где, как, сколько можно добыть денег для реализации того или иного медийного (и не только) проекта и как его осуществить. У Гусинского, кстати, первое время даже существовал такой термин: «застроить Госдепартамент». Он означал срочную необходимость установить связь с людьми в американской администрации и добиться от них некоей помощи. Впрочем, от попыток руководить внешнеполитическим ведомством США вскоре пришлось отказаться, потому что основные контакты моих начальников покинули Белый дом вместе с демократической администрацией Билла Клинтона. И хотя Гусинский периодически общался и со «старушкой Олбрайт», и со Стивеном Сестанови-

чем⁴⁹, его влияния на республиканских чиновников Джорджа Буша-младшего было явно недостаточно. Так что обижаться нашим либеральным оппозиционерам, кроме как на себя, не на кого. В «Анатомиях протеста» приводились еще не самые занятные факты, по крайней мере с точки зрения объемов финансирования.

⁴⁹ Олбрайт М. – Государственный секретарь США; Сестанович С. – советник Госсекретаря США по странам СНГ в администрации Билла Клинтона в 1997–2001 годах.

Глава 35

И все же было бы категорически неправильным утверждать, что работа на RTVi вызвала у нас исключительно отрицательные эмоции. В первую очередь весь этот политический негатив скрашивался за счет общения с коллегами, которые, несмотря на существенные различия в возрасте и опыте, были настоящими профессионалами. Некоторых следует отметить особо, потому что судьба крайне редко дарит нам шанс познакомиться и поработать бок о бок с людьми, у которых можно учиться по-настоящему. Вообще, учиться, если у вас есть к этому занятию врожденный талант, можно у каждого человека. Потому что у каждого человека обязательно есть какие-то достоинства, которых вы сами лишены. Иначе все люди на Земле были бы одинаковыми! Но иногда на нашем пути встречаются и абсолютные человеческие бриллианты, и тогда начинаешь ценить каждую минуту, проведенную в их обществе.

Юлька называла их – «мои старики». И первым, просто следуя хронологии, необходимо назвать Анатолия Агамирова, легендарного музыкального обозревателя радиостанции «Эхо Москвы», с которым она познакомилась еще несколькими годами раньше. К моему огромному сожалению, Анатолию Суменовичу не нашлось места в нашем телеэфире, хотя Юлька несколько раз пыталась продать Гусинского на съемки цикла программ, построенных на рассказах Агамирова. Знаете, есть такой штамп: «человек интересной судьбы»? Или «человек удивительной судьбы», если журналист склонен к более эмоциональному подходу к материалу. Так вот, я штампы не очень люблю, но здесь вынужден сразу признать свое поражение: я не могу найти более подходящую характеристику для Анатолия Суменовича!

«Сегодня я тружусь на ниве радиовещания в единственном мне доступном качестве: говорю по радио о музыке. С годами выявил такую закономерность: чем дальше текут годы, тем музыки все меньше, а слов наоборот. Какая-то девальвация понятий. Баланс найти невозможно... Да и повторяю: ничему другому не обучен, ничего другого не умею. Так что считайте, сколько раз на музыке запнулся, столько раз и правду сказал, остальное весьма приблизительно», – это кусочек из его «Завещательного мемуара», перечитывая который, я слышу голос Анатолия Суменовича. И знаю, что он кокетничает!

Анатолий Агамиров мог рассказывать, и делал это совершенно блистательно, не только о музыке, но и о литературе, о театре, об истории и о людях, делавших ее, потому что всё это и все они были составной частью его биографии. К сожалению, очень короткой. На «Эхе Москвы» над Агамировым всегда посмеивались и дразнили «Маклаудом»⁵⁰, мол, он бессмертный, потому что иначе не мог бы лично знать такое количество знаменитых людей, от Луначарского до Пастернака, от Эрдмана до Любимова. А он их действительно знал, причем не понаслышке.

Гусинский так и не внял Юлькиным просьбам. Для него подобный формат «телелекций» был совершенно непонятен, хотя на советском и российском телевидении такие программы всегда пользовались устойчивой популярностью. Достаточно вспомнить циклы Ираклия Андроникова, Юрия Лотмана или более поздние программы Виталия Вульфа и Эдварда Радзинского. Но Владимиру Александровичу от подобных разговоров становилось скучно, поэтому Юлька сама слушала Анатолия Агамирова, а потом пересказывала мне его истории и расстраивалась, что не может запечатлеть эту «уходящую натуру». Анатолий Суменович умер в 2006 году, ему было всего шестьдесят девять лет – совершенно не возраст для нынешнего времени! Но он очень тяжело болел. Последние месяцы он вел свои программы, практически уже потеряв зрение. Хотя это никак не чувствовалось, потому что он не читал, а рассказывал. Просто

⁵⁰ Маклауд Коннор – член клана бессмертных, главный герой фильма «Горец», ставшего началом популярной кино- и телефраншизы.

напрямую обращался к своим собеседникам: «Богему я признаю только в одном месте – в опере Пуччини!» Разве такое можно сказать, не имея на то достаточных оснований?

Вторым «Юлькиным стариком» был Семен Михайлович Левин, ушедший еще раньше, всего в пятьдесят шесть! Левин, по сути, создал телевизионный дизайн в нашей стране. До него, по-моему, просто не существовало самого такого понятия – телевизионный дизайн. Про него говорили много плохого. Типа, сам он ничего не придумывал, а лишь присваивал себе заслуги собственных подчиненных. Зависть – очень нехорошее качество. После раскола НТВ я несколько лет проработал рядом с ним, уже когда он создал новую компанию, «Телеателье», разместившуюся в том же здании в Большом Палашевском переулке, так что я имею право на свое мнение. Надо сказать, что Левин оформлял не только программы RTVi, услугами «Телеателье» пользовались и многие другие телеканалы, как частные, так и государственные. И, конечно, первая половина нулевых ознаменовалась настоящими прорывами в области телевизионных спецэффектов, которые стали постепенно появляться в отечественных сериалах, опять же благодаря «Телеателье» Семена Левина.

В редакции «Эхо ТВ». Крайний справа – Семен Левин, рядом с ним – генеральный директор телекомпании и радиостанции Юрий Федутинов

На Палашевке Юлька общалась с ним гораздо чаще и больше меня. Когда Гусинский потребовал от нас придумать новую программу для Шендеровича, в какой-то момент она обратилась к Левину с рядом вопросов. Семен Михайлович был не в духе и буквально наорал на нее, едва не доведя до слез. Однако Юля честно сказала ему, что никогда ничем подобным не занималась, но постарается выполнить все его указания. И выполнила их, чем заслужила уважение и, могу сказать, даже дружбу с его стороны. Ни разу с тех пор я не слышал от него

ни одного критического замечания в ее адрес. Наоборот, Левин стал одним из главных наших союзников, всегда принимая нашу с Юлькой сторону в спорах с Гусинским. Споры эти, как нетрудно догадаться, касались программы «телевизации», вынашиваемой Венедиктовым.

К сожалению, и эта совместная работа оказалась очень короткой. Из-за тяжелой болезни Семен Левин был вынужден покинуть страну. Он уехал в Израиль, но даже местные онкологи уже ничем помочь ему не могли. В течение нескольких месяцев мы иногда встречались в Тель-Авиве. Если ему позволяло самочувствие, он отправлялся с нами пешком до какого-нибудь недалеко расположенного ресторана: с одной стороны – жена, с другой – Юлька... 9 сентября 2005 года мне позвонил Малашенко и сообщил, что Семен Михайлович умер. Юлька плакала так, как будто потеряла кровного родственника. Положение усугублялось еще и тем, что у нее в тот момент не было загранпаспорта, он находился на переоформлении. На похороны в Иерусалим она прилететь не смогла, поэтому на могилу Семена Михайловича я привел ее уже позже, в наш следующий приезд. Это очень красивое место, «Сады Сахарова». Собственно, так называется не само кладбище, а аллея, которая к нему ведет. Не заметить ее практически невозможно, если вы въезжаете в Иерусалим на машине. Вы обязательно увидите эту надпись, размещенную на скале на четырех языках: иврите, английском, арабском и русском. С того места, где похоронен Семен Левин, открывается потрясающий вид на Иерусалим...

Когда мы прощались с нашим коллегой и товарищем, рядом со мной стоял высокий пожилой мужчина, который тайком смахивал слезы и тихо повторял: «Бедный Семочка! Бедный Семочка!» Это был третий – и последний – из «Юлькиных стариков», Александр Георгиевич Шапорин. Прославленный советский телеоператор, внесший неопределимый вклад в создание театральной телеколлекции нашей страны. «Таланты и поклонники», «Милый лжец», «Средство Макропулоса», «Ричард III», «Спешите делать добро», «Вишневый сад», «Дорогая Памелла», «Татуированная роза», «Взрослая дочь молодого человека» – это всего лишь пятая часть фильмов-спектаклей, которые он снял для советского телевидения. Добавьте сюда еще и многолетнее сотрудничество с режиссером Евгением Гинзбургом, вылившееся в том числе в легендарные мюзиклы «Свадьба соек» и «Веселая хроника опасного путешествия».

К нам, на «Эхо ТВ», Александр Георгиевич пришел с ВГТРК и стал нашим главным оператором. Безусловно, он не выезжал на репортажные съемки, но у нас уже скопилось такое количество студийных программ, что с ними нужно было что-то делать. У ребят же опыта не хватало. Поначалу они ужасно ревновали и называли Шапорина не иначе как Саша, хотя какой он был для них «Саша»! Он не обращал на подобную фамильярность никакого внимания, хотя я видел, что ему это не очень приятно. Я был вынужден несколько раз разговаривать с нашими операторами на эту тему, но в конце концов их отношения с Александром Георгиевичем наладились вовсе не из-за моих замечаний. Как говорится, «рыбак рыбака видит изда-лека», поэтому операторов «Эхо ТВ» с их новым руководителем примирил профессионализм последнего.

Занятно, что Шапорина и Левина, помимо всего прочего, крепко объединяла еще и нелюбовь к Венедиктову. Я не знаю, по каким причинам каждый из них относился к Алексею Алексеевичу, мягко говоря, скептически, но это – факт. Правда, если Левин, особенно в разговорах с Гусинским, мог высказать все, что он думает о Венедиктове, без обиняков, со всеми необходимыми идиоматическими выражениями, то Шапорин никогда такого себе не позволял. Он мог лишь распушить усы и сквозь зубы процедить: «Этот... почтенный человек!» У Александра Георгиевича это являлось выражением высшей степени неприязни...

Конечно, я благодарен судьбе за то, что она свела меня с такими профи высочайшего уровня. Обидно лишь, что наше общение оказалось столь недолгим.

Были в работе на канале RTVi и другие бонусы, уже из разряда «пустячок, а приятно». К ним я отношу ежегодные концерты «Из России с любовью!», о которых выше коротко упоминал. Эти грандиозные шоу Гусинский начал проводить в Тель-Авиве в 2000 году. Концерты

звезд российской эстрады всегда были приурочены ко Дню Независимости Израиля и Дню Победы, хотя конкретная дата проведения концерта в парке Ха-Яркон менялась. Шоу могло проходить и в конце апреля, и в первой декаде мая, но всегда в одном и том же месте. В парке имела огромная поляна, посредине которой возвышался небольшой холм, превращавшийся в весьма удобный амфитеатр. Вход на концерты «Из России с любовью!» всегда оставался свободным, хотя сам праздник стабильно «влетал в копеечку»: смета шоу составляла около миллиона долларов, пусть Гусинский выделял и не всю сумму. Какую-то часть брали на себя спонсоры мероприятия, которые, надо сказать, выглядели весьма солидно: от авиакомпаний до производителей пива и от операторов мобильной связи до банков.

Мне всегда нравилось бывать на концертах «Из России с любовью!». А вот Марку Меерсону, на которого каждый год возлагали всю ответственность за их подготовку, эти шоу были нужны, как рыбка – зонтик. Он все время ворчал, что «Володе нечем заняться!». Меерсону действительно приходилось какое-то время буквально не спать, так как он отвечал за все: приглашал, привозил и размещал артистов, договаривался с муниципальными властями, полицией и «Скорой помощью», заключал договоры со спонсорами и готовил телетрансляцию концерта, которая, естественно, осуществлялась в прямом эфире. Следует учитывать, что в лучшие годы на шоу «Из России с любовью!» приходило до трехсот тысяч зрителей! Для Израиля начала 2000-х с его семимиллионным населением это просто грандиозная цифра! И вот в эту толпу, надо признать, не совсем трезвую, ежегодно приезжал премьер-министр Израиля и другие официальные лица. Так, благодаря шоу «Из России с любовью!» я познакомился, например, с легендарным Шимоном Пересом⁵¹.

За кулисами шоу «Из России с любовью!»

⁵¹ Перес Ш. – влиятельнейший политический деятель Израиля. В разные годы руководил работой одиннадцати министерств страны, дважды занимал пост премьер-министра, с 2007 по 2014 год был президентом Израиля.

Закулисье концерта представляло собой две изолированные друг от друга зоны. В одной из них размещались особо важные персоны из числа местных политических, финансовых и прочих знаменитостей. В другой – российские эстрадные звезды и сопровождающие их лица. И там, и там накрывались столы с закусками и напитками, шло бурное общение и веселье. А за происходящим на сцене можно было следить на больших экранах и многочисленных мониторах. Мы с Юлькой, пользуясь своими пропусками-вездеходами, постоянно фланировали из одной зоны в другую. Но чаще все же оказывались в «эстрадной» части, потому что там все говорили не на иврите, а на русском языке. Иногда разговоры принимали забавный характер, например, когда Филипп Киркоров устраивал разборки с Димой Биланом по поводу того, кто из них должен закрывать концерт. Страсти накалялись, оба последовательно отказывались вообще выходить на сцену, об этом докладывали Меерсону, и тот, матерясь исключительно по-русски, бежал успокаивать и мирить разгневанных мэтров, прилетевших «из России с любовью»! Впрочем, как правило, все заканчивалось миром и всеобщим братанием на банкете в отеле Hilton. Туда мы с Юлькой ходили всего пару раз, просто потому, что тусовка тусовкой, но это все же была не совсем та музыка, которая нам нравилась. Хотя против группы U2rman ни она, ни я ничего не имеем! В тель-авивском Hilton мы побывали на другом мероприятии, с которым связана эпохальная для канала RTVi история. Я имею в виду возвращение в наш дружный коллектив Евгения Алексеевича Киселева, которое символически было оформлено именно в этой гостинице.

Первый месяц лета 2006 года выдался богатым на развлечения. В июне мы с Юлькой приехали в Израиль в отпуск, чтобы как следует отдохнуть и вдоволь пообщаться с нашими друзьями, с которыми виделись обычно лишь урывками, в перерывах между бесконечными деловыми переговорами. Юлькина лучшая подруга, тоже Юлька, уехала из СССР почти со всеми своими родственниками еще в самом начале «Большой алии»⁵², когда покидавшие страну евреи должны были отказываться от советского гражданства. В этот раз наш статус отпускников давал нам право организовывать свое время исключительно по собственному усмотрению. Мы ездили к ребятам в гости в город Ашдод, в котором они жили, а они приезжали к нам, в Тель-Авив. Например, чтобы смотреть чемпионат мира по футболу.

В Израиле очень любят футбол, хотя я бы поставил этот вид спорта на третье место по популярности. На втором, на мой взгляд, находится баскетбол, а на первом – приготовление барбекю. Это совершенно неоспоримый факт, который вам может подтвердить любой гражданин Израиля. Каждые выходные всю страну затягивает дымом от стационарных и переносных жаровен, на которых доходят до готовности самые разнообразные блюда из мяса. В том числе из свинины, потому что далеко не все репатрианты из бывшего СССР честно придерживаются норм кашрута⁵³.

Футбол мы смотрели прямо на пляже. Дело в том, что главные каналы израильского телевидения (назовем их по аналогии с нашей страной – федеральными) чемпионат мира начинали показывать только со стадии четвертьфинала. Но многочисленные спортивные каналы транслировали все игры подряд, чем активно пользовались рестораны, расположенные на береговой линии Тель-Авива – заполненной туристами территории, где вы всегда могли встретить кого-нибудь из ваших знакомых. Кстати, раз уж я об этом заговорил, приведу красноречивый пример. Еще в 2002 году, когда канал ТВС готовил свою заявку на конкурс и в создаваемой структуре появились «лидеры общественного мнения», мы сидели в кафе под названием «Лондон» и говорили о новостях, поставляемых нашими коллегами. Венедиктов рассуждал о том, что привлечение к этому проекту известных деятелей культуры, например дирижера Темирканова,

⁵² Алия, то есть процесс репатриации евреев в Израиль, насчитывает несколько этапов. «Большой алией» обычно называют период с 1989 по 1996 год, когда в Израиль выехали более полутора миллионов человек.

⁵³ В данном случае речь идет о соблюдении правил использования продуктов питания в соответствии с предписаниями иудаизма.

очень правильный с точки зрения пиара шаг. «Надо бы и нам для «Эхо ТВ» тоже кого-нибудь привлечь! Только кого?» – задумчиво говорил он, рассеянно блуждая взглядом по толпе туристов. Вдруг он внезапно вскочил со стула и с криком: «Ага!» – скрылся в людском потоке, через пару секунд вынырнув из него с ничего не понимающим и упирающимся изо всех сил Юрием Башметом. «Вот! Башмет!» – орал Венедиктов, подталкивая Юрия Абрамовича к нашему столу. Естественно, никто не собирался делать знаменитому музыканту предложение присоединиться к деятельности нашей телекомпании, но обстоятельства его появления среди нас всех очень позабавили.

Так вот, многочисленные пляжные рестораны использовали чемпионат мира по футболу для привлечения дополнительных посетителей. У самой воды устанавливали огромные экраны, на которые проецировалась картинка проходящих матчей. Болельщики сидели или на специально расставленных стульях, или прямо на песке, но пиво и закуски поглощали в огромных количествах вне зависимости от комфортабельности занимаемых мест. Юлькина Юлька говорила так: «Блин! Море, пиво, футбол... Как будто и не в Израиле!» Эта фраза означала лишь то, что взрослые работающие израильтяне, к каковым относятся и наши бывшие земляки, не то чтобы поголовно не любят море, они просто к нему привыкли и относятся как к чему-то само собой разумеющемуся. Да и времени валяться на приморском песочке хватает далеко не у всех. А туристы, конечно же, только этим и занимаются.

Пожалуй, чемпионат мира 2006 года я смотрел в самых благоприятных условиях. Тем не менее несколькими днями отпуска и футбола пришлось все же пожертвовать, чтобы пообщаться с начальством. Во время одного из таких разговоров Гусинский поднял вопрос о необходимости создания настоящей итоговой аналитической программы. Венедиктов начал было защищать «Российскую панораму» Ганнопольского, но Гусинский заявил, что ему нужна совершенно другая передача. С Владимиром Александровичем согласился и Малашенко, который всегда придерживался крайне скептического мнения о журналистских способностях Матвея. Спор получился недолгим, потому что требование Гусинского все равно было невыполнимым: у нас отсутствовал ведущий для такой программы. Ганнопольский и так был занят, а я и присоединившийся к нам всего месяц назад Михаил Осокин делили ежедневный эфир, работая неделя через неделю. В этот момент я сделал «ход конем», хотя впоследствии Венедиктов любил утверждать, что Евгения Киселева привел на RTVi именно он. Я сказал: «Ну, возьмите Киселева! Жалко же мужика, сидит без работы...»

У Евгения Алексеевича бурный роман с газетой «Московские новости» уже закончился. А вот анафема, которой его предали Гусинский и Малашенко за преступный союз с «олигархическим колхозом», по-прежнему оставалась действующей. Возникла пауза, потому что каждый из присутствовавших прекрасно помнил, что именно и в каких выражениях говорили о Киселеве Гусинский и Малашенко. Наконец Владимир Александрович сдался, и Евгению Алексеевичу было отправлено приглашение посетить свадьбу старшего сына Гусинского, Ильи. Которую, как теперь уже понятно, и планировалось провести в отеле Hilton.

Торжество было назначено на 18 июня, то есть Киселеву пришлось принимать решение о полете в Тель-Авив незамедлительно. Что он и сделал. Согласитесь, когда вы сначала теряете работу и вдруг вам на голову падает выгодное предложение, скорее всего, долго раздумывать вы не будете. Вот и Евгений Алексеевич поступил сообразно обстоятельствам. Первая за четыре года встреча Гусинского и Киселева состоялась прямо на свадебном банкете, а все формальности уладили на следующий день. Таким образом, «золотой состав» российского подразделения RTVi сформировался окончательно, для того чтобы просуществовать еще чуть больше года.

Что же касается свадьбы, то, как и полагается подобному событию, она получилась красочной и шумной. Илью Гусинского мы знали уже несколько лет, более того, Юля еще раньше познакомилась с его матерью, первой супругой Владимира Гусинского Ольгой. Какое-то время

мы даже работали почтальонами, привозя посылки и подарки от матери сыну и обратно. Невестой Ильи Гусинского стала Орна Эткович, американка израильского происхождения, работавшая на одной из руководящих должностей в интернациональной телекомпании Fashion TV.

Приглашения (которые, кстати, печатали в Штатах, что становилось понятно из адреса, указанного на конверте) сообщали, что сбор гостей назначен на 19:00, а хупа⁵⁴ – на восемь вечера. Гости не подвели, и никто из приглашенных не опоздал. Мужчинам, вне зависимости от вероисповедания, выдавали шелковые кипы, на которых были вышиты инициалы новобрачных – «I & O», то есть «Илья и Орна». Церемония проходила на иврите, поэтому для нас с Юлькой осталась практически непонятной, если для свадьбы необходимо какое-то особое понимание. Но общение во время банкета в основном шло на русском и английском языках, что оправдывалось списком приглашенных.

Распределением гостей по столикам занимался лично Гусинский, превративший эту процедуру в очередное развлечение. Он специально рассаживал гостей так, чтобы столкнуть людей, не слишком благоволивших друг другу. Так, например, он усадил Киселева за один стол с Березовским, хотя прекрасно знал, что они находятся в прохладных отношениях, если не сказать – в неприязненных. Эти маленькие пакости доставляли Владимиру Александровичу огромное удовольствие, и, прогуливаясь по украшенному залу, он бросал взгляды то на один, то на другой такой «островок ненависти» и тихонько посмеивался.

Подозреваю, что Березовский вообще остался недоволен праздничным вечером, ибо настроение ему испортили с самого начала. Сделал это я, причем совершенно без какого бы то ни было умысла. Когда гости еще собирались, коротая время за аперитивами, только-только приехавший Березовский подошел ко мне и спросил: «Андрей, а где камеры? Почему нет камеры?» Я, еще не забывший эпизода с грибным соусом и предшествовавшим ему заявлением Березовского про выполнение обещаний, сухо ответил: «Не ко мне вопрос, Борис Абрамович! Здесь за это отвечает Меерсон. Если бы мы с вами были в Москве, я бы с удовольствием обеспечил вам камеру!» Видит бог, я не имел в виду ничего такого, но Березовский решил, что я ему угрожаю! Он сверкнул на меня глазами и больше за весь вечер ни разу ко мне не подошел. Впрочем, мне это и не нужно было.

Развлекали гостей свадьбы музыканты ансамбля Gipsy Kings. Был ли это аутентичный состав или один из их многочисленных клонов, я судить не берусь, потому что еще во время первых гастролей Gipsy Kings в России, в начале 1990-х годов, некоторые сомнения в подлинности гастролеров уже возникали. Впрочем, это не имело особенного значения: песни были узнаваемыми и прекрасно подходящими к настроению гостей, среди которых я то и дело находил знакомые лица «капитанов большого бизнеса». В том числе и тех, чье «плавание», возможно против их воли, временно прекращалось у гостеприимных израильских берегов. Например, владельца банка «Нефтяной» Игоря Линшица, который в то время переживал в Израиле расследование Генпрокуратуры России, связанное с обвинениями в нарушении банковского законодательства. А вот оппозиционных политиков Гусинский на свадьбу сына не пригласил, хотя тот же Борис Немцов, близкий друг и деловой партнер Линшица, в это же самое время находился в Израиле, более того, даже встречался с Гусинским. Почему же он не получил приглашения на праздник? Об этом, думаю, стоит поговорить чуть подробнее...

⁵⁴ Хупа – главный объект еврейской свадьбы; полог, символизирующий будущий дом пары, вступающей в брак. Устанавливается специально для церемонии, хотя в тель-авивском отеле Hilton размещена на постоянной основе.

Лирическое отступление: Борис Ефимович Немцов

Мои личные отношения с Борисом Ефимовичем Немцовым нельзя назвать близкими, дружескими и даже приятельскими. Хотя мы, безусловно, были знакомы, более того, обращались друг к другу на «ты», что я объяснил бы особенностями характера Немцова, который остался в моей памяти человеком открытым, может быть, даже слишком, абсолютным экстравертом, балагуром и любителем веселых компаний. Мы периодически встречались с ним на различных мероприятиях, днях рождения, а в начале 2000-х я пару раз приезжал к нему в Государственную Думу, в которой он тогда руководил фракцией «Союза правых сил», чтобы обсудить какие-то его политические проекты и их освещение в нашем эфире.

Тем не менее как серьезного политика я Немцова никогда не воспринимал. Вообще, мне казалось странным, что он занимается политикой. Я скорее мог представить его телевизионным ведущим или представителем какой-то другой сферы шоу-бизнеса. Но одно дело – я, и совсем другое дело – олигархи, привыкшие на рубеже веков распределять роли в политических спектаклях. Так вот, олигархи Немцова презирали. Мне кажется, что это определение вполне уместно, несмотря на его уничижительный смысл. Немцова-политика они воспринимали как отработанный материал, неудачника, упустившего свой шанс. Никто из знакомых мне бизнесменов, претендовавших на звание закулисных кукловодов отечественной истории, на Немцова не ставил. Никто не обращал внимания на намеки Ельцина, якобы видевшего в Немцове собственного преемника. Если говорить о «Союзе правых сил», то в этой организации для олигархов существовал только один человек – Анатолий Чубайс. Но вне СПС о Немцове даже говорить было смешно! Его считали кем-то вроде «деревенского дурачка», забавного, но совершенно бесполезного человека.

Хотя главная, на мой взгляд, причина пренебрежительного отношения олигархов к Немцову скрывалась вовсе не в политике, а в бизнесе. Как я уже говорил, уважение представителей этой среды вызывали либо люди, облеченные властью, либо те, кто умел зарабатывать деньги и преумножать их. А Немцов этого делать не умел. Когда весной 2016 года в прессе разразился скандал, связанный с дележом наследства убитого политика, я ни на секунду не поверил в слова адвоката одной из претенденток, оценившего состояние Бориса Немцова в миллиард долларов. Это – полная чушь! Немцов не имел доступа к полезным ископаемым, как Ходорковский, не занимался политическими авантюрами так безоглядно, как Березовский, и не проявлял никаких особенных талантов в банковском деле или в области медиа, как, например, Михаил Фридман или тот же Владимир Гусинский. Борис Немцов вообще сам как бизнесмен ничего не создал, а проекты, в которых он участвовал, столь грандиозного богатства – миллиард долларов! – принести никак не могли.

И все же тема «Немцов и деньги» заслуживает дополнительного внимания, потому что крайне важна для анализа той деятельности, которой он занимался в последние годы своей жизни. Скажу больше – анализа деятельности всей нашей так называемой «несистемной оппозиции». Уже после убийства Немцова газета «Комсомольская правда» напечатала следующие слова Ирины Хакамады, человека, хорошо его знавшего: *«Борис не любил бизнес. Не было у него ни предприятий, ничего такого, что можно было назвать серьезным бизнесом. Жил на спонсорские деньги. Да, противникам власти давали деньги, кто – не буду называть. И на эти деньги он существовал. Как вся оппозиция».*

Я не хочу сейчас разбирать слухи и конфликты, связанные с работой Немцова в Нижегородской области и в правительстве России. Об этом можно при желании прочитать в той же Википедии, хотя я снова посоветовал бы осторожно относиться к этому ресурсу. Я познакомился с Немцовым уже после завершения этих этапов его жизни. Покинув Думу, Борис Ефимович занялся предпринимательством. Занялся так, как смог, то есть, с точки зрения моих

знакомых олигархов, крайне неудачно. Например, в 2004 году стал членом Совета директоров Rostik Group, одного из ведущих игроков ресторанного бизнеса в России. В состав этой международной корпорации входили компании «Росинтер Ресторантс» и «Ростик'с», владевшие множеством заведений общественного питания. «IL Патио» и «Планета суши», American Bar & Grill и KFC, TGI Fridays и Molly Gwynn's – все это были заведения группы Rostik. Причем названными сетями список не ограничивался. Приблизительно в это же время Борис Немцов занял пост председателя Совета директоров концерна «Нефтяной», который, впрочем, скоро покинул, сразу после обысков в штаб-квартире Игоря Линшица. Это решение Немцов объяснил тем, что хочет «исключить всякие политические риски в бизнесе своего друга»... Я не знаю, какую зарплату получают члены и председатели Советов директоров, это не мое дело. Надеюсь, что высокую. Но для того, чтобы стать своим для людей типа Гусинского и Березовского, этой зарплате Немцову явно не хватало. Получается, что Хакамада была права.

Права, потому что Борис Немцов не испытывал страданий от голода и холода. Официально числящийся безработным, в 2009 году он предпринял попытку выиграть выборы на пост мэра города Сочи. В соответствии с действующим законодательством Немцов представил в избирательную комиссию декларацию, из которой следовало, что его доход за 2008 год составлял сто восемьдесят три миллиона четыреста сорок одну тысячу сто тридцать рублей восемьдесят копеек. Источниками дохода были указаны Фонд социальной поддержки гражданского общества, Фонд общественных программ, вклады ОАО «Альфа-Банк» и операции купли-продажи ценных бумаг этого же банка. В декларации было также указано, что Борис Немцов владеет акциями нескольких десятков компаний, большую часть из которых представляли бумаги различных ТПК, то есть «топливно-генерирующих компаний» из Читы, Перми, Красноярска, Новосибирска, Петербурга, Ярославля, Тулы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Москвы, Самары и Челябинска.

У многих тогда возник вопрос – как же так? Но только не у олигархов, которых совершенно не интересовали подробности финансовых операций, проводимых Немцовым. Они обращали внимание на другое: на политический потенциал, которого у Немцова уже не наблюдалось, и на поведение в бизнесе, а конкретно – на нарушение святого принципа «понятности». Дело в том, что в том же отчетном году Немцов дал в долг бывшему директору госкомпании «Росвооружение» Александру Котелкину семьсот тысяч долларов. Или, в пересчете на рубли, двадцать миллионов шестьсот пятьдесят три тысячи десять рублей. Господин Котелкин Борису Ефимовичу долг не вернул, после чего Немцов обратился в суд и выиграл его: ответчика обязали вернуть всю сумму плюс проценты. Честно говоря, я не знаю, чем закончилась эта тяжба. Но хорошо помню, как сам Борис Немцов комментировал ее подробности – например, в эфире радиостанции «Коммерсантъ ФМ», где я работал с 2010 года.

У многих тогда возник вопрос – а это-то как же? Откуда эти чарующие цифры? И как они коррелируются с образом неподкупного и кристально честного оппозиционера? Ответов, естественно, не было. То есть складывалась патовая ситуация. Большие олигархи, целиком и полностью остававшиеся верными атмосфере 1990-х, считали, что Немцов поступал не «по понятиям». Давать деньги в долг, потом публично судиться, превращая деловые отношения в какой-то бабий базар? Настоящие пацаны так не делают! Оставались «ненастоящие», на словах принявшие новые правила игры, но на деле согласные с миром по нитке снабжать одного из лидеров несистемной оппозиции денежными средствами.

Единомышленники Бориса Ефимовича на непрозрачность его финансовой отчетности закрывали глаза, а людей, которые публично указывали на подобные странности, так же публично называли «идиотами» и «сумасшедшими». Например, этих эпитетов неоднократно удостоивался журналист Олег Лурье, который в свое время просто собрал воедино все удивительные бухгалтерские достижения Немцова.

История взаимоотношений Олега Лурье и отечественных оппозиционеров чрезвычайно поучительна. Когда он проводил расследования деятельности Михаила Касьянова еще в составе российского правительства, то был, что называется, «рукопожатным». Его хлесткую фразу «Миша два процента» в оппозиции принимали на ура! Но как только Лурье стал публиковать аналогичные материалы, связанные с Немцовым или Навальным, он тут же превратился в «выжившего из ума». Причем почти одновременно с перерождением прежнего «Миши два процента» в одного из оппозиционных лидеров и главную надежду российской демократии! И еще надо учесть, что, в отличие от вышеназванных либералов, Лурье просидел не пятнадцать суток, а три года!⁵⁵

В одном из выпусков программы «Реплика», выходящей в эфир телеканала «Россия 24», я назвал наших либералов «коротышками из Цветочного города», отдельно попросив прощения у коротышек. Помните, когда Незнайка решил стать художником, он нарисовал смешные карикатуры на каждого из своих друзей? И каждому из коротышек эти рисунки очень нравились, за одним исключением – никто не одобрял собственного портрета! Точно так ведут себя и наши оппозиционные деятели. Они радостно клеймят всех и вся за самые разнообразные грехи и преступления, но как только кто-нибудь ткнет их мордочкой в кучку, которую сделали они сами, борцы за либеральные идеи поднимают крик о нарушениях прав человека и бесчинствах кровавого режима.

К сожалению, Борис Немцов превратился в такого же бессмысленного крикуна, политическая активность которого свелась к нескончаемому «плачу Ярославны». И Ярославская областная дума тут совершенно ни при чем, ибо на своей последней выборной должности Немцов ничем особенным не отличился. Ему уже было некогда, он занимался глобальными проблемами. Позади осталась поддержка Майдана, крайне резкое осуждение действий России в отношении Крыма, совершенно недостойные политика заявления на форуме в Киеве и т. д. И никакие антикоррупционные расследования не могли вернуть Немцову уважение избирателей – он упустил момент, когда в него перестали верить. Отныне он ничем не отличался от профессиональных оппозиционеров, работающих по принципу «дайте нам денег, мы немножко покричим, а потом снова придем за деньгами». (Исключение в этом ряду только одно – Явлинский. Объявив о намерении выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 2018 года, многолетний лидер «Яблока» сразу же заявил, что не примет финансовой помощи от Ходорковского.)

Что же касается олигархов, то они потеряли веру в проект под названием «Борис Немцов» гораздо раньше граждан Российской Федерации. Именно поэтому Владимир Гусинский с момента отъезда из страны никогда не интересовался деятельностью Немцова. В июне 2006 года Гусинский соизволил принять его в своей тель-авивской квартире, и брызжущий энергией Борис Ефимович битый час развлекал нас своими рассказами, сидя на балконе с видом на Средиземное море. Гусинский же милостиво слушал гостя, но на свадьбу сына не пригласил. Немцов был ему не интересен, потому что был не нужен. Киселев, которого Гусинский проклинал целых четыре года, вновь оказался необходим, а Немцов – нет. Понимал ли сам Борис, что его сбросили со счетов? Этого я не знаю.

⁵⁵ Журналист был арестован в 2008 году по обвинениям в вымогательстве и мошенничестве, к которым позднее добавилось еще и обвинение в клевете. В 2011 году был оправдан коллегией присяжных и Верховным судом РФ.

Борис Немцов и Евгений Киселев за кулисами программы «Глас народа»

Я знаю лишь то, что все претензии, которые я озвучил выше, не оправдывают убийства Бориса Немцова. Мы с ним в конце концов окончательно разошлись в политическом смысле, но случившееся 27 февраля 2015 года, конечно, стало ужасной трагедией. И не только потому, что из жизни ушел человек молодой, яркий, пусть и заблуждавшийся в каких-то вопросах. И не только потому, что выстрелы в спину – это всегда проявление подлости. Но и потому, что убийство Немцова нанесло огромный вред всей нашей стране, ибо у многочисленных кликуш снова появился повод спекулировать на объективных трудностях, которые никогда никуда не исчезают. Ни из жизни отдельного человека, ни из жизни государства.

Я очень надеюсь, что расследование убийства Бориса Немцова будет завершено вынесением обвинительного приговора⁵⁶. Хотя я абсолютно уверен, что решение суда наша оппозиция все равно не примет. Это уже традиция, все то же проявление двойных стандартов: в России правосудия нет, справедливость можно найти только в дальних странах. Но как только в этих самых дальних странах на светлый образ борцов за освобождение России падает хотя бы малейшая тень, моментально начинается истерика про провокации Кремля! Так было и в случае с Гарри Каспаровым, которого в США заподозрили в причастности к коррупции в Международной шахматной федерации, и с легендарным советским диссидентом Владимиром Буковским, в компьютере которого британские полицейские обнаружили детскую порнографию. Для ведения информационной войны необходимы железные нервы, полное отсутствие совести и неисчерпаемый цинизм!

⁵⁶ На момент написания книги следственные действия по этому делу еще продолжались.

Глава 36

Вспоминая сейчас годы, проведенные в самом центре либеральной тусовки, я понимаю, что цинизм, пожалуй, был превалирующей чертой характера тех людей, которые меня окружали. Это проявлялось и в их отношении друг к другу, и к другим людям, и к жизни вообще. Возможно, это была своеобразная защитная реакция. Но скорее все же – не защита, а нападение, метод, помогавший добиться желанной цели. Я понимаю, что холодный расчет необходим для занятия крупным бизнесом, но слишком часто я видел, что этот циничный, бесчеловечный подход распространялся на бесконечно далекие от денег явления и события.

Я уже упоминал о реакции Гусинского на убийство Анны Политковской, которое произошло 7 октября 2006 года, то есть в день рождения Владимира Путина и на следующий день после дня рождения самого Гусинского. Разговор происходил, так сказать, на after party, когда в гости к Владимиру Александровичу снова приехали лишь коллеги по работе. Беседа протекала за накрытым на веранде столом и больше напоминала обсуждение условий очередной сделки, чем обмен эмоциями по поводу громкого и наглого преступления. Собравшиеся искали того, кому было выгодно убить Политковскую именно в этот день: озвучивали версии, анализировали их, отметали те, что казались им несостоятельными. И в конце концов пришли к выводу: «на Березу похоже». Это было очень... некрасиво, что ли. Человека убили. Женщину. Известного журналиста. Мне тогда казалось, что этот разговор должен был выглядеть как-то иначе. Он должен был быть разговором людей, а не запрограммированных роботов! Что, кстати, стало еще более очевидным на контрасте с атмосферой церемонии прощания с Анной Политковской, куда я с женой приехал сразу же по возвращении из Америки.

США стали последней страной, которую я открыл для себя благодаря работе на RTVi. Вернее, следует говорить не про всю страну, а про город Нью-Йорк и городок Гринвич в соседнем штате Коннектикут, в котором располагался дом Владимира Гусинского. Мы с Юлькой прилетели в Нью-Йорк в самом начале октября 2006 года, когда «Большое яблоко» еще нежилось под не по-осеннему теплым солнцем.

Я не могу сказать, что Нью-Йорк произвел на меня какое-то сногшибательное впечатление. Ну, много машин, много людей, все куда-то торопятся, так этого я и в Москве наелся. Дома, конечно, были повыше, чем на Родине... Видимо, во мне сказались ранее накопленный туристический опыт: Париж, Лондон, Стокгольм, Мадрид, Берлин, Афины и ставший почти родным Тель-Авив сделали свое дело, и от достопримечательностей Нью-Йорка дух уже не захватывало. Хотя все равно было интересно! И сейчас тот интерес, который я испытывал к этому безумному городу, остается в памяти не глянцевыми картинками хрестоматийных мест паломничества – Эмпайр Стейт Билдинг, Бродвей, Центральный парк, Статуя Свободы, которые мы, разумеется, посетили, – а очень личными, можно сказать, интимными воспоминаниями о забавных или удивительных бытовых казусах.

Мы остановились в гостинице Omni Berkshire Place, на перекрестке 52-й улицы и Мэдисон-авеню. Как принято говорить, в шаговой доступности находились и Центральный парк, и Музей современного искусства, и собор Святого Патрика, и Рокфеллеровский центр, и Таймс-сквер, и много чего еще. Первой неожиданностью стало то, что завтрак не был включен в стоимость номера. Второй неожиданностью оказались цены в ресторане отеля. Девятнадцать долларов за яичницу из двух яиц показались нам неподъемными, поэтому мы вышли на улицу и на противоположной стороне Мэдисон-авеню обнаружили не только вполне приемлемое по ценам кафе, но и завтракавших там Эту и Марка Меерсонов, сообщивших нам, что они никогда не питаются в американских гостиницах. Мы с Юлькой последовали их совету и в течение недели побывали в самых разнообразных заведениях общественного питания Нью-Йорка, которые предлагали посетителям кухню всех континентов.

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Раз уж я заговорил о еде, то не могу не сказать пару слов о пресловутом фастфуде. У нас с женой есть такой термин: «съесть кашку». Прошу прощения! Он означает непреодолимое желание заполнить желудок какой-нибудь ужасно вредной гадостью, каковую все врачи

мира единодушно заклеят несмываемым позором. Но в местный «Макдоналдс» мы зашли по другой причине – нам нужно было быстро найти туалет! Так что сравнить бигмаки, предлагаемые посетителям по разные стороны Атлантики, мы не смогли. Зато знаменитые нью-йоркские хот-доги мы попробовали, и должен сказать, что нигде и никогда я не ел более вкусных сосисок в тесте, чем на Таймс-сквер!

Подкрепившись утром, мы отправлялись в пешую прогулку по окрестностям. Должен признаться, что в некотором смысле я тогда повел себя как полный идиот. Многие мои знакомые побывали в Нью-Йорке гораздо раньше меня, и я был впечатлен их рассказами об ужасах, творившихся в местной подземке. Возможно, они меня разыгрывали, но я наотрез отказался спускаться в метро, дабы не стать жертвой ограбления! Поэтому мы сначала долго гуляли на своих двоих, прочесывая Манхэттен вдоль и поперек, от севера к югу и от запада к востоку, чередуя богемные Сохо и Трайбеку с Маленькой Италией и Чайна-тауном. Справедливости ради надо признать, что китайский квартал мы покинули сразу же, как только в него попали, ибо выбрали какой-то неудачный маршрут, оказавшись на рыбном рынке, встретившим нас столь мощным ударом по обонянию, что мы предпочли тут же ретироваться.

Я свой хот-дог уже съел...

Во время наших прогулок мы постоянно натыкались на крошечные участки зелени, гордо именуемые «парками». В разделенном на бесконечные прямоугольники Манхэттене немногочисленные свободные от асфальта кусочки земли засеяны травой, засажены деревьями и заставлены скамейками. В первом же таком парке мы увидели белку. Она припрыгала прямо к нам, спустившись с дерева, и явно ждала, что мы чем-нибудь ее угостим. Юлька стала отвлекать белку разговорами и какой-то съедобной ерундой, одновременно требуя от меня как можно быстрее сфотографировать эту историческую встречу, пока белка не убежала. Я же, как назло, запутался в чехле от фотоаппарата и никак не мог его вытащить. Жена нервничала и шипела на меня все громче, что, правда, не пугало белку, но явно привлекало к нам внимание многочисленных жителей города, отдыхавших в этом парке в обеденный перерыв. Белку я сфотогра-

фировал, но выяснилось, что мы зря волновались. Переведа дух и осмотревшись, мы поняли, что в этом микроскопическом оазисе обитали десятки белок! Они скакали с дерева на дерево, бегали по траве и взбирались на спинки скамеек, не обращая на людей никакого внимания. Люди отвечали белкам взаимностью, так что единственными представителями человеческой расы, испытавшими настоящий эмоциональный шок от этой встречи, были я и моя жена. Не исключено, что, возвратившись в тот день домой, аборигены рассказывали своим близким о странных русских, очевидно, никогда в жизни не видевших белок! В общем, как пела когда-то группа Boney M, «Oh those Russians!»⁵⁷.

Та самая белка!

Когда мы направились к острову Свободы, ноги окончательно отказались нести нас. Я по-прежнему боялся метро, поэтому мы взяли такси. В полном соответствии с существующими стереотипами нашим водителем оказался бородатый сикх в тюрбане. Он так оперативно реагировал на смену цветов светофора, что меня начало подташнивать уже через пару кварталов. Короткое путешествие на пароме развеяло дурноту, но настроение едва не испортилось окончательно. Оказалось, что для экскурсий на саму Статую билеты было необходимо заказывать заранее. Мы этого, естественно, не знали, и наше разочарование, видимо, выглядело настолько искренним, что один из рейнджеров, охранявших Статую, сжалился над нами и пропустил без билетов! Правда, корона Статуи тогда все еще была закрытой – это решение приняли после терактов 11 сентября 2001 года, – но, как и все другие туристы, мы смогли облазить пьедестал с размещенным внутри музеем и поглядеть на внутреннее устройство верхней части Статуи через специальные прозрачные вставки. Юлька даже была рада тому, что смотровая площадка оказалась недоступной для туристов, потому что она не очень любит забираться на высокие сооружения. Например, на вершину Эйфелевой башни я всегда поднимался с детьми, а ее мы оставляли на промежуточной остановке.

⁵⁷ «О, эти русские!» – финальная строчка песни «Rasputin».

Обратный путь от паромной пристани до нашей гостиницы мы все же решили проделать на метро. Юлька пристыдила меня, приведя в качестве примеров нескольких встреченных нами миролюбивых негров. Или «афроамериканцев», как она подчеркивала специально, чтобы меня подразнить. Действительно, никто из представителей этой части населения Нью-Йорка, очевидно, не собирался нас грабить. Я согласился спуститься в подземку, но выбрать правильный поезд нам удалось не сразу. Нью-йоркское метро очень запутанное, и неискушенному человеку разобраться в его работе довольно трудно: поезда могут переезжать с одной линии на другую, проскакивать станции и т. д. То есть нам понадобилась помощь, которую мы получили... правильно, от классического негра-полицейского с пончиком в руке. Он как две капли воды походил на героя Реджинальда Велджонсона в фильме «Крепкий орешек». Этот «сержант Пауэлл» не только разъяснил нам схему движения, но и купил билет на нужный поезд!

Но в Гарлем я все равно не собирался и был рад, что в этом нежелании Юлька меня поддержала. Поэтому подтвердить истинность еще одного популярного представления о Нью-Йорке я не могу! Лучше я расскажу забавную историю, которую услышал от своего старинного приятеля Гии Саралидзе, с которым мы еще в ранних 1990-х начинали бороздить волны отечественного радиоэфира, – сейчас он работает на радиостанции «Вести FM». По словам Гии, однажды в Нью-Йорке оказалась сборная Грузии по регби, члены которой почему-то решили познакомиться с самыми опасными районами города, для чего отправились на экскурсию в Гарлем. Результат их полностью разочаровал, потому что они прогулялись в буквальном смысле по пустыне. Как объяснял мой друг, грузинские регбисты, посещавшие Гарлем в тренировочных костюмах, по всей вероятности, просто распугали местных преступников своим внешним видом. Тем более что на всякий случай они захватили с собой бейсбольные биты! В общем, если представить себе это зрелище, нетрудно согласиться с предположением о том, что гарлемские бандиты предпочли не показываться на глаза странным горообразным людям в трениках, на лицах которых были отчетливо заметны следы многочисленных столкновений.

Остался обделенным нашим вниманием и еще один знаменитый район Нью-Йорка, Брайтон-Бич. У нас не было ни времени, ни сил ехать на южную оконечность Бруклина, чтобы побывать в этом месте. Несколько визитов домой к Гусинскому, которые нам пришлось совершить в течение этих дней, все-таки были довольно утомительными. Я всегда говорю своим израильским друзьям, что они не имеют права жаловаться на автомобильные пробки, потому что с московскими их просто невозможно сравнивать. Но пробки в Нью-Йорке и его окрестностях вполне могут составить конкуренцию трафику в столице России.

Поэтому оставшееся после празднования дня рождения Гусинского время мы с Юлькой снова посвятили пешим прогулкам по городу. Очень интересно было наблюдать, как менялся облик бесконечных улиц, как постепенно офисы уступали место жилым зданиям, а большие магазины и рестораны – крошечным лавочкам и кафе. В октябре Нью-Йорк уже активно готовился встречать Хэллоуин, поэтому товары, связанные с этим праздником, попадались на глаза всюду. Но гораздо больше нам понравился магазинчик, который круглый год предлагал покупателям рождественскую атрибутику. Этот миниатюрный кусочек зимы на залитой солнцем улице выглядел очень трогательно, как иллюстрация из какой-то сказочной книжки. Другой занятный магазин продавал домашних животных: собак и кошек. Вернее, даже так: щеночков и котятков, потому что они были настолько милыми, что от этой очаровательности даже сводило скулы. Щенки размещались прямо в магазинной витрине, в специальных вольерчиках, открывавших прекрасный обзор для потенциальных покупателей. Это был самый беспардонный пример манипулирования человеческим сознанием, ибо не заметить эти витрины мог только человек, который или годами ходил мимо и просто привык к данному зрелищу, или больной, страдающий от аллергии на шерсть.

А вот страдающих от табачного дыма в Нью-Йорке оберегали уже тогда, в 2006 году. По моим личным наблюдениям, больше всего курильщиков живет во Франции и, конечно, в Израиле. Но и в Нью-Йорке курили много, хотя запретительные меры представлялись не такими уж и жестокими. Например, годом позже в Лондоне я обратил внимание на пустые пабы – все их посетители толкались на улице с кружками в руках и сигаретами во рту. Они возвращались в паб только для того, чтобы заказать себе очередную порцию пива, и снова выходили на улицу. В Нью-Йорке же борьба с курением выглядела так. Мы сидели за столиком, расположенным прямо на тротуаре, на территории, огороженной низеньким, сантиметров в тридцать, белым заборчиком. Я спросил официантку, могу ли я курить за столиком? Она ответила, что нет, в ресторане курить запрещено, но если я встану со стула и перешагну через заборчик, то смогу курить и продолжать общение со своими друзьями. На вопрос, какой же в этом смысл, ведь я практически останусь на том же самом месте, официантка пожала плечами и сказала, что таковы правила...

Магазин домашних животных на Манхэттене

Наше заокеанское путешествие стало очень заметным, но все-таки не главным событием осени 2006 года. Его затмила церемония вручения премий ТЭФИ, которые Академия российского телевидения присуждала уже в двенадцатый раз. Это была наша третья попытка покорить вершину отечественного телевизионного олимпа, и наконец-то удачная. Торжественное мероприятие тогда уже было разделено на две части, «Профессии» и «Лица». Победителей в категориях «Профессии» чествовали в Московском международном Доме музыки, а в категориях «Лица» – в концертном зале «Академический» в здании Российской академии наук на Ленинском проспекте, широко известном в народе как «Золотые мозги». Это название закрепилось за комплексом РАН сразу по окончании стройки из-за странной металлической конструкции на крыше высотного здания. Говорят, что «золотые мозги» имеют не только декоративный смысл: они закрывают размещенные на крыше системы коммуникации, которые, в свою очередь, наделяются энтузиастами самыми удивительными качествами. Существуют мнения, что металлическое навершие здания Академии наук является аккумулятором солнечной энергии,

устройством для зомбирования населения, защитной системой от террористических попыток угона самолетов или же накопителем торсионного излучения, что бы это ни означало.

Я «золотые мозги» видел только с земли, так что никакого своего варианта предложить не могу. Внутреннее же пространство представляло собой большой, не слишком современный киноконцертный зал, явно проигрывавший прежнему постоянному месту проведения церемонии ТЭФИ, гостинице «Россия», которую еще в январе 2006 года закрыли и начали демонтировать. Но это не имело никакого значения, потому что в число номинантов попал не только я (уже в третий раз), но и наш главный продукт, информационная программа «Сейчас в России»! Мы представили выпуск, который вел Михаил Осокин. В тот год победители определялись голосованием случайно отобранных членов Академии непосредственно в зале проведения церемонии. Первый блок премий касался именно информационных номинаций и награду вручали Ингеборга Дапкунайте и Александр Цекало. «Сейчас в России» проиграла один голос программе «Время», а я точно так же на один голос обошел своих конкурентов, которыми в тот год были Алексей Пивоваров и Асет Вацуева с НТВ и Екатерина Андреева с «Первого канала».

Сказать, что я удивился, значит не сказать ничего. Я уже привык к тому, что каждый раз, участвуя в конкурсе ТЭФИ, попадаю в номинацию и всегда проигрываю. Эта традиция не имела исключений, потому что я претендовал на награду еще в 2007-м и в 2009 году, и все завершилось обычным образом. Но в 2006-м звезды сложились в иную картину, и премию присудили мне. «По-моему, ты выиграл», – сказала Юлька, сидевшая рядом со мной, потому что я никак не мог осознать объявленные результаты голосования. Бронзовый «Орфей», которого мне вручили на сцене (сейчас он живет на акустической колонке рядом с телевизором в нашей гостиной), оказался удивительно тяжелым. Я произнес речь, в которой поблагодарил Гусинского и Малашенко за создание канала RTVi, на котором «имею честь» работать. С «честью», пожалуй, был перебор, но по сути я говорил искренне: если бы в то время RTVi не существовало, еще неизвестно, где бы я оказался. Хотя сейчас вполне допускаю, что работал бы, и, может быть, даже не в столь драматических условиях.

Как выяснилось почти сразу, канал СТС, транслировавший церемонию вручения премии, мои слова про Гусинского и Малашенко вырезал. Зачем? Этот вопрос остается без ответа, если не считать таковым общее состояние нервозности, царившее вокруг ТЭФИ и самой Телеакадемии на протяжении уже нескольких лет. Профессиональную премию замучили скандалы, связанные с недовольством тех или иных конкурсантов итогами голосования. ТЭФИ-2006, пожалуй, стала рекордсменом по количеству и громкости склок. Например, наше попадание в номинацию «Информационная программа» стало предметом публичного разбирательства еще на стадии отбора. Если коротко объяснять суть конфликта, нужно сказать, что изначально, на голосовании профильной секции Академии, в числе претендентов оказались не три, а пять информационных программ: «Первого канала», НТВ, Екатеринбург и Томска. Пятыми были мы. О том, как дальше развивались события, можно судить по публикациям в газетах, которые сообщали, что вице-президент Академии Александр Любимов обратил внимание на отсутствие в списке номинантов программы «Вести», подчеркнув, что «творчество компании «Эхо» по качеству телевизионного продукта никак не может быть сравнимо с «Вестями». Было проведено повторное голосование, в результате которого получилась тройка: «Первый», НТВ, «Эхо ТВ». Тут свое недовольство выказал генеральный директор «Первого канала» Константин Эрнст. Было проведено третье голосование, с итогом: «Первый», НТВ, «Россия». Но, согласно регламенту того года, утверждение всех троек номинантов происходило на общем собрании Академии, а на нем вопрос снова был поставлен на обсуждение, теперь уже Виктором Шендеровичем. Голосование провели в четвертый (!) раз, и тройка претендентов на ТЭФИ была сформирована окончательно: «Первый», НТВ, «Эхо ТВ».

Александр Любимов прокомментировал возникший конфликт так: *«В Академии действуют разные силы, у ее членов разные представления о телевидении и разные желания про-*

явить себя в момент голосования. Иногда происходят возмутительные вещи. ТЭФИ – это оценка именно за качество телепродукта, а не за содержание. Интересы телекомпаний «Эхо» отстаивают либералы-затворники, которые продолжают заниматься политической борьбой и остались очень горды тем, что им удалось пролоббировать программу канала RTVi».

Я очень горжусь своей премией ТЭФИ и никогда не позволял себе дурацкого кокетства и не прикрывался олимпийским принципом, гласящим, что главное – не победа, а участие. Мы, конечно, хотели победить в ТЭФИ. Но я вынужден согласиться с Александром Михайловичем. Просто потому, что, войдя в том же 2006 году в состав Академии российского телевидения, я много раз участвовал в конкурсе ТЭФИ уже как член жюри. И прекрасно понимал, что наша программа «Сейчас в России» не дотягивала до желанной победы. Те же новостные программы из Екатеринбурга и Томска с Евгением Ениным и Юлией Мучник были сделаны гораздо профессиональнее. По качеству! У нас имелись суперпрофи в кадре, Михаил Осокин, например, но технологически мы, конечно, отставали. А вот то, что наши новости отличались по своему содержанию от программ других каналов, не могло являться предметом профессионального спора. Это уже была политика, которая к тому времени меня совсем не радовала.

В конце концов схватка телевизионных тяжеловесов и протестные настроения части членов Академии привели к предсказуемому финалу. От участия в конкурсе поочередно стали отказываться крупные телекомпании, и церемония была отменена. Возрождение ТЭФИ, к которому приложил руку в первую очередь Михаил Лесин, произошло в 2014 году, но пока конкурс еще не вернулся к прежним высотам профессиональной престижности. Слишком свежи в памяти взаимные обиды, слишком много подозрений в адрес коллег, голосующих не «за» достоинства, а «против» конкурентов, и т. д. Возможно, все эти недоразумения будут исчерпаны, но какое-то время для затягивания ран еще потребуется.

ТЭФИ-2006

Чтобы не заканчивать эту часть истории на минорной ноте, расскажу о еще одном (почти) скандале церемонии ТЭФИ-2006. В тот год, в числе прочих, премии получили Михаил Дегтярь и Тина Канделаки, в номинациях «Специальный репортаж» и «Ведущий ток-шоу» соответ-

ственно. На процедуру фотографирования мы выходили вместе, но Тина ухитрилась в суматохе где-то потерять своего «Орфея». Поэтому Дегтярь отдал ей свой приз, а сам фотографировался с моим. Каково же было мое удивление, когда Михаил Дегтярь, возвращая мне мою награду, продемонстрировал своего «Орфея» с отчетливо заметным сколом на деревянном постаменте. Выглядело это так, как будто от него откусили кусок! Каким образом Тине Канде-лаки удалось добиться от награды Михаила Дегтяря столь удивительной метаморфозы, остается тайной до сегодняшнего дня.

Глава 37

Между тем «телевизация» «Эха» стала развиваться с безумной скоростью. Венедиктов добился от Гусинского согласия на перенос основной студийной загрузки в помещения радиостанции. Это означало, что телекомпания «Эхо ТВ» окончательно превращалась в филиал «Эха Москвы». Понятно, что радиоредакция была совершенно не приспособлена для съемок телевизионных программ. У радио вообще с помещениями и техническим обеспечением проблемы существовали годами. Рассказывают, что когда Гусинский впервые попал в кабинет Венедиктова в здании на Новом Арбате, он очень удивился и спросил: «Что это за собачья конура?» Кабинет главреда потом отремонтировали и даже немного расширили, но в иные реставрационные работы деньги вкладывались со скрипом. Хотя всегда и Венедиктов, и Федутинов заявляли, что «Эхо Москвы» – прибыльная радиостанция. В январе 2014 года у меня в эфире радио «Коммерсантъ FM» состоялся забавный разговор. Заместитель министра связи России Алексей Волин спорил с журналистом Сергеем Пархоменко, и разговор неожиданно коснулся «прибыльности» «Эха Москвы»:

«С. Пархоменко: Знаете, это как «Эхо Москвы», на котором, что называется, нет ни одного целого стула во всей редакции на протяжении всех десяти лет, что я веду там передачу. Вот та же абсолютно ситуация с «Дождем». Это бедное телевидение, которое с трудом выживает».

А. Норкин: По поводу отсутствия стульев – это надо Федутинова спрашивать. Когда я работал на «Эхе Москвы», причем бесплатно, нам всегда говорили, что «Эхо Москвы» работает в прибыль!

А. Волин: Но стульев нет!

С. Пархоменко: Да, оно работает в копеечную прибыль, которую отдает «Газпром-Медиа» для того, чтобы «Газпром-Медиа» меньше лез. В ту секунду, когда «Эхо Москвы» вывалится в минус, «Газпром» в полном составе будет сидеть на редакционной «летучке» и объяснять, что ставить в эфир, а что нет. Вот и все. Поэтому «Эхо Москвы» без единого целого стула пытается каким-то образом как-то сохранить ощущение прибыльной радиостанции. Она прибыльна на три рубля – это правда».

Вопросы прибыльности «Эха Москвы» меня, разумеется, не касались, хотя мне всегда казалось сомнительным, что «Газпром-Медиа» терпит эфирные закидоны «Эха Москвы» исключительно из-за трех рублей прибыли. Я уже говорил, что финансовая зона ответственности целиком и полностью лежала на плечах Федутинова, поэтому не могу не думать о том, что Алексей Алексеевич «сдал» Юрия Юрьевича, когда, так сказать, пришла пора. Венедиктов выбрал меньшее из зол и не стал бороться за сохранение Федутинова на его посту. Это мое предположение, основанное на знании того, как Алексей Алексеевич умел применять свой административный ресурс в случае необходимости. В эпизоде с отставкой Федутинова этого не произошло, и бессменный гендиректор радиостанции, двадцать лет обеспечивавший ей «прибыльность», был вынужден уйти.

Ну а на рубеже 2006–2007 годов Юрию Юрьевичу пришлось строить на «Эхе Москвы» полноценную телевизионную студию: съемочный павильон и аппаратную. Руководил же процессом лично Венедиктов. Аппаратную он особо не жаловал, поскольку осознавал, что понимает мало, но к оформлению непосредственного места съемок подходил очень активно. Запросы Венедиктова поставили наших дизайнеров в тупик. Семена Левина уже не было в живых, и спорить с громовержцем было некому. Ребята никак не могли уяснить, чего от них хочет главред «Эха Москвы», потому что он скрещивал телекамеры, просмотрные мониторы и другие элементы декорации столь смело, что ему могли бы позавидовать самые энергичные пионеры-мичуринцы, если бы таковые имелись на телевидении.

Логичным финалом этого противостояния стал прямой конфликт. Мы с Юлей, напомним, занимавшей должность главного продюсера, привезли дизайнеров в будущую студию телекомпании «Эхо» на радио «Эхо Москвы». Президент «Эхо ТВ» Алексей Венедиктов начал пальцем показывать, где должны сидеть гости, где должны стоять камеры и т. д. Дизайнеры робко возражали, что сделать так, как хочет Алексей Алексеевич, невозможно по техническим причинам. Венедиктов начал злиться и требовать, чтобы все было выполнено именно так, а не иначе. И тут у Юльки сдали нервы. Когда мы ехали на эту встречу, она очень просила меня быть спокойным и не спорить с Лешей, но не сдержалась сама. После очередной гневной реплики Венедиктова она неожиданно вышла вперед, отвесила ему земной поклон и громко спросила: «Что еще царь-батюшка пожелает?» Девчонки-референты «Эха Москвы», приглашенные для ведения протокола беседы, так и прыснули со смеху, но тут же замолчали, ибо «царь-батюшка» побагровел столь отчетливо, что я испугался, не хватил ли Алексея Алексеевича insult.

Слава богу, со здоровьем Венедиктова ничего страшного не случилось, хотя построить студию на «Эхе Москвы» в полном соответствии с его пожеланиями, разумеется, не удалось. Но это уже не имело никакого значения – перехват управления был завершён. Давнее предсказание Павла Широва сбылось целиком и полностью, и «временно поставивший свою раскладушечку» Венедиктов вытеснил нас на улицу. Эфир RTVi начал наполняться телетрансляциями передач радиостанции. Стало меняться и содержание новостей, хотя, казалось бы, какие еще изменения могли происходить? Но они происходили. Нам пришлось приводить новости во все большее соответствие с содержанием «эховских» программ, чтобы избежать путаницы в сознании зрителей. У единого СМИ, каковым теперь стали телекомпания и радиостанция, не могли существовать две различные редакционные политики. А главной темой «Эха Москвы» уже прочно стал «третий срок Путина». До выборов президента оставался еще год, но в либеральной тусовке никто не сомневался, что Владимир Путин нарушит Конституцию и останется на посту главы государства. Этому были посвящены абсолютно все дискуссии в радиоэфире. Это стало и основным содержанием наших информационных выпусков.

Я приехал к Гусинскому и попросил отставки. Сказал, что больше не могу и не хочу работать с Венедиктовым, потому что не вижу в этом никакого смысла. Отставку мою шеф не принял. Сопроводив отказ очередной просьбой потерпеть, Владимир Александрович объявил Юле, что она выполнила свою функцию на телевидении и теперь может спокойно заниматься домашними делами. Это, конечно, не могло не быть связано с нашим сопротивлением Алексею Алексеевичу. Но Венедиктов не был бы Венедиктовым, если бы не придумал очередного фокуса и не оставил утопающим, то есть мне и Юльке, последнего шанса. Было очевидно, что нам ничего не оставалось, как уходить, но Гусинский внезапно попросил нас... помочь «Эху Москвы». Просьба означала работу в эфире радиостанции, оказавшейся в непростой кадровой и финансовой ситуации.

Какой кадровый голод обрушился на «Эхо Москвы», нам не разъяснили, а фраза про непростую финансовую ситуацию означала лишь то, что работать в радиоэфире мы должны были бесплатно. Почему мы согласились? Не знаю. Сегодня я не могу ответить на этот вопрос. Я уже несколько месяцев приезжал на работу в состоянии, которое описывается словами «ноги не несут». Я пересиливал себя, отправляясь каждый день на «Эхо ТВ». Юлька чувствовала себя точно так же. Возможно, появление в эфире на радио казалось нам последним шансом работать в буквальном смысле вместе. В телекомпании нас уже развели в разные стороны. И почему-то мне кажется, что многие наши, так сказать, коллеги были бы не прочь развести нас и вне работы. Поэтому мы стиснули зубы, сжали кулаки и начали выходить в эфир с программой «Дневной разворот». Раз в неделю. Это произошло уже в самом конце 2006 года. А в самом начале 2007-го получилось так, что наша «как бы» помощь «Эху Москвы» стала реальной. Произошло это из-за смерти Андрея Черкизова, который вел на радио еженедельную программу под названием «Кухня Андрея Черкизова». Час воскресного эфира оказался пустым,

и тогда мы с Юлькой по просьбе Венедиктова заняли и его. Венедиктов не стал делать кальку с программы Андрея, а возродил один из прежних проектов «Эха», «Одну семью времен Владимира Путина». Вот эти встречи с простыми жителями Москвы мы с Юлькой и стали проводить на «Кухне Андрея Черкизова». И делали это почти год, до момента моего увольнения.

Должен сказать, что если над предложением вообще работать в эфире «Эха Москвы» мы еще как-то думали, то просьбу продолжить программу Андрея, пусть и в измененном виде, приняли сразу. Потому что нам казалось справедливым то, что его имя продолжит появляться в эфире «Эха». Даже заставка программы осталась прежней: было слышно, как некий мужчина смачно выпускает сигаретный дым, а потом прихлебывает из чашки то ли чай, то ли кофе. И ни у кого не возникало никаких сомнений, что это делал Андрей Черкизов.

Радиоэфир тоже требует подготовки

Он был удивительным человеком, ярким, страстным и глубоко несчастным. Вся его жизнь, хотя я близко общался с Черкизовым только в его последние годы, была сплошным эпатажем. Это могло выражаться во внешнем виде – Андрей мог ходить в своей засаленной

жилетке и шортах до глубокой осени. Это могло выражаться в его бравировании собственными сексуальными пристрастиями, в чрезмерном увлечении алкоголем и сигаретами, да в чем угодно! Однажды, когда мы большой компанией приехали в Израиль, Черкизов остановился отдельно от нас. Он арендовал машину и периодически присоединялся к общим собраниям, проводя остальное время по своему плану. И вот мы все стояли на углу гостиницы Dan и ждали Андрея, которого все не было и не было. В какой-то момент наше внимание привлек трехэтажный мат, раздававшийся из автомобиля, медленно приближавшегося к отелю по встречной полосе! Оказалось, что Черкизов немного запутался в дорожных знаках, проскочил въезд на парковку перед гостиницей и вырулил совсем на другую дорожку. Что его, впрочем, не смутило. Высунувшись из окна, он уверенно, я бы сказал, безапелляционно выговаривал всем остальным водителям, что он о них думает. Те настолько терялись, что старались как можно быстрее прижаться к бордюру и пропустить этого страшного бородатого человека, почему-то не признающего никаких правил дорожного движения.

В последние годы жизни Андрей выглядел очень уставшим. Он ведь умер в пятьдесят два, хотя всегда казался намного старше своего возраста. Причиной смерти стал инфаркт, что, к сожалению, было вполне логичным при его образе жизни. Мне иногда казалось, что единственная вещь, которая Черкизова никогда не интересовала, – это его собственное здоровье. Вот работа его интересовала. Беспокоила и мучила. Он устал от отсутствия перемен в своей работе, так я думаю сейчас. И не могу избавиться от чувства вины.

Много лет делая для «Эха Москвы» злободневную «Реплику», после создания «Эхо ТВ» Андрей стал записывать для нас и телевизионную версию этой короткой программы. Но короткая – не значит простая. В какой-то момент Черкизов начал откровенно халтурить. В его «Реплике» уже не было самого Черкизова, его авторского мнения. Он долго пересказывал содержание той или иной новости, и лишь в конце скупко обозначал свою позицию. Я несколько раз просил Андрея обратить на это внимание. Он вяло соглашался, но потом все повторялось снова. Я вынужден был обратиться к Венедиктову, потому что Андрей оставался его сотрудником, хотя ответственность за качество телепрограммы нес я. Венедиктов снял Андрея с эфира. И сегодня я не могу не думать о том, как Черкизов перенес это решение. Возможно, его-то он и не перенес?

Андрей очень хотел уехать в Израиль. Он неоднократно просил Гусинского найти возможность предоставить ему работу в местном бюро RTVi. Гусинский такой возможности не видел. Тогда Андрей стал просить Березовского сделать его корреспондентом «Коммерсанта» в Израиле. Березовский тоже отказал. Так все и закончилось... На похороны Андрея мы не поехали, помянув его дома. Я не хотел слушать лицемерные разглагольствования некоторых коллег, которые ранее объясняли нам с Юлькой, какую ошибку мы совершили, пригласив Черкизова к себе домой, на празднование Юлькиного дня рождения. Они, видите ли, таких людей, как Черкизов, никогда бы не пригласили! А Андрей тогда, естественно, остался у нас ночевать, долго и тщетно пытался выгнать из-под кровати одного из наших котов, ночью выпил весь алкоголь, который еще оставался в доме, а утро провел в беседах с моим отцом, очаровав его своим парадоксальным сочетанием хамства и интеллигентности, сочетанием, присущим только Андрею Черкизову...

День рождения Юли. Справа налево: Матвей Ганапольский, Светлана Сорокина, Алексей Венедиктов, Эрнест Мацкявичюс с супругой Алиной. На полу сидит Андрей Черкизов

Весной 2007 года телекомпания «Эхо ТВ» рассталась со зданием в Большом Палашевском переулке, в котором росла, крепла и развивалась творчески целых пять лет. Наш дом уходил в качестве уплаты долга компании ЮКОС, поэтому начались поиски нового ПМЖ. Вариантов оказалось много, они были разными и по престижности места, и по комфортабельности помещений. Лично мне больше всего нравился производственный комплекс на Дербеневской набережной, который перестраивали под офисы, торговые центры и другие объекты инфраструктуры «позднелужковской» Москвы. Но Гусинский, как всегда, принял собственное решение, распорядившись переезжать на улицу Правды, где мы стали ближайшими соседями ВГТРК, что Владимира Александровича почему-то очень радовало. Это чувство не было искренним, в нем преобладал сарказм и даже злорадство, мол, «теперь Добродеев каждый день будет ощущать наше присутствие!». Не знаю, думал ли Гусинский об этом всерьез, но жизнь телекомпании «Эхо ТВ» на улице Правды не задалась. Возможно, из-за того, что началась она с «неправды»?

Дело в том, что Гусинский просто не заплатил строителям, которые ремонтировали помещения, выбранные для нашей новой студии. Я об этом узнал много позже, уже после того, как мы начали выходить в эфир. Режиссер Леонид Гюне, с которым Юлька работала еще на ТВ-6, делая и «Забытый полк», и свой проект «Над пропастью», позвонил ей и рассказал, что на него через общих знакомых вышли представители компании, выполнявшей наш заказ на строительство студии на улице Правды. Им ничего не заплатили за работу, и они хотели бы найти людей, имеющих возможность напрямую спросить у Гусинского, когда же он выполнит свои обязательства? Юлька рассказала об этом мне, и я при первой же возможности переадресовал

этот вопрос Владимиру Александровичу. Именно тогда я и услышал, что он никогда не ведет переговоры с теми, кого может просто послать...

Этот разговор состоялся уже осенью 2007 года, окончательно расставив все точки над *i*. Как можно было продолжать работу после такого откровения? Мы с Юлькой сгорали со стыда, когда передавали ответ Гусинского противоположной стороне. К нам строители никаких претензий не имели, прекрасно понимая, что мы сами никаких решений не принимаем, но чувство причастности к этому грязному обману было для нас просто невыносимым. Потому что я осознал, что «выносил» самые разнообразные безобразия недопустимо долго. Справедливости ради должен сказать, что я уже чувствовал и изменение отношения работодателей лично к моей персоне. С моей стороны это не было ревностью или обидой, скорее чувством тревоги, потому что после переезда на «Правду» я растерял остатки своего статуса руководителя телекомпании.

Программы «Эха Москвы» теперь шли непосредственно из студии на Новом Арбате, на радиостанции возникла параллельная редакция, определявшая, что и как будут в этих программах говорить. Гусинский вдруг стал менее доступным для телефонных разговоров. Даже кабинет главного редактора, то есть мой, оказался отделен от помещений других руководителей «Эхо ТВ» и располагался теперь в крошечной камерке под лестницей, в которой я, конечно, мог воображать себя Гарри Поттером и строить планы чудесного преображения в могущественного волшебника. Но мне уже было далеко не одиннадцать лет, так что я прекрасно «считывал» все посылаемые мне сигналы.

Кульминация праздника. Елена Гусинская готовится резать торт

Возможно, поэтому мое последнее путешествие в Израиль в качестве сотрудника RTVi вышло наименее приятным. Эйлат до сих пор остается единственным местом, которое мне в Израиле категорически не нравится. Мы летели туда вдвоем, взяв с собой дочь, чтобы отметить день рождения жены Гусинского, Лены. Для начала в Домодедово выяснилось, что на рейс авиакомпании «Трансаэро» в Тель-Авив билетов продали в два раза больше возможного.

Разразился скандал, окончания которого мы дожидаться не стали. Мы собирались добраться до Эйлата на автомобиле, чтобы не совершать второго перелета в течение дня. Поэтому я сдал билеты «Трансаэро», а купил на самолет израильской авиакомпании El Al. К тому моменту всех остальных членов нашей делегации уже обеспечили местами на проблемном трансаэровском рейсе, и они улетели в пункт назначения.

Когда мы приземлились в аэропорту Бен-Гурион, то увидели, что наши коллеги грустно стоят в зоне выдачи багажа. Оказалось, что местные грузчики объявили забастовку и прекратили обслуживание всех рейсов за исключением тех, которые выполнял национальный авиаперевозчик, которым мы и прилетели. Пожелав друзьям удачи и терпения, мы получили свой багаж, забрали машину и через пять часов прибыли на место. Можно было доехать и быстрее, но я тогда впервые в жизни сел за руль автомобиля с автоматической коробкой, так что старался проявлять повышенную внимательность. Тем не менее пару раз я путал педали, и жена с дочкой ошутимо прикладывались лбами к спинкам сидений переднего ряда.

Гусинский был верен себе и собрал всех гостей в Hilton Eilat Queen Of Sheba Hotel. «Царица Савская», естественно, имела в своем рейтинге пять звезд, но, на мой непрофессиональный взгляд, ничем не отличалась от любого другого пятизвездочного отеля. Хотя, возможно, это и является главным преимуществом таких гостиниц, в которых для их завсегдаев все всегда знакомо и находится на своем месте. Но самое интересное было вовсе не в гостинице, а в том, что, когда мы выходили из отеля на ужин, то встретили наших несчастных попутчиков, раньше нас прилетевших из Москвы. Они только-только приехали! Выяснилось, что все это время (пока мы путешествовали по стране на машине) они провели в аэропорту в ожидании своих чемоданов!

Завтрак в Эйлате

Так почему мне не понравился город? Эйлат – самый любимый курорт израильтян и, соответственно, самый раскрученный. Если евреи собираются отдохнуть на море, будьте уверены, они отправятся в Эйлат. Там можно купаться круглый год и там расположены отели, рассчитанные на любые финансовые возможности, в том числе довольно скромные. Но из-за

этого город напоминает грандиозный муравейник, замусоренный людьми и отходами их жизнедеятельности. Собственно, это даже не город, а скопище отелей и отельчиков, разместившихся на крошечном кусочке побережья, которое принадлежит Израилю. Если вы посмотрите на Красное море из окна любой эйлатской гостиницы, то справа от вас будет Египет, а слева – Иордания. Сам Израиль в любом случае останется у вас за спиной.

Мы приехали в Эйлат в августе, в самую жару, поэтому, пару раз окунувшись в море, отказались от этой затеи. Температура воды там почти никогда не меняется, болтаясь у отметки в двадцать пять – двадцать восемь градусов, но она все равно кажется холодной. Набережная была забита туристами и бомжами, которых в теплом Израиле и так предостаточно, но в таком количестве я их не встречал нигде. Не могу сказать, что на меня произвели хорошее впечатление и местные рестораны. Все по той же причине – слишком много людей! В Эйлате абсолютно весь бизнес развлечений направлен на то, чтобы обслужить как можно больше посетителей, так что на эксклюзивность времени не остается. Конвейер, он и в Эйлате – конвейер!

В Тель-Авиве я пару раз схлестнулся с Гусинским по рабочим вопросам, и мы расстались в не самом лучшем расположении духа. Уезжая, мы позвали Меерсонов в нашу любимую румынскую Mamaia, Гусинский об этом узнал и страшно обиделся! Марку как-то удалось разрулить ситуацию, и Владимир Александрович присоединился к нашему ужину, хотя был не в настроении, постоянно капризничал и жаловался на плохое самочувствие. Юлька закутывала его в какие-то свои невесомые летние накидки...

Последняя встреча

Наконец наступил ноябрь. Мне предстояло лететь в Лондон, чтобы утвердить бюджет на следующий год. Предварительно я обсудил мои предложения с Малашенко. Предложений было несколько, и все они, как я предполагал, подчеркивали необходимость серьезных и безотлагательных перемен во всем, что касалось деятельности «Эхо ТВ» и RTVi. Игорь Евгеньевич меня полностью поддержал, так что в Лондон я собирался почти спокойно.

Лирическое отступление: Игорь Евгеньевич Малашенко

Игорь Малашенко так часто появлялся на страницах этой книги, что в специально посвященной ему главе, наверное, осталось сказать не так уж и много. Есть, впрочем, и другая причина. Малашенко всегда существовал отдельно от всех нас. Даже присутствуя в одном помещении вместе с вами, Игорь Евгеньевич всегда умел показать, что на самом деле он находится где-то гораздо выше и занят вопросами, по своей важности никак не сравнимыми с теми пустяками, по поводу которых беспокоитесь вы.

На НТВ, когда я только пришел туда работать, про Малашенко говорили с придыханием. Сам я никогда не видел, но много раз слышал, будто весной 1999 года, после выхода на экраны фильма «Матрица», Малашенко стал вести себя как Нео⁵⁸. Якобы он даже одевался, как персонаж Киану Ривза, визитной карточкой которого был черный кожаный плащ и такие же черные солнцезащитные очки. По-моему, это похоже на бред! Не только потому, что я слабо представляю Малашенко подражающим кому бы то ни было, но прежде всего потому, что вряд ли Игорь Евгеньевич задумывался о таких вещах, как спасение человечества.

Тот Игорь Малашенко, которого я помню, скорее являлся наблюдателем, с философским спокойствием и легкой брезгливостью следящим за копошением мириад насекомых у него под ногами. Просто потому, что над его головой существовали мириады звезд, несомненно, более соответствовавших его статусу. Даже собственное знакомство с Гусинским в интервью журналу Forbes Малашенко описывал так, что эта его отстраненность сразу становилась заметной: *«Диалог был довольно странный, потому что мы люди совершенно разные по своей биографии и по манере общения, по всему. (...) Я думаю, что я на Гусинского произвел какое-то странное впечатление, и я таких людей, как Гусинский, до этого не видел, поэтому это был разговор двух разных биологических видов»*. Возможно, я вижу в этих словах смысл, которого в них вовсе нет, но я просто физически ощущаю дистанцию, которую Малашенко задает этой фразой.

Я не могу сказать, что это было однозначно плохо или однозначно хорошо. Несколько раз Игорь Евгеньевич допускал при мне совершенно хамские выходки, каковых себе не позволял даже Гусинский, представитель абсолютно иного «биологического вида». К чести Малашенко надо признать, что каждый раз он в таких случаях находил возможность извиниться. Пусть поздно, но это, как известно, лучше, чем никогда. С ним всегда было очень интересно разговаривать, особенно если он сам находился в настроении, располагающем к беседе. Собственно, вы не столько беседовали, сколько слушали, потому что его эрудированность просто поражала. Мы с вами можем провести небольшой эксперимент. Игорь Малашенко крайне редко давал большие интервью, поэтому почти все они без труда обнаруживаются в Интернете. Обратите внимание на то, как он отвечает на вопросы, и вы увидите, с какой легкостью Малашенко подкрепляет свое мнение цитатами. Они обязательно будут появляться, не в каждом абзаце, конечно, но очень часто. А ведь это не заранее подготовленный письменный текст на заданную тему! Мне всегда казалось, что Игорь Евгеньевич ставил себя вровень с теми людьми, которых цитировал. «Видите, – как бы говорил он, – они думают так же, как и я!»

Однако неправильно было бы считать, что Малашенко всегда пребывал в маске мизантропа или сноба. Очень редко он раскрывался и тогда начинал говорить о вещах, не имевших отношения к ходу современных политических процессов или к урокам истории. Так, он очень интересно, можно сказать с любовью, рассказывал об Италии. Как я понимаю, его увлеченность этой страной зародилась еще в молодости, но побывать в Италии он смог гораздо позже, едва ли не после всех событий вокруг НТВ. Но все равно эти его рассказы выглядели необычно.

⁵⁸ Томас Андерсон, он же Нео, он же Избранный, – главный герой фильма «Матрица», единственный, кто был способен спасти человечество от захвативших мир машин.

Потому что он мог говорить о чем угодно, но не о людях! О городах, зданиях, дорогах, машинах, но не о жителях этой страны.

У нас дома хранится подарок Малашенко – роскошный фотоальбом «Путешествие в Италию», который открывается посвящением «Моей дочери Лизе». Есть там и его автограф, оставленный черным фломастером: «Андрею и Юле! И. Малашенко. 24.05.2006. Нью-Йорк». То есть он подписал его гораздо раньше нашей встречи, потому что, как я говорил, мы с женой были в Штатах всего однажды, в октябре 2006 года. Это очень интересная книга, много говорящая об авторе. Приведу две фразы, взятые из интервью Малашенко «Радио «Свобода»: «Я сторонюсь публичности» и «Жизнь человека не сводится к его успехам на общественном поприще. Это относится и ко мне». Почему я сейчас его цитирую? Потому что эти слова перекликаются с «Путешествием в Италию». У книги нет никаких дополнительных данных: ни тиража, ни названия издательства, только маленький штамп на английском («Printed in Korea») на четвертой странице обложки. Вот вам иллюстрация к первой фразе. На фотографиях, которые представлены всегда парно, как черно-белые и цветные изображения одного и того же объекта, запечатлены города, улицы, архитектурные сооружения и т. д., люди же почти отсутствуют. Они есть, но все время куда-то спешат. Спешат покинуть кадр, который так тщательно выстраивает автор. Не потому ли, что его не интересуют их успехи на общественном поприще?

Но Малашенко не был бы самим собой, если бы даже альбом собственноручно сделанных фотографий не сопровождал специальным пояснением. Оно выглядит почти как цитата: «В начале был смысл. Смысл был у Бога. Человек искал смысл. Человек строил Италию. Бог любит Италию. В Италии есть смысл. Смысл заключен в деталях. В том, что видишь, есть смысл. В описаниях нет смысла. Путешествие имеет смысл». Согласитесь, прочитав подобное предисловие, вы просто не сможете отнестись к книге, которую держите в руках, как к банальному альбому с фотографиями, рассказывающими об отпуске, проведенном минувшим летом в солнечной Италии.

Вот такие черточки, отмечаемые мной в манере поведения Игоря Евгеньевича, в его высказываниях и умолчаниях, и складывались в портрет, который я в меру своих сил сейчас пытаюсь нарисовать. О своей семье он упоминал всего несколько раз, в отличие от Гусинского, который постоянно делился какими-то историями о жене и сыновьях. Для Малашенко это была почти табуированная тема. Почему? Это другой вопрос, ответ на который я, естественно, дать не могу. Хотя не могу и не обратить внимания на то, что большую часть своих путешествий Малашенко совершал без семьи. Его супруга Елена и их дети остались единственными членами «ближнего круга» руководителей RTVi, с которыми я так и не познакомился за все прошедшие годы.

После возвращения Игоря Евгеньевича в Россию, о котором я ничего не знал до тех пор, пока на редакционной летучке радио «Коммерсантъ FM» мне не сообщили о московском мероприятии с участием Игоря Малашенко и его жены (!) Божены Рынки, тема личной жизни моего бывшего начальника стала окончательно запретной уже для меня. Эта новость, несомненно, просто свалила меня с ног, но все же меня интересовали подробности политического характера, а никак не интимного. В октябре 2012 года мне позвонили с телеканала «Дождь» и попросили принять участие в качестве приглашенного интервьюера в программе Hard Day's Night, героем которой был заявлен Малашенко. Я спросил, не возражает ли против этого сам Игорь Евгеньевич, ведь наше расставание произошло при весьма драматических обстоятельствах? Игорь Евгеньевич не возражал.

Мы встретились, приветливо пообщались по ничего не значащим темам, он представил меня Божене. Потом начался эфир, и я несколько раз безуспешно пытался вытянуть из него подробности его возвращения. «Как вам это удалось?» – «Я сел в самолет и прилетел из города Киева, ни у кого ничего не спрашивая». Малашенко крайне неохотно отвечал на мои вопросы, но даже этих коротких фраз хватало для того, чтобы сделать определенные выводы. «Я не

думаю, что Гусинский может просто сесть в самолет и вернуться. Его ситуация более сложная. У меня нет мании величия, я не Гусинский». В конце концов он просто свернул эту тему:

«А. Норкин: Был разговор с Гусинским, он на пальцах объяснил, что зря мы себе выстраивали воздушные замки про «свободу слова». Это – бизнес, вопрос денег. Рано или поздно он может быть продан, потому что достигнута определенная цель, и это не идеалистическая цель.

И. Малашенко: Он очень стесняется своего идеализма. Идеализм ему присущ. Если бы он был таким прагматиком, с ним бы не случилось то, что случилось. Он вел бы себя гораздо более прагматично. Наверное, я неэффективный политконсультант. Но наш разговор приобретает характер междусобойчика».

Многие наши общие знакомые говорили мне, что Гусинский и Малашенко разругались и поводом стала очередная медийная неудача Владимира Александровича, постигшая его теперь уже на Украине. Я никогда не интересовался подробностями проекта под названием ТВi и не знаю, кто был виноват в этом новом фиаско. Если верить тому же Малашенко, партнер Гусинского по проекту – Константин Кагаловский – обманул Владимира Александровича, размыв его долю. Противоположная же сторона конфликта обвиняла во всем Гусинского, который спровоцировал скандал своим недобросовестным поведением, потому что попытался продать каналу телепродукцию собственного производства по завышенной стоимости. Честно говоря, эта история меня совершенно не взволновала, но про взаимоотношения Гусинского и Малашенко я такого сказать никак не мог. Один из очень влиятельных теледеятелей нашей страны, имя которого я не хочу приводить в данном контексте, комментируя обстоятельства возвращения Малашенко в Россию, сказал мне: «Игорь сошел с ума!» Думаю, тогда в этой оценке была излишняя доля эмоций. Хотя и Гусинский во время нашей последней с ним встречи, в 2013 году, ушел от ответа на вопрос, что произошло между ним и Малашенко.

Сам Игорь Евгеньевич до сих пор хранит молчание по этому вопросу. Но по некоторым признакам можно понять, что в определенных проектах Гусинского он все-таки по-прежнему участвует, пусть это и не приносит ему большой радости. *«Он действительно прирожденный медиабарон, и в этом смысле он все чувствовал правильно. Возможно, он был слишком азартен, но это уже другой вопрос. Неазартные люди не создают медиаимперий»,* – это слова о Гусинском, сказанные Малашенко в уже упомянутом интервью журналу Forbes.

Что же радовало этого закрытого человека в то время, когда мы с ним еще общались? Возможно, это были какие-то вызовы самому себе, которые скучающий в нашей компании Малашенко придумывал, чтобы окончательно не сойти с ума. Как я уже говорил, масштаб нашей деятельности – RTVi, NEWSru.com, «Эхо Москвы» – был для него слишком мелким. Иногда у меня появлялась крамольная мысль: «А не считает ли Малашенко, что он оказался у Гусинского на иждивении?» Всего несколько лет назад этот человек руководил политическими процессами в огромной стране. По крайней мере, боролся с соперниками из одной весовой категории. А теперь он вынужден заниматься какой-то ерундой, делая вид, что она почему-то крайне важна. Ну и вопрос денег... Можно быть президентом компании, акционером СМИ, руководителем, консультантом и т. д. и т. п. Но если все эти проекты созданы или принадлежат другому человеку, представителю «иного биологического вида», разве это не повод, чтобы задуматься?

Поэтому время от времени Игорь Евгеньевич начинал «совершать подвиги». Например, он мог решить взойти на гору Масада не как современный турист, а как древний еврейский воин, по сохранившейся до наших дней легендарной «змеиной тропе». Сейчас этот маршрут используют в качестве испытания новобранцев израильской армии перед принятием военной присяги. Малашенко прошел по «змеиной тропе», но позднее признавался, что это был самый глупый поступок, который он совершил в своей жизни. Возможно, он просто кокетничал. Возможно, ждал от нас более воодушевленной реакции на его «подвиг». Хотя в других случаях,

напротив, старался добиться того, чтобы никто не знал о том, что он делает. Как-то от Марка Меерсона я совершенно случайно узнал, что в каждый свой приезд в Иерусалим Малашенко посещал монастырь Марии Магдалины, доставляя туда подарки, в основном продукты питания. Почему он так поступал? Почему никогда не рассказывал о таких вещах, как будто чего-то стыдился? Понятия не имею. Могу лишь предполагать, что Игорь Малашенко очень боялся показаться человечным. Он всегда был сверхчеловеком, заряженным на результат, лишенным эмоций, оперировавшим только фактами и своими энциклопедическими познаниями. Любое проявление чувств могло нанести вред этому образу, поэтому он их прятал, поэтому всегда был «застегнут на все пуговицы», даже если сидел в рубашке с распахнутым воротом.

Малашенко так и остался для меня человеком, укrywшимся за бронированными стенами, которые сам возвел вокруг себя. О том, что где-то в глубине этого мощного фортификационного сооружения прячется живая душа, оставалось только догадываться. *«Я же не надувался, как мышь на крупу, говоря, что теперь в вашей песочнице я играть не буду. Я оказался вычеркнут из списка живущих, но я, извините, сам этого не делал»*, – сказал он в интервью «Радио «Свобода» спустя несколько лет по возвращении в Россию. И я в этих его словах слышу обиду. Обиду талантливого, амбициозного человека, который после долгих скитаний вернулся домой и вдруг понял, что здесь он уже никому не нужен.

Глава 38

Интересно, сколько часов я налетал в самолетах во время своих бесчисленных командировок? Вообще, мне летать нравится. Хотя я человек очень тяжелый на подъем, я люблю вокзальную суету, причем совершенно не важно, о каком вокзале идет речь – о железнодорожном или аэровокзале. Бесконечные проверки – документы, багаж, билеты – представляются мне каким-то важным ритуалом, который в то же время обещает нечто очень приятное. Думаю, эти мои ощущения объясняются тем, что я люблю уезжать из дома, потому что очень люблю в него возвращаться. Ты едешь или летишь куда-то далеко-далеко, потому что это нужно, это необходимо. А потом совершаешь те же самые ритуалы, чтобы вернуться домой, туда, где тебя ждут.

Конечно, бывало всякое. Однажды, вылетев из Москвы в Тель-Авив, мы услышали сообщение командира экипажа, что наш самолет вынужден вернуться в аэропорт Домодедово. Как выяснилось несколькими минутами позже, у самолета отказал один из двигателей. Без малого два часа мы кружили над окрестностями Москвы, вырабатывая топливо перед вынужденной посадкой. Ощущения были не самые приятные. Особенно это стало понятно, как ни странно, уже после посадки. Самолет катил по взлетно-посадочной полосе, по обеим сторонам которой, как в фильме «Экипаж», стояли многочисленные пожарные машины и кареты «Скорой помощи».

Пока мы сидели в самолете, ожидая нового вылета, какие-то люди сновали около сломавшегося двигателя и озабоченно чесали в затылках. Из иллюминатора было видно, как они передавали друг другу какую-то небольшую металлическую штуковину. Я так и не понял, что это такое, но в нашей маленькой компании все выражали уверенность в том, что это была *та самая* испорченная деталь. Венедиктов позвонил Гусинскому и сообщил, что самолет сломался, из-за чего мы вынуждены были вернуться в Москву и теперь ждем другого рейса. «Это что же, я из-за вас теперь голодным останусь?» – возмутился Гусинский, рассчитывавший, что мы приедем к нему как раз к обеду. «Блин, Володя, мы тут едва не разбились, а ты сокрушаешься из-за обеда!» – в свою очередь рассердился Венедиктов.

Впрочем, главным приключением, связанным с авиаперелетами, безусловно, можно считать историю, случившуюся с Шендеровичем. Летом, когда все главные телевизионные программы традиционно уходили на каникулы, Виктор Анатольевич, так же по традиции, сбрасывал весь волосяной покров головы, включая, естественно, усы и бороду. Однажды, уже, так сказать, перейдя к своему отпускному образу, Шендерович решил совместить приятное с полезным. Отдохнув какое-то время вместе с женой и дочерью на турецком курорте, он оставил их релаксировать на местных пляжах, а сам прилетел в Израиль, чтобы присоединиться к нашим деловым переговорам. Все шло хорошо до момента вылета на Родину.

Я уже говорил, что меры безопасности в аэропорту Бен-Гурион весьма жесткие. Причем въезд в Израиль как процедура выглядит гораздо проще, чем выезд. Объясняется это тем, что за безопасный вылет самолетов из Бен-Гуриона отвечают местные службы, а им совершенно не нужны никакие проблемы. Так что проблемы они создают сами – для пассажиров. Особенно для тех, кто торопится. Однажды Малашенко решил подшутить над сотрудниками главного израильского аэропорта и отказался разговаривать с ними. В качестве ответов на их вопросы: где вы были, куда ездили, с кем встречались, – он предъявлял документы: счет из гостиницы, квитанции на такси, чеки из магазинов и ресторанов и т. д. Это была очень рискованная шутка, потому что работники службы безопасности быстро поняли, что Малашенко над ними издевается, но он настолько тщательно подготовил всю операцию, что прицепиться к нему было не за что.

Виктор Шендерович, напротив, не собирался никого разыгрывать. Все случилось само по себе. На первом же пункте контроля, представлявшем собой небольшой попугай, за которым

стоял молодой человек в форме, проверявший паспорта туристов, Шендеровича спросили, что он делал в Израиле. Тот ответил, что встречался с партнерами по бизнесу. Последовал вопрос, каким бизнесом он занимается. Шендерович, начиная потихоньку раздражаться, сообщил, что он вообще-то писатель и даже может показать свою книгу. Молодой человек заинтересованно попросил сделать это, потому что фотография в паспорте никак не походила на лицо его владельца. Шендерович достал из сумки одну из своих книжек, на обложке которой был размещен его портрет. Но и на этой фотографии он представлял в своем обычном виде, то есть при усах, бороде и какой-никакой прическе. Сейчас же он был лысым и гладким, как бильярдный шар! Молодой человек в форме снова посмотрел на сфотографированного волосатого и небритого Шендеровича, потом – на живого и лысого, покачал головой и позвал своего коллегу. Присоединившийся к разговору другой молодой человек в форме начал свое общение с Шендеровичем с повторения уже заданных ему вопросов про цель приезда в Израиль, про бизнес и про книжки писателя Шендеровича. Но поскольку этот молодой человек занимал более высокую должность, чем первый, в своем общении с Витей он продвинулся дальше, спросив, откуда тот прилетел в Израиль. «Из Турции», – в отчаянии крикнул Шендерович, потому что внезапно понял, что не сможет это доказать. «Из Турции? – по-прежнему мягко переспросили его. – У вас есть билет?» «Нет! – снова закричал Шендерович. – Я выкинул билет, когда прилетел сюда!» Двое молодых людей в форме покачали головами и... пригласили третьего коллегу, который опять повторил те же самые вопросы, после чего попросил господина Шендеровича проследовать за ним. И мы потеряли Виктора из виду...

В самолет он вбежал в самый последний момент, весь пунцовый он гнева. Что с ним происходило после того, как его отсеяли от нашей группы, он красочно рассказывал нам уже во время полета. Выяснилось, что заподозрившие что-то неладное сотрудники аэропорта Бен-Гурион вознамерились провести тщательный осмотр писателя-сатирика. В специально отведенном для таких целей кабинете Шендеровича начали проверять металлоискателем. Естественно, почти сразу он зазвенел. Его попросили выложить из карманов все металлические предметы. Он опять зазвенел. Его попросили раздеться до белья. «Я – писатель! Я – журналист! Я известный в России телеведущий!» – кричал Шендерович, стаскивая брюки. Оставшись в одних трусах, он был уверен, что унижительная процедура наконец-то будет закончена, но... Предательский звон раздался в тот же самый момент, когда металлоискатель проходил над самым интимным районом тела несчастного!

Мы просто умирали от хохота, слушая его рассказ. «Витя! Это звенели яйца?» – утирая слезы, выдавила из себя моя жена. «Не знаю! – ответил Шендерович. – На мне ничего не нашли!» Это было ужасно, но ни один из нас даже не думал сочувствовать Виктору Анатольевичу. Напротив, мы его нещадно дразнили, говоря о том, что совсем скоро вся Москва узнает, что писатель Виктор Шендерович на самом деле – индейский вождь по имени Звенящий Пенис! Шендерович успокоился только на подлете к Москве.

Однако с этим он поторопился. На паспортном контроле в Домодедово мы пропустили Витю вперед, чтобы как-то компенсировать его израильские мучения. Но Шендеровича не пустили на Родину! Женщина-пограничник повертела в руках его паспорт, бросила на стоявшего перед ней мужчину озабоченный взгляд и... пригласила на помощь свою коллегу! Тут уж мы закричали изо всех сил: «Это он! Он! Это – настоящий Шендерович, только лысый!» Под этот аккомпанемент писатель-сатирик наконец-то смог прорваться в Россию.

Полет в Лондон в конце ноября 2007 года никакими смешными подробностями не запомнился. Станным было лишь то, что я летел один, а не как обычно – в составе большой делегации. И, поселившись в гостинице, я обнаружил, что никого из моих знакомых там тоже не было. Тем не менее никакого беспокойства я не испытывал. Я хорошо подготовился к предстоящему разговору и кроме того рассчитывал на помощь Малашенко. Вечером наша компания собралась за ужином в индийском ресторане почти в полном составе. Отсутствовал лишь Алексей

Венедиктов. Помню, что я ел курицу-карри, которая по цвету напоминала краба. Водку нам принесли в виде коктейля, в высоких узких бокалах и с кубиками льда! В общем, ужин оказался экстремальным. Как и мой разговор с начальством, последовавший уже на другой день.

Проходил он в квартире Гусинского, в доме, расположенном недалеко от российского посольства, что меня уже не удивляло. Рядом с жильем Владимира Александровича всегда находился какой-нибудь знаковый объект. В Тель-Авиве это было посольство США, в Лондоне – посольство России. В первом случае это выглядело как проявление уважения, во втором – как издевка. Я пришел точно в назначенное время, потому что ужасно не люблю опаздывать, но Гусинский, Малашенко и Федутинов уже были на месте. Венедиктов снова отсутствовал, скорее всего, не случайно.

Беседа с самого начала приняла неожиданный для меня оборот. Гусинский стал предъявлять мне одну претензию за другой: почему эта сотрудница не уволена; почему эта передача не закрыта; почему то, почему се? Я отвечал по пунктам: увольнять сотрудницу не разрешил гендиректор, потому что она – мать-одиночка с двумя детьми; передачу не закрыли, потому что на нее ссылаются российские информационные агентства, ну и т. д. Федутинов, глядя в пол, молча кивал головой, что казалось мне проявлением поддержки. Потихонечку я сам начал переходить в наступление, напомнив Гусинскому, что индексация зарплаты в «Эхо ТВ» не проводилась, что редакционная политика меняется в угоду «Эхо Москвы» вопреки моему мнению, что нам полностью урезали командировки, что давным-давно пора обновить имеющиеся у нас комплекты ТЖК. Все это нужно было делать, если акционер по-прежнему хотел развивать проект. Тут Гусинский сказал мне, что «развивать» «Эхо ТВ» в смысле «вкладывать деньги» он не будет. Потому что уже некоторое время... ищет покупателя. И в связи с этим предлагает мне полностью сконцентрироваться на выполнении программы Венедиктова, которая предусматривала сокращение штата, постепенный отказ от новостей и полный переход на трансляцию передач радиостанции.

Я ответил, что вряд ли смогу продолжать работу в таком случае, потому что не хочу нести ответственность за подобный продукт. «Мне дорога моя репутация!» – сказал я, подразумевая под этим лишь то, что всю свою профессиональную жизнь занимался новостями, а не понятной лишь одному Венедиктову «телевизацией» радиоэфира. И тут Малашенко просто выпрыгнул из кресла! «Репутация? – заорал он. – Это у меня – репутация, а ты – кусок говна!» Я, конечно, опешил от этого заявления, но нашел силы сдержаться. «Что ж, в таком случае я не вижу смысла в продолжении этого разговора», – ответил я и направился к двери.

В прихожей меня нагнал Игорь Евгеньевич, который сказал, что погорячился в выражениях и что мне не нужно спешить с принятием решения. Я вернулся, и еще некоторое время мы пытались найти компромисс. В какой-то момент я сказал Гусинскому, что хотел бы «обозначить вешки», которые сформировали бы мою зону ответственности, но его эта фраза почему-то ужасно разозлила. По-моему, он отнес ее на свой счет, решив, что я хочу ограничить *его* зону полномочий. Он закричал, что ему не надо ставить никаких вешек и вопрос решается просто: или я соглашаюсь работать в заданных условиях, или могу быть свободен. Я повторил, что предпочитаю «быть свободен». «Прекрасно! – подытожил Владимир Александрович. – Надеюсь, вы понимаете (он демонстративно стал обращаться ко мне на «вы»), что в ваших интересах оставить этот разговор без комментариев, иначе мы в состоянии обеспечить вам неприятности! Завтра я сообщу, кому вы передадите должность главного редактора».

Разговор был окончен. Точнее, закончен был не только разговор. Для меня тогда закончилась жизнь! У меня не было возможности быстро найти новую работу, а сбережений на «черный день» накопить не удалось, все уходило на обслуживание кредитов, образование детей, здоровье родителей... Что со всем этим теперь делать, я совершенно не понимал. Я вообще мало что понимал в тот момент. Шагая по улочкам Кенсингтона по направлению к своей гостинице, я по телефону пересказывал Юльке подробности состоявшегося разговора, пытаюсь ее

как-то поддержать. Хотя на самом деле в поддержке нуждался я сам. Наверное, еще никогда в жизни я так не паниковал, к тому же к панике примешивались обида и мерзкое ощущение, что меня предали. Ведь всего несколько дней назад Малашенко, разговаривая со мной по телефону, разделял мою критику и поддерживал мои предложения! Я говорил себе, что уже давным-давно должен был почувствовать, что все изменилось: настроение акционеров, редакционная политика, финансирование проекта и отношение ко мне. И я ведь все это действительно чувствовал, но когда все случилось именно так, как случилось, и мне указали на дверь, еще и сопроводив это требованием помалкивать, я оказался не готов.

Вернувшись в гостиницу, я переоделся, поскольку промок под противным холодным дождем, и спустился в бар, где заказал себе двойной Jack Daniels. Видимо, выражение моего лица было очень красноречивым, потому что бармен, протягивая мне заказ, спросил, нет ли у меня неприятностей. Я ответил, что ничего особенного не произошло, просто я только что потерял работу. «Это случается», – философски заметил парень и тут же повторил мой заказ, справедливо рассудив, что одной порцией я сегодня не ограничусь. Так оно и вышло. Я сидел в баре до глубокой ночи, пил и звонил отныне уже бывшим коллегам, с которыми проработал бок о бок несколько последних лет. Они удивлялись новости, которую я им сообщал, и произносили слова поддержки, уверяя меня в том, что все будет хорошо. И я был им очень благодарен, потому что чувствовал себя ужасно одиноким – ведь единственный человек, который мог бы по-настоящему меня поддержать в той ситуации, ждал меня дома. Жена ждала не опровержения плохих новостей и не плана по выходу из возникшего кризиса, она просто ждала меня: побитого, униженного и не очень трезвого...

На следующий вечер, в указанный мне час, я снова направился к квартире Гусинского. Но меня встретили на улице. Владимир Александрович вместе с коллегами уже направлялся на ужин. Среди тех, кого я видел еще два дня назад, появились и новые лица – Алексей Венедиктов и Евгений Киселев, которому, как выяснилось, я и обязан был сдать дела. Я спросил Гусинского, сколько времени я должен буду проработать в эфире информационной программы «Сейчас в России» в качестве ведущего. «А несколько, – ответил Гусинский. – Вы получите зарплату за два месяца, но в ваших услугах мы не нуждаемся уже с сегодняшнего дня».

Киселев стоял в паре метров от меня и Гусинского. Он глядел в нашу сторону и ошеломленно хлопал глазами. Евгений Алексеевич не должен был тогда прилетать в Лондон, потому что оставался в Москве и готовил очередной выпуск своей программы «Власть», посвященной предстоящим в следующее воскресенье выборам в Государственную Думу. Ну и «третьему сроку Путина», конечно! Уже в Москве он сказал мне, что вызов в Лондон и новость о его назначении главным редактором российского отделения RTVi стали для него полной неожиданностью. Я ему верил – его слова, похоже, были правдой. «А что я должен у тебя принимать?» – спросил Киселев. «Да, в общем-то, ничего. Я за финансы никогда не отвечал, а вопросы содержания теперь решает Венедиктов», – ответил я и собрал сотрудников, которым сообщил о решении акционеров.

СМИ, естественно, обошли наши драматические события своим вниманием. Во-первых, на носу были выборы, а во-вторых, кадровые изменения в маленькой телекомпании с точки зрения новостей действительно выглядели незначительными. «Дружественные» «Эхо Москвы» и NEWSru.com сообщили о случившемся одной строкой, да еще «Радио «Свобода» и газета «Коммерсантъ» опубликовали небольшие материалы, которые легко умещались на одной страничке формата А4: *«О причинах, заставивших журналиста оставить работу в телекомпании, ничего не сообщается. По предварительным данным, временно координировать работу московской редакции будет бывший главный редактор телеканала НТВ, автор программы «Власть» на RTVi журналист Евгений Киселев. Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов заявил «Радио «Свобода», что сожалеет об уходе одного из ведущих специалистов».* «Коммерсантъ» был чуть более подробным в изложении

фактов: «Как стало известно «Ъ», главный редактор и ведущий новостей телекомпании «Эхо» Андрей Норкин с понедельника не работает на спутниковом канале RTVi, который вещает в основном за пределами России для русскоязычного населения. Телекомпания «Эхо», иногда совместно с радиостанцией «Эхо Москвы», выпускает новости «Сейчас в России» и другие общественно-политические форматы для RTVi. В субботу об увольнении господина Норкина сообщил один из владельцев RTVi Владимир Гусинский. Как заявил «Ъ» сам журналист, «официальная версия: в компании происходит реорганизация, и в связи с этим Андрей Норкин в телекомпании больше не работает и новости в эфире не ведет». Назвать причины, по которым с ним решили расстаться, господин Норкин отказался, сославшись на конфиденциальность разговора, но заверил, что «здесь нет никакой политики и никакой идеологии». По сведениям «Ъ», разногласия Андрея Норкина с Владимиром Гусинским действительно далеки от политики. Как рассказал «Ъ» источник, знакомый с ситуацией, план развития телекомпании «Эхо», предложенный Андреем Норкиным: расширение региональной сети и технологической базы, повышение зарплат сотрудников, – не нашел понимания у владельца RTVi. «Все дела и обязанности главного редактора телекомпании «Эхо» я передаю Евгению Киселеву. В течение двух месяцев, которые в RTVi мне обязались оплачивать, я буду подыскивать себе работу. И продолжу работу в эфире «Эха Москвы», – сказал господин Норкин».

Как всегда, я оказался слишком оптимистичным! Но с другой стороны, а что еще я мог тогда сказать? Что меня обманули? Что обманули, использовали и выкинули на улицу не только меня, но и многих других? Что изменили бы эти слова? Я все это расскажу чуть позже, когда остатки телекомпании «Эхо» ее владельцы будут расшвыривать в разные стороны, совершенно ничего и никого не стесняясь. Но в тот момент я ничего не мог и не хотел говорить. И не потому, что боялся. Просто было противно.

Так закончился мой роман с либеральной тусовкой, пытавшейся впихнуть меня в свое «прокрустово ложе». Сейчас это выглядит смешно, потому что лживый либерализм моих коллег, основанный на самом деле исключительно на беспокойстве о собственном финансовом благополучии, тогда был продемонстрирован во всей красе. «Кто не с нами, тот против нас!» Некоторые считают это выражение ложной дилеммой, но в моем случае все сработало именно так. Я не просто ушел с RTVi, я обрек себя на пребывание в вакууме, потому что снова стал «нерукопожатным» для господ либералов. Я посмел отвергнуть правила, навязываемые мне первыми лицами нашей политической оппозиции и их говорящими головами. За такое своеволие меня следовало демонстративно наказать. Ибо «свобода», «воля», «права» – все эти термины трактовались моими бывшими коллегами исключительно в свою пользу!

Я отправился в автономное плавание. Правда, у меня не было ни корабля, ни запасов продовольствия, ни навигационных приборов. Только понимание того, что я не имею права утонуть, потому что потяну за собой своих родных. И я поплыл...

Часть 7. Автономное плавание

Глава 39

Время от времени Гусинский в воспитательных целях пугал нас, повторяя, что в случае ухода с RTVi никто из сотрудников никогда больше не получит такой работы. Он был прав. Очень многие из моих бывших подчиненных, которые сейчас, правда, чаще общаются с Юлей, чем со мной, говорят ей, что «Эхо ТВ» было лучшим периодом в их профессиональной жизни. Как однажды написал талантливейший Роман Супер, «бывают такие начальники, с которыми хочется выпить и поговорить. Норкин был таким начальником». Вряд ли эти слова следует воспринимать как комплимент. Я был плохим начальником, потому что не смог защитить свое дело. И следовательно, не смог защитить ни своих людей, ни самого себя. Но воспоминания о том, как нам всем замечательно работалось на «Эхо ТВ», – это лирика, а Гусинский оказался прав не только в этом, ностальгическом смысле.

Он говорил о возможности работать вообще. Не о хорошей работе или плохой, не о высокооплачиваемой, тяжелой, неинтересной, утомительной, опасной, грязной, – он говорил, что мы просто не получим работу. Нигде. Никакую. Я не верил в эти его слова, пока не прочувствовал их смысл на собственной шкуре.

Сразу после разговора с Киселевым и передачи дел я вместе с женой приехал к Венедиктову. Повод для разговора был прост: мы работали на «Эхе Москвы» бесплатно, потому что получали зарплату на «Эхо ТВ». Теперь мы лишились этой зарплаты, поэтому хотели узнать, может ли радиостанция оплачивать нам наш труд? «Нет, не может!» – ответил нам Леша. По его словам, в бюджете радиостанции на конец 2007-го и весь 2008 год уже не осталось свободных ставок, поэтому нам придется искать работу в каком-то другом месте. Впрочем, с его слов выходило, что зеленый огонек запасного выхода все еще мерцал где-то поблизости. Нужно было только сделать правильные шаги в его направлении. Не особенно стесняясь в выражениях, главный редактор «Эха Москвы» дал нам понять, что мы сможем вернуться в эфир радиостанции – на бесплатной основе! – если я найду дополнительную работу в «правильном СМИ».

Степень «правильности» той или иной редакции должен был определять сам Венедиктов и Владимир Гусинский. Это стало ответом на соответствующий вопрос, который я задал. Например, «Первый канал» или НТВ были, безусловно, неправильными, а вот «Пятый» – относительно подходящим. На несколько наивную реплику Юли, как же можно так поступать с нами, Венедиктов покачал своей гривой и задал встречный вопрос: «А ты знаешь, сколько у меня Сорокина получает?»⁵⁹ Мы, естественно, не знали. Венедиктов назвал какую-то совершенно смехотворную цифру. «Ну так мы же не молодеем, дорогая моя!» – пояснил он моей жене.

Венедиктов сообщил нам, что «Володя очень обижен». Я фыркнул. Гусинский обиделся на меня? Он ждет моих извинений? А за что мне следовало извиняться? Венедиктов говорил мне, что я не прав и мне необходимо все как следует обдумать. Я возражал, что уже обдумал все очень хорошо и именно поэтому не собираюсь делать того, чего от меня ждет обиженный Гусинский, Малашенко или кто-либо еще. Через несколько дней Юльку, которая все еще юридически оставалась сотрудницей телекомпании, пригласил на разговор Федутинов. Юрий Юрьевич долго объяснял моей жене, что я должен покаяться и тогда меня простят, вернут «в семью» и снова будут платить большие-большие деньги. «Гусинский готов ждать месяца

⁵⁹ С. Сорокина с 2005 года ведет на «Эхе Москвы» еженедельную программу «В круге света».

два-три», – сказал ЮЮФ. «Почему именно столько? – спросила моя жена. – Вы думаете, что сейчас Норкин выпендривается, а когда у него закончатся деньги, он приползет к вам на коленях вымаливать прощение?» Федутинов нехотя согласился с тем, что Юлькина версия абсолютно точна. Гусинский все еще считал, что я «сорвался» и скоро отсутствие ежемесячного денежного довольствия промоет мне мозги. «Видно, плохо вы знаете Норкина, Юрий Юрьевич!» – ответила Юля и попросила передать, что ждать «нашего раскаяния» два, три или пять месяцев – дело бессмысленное.

Мы с Юлькой шли ко дну с гордо поднятыми головами! Как крейсер «Варяг»! Я не только любил и люблю мою жену, я всегда ею гордился и горжусь, каждый день, каждую минуту. Потому что она не только мой мотор, который все время подталкивает меня вперед, не давая засиживаться на одном месте, – она еще и мой маяк, освещающий ту дорогу, по которой мне приходится идти. В том числе в темноте, в тумане, под дождем, снежными заносами или песчаной бурей. Но как же нам пришлось тяжело! Спасало только то, что мы были вместе. Помните мультфильм про «Котенка по имени Гав? В одной из серий котенок вместе со своим приятелем щенком боялись грозы. В гостиной им было не страшно, поэтому они забирались на чердак, прижимались друг к другу попками и дрожали от страха. Вот мы с Юлькой так себя и вели. С той лишь разницей, что, образно говоря, все время сидели на чердаке и боялись грозы.

Выжить нам помогли друзья. Я до сих пор перед ними в долгу, причем к некоторым это относится в буквальном смысле. Каждому, к кому я обращался с просьбой о помощи, я говорил, что не знаю, когда смогу вернуть долг. Те, кто соглашался помочь, отвечали: «Отдашь, когда сможешь!» Что я и делаю до сих пор, хотя не так быстро, как мне хотелось бы. Самым страшным грузом была валютная ипотека, но оставались еще повседневные бытовые расходы, а еще кредиты, вузы, школа и детский сад для детей, некстати сваливавшиеся на голову болезни и т. д. Я продал машину, но на деньги, вырученные от моего совсем не нового «Пежо 407», долго было не протянуть. Справедливости ради надо отметить, что без транспортного средства мы не остались. Помните, я говорил, что с одной из вазовских «четверок», которые мы купали для телекомпании, произошла занятная история? Эта машина была оформлена на Юлю, и после того как мою жену уволили с «Эхо ТВ» вслед за мной, встал вопрос о снятии машины с учета. Юлька просто послала обратившееся к нам с соответствующей просьбой новое начальство телекомпании. Прошло несколько недель, и у въезда в наш поселок какие-то люди оставили машину и документы на имя Юлии Норкиной! ЮЮФ выступил в роли нашего доброго ангела. Федутинов решил не заниматься муторной процедурой переоформления машины, а просто распорядился отдать ее нам. На этой «четверке» я проездил несколько лет, за что Юрию Юрьевичу полагаются дополнительные «респект и уважуха».

В поисках работы я стучался во все двери, до которых только мог дотянуться. Государственные СМИ оказались для нас закрыты. Годы, проведенные под крылом Гусинского, оставили у меня на лбу несмываемое клеймо, которого многие опасались. «Ты, конечно, не Гусинский, но...» – говорили мне мои знакомые с федеральных каналов, которых я просил замолвить словечко за меня или за Юльку. Эта позиция была мне совершенно понятна. Как известно, за все в жизни приходится платить, в том числе и за ошибки, совершенные по незнанию. Что толку было говорить о том, что несколько лет назад меня подставили, что теперь я знаю, чего на самом деле стоили все эти митинги за свободу слова? По большому-то счету, меня же предупреждали. Поэтому я принимал поступающие со всех сторон отказы как должное. Но закрытыми для меня оказались и все либеральные СМИ, потому что я должен был покаяться. То есть совершить нечто совсем уж невозможное: зная, что и как там устроено, отказавшись продолжать работу в этих условиях и с этими людьми, вдруг попросить у них прощения и вернуться обратно? Это было выше моих сил.

Я хватался за самые феерические авантюры. Готовил концепции вещания федерального телеканала для, как выяснилось позже, каких-то мошенников, выдававших себя за большое

телевизионное начальство. Летал в Лондон, чтобы встретиться с людьми, собиравшимися организовать русскоязычное телевидение в Прибалтике, благо они оплачивали перелет и проживание. Обсуждал какие-то интернет-проекты отставных депутатов Государственной Думы, мечтавших о специализированном телеканале. Наконец, на несколько недель оказался в числе руководителей крохотной телекомпании, принадлежавшей очередному олигарху, откуда меня выперли после того, как я пришел в ужас от объемов практикуемых там финансовых хищений. В лучшем случае, если такая формулировка уместна, потенциальные работодатели говорили мне, что я – слишком дорогой для них специалист. Аргумент, что я готов работать за любую зарплату, что мне нужна работа, а еще лучше две или три, оставался без внимания.

Естественно, такое подвешенное состояние не могло не закончиться большими проблемами. Банк, выдавший мне ипотеку, которую я выплачивал несколько лет, подал на меня в суд, требуя или вернуть долг, или попроситься с домом. Я бегал по другим финансовым учреждениям с просьбами о перекредитовании, но все было тщетно. Меня никто не хотел слушать. Я практически впал в отчаяние, потому что совершенно не представлял, как выпутаться из этой ситуации. Я обращался к знакомым в надежде получить какую-то помощь в виде совета – куда, к кому мне обратиться? В какой-то момент я решил позвонить Владимиру Познеру. Президента Академии Российского телевидения я теперь встречал регулярно, потому что входил в состав жюри конкурса «ТЭФИ-Регион», и мне казалось, что Владимир Владимирович относился ко мне с симпатией. Другие мои знакомые так не считали. «Познер? – переспрашивала меня одна известная околотелевизионная дама. – Да Познер будет последним, кто протянет тебе руку помощи!» Я не знаю, что именно она имела против Познера, тем более что приглашения побывать у него в гостях всегда принимала с большим энтузиазмом. Может, желудок подвел, не знаю. Но я знаю, что в той безвыходной ситуации Владимир Познер не стал последним, кто протянул мне руку помощи. Он оказался единственным, кто это сделал.

Я приехал к нему домой с мыслью о том, что он поможет мне, так сказать, с поддержкой общественности. Выслушав мою историю, он поинтересовался, чего я, собственно, хочу от него? «Может быть, Академия напишет письмо с просьбой дать мне возможность перекредитоваться?» – спросил я. Познер улыбнулся и сказал, что, пожалуй, лучше поступить по-другому. «Видите ли, Андрей, – сказал он, – так получилось, что я давно и хорошо знаю главу банка, предоставившего вам ипотеку. Я поговорю с ним, и мы посмотрим, что можно для вас сделать». И все. Через несколько дней мне перезвонили из приемной этого банка и сообщили, что со мной хотят побеседовать. Уважаемый руководитель этой кредитной организации сообщил мне, что дал распоряжение подготовить мировое соглашение по моему делу, но посоветовал поактивнее искать пути решения проблемы. «Я так понимаю, у вас есть недвижимость, которую вы хотите продать в счет погашения долга? Постарайтесь сделать это побыстрее, осенью такой возможности у вас может уже не быть!» – загадочно сказал мой собеседник. Осенью, когда грянул финансовый кризис, я понял, насколько информированным человеком он оказался.

Каким-то чудом Юльке удалось продать нашу старую дачу, и я внес в счет погашения кредита заметную сумму. Тем не менее проблема все еще оставалась нерешенной. Вмешательство Познера помогло оставить наш дом в нашей же собственности, но долг в валюте по-прежнему висел надо мной, как дамоклов меч. К тому же в функционировании системы судопроизводства происходили досадные сбои. Уже после того как мировое соглашение с банком было заключено, к нам домой пришли судебные приставы, намеревавшиеся описать имущество. Я тогда уже работал в Питере на «Пятом канале», то есть отсутствовал дома целыми неделями. Мне позвонила Юлька, она плакала и говорила, что не понимает, что происходит. Слава богу, мне удалось по телефону объяснить приставам, что произошла ошибка и пока арест собственности ко мне применять не стоит.

В этот момент мне на помощь снова пришел человек, от которого я никак не мог этого ожидать. Режиссер Вера Кричевская, с которой я когда-то работал на НТВ, пригласила меня на разговор по поводу нового телеканала. Для массового зрителя он назывался непривычно – «Дождь», но я в общих чертах был знаком с людьми, решившими создать это СМИ. Я несколько раз встречался с Верой и с Натальей Синдеевой⁶⁰, но мы так и не договорились о совместной работе. Еще во время нашего первого разговора с Кричевской я рассказал, почему оказался в Петербурге. Она выслушала меня и предложила свою помощь, поскольку, по удивительному совпадению, была хорошо знакома с заместителем руководителя все того же банка, который предоставил мне ипотеку, а потом согласился на мировое соглашение, дававшее мне небольшую передышку. В тот же день Вера встретила со своей знакомой, и мою валютную ипотеку перевели в рубли.

Я понимаю, что в решении моих проблем огромную роль сыграл административный ресурс и что мне, откровенно говоря, просто повезло. Оказать мне подобную помощь, рассказать о моих проблемах чиновникам, для которых ничего не стоило дать столь необходимые для меня распоряжения, было по силам очень многим. Но помогли мне эти двое: Владимир Познер и Вера Кричевская, за что я бесконечно им благодарен.

Благодарен я и еще одному человеку, принявшему самое активное участие в моей судьбе. Мы уже были знакомы, он уже был неплохо осведомлен обо всех наших неприятностях, когда я обратился к нему за помощью. Мы долго разговаривали, и он пообещал помочь, чем сможет. Потому что должность и звание этого человека, конечно, внушали к нему серьезное уважение, однако никак не относились к журналистской работе. Но он помог, пристроив нас с Юлькой на радио «Говорит Москва», то есть фактически проломил дырку в бесконечном заборе, который все тянулся и тянулся перед нами. Мы смогли наконец-то «выбраться из окружения». Я пока ничем не отплатил этому человеку за его внимание. Я просто помню о нем и о том, что он сделал.

Ну а радио «Говорит Москва» тогда было совсем другой станцией, не той, где сейчас «рррррррычит» по утрам Сергей Доренко. Если я не ошибаюсь, она даже вещала на иной частоте. Успехи ее были более чем скромными, но в этом и заключался наш общий план: начать работать хоть где-нибудь, закрепиться на этом месте, нащупать ногами дно и оттолкнуться, чтобы снова начать движение вперед. «Говорит Москва» чем-то походило на «Эхо Москвы», возможно, в первую очередь архаичностью редакционных помещений. В течение нескольких месяцев, пока я приходил туда, я все время чувствовал, что попал в читальный зал провинциальной библиотеки. Станция обитала где-то в самом низу рейтинга, в тихом болотце, не претендуя на сенсационные темы, громкие расследования и скандальную популярность. Владельцев, руководителей, да и многих сотрудников все устраивало, они, как стайка «премудрых пискарей», сидели в вырытых ими же норках, не рискуя выбираться наружу без особой необходимости. Но и меня это тоже устраивало. Потому что это была работа, первая за многие месяцы настоящая оплачиваемая работа! А что по этому поводу думали другие, меня не волновало.

Вообще, к тому времени я уже научился не обращать внимания на реакцию со стороны. Поскольку я оставался в информационной тени, обзывать меня «продажным» вроде бы было не за что, но как только я появился в эфире «Пятого канала», то сразу же получил очередную порцию проклятий. Больше всего меня всегда поражал такой аргумент: «Ну, с ним все понятно. Детей-то надо кормить!» Возможные варианты – «детей нарожал» и, у особо информированных, – «детей набрал». Это универсальный способ как бы выявить исключительно отрицательные особенности персонажа, подчеркнув его беспринципность. Например, покойная Валерия Ильинична Новодворская, человек, некогда питавший ко мне самые теплые чувства, комментируя мои слова на «Прямой линии с Владимиром Путиным» в апреле 2014 года, говорила,

⁶⁰ Синдеева Н. – генеральный директор телеканала «Дождь».

что, когда Норкин на наших глазах совершает свое последнее, самое гнусное грехопадение, его можно понять! У него трое детей! Детей, правда, у меня уже было четверо, младшему тогда исполнилось десять, да и грехопадение вряд ли стало последним. Но Валерии Ильиничне я готов простить и небольшие ошибки, и глубокие заблуждения – все-таки, в отличие от подавляющего большинства ее соратников, Новодворская и в ошибках своих, и в заблуждениях всегда была искренней.

Но остальных хотел бы спросить: «А вы что – детей не кормите? Они у вас святым либеральным духом питаются? И вообще, при чем здесь дети?» Понятно, что такие вопросы оставались и останутся без ответа, поэтому я перестал реагировать на выпады. То же самое следовало отнести и к оценкам, которые выдавались тому или иному месту моей работы. Если это, пользуясь фразой Венедиктова, было «СМИ неправильное», я тоже автоматически становился «неправильным». И наоборот. То есть всегда учитывался и учитывается только внешний фактор, некая оболочка, а не то, что человек думает на самом деле. Думать одно, а делать другое – умеют многие. Некоторые бойцы невидимого фронта информационной войны ухитряются совмещать совершенно несовместимое. Например, работать в государственных СМИ, получать зарплату от государства и нещадно поносить это же самое государство в свободное от работы время. Возможно, это их конституционное право, я не спорю. Право на свободу слова, свободу самовыражения. Но я так не умею: на работе говорить одно, а дома – другое. Видимо, это моя серьезная проблема, потому что необходимое мне для душевного равновесия совпадение этих факторов достигается, увы, не так уж часто. Я должен чувствовать на работе то же самое, что и дома, иначе я просто начинаю плохо работать, и эта синекура быстро заканчивается.

Тем временем заканчивался и очередной этап в истории телекомпании RTVi. Я держал слово более полугода. Никому не рассказывал о причинах и подробностях увольнения. Но «телевизация» делала свое дело. «Эхо Москвы» заглохло, «Эхо ТВ», как удав яйцо страуса, и собиралось его тихонько переварить. Ненужных сотрудников планировалось выплюнуть, как яичную скорлупу. Когда я узнал об этом, то решил, что выполнил свои обязательства. Мне ведь обещали, что никого из ребят не тронут, никого не лишат работы. Если Гусинский и Венедиктов начали действовать, почему я должен молчать? Однако я в очередной раз переоценил свои возможности, потому что напечатать два слова: «Венедиктов лжет» – все отказывались!

Глава 40

Когда я узнал о том, что моих бывших коллег в массовом порядке выгоняют с работы, первое, что я сделал, – позвонил президенту. Президенту телекомпании «Эхо» Алексею Венедиктову, потому что теперь я наконец-то понимал, что входит в его функции. В тот момент Леша был полновластным начальником на «Эхо ТВ», следовательно, только он и мог объяснить мне, почему журналистов телекомпании выбрасывают на улицу. Именно выбрасывают, потому что увольняемым предъявили ультиматум: или заявление по собственному, или можете забыть о зарплате!

Венедиктов «включил дурачка» и сказал мне, что ничего не знает. Я пытался давить, но на Алексея Алексеевича давить бесполезно, особенно тогда, когда он чувствует собственную силу. Разговор не сложился, и я предупредил его, что снимаю с себя «обет молчания». «Да пожалуйста!» – ответил Венедиктов. Он был уверен, что у меня не получится устроить громкий скандал. И оказался прав, потому что главред «Эха Москвы» существовал тогда в статусе либеральной священной коровы и критиковать его было не принято. К тому же список СМИ, которые гипотетически могли бы опубликовать мои откровения, был чрезвычайно короток. Я это понимал, хотя и представить себе не мог, насколько коротким он окажется.

Существовал один принципиальный для меня момент. Я хотел, чтобы мой рассказ появился именно в либеральных СМИ, чтобы у людей, которых я намеревался уличить во лжи, не было возможности традиционно свалить все на «госпропаганду» и «происки Кремля». Согласитесь, так бы и произошло, если, скажем, мои обвинения в адрес Венедиктова и других бывших начальников вдруг появились бы в эфире НТВ или на страницах «Комсомольской правды». Поэтому сначала я позвонил в «Коммерсантъ», Арине Бородиной. Она сразу сказала, что газета вряд ли заинтересуется новостями о телекомпании «Эхо ТВ», но журнал «Власть», возможно, тему возьмет. Через день выяснилось, что для «Власти» эта история мелковата. Я позвонил в «Новую газету» Наталье Ростовой. Она согласилась со мной встретиться, если руководство издания не будет возражать. Опять же через день выяснилось, что руководство возражает. Я спросил напрямую: «Наташа, вы хотите сказать, что Дима Муратов⁶¹ отказывает мне в праве заявить со страниц его издания, что Венедиктов лжет?» «Ну-у, – неопределенно ответила мне Ростова, – получается...»

Тут я, конечно, приуныл. Единственное, чего я смог добиться своей активностью, так это предания огласке самого факта начала кадровых сокращений на «Эхо ТВ». И, что было гораздо важнее, – остановки этого процесса. Хотя после того, как страсти улеглись, он все равно был доведен до конца. Но я очень хотел привлечь внимание к тому, как все это происходило. Несколько лет моих коллег ставили в пример другим журналистам, хвалили их за приверженность принципам свободы слова и т. д., а теперь, шантажируя, вышвыривали вон, как какой-то мусор. Поэтому я продолжал искать публичную площадку. И нашел ее! Площадкой стал интернет-ресурс «Избранное», которым тогда руководила Людмила Телень. Сейчас этого сетевого издания уже не существует, так что я приведу состоявшийся разговор почти полностью, ибо он получился и эмоциональным, и информативным:

«Л. Телень: *С чем связано ваше решение публично рассказать о том, что происходило и происходит в компании?*

А. Норкин: *С обстоятельствами увольнения сотрудников «Эхо ТВ» и тем, как это освещается в прессе. В конце мая многие сотрудники, которых я брал на работу и которые все эти годы честно делали свое дело, были уволены. В том числе Володя Кара-Мурза. Правда, после того как в прессе возник шум, Кара-Мурзу вернули, но без людей, которые делали с ним*

⁶¹ Муратов Д. – главный редактор «Новой газеты» с февраля 1995 года и по настоящее время.

программу. Формально всех уволили по собственному желанию. По сути – по решению акционеров. Неожиданно для себя люди оказались на улице. Между тем, когда они шли на RTVi, они серьезно рисковали, понимая, что с такой трудовой биографией им, случись что, будет трудно устроиться на государственные каналы. Тем не менее они сделали этот выбор, добросовестно работали, причем не за бог весть какие деньги. Они не заслужили такого к себе отношения. Насколько я знаю от своих коллег, никто из руководителей компании даже не потрудился объяснить им причины такого масштабного сокращения штатов.

Л. Телень: Но на «Эхо ТВ» есть человек, исполняющий обязанности главного редактора, это Евгений Киселев. У главных редакторов, в общем, принято отвечать за своих сотрудников, защищать их интересы и уж по крайней мере объяснять им, что происходит.

А. Норкин: Коллеги говорят, что Евгений Алексеевич с ними вообще об увольнениях не разговаривал, а в то время, когда все это происходило, отсиживался у себя в кабинете. По их словам, Киселев отказался от каких бы то ни было комментариев, потому что «не желал отвечать за решения других людей». (...)

Л. Телень: Вы сказали, что люди уволены по собственному желанию. Значит, по закону к акционерам не может быть никаких претензий.

А. Норкин: Формально – наверное. Но я знаю от коллег, как все это происходило. Им принесли отпечатанные заявления об уходе, в соответствии с которыми они должны были прекратить работу через три дня. Когда некоторые из них попытались отказаться подписываться под ними, им пригрозили увольнениями по статье. Ну, например, редактору говорили: мы вот отправим тебя в долгосрочную командировку в Воркуту, ты откажешься – все, статья...

Л. Телень: Неужели ваши коллеги не сопротивлялись? По сути это сокращение штатов. Но в таком случае их должны были предупредить о предстоящем за два месяца и соответственно выплатить месячную компенсацию при увольнении. Достаточно было заглянуть в Трудовой кодекс.

А. Норкин: Знаете, людям в такой ситуации трудно защищаться. Кому-то пригрозили, кому-то пообещали помочь с работой... В результате, насколько я знаю, отказался подписывать заявление один человек – Сергей Бунеев, редактор, который работал с Володией Кара-Мурзой. Отказался и попал в больницу, сейчас все еще на больничном.

Л. Телень: Вы пытались разговаривать с кем-то из руководителей «Эхо ТВ», чтобы как-то помочь коллегам?

А. Норкин: Когда я в начале июня стал встречать в прессе заявления о том, что сокращение информационных выпусков «Эхо ТВ» вызвано низкими рейтингами и что никаких массовых увольнений вообще нет, я позвонил главному редактору радиостанции «Эхо Москвы» Алексею Венедиктову. Алексей Алексеевич, когда вопрос касается RTVi, представляется президентом телекомпании «Эхо», потому и комментирует происходящие события. Алексея Венедиктова я знаю достаточно много лет, ценю как блестящего журналиста и высокопрофессионального менеджера. Я никогда не понимал, в чем заключаются функции «президента» телекомпании «Эхо», но всегда считал и считаю Лешу своим другом. Поэтому я и обратился к нему с вопросом, зачем он публично говорит неправду о происходящем в телекомпании. Разговора не получилось. Леша сказал, что он ничего не знает – ни про увольнения, ни про то, как это происходило. Я попросил его, в таком случае, поинтересоваться обстоятельствами дела. Но 16 июня в очередном номере «Новой газеты» я прочитал интервью с Венедиктовым, где он сказал, что, например, увольнять Кара-Мурзу и в мыслях ни у кого не было, просто, мол, поговорить не успели. На резонный вопрос «Новой», почему же тогда Кара-Мурза получил на руки трудовую книжку, Алексей Алексеевич ответил: «Про это ничего не знаю. Заберем! Иногда бухгалтерия работает быстрее, чем руководство». Я тоже очень люблю хорошую шутку, но в данном случае мне не было смешно. Возможно, Леша знает дру-

гие примеры оперативности в работе бухгалтеров, но, простите, ни один кадровик, ни один бухгалтер никогда, ни при каких обстоятельствах не выдаст другому сотруднику трудовую книжку без решения руководства компании. Тем более что в той же публикации «Новой» Владимир Кара-Мурза сообщает, что «начальники посоветовались и решили вернуть воскресную программу, делать ее усилиями студии «Эха Москвы» и двух съёмочных групп «Эхо ТВ», которые остались». Хочется спросить, куда же делись остальные, если остались две? На момент моего увольнения в штате было восемь корреспондентов и одиннадцать операторов. Сейчас я не говорю о качестве «аналитической еженедельной авторской программы», (...) которую будут делать силами двух съёмочных групп. Я считаю, что люди были незаслуженно и незаконно уволены и что прессе эти события объясняют превратно. Это нечестно. Свою приверженность идеям свободы слова неплохо было бы подтверждать прежде всего собственными поступками, за которые ты готов отвечать.

Л. Телень: Ваше собственное увольнение проходило по сходной схеме?

А. Норкин: Нет. Гусинский и Малащенко заранее поговорили со мной... Я получил компенсацию за два месяца.

Л. Телень: Акционеры были недовольны вами?

А. Норкин: Как выяснилось, да. Они сказали, что их не устраивает мое видение канала. Правда, позиция Малащенко была для меня новостью. За несколько дней до этой встречи в Лондоне, на которую, кстати, я приехал всего лишь обсудить бюджет компании на следующий год, мы разговаривали с Игорем и, как мне показалось, сошлись в оценках. Тогда я ему подробно рассказал о проблемах компании. Оказалось, что ему тоже не нравилось, что с телевизионной точки зрения канал выглядит бледно. Практически нет своей картинки, мало сюжетов из российских регионов и, наоборот, много «говорящих голов». Однако неожиданно он изменил свою точку зрения. Впервые за шесть лет я услышал кучу гадостей про работу компании, своих коллег и себя самого. Выяснилось, что RTVi не хочет развивать в России нормальное телевидение, а хочет сделать ставку на радиийные программы «Эха» и транслировать их в телеэфире. С телевизионной точки зрения – я уверен – это бесперспективно.

Л. Телень: А что перспективно?

А. Норкин: Перспективно работать профессионально. Для этого должна быть качественная картинка, желательна собственная, новости из российских регионов – где русскоязычная публика вне России еще это увидит? Даже ток-шоу надо делать с учетом телевизионной специфики.

Л. Телень: Когда выяснилось, что вы и акционеры по-разному видите будущее российской части RTVi?

А. Норкин: Выяснилось в момент моего увольнения. Но делать то, что я считал нужным и важным, я не мог и раньше. Бюджет компании был весьма скромным. Мы не могли покупать качественную картинку. Любая командировка была проблемой. Надо было неимоверными усилиями выбивать на нее деньги или садиться кому-нибудь «на хвост». Например, Михаил Касьянов в период выборной гонки брал пару раз нашу группу с собой. Но не можем же мы освещать исключительно поездки Касьянова. Кроме того, журналисты и технические сотрудники получали значительно меньше, чем в других компаниях. Возникла еще одна существенная проблема. Мы разошлись во взглядах на «Эхо ТВ» с президентом компании Алексеем Венедиктовым. Он подходил к нашей работе как радиийщик, был убежден, что достаточно набить студию умными людьми, поставить камеру – и программа готова. Удельный вес такой продукции неуклонно увеличивался. Кроме того, я оказался фактически отодвинут от решений, которые все чаще принимались за моей спиной. Стали происходить вообще странные вещи, например когда ведущих разговорных программ «Эха Москвы» собирали на инструктаж с целью объяснить, что и как им необходимо изменить в своей работе, поскольку эти программы теперь будут сниматься для телеэфира. При этом меня как главного редак-

тора телекомпании даже не ставили в известность о подобных встречах. Но главное – мне, с профессиональной точки зрения, казалось, что происходящее с контентом канала неправильно. Однако Венедиктова переубедить было невозможно. Зато он, видимо, смог убедить в своей правоте акционеров, хотя он в том разговоре в Лондоне не участвовал.

Л. Телень: В лондонском разговоре с вами участвовали все акционеры, включая Бориса Березовского?

А. Норкин: Нет, только Гусинский, Малашенко и гендиректор «Эхо ТВ» Федутин. Они поставили меня перед выбором: или я соглашаюсь делать, в моем представлении, нечто мало похожее на телевидение, увольняю сотрудников и беру за основу радиийные программы, или мы расстаемся. Я предлагал три варианта действий. Первый – увеличить финансирование проекта, чтобы компенсировать отставание по зарплате, а также заняться техническим развитием компании. Вторым – прекратить накачивать телеэфир лавинообразным увеличением радиопрограмм «Эха Москвы», всего лишь снимаемых на телекамеру, и одновременно переструктурировать работу службы информации, учитывая объективные финансовые трудности. Третьим – закрыть проект как полностью выработавший свой потенциал. Закрыть, естественно, в соответствии с требованиями действующего трудового законодательства. В итоге было принято решение о прекращении нашего сотрудничества. На следующий после разговора день Евгений Киселев был представлен мне как и. о. главного редактора, которому я должен сдать дела. Кроме того, мне сообщили, что одновременно я отстраняюсь от обязанностей ведущего вечерних новостей, и посоветовали «не открывать рот».

Л. Телень: С чем вы и согласились...

А. Норкин: Да, пока это касалось меня и моей жены Юли, которой тогда же предложили уволиться. Но сегодня речь идет о людях, за которых я чувствую свою ответственность. Уверен, что они не заслужили такого отношения к себе».

Вот такой «крик души» у меня тогда вырвался! Но гораздо более интересным, чем мой рассказ, оказались два коротких разговора Телень с Венедиктовым и Малашенко, которые она опубликовала вместе с моим интервью. Главный редактор «Избранного» обратилась к моим бывшим руководителям с просьбой прокомментировать мое заявление, и вот что из этого получилось.

«Наш разговор с главным редактором «Эха Москвы» и президентом «Эхо ТВ» состоялся после того, как в редакцию «Избранного» пришел Андрей Норкин. Разумеется, Алексей Венедиктов знал об этом разговоре, хотя и в моем пересказе. Наш разговор с ним, конечно, был шире, чем опубликованный ниже. Однако мы договорились: если Венедиктов, прочитав интервью с Норкиным, захочет ему ответить, «Избранное» предоставит ему эту возможность.

Л. Телень: Как принималось решение о сокращениях людей на «Эхо ТВ»?

А. Венедиктов: Понятия не имею. Ко мне это не имеет никакого отношения, я кадровыми вопросами не занимаюсь. Я занимаюсь программами. Про те изменения, которые произошли с контентом, могу сказать. Мы сократили ежедневную итоговую программу Володи Кара-Мурзы «Сейчас в России». При этом за ним остался воскресный эфир – «Грани с Владимиром Кара-Мурзой». Вместо двадцатиминутных новостей, которые вел Михаил Осокин, будет десять пятиминутных выпусков каждый час. Зато в телеэфире появится семь часовых передач, основанных на программах «Эха Москвы». В их числе – с участием Юлии Латыниной, Владимира Рыжкова, Виталия Дымарского, Виктора Шендеровича.

Л. Телень: А что все-таки произошло с людьми?

А. Венедиктов: Понятия не имею. Я никого не нанимаю и никого не увольняю на «Эхо ТВ». Я президент компании, это не входит в мои функции. За людей отвечает главный редактор. В свое время Андрей Норкин.

Л. Телень: Вы были не в курсе?

А. Венедиктов: *Я услышал эту историю после того, как все уже произошло. Ничего трагического, впрочем, не вижу. Да, людей в компании из-за содержательных изменений стало меньше. Это так. Но, кстати, их число не сегодня стало сокращаться. Часть людей ушли вслед за Андреем Норкиным.*

Л. Телень: *Но увольнение Норкина для вас не было неожиданностью?*

А. Венедиктов: *Я узнал об этом в момент его увольнения. У меня к нему, как у президента, не было никаких претензий. Я и сегодня считаю, что он один из лучших российских ведущих информационных программ. Скажу больше, я готов был взять на себя переговоры с акционерами, чтобы они вернули его в компанию в качестве ведущего информационной программы. Что касается содержательных перемен на канале, то я о них знал. Планам о вещании на Украине уже года два, если не больше. Естественно, ресурсов на все не хватит. В этой ситуации для меня было важно сохранить «Эхо ТВ» – я его сохранил. Важно было не потерять политическую составляющую – я ее даже усилил.*

Л. Телень: *Вас не смущает, что это весьма специфическое телевидение, в котором ставка сделана на говорящие головы?*

А. Венедиктов: *Это нормальное телевидение. Про Sky News говорили когда-то то же самое. Мои слова подтверждаются рейтингами. Мы выигрываем в конкуренции с другими каналами, которые вещают на русскоязычную аудиторию. Мы их бьем, хотя они работают в так называемом телевизионном формате. Сегодня люди едят другое. Мне удалось убедить в своей правоте акционеров».*

Это, конечно, высший класс ведения публичной дискуссии! Венедиктов ни разу не свалился в оправдания. Если он чего-то не знал, то только лишь потому, что он этого и не должен был знать. Если из сетки убирают двадцать минут новостей с Осокиным, то в ней появляются семь часов бесед с Латыниной, Рыжковым и Шендеровичем. Если ресурсов на все не хватает, то важно сохранить СМИ и усилить политическую составляющую, что и было сделано. Причем сделано лично Алексеем Алексеевичем! То есть из подсудимого он превратился в обвинителя, и всего за несколько минут! Ну и, конечно, фразу «у меня к нему, как у президента, не было никаких претензий» следует считать украшением разговора! Что же касается беседы «Избранного» с Игорем Малашенко, то она предсказуемо получилась более короткой:

«Л. Телень: *Кто принимал решение об увольнении людей в компании «Эхо ТВ»?*

И. Малашенко: *Решение об увольнении людей не принималось. Принималось решение об изменении программ, которые делаются в Москве. На протяжении длительного времени редакцию возглавлял Андрей Норкин, с которым мы расстались по причинам, которые я без крайней надобности не хотел бы комментировать. Но существовал и более общий вопрос – что делать с телевизионной редакцией в Москве? В ходе моих обсуждений с Алексеем Венедиктовым мы пришли к выводу, что сохранение телевизионной редакции в ее прежнем виде непродуктивно. Полномасштабные телевизионные новости в Москве делать невозможно, а то, что мы делали в этих условиях, нас перестало устраивать. Тогда и было принято решение, что акцент будет сделан на эфир «Эха Москвы», который будет представлен в телевизионном варианте. Мы понимаем, что по картинке это будет не особенно эффектно. Но зато у этого есть содержательная ценность. Соответственно, новости из Москвы будут идти в том же режиме, как они идут из Нью-Йорка. Это будут не только российские, но и мировые новости, но в кратком изложении. Те печальные и нелегкие решения, которые пришлось принимать в отношении людей, вытекают из содержательной части перемен.*

Л. Телень: *Значит, все-таки решение об увольнении было? Кто это санкционировал?*

И. Малашенко: *Решение мы принимали в ходе обсуждения с Венедиктовым.*

Л. Телень: *Но он мне сказал, что к увольнению людей не имеет никакого отношения.*

И. Малашенко: *Я понял. Мы с Гусинским увольняли людей.*

Л. Телень: *Процедуру увольнения вы обговаривали?*

И. Малашенко: *Нет.*

Л. Телень: *Но вы знаете, как именно происходило увольнение?*

И. Малашенко: *Понятия не имею.*

Л. Телень: *Я вам расскажу. Людям раздали отпечатанные заявления об уходе по собственному желанию, в соответствии с которыми они через три дня теряли работу. Никаких компенсаций, соответственно, не предусматривалось.*

И. Малашенко: *Я не могу комментировать то, чему я не был свидетелем. Как известно, я давно не живу в Москве. Могу лишь сказать, что не хотели бы они подписывать заявления, ну и не подписывали бы.*

Л. Телень: *Вы в курсе того, что никто, включая главного редактора, не объяснился с людьми?*

И. Малашенко: *Повторю, я не буду комментировать то, в чем не участвовал.*

Вот так, лаконично и откровенно. Хотя можно сказать и по-другому: цинично и подло. Возможно, поэтому, публикуя указанный диалог, главный редактор «Избранного» Людмила Телень предварила его небольшим авторским вступлением: *«Президент компании, управляющей RTVi, Игорь Малашенко работает над запуском телеканала на Украине. Когда-то, давая одно из своих интервью, Игорь Малашенко сказал о журналистах, работающих на RTVi: «Мы работаем с энным количеством журналистов, которым не все равно, что писать и показывать. Они борются за свои права. У нас, соответственно, есть СМИ, которые делают журналисты, а не пропагандисты, – они ими быть не хотят. Лучшие тогда они поменяют профессию и, как Володя Кара-Мурза-старший, обратно в источники пойдут, но пропагандистами не будут. У нас есть своя аудитория. И благодаря этим журналистам и этой аудитории мы существуем».*

Времена изменились? Исчезла аудитория RTVi? Думаю, нет. Исчезли журналисты, благодаря которым компания существовала? Думаю, нет. А что же тогда? Может быть, все дело в том, что никакой борьбы изначально не было? Вернее, была, только не за свободу слова, а за совсем иные ценности? Это все – риторические вопросы, конкретные ответы на каждый из них не так уж и важны. Потому что такое поведение и называется подлостью, потому что подло поступать так с людьми, которых совсем недавно ставили в пример, которых благодарили за работу, за счет которых удавалось добиваться собственных целей. Поэтому когда несколько лет назад я увидел объявление о мастер-классах Алексея Венедиктова по теме «Дезинформация и манипуляция как средства достижения цели», я уже не удивился. Но смеялся совершенно искренне, ибо уже мог себе это позволить.

Глава 41

Летом 2008 года мне, конечно, было не до смеха. И потому, что с работой все никак не налаживалось, и потому что агония «Эхо ТВ» не оставалась незамеченной. Эта рана все еще болела. О маленьком, но гордом средстве массовой информации под названием «Эхо ТВ» почти никто ничего не писал. Но были и исключения. Уже после того, как «семь часов с Латыниной» накрыли эфир RTVi, Роман Супер опубликовал в своем «живом журнале» текст под названием «Чердак». Я настоятельно рекомендую его прочитать, впрочем, как и любой другой текст Супера, потому что его журналистское качество полностью соответствует фамилии автора. Рома Супер пришел к нам даже не на работу, а на практику, с журфака МГУ. Да так и остался, чему я был искренне рад – он был прекрасным корреспондентом. И мне кажется, что небольшой фрагмент из его «Чердака» послужит хорошей иллюстрацией моего рассказа о телекомпании «Эхо», тем более что он касается того времени, когда я сам уже оказался на обочине. Почитайте.

«Воздух забеременел тревогой. Главный редактор Норкин уехал к Гусинскому на переговоры, а приехал просто Норкиным. Андрей сказал, что попросил у олигарха денег на развитие канала. А олигарх сказал, что неплохой продукт можно делать и без денег, как китайцы. Норкин китайский осваивать отказался и был уволен. Так у Киселева появилось удобное кресло. Выкидьши.

Киселев действительно существует. У него настоящие усы. Он говорит так, как говорил по телевизору на НТВ. Медленно, шмыгая носом, иногда путаясь в собственных фразах. Говорит, говорит, потом вдруг замолчит и больше не говорит. Это нормально, когда работаешь не под эфир. А когда под эфир и когда нет той огромной армии редакторов и помощников, которая была в «Итогах», которая может быстро доформулировать мысли Евгения Алексеевича самостоятельно... Короче, очень сложно работать с Киселевым.

Когда нас с Сашкой⁶² пристегнули к телу Киселева, то есть позволили делать для его итоговой программы сюжеты, мы сначала очень обрадовались. Главная корова, как-никак. Но все быстро скукожилось. Во-первых, неинтересно. Киселев требует не репортажа, а умную говорящую голову в кадре. Во-вторых, Киселев был просто одержим третьим сроком Путина. И в каждом сюжете он просил вернуть эту мысль, даже если сюжет был про отравление Литвиненко. В-третьих, Киселев всегда ужасно затягивал. Тему для большого и вдумчивого материала он формулировал обычно за два-полтора дня до эфира. И общался с корреспондентами он всегда по телефону. И всегда очень-очень долго. Кажется, даже для себя он формулировал задачи во время этих долгих и бестолковых телефонных разговоров. Мууууууууу. Ну и в-четвертых, в какой-то момент из раза в раз одни и те же политологи просто начали отказываться комментировать третий срок. Стало невыносимо скучно и неприятно.

Евгений Алексеевич, став главным редактором, вел себя примерно как Норкин. Разве что не курил у себя в комнате, а просто мрачно смотрел в компьютер. Ну и выпивать с ним у меня никогда не возникало желания. Пару раз он зашел на летучки, похлопотал, куда приезжают корреспонденты: в редакцию или сразу на съемку? Глубже в быт и будни нашей профессиональной жизни он не проникал.

Еще к нему часто приезжали западные журналисты для записи интервью. Тогда Евгений Алексеевич заметно расцветал. Английские слова о цензуре и Путине сыпались сквозь усы для англичан, канадцев, американцев. Как только журналисты уезжали, Киселев замолкал.

- Евгений Алексеевич, почему мы не летим в Тбилиси? Там волнения. Там интересно.*
- Денег нет.*

⁶² А. Уржанов, еще один бывший «практикант» «Эхо ТВ», сокурсник Р. Супера.

– Евгений Алексеевич, почему бы нам не слетать к Ламе в Индию по поводу беспорядков в Тибете?

– Денег нет.

– Это бесплатно, пресс-служба Его Святейшества платит.

– Это неинтересно.

А на следующий день мы ехали в независимый пресс-центр и снимали политолога Бунина про третий срок Путина. Эту пресс-конференцию не снимал больше никто. Только наша камера.

Потом всех уволили. Людям раздали бумаги и сказали, что, если не подпишете по собственному желанию, не заплатим последнюю зарплату. Выглядело это все, как если бы на Черкизовском рынке к тебе подъехал бандит с отверткой и, приставив ее к животу, любезно попросил бы отдать деньги. Разница только в том, что бандит на рынке никогда публично не распространялся о необходимости защищать права граждан, не сетовал на отсутствие гражданского общества, не взывал к Страсбургу. (...) Бандос с рынка всю жизнь последовательно тыкал своей отверткой в животы. Либеральное начальство RTVi же последовательно бахвалилось своей гражданской миссией.

В тот день, когда бандос с отверткой высадился в корреспондентской, главный редактор московского бюро RTVi Евгений Киселев сидел у себя в кабинете и давал интервью западным коллегам. Про цензуру, третий срок Путина, журналистику, которая уже не та, что прежде. Из-за двери доносилось слабое невнятное «му». Он так и не объяснил, что произошло с компанией. Вы все еще работаете? Тогда я еду к вам».

Я привел этот фрагмент не для того, чтобы доказать свою правоту – вот, мол, мои бывшие коллеги думают так же, как и я. Я привел этот фрагмент просто в качестве дополнительной информации. Тем более что Роман Супер, насколько я понимаю, думает совсем не так, как я. Сегодня он работает для ресурса «Радио «Свобода» в качестве интервьюера, но в России больше уже не живет. Об этом я сужу опять же по его публикациям, из которых следует, что Роман уехал в Израиль. Находить его материалы теперь немного сложнее, потому что раньше на моей страничке в Facebook всегда появлялись соответствующие ссылки, но мы почему-то больше не являемся «друзьями» в этой социальной сети. Не по моей инициативе.

Меня часто спрашивали и спрашивают, почему я не уехал из России, хотя мог и могу сделать это в любой момент? У меня нет короткого ответа, потому что аргументы мои разнообразны и многочисленны. Так что сейчас я постараюсь ограничиться только теми объяснениями, которые напрямую относятся к моей профессии, профессии журналиста. Мое глубокое убеждение состоит в том, что за границей, то есть в эмиграции, русский журналист перестает быть и русским, и журналистом. Понимаете, если человек навсегда покидает свою Родину, это означает только одно: ему плохо на Родине. Его притесняют, ему не дают возможности реализоваться, ему не нравится климат и условия жизни, зарплата, да мало ли что еще ему может не нравиться. И он уезжает, чтобы начать новую жизнь. Если мы с вами говорим о врачах, водителях, актерах, строителях, бизнесменах, спортсменах и представителях других специальностей, то, наверное, вполне можем допустить, что новая профессиональная жизнь мигранта сложится удачно. Но как быть с журналистами? Если журналист уехал из России и хочет работать по специальности на новом месте – получится ли у него это? Будет ли он доволен своей работой? Мне кажется, что – нет, не будет. И вот почему.

У журналиста-мигранта есть всего два пути, по которым он может направиться в своей новой жизни. Первый путь – постоянная и желательна как можно более жесткая критика того, от чего он уехал. То есть критика России и всего, что в ней происходит. Ты же уехал? Почему? Потому что... и далее следует перечень причин, которые заставили человека осуществить этот шаг. Если журналист-мигрант не будет постоянно критиковать свою бывшую Родину, его просто не поймут коллеги и читатели. Чего ж ты тогда уехал из России, если там все хорошо?

Подозрительно как-то! А не засланный ли ты казачок на самом деле? Не выполняешь ли тайное поручение спецслужб? Вот и получается, что рамки профессиональной деятельности начинают сужаться, не оставляя возможности мыслить, писать и говорить широко, в полном объеме, в полную силу. Остается лишь узенький коридор с заданными темами и заданной тональностью. Но какая же это журналистика? Это опять какое-то проявление информационной войны получается, пусть и не прямое, заказанное и оплаченное политиками, а косвенное, сформированное самим общественным мнением. Что делать в такой ситуации, если не хочется заниматься одним лишь критиканством? Менять профессию! Например, переходить из журналистики в литературу, она дает гораздо больше возможностей для выражения собственного мнения. Но творчество писателя и ремесло журналиста вовсе не одно и то же.

Есть второй путь. Постараться забыть свою покинутую Родину и попытаться встроиться в новый мир. Но тут нашего журналиста-мигранта поджидают другие ловушки. Скорее всего, он по-прежнему хочет писать по-русски. Мало кто из журналистов, уехавших из России, добивается успеха в иностранной прессе, это больше подходит не для журналистов, а для политиков или политологов. Им можно писать статьи, например, на английском языке, потому что они ориентированы на местную аудиторию. Но мало кто из российских журналистов, уезжающих из страны, обладает необходимыми для такой работы познаниями в иностранных языках, большинство моих коллег надеется, что сможет работать на родном языке. Чтобы далеко не ходить. Много вы знаете российских журналистов, устроившихся на работу в украинские СМИ, которые в совершенстве овладели украинской речью? Я таких вообще не знаю! Те, кто там работает, говорят в эфире на русском. Другое дело, *что* они говорят, но эту тему мы уже разобрали.

Что же последует за попыткой ассимиляции журналиста? Мое глубокое убеждение – это будет потеря масштаба! Потому что русскоязычного гражданина Германии, Франции, Израиля или Америки, если он не мигрант в первом поколении и уже живет без постоянной оглядки на родные места, вряд ли интересуют сегодняшние события в России. Ему больше интересны новости его собственного маленького русского мира, который, как правило, очень специфичен и крайне непритязателен. Хотите пример?

Я уже как-то упоминал телеканал RTN, существующий в Нью-Йорке. Он появился, напомним, гораздо раньше RTVi и продолжает свою работу под руководством своего бессменного шефа – Марка Голуба, хотя несколько лет назад претерпел некоторые изменения и сейчас носит название RTN/WMNB. Russian Television Network of America, то есть «Русская телевизионная сеть Америки», пришла в дома жителей Бруклина в 1992 году, и Марк Голуб до сих пор с гордостью упоминает в интервью, что одним из первых ведущих его телекомпании был Александр Гордон, которого современные отечественные телезрители не могут представить в отрыве от российского Первого канала. А вот что еще говорит Марк Голуб: «Мы предоставляем информацию для людей, которые, возможно, никакого другого реального способа для получения сложной, умной, американски ориентированной информации не имеют». Оставим сейчас вполне допустимую иронию по поводу сочетания слов «умная, американски ориентированная информация». Я лишь обращаю внимание на то, что работа RTN направлена на людей, живущих в Америке, говорящих по-русски, хотя и с акцентом.

Вряд ли я заслуживаю обвинения и даже подозрения в антисемитизме! Уже в этой книге я не раз признавался в своей любви к Израилю и людям, которые там живут. Да, объема еврейской крови во мне явно недостаточно для того, чтобы я полностью соответствовал устоявшимся стереотипам, касающимся, например, умения устраивать собственное финансовое благополучие. Тем не менее при всех моих сионистских симпатиях я не могу не обращать внимания на определенные логические нестыковки. *«Кому не знакомы имена Юрия Ростова и Влады Хмельницкой, Валерии Коренной и Игоря Газарха, Александра Гранта и Александра Лахмана, доктора Яны Прайс и искусствоведа Майи Прицкер, Бориса Тенцера и Ольги Черни,*

Аркадия Львова и Ильи Граковского, Валентины Печориной и Инги Карлиной?» Это я привел цитату из статьи Ари Кагана «Телеканалу RTN/WMNВ – 10 лет!», опубликованной на его авторском сайте «Новости Нью-Йорка и Америки. Интервью, репортажи, аналитика».

Ну не может называться «Русской телевизионной сетью» компания, в которой все без исключения сотрудники могут быть моими родственниками по линии прадедушки Саула Львовича! Дай бог им всем здоровья, но это – не русское телевидение. Это – еврейское телевидение, и в этом нет ничего плохого, это замечательно! Я лишь говорю о том, что русский журналист-мигрант, решивший встроиться в новую жизнь целиком и полностью, должен быть готов к тому, что принято называть «местечковостью». Юрий Ростов тому яркий пример! Хорошо ему там работается, комфортно он себя чувствует – прекрасно! Я только рад этому! Просто я этого не хочу. Для себя. Потому что «местечковость» означает еще и снижение профессионального самоконтроля, самооценки. Потому что она делает позволительными вещи, которые журналист не должен разрешать сам себе.

Я потратил некоторое время на то, чтобы познакомиться с сайтом господина Кагана, так как он уже много лет сотрудничает с каналом RTN. Каждый год он пишет поздравительную статью по случаю наступления Нового года. Давайте сравним несколько этих публикаций.

2010 год: *«Автор этих строк (и в течение последних десяти лет ведущий еженедельной передачи «У нас в Америке» на RTN) неоднократно убеждался в том, что президента Russian Media Group, коннектикутского раввина Марка Голуба, гораздо больше волнуют события в Вашингтоне, Нью-Йорке и Иерусалиме, чем в Москве, Санкт-Петербурге и Берлине».*

2011 год: *«Автор этих строк не может быть объективным, так как уже одиннадцать лет ведет еженедельную передачу «У нас в Америке» именно на RTN. Но как инсайдер, хорошо знакомый с внутренней кухней популярного телеканала, могу утверждать: Марк Голуб, президент компании Russian Media Group, куда входит RTN, собрал удивительный коллектив умных, порядочных, талантливых и работающих людей, создающих в непростых условиях прекрасные новостные, образовательные и развлекательные передачи».*

2013 год: *«Автор этих строк уже тринадцать лет ведет по RTN еженедельную передачу «У нас в Америке», где рассказывает об актуальных социальных проблемах, незаурядных русскоязычных иммигрантах и политических событиях в Соединенных Штатах».*

Вас ничего не смущает в этих текстах? Мне в них чудится журналистская халтура. Заштампованность. Отсутствие желания работать с собственным стилем. Я понимаю, конечно, что описывать из года в год, по сути, одно и то же мероприятие, которое происходит в одном и том же ресторане с участием одних и тех же людей, безумно сложно. Но разве не в этом состоит работа журналиста, та маленькая творческая составляющая? У художника есть холст, краски и кисти, с помощью которых он пишет свои полотна. У композитора – ноты и инструмент, которым он владеет, для того чтобы создать музыкальное произведение. Если художник или композитор будет все время делать одно и то же, его засмеют! Обвинят в самоповторах, в том, что он «исписался», утратил свое вдохновение. Но разве журналисту можно так поступать? Он находится вне критики? Ему можно прощать косноязычие, банальности, глупость?

По-моему, нельзя. Но я не могу этого делать, поскольку приведенные выше примеры не являются общими, это – исключения, которые диктуются совсем другими правилами, неприменимыми к журналистике вообще. Журналистика, то есть работа со словом на родном языке, может приносить плоды, может быть успешной и, следовательно, нужной только в родной среде. Возможно, я ошибаюсь. Но это – мое мнение, которое я выражаю на своем родном языке!

У Сергея Довлатова во второй части его книги «Ремесло» (кстати, вот вам еще один аргумент в споре о том, чем является журналистика: ремеслом или творчеством!) есть несколько, на мой взгляд, подходящих примеров. Они касаются истории с работой над газетой «Зеркало», которую коллектив авторов смог запустить на деньги некоего Ларри Швейцера, задумавшего

издавать еврейскую газету. Сами-то журналисты намеревались выпускать русскую газету, но она все равно почти превратилась в еврейскую. И не потому, что господин Швейцер в статье об уменьшении в СССР производства свинины требовал заменить «свинину» на «фаршированную рыбу», так как упоминание свинины неприятно еврейским читателям. Она «почти превратилась», потому что сгорела. Не успела просто! Но уверенно шла по этой дороге. Вообще, довлатовское «Ремесло» – очень полезная книга, потому что она разрушает иллюзии. В том числе иллюзии, с которыми покидают свою Родину журналисты...

Есть, правда, и еще один путь для моих коллег-мигрантов. Это так называемая «внутренняя эмиграция», когда автор, физически оставаясь в своей стране, полностью отторгает ее, постепенно превращаясь в изгоя. Это очень опасный путь, потому что он может привести к предательству. А никакие либеральные ценности, никакие апелляции к правам человека не могут служить оправданием предательства. Предателей не любят нигде. Ни в стране, которую они предали, ни в стране, ради которой это предательство было совершено.

Очень полезным опытом для меня лично стал август 2008 года. Я совершенно не понимаю часто встречающейся иронии по поводу фразы «принуждение к миру». Что, собственно, в ней неправильного? Грузию не удалось «угговорить», и тогда ее пришлось «принудить», все очень просто. После начала боевых действий на Кавказе Юлька обратилась к руководству радиостанции «Говорит Москва» с идеей отправить ее в Южную Осетию. Руководство отказало, сославшись на отсутствие денег. Тогда она предложила оформить ей отпуск за свой счет, во время которого она будет в полном объеме исполнять обязанности специального корреспондента. Руководство согласилось, отдельно подчеркнув, что снимает с себя всю ответственность. Юля позвонила на «Эхо Москвы», предложив выделить еще одного журналиста и от этой радиостанции.

В августе 2008 года в своем эфире «Эхо Москвы» однозначно занимало «прогрузинские» позиции. Дело закончилось настоящим скандалом, потому что на недопустимость подобного поведения в российском эфире Венедиктову указал лично Путин. Об этом много писали, в том числе в американских газетах. The Washington Post рассказывала об этом эпизоде так: *«Главный редактор «Эха» Венедиктов подтвердил, что был вызван на ковер Путиным в Сочи. Он сказал, что Путин указал на проблемы с освещением станцией войны в Грузии, включая и заявление одного из репортеров, который называл российских солдат вражескими и сообщал о передвижениях войск, используя только грузинские данные. «Было неприятно публично выслушивать это, и еще менее приятно было признавать ошибки, поскольку, к сожалению, ошибки были», – заявил он, добавив, что Путин не выделил ни одного из журналистов и не выдвинул никаких требований. Венедиктов сказал, что не согласился с некоторыми из жалоб Путина, и что ему было позволено объяснить свою позицию, и что Путин выразил свое неудовольствие радиостанцией еще более жестко в частной беседе. Венедиктов отказался говорить о беседе более детально».*

Эти недостающие детали обнаруживались в публикации The New Yorker: *«Позднее Венедиктов подошел к Путину в коридоре и сказал ему, что тот «несправедлив». Путин достал стопку стенограмм, на которых были основаны его претензии, и заявил: «Вам придется за это отвечать, Алексей Алексеевич!»*

Все эти разговоры происходили в Сочи уже 29 августа, когда война давно закончилась. А в самом ее начале «Эхо Москвы» тоже не захотело посылать своего корреспондента в Южную Осетию, видимо, полагая, что «отвечать» придется кому-то другому.

«Все надежды прошли. Большинство либералов пытаются понять, не идем ли мы к репрессивному периоду нашей истории. Это значит, что то, что осталось от свободной прессы, может исчезнуть. Мы не знаем, будет ли выходить «Эхо Москвы» через месяц». Этот комментарий для The Washington Post появился в том же номере, что и рассказ о разговоре Путина с Венедиктовым, в середине сентября 2008 года. То есть восемь лет назад. «Эхо

Москвы» по-прежнему выходит в эфир, как и автор комментария, известная российская журналистка, появляющаяся в этом эфире на регулярной основе – то как ведущая программ, то как их гостя. А вот еще одно разъяснение, цитата взята из той же публикации: *«Когда Медведев пришел к власти, мы надеялись на новую оттепель. Но после грузинской войны люди очень обеспокоены новым закручиванием гаек в стране»*. Аналогичный пугающий прогноз, который дан в немного иной редакции. Автор этих слов – другая представительница российских СМИ, правда, уже сменившая работу журналиста на должность топ-менеджера в известной частной компании.

И в первом, и во втором случае посыл одинаковый: свобода слова в стране искореняется и скоро исчезнет совсем. Не важно, что и как произойдет впоследствии, главное, успеть сказать именно это в интервью западным коллегам. Это и есть проявление упомянутой мною «внутренней эмиграции» журналистов, потому что и «закручивание гаек», и возможное «исчезновение свободной прессы» – всего лишь фантомы, придуманные для поддержания собственного имиджа. А ведь претензии премьер-министра имели совершенно иную природу, что сам Венедиктов, кстати, не только не отрицал, но и разделял: «Еще менее приятно было признавать ошибки, поскольку, к сожалению, ошибки были»!

Но это понимание пришло позже. А тогда моя жена уехала на войну одна! На своем Nissan Micra, через всю страну с севера на юг, выходя в прямой эфир радио «Говорит Москва» и рассказывая о том, как и чем страна жила в эти августовские дни. Я не мог ее удержать. Потому что иногда бывают случаи, когда Человек Принимает Решение. Именно так, с прописной буквы. Возможно, это главное наше отличие от других представителей животного мира: один человек принимает решение и совершает поступок, который кажется другим людям нелогичным, иррациональным, глупым. Но на поверку оказывается, что лишь это решение было единственно верным, лишь этот поступок может считаться достойным человека. А в данном случае – еще и журналиста!

Я вел прямые эфиры «Говорит Москва», в которые она включалась, и молился. И она вернулась, моя такая маленькая, такая слабая и такая отважная. И я хочу, чтобы сейчас вы могли услышать ее рассказ.

Юлия Норкина. «Цхинвальские заметки»

1. Дорога

По сообщениям, видеосъемкам и комментариям корреспондентов федеральных каналов, война в Южной Осетии уже закончилась и бояться было нечего. Я выехала из Рокского тоннеля на территорию Южной Осетии в полной темноте. Серпантин дороги был освещен лишь фарами моей «Нюски», на которой я и рванула в район принуждения грузинских властей к миру прямо из Москвы. Увидеть что-либо вокруг было невозможно. Только дорога, спускающаяся вниз и петляющая то вправо, то влево. Огибаю огромный каменный выступ и по смутным очертаниям вижу, что по разные стороны асфальта выросли небольшие домики. Ага, населенный пункт! Но – ни названия, ни каких-либо других опознавательных знаков. И спросить не у кого. Полное безлюдье.

Через четыре минуты мне выходить на связь с Москвой, в прямой эфир радиостанции «Говорит Москва», чтобы «спеть» о том, что вижу. А я пока не вижу ничего. Сплошная темнота и пустота. Одна дорога. Звонок. Вот и Родина. Нарушая правила дорожного движения, говорю по телефону и продолжаю управлять машиной. Время по Москве – 20:30. Рассказываю о том, что видела на пути из Владикавказа до пограничного пункта перед Рокским тоннелем. Как красива эта горная страна, как приветливы люди и т. д и т. п. И неожиданно передо мной вырастает деревня, освещенная пламенем горящих домов. Эта деревня – грузинская, судя по буквам, которыми написано ее название. Чуть ниже это же название – на английском. Продолжаю говорить в прямом эфире о том, что вижу, о том, что спросить о происходящем совершенно не у кого. И вдруг, такая удача, по обочине дороги не спеша топает молодой русопятый солдатик. Останавливаюсь и, не отрываясь от трубки, спрашиваю, что тут происходит?

«Мародеры, – отвечает он мне спокойно. – Мародеры жгут грузинские дома», – и топает дальше, в обратную сторону от направления моего следования. А я продолжаю ехать дальше, по дороге, с обеих сторон которой горит последняя надежда людей на счастливую жизнь на этой земле. Объезжаю труп коровы с вывернутым нутром. Здесь была война.

2. Неизвестный город

Огонь остался позади. Когда начался сам город, сказать было невозможно.

Опять непроглядная темень, к которой понемногу привыкло зрение. По обе стороны дороги очертания домов, уже городского типа. Фары освещают дорогу, которая уткнулась в большой перекресток. Объясняю в телефон, что не могу определить своего местонахождения. Понятно, что это очередной населенный пункт. Справа виден силуэт большого здания, по виду – торгового центра, который зияет дырами пустых витрин без стекол и пробоинами в стенах. Слышу какой-то грохот. Слева появляется колонна бронетранспортеров, на которых сидят солдаты. Выхожу из машины, пытаюсь докричаться до них и спросить, что это за город. Но шум такой, что меня не слышно. В этот момент связь с Москвой обрывается. Колонна прошла, и я стою одна на темном перекрестке, в незнакомой стране, в городе, где через пятнадцать минут начнет действовать комендантский час. Впервые становится страшно.

Прошло минут пять. На перекресток вырулила старая «Волга». Я уже готова кинуться ей под колеса, лишь бы остановилась. Но моего размахивания руками оказалось достаточно. Подбегаю. В машине двое: здоровые крепкие мужики в форме ополченцев. На вид лет 40–45. Страх не проходит. Спрашивают, кто я, откуда. Объясняю. Смотрят с недоверием, как на

сумасшедшую. А я прошу показать мне дорогу к гостинице. Еще перед отъездом из Владикавказа в Цхинвали помощник президента Южной Осетии по международным делам Константин Кочиев, находящийся в Москве, сказал по телефону, что с гостиницей в городе все в порядке. Там лишь незначительно поврежден угол фасада. Но сама гостиница работает. Ополченцы в машине улыбаются.

– Поезжай за нами. Мы покажем тебе, где гостиница».

Ехали медленно, объезжая огромные дыры на искореженной дороге. Минут через десять – площадь, в глубине которой стоит темное здание с пробоинами в боку. Остановились. Я подхожу к машине своих спасителей. Опять улыбаются:

– Вот твоя гостиница. Только она не работает. Нет света, воды».

К страху прибавилось отчаяние. Думаю заночевать в машине, спрятав ее в каком-нибудь переулке.

– Меня зовут Виталий, а это мой брат, Тимур. Комендантский час уже начался. Садись в свою машину, и едем. Отвезу тебя к нам домой.

– А как же комендантский час? Нас не арестуют? – беспомощно задаю глупые вопросы. Опять улыбка.

– Не арестуют. У нас с вашими ребятами отношения правильные.

Через несколько минут пути вижу эти «правильные отношения». Нас остановил патруль федералов. Виталий и Тимур вышли из машины, автоматы наперевес. Сглотнула: «Ну да, они же ополченцы. И нечего пугаться, московская дура, впервые попавшая в горячую точку. Тут тебе не Тверская с ОМОНОм, разгоняющим «Марш несогласных». Тут свои правила. Смотри, слушай и молчи!» Пока размышляла, мужчины поговорили о чем-то. Потом посмотрели в мою сторону. Что-то объяснили патрульным и пошли обратно в «Волгу». Поехали. Вскоре были дома. Дома у Виталия.

3. Семья

Дом стоит на улице Суворова, которая совсем не похожа на городскую. Дорога, никогда не знавшая асфальта, вся в ухабах и рытвинах. Дома каменные, двухэтажные, каждый из них занимает отдельная семья. Машину велели поставить под каменным сводом второго этажа, то есть прямо в проходе во внутренний двор, где стоит большой стол, стулья и расположено подобие кухни. Вход в дом на втором этаже, туда ведет ажурная лестница. Сверху доносятся звуки работающего телевизора. Фоном шумит какой-то агрегат.

Нас встречают приветливые женщины и двое детей, девочка лет семи и мальчишка чуть младше. Все говорят на языке, который не понимаю. Но по взглядам, которые периодически бросают на меня люди, ясно, что разговор идет обо мне. Женщины засуетились. На стол ставится большая бутылка с вином, консервы, сваренная в «мундире» картошка, хлеб. Все это великолепие (страшно проголодалась!) освещается «лампочкой Ильича», которая висит под цементным потолком.

– А откуда же свет? – спрашиваю женщин.

Но отвечает Виталий.

– У меня генератор работает. На керосине. Мы тут ко всему привыкли и ко всему готовы.

На Кавказе за все отвечают мужчины, а делают все – женщины. Так заведено. За стол садятся и «сильные», и «слабые». Начинается долгий разговор. Первым делом сообщаю о своем несчастье – потеряна связь с Москвой.

– А у тебя кто оператор?

– Билайн, – отвечаю.

Виталий, сидя во главе стола, хмурит брови.

– За «Билайн» отвечает грузинский спутник. Мы пользуемся «Мегафоном».

Повисло неловкое молчание.

– А ты в Москве где живешь?

Начинаю рассказывать о том, где живу, где родилась, где работаю, сколько мне лет, сколько детей, где работает мой муж.

– Пятый канал – хороший канал. Он правильные новости делает, – комментирует Виталий, и напряжение немного спадает.

Разливается вино и, как говорят в Южной Осетии, «тост пошел». Тамада всегда – это хозяин дома. Только он может позволить или не позволить сказать другим ответное слово.

Первый тост. И обязательно за богатыря Уастырджи – имя, которое во время христианизации Алании было приписано главному герою-божеству в осетинской мифологии. Уастырджи покровительствует мужчинам, путникам и воинам. Для женщин его имя находится под запретом, и говорить о нем можно только иносказательно, называя Лагты Дзуар (Бог мужчин). Второй тост за Христа. Поднимая стаканы, смотрят на меня, будто перед ними его посланник. Становится смешно. Дань России.

Во двор входит человек небольшого роста, с улыбчивыми черными глазами.

– Это Олег, – представляет Виталий.

Узнав о том, что не могу позвонить домой, дает мне свой телефон. Выходим на улицу. Курю и звоню родным. Сообщаю, что жива-здорова, объясняя причину отсутствия связи. Мне сообщают, что мой начальник Яременко приказал в эфир меня больше не выводить по причине того, что хозяин нашей радиостанции «Говорит Москва», Василий Николаевич Кичеджи, опасается, что я – американская шпионка и могу сказать не то, что надо. «Да, мое профессиональное прошлое дает о себе знать. Ну и черт с вами! Хорошо, что отпустили и дали возможность неделю, пока ехала сюда, рассказывать о том, что происходит в стране». Прощаюсь с домом до завтра, обещая позвонить, как только будет возможность. Рассказываю Олегу, как добиралась до Цхинвали. Он одергивает:

– Не говори так! Наш город называется Цхинвал!

Извиняюсь. Обещаю исправиться. Возвращаюсь к столу и уже сама начинаю задавать вопросы. Только осторожно. Подозрение ко мне, показавшей и паспорт, и все разрешения на пребывание на территории Северной и Южной Осетии, подписанные аж правительством Москвы, у хозяина дома не исчезнет до конца моего пребывания в этом городе. А пока приютившие меня люди делятся воспоминаниями недельной давности, когда в ночь с 7 на 8 августа грузинские войска начали массированный артиллерийский обстрел Цхинвала и прилегающих районов. А затем последовал штурм города силами грузинской бронетехники и пехоты. Было страшно. Говорят, что никому такого не пожелали бы. Что сидели двое суток в подвале своего дома и содрогались от каждого залпа танковых орудий. Но во время рассказа улыбаются, иногда смеются. Женщины восхищаются русскими бойцами, говоря, что дрались они как львы. Много говорят о зверствах грузинских военных, во что верится с трудом. Хозяин поднимает тост за Люсю, молодую женщину, на плечи которой легли все заботы по хозяйству в эти дни – и дрова, и вода, а главное – еда, которой в городе почти нет. Гуманитарная помощь только только начала подходить к Южной Осетии. Многотонные фуры, связанные в колонны, ползли по трассе М4 на протяжении всего пути, пока я добиралась до Цхинвала.

Так прошло первое знакомство с местным населением. Для ночлега мне отвели хозяйскую спальню на втором этаже. Чувствую неловкость, пытаюсь объяснить, что такие жертвы ни к чему. Но спорить с мужчинами на Кавказе, тем более женщине, дело нелепое и бесполезное. Отправляюсь спать. Завтра много работы.

4. Цхинвал и его жители

Утром – солнце. После всех необходимых процедур спускаюсь вниз, во внутренний двор. Здороваюсь. Хозяйки уже хлопочут у обеденного стола. Пока пью чай, входит молодой высокий черноглазый парень в форме ополченца. За спиной автомат.

– Это Миша. Он будет тебя сопровождать по городу и все тебе покажет, – говорит Виталий.

Замечательно. Хватаю сумку, видеокамеру – и в машину. Телефонный звонок. Родной дом проснулся, и мой «вражеский «Билайн» снова заработал. Но ненадолго. Пока грузинский спутник охватывает территорию Южной Осетии. Поговорив с Москвой, отправляюсь в путь по городу, который так напугал меня ночью. Рядом Миша, который сразу начинает свой комментарий с характерным кавказским акцентом.

– Этот район называется «Шанхай», и они зашли вон оттуда. Половина отсюда, а половина оттуда, с запада. Это Юг.

– А с какого числа, до «Града», были обстрелы?

– Крупные обстрелы начались с 7-го числа. До этого были перестрелки, но город сильно не обстреливали «Градом». Обстреливали только минометами. Крупнокалиберными минометами. А «Градом» начали обстреливать с 7-го по 8-е. Перестрелку всегда до этого начинали со стороны Грузии.

Едем дальше по дороге, тоже никогда не знавшей асфальта.

– Это грузинский танк. Этот танк остался, потому что он не мешает проезду. Так они зашли в город. Тут шли ожесточенные бои. Вот. Все разрушено, потому что все расстреливали «Градом». Потом они зашли в город, и все было как в аду. Все подвалы этих домов были забиты мирными людьми. Они туда закидывали гранаты. Полюбуйтесь, что они натворили.

– Что вы имеете в виду?

– Вот дома. Они стреляли по жилым кварталам. Прямой наводкой из танков.

Вспомнилась Москва 93-го, когда из танков, прямой наводкой – по Белому дому. И дыры такие же. Но Михаил возвращает в действительность. Настойчиво возвращает. Просто требует убедиться в том, что это все было по-настоящему. Я не возражаю. Навстречу едет хорошенький, чистенький военный грузовик. Наши таких не делают.

– Это трофейная машина, – подслушав мои мысли, говорит собеседник. – Грузинская. Они встретили ожесточенное сопротивление вот именно на этом перекрестке.

– Чье? Ополченцев?

– Да! Сейчас я вам покажу телевидение, которое все разбили. Я вам покажу все! В телевидение стреляли прямой наводкой. В упор расстреливали стратегическую точку. Это телевидение. Все сожжено. Вот, полюбуйтесь. Это улица Героев, и тут ребята показали себя героически. Там внизу стоит подожженный грузинский танк, который расстреливал телевидение.

– Люди под расстрел попадали?

– Попадали. Вот, полюбуйтесь, телевидение! Они в упор все расстреливали, вовнутрь. Можете выйти и посмотреть, что они натворили. Там находились сотрудники телевидения, которые прятались в подвалах. Они не могли сопротивляться, так что они остались там. Как заложники. И их в упор расстреливали. Безоружных.

– Почему многие жители не ушли?

– Потому что им некуда было уйти. А те, которые остались, не успели просто.

– Но до этого ведь тоже были обстрелы. Почему же они не ушли?

– Они не ожидали, что по городу откроют залп из «Града». Ни разу такого не было, чтобы стреляли по мирным кварталам из «Града». Поэтому они до последнего не верили.

Потом он показывает генераторную, то есть то, что от нее осталось. Замечаю, что наших солдат там нет, «на этом стратегическом объекте», как сказал Миша. Но есть ополченцы с автоматами, которые, увидев маленькую камеру в руках, мгновенно стараются отвернуться или спрятаться. Уходим. Садимся в машину и едем дальше. Слева от дороги – еще один танк.

– Еще один грузинский танк?

– Еще один грузинский танк. Его не убирают, потому что он пока никому не мешает. Остальные уже увезли. Вот. Это – передовая города. То есть тут шли сильные бои. Это 12-я школа, где засели снайперы. Тут погибло очень много людей, и ополченцев, и мирных. Это разрушенный квартал. Пойдем туда, там можно интервью взять у простого люда.

Мы выходим из машины и направляемся к обгоревшим восьмиэтажкам, что расположены на той же улице Героев. Обогнув первый обугленный дом, входим во двор второго. У гаражей мужчина разжигает дровами печку. Чуть поодаль сидят женщины. Рядом бегают дети. Нам навстречу выходит высокий седовласый старик, и Миша о чем-то с ним говорит. Осетин уходит в подъезд и через мгновение тащит какую-то железную «дуру», похожую на водосточную трубу.

– Это оттуда вынесли.

– Откуда?

– Оттуда. С той стороны дома. Там (считает, закрыв глаза) – раз, два, три... четыре квартиры были повреждены.

– Сколько погибло у вас в доме?

– В доме? Много погибло. Много. Стариков много погибло.

– С верхних этажей?

– Ну, и внизу убивали, здесь. Вот нашего пацана вот тут застрелили.

– Что, выходили солдаты и прямо стреляли?

– Да, прямо его убили. Мы не могли подойти к нему двое суток. А потом, через двое суток, принесли его. Вот, в гараже поставили. А некоторых вон там похоронили.

– Где?

– Вот этот дом инвалидов. Там у них сад, с той стороны. Там хоронили. Там могилы братские. Да, да. В одну могилу несколько человек. Без этих, без гробов. Прямо в одеяло или простынь заворачивали.

К разговору присоединилась пожилая худенькая женщина, со спокойным, суровым лицом, какие бывают только у кавказских женщин. Ошибаюсь. Уварова Людмила Ивановна, совершенно русское имя. И сразу – жестко, без вопросов:

– Не от всех мы примем гуманитарную помощь. Примем не от всех. От России примем. От государств, которые нас поддерживают, – примем. От Германии, от Соединенных Штатов ничего не примем. Даже спичек.

Задаю вопрос:

– Были иностранные журналисты?

– Мы ждем их. Мы их не видели. Я спрашивала, они есть здесь где-нибудь, хоть с Украины, Прибалтики, с Америки? Они передают информацию из третьих рук, а это не журналисты. Я считаю, что это не журналисты, не люди своей профессии, и нечего им здесь делать. Вообще-то пусть они придут и посмотрят. Может, другими глазами начнут на все смотреть, на эту Грузию!

Вступает седой осетин, которого особенно задела реакция канцлера Германии.

– Ангела Меркель, наверно, такая же, как Саакашвили, дурная, наверно! Он – сумасшедший. Без родителей когда человек воспитывается, он – не человек. И нечего лезть таким людям в президенты! Когда танки вошли в город, «Жигули» раздавили. Там семья была – отец и двое детей. Вот Лена должна знать. Это ее родственники.

Но Лену не трогаю. Боюсь оскорбить старика недоверием, да и горе человека терпеть не хочется. Спрашиваю дальше.

– А как это было? Сначала «Град», а потом танки?

– Было знаешь как? Утром они, рано утром вошли. Мы думали... Нам говорили, что 58-я армия к нам подходит. И многие думали, что... некоторые увидели танки, там же не написано, чей это танк. И подходили к ним. Вот ребят с танка как обстреляли? Сразу троих уложили. Вот тут, прямо на Героев. За этим домом. Они в канаве, двое суток не могли подойти к ним. Отвезли их. Во Владикавказ. Похоронили там многих.

И опять Людмила Ивановна, как будто давно готовилась сказать.

– Мы страшно возмущены позицией грузинской диаспоры. Нет такого города в России, где бы не было грузин. И их молчание, их молчание, наверно, тоже сыграло свою роль какую-то в том, что Грузия сотворила со своими непосредственными соседями. У нас все переплетены! У нас семьи грузино-осетинские! Вот! И они такое с нами сотворили, что самый страшный враг, наверно, этого бы не сделал, что сделали с нами наши непосредственные соседи. Посмотрите, расстреливали нас из автоматов. Я уже не говорю этим... гранатометы! Эти «Град» и все остальное!

И тут заговорили все: и кто стоял, и кто сидел. Рассказывали, как выбегали к магазинчику соседки, чтобы взять чипсов, конфет, что-либо съестное, чтобы дети «тихо сидели». Как было страшно. Как повесился глухонемой старик с восьмого этажа. Вышел на балкон, увидел танки, ушел и повесился. Сняли через те же двое суток. Потом пришли русские, которых очень ждали. Потом получили первую «гуманитарку»: картошку, муку, макароны, масло, тушенку. Все хранят в общем гараже, а готовят здесь же, на улице. Одна из женщин улыбается.

– Как только свет появится, уже легче будет.

И опять Людмила Ивановна, как заправский замполит:

– Мы очень благодарны России, что нас спасла! Если бы не Россия, нас бы давно здесь уже не было.

Говорю «спасибо», будто бы от всей России. А что еще сказать? Слава богу, кончился весь этот кошмар, о котором они рассказывают. И если наши ребята этому способствовали, можно и погордиться. Более глубокие политико-экономические оценки этим людям ни к чему. Только бы не убивали. А Людмила Ивановна никакой не пропагандист. Просто из всех жителей этого двора, она единственная очень хорошо говорит по-русски.

Все эти дни СМИ, и те, кто в позиции, и те, кто в оппозиции, были озабочены лишь одним: сколько погибло мирного населения? И те, и другие разом превратились в циничных «журналигов», подтверждая или опровергая весь ужас произошедшего. Один мой очень хороший друг, уже в Москве, горячо доказывал, что триста погибших – это ерунда и ни о каком преступлении против человечности не может быть и речи. Пришлось напомнить про геноцид: и еврейский, и армянский, и цыганский, и про многие другие, и на какое-то время прекратить общение с хорошими друзьями, пока тема не ушла из повседневной жизни. Но это было потом. А пока я иду к тому самому дому инвалидов, который первым попал под обстрел грузинских танков. Где находятся братские могилы, никто показать не может. Ну и ладно. Не проводить же эксгумацию. Да и не важно, сколько погибло. Главное – погибли!

5. Встреча со «своими»

Едем дальше по городу. Подъезжаем к территории городской больницы. На КПП российский солдат. Миша выходит из машины, о чем-то говорит, и нас пропускают внутрь. Неподалеку от главного здания расположился российский военный гарнизон: палатки, палатки, палатки. Видно, что многие солдаты спят. Кругом порядок и чистота, что выглядит немного странно на фоне увиденного в городе. Подходим к группе военных, не рядовых. Представля-

юсь. Прошу ответить на некоторые вопросы. Как обстановка в городе? Чем российская армия помогает мирным жителям? Разбираются ли завалы? Приходит ли гуманитарная помощь и как распределяется?

– Нам отвечать на ваши вопросы не положено!

– Не отвечайте. А почему?

– Знаем мы вас, журналистов. Сейчас запишите на диктофон, а потом смонтируете всё по-своему и выдадите какую-нибудь гадость.

– Так у меня и диктофона нет.

– Ну да! Спрятали где-нибудь в одежде. Знаем мы вас!

Резко задираю футболку к горлу. Под ней только прозрачный бюстгалтер.

– Смотрите, есть диктофон?

Ошалело смотрят на меня, и лишь один бормочет:

– Красиво!

Зло разворачиваюсь и ухожу. Футболку опустила. Следом идущий Миша говорит: «Если тебя кто-нибудь обидит – убью!»

– Да не нужно никого убивать! Хватит уже!

В больнице практически никого нет. На крыше зияют следы от снарядов. Стекла в окнах отсутствуют. В «приемном» пахнет кровью, которую уже замыли. Спускаемся в подвал. Воняет затхлостью, трупами и мочой. В маленьких подвальных комнатах стоят железные кровати. Иногда рядом капельницы. В самом конце коридора свалена груда постельного белья и бинты. Все в крови.

Выходим на солнце. Все, на сегодня хватит.

6. Горы, освещенные солнцем

Обратно во Владикавказ еду с Олегом. У него там остались жена и дети. А тут такая удача, сумасшедшая журналистка из Москвы, приехавшая на своей машине. Почему бы не поехать и не повидать родных? Выезжаем из Цхинвала. Труп коровы, который валялся накануне, исчез. О его недавнем присутствии напоминают лишь оставленные внутренности, так и не убранные с дороги. Олег поясняет, что, видимо, разобрали на мясо. Еды-то мало.

Теперь уже справа по ходу движения стоят обгорелые останки двух «Икарусов». Это они освещали мне путь вчерашней ночью. Грузинская деревня. Дома стоят кирпичные, аккуратные, за такими же кирпичными заборами. Некоторые увиты темно-зеленым плющом. И кругом ни души. Дома пустые.

Вдали работает экскаватор, который ковшом пытается разбить каменную ограду одного из них. И делает это как-то остервенело, со злобой. Забор стоит, но экскаватор не сдается. Дальше дома разрушены, сожжены. Видимо, здесь экскаватор уже побывал. Поражаюсь идиотизму происходящего. Зачем? Почему? Но мой хмурый пассажир лишь отмечает: «Это грузинская деревня». Больше вопросов нет. Кроме одного. Закончится ли это когда-нибудь?

Проезжаем несколько КПП. Никто не остановил. Только сейчас, при свете дня, замечаю, как же здесь красиво! Южная Осетия – совсем маленькая страна, расположившаяся в долине, которую полукольцом окружают величественные горы, с многочисленными лесами, зелеными пастбищами и горными реками. Паркуемся на обочине. Олег спрашивает, есть ли у меня пустая бутылка. Находится. Мы спускаемся к реке, по тропинке, по которой туда и обратно снует немногочисленный народ. И все с бутылками. Недалеко от бурной воды лежат какие-то бетонные плиты, и из них торчит железная труба. А из трубы течет минералка. Та самая, которую мы в Москве покупаем в магазинах. Во всяком случае, по вкусу такая же. Набираю воду, едем дальше. И тут Олега разбирает. Он рассказывает, как чудесно они жили в советское время. Какие у них были колхозы и совхозы. Сколько овец паслось на горных склонах. Какой сыр они

делали из этого самого овечьего молока. А какая баранина! Нигде в Советском Союзе не было такой баранины! Показывая на заброшенный гостиничный комплекс, который одиноко растет у подножия горы, он с упоением говорит, что тогда, в те времена, там был первый и единственный на всю страну «видак» и самые красивые «путанки». За последнее слово извинился. Мы подъехали к Рокскому тоннелю.

7. Слезы, невидимые миру

Утром следующего дня, позавтракав в студенческой гостинице Владикавказа, отправляюсь обратно в Цхинвал. По дороге покупаю продукты: печенье, колбасу, сыр и еще много такого, что может хоть немного скрасить несколько дней жизни членам семьи, что приютила меня в ночном городе. Основной упор делаю на вкус детей.

Дорога на юг Осетии удивительна, как и весь Кавказ. Кто был там хоть раз, меня понимает. А кто не был, у того есть возможность меня понять, если, конечно, хочется. На границе невиданная очередь из машин. Легковушки, автобусы. Замечаю знак международного Красного Креста. Беженцы возвращаются. А с ними и те, кто наконец захотел посмотреть на всю эту историю не только со стороны Гори и Поты, но и со стороны Рокского тоннеля. И те, кому наконец разрешили это сделать. На границе меня уже знают. Не в том смысле, что пропускают без очереди. Нет. Никаких поблажек. Строгий досмотр всего багажа, документов по двадцать пятому разу. Просто ребята при этом улыбаются и острят. Ну, как умеют острить военные, только без пошлости. В военном госпитале, в Ростове, куда меня пустили строго без видеокамеры и возможности записывать разговор с ранеными срочниками, начальник, узнав, что у меня четверо детей, пошутил, что рожать – не воевать, много ума не нужно. Улыбнулась. Так спокойней.

И опять знакомый серпантин спускающейся вниз дороги. Затем деревни – первая осетинская, затем грузинские. Дома все корежат. И ведь не лень! Сколько восстанавливать в том же Цхинвале. Но ненависть – чувство не созидательное.

Улица Суворова. От гостиницы никто не отказывается. Не время для интеллигентного кокетства. Тут и Миша подрос. Мы с ним теперь на «ты», после вчерашнего моего фортеля с футболкой. Он рассказал, что по профессии – учитель географии в школе. Решила не возражать. Учитель так учитель. Отправляемся в очередной рейд по городу на моей «Ньюске». Михаил предлагает мне посмотреть на здание городской милиции. Лицо при этом суровое и многозначительное. Опять страшилки, думаю про себя. Но сначала он привозит меня ровно в тот парк, в глубине которого стояло разнесенное теперь уже в пух и прах кафе. Рассказ о нем в прямом эфире американского телевидения произвел фурор, помните? Парк выглядит печально. Многие деревья повалены шквальным огнем «Града».

Теперь милиция. Здесь количество ополченцев превосходит все мои ожидания. Человек тридцать, не меньше. «Все равны, как на подбор», говоря словами Александра Сергеевича. Здоровые, крепкие кавказские мужчины, скупые на слова. Мой телохранитель опять объясняет им что-то, и нас проводят внутрь здания. Задний двор превращен в руины. Груды искореженных машин. Все это снимаю на свою маленькую камеру. Возвращаемся обратно, в вестибюль. На каменной лестнице, ведущей, видимо, на верхние этажи, сидят двое подростков и один старик. Все трое курят.

– Вы кто?

– Мы – грузины, – отвечает старший.

Один из ополченцев поясняет, что это пленные, которых привели сюда на разбор завалов. Мол, натворили дел, пусть теперь расхлебывают. Расхлебывать, конечно, надо, но мне с трудом верится, что двое шуплых пацанят и убеленный сединой старец могли натворить все то, что произошло в этом городе.

- Откуда вы, отец?
- Я из Гори.
- А как попали сюда?
- Каждый год, летом, приезжаю на заработки. Ремонтирую автозаправки.
- И давно вы здесь?
- С 28 июня.
- А родные ваши в Гори знают, что вы живы?
- Нет.

Он опять курит. Большие глаза смотрят в одну точку. На лице землистого цвета, прорезанном лучами морщин, ни малейшего проявления каких-либо эмоций.

– Возьмите мой телефон. Он сейчас как раз работает. Связь есть. Звоните. Звоните родным!

Что происходит вокруг, не замечаю. Вижу только человека, впервые поднявшего на меня глаза и осторожно берущего из моих рук трубку. Медленно нажимает кнопки. Ожидание. Разговор. Из глаз слезы. Все.

Я успеваю лишь взять телефон обратно, вокруг все приходит в движение. Резкие крики ополченцев. Кто-то пытается выхватить мою видеокамеру. Меня обступают все «тридцать три богатыря». Миша жестко подхватывает под локоть и тащит по направлению к машине. Автомат наготове. Вдогонку летит речь, которую я не понимаю. Миша отвечает, заталкивая меня в машину на водительское место. Шипит в ухо.

- Поехали быстрее!
- Что происходит?
- Ты позволила пленному грузину позвонить по телефону!
- И что? Он человек. И его родные не знали, что с ним. А он не знал, что с ними.
- Вот застрелят тебя... А вдруг этот дед – шпион?

Какой шпион? Пока говорим, машина будто сама срывается с места. Миша командует, когда направо, когда налево, поминутно оборачиваясь назад. Приезжаем на Суворова. Он немедленно все рассказывает «семье». Между ними громкий разговор. Больше всех кричит Виталий. Собираюсь в дорогу. Из дома вышли женщины, Люся и ее соседка Фатима. Запричитали, почему уезжаю так скоро. Рассказываю. Начали успокаивать, объясняя, что все мужчины у них очень горячи и категоричны. Фатима обняла за плечи и отвела в свой дом. Часа два, за чашкой чая и бутербродами, говорим о жизни. Потом приходит Миша и предлагает поехать посмотреть территорию, где находился гарнизон российских миротворцев. Он спокоен и даже добродушен.

У миротворцев, которых здесь уже нет, все разрушено. Казарма со стороны дороги, по которой шли грузинские танки, вызывает в памяти военные хроники Сталинграда. К нам топает еще один ополченец, судя по форме. Вполне себе упитанный молодец, с характерным запахом веселья накануне, зовется Сергеем. Снимаю все, что вокруг, кроме моих «телохранителей». Договор есть договор. Мне показывают какую-то огромную круглую штуку с пушкой. Без склонений и спряжений Миша объясняет:

– Это БМП. Российская БМП, которая стояла на передовой. Она стояла на позиции, и после прямого попадания, значит, с танка, она загорелась и рванула, и башня отлетела, вот, на двадцать метров.

Смотрю на «башню». Ощущение, что она пролежала здесь не меньше года. Не могла же она проржаветь так всего за неделю? Или наши солдаты служат на технике шестидесятых годов прошлого века? Бред... Молчу и слушаю. Михаил продолжает.

- Там находилось четверо ребят. Полный экипаж вместе с командиром.
- Сергей советует.
- А вот эту башню-то сняли?

Уже сняла. И смотровую, и развороченный медсанбат, и столовую. Глаз камеры натывается на белые клубы дыма в горах. Слышны выстрелы.

– Что там происходит? Этот звук оттуда?

– Да, да. Там, наверно, последние остатки бандформирований грузинских. Добивают.

– Вы хотите сказать, что там сейчас идет бой?

Молчание.

– А почему никто не сообщает, что здесь еще идут бои?

Миша молчит, соображая, что отвечать.

– Честно говоря, может, это русские проверяют, стреляет у них или не стреляет. Сама знаешь, машины приехали на «авось».

Нет, не знаю. Те танки и машины, что колонной двигались из Цхинвала, и те, что сейчас по периметру стоят у грузинских деревень, новенькие и чистенькие, будто только что сошли с конвейера. Глупый ответ не комментирую, понимаю, что умного и правдивого все равно не будет, тем более тому, кто позволил проявить сочувствие к противнику. И это после всех зверств со стороны врага, о которых так яростно говорили.

Время восемь. Через час начнется комендантский час, а хотелось выехать обратно во Владикавказ и назавтра оттуда домой, в Москву. Приехав к Фатиме, узнаю, что через день в Цхинвале в память о погибших маэстро Гергиев будет давать концерт. В центре, на площади, уже начали строить сцену у разрушенного Дома Правительства. Хорошая, одинокая женщина, чей сын в Москве работает охранником у одного из известнейших художников, чье имя не назову, уговаривает переночевать у нее, а уж утром ехать. А может, останусь на концерт? Нет, не останусь. Время ужинать. Из Владика, так здесь ласково называют Владикавказ, вернулся Олег и просит зайти нас с Фатимой на «огонек». «Огонек» заканчивается скверно. Во главе стола, даже в доме Олега, все тот же Виталий. Он явно зол на меня. Произносятся первый тост, как всегда за Уастырджи, он продолжает говорить на том языке, который мне не понятен. Ему внемлют несколько мужчин, среди которых Олег и Михаил, и одна женщина – я. Фатима подносит угощение и лишь изредка присаживается недалеко на стульчике, чтобы что-нибудь перекусить. На русском говорят только о том, что мы бросили их в 92-м. Что, если не признаем их независимость, будем последними предателями. И вообще, есть гости честные, а есть подлые шпионы. На выбор предложили «красного» или «белого». Выбираю белое. После первого бокала подкатила дурнота. Что за черт? Меня подхватили Олег и Фатима, у которой сама промучилась и которую промучила всю ночь. Наутро все вышли меня провожать. Просят приехать еще когда-нибудь. Записывают мой номер телефона. Приглашают всех в гости в Москву. Кланяюсь в пояс за гостеприимство, сажусь в свой дом на колесах и качу по направлению к России. За спиной остается красивая земля, которая давно уже тоскует по заботливым, мудрым и честным рукам. И тоска эта, похоже, будет еще очень долгой. А пока главное, чтобы не было войны. С этим девизом Южная Осетия живет последние двадцать лет.

На границе, в сторону Цхинвала, длиннохвостой змеей тянется очередь. В родные дома возвращаются осетины – дети, женщины, старики. Опять проверка. Но быстро. Я пустая. Во Владикавказе проверяю свои съемки. Весь эпизод с пленными грузинами затерт. Смешно. Эта история вряд ли бы помешала России через несколько дней признать независимость Южной Осетии. Вся дорога обратно вспоминаю тех, с кем познакомилась. Олег шлет эсэмэски с вопросами «как дорога?». Нормально. Большая страна успокоилась и занимается своими делами, смотрит по телику развлекательные шоу. За Ростовом, подъезжая к мосту через Дон, обгоняю по обочине большой черный джип. Хочу припарковаться и купить воды в придорожном ларьке. Из джипа высовывается белобрысый, синеглазый здоровяк, нарочито блестя многочисленной «голкой».

– Куда прешь, сука?

Ловлю себя на мысли, что давно не слышала матерных слов. Даже литературных. Только теперь ясно ощущаю, что я на Родине. Я еду домой...»

Глава 42

Возвращение Юли домой действительно иной радости, кроме радости встречи, не принесло. Ее уволили с «Говорит Москва», скажем так, «по причине утраты доверия». Мне трудно судить за господина Кичеджи, в то время являвшегося владельцем этой радиостанции⁶³. Он почему-то боялся, что репортажи корреспондента Норкиной будут кем-то превратно истолкованы, так что, видимо, решил перестраховаться. Но это означало лишь то, что нам снова нужна была работа.

Буквально несколькими днями ранее я позвонил в Питер, генеральному директору «Пятого канала» Троепольскому. «Владимир Владимирович, могу ли я представлять для вас интерес в качестве сотрудника?» – без обиняков спросил я. «Приезжай», – коротко ответил Троепольский. И я поехал в Петербург...

Когда я был маленьким, родители часто привозили меня с младшим братом к маминим родственникам, которые жили в Ленинграде и Ленинградской области. В основном лето мы проводили в крошечной деревне Войпала, где жила мамина тетя, то есть моя двоюродная бабушка, баба Ньюша. Добирались мы туда на электричке. Выходили на станции «Плитняки» и километра четыре, а то и пять, точно я уже не скажу, топали сначала вдоль железной дороги, потом через лес и через поле, усеянное шампиньонами, произрастающими на «коровьих лепешках». Местные, и баба Ньюша в их числе, никогда не собирали шампиньоны, которые презрительно именовали «шпионами». Почему-то они считали, что эти грибы недостойны чести быть употребленными в пищу. Войпала насчитывала не больше трех десятков домов, прилепившихся к грунтовой дороге, но почти в каждом доме звучали детские голоса: к местным старичкам и старушкам на каникулы приезжали внуки. Однако деревня не была для нас местом ссылки. Многочисленные мамыны дяди, тети, братья, племянники и племянницы встречались и во Мге, и в Жихарево, и, разумеется, в самом Ленинграде. Так что «город на Неве» я как турист, пусть и малолетний, в общих чертах знал. Но я был знаком с Эрмитажем, с Адмиралтейством, с Медным всадником, с «Авророй», с «реками и каналами», как любой другой приезжий, а в 2008 году я прибыл в Питер не на экскурсию, а на работу. И – на постоянное место жительства.

В нашу первую встречу Троепольский снова был предельно лаконичен. Он сказал, что возьмет меня в штат, хотя для него лично это может обернуться проблемами, потому что работой с Гусинским я свою карму подпортил. Владимир Владимирович честно предупредил меня, что моя зарплата будет маленькой. Не такой, чтобы едва-едва сводить концы с концами, но и не такой, как на RTVi. Я, конечно, сразу же согласился, только затем спросив, что, собственно, ему от меня нужно. «Мне нужен утренний информационно-развлекательный канал, – сказал Троепольский. – Шоу, какого нет ни на одном другом федеральном телеканале. Чтобы человек, проснувшись утром и собираясь на работу, получал всю самую главную информацию плюс хорошее настроение. «Евроньюс», только с человеческим лицом и живой манерой общения». «Что для этого есть?» – спросил я. «Ничего», – ответил Троепольский.

За несколько дней я расписал концепцию нового «Утра на Пятом», которую гендиректор одобрил. Я съездил в Москву, заключил новый договор с агентством Reuters, вернулся обратно и въехал в квартиру, которую для меня сняла телекомпания. Коллектив принял меня настороженно, что было абсолютно логично. «Пятый канал» лихорадило уже несколько лет подряд, там постоянно менялись концепции и начальники. Например, сам Троепольский появился в Питере только в апреле 2008 года. Поэтому ребята некоторое время присматривались к стран-

⁶³ В. Кичеджи в мае 2015 года возглавил Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию имени Штиглица.

ному московскому гостю. Странность моя заключалась в плане, который я им предложил: шесть с половиной часов прямого эфира, с одним ведущим в кадре, без суфлера и исключительно на «рейтеровской» картинке. Слова гендиректора о том, что у канала ничего нет для нового шоу, были чистой правдой!

Я придумал часовой слот, разбитый на условные тематические рубрики: главные новости, политика, экономика, погода, спорт, культура, шоу-бизнес и курьезы. Они составляли костяк нашего ежедневного вещания. Кроме того, несколько безусловных тематических рубрик менялись в течение недели: медицина, мода, еда, автомобили и т. д. Жемчужиной среди постоянных рубрик была «Пятерка по русскому», в которой ведущий разбирал сложности русского языка с помощью мультипликационных героев, в роли которых выступали буквы русского алфавита, попадавшие в разнообразные смешные истории. Эти микромультки рисовали для нас ребята из команды Константина Бронзита и Дмитрия Высоцкого, за которых мы страстно болели в 2009 году, когда их номинировали на «Оскар»!⁶⁴

Начинали мы работу в три часа ночи по местному времени, устраивая побудку регионам, а я садился в эфир в шесть утра и работал до половины десятого, после чего эстафету подхватывали информационщики. Верстка каждого часа обновлялась по мере поступления новых видеоматериалов, которые мы начинали готовить накануне и продолжали делать это в течение всей ночи. Ведущий, как я уже говорил, работал без суфлера, зато имел возможность комментировать сюжеты. Сами сюжеты тоже никак не соответствовали общепринятым стандартам ни по хронометражу, ни по содержанию, ни по исполнению. Ребята сопротивлялись, возражая мне, что так делать нельзя. «А кто вам это сказал?» – спрашивал я в ответ. Сначала они молчали, потом вынужденно соглашались с моими требованиями, а в конце концов... заразились. И стали получать удовольствие от этого совершенно неприкрытого, но беззлобного хулиганства. Мы все вместе отбирали темы из тех репортажей, что рассылало своим подписчикам агентство Reuters, мы все вместе писали тексты, все вместе их озвучивали, все вместе делали наше «Утро на Пятом».

Я абсолютно искренне горжусь этой программой. И не только потому, что считаю себя формально причастным к тому, что на отечественном телевидении появился такой ведущий, как Михаил Генделев. Моя врожденная скромность в этом случае отступает куда-то на задний план, потому что я убежден, что Генделев раскрылся именно в нашем «Утре». Конечно, рейтинги у «Пятого канала», тогда только-только получившего статус федерального, были микроскопическими. Но все же за те неполных полтора года, которые просуществовала передача, нам удалось в четыре раза увеличить свою аудиторию! «Утро на Пятом» получило номинацию на ТЭФИ как информационно-развлекательная программа, но предсказуемо проиграло шоу «Прожекторпэрисхилтон», появившемуся в эфире «Первого канала» в том же 2008 году. Наше главное достижение заключалось в том, что мы не оставляли никого из зрителей равнодушными. Нас или ругали, или хвалили. Причем за одно и то же! Безусловно, в этом была и заслуга руководства, которое предоставило мне полный карт-бланш. Ни Троепольский, ни генпродюсер канала Александра Матвеева ни разу не вмешались в мою работу. «Делай, как считаешь нужным!» – говорили они. И мы с ребятами так и поступали. Теперь, при редчайших встречах коллектива «Утра на Пятом», все его бывшие участники совершенно бесстыдно предаются ностальгии, вспоминая совместную работу, которая объединила нас и навсегда осталась в наших сердцах. И смею предположить, что это относится не только к нам, к тем, кто работал над этой программой, но и к ее зрителям.

Совершенно случайно я наткнулся в Сети на текст, написанный спустя несколько дней после закрытия «Утра на Пятом». Я не знаю, кто его автор, потому что он, вернее – она, скрывается под псевдонимом, но это не важно. Я воспринимаю эти слова с огромной благодарно-

⁶⁴ Фильм «Lavatory – Lovestory» («Уборная история – Любовная история»).

стью, и от себя лично, и от имени моих коллег. Я просто уверен, что ребята со мною согласятся. Вот они, эти слова:

«Однажды под серенький рассвет и растворимый кофе я включила телевизор. И явилось мне чудо. По петербургскому каналу шла утренняя программа. Все просто. Ведущий в студии и сюжеты в течение часа: основные новости, обзор прессы, экономика, международная информация, курьезы, спорт и (о, бальзам на душу редактора!) рубрика «Пятерка по русскому». Но вся эта простота была воистину гениальной, потому что ведущие так говорили с экрана, как будто они сидят рядом с тобой на кухне. Нет, не просто сидят на кухне – они живут в твоей квартире. Они не фамильярны, но они свои. Они тебя уважают, но не заискивают перед тобой и не срываются на официоз. А главное – им нужен зритель. Зритель – Царь и Бог, но зритель – не тот, кто все предложенное съест и не подавится.

«Утро на Пятом» было для всех, от рабочего с «Кировского» до директора этого завода. Но при этом «Утро», пожалуй, было последней ТВ-передачей для думающих людей. Андрей Норкин и Михаил Генделев не просто оставляли возможность подумать – они подталкивали к размышлениям.

Пушкин писал, что роман требует болтовни. Так вот, «Утро» – это был телевизионный роман, иногда даже и в стихах, это была непринужденная дружеская болтовня. И по утрам было ощущение, которое, вероятно, мои бабушка с дедушкой испытывали, сидя на диссидентской кухне, где шли ожесточенные споры, где травился анекдот за анекдотом, где позвякивала гитара, где передавалась из рук в руки замусоленная ксерокопия «Лолиты». Чувство, которое я испытывала, включая по утрам «Пятый», было чувством свободы.

Да, наверное, я пристрастна. Но «Утро» совершило переворот в моем сознании (пафосно, да?). Действительно, это был переворот. Я поняла, как можно делать телевидение. И как нужно его делать. А еще я поняла, что есть еще люди, которые могут творить на телевидении чудеса».

Еще раз – спасибо!.. К сожалению, для меня история с «Утром на Пятом» имела и оборотную сторону. И сейчас я говорю вовсе не о том, что мое появление в эфире федерального телеканала, да еще и не только в качестве ведущего, но и начальника среднего звена, было воспринято либеральной тусовкой как предлог для новой атаки. Про мою «продажность Кремлю» снова заговорили с жаром и удовольствием. Это меня совершенно не волновало. Но дело в том, что я без малого полтора года прожил в отрыве от своих родных! Как и они все это время жили без меня. И это было ужасное время! Поначалу я приезжал домой только на выходные. Утром в пятницу возвращался в Москву, но уже днем в воскресенье садился на поезд в Питер. В конце лета 2009 года Троепольский разрешил мне перейти на более щадящий график: неделя через неделю. В эфире меня подменял Миша Генделев, а процесс подготовки программы был отлажен настолько качественно, что мое ежедневное присутствие как руководителя проекта являлось уже не обязательным. Но нам с Юлькой от этого легче не стало. Эти постоянные расставания выворачивали меня наизнанку, а что творилось у нее в душе, я, наверное, не смогу представить при всем желании. Я по нескольку раз в день звонил домой. Утром с работы, сразу после эфира; из квартиры, перед тем, как лечь спать; проснувшись в 17:00, перед уходом на работу; вечером, выбрав паузу в подготовке программы; и в районе двадцати трех часов, перед тем, как во второй раз за сутки выкроить возможность для сна. И это мучение продолжалось из месяца в месяц. Я не знаю, как нам удалось пережить это испытание, сохранив семью. Эта рана кровоточит до сих пор, потому что цена, которую мы заплатили за эти полтора года, оказалась слишком высокой.

Думаю, что именно по этой причине я все еще нахожусь в душевном противоречии с Санкт-Петербургом. Даже сейчас, приезжая сюда, я испытываю холод, боль и одиночество. Я не могу наслаждаться его европейским обликом, его архитектурными красотами, его свободолоубивой природой, потому что как будто вижу то, что скрыто за туристическим фасадом самого

европейского города России. Однажды, когда я еще работал в Питере, Владимир Кара-Мурза при встрече спросил меня: «Ну а ты в мечети-то был?» Я, откровенно говоря, опешил от этого вопроса, потому что по своей национальной принадлежности должен был, скорее, стремиться посетить синагогу, но уж никак не мечеть. Я сказал об этом Володе, мол, а почему я должен был обязательно посмотреть мечеть? «Она красивая!» – пояснил мне Кара-Мурза, и я понял, что он относится к Питеру как к туристическому объекту. Но я-то там жил! Я воспринимал этот город как место, в котором я живу! Вынужден жить, пусть я и не привык к подобным условиям... Когда я пересекал улицу Чапыгина и входил в нашу комнату в здании телецентра, линейный продюсер «Утра на Пятом» Светлана Андреевна Зараева приветствовала меня фразой: «Сегодня в нашем городе *хорошая* погода!»

Я благодарен Петербургу, приютившему меня в тяжелый период жизни! Но именно поэтому я хочу, чтобы этот город менялся к лучшему, развивался, не стоял на месте, не ленился, не боялся признаваться в собственных ошибках! Однажды, это было весной 2016 года, мы с Юлей взяли и приехали в Питер на выходные. Просто на два дня, чтобы погулять по Невскому проспекту и Дворцовой набережной, чтобы посмотреть, что изменилось в Северной столице, в которой мы не были несколько лет. И нас – обоих – охватили какие-то мистические чувства!

Мы вдруг поняли, насколько важен этот город для всей нашей страны! Ведь значение Петербурга для России – это совсем не количество ежегодно прибывающих иностранных туристов. Это взаимосвязь нашей истории, нашего настоящего и нашего будущего. Что я хочу сказать? Петербург, увеличивающий поголовье частных гостиниц и сетевых кофеен в геометрической прогрессии, по-прежнему остается местом триумфа большевистской революции, ее священной коровой, ее табуированной территорией! Исаакиевский собор, «Спас-на-Крови» и даже Петропавловский собор, в котором захоронены почти все российские самодержцы, начиная с Петра Великого, по-прежнему остаются музеями! Они работают по строго регламентированному графику. Туда не принято приходить с цветами. Там неудобно молиться, хотя истинно верующего человека это вряд ли сможет огорчить. Но я говорю немножко о другом.

Питер до сих пор не определился с собственным целеполаганием. Кто он? Город-реформатор, ориентированный на как бы прогрессивные западные либеральные ценности, или город-хранитель, призванный спасти ценности консервативные, заложенные и выпестованные столетиями отечественной истории, город, ни разу не склонивший своей головы перед грозным противником? Но если с разрешением этой дилеммы не определился Санкт-Петербург, не странно ли требовать чего-то подобного от всей России? Я не собираюсь сваливать всю ответственность на жителей Северной столицы, мол, давайте подождем, когда они разберутся со своими тараканами, после чего мы начнем гонять своих. Но меня неприятно поражает сосуществование предупреждений, которые размещены совсем рядом, хотя во времени они разведены на полвека: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» – и: «Внимание! Возможно произвольное падение штукатурки!» Мне кажется, что со штукатуркой уже нужно было бы что-нибудь решить, потому что Петербург – не тот город, что может позволить себе поживать на лаврах и стричь купоны благодаря своему исторически сложившемуся имиджу. Ведь на то он и столица (пусть и вторая!), на которую должны ориентироваться все остальные города, по-прежнему раздумывающие над тем, вытаскивать ли ногу, застрявшую в болоте, чтобы идти дальше, или так и сидеть враскоряку...

Но – «не было бы счастья, да несчастье помогло»! В конце 2009 года на «Пятом» снова сменилось начальство, а вместе с ним – и концепция. Руководить «Пятеркой» было поручено Александру Роднянскому, который видел канал местом для общественно-политических программ. Все прямые эфиры, кроме новостных, были отменены, а все производство перенесли в Москву. Поэтому, как бы я ни расстраивался по поводу закрытия «Утра на Пятом», возвра-

щение домой, конечно, перевешивало этот негатив. Другое дело, что концепция Роднянского оказалась малоудачной.

Эфир «Пятого» просто заполнили ток-шоу, одно из которых – «Дорогие мама и папа» – было поручено вести мне. Проект не задался с самого начала, поскольку дискуссия по проблеме усыновления не получила четко обозначенной цели. Нет, то, что передача должна была привлекать внимание общественности к этой больной теме, сомнений не вызывало, но что именно должны были делать люди, собравшиеся в студии, никто не понимал. Так что неудивительно, что «Маму и папу» закрыли уже после четырех выпусков.

К сожалению, судьба других проектов сложилась похоже. Еще раньше нас сняли с эфира ток-шоу Радислава Гандапаса «Будь по-твоему», чуть позже нас – «Свободу мысли» Александра Вайнштейна и Ксении Собчак. Дольше остальных продержались «Картина маслом» Дмитрия Быкова и «Программа передач» Светланы Сорокиной. В общем, получился конфуз, ибо рекламная кампания обновленного «Пятого канала» была громкой и пафосной, презентация проходила в московском отеле Ritz Carlton под лозунгом «Будь человеком! Смотри «Пятый»!» – если я правильно его помню. Получилось же, что «очеловечивание» телеканала, его принудительное «поумнение» зрителя не заинтересовало. Программы вышли очень похожими друг на друга, их было слишком много, так что единственным успехом «Пятого канала» в 2010 году можно считать лишь «Суд времени» с Сергеем Кургиняном, Леонидом Млечиным и Николаем Сванидзе. Позднее эта чуть видоизмененная передача перебралась на «Россию 1», где выходила в эфир под названием «Исторический процесс».

Я же весь тот год проработал в «Реальном мире», позиционировавшемся как информационно-познавательный тележурнал, рассказывающий о современной науке, новых технологиях и разнообразных курьезах, которые нынешняя молодежь называет «лайфхаками»⁶⁵. «Реальный мир» я также не могу отнести к числу своих телевизионных удач, потому что это была целиком и полностью продюсерская программа, а я, как показывает практика, никогда не умел и так и не научился читать чужие тексты. Тем не менее именно в 2010 году благодаря работе на «Пятом канале» я познакомился с Натальей Никоновой, человеком, без преувеличения, сформировавшим у российского зрителя понимание термина «телевизионное ток-шоу». Пожалуй, Никонова – наиболее компетентный специалист в этой области, в чем я лишний раз убедился в дальнейшем, уже работая с ней над другими проектами – в том числе «Списком Норкина», который выходил в эфир НТВ в 2014–2015 годах.

Но в конце 2010 года все задумки Роднянского пошли под нож. На «Пятерке» опять сменили руководство и снова полностью переработали эфирную сетку. С того времени и по сей день главным блюдом, которое украшает меню телеканала, является криминальный сериал «След» – проект Александра Левина, уже побивший все возможные рекорды по продолжительности, поскольку появился еще в 2007 году в эфире «Первого канала» и с тех пор ни разу не прерывался. Мой же трудовой путь, пожалуй, впервые за долгие годы, прервался лишь частично: снова пропав из федерального телеэфира, я, тем не менее, удержался на радио. Это означало, что период моего автономного плавания закончился и начался совершенно новый этап.

⁶⁵ По версии Википедии, лайфхак – термин, обозначающий полезный совет, помогающий решать бытовые проблемы с существенной экономией времени и сил.

Часть 8. Глобальная информационная война начинается...

Глава 43

«Новости в классике» – это программа, полная хамства, насмешек и срама. Гнусности, хохмы, намеки, вранье... В общем, не надо вам слушать ее!» Эти строчки Дмитрий Быков написал для промокампании нашей программы «Новости в классике» на радио «Коммерсантъ FM». Я должен подчеркнуть два момента. Первое: «Новости в классике» – несомненно, лучшее, что я делал на радио. Даже легендарная «Физ-ра», выходявшая в эфир «Радио «Панорама» в середине 1990-х, в моем личном рейтинге уступает «Новостям в классике». Надеюсь, Анатолий Кузичев⁶⁶, с которым мы вели «Физ-ру», не обидится на меня за такую оценку. И второе: Дмитрий Львович Быков – абсолютный гений! Со всеми причитающимися гению качествами: уникальным литературным талантом, энциклопедическими знаниями, завышенной самооценкой, звездной болезнью и постоянной рефлексией. Говорят, что в одну реку невозможно войти дважды. Мне почти удалось сделать это, потому что «Новости в классике» по своему духу, по своему настроению полностью соответствовали «Утру на Пятом». Обе эти программы даже в эфире просуществовали почти одинаковое время – около года. Правда, причины их закрытия были разными, но это уже другая история, а я забежал вперед.

Радиостанция «Коммерсантъ FM» начала работу в середине марта 2010 года. Во многом, как я понимаю, благодаря желанию ее главного редактора Дмитрия Солопова отомстить его бывшим работодателям с Business FM, с которыми он расстался не слишком мирно. «Коммерсантъ FM» не стала клоном Business FM, хотя станции, особенно поначалу, были очень похожи друг на друга – ведь делали их почти одни и те же люди, Солопов многих увел за собой после ухода с Business FM. Однако в какой-то момент «Коммерсанту» удалось «перегрызть пуповину», и он стремительно побежал вперед, не оглядываясь на своего «старшего брата».

Я работал на «Коммерсанте» практически с первого эфира, успев за четыре с лишним года попробовать все сегменты, кроме ночного. И то лишь потому, что на этой радиостанции ночного вещания просто не было, что меня, как информационщика, естественно, всегда раздражало. Времени на раскачку не оказалось, потому что сначала – 29 марта – произошли взрывы на двух станциях московского метро, а чуть позднее – 10 апреля – под Смоленском разбился самолет президента Польши Леха Качиньского. Стресс, в котором оказалась радиостанция сразу после начала работы, пошел ей на пользу. Экстренно подготовленные эфиры, продолжавшиеся в течение нескольких часов, выявили проблемные места в организации деятельности редакции и в том числе наглядно показали, кто чего стоил. Некоторые сотрудники, работавшие еще в период подготовки станции, после моего появления на частоте 93,6 подозрительно быстро уволились, и я не могу связать это ни с чем иным, кроме как с политикой.

«Коммерсантъ FM» был, конечно, заражен вирусом либерализма. Вещание станции оставалось по своему характеру строго нейтральным, и оголтелость «Эха Москвы» никогда у «Коммерсанта» не проявлялась, но многие, особенно молодые, сотрудники по своим взглядам на жизнь со мной никак не совпадали. И я не совпадал с ними. До поры эти разногласия оставались несущественными, но с течением времени стали все больше усугубляться. Это совпало с теми событиями, которые я сам считаю новым этапом информационной войны, в которой участвовал лично. Впрочем, с определенного времени к участникам глобальной информаци-

⁶⁶ А. Кузичев – до лета 2016 года занимал пост генерального продюсера «Коммерсантъ FM».

онной войны уже можно было отнести абсолютно всех жителей нашей страны, потому что схватка за умы приобрела перманентный характер и гигантский масштаб.

Технически «Коммерсантъ FM» был сделан отлично! Для меня, привыкшего к чахлым студиям «Эха Москвы», пульт управления «коммерсовским» эфиром поначалу казался фрагментом, завезенным из ЦУПа! Особенно важным было то, что ведущий эфира самостоятельно работал в студии, без участия звукорежиссера, как это было на всех радиостанциях, где я раньше трудился. Ведущие «Коммерсанта» лично не формировали свой эфир, но у них всегда оставалась возможность привносить в него дополнительные черты: факты, комментарии, замечания, интонации и т. д. Я всем этим беззастенчиво пользовался, хотя официально такое поведение было запрещено. Мне же все сходило с рук, что, возможно, объясняется исключительно везением. А возможно, и чем-то другим, не знаю...

В конце концов моя манера ведения эфира привела начальников к пониманию того, что нужно искать какие-то новые формы. Так, на «радио новостей», каковым долгое время позиционировался «Коммерсантъ FM», появились авторские программы, сведенные в единый блок под названием «Вечернее шоу Андрея Норкина». Гвоздем шоу стали «Новости в классике».

Идея передачи, насколько я помню, возникла у Солопова. Именно он познакомил меня с Быковым и вкратце объяснил сценарную канву передачи. Хотя я не могу исключать, что сам Быков и пришел к Солопову с некоторым предложением. Какое-то время мы искали формат, интонацию и даже название передачи. «Игра в классики» и «Игра в новости» полетели в корзину, а вот вариант «Новости в классике» сразу расставил все точки над *i*: каждый выпуск представлял собой обсуждение шести главных событий дня с поиском объяснений случившегося в классической литературе, драматургии, живописи, то есть в классическом искусстве вообще, и в примерах, взятых из современного «маскульта», то есть кино, популярной музыке, комиксах и даже анекдотах. Нетрудно догадаться, что я отвечал за «новости», а Дима – за «классику», причем почти всегда со стороны Быкова имели место экспромты.

Подготовка шоу выглядела следующим образом. Я выбирал темы и соответствующие им иллюстрации, как звуковые, так и визуальные, потому что довольно скоро мы стали транслировать передачу в YouTube, и зрители могли видеть не только ведущих, но и разные картинки, которые я показывал в кадре, а потом вешал на специальную демонстрационную доску у нас за спиной. Необходимый мне звуковой ряд – синхроны ньюсмейкеров, фрагменты кинофильмов и телепередач, песни российских и зарубежных исполнителей – редакторы сохраняли в эфирном компьютере, и мне оставалось лишь запускать их в нужное время. Быков же комментировал произошедшие события, приводя исторические примеры. Я всегда стоял у микрофона, потому что мне нужно было совершать разнообразные операции, а он всегда сидел, как правило, с совершенно отрешенным выражением лица, что придавало дополнительное очарование шоу, когда он вдруг разражался своим неподражаемым хохотом.

Темы мы брали любые, кроме, конечно, трагических, потому что я хотел сохранять соответствие «Новостей в классике» формату информационно-развлекательной программы. Единственным пожеланием руководства было то, чтобы эти темы в течение дня присутствовали и в новостном эфире «Коммерсантъ FM», что было вполне логично и легко исполнимо. Допустим, если разбирался скандал с задержанием Гарри Каспарова, обвиняемого в нанесении укусов полицейскому, то это проходило под музыку Джона Уильямса из фильма «Челюсти». Если мы обсуждали законодательный запрет мата, это сопровождалось звуковой дорожкой мультфильма «Винни-Пух и день забот», в которой слово «хвост» было «запикано», что создавало совершенно удивительный эффект. Ну и т. д. Доходило до того, что два сорокатрехлетних мужика дышали гелием из специально доставленных в студию шариков – правда, Быков постеснялся говорить «гелиевым» голосом в эфире. Что касается музыки, то никаких ограничений у меня также не было, и я ставил подряд все, что подходило моему замыслу.

«Новости в классике» пережили нескольких главных редакторов радио «Коммерсантъ FM», поэтому закрытие передачи ни в коем случае нельзя связывать с цензурой. Мы с Быковым уравнивали друг друга. Это интересный момент, потому что наши с ним политические взгляды были противоположны изначально, менялись со временем, но проскочили точку встречи, так что в шоу «Новостей в классике» мы с ним опять оказались по разные стороны. Когда я был соратником Гусинского, Быков воевал с олигархами, когда же я полностью порвал с либеральной тусовкой, Быков превратился в ее активного участника. Я часто интересовался, зачем он связался с Навальным и всеми остальными персонажами этого самодеятельного капустника под названием «Координационный совет оппозиции»? «Тебе самому не смешно от этих «курий»?⁶⁷ – спрашивал я его. Быков кряхтел, но не признавался, хотя периодически начинал паниковать, что «нас скоро закроют». Но «Новости в классике» не закрыли. Как не закрыли и другой большой проект Дмитрия Быкова – «Гражданин Поэт», позднее сменивший название на «Господин Хороший». А вот либеральная оппозиция «закрылась» самостоятельно, полностью дискредитировав себя в глазах избирателей. На мой взгляд, это произошло именно в 2012 году, после знаменитых митингов на Болотной.

Вручение премии Правительства РФ «За достижения в области СМИ». Справа от премьер-министра Дмитрия Медведева – руководители радиостанции «Коммерсантъ FM»: Мария Комарова, Дмитрий Солопов, Алексей Воробьев, Константин Эггерт

В ноябре 2011 года на националистическом «Русском марше» было объявлено, что 4 декабря, сразу после окончания голосования по выбору депутатов Государственной Думы, повсеместно начнутся митинги протеста. Эти акции не были согласованы с властями, и некоторые лидеры националистов оказались задержаны. Однако «знамя протеста» уже подхватили другие общественные активисты, в первую очередь Алексей Навальный и Илья Яшин. За

⁶⁷ До революции избиратели при выборах в Думу делились на разряды, отличавшиеся по имущественным и социальным признакам. Эти разряды именовались «куриями», максимальное их число достигало пяти. «Координационный совет оппозиции» в 2012 году избирался аж по пятнадцати «куриям», различавшимся по идеологическому принципу.

счет социальных сетей мероприятие удалось раскрутить довольно быстро, в результате чего в Москве произошли беспорядки и несколько сотен их наиболее активных участников понесли административное наказание. Но столица оказалась слишком наэлектризованной, и не обращать внимания на происходящее уже не получалось. В тот момент произошло сразу несколько событий, которые в нашей либеральной оппозиции называют «сливом протеста». Часть наиболее радикально настроенных представителей несогласных настаивала, простите за каламбур, на несогласованном митинге прямо у стен Кремля. Другая же часть приняла предложение использовать для проведения мероприятия Болотную площадь. Каким образом удалось достичь этой договоренности – отдельная, довольно занятая история, но я не хотел бы тратить на нее слишком много времени, поскольку никак в ней не участвовал. Надеюсь, когда-нибудь Алексей Венедиктов расскажет все так, как это было на самом деле, ибо, по моим наблюдениям, подозрения наших либералов в отношении Венедиктова укрепились именно после «истории с вискарем», который он распивал с представителями федеральных и муниципальных властей в те тревожные дни.

Если же оставить в стороне истерику, которую так любят в рядах российской «несистемной оппозиции», то решение провести митинг 10 декабря на Болотной площади оказалось не просто правильным – оно оказалось разумным. Запрос на некое «выплескивание» общественного недовольства был очевиден. Но столь же очевидной – для меня, по крайней мере, – являлась и необходимость проведения этого митинга мирно, без провокаций и, самое главное, без пострадавших. На Болотную в тот день пришли люди самых разных политических взглядов, и именно тогда и стало понятно, что так называемые лидеры протеста абсолютно никакими лидерами не являются. Подавляющее большинство выступавших со сцены были сами по себе, точно так же, как и собравшиеся перед сценой. Ораторы не смогли предложить аудитории ничего, что соответствовало бы ее ожиданиям.

Мы с Юлькой тоже в тот день оказались на Болотной. Более того, это был первый митинг в моей жизни, который я посетил специально. Все, что происходило раньше в похожих ситуациях, например в апреле 2007 года на «Марше несогласных» в Москве, объяснялось служебной необходимостью, но 10 декабря 2011 года мы с женой пришли на митинг не как журналисты, а как рядовые граждане. Вообще-то, у Юльки 10 декабря был день рождения! Почему мы тогда пришли на Болотную? Потому что, как и у многих наших знакомых, у нас было ощущение важности происходящего. Хотелось понять, а что же такое происходит? Довольно быстро выяснилось, что происходит попытка навязать нам – мне, моей жене – ровно то же самое, чего мы уже насмотрелись, нахлебались – и в 1990-е годы, и особенно в последние несколько лет общения с нашей либеральной верхушкой. И интерес пропал. Мы ушли с митинга задолго до его окончания и больше в этих акциях уже не участвовали. Думаю, что нечто подобное испытали и многие другие, потому что дальнейшие события показали, «насколько далеки от народа» лидеры оппозиции. На декабристов они никак не походили, скажем честно.

Выборы президента в 2012 году прошли абсолютно чисто, это признавали сами смутьяны. Но останавливаться уже было нельзя, поэтому я и употребляю в их отношении этот термин – смутьяны. С каждым новым митингом, «маршем миллионов», «маршем миллиардов» становилось все более очевидным, что истинные цели организаторов не соответствуют их же собственным лозунгам. Ну а кампания по дискредитации Олимпиады в Сочи, кровавый «Евромайдан» в Киеве и истеричное неприятие оппозицией возвращения Крыма в состав России лишь довершили дело. Оппозиция полностью утратила доверие со стороны тех, кто гипотетически мог бы стать ее избирателями. Потому что ни один нормальный человек не будет голосовать за политика, призывающего к уничтожению собственной страны. Почему этого не понимали лидеры оппозиции? Видимо, потому, что никогда и не ставили такой цели – добиться перехода власти в стране в свои руки. Им было достаточно посильной финансовой помощи.

В середине 2013 года меня пригласили на только-только созданное Общественное телевидение России. Не исключено, что согласие с моей стороны стало ошибкой. Никакого смысла с телевизионной точки зрения этот мой «поход налево» не имел, а вот на работе в радиоэфире сказался, скорее, негативно. Дмитрий Быков очень нервно воспринял мой временный уход из эфира «Коммерсантъ FM», хотя я уверял его в том, что вернусь через пару-тройку месяцев. Глава ОТР Анатолий Лысенко просил меня не работать в эфире радио в то время, пока новое телевидение начинает вещание и проводит собственную рекламную кампанию. Мы заключили джентльменское соглашение по этому поводу и целиком и полностью его выполнили, но Дима к тому времени уже с «Коммерсанта» ушел.

Собственно, он ушел в день нашего последнего эфира, совершенно непредсказуемо сорвавшись в истерику прямо во время программы и разразившись эмоциональной речью о том, что всему конец, передача больше никогда не возобновится и, о ужас, свобода слова под угрозой. В общем, хлопнул дверью. Вернувшись на частоту 93,6, я столкнулся с необходимостью начинать все заново. Кстати, мое совмещение «Коммерсантъ FM» и ОТР продолжалось очень непродолжительное время. Ток-шоу «Прав? Да!» столкнулось с теми же проблемами, что и «Дорогие мама и папа» на «Пятом канале». Программа не имела продуманной концепции и металась из стороны в сторону, начиная с планов насчет рассказов о волонтерах и заканчивая идеей обсуждения спорных исторических вопросов. Если с руководством канала у меня было полное взаимопонимание, то с руководством программы отношения не сложились как-то сразу. Меня снова попытались впихнуть в ампулу «говорящей головы», что у меня не получается просто физически. Я не капризничаю, просто не умею работать в таких жестких рамках.

Уже по традиции должен упомянуть, что в очередной раз был понижен по «шкале рукопожатности». Это произошло после программы о либеральной оппозиции. Я достаточно откровенно высказал то, что думал о ее представителях, – то, что описал несколькими страницами ранее. Но поводом для моего ухода с ОТР стала совсем другая дискуссия, а именно программа, посвященная обсуждению «Закона о защите прав верующих». Среди гостей этой передачи были, в частности, настоятель храма Святой мученицы Татианы, протоиерей Владимир Вигилянский, и директор Сахаровского центра Юрий Самодуров. Идеологический конфликт, происходивший на площадке, плавно перетек в аппаратную, и я с удивлением услышал в динамике, обеспечивающем мой контакт с выпускающим редактором, ее гневный крик: «Заткни этого попа!» Я, естественно, проигнорировал это требование, после чего осознал, что каши из программы «Прав? Да!» я сварить не смогу... Кстати, насколько я знаю, упомянутая дама-богоборец в телекомпании давно не работает, но это уже частности...

Мое полноценное возвращение на «Коммерсантъ» совпало с глобальным информационным обострением. С приближением Олимпийских игр в Сочи я стал ловить себя на мысли, что меня ужасно раздражает поведение молодых коллег. Возможно, все дело в ностальгии, которую я испытывал по своему детству, ведь в год проведения Олимпиады в Москве мне было двенадцать лет! Я ходил на олимпийские соревнования! Я помнил, как Владислав Козакевич установил на стадионе в Лужниках новый рекорд в прыжках с шестом! Я видел Пьетро Меннеа, Себастьяна Коэ, Мируса Ифтера и величайшего Виктора Санеева! Но мое настроение формировали не одни лишь детские воспоминания о московской Олимпиаде. Меня раздражало какое-то гнусно-торжествующее злорадство: вот, здесь не успели, тут своровали, там не достроили и вообще, как прекрасно было бы, если б эта Олимпиада провалилась и стала худшей в истории! Я читал подобные высказывания в социальных сетях, в том числе в аккаунтах коллег по работе, и постепенно закипал. И тут совершенно неожиданно для меня громкий скандал разразился по поводу, вроде бы никак не связанному с Олимпиадой. Хотя сегодня эту связь я очень хорошо вижу.

Андрей Норкин о скандале вокруг телеканала «Дождь» (эфир радиостанции «Коммерсантъ FM», 31 января 2014 года)

Поздно вечером в четверг, 30 января, мне позвонил замглавного редактора телеканала «Дождь» Тихон Дзядко. Он пригласил меня принять участие в телемарафоне «Любить Родину» в качестве соведущего. Я ответил, что должен оценить свою загрузку, поскольку воскресенье является у меня единственным выходным днем и я должен понять, могу ли найти свободное время. Свободное время нашлось, о чем я сообщил Тихону утром в пятницу. Я подтвердил возможность своего участия в телемарафоне, предупредив, что мое мнение относительно всех этих событий сильно отличается от позиции самого телеканала. Выслушав меня, Тихон повторил, что «Дождь» приглашает меня именно как соведущего, а не в качестве гостя, но, безусловно, я смогу сказать в прямом эфире все, что думаю.

А думаю я следующее. На мой взгляд, телеканал «Дождь» сделал нечто настолько мерзкое и отвратительное, что сравнить это можно только с преступлением. Проблема в том, что оно не выражено физическим действием. «Дождь» не разрушил памятник погибшим, не украл у ветеранов боевые награды, ничего такого! Просто – «некорректно сформулировал вопрос».

В либерально настроенной части общества принято весело смеяться или хотя бы устно иронизировать по поводу выражения Владимира Путина про «дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи». А что не так? В нашей стране, в ее истории, очень мало событий, которые объединяли бы всех живущих в ней людей, всех граждан России.

Может быть, Великая Отечественная война – единственное такое событие. И потому, исходя из перечисленных выше чувств «милосердия, сочувствия, сострадания», любой человек должен ясно осознавать: есть вещи, которые делать нельзя. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Есть слова, которые произносить нельзя! И журналисты, если они журналисты, конечно, должны помнить это в первую очередь!

Редактор нового издания «Блокадной книги» Наталия Соколовская сказала: «Боже мой! Сейчас слушаю по «Эху» руководство «Дождя»! Я не хочу, чтобы их закрывали, упаси Бог! Но они ничего не поняли! Ничего! Если предположить, что мы единомышленники, то какая же пропасть нас разделяет! Они вообще не поняли, в чем дело!»

Попробую объяснить. Уже неделю все, кому не лень, советуют друг другу прочитать «Блокадную книгу». Судя по тому, что накал дискуссии никак не спадает, удосужиться последовать этому совету смогли далеко не все. Приведу один фрагмент, который находится почти в самом начале книги, долго искать не придется. Фрагмент большой, но в нем каждое слово стоит на своем месте, потому что авторы думали, куда это слово поставить, с какими другими словами его собрать в предложения, чтобы избежать «некорректности». Так вот:

«В западной литературе мы встретились с рассуждением уже иным, где не было недоумения, не было ни боли, ни искренности, а сквозило скорее самооправдание капитулянтов, мстительная попытка перелицевать бездействие в доблесть... Они сочувственным тоном вопрошают: нужны ли были такие муки безмерные, страдания и жертвы подобные? Оправданы ли они военными и прочими выигрышами? Человечно ли это по отношению к своему населению? Вот Париж объявили же открытым городом... И другие столицы, капитулировав, уцелели. А потом фашизму сломали хребет, он все равно был побежден – в свой срок...»

Мотив этот, спор такой звучит напрямую или скрыто в работах, книгах, статьях некоторых западных авторов. Как же это цинично и неблагодарно! Если бы они честно хотя бы собственную логику доводили до конца: а не потому ли сегодня человечество наслажда-

ется красотами и богатствами архитектурными, историческими ценностями Парижа и Праги, Афин и Будапешта, да и многими иными сокровищами культуры, и не потому ли существует наша европейская цивилизация с ее университетами, библиотеками, галереями и не наступило бездонное безвременье «тысячелетнего рейха», что кто-то себя жалел меньше, чем другие, кто-то свои города, свои столицы и не столицы защищал до последнего в смертном бою, спасая завтрашний день всех людей?.. И Париж для французов, да и для человечества спасен был здесь – в пылающем Сталинграде, в Ленинграде, день и ночь обстреливаемом, спасен был под Москвой... Той самой мукой и стойкостью спасен был, о которых повествуют ленинградцы.

Когда европейские столицы объявляли очередной открытый город, была, оставалась тайная надежда: у Гитлера впереди еще Советский Союз. И Париж это знал. А вот Москва, Ленинград, Сталинград знали, что они, может быть, последняя надежда планеты...»

Сейчас очень легко и просто разбирать те или иные эпизоды истории. Много трактовок, много мнений, а мы – современные свободные журналисты – должны показывать всем пример: смело обсуждать любые темы, при этом смешивая и доказанные факты, и собственные предположения, и откровенные сплетни. В чем был смысл самого этого опроса на «Дожде»? Лично я не вижу никакого смысла. Вопрос был идиотский и оскорбительный! Присутствие умысла я даже допускать не хочу...

Даниил Гранин выступал в Бундестаге. На это тоже сейчас все любят ссылаться. Я тоже приведу цитату, можно? *«У матери умирает ребенок, ему три года. Она кладет труп между окон, каждый день отрезает по кусочку, чтобы накормить дочь. Спасала ее. Я говорил с этой матерью и с этой дочкой. Дочь не знала подробностей. А мать все знала, не позволила себе умереть и не позволила себе сойти с ума, надо было спасти дочь. И спасла».*

Нет желания провести опрос, насколько цивилизованными были действия матери? Как она могла вместо того, чтобы предать земле своего мертвого сына, употребить его в пищу? Более того, она кормила человеческим мясом своего второго ребенка! Какой смелый получился бы опрос, сколько противоречивых мнений было бы высказано! Чем не профессиональный журналистский успех?

Еще можно обсудить, почему люди собственными телами закрывали амбразуры, ведь можно было, наверно, как-то иначе решить проблему? Почему голодные, замерзшие, умирающие продолжали ходить на завод, выпускать снаряды, ремонтировать военную технику? А потом, после этой каторжной работы, шли на концерт, чтобы послушать Шостаковича? Может быть, они были зомбированы машиной коммунистической пропаганды? Ведь, несомненно, это кровавый сталинский режим превратил людей в подобие живых мертвецов, безропотно позволяющих делать с ними все что угодно?!

Так вот, не все что угодно! И сталинский режим, и НКВД, и все, что там еще сейчас вспоминают, все это не имеет никакого отношения к тем, кто перенес блокаду, кто прошел войну, кто погиб, к тем, кому повезло остаться в живых. Давайте не сваливать в кучу все сразу, я о журналистах «Дождя» и о тех, кто сейчас их отчаянно защищает.

Как ведется эта защита? «Дождь» травят по приказу властей, коррумпированных чиновников, разворовавших страну, обрекавших людей на страдания в годы войны и продолжающих это делать сейчас. Ок! А какое это имеет отношение к сказанному в эфире и размещенному на сайте? К сути конфликта какое это имеет отношение? Никакого, на мой взгляд. Потому что вся аргументация сводится к приему «а у вас негров вешают».

Вы, коллеги, ответьте прямо, не прячьтесь за ваши красноречивые примеры. Вы же ругаете Путина за то, что он не признает свои ошибки, боясь тем самым продемонстрировать свою политическую немощность. А вы, что же вы-то боитесь признаться в том, что сделали? Ах, да, вы уже извинились! За некорректность! Да не в ней дело!

Что меняют постоянные апелляции к Астафьеву? *«Миллион жизней за город, за коробки. Восстановить можно все, вплоть до гвоздя, а жизни не вернешь»*. И что? Писатель Виктор Астафьев написал много замечательных книг, потом написал вот это. Я что, обязан относиться ко всему написанному Астафьевым как к истине в последней инстанции? А вот его друг, тоже писатель, Михаил Кураев, рассказывал, что *«мне случалось говорить ему: мол, хорошо, что ты сказал о своем видении блокады здесь и сейчас, а не в Ленинграде в сорок втором – там бы тебя просто разорвали за эти слова, и не чекисты, а моя мать. Я спрашивал Астафьева: где и на каком рубеже надо было остановиться? Зачем защищать Бородину? Отдадим Бородину, эту деревеньку. Ну и Малоярославец – у нас тоже таких городишек полно. Отдадим! Куда дойдем? До Овсянки – и тут упрямся?!»* И знаете, далеко не все ленинградцы могут относиться к Эрмитажу, Петропавловке, Ростральным колоннам как к каменным коробкам.

Что за истеричное размахивание этим учебником, где якобы содержался тот же вопрос? Смотрите, этот учебник рекомендован Министерством образования! Да, рекомендован. Потому что там нет такого вопроса!

«Героическая оборона Ленинграда. Одной из самых героических и трагических страниц военной поры стала оборона Ленинграда. Гитлеровское командование придавало особое значение взятию этого города – одного из символов революции 1917 г. Гитлер рассчитывал на то, что для СССР с падением Ленинграда «может наступить полная катастрофа».

Из приказа начальника германского Военно-морского штаба: «Фюрер решил стереть с лица земли Санкт-Петербург. Существование этого большого города не будет представлять дальнейшего интереса после уничтожения Советского Союза. Мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города».

Что нес гитлеризм советскому народу? Почему именно Ленинград подлежал полному уничтожению? В конце XX в. высказывались мнения о слишком большой цене, уплаченной за оборону Ленинграда, о том, что его можно было бы сдать немцам и тем самым сохранить жизнь людей, погибших во время блокады. Как вы можете оценить подобные высказывания в свете приведенного документа?»

Как же вам не стыдно, коллеги? Как же можно так передергивать? Или в борьбе за светлые идеалы либерализма все средства хороши? Давайте еще вспомним популярные заявления. «Я не разделяю ваших убеждений, но я отдам жизнь за то, чтобы вы могли их высказать». Кто сказал? Вольтер! А про «раздавите гадину» (того же Вольтера) не хотите вспомнить? Лозунг французской кампании по борьбе с церковью. То есть все убеждения достойны смерти Вольтера, а убеждения верующих – нет? И не надо мне сейчас говорить, кто, мол, были те верующие и те священники! Если уж вы ввязываетесь в этический спор, то будьте любезны в первую очередь сами соответствовать декларируемым высоким требованиям.

Наташа Синдеева говорит в эфире «Эха Москвы»: *«Нет, конечно, мы никого увольнять не будем, это очень жесткая моя позиция, потому что если бы журналист высказал свою позицию: я за фашизм, я гомофоб, я за это бы уволила, потому что это то, что не разделяет в качестве ценностей ни телеканал, ни я»*. А высказанная в опросе позиция, значит, соответствует ценностям канала? Или «я – гомофоб» (и даже «я – фашист!») – это не убеждения человека? Да, плохого человека, но разве это не его *Убеждения*? Получается, что за одни убеждения увольнять можно, а за другие – нельзя?

С Вольтером же закончим так: *«Но не столько я боюсь умереть, сколько обрадовать церковников. Они тотчас раструбили бы, что это Божья кара за мои издевки над ними. Необразованные люди сему поверили бы, и философии пришлось бы на полстолетия отступить»*. Это, конечно, прекрасно, что философии не пришлось отступать! А Дмитрий Лихачев, например, считал, что *«Россия всегда была страной философской. Но философской не в немецком и европейском смысле этого слова. Философия России всегда была сердечной философией, философией духа»*.

Опять на духовные скрепы наступаем? Стыдно и низко, коллеги! И с «Дождя», и из других СМИ! Вот Витя Шендерович говорит: *«Мы боимся заглядывать в свое прошлое, это зона невроза, это вытесненная боль. Мы боимся туда ходить»*. А чего боимся-то, Витя? Того, что раньше были герои, а теперь остались, пардон, одни мудозвоны? *«Журнал «Дилетант» не несет никакой ответственности за содержание материалов, выходящих в других средствах массовой информации»*. Bravo, Виталий Дымарский! Bravo! Лучше не напишешь.

У меня в последнее время складывается впечатление, что мы в своей погоне за гражданскими ценностями, за толерантностью, потеряли чувство меры. И сейчас просто боимся обидеть нашего российского либерала, как белые американцы боятся – не дай бог! – обидеть своих темнокожих соотечественников. Можете воспользоваться случаем и обвинить меня в расизме.

Наргиз Асадова задает возмущенный вопрос: *«За что извиниться-то? Перед кем? Кто этот оскорбленный народ?»* Народ. Тот, который каждое утро спускается в шахту. За зарплату, несравнимую с той, что получают московские журналисты. Тот народ, который потом из добытого угля получает тепло и свет, обогревающие и освещающие ваши студийные комплексы. Тот народ, который ведет поезда метро, на которых вы добираетесь до работы. Тот народ, который обслуживает вас в ресторанах, получая от вас щедрые, я надеюсь, чаевые!

Вот об этом Михаилу Козыреву и говорил Владимир Познер в той части беседы, которая не попала в раздел сайта «Зритель поддерживает «Дождь». (Кстати, интересно, почему из этого же раздела пропали реплики Волина и Мирского, поначалу преподнесенные как доказательства этой поддержки?) Так вот, Познер: *«Я не думаю, что в конечном итоге все кончится тем, что «Дождь» перестанет вещать, это было бы неправильно, но, еще раз говорю, бывают такие роковые ошибки, и потом сколько раз ни извинишься, сколько раз ни скажешь, что это организованная атака, как некоторые говорят, это все чепуха. Это урок, который, надеюсь, канал «Дождь» и его сотрудники усвоили. Может быть, который научит его быть чуть менее надменным, чуть менее чувства превосходства иметь по отношению к другим. Просто понимать по-настоящему, что такое журналистика, чем вы занимаетесь»*.

Реакция на мнение Познера разделилась. Кто-то с ним согласен, а кто-то, как Арина Бородина, например, считает его слова недостойной «выволочкой» «Дождю». Или просто пишут: чего, мол, от этого «Познера» ждать? И это еще один момент, который меня пугает, коллеги! Потому что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Аккуратнее с этим нужно обращаться и хорошо подумать перед тем, как ходить на заседания Координационного совета оппозиции, надувать там щеки, выбирать курии и обсуждать пути спасения родины вместе с людьми, кричащими на «Русских маршах» «Зиг хайль!» и «Слава России!». Слава России, кто ж спорит. И слава Украине! Только обратите внимание, насколько изменился смысл этих лозунгов. И бегающие по Майдану молодые люди в майках с надписью «Бей жидов!» еще больше убеждают меня в моей правоте.

Так что давайте, продолжайте вставлять дополнительную букву «д» в чужие фамилии. В моем случае получается «Норкинд».

Все это называется двойными стандартами. Вы очень любите эту формулировку. Только если обсуждать, горячо и страстно, телевизионную сетку федеральных каналов после взрывов в Волгограде, наверное, стоит не забывать и оппозиционный митинг, на котором погиб рабочий, монтировавший сцену. Я что-то путаю, но, помнится, никто мероприятие не отменил? Никто не вышел на эту сцену и не сказал: «Друзья, у нас случилась большая беда, погиб человек. Поэтому мы сегодня митинговать не будем, это недостойно». По-моему, такого не было? И митинг прошел, и даже минута молчания, кажется, была. Потому что как красиво получилось – еще одна жертва кровавого, теперь уже путинского режима! Или, может, потому что это был просто «терпила» из народа, перед которым и извиняться-то не за что?

Файна Раневская как-то сказала: «Под каждым павлиньим хвостом скрывается обыкновенная куриная жопка. Меньше пафоса, друзья!» Меньше пафоса, Костя Эггерт, в колонках о

свободе слова для «Коммерсантъ ФМ»: *«Сейчас стало модно говорить о христианских корнях нашей цивилизации. Ну что же... «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Помните, из какой книги эти свободные слова?»* Я помню, Костя. Только слово было у Бога, а не у тебя или другого журналиста.

Скромнее надо быть, ребята. Вы не в вакууме работаете. Не в замкнутом пространстве. И не для себя работаете, а для зрителей, слушателей, читателей. Для народа, блин! Так что думать надо над своими словами, думать о том, что каждый такой косяк только отдаляет всех нас от желанной цели. Ф. И. Тютчев еще в 1867 году написал:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не сыскать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Зачем же делать так, чтобы эти ощущения в людях укреплялись сейчас, больше ста пятидесяти лет спустя? Вы не обращали внимания на то, что словечко «журналиги» появилось в нашем лексиконе не в советские времена, а позже, когда мы все стали свободными от коммунистической цензуры?

Я почему так разорался? Потому что все еще считаю себя журналистом. Я абсолютно уверен, что вышесказанное многим не понравится. Это ничего. Мне не в первый раз становиться «нерукопожатным». Я просто хотел сказать, что так поступать нельзя. Да, каждый волен любить или не любить свою страну, каждый волен принимать решения по собственному усмотрению, каждый волен говорить то, что он думает. Но если вы в состоянии думать, то что-то вы говорить не будете.

Вот так я устроен. И так я «устраиваю» своих детей. И да, средний сын у меня – кадет. И младший через два года, надеюсь, тоже им станет. И будут они Родину защищать. От кого? Это не суть важно. Просто, когда приходит такая пора, вдруг оказывается, что защищать-то ее и некому. Героев нет, остались только одни борцы за либеральные ценности.

Кампания по отключению «Дождя» представляется мне глупостью. Пусть каждый зритель решает, смотреть ему канал «Дождь» или не смотреть. Я не к зрителям обращался и не к чиновникам. А к журналистам. Если вы журналисты, мне кажется, вам стоит написать заявление об уходе и взять паузу. Для размышления. Потому что у каждого журналиста должно быть одно обостренное чувство. Оно сейчас встречается не так часто, как хотелось бы, потому что очень неудобное. Это совесть. Та самая, которая по ночам спать не дает. А высыпаться-то надо, правда? Чтобы всегда хорошо выглядеть и оптимистично сверкать улыбками с телеэкрана».

Глава 44

Вообще-то, когда скандал с опросом «Дождя» только начался, я, мягко говоря, обалдел, но не собирался публично выступать по данному поводу. Но меня уговорила жена. После того как она услышала эту новость, то несколько дней проходила совершенно подавленная, а в конце концов расплакалась и попросила: «Ты не должен держать внутри то, что думаешь! Ты должен что-то сказать!» И в тот же вечер мне позвонили с «Дождя».

Предупредив коллег о том, что они, похоже, заблуждались на мой счет, я с утра засел за написание этого текста, поскольку пообещал обозначить мою точку зрения. Мне важно было успеть до начала своей программы, поскольку я заручился разрешением Марии Комаровой, тогда исполнявшей обязанности главного редактора радиостанции, озвучить мою позицию по «Дождю» в прямом эфире во время «Вечернего шоу».

На создание моей речи ушло четыре часа. Юлька, по моей просьбе, помогла мне в качестве редактора, поэтому могу честно сказать, что цитата из академика Лихачева и стихотворение Тютчева – ее находки, которые я включил в свой текст. Все остальное я писал сам, потому что много времени для сбора информации, как правило, мне не требуется. В памяти остается множество фактов, которые откладываются где-то далеко-далеко и дожидаются того момента, когда они могут пригодиться.

Эффект от моего выступления оказался труднопрогнозируемым. Я, конечно, ожидал какой-то реакции, но и предполагать не мог, что она будет столь бурной. Начнем с того, что «Дождь», вполне естественно, отказался от моих услуг в качестве соведущего патриотического марафона. Но как гостя меня в студию все же пригласили, хотя, по-моему, с такой позицией я там был единственным участником за весь день, в течение которого длилось мероприятие.

Самым интересным были комментарии, появившиеся в следующие дни. Например, Арина Бородина утверждала, что прекрасно представляет, сколько времени и сил уходит на подготовку подобных текстов. По ее мнению, это был «заказ», и редакторская группа в составе нескольких человек помогала мне явно не один день. Были «виртуальные ответы», как от Виктора Шендеровича. Были попытки вступить со мной в публичную дискуссию, как от Константина Эггерта. Правда, в студию он приезжать отказался, поэтому пришлось ограничиться разговором с ним по телефону в прямом эфире. Но наиболее развернутый комментарий по теме дал Олег Кашин в своей статье для ресурса Slon.ru «Почему Андрей Норкин выступил против «Дождя», набравшей на сайте более ста семнадцати тысяч просмотров! *«Андрей Норкин оказался единственным приличным человеком, выступившим против «Дождя» примерно с тех же позиций, с которых на эту тему высказывались люди неприличные»*, – написал Олег Кашин, признававший: несмотря на то что «мы когда-то работали с ним на одной радиостанции, знакомы не были». Хотя это не совсем верно. Мы познакомились с ним за несколько лет до этих событий, в Петербурге, на церемонии «Коммерсантъ года», когда Кашин получал одну из премий. Я упоминал это мероприятие, когда рассказывал о Леониде Парфенове. Но это – так, для точности восприятия. В чем Кашин прав, так это в том, что нас никак нельзя назвать друзьями, даже слово «приятели» к нам не подходит. Тем не менее из-под пера журналиста Кашина вышел громадный аналитический текст, в котором подробно разбирались процессы, происходившие в моей душе и в моем сознании. Мне почему-то кажется, что при создании такого материала как минимум необходимо встречаться с его героем, чтобы задать ему пару-тройку вопросов. Чего сделано не было. Почему? Потому что этого и не требовалось.

В Википедии, в статье, посвященной моей персоне, есть целый раздел «Критика телеканала «Дождь». Но что интересно: в примечаниях стоит ссылка на статью Кашина, но на мой текст ссылки отсутствуют! Я не жалею на неизвестных мне добровольных составителей Википедии, которые иногда пишут полную чушь: «(...) сотрудник Общественного телевидения

России. Был ведущим (...) итоговой информационно-аналитической программы «Подробности. Воскресная неделя» (с 23 июня 2013 года)». Какие «Подробности»? Откуда взялась эта «Воскресная неделя»? Не знаю и даже предположить не могу. Я лишь обращаю внимание на то, что в данном случае (с Википедией) некая информация приобретает свойства конкретного артиллерийского снаряда, летящего в намеченную автором цель. И эта цель будет обязательно поражена, потому что задача автора, сколь парадоксальным это ни покажется, состоит вовсе не в том, чтобы донести до потребителя правдивую информацию. Задача состоит в том, чтобы успеть использовать любой повод для своего выступления, и – все!

Давайте я приведу другой пример. Весной 2016 года социальные сети взорвались гневным негодованием из-за того, что где-то в провинции решили судить блогера, написавшего у себя на страничке, что «Бога нет». Был представлен полный спектр претензий: церковники захватывают власть, страна катится в средневековье, повсеместно нарушаются права человека, в первую очередь под угрозой оказывается, прости, Господи, свобода слова! Несчастливая «свобода слова». Гнобят ее, гнобят, а она все никак не поддается! Истерика вокруг этого случая была совершенно беспардонной, ведь уважаемые защитники пострадавшего почему-то предпочитали молчать о главном. А главное состояло в том, что этот господин позволил себе с использованием нецензурной лексики глумиться над Библией, называть ее «жидовскими сказками» и т. д. Ну не веришь ты в Бога, так и не верь. Твое право! Можешь даже написать, что Бога нет, за это тебя никто в суд не потащит. Но в данном случае материала хватало не только на статью об оскорблении чувств верующих, так что неудивительно, что нашлись люди, которые сочли себя обиженными. Потому что человек, видимо, нарушил закон. Видимо – потому что это уже установит суд, когда придет время. Но авторов этой, с позволения сказать, правозащитной кампании такие мелочи не волнуют, они уже успели отметиться, успели вставить в строку свое лыко, забыв о том, что далеко не каждое лыко годится для этой цели. В этом и смысл известной поговорки.

Вернусь к собственной практике. Когда в апреле 2014 года на «Прямой линии с Владимиром Путиным» я задал президенту страны вопрос о перспективах законодательного утверждения в России кадетской формы образования, реакция либеральной общественности, как всегда, оказалась столь же близка к реальности, как прогнозы моих знакомых олигархов относительно сроков падения «путинского режима». Я прочитал, что «Норкин пожаловался Путину, что его студенты – тупые», что «Норкин пожаловался Путину, что коллеги травят его за позицию по Крыму», наконец, что «Норкин потребовал насаждать в России патриотизм, для чего всех нужно забрить в солдаты». С моими студентами мы провели небольшой эксперимент. Я дал им задание подготовить репортаж на тему: журналист Норкин задает вопрос президенту страны. Тональность текста заранее не оговаривалась, то есть можно было меня критиковать, можно было поддерживать, можно было относиться нейтрально. Студенты углубились в сбор информации, они слушали запись «Прямой линии» и читали публикации в Сети. И первый же вопрос, который возник сразу у нескольких человек, звучал так: «Андрей Владимирович, а почему вы говорите Путину одно, а пишут про это – совсем другое?» «А вот поэтому, дети! – сказал я. – Я и согласился работать в институте, чтобы больше ни у кого такого непонимания не возникало».

Конечно, это слишком смелое заявление. Даже если бы я мог все свое время отдавать преподаванию журналистики, я вряд ли сумел бы исправить ситуацию. Она, к сожалению, серьезно запущена. На первом же занятии одна девушка спросила меня, как я отношусь, цитата, «к банде Путина и к деятельности Алексея Анатольевича Навального?». Один юноша сдал в качестве экзаменационной работы огромную аналитическую статью о своем отношении к Олимпиаде в Сочи. Она была целиком и полностью построена на материалах того же Навального. Пришлось объяснять ему, что аналитика – не самое простое направление в журналистике и стоило хотя бы попытаться ознакомиться с информацией из других источников. Например, обратиться к

спору Навального с Венедиктовым, во время которого почти все аргументы первого были в пух и прах развеяны контраргументами второго. Кстати, с этим студентом, написавшим аналитический отчет по Олимпиаде, мы после первой сессии уже не встречались. Я узнал, что он уехал на стажировку в Соединенные Штаты. Что еще тут можно сказать? Остается только надеяться, что эта стажировка окажется для него по-настоящему полезной...

Приведенные примеры вовсе не означают, что мои студенты – тупые. Они очень даже острые, но эти молодые люди, как и все мы, существуют в условиях непрекращающейся информационной войны, которая незаметно пробралась в каждый дом. Мы ее почти не замечаем, потому что любая ложь, в том числе ложь информационная, проникает за закрытые двери легко и непринужденно. Она как вирус. Вы и заметить не успели, где и когда простудились, а вас уже одолели кашель, насморк и высокая температура.

Во время обсуждения в эфире «Коммерсантъ FM» скандальной истории с опросом «Дождя» один из руководителей среднего звена говорит ведущему, общающемуся с ветераном из Петербурга: «Ты спроси у него, он вообще «Дождь» смотрел хотя бы раз, крыса блокадная?» Это что такое? Несколько месяцев спустя я спорю уже с другим, не столь высокопоставленным, но гораздо более молодым сотрудником. Президент на встрече с журналистами впервые объясняет, для чего потребовалось запрашивать Совет Федерации о возможности использования Вооруженных Сил России за рубежом. «Это надо срочно давать в эфир!» – говорю я. «Вот еще! – отвечает коллега, который по возрасту годится мне в сыновья. – Пусть этим Путиным «Вести 24» занимаются!» Мне абсолютно начхать на политические пристрастия моего молодого коллеги, но если президент твоей страны, по сути, впервые говорит о том, вступает твоя страна в военные действия или нет, как можно игнорировать эту тему? Это как называется? Журналистикой? Свободой слова? Увы! Это или вопиющий непрофессионализм, или что-то еще более гнусное.

Для меня начало нового витка информационной войны совпадает именно с 2014 годом. Олимпиада в Сочи, Киев, Крым, Донбасс, международные санкции, потом – Сирия... Каждая из этих тем вызывает все новые и новые волны несогласия. Только эти волны удивительно однообразны: Россия превращается в страну-изгоя, малый бизнес умирает, пармезан пропал! Этот набор клише я слышу практически в каждой программе, в которой участвую в качестве ведущего. Причем либеральные гости этих ток-шоу ведут себя как капризные избалованные девицы: не отвечают ни на один из поставленных вопросов, переводят разговор на другие темы, да еще и постоянно жалуются, что им не дают слова. Дают! Дают слово! Просто этого слова у них уже нет! Сказать-то им – нечего! И чем дальше уходят они от надежд и чаяний собственного народа, тем во все более сложной ситуации оказываются. Потому что считают себя выше других. Лучше, умнее, цивилизованнее всего остального быдла, как они говорят. «Интеллектуальная элита», по выражению Юлии Латыниной. Но это заблуждение, которое чревато не только потерей шанса быть услышанным, потерей своего слова. Это может обернуться потерей *права* на произнесение этого слова! Вот в чем проблема...

* * *

Для чего я написал эту книгу? Потому что подумал, что книга – хорошая возможность быть услышанным. Напрямую, без посредников. Ведь каждый из тех, кто сейчас держит ее в руках, слышит мой голос, узнает мои мысли, в чем-то – соглашается, с чем-то – спорит. Я не мог так подробно объяснить свои решения и поступки ни в одном, даже самом большом интервью. Но такая потребность во мне самом все нарастала и нарастала, поэтому вполне логично обрела наконец форму книги. Я надеюсь, что вам интересно было ее читать, потому что мне интересно было рассказывать. Я делал это искренне, честно, ничего не придумывая и не при- тягивая нужные мне факты к подходящим местам в повествовании. Просто за двадцать пять

лет в журналистике, из которых уже двадцать лет я посвятил телевидению, я собрал некоторое количество профессионального материала, которым очень захотел поделиться.

Я всегда понимал свою работу очень просто: я знаю что-то, о чем вы, возможно, еще не слышали. И сейчас я хочу вам об этом рассказать. Что я и попытался сделать на этих страницах. Поэтому мне кажется, что правильнее всего закончить эту книгу так, как я обычно заканчиваю свои программы, не важно – телевизионные или радиальные:

«Я благодарю вас за внимание! Всего вам доброго! До свидания!»